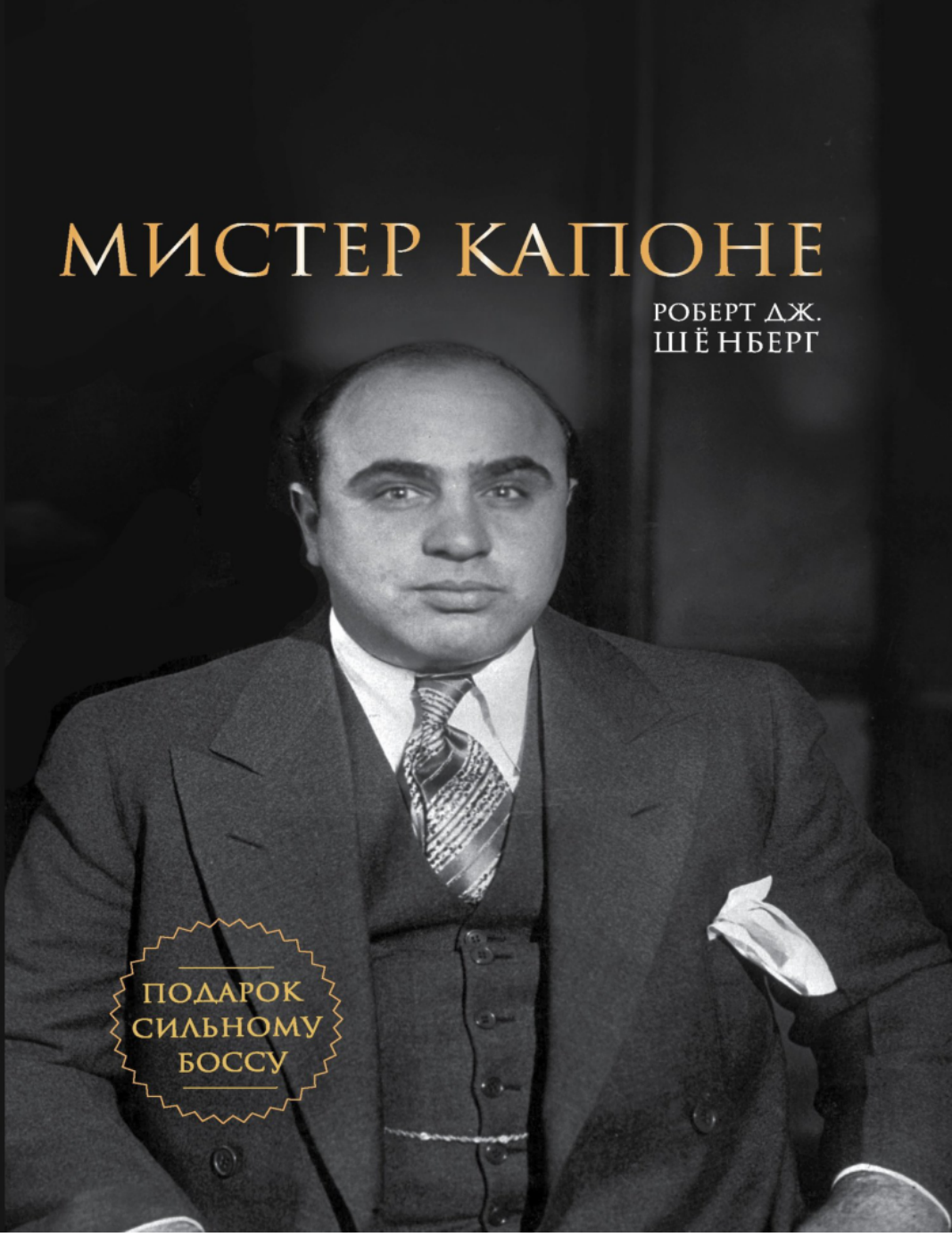
МИСТЕР КАПОНЕ

РОБЕРТ ДЖ. ШЁНБЕРГ



ПОДАРОК СИЛЬНОМУ БОССУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография всемирно известного американского гангстера Аль Капоне в коллекционном оформлении. От простого итальянского мальчика из семьи бедных иммигрантов до легенды, от дьявола во плоти до филантропа. Книга о том, каким на самом деле был легендарный криминальный босс и чему у него стоит поучиться тем, кто мечтает стать выдающимся лидером.

-
-
-
-
-
- Роберт Шёнберг
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10 Уход О’Бэниона
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27

- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

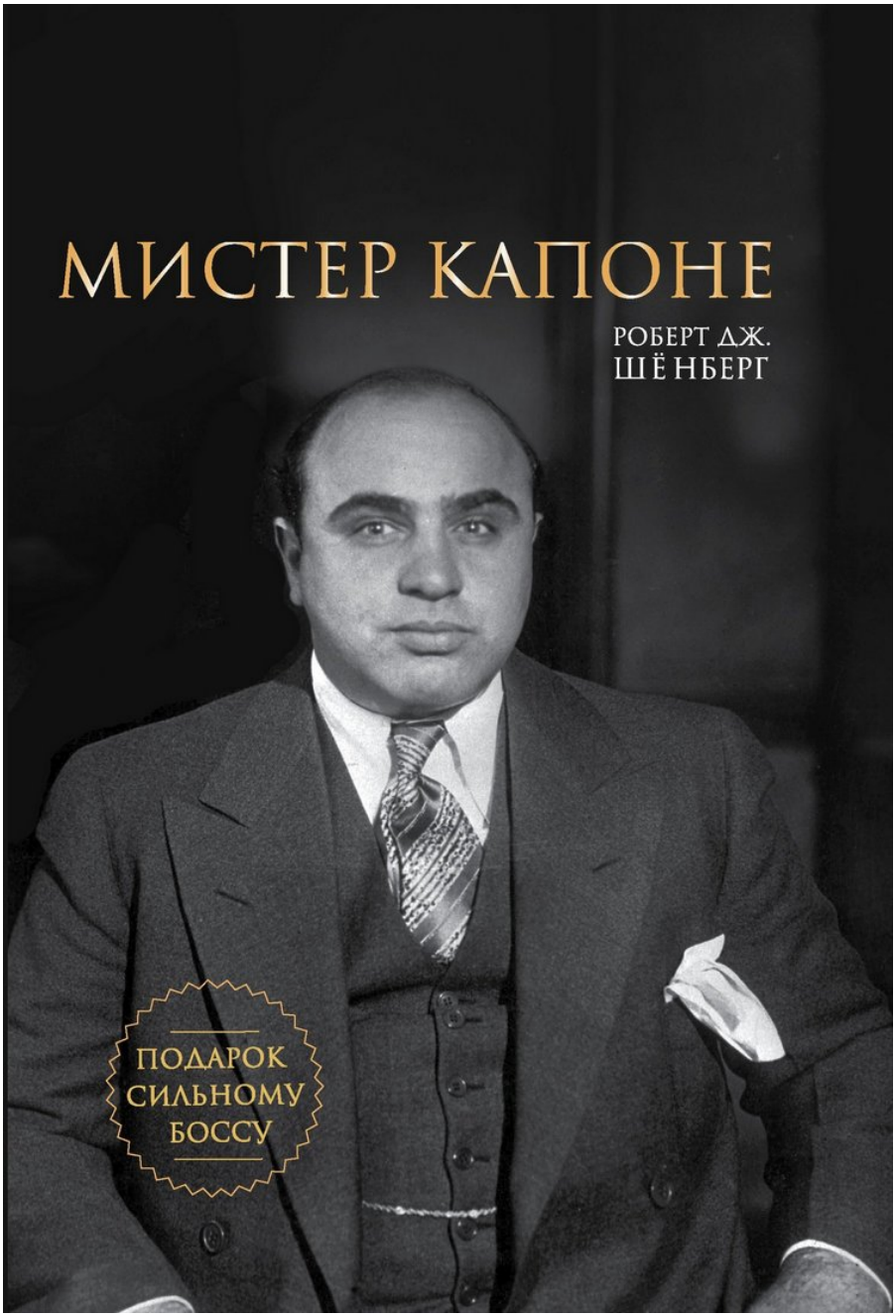
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125

- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169

- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213

- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245



Биография всемирно известного американского гангстера Аль Капоне в коллекционном оформлении. От простого итальянского мальчика из семьи бедных иммигрантов до легенды, от дьявола во плоти до филантропа. Книга о том, каким на самом деле был

легендарный криминальный босс и чему у него стоит поучиться тем, кто мечтает стать выдающимся лидером.

РОБЕРТ ДЖ. ШЁНБЕРГ

МИСТЕР КАПОНЕ

БОМБОРА™
Москва 2020

MR.CAPONE. Copyright © 1992 by Robert J. Schoenberg. All rights reserved. Printed in the United States of America. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews. For information address

HarperCollins Publishers Inc., 10 East 53rd Street, New York, NY 10022.

БОМБОРА™
Москва 2020

© Перевод. Соков В.Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Аните Кейн, Дорас Шварц, а также памяти Сэма Кейна (1904–1981) и Фила Шварца (1910–1975)

Всю жизнь я продавал пиво и виски хорошим людям, предлагая товар, на который есть спрос.

Бизнес держится на людях, трезвонящих обо мне на каждом углу. Самые ярые недоброжелатели не прочь разок-другой продегустировать мою продукцию.

Когда я продаю алкоголь, это называется бутлегерством. Когда мои клиенты подают алкоголь на серебряных подносах на Лейк-Шор-Драйв – это называется приемом гостей.

АЛЬ КАПОНЕ

Роберт Шёнберг
Мистер Капоне

Предисловие

В фильме «Состоят в браке»[1] 1948 года персонаж Спенсера Трейси сетует, что предал свои принципы: «Я был уверен, что смогу пробиться среди республиканцев. Я, как Аль Капоне, – только в политике»

Капоне умер более года назад, до этого сидел в тюрьме, затем прозябал во Флориде. Тем не менее режиссер Фрэнк Капра решил зрителям не нужно объяснять, что именно имел в виду персонаж Спенсера.

Когда Имельда Маркос вернулась на Филиппины[2] в 1991 году, правительство выдвинуло ей обвинения в неуплате налогов. Адвокат Имельды с сожалением заметил: «Им просто не к чему придраться, и теперь Имельду пытаются задушить, как американское правительство задушило Аль Капоне». Судебный процесс по делу Капоне был закончен почти шестьдесят лет назад. Но даже на Филиппинах все понимали, что имел в виду адвокат.

Так рассуждал и автор статьи в газете New York Times, опубликованной в июне 1989 года. Он писал, что просьба Дэна Куэйла[3] к видному сальвадорскому военному деятелю того времени Роберто Д'Обюссону[4] не мешать новому президенту Сальвадора Альфредо Кристиани[5] – все равно что «просьба к Аль Капоне заплатить налоги».

Автор гневной статьи в Los Angeles Times выразил недовольство, что арестованный убийца сумел завладеть личными данными и адресами присяжных и написал им письма в стиле «теней Аль Капоне».

Множество журналистов и писателей до сих пор продолжают упоминать в работах человека, который не делал ничего, что могло бы привлечь внимание к нему за пределами Чикаго до 1926-го или после 1931 года.

Чикагский адвокат Джулиус Люциус Эчелес комментировал это так: «Удивительно, как часто его имя используется, чтобы оживить историю». Аль Капоне – больше, чем человек; он стал некой аллюзией.

Бесспорно, Аль Капоне один из самых знаменитых гангстеров в мире – и, пожалуй, один из самых известных американцев. Не нужно объяснять, ни кто он, ни что собой представляет.

Администрация города Сисеро[6] в штате Иллинойс задумывается об изменении названия города на Хоторн: жителям порядочно поднадоели презрительные ухмылки, преследовавшие их везде, куда бы они ни попали, – и все из-за того, что Аль

Капоне выбрал Сисеро в качестве своей штаб-квартиры.

Тем не менее, кроме зловещих событий, которые фигурировали в нескольких фильмах, например, в «Бойне в День святого Валентина»[7] – настоящая жизнь Аль Капоне настолько малоизвестна, что многие режиссеры нагло жонглируют фактами, уверенные, что зрители все равно не знают, как было на самом деле.

(Власти Сисеро, например, очевидно не имеют никакого понятия, как тесно Аль Капоне связан с названием Хоторн[8]).

Личность Аль Капоне покрыта таким количеством тайн и предположений, что правда окончательно похоронена под вымыслом. Его биография требует не приукрашивания, а серьезного пересмотра. Книга показывает, почему Капоне делал то, что делал, его видение мира и результаты решений.

Нет смысла осуждать преступления Капоне, а выставлять его как чудовище – вовсе некорректно. Гораздо интереснее узнать, почему происходили те или иные ужасные события, к которым он имел отношение. Аль Капоне был криминальным бизнесменом, каждое его действие имело четкие, рациональные и легко прослеживаемые мотивы, как и у большинства людей по обе стороны закона, с которыми Капоне работал.

Это история о людях (с несколькими возможными исключениями), чьи деяния, пусть даже жестокие и беспощадные, были обусловлены исключительно человеческими мотивами. «Существует три способа сделать гангстера или бандита интересным», – писал кинокритик Джон Саймон.

– Он может быть настолько необузданным беспредельщиком, что приковывает к себе внимание;

– он может быть хитрым и компетентным, не верить в неизбежность наказания, пока его не предаст простая, человеческая оплошность;

– либо может быть человечным до такой степени, что, глядя на него, думаешь: «Боже правый, да как же так…»

У Аль Капоне присутствовали все эти черты.

Глава 1
Согнутая веточка из Бруклина

Габриэле Капоне выбрал неудачное время, чтобы перебраться с молодой семьей в Америку. В двадцать восемь лет Габриэль, взяв беременную жену, Терезу Райолу, и годовалого ребенка, покинул родную деревню Кастелламмаре-ди-Стабию, на побережье в шестнадцати милях южнее Неаполя. Они прибыли в Нью-Йорк как раз в разгар Паники 1893 года, пошатнувшей экономику страны на долгие годы. Габриэль принял мудрое решение, отдав предпочтение Бруклину вместо нищей и перенаселенной Малбери Бэнд, итальянской колонии в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена.

Кризис не обошел стороной и Бруклин. Четверть населения Бруклина лишилась работы: выжить могли только самые высококвалифицированные работники; остальным нечего было делать. При этом большинство прибывавших в то время в Америку итальянцев не обладали навыками, которые могли бы обеспечить их приличной работой в крупных городах. Промышленная революция едва коснулась Италии: почти 97 % иммигрантов были крестьянами.

Почему люди стремились в крупные города? Почему не искали работу на ферме, не стремились обосноваться чуть дальше, на аграрном западе?

Итальянцы мигрировали, чтобы избежать сельской жизни, жестокой и бесчеловечной. Люди стремились в Америку, чтобы наладить жизнь и не терпеть лишения.

Вторая причина более непосредственно касалась личного опыта Габриэле Капоне в Америке. Участь Габриэле была более выгодной, чем положение большинства итальянских иммигрантов, потому что он мог заниматься вполне городским делом.

Он был парикмахером. Тогда в парикмахерских делали кровопускание и рвали зубы, профессия требовала значительных навыков. У Габриэля не было возможности взяться за дело сразу по прибытии, потому что, как и у соотечественников, не было денег. У среднестатистической новоприбывшей итальянской семьи в девяностые годы XIX века было всего семнадцать долларов. Денег хватало в лучшем случае на десять-двенадцать дней.

Это означало, что большинство итальянцев не могли заняться поиском работы на ферме или просто-напросто добраться до нее,

даже если бы захотели.

Они брались за любую работу, что редко удавалось сделать самостоятельно: большинство не говорило по-английски. Часто итальянцы становились в буквальном смысле рабами, завербованными падрони – наиболее предприимчивыми соотечественниками, формирующими бригады для выполнения непосильной и низкооплачиваемой работы. Один итальянец с горечью вспоминал, как по десять часов в день надрывался с киркой и лопатой всего за один доллар и, если хотел продолжать работать, отдавал бригадиру зарплату за один день в субботу вечером. Это самый экстремальный расклад по тем временам. Распространенной была ситуация, при которой грузчик кирпичей получал целый доллар и 50 центов за десять часов работы – 15 центов в час, за перетаскивание кирпичей вверх по лестницам.

Для Габриэля отсутствие капитала означало невозможность открытия парикмахерской. Работать на кого-то Габриэль не мог себе позволить, потому что невозможно прокормить семью на никель, который платил хозяин за каждую стрижку. Это оборотная сторона снижения уровня оплаты труда: цены должны соотноситься друг с другом, и иммигрантам доставались самые ничтожные гроши. Двухкомнатная квартира с голыми стенами, без газа и электричества, с водой, поставляемой насосом, установленным во дворе, и санузлом совместного пользования стоила $4 в месяц.

Наиболее бедные семьи готовили еду на керосинках, заодно используя их как единственный источник тепла; более обеспеченные могли позволить себе угольные железные печи. Никто и помыслить не мог греть обе комнаты при цене в 35 центов за стофунтовый мешок угля.

«Зимой, – рассказывал один из живших в таких условиях, – в нашей квартире было не намного теплее, чем на улице: мать хранила продукты в спальне, как в холодильнике». У некоторых иммигрантов дела обстояли еще хуже. Надо признать, далеко не все могли позволить себе такую роскошь. Один исследователь рассказывал, что пять семей (двадцать человек) ютились в одной комнате размером 12 на 12 фунтов. В комнате стояли только две кровати. Перегородок, занавесок, столов и стульев не было.

Семья Капоне жила лучше, чем многие. Хотя Габриэль и не смог поначалу открыть свое дело, сумел избежать низкооплачиваемой каторжной работы, потому что умел читать и писать. В Америке, как и в Италии, парикмахеры читали неграмотным людям письма. Грамотность помогла Габриэлю получить работу в продуктовой лавке и скопить достаточно денег, чтобы открыть собственную парикмахерскую – на Парк-авеню, 69.

У семьи Капоне родились еще дети. Они были крещены под итальянскими именами, однако все, за исключением одного, выросли с американскими версиями имен. Винченцо, родившегося в Италии через год после женитьбы Габриэля, в Америке звали Джимми. Раффало, родившийся вскоре после прибытия семьи в Америку, был Ральфом. Сальваторе, которого все знали под именем Фрэнк, родился в 1895 году.

Четвертый сын Терезы родился погожим днем 17 января 1899 года, во вторник.

Ровно через три недели крестная мать, София Мило, понесла младенца в церковь Святого Архангела Михаила – неопрятную каморку в подвале на улице Лоуренс, в центре Бруклина, куда Тереза постоянно ходила молиться. Преподобный отец Джозеф Гарофало крестил ребенка под именем Альфонсус, латинской версии имени Альфонс. В дальнейшем ходили слухи, что настоящая фамилия была Капони, а позже он переделал фамилию на английский манер. На самом деле фамилия звучала как Капоне именно после крещения. Церковь предписывала только одного восприемника, и ребенок рос без покровительства крестного отца.

В момент появления на свет малыша Аля семья Капоне жила на Нэйви-стрит, 95 в пяти кварталах от церкви Святого Михаила. Недалеко находилась Нью-Йоркская военно-морская верфь, более известная под названием Бруклинской военно-морской верфи. Район был весьма суров – в особенности Сэнд-стрит, пересекавшая Нэйви-стрит, на месте ворот военно-морской верфи. На Сэнд-стрит все было связано с образом жизни пьяных матросов.

Матросы постоянно пропадали в барах, которыми изобиловала Сэнд-стрит. Из баров захаживали в танцполы, из танцполов – в бордели, из борделей – в ломбарды, из ломбардов – к тату-мастерам.

Сэнд-стрит, как выразился один из историков, была улицей дешевой выпивки и еще более дешевых женщин.

В то же время какой-нибудь кающийся вполне мог спонсировать местную Юношескую христианскую организацию. Помимо этого, на Сэнд-стрит было несколько благопристойных организаций, усиливавших и без того странный образ района. Поскольку по Сэнд-стрит проходила южная граница ирландского квартала, здесь располагались и кондитерская лавка МакИнтайра, и извозчичий двор МакЛина, и магазин упряжи Сини, и салон Мартина Конналли. Район военно-морской верфи был заселен итальянцами, семья Капоне жила у границы. Даже в церкви Святого Михаила, бывало, селились итальянцы.

Вскоре после рождения Аля семья перебралась с порочной Сэнд-стрит подальше от соотечественников. Они переехали в одну из трех квартир, расположенных над парикмахерской на Парк-авеню, 69. С ними жили два человека, которые помогали с арендой жилплощади: Майкл Мартино, тоже парикмахер, бывший по совместительству ассистентом Габриэля по различным вопросам; и музыкант-любитель, только прибывший в Америку, Андрео Каллабрезе.

Остальные семьи, арендовавшие жилье по Парк-авеню, 69, Макбрайдс и Ратигэнс были выходцами из Ирландии. Несмотря на то что ирландцы преобладали в квартале и на прилегающих улицах, здесь проживали и представители других национальностей: шведы, немцы и даже три китайца. Неподалеку за углом, на Норд-Портланд-авеню, жили еще три итальянских семьи. Первые шесть или семь лет жизни Аль провел среди иностранцев, что позволило избежать чувства отчужденности, которое испытывало большинство иммигрантов, селившихся в однонациональных гетто. Это обстоятельство сыграло весомую роль в формировании Аль Капоне как криминального бизнесмена.

Как и семья Капоне, большая часть итальянцев, мигрировавших в Америку в период 1881–1911 годов, была выходцами из нищего и извечно угнетенного юга Италии или Сицилии. Эти земли испокон веков не видывали ничего, кроме постоянных рейдов, грабежей и тирании, вершившихся по большей части иностранцами, – за злодеяниями всегда стояли те, кого местные жители считали чужаками. Греки, карфагеняне, римляне, арабы, норманны, испанцы, французы разоряли Сицилию и юг Италии.

Острая неприязнь к иноземцам и болезненное недоверие к любой власти укоренились в сознании народа. Для этих несчастных итальянская история не представляла собой ни академическую дисциплину, ни повод для гордости. Большая часть иммигрантов впервые услышала имена Леонардо и Микеланджело по прибытии в Америку. В статуе Колумба они видели памятник очередному падроне.

В их представлении история была непрекращающейся чередой предательств и заговоров. «В Сицилии было много-много latifondie [особняков], – рассказывал на ночь племянникам один бруклинский иммигрант, – потом напал этот французский figlio puttana (сын проститутки) по имени Наполеон, и начались тяжелые времена…»

В конце 1700-х годов Италия походила на схему разделки крупного рогатого скота: одна нога принадлежала испанскому

дому Бурбонов, шейка – север – Австрии, филе – Тоскана – испанскому дому Габсбургов, а средняя часть туловища – папе римскому. Независимость сохраняла только малая северо-западная часть – Пьемонт. Недолгий период объединения страны начался с иностранного вторжения.

Figlio puttana дважды прошелся по полуострову, обратив все на своем пути (сделав исключение для Неаполитанского королевства) в Итальянскую республику[9], провозгласив себя королем, а родственников и генералов – наместниками. Этот временной промежуток, в продолжение которого Италия напоминала полноценное государство, продлился лишь до Ватерлоо; Венский конгресс вернул Италию в состояние политического хаоса. Страна оставалась отсталой и бедной. Италией по-прежнему руководил кто угодно, но не собственный народ.

Все изменилось в 1848 году, когда по Европе прокатилась волна народных восстаний. Однако для угнетенных южан идея национального единства не представляла никакой ценности. Теперь они испытывали давление более состоятельных северян. В какой-то момент у крестьян иссякло терпение, и они, голодные, устроили бунт. Правительство находилось в Риме, населенном преимущественно северянами, людьми образованными и успешными. Восстание непременно нужно было подавить, для этого пришлось стянуть половину итальянской армии, состоящей в основном из северян, к югу страны. На юге это воспринималось как очередное вторжение.

Если принять во внимание историю, становится ясно, что недоверие к чужакам – неотъемлемое свойство итальянской натуры, причем направленное не обязательно к представителям других национальностей и очевидным агрессорам, как римляне и тосканцы, – но даже к своим. Неаполитанцы привыкли дичиться калабрийцев и презирать их, калабрийцы, в свою очередь, не переносили апулийцев, которые ненавидели базиликатийцев, и так далее, и так далее… Все вместе недоверчиво косились на сицилийцев, а сицилийцы и вовсе никому не доверяли.

Эти настроения, которые Альфонс не мог не впитать от родителей, компенсировались тем, что самый важный период формирования личности он провел в среде чужаков. Поэтому в дальнейшем Аль не проявлял никаких национальных, региональных или религиозных предубеждений (кроме одного выдающегося исключения, которое рассмотрим позже). Свобода от предрассудков явилась важным фактором успеха.

25 мая 1906 года Габриэле отказался от верности королю Италии и подписал сертификат о натурализации, в котором его

имя было прописано в итальянской манере – Gabriele вместо Gabriel.

У Альфонса, родившегося в США, уже было гражданство.

Тереза родила еще двух сыновей: в 1901 году Амадея Эрмино, позже названного Джоном и прозванного Мими (возможно, по созвучию с именем Эрмино), а спустя несколько лет – Умберто, которого с рождения все привыкли называть Альбертом или, более формально, Альбертом Джоном. В 1907 году семья Капоне состояла из восьми человек. Джимми уехал двумя годами ранее и порвал узы с семьей, и только через много лет, будучи юристом, жителем Небраски, вернулся обратно.

В профессиональном плане однонациональность Парк-авеню не имела никакого значения для Габриэля: почти все парикмахеры Нью-Йорка были итальянцами. Тогда считалось, что все итальянцы обладают каким-то божественным даром стрижки волос. Тем не менее и он, и Тереза (Тереза так и не заговорила толком по-английски) стремились жить среди своих. К 1907 году они перебрались на полторы мили южнее, в более приличный южный Бруклин, вплотную примыкавший к Парк-Слоуп. Несмотря на то что рядом находилась весьма суровая ирландская часть района Ред Хук, эти места были сердцем бруклинской Маленькой Италии. Сначала семья обосновалась на Гарфилд-Плэйс, 21, затем в верхнем этаже дуплекса, по адресу Гарфилд-Плэйс, 38.

Альфонс начал учебу в государственной школе № 7 при колледже Джона Джея, на улице Йорк, 141, недалеко от военно-морской верфи. После переезда перешел в школу имени Уильяма Батлера № 133 по адресу Батлер-стрит, 355, находившуюся в семи кварталах от улицы Гарфилд-Плейс. Вплоть до шестого класса Альфонс был твердым хорошистом благодаря природным способностям; а потом стал часто прогуливать занятия. В один из семестров он появился в школе тридцать три раза из требуемых девяноста и настолько отстал в математике и английском, что пришлось остаться на второй год.

Но Аль не стал этого делать. Буйный нрав, на протяжении всей жизни бравший верх, в очередной раз подвел Капоне, и он ударил преподавателя, читавшего нотацию по поводу поведения в классе. Капоне повели к директору и наказали физически. В четырнадцать лет он с ненавистью покинул стены школы. Для мужской части семьи Капоне это было практически традицией: старший брат Альфонса, Фрэнк, с горем пополам продержался в школе имени Уильяма Батлера до середины шестого класса. Только младший сын, Мэтью Николас (которого все звали просто Мэтью), родившийся в 1908 году, доучился до старшей школы.

Альфонс часто заходил с отцом в находящуюся поблизости

бильярдную. Его способности к игре вскоре были отмечены окружающими. Капоне неплохо чувствовал себя на бейсбольной площадке и лелеял мечту стать профессиональным игроком, но ей не суждено было сбыться, потому что Аль не умел сдерживаться. Для своих лет он был довольно крупным и объединял истинно атлетическую выносливость и внушительные габариты. Показательно, что Капоне преуспел и в работе вышибалой в баре, и в бальных танцах. Он вырос до 5 футов и 10,5 дюйма во времена, когда Джим Джеффрис[10] стал чемпионом мира по боксу в супертяжелой категории при весе 175 фунтов.

Хотя свободное время проходило среди бильярдных столов и бейсбольных подач, Капоне не забывал и о честном труде: работал в кондитерской и в кегельбане. Некоторое время получал целых $23 в неделю на оружейной фабрике; разрезал книги в переплетной мастерской, следуя по стопам брата Ральфа, работающего в типографии. Однако делу всей жизни Аль Капоне учился на улицах.

В закоулках и подворотнях кипела жизнь иммигрантского Бруклина. Итальянцы в большей мере, чем остальные, жили на улицах. «Никакие улицы не были так открыты беспределу, как населенные итальянцами», – писал историк-социолог. Иммигранты создали стиль жизни, предполагавший по большей части активность, проходящую вне стен дома, привычный для них на родине. «Все, что можно, делалось на улице – часто с участием соседей и друзей».

Улицами, на которых провел детство Аль Капоне, правили банды – причем детские банды. Членов этих детских банд при всем желании нельзя назвать гангстерами – по современным стандартам можно с натяжкой назвать беспризорниками. Помимо редких ничтожных краж и насильственного отнятия друг у друга карманных денег, они не занимались криминалом.

Одна из банд забавлялась следующим образом: ее члены носились по улицам, сваливая на пути тележки и банки с молоком, расшвыривая во все стороны корзины с хлебом и забирая всякую мелочь. Они разбивали окна и фонари и дергали стариков за бороды. Другая преступная группировка специализировалась на разжигании костров, поджигая деревянный хлам и оставленные без присмотра фургоны.

Собиравшихся зевак разгоняли полицейские и пожарные.

Особо жестокая еврейская банда из Уильямсберга[11] периодически разбивала стекла местной христианской миссии; более спокойные соперники довольствовались периодическими шествиями по миссии, мешая проведению собраний. Они

скандировали: «Мы все постоим за Иисуса, мы все постоим за Иисуса!» Выходили под громкие выкрики: «Да сядьте вы, наконец, христа ради!»

У некоторых банд был собственный клуб, представлявший комнату в заброшенном здании или лавке. В клубе члены банды играли в карты и кости, курили сигареты American Beauty (продававшиеся по пенни за четыре штуки) и просто хорошо проводили время. Ни одно из этих удовольствий, впрочем, не относилось к реальным причинам членства в банде. Дети из трущоб были вынуждены примкнуть к той или иной банде из соображений безопасности и выживания – прежде всего выживания психологического, ну и, может быть, физического. Драки были почти работой. Один ирландец вспоминал, как с двенадцати лет ввязывался в драки, по крайней мере, два-три раза в неделю. Нет, никто не травил его как местного доходягу. Напротив, для своих лет он был довольно-таки крепко сбит, как и Капоне. Именно таким образом ему бросали вызов.

Кулачные бои один на один были меньшей из бед. Бои просто-напросто устанавливали внутреннюю дисциплину, решали споры и утверждали иерархию. Настоящие распри случались между конкурирующими бандами из-за территориальных разногласий или вопросов, касающихся престижа. Каждый чувствовал себя окруженным недоброжелателями, и был прав. Позже один еврейский бандит из Бруклина вспоминал: «Ирландцы, можно сказать, дрались в основном веселья ради, в то время как евреи всегда отбивались от чужих нападок». Вышеупомянутому ирландскому здоровяку запомнился другой Бруклин. Опасность грозила, даже когда они проезжали еврейский район на трамвае, не имея никаких дурных намерений. «Евреи не желали видеть в своем районе чужаков, – писал он много лет спустя, – поэтому нас гнали в шею». Итальянцам, кроме всего, угрожали еще и традиционные враги родителей. Если бы Аль Капоне, неаполитанец, решил завести дела чуть восточнее, на Флашин-авеню, неподалеку от старого дома, стал бы Лицом со шрамом еще раньше. (На Флашин-авеню дела вели сицилийцы.) Многие дети были вынуждены вступать в банды, чтобы хоть как-то защититься от поджидающих повсеместно опасностей. То же касается и Альфонса. В отличие от других он вступил в банду, как если бы просто отвечал на чей-то вызов.

Аль вступил в молодежную банду Потрошителей южного Бруклина (South Brooklyn Rippers), самую младшую группировку, в которую входили дети с одиннадцати лет. Теперь он мог ежедневно разгуливать по Нижнему Ист-Сайду в Манхэттене, где работал старший брат Ральф (вскоре привлекший внимание

полиции из-за сорвавшейся мошеннической сделки по продаже автомобиля).

Через некоторое время Аль перешел в банду Сорока юных воров (Forty Thieves Juniors), занимающую более высокий статус. Она была дочерней организацией весьма влиятельной взрослой банды Пять пуль (Five Points).

Членство в серьезной манхэттенской банде служило показателем способностей, на которые непременно должны были обратить внимание высокопоставленные бандиты. Это сулило пропуск во взрослую банду, который Капоне при желании мог получить в возрасте 15–16 лет.

Никаких сколько-нибудь достоверных сведений, как проходила юность Альфонса, не сохранилось[12]. Одно можно сказать точно – Капоне ничем не выделялся. Несколькими годами позже бывший член детской банды Бруклина описывал Альфонса как «совершенно незаметного, всегда доброжелательного, мягкого и весьма посредственного» человека… Когда этот бруклинский мальчишка поднялся, старые друзья и знакомые были просто в шоке. Он стал на путь криминала. Член банды, в которой состоял Альфонс, говорил: «Подавляющее большинство бандитов завязывали с прошлым и становились добропорядочными гражданами». Бандиты порывали с криминальными знакомыми и устраивались на нормальную работу или шли получать образование. Понятно, решение каждого ребенка должно было быть осознанным. Однако в некоторых случаях решение обусловливалось не только рациональными соображениями, а связями и волей случая. Именно так Альфонс связался с бандой Forty Thieves Juniors. Сыграли роль два фактора, первый – всеобъемлющий и долгосрочный взгляд, второй – необходимость немедленного выбора.

Джон Торрио был преступником-интеллектуалом. Он родился в 1882 году в городе Орсара-ди-Пулья, в шестидесяти милях к востоку от Неаполя. В Нью-Йорк прибыл в два года, на руках матери. Отец погиб до иммиграции. Мария Торрио и Джон два года жили с братом. Мария работала швеей. Позже она вышла замуж за Сальваторе Капуто. Начало пути Торрио зависит, как именно он хочет представить, кому и с какой целью. Однажды, когда судья собирался объявить приговор, Торрио заявил, что отчим держал нелегальное питейное заведение на Джеймс-стрит, 86, внешне ничем не отличающиеся от среднего заведения в Малберри-Бенд[13]. В заведении, по словам Торрио, продавались нелицензированные и не облагаемые налогом (и потому более дешевые) самогон и пиво. Джонни трудился там в должности портье с семи лет. Его формальное образование в учебных

заведениях в совокупности составляет тринадцать месяцев. В таких обстоятельствах Торрио было трудно вырасти добропорядочным гражданином.

В другом случае, убеждая иммиграционную службу США, что достоин оставаться гражданином страны, Торрио рассказывал, как, словно Горацио Элджер[14], грыз по ночам гранит науки, чтобы окончить среднюю школу после утомительной работы в отделе доставки в магазине отчима (на этот раз – почтенного бакалейщика). Торрио всегда знал, что люди хотели от него услышать.

В 1901 году в возрасте девятнадцати лет Торрио стал боксерским импрессарио. Официально в Нью-Йорке допускались только любительские бои; разрешением проводить их нью-йоркское правительство надеялось сократить преступность. Грамотные импресарио вроде Торрио (осуществляющего деятельность под именем Джей Ти Маккарти) при необходимости подтасовывали очки и определяли победителей в зависимости от обстоятельств, не делая разницы между профессионалами и новичками. Торрио сумел сколотить некоторое состояние и купил бар на углу Джеймс-стрит и Уотер-стрит.

Достаточно быстро Торрио расширил бизнес, арендовав в квартале ряд помещений, которые наполнил шлюхами, а соседний магазин превратил в бильярдный клуб. Оба проекта быстро снискали признание клиентуры. Впоследствии, отобрав отдельных праздных гуляк из своей клиентской базы, сформировал костяк маленького конгломерата: банды James Street Boys. Торрио решал, кто что будет делать и кому сколько достанется. Никто не возражал. Джон Торрио никогда не обманывал своих людей, всегда очень трепетно отмерял долю каждого. Девиз его жизни: «Всем всего хватит».

Не все разделяли этот принцип, что вполне логично, ведь Торрио во многом отличался от других. Главари банд соответствовали своим головорезам лишь в плане мускулатуры (нельзя сказать, что среди бандитов было слишком много здоровяков: рост среднего арестанта составлял пять фунтов и три дюйма, а вес достигал 135 фунтов[15]). Тяжелый труд с ранних лет закалил их. Торрио превосходил силачей в интеллектуальном смысле и возвышался за счет железной воли. При всех достоинствах он был хилым обладателем пивного брюшка, утонченных, мягких рук и небольших ступней. Но каким-то образом умудрялся внешнюю ущербность превращать в орудие контроля над другими. Этот тщедушный человек вселял ужас в двухметрового амбала, прекрасно понимавшего – оступись в чем-нибудь, с ним тут же разберется десяток других амбалов, готовых

горой постоять за главаря. Торрио всегда понимал, когда и с кем нужно заводить связи и когда разрывать.

Монк Истман был типичным главарем банды тех времен, с горой мышц, крепко сбитый, ростом 5 футов 5 дюймов, весом в 150 фунтов. Он искренне гордился, что никогда не ставил фингал (не поправлял макияж) женщине, не сняв предварительно кастеты, и, в каком бы сильном раздражении ни находился, не использовал бейсбольную биту в общении с противоположным полом.

Банда Истмана вела беспрестанную войну с бандой Пола Келли, Five Points, исторической преемницей банды Whyos (получившей название в честь боевого клича членов). В то время бандиты занимали Манхэттен на протяжении почти ста лет: сначала, до войны, банда Forty Thieves (детская банда, в которой состоял Аль Капоне), Shirt Tails (частью униформы членов банды были хвосты), Plug Uglies (члены банды носили шляпы), Dead Rabbits (rabbit (кролик) было сленговым обозначением хулиганов, dead значило непреклонный), Chichesters, Roach Guards, Black Eagles. На рубеже веков Манхэттен терроризировали две уцелевшие банды. Банда Five Points получила название от центра территории, перекрестка пяти улиц (сейчас на этом месте три улицы: Бакстер, Уэрт, и Парк-Роу), который в те времена славился как рассадник порока.

Из девяносто девяти развлекательных заведений, располагавшихся на улице Бауэри в 1898 году, приличными полиция признавала лишь четырнадцать.

Банда Five Points контролировала всю территорию от Бродвея до Бауэри[16], 14-й улицы и парка Сити-Холл. Единоличные владения Истмана простирались от Бауэри до пролива Ист-Ривер, от 14-й улицы до Монро. Спор разгорелся вокруг вопроса, кому принадлежали бордели, игорные и питейные заведения и права на выбивание денег в промежутке между Пелл-стрит и Бауэри. Два года резни и перестрелок не решили проблему.

Джон Торрио решил объединить своих парней с Джеймс-стрит с бандой Five Points и, получив армию в 1500 человек, выиграть битву. Для Торрио главарь банды Five Points был тем, кем Торрио впоследствии стал для Аль Капоне: образцом для подражания, наставником, в некотором смысле кумиром.

Настоящее имя Пола Келли – Паоло Антонини Васчарелли. Иерархически он находился где-то между Торрио и Истменом и представлял классический образ короля нью-йоркской бандитской группировки на рубеже веков. Несмотря на небольшой рост, телосложение Келли было как у хорошего боксера. Пол активно занимался самосовершенствованием, много

читал, обладал изысканным музыкальным вкусом, одевался консервативно и стильно, говорил тихо и грамотно, немного знал французский, итальянский и испанский языки, то есть обладал качествами, выдававшими в человеке того времени джентльмена (если он, конечно, не был при этом иммигрантом).

Келли восхищался умом Торрио и блестящими операциями на Джеймс-стрит, но считал, что его подходы недостаточно сформированы и бессистемны. Он взял Торрио под опеку. Вскоре, следуя советам наставника, Торрио стал одеваться в строгие темные костюмы и туфли-дерби вместо клетчатых штанов и бандитских кепок. Он проявил еще один признак аристократизма – стал посещать оперу.

Боевые действия не утихали, пока открытый конфликт не унес жизни трех человек, а еще двадцать получили ранения, в том числе посторонние, не успевшие вовремя скрыться.

Таммани-холл[17], боясь тяжелых политических последствий, потребовал установить перемирие. Перемирие, как ни странно, удалось сохранить: только на границах часто случались столкновения.

К началу XX века Торрио стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля. Нижний Манхэттен не то место, где можно мирно вести криминальный бизнес. Торрио благополучно продал владения на Джеймс-стрит, благословил своих бандитов, не без сожаления попрощался с Келли и переместился в Бруклин, в надежде, что респектабельные итальянцы примут условия – будь то заказчики или жертвы.

Такие события были в порядке вещей для итальянских иммигрантов в Америке.

Вплоть до 1875 года США относились к итальянцам с сочувственным уважением, даже симпатизировали. Джузеппе Мадзини и его последователь Джузеппе Гарибальди, упорно сражаясь за независимость Италии, захватили умы всей Америки. Эти два итальянца представлялись аналогами отцов-основателей США. Известен случай, когда в Вашингтоне толпа людей собралась в поддержку итальянского народа, ведущего «великую борьбу… за освобождение от иностранного деспотизма». Когда республиканские французские армии развернули деятельность по поддержке старого режима, на площади Независимости в Филадельфии была принята Декларация независимости, провозгласившая французского генерал-лейтенанта Луи-Филиппа I «Искариотом свободы, Бенедиктом Арнольдом Старого Света». Даже Know-Nothing party[18] первое организованное реакционное движение против иммиграции, сделала исключение для итальянцев. Гонения, которые итальянцы испытывали на родине,

и отважная борьба за свободу заставили членов партии закрыть глаза, что они иностранцы и принадлежат к Римско-католической церкви.

Итальянцы из Неаполя, Палермо и Рима воспринимались как мученики.

Согласно переписи населения 1850 года, в США проживало всего 3045 итальянцев. Вплоть до 1870 года в США прибывало не более 2000 итальянцев в год, и иммигранты не представляли никакой угрозы – даже в глазах членов Know-Nothing party. Эти итальянцы были в основном ремесленниками и рабочими разных специальностей из Северной и Центральной Италии. В 1881 году один писатель, вздыхая по былому, писал: «В высших слоях населения Америки на протяжении долгого времени было множество выдающихся итальянцев». Речь шла о таких людях, как Лоренцо да Понте[19], авторе либретто к операм Моцарта и Сальери, в 1805 году эмигрировавшем в Америку, и Гарибальди, бежавшем в США в 1850 году.

Стремительно ухудшающиеся условия жизни заставили итальянцев мигрировать. Корсарские рейды, продолжавшиеся вплоть до начала XIX века, вынудили население отступать в центр полуострова, к более укрепленным поселениям в холмистой местности. Урожайные прибрежные земли и долины пришли в упадок и превратились в малярийные болота, в то время как беженцы обрабатывали неподатливую каменистую землю у холмов. Земля эта некогда отличалась особенным плодородием, но процессы обезлесения истощили ее. Это больно ударило по экономике. Политические волнения еще больше усугубляли ситуацию.

На первых порах новоиспеченные неопытные соискатели выбрали теплую, более близкую по духу Южную Америку. Люди работали там летом, возвращаясь домой на весенний сев (лето в Южном полушарии длится с декабря по февраль). Затем картина изменилась, и итальянцы стали звать оба американских континента «laggiu» – «вон там». К семидесятым годам XIX века Южная Америка уже не вмещала всех выходцев из Италии, стремившихся спастись от преследовавшего на родине голода. Итальянцы употребляли мясо пару раз в году – на Рождество и Пасху; вино могли позволить себе только мужчины, весь день пахавшие в поле. Спагетти были роскошью. «В наше столетие, – писал итальянский журналист-современник, – миллионы итальянцев живут жизнью доисторического убожества».

После Гражданской войны в США возникла потребность в большом количестве неквалифицированной рабочей силы. В 1880 году прибыло 12 354 выходца из Италии, это было больше, чем

общее количество итальянцев, проживавших в стране одиннадцатью годами ранее. Потом начался бум: в 1900 году в США прибыло 100 135 итальянцев, в 1903 – более 200 000, в 1907 – рекордное число, 285 731 человек.

И это были не Маццини, не Гарибальди, не да Понте; не Джованни Мартино[20], горнист Джорджа Кастера, отправленный за подкреплением перед Битвой при Литтл-Бигхорн[21].

«Они были, – как заметил один журналист, – самыми обездоленными и скромными белыми людьми, которых когда-либо видели другие американцы». На рубеже XIX–XX веков 22,9 % всех иммигрантов в США не умели ни читать, ни писать. За счет северных итальянцев этот показатель упал вдвое – до 11,4 %. А среди южных итальянцев неграмотность достигала 57,3 %. Кроме того, южане и выглядели иначе – они были значительно смуглее. Эти различия, недостатки и особенно конкуренция за рабочие места привели к формированию определенных предрассудков.

В 1850 году в Новом Орлеане была принята резолюция, в которой итальянцев превозносили за «борьбу за правду и справедливость, противостояние грубой силе и тирании в самых одиозных проявлениях…».

Но уже 14 марта 1891 года в Новом Орлеане группа линчевателей ворвалась в тюрьму, застрелила девять находившихся там итальянских рыбаков и повесила двоих.

Эти несчастные одиннадцать человек были арестованы на основании косвенного подозрения в убийстве городского полицейского инспектора. При этом шестеро были оправданы, трое столкнулись со спорным решением присяжных, а двое даже не предстали еще перед судом.

Комитеты народных дружинников проводили подобные линчевания итальянцев в Тампе, Денвере и Джонсон-Сити, штат Иллинойс в 1893, 1895–1896, 1899, 1901, 1906, 1910-м и 1914–1915 годах.

Несмотря на такую жестокую дискриминацию, процент нищеты у итальянцев был одним из самых низких среди всех иммигрантов, материальную помощь просили немногие.

Мизерная часть итальянцев протягивала руку: лохмотья нищего выбирали люди, которые не могли держать в руках лопату. Кто-то платил ирландцам, занимавшимся утилизацией мусора, за возможность «подровнять» кучи: так они получали возможность разжиться лохмотьями, костями и иными вещами, которые иногда можно было продать.

«В них есть то, что недоступно большинству людей, – говорил бывший глава детективного отдела полиции Чикаго, сам итальянец по происхождению, – врожденная агрессивность

итальянцев. Они сделают все, чтобы продвинуться вперед». Итальянский журналист, свидетель описываемых событий, писал: «итальянский иммигрант, который не стал преступником, или святой, или сумасшедший». На самом деле подавляющее большинство не были ни теми, ни другими, ни третьими.

Аль Капоне с Джоном Стейджем, начальником детективов Чикаго, в полицейском управлении после того, как Капоне был освобожден из тюрьмы в Филадельфии 31 марта 1930 года.

В 1924 году доктор Антонио Стелла, протестуя против новых ограничений американской политики в отношении иммигрантов,

подчеркнул: «средние показатели преступности среди итальянцев, родившихся за границей… ниже, чем у других национальностей, и лишь незначительно выше, чем у белых американцев, родившихся в США». Средний уровень арестов составлял 158,1 человека на 100 000 итальянцев, в то время как у немцев эти показатели составляли 218,9 человека, у англичан – 488,3 человека, а у ирландцев – 1540,1 человека. Даже традиционно законопослушные швейцарцы обошли итальянцев: у них этот показатель составлял 167,4 человека.

Тем не менее в представлении итальянца криминальная деятельность была довольно благородным альтернативным способом выживания.

Доклад итальянского парламента 1863 года о состоянии юга страны признавал:

«Для обедневшего рабочего криминальное существование имеет множество преимуществ…», которое основывается на «абсолютном недоверии к закону и осуществлению правосудия…». Как писал один из американских писателей того времени: «невыносимая тирания сделала каждого преступника почти родным в сердцах угнетенных людей… Даже если их грабили, люди чувствовали, что это меньшее из двух зол и скрывали бандита от преследования властей».

Враждебность американцев мешала итальянцам стать более раскрепощенными или хоть как-нибудь попытаться вступить в сотрудничество с властями, чтобы противостоять грабежам в собственной среде.

Джон Торрио довольно быстро обосновался в Бруклине. Возможно, время от времени он крышевал лавку Габриэля.

У Альфонса появилась возможность получить урок у человека, легко зарабатывающего деньги. Штаб-квартира Джона Торрио находилась над рестораном, расположенным на пересечении Четвертой авеню, главной артерии, связывающей север и юг Южного Бруклина с Юнион-стрит, главной рыночной улицей района. По пути в школу Альфонс каждый день проходил мимо. Золоченые буквы на окнах ассоциации говорили, что преступная деятельность в некоторых случаях весьма прибыльна.

В 1909 году, когда десятилетний Альфонс еще не мог попасть под крыло двадцатисемилетнему Торрио, пузатенького коротышку вызвали в Чикаго. Это определило дальнейшую судьбу Альфонса. Тогда Аль приглянулся человеку, оказавшему на него максимальное влияние. Это был Фрэнки Йель, парень, старше Альфонса на шесть лет. Он ввел Альфонса в банду Forty Thieves Juniors. Позже Йель представил Капоне уже взрослой банде и дал работу.

В семье Фрэнки было принято крестить детей и хоронить усопших под именем Иоэли. Франк-Франческо, которого все просто звали Фрэнки, родился в 1893 году, в Калабрии, на юге Италии. В Нью-Йорк его привезли в возрасте девяти лет. В детстве он был членом детской банды Five Points Juniors. Достигнув нужного возраста, вступил во взрослую группировку Five Points. Дни славы банды к тому моменту уже миновали, но она по-прежнему представляла серьезное образование. Вступление в банду было взвешенным решением, продиктованным практическими соображениями, чем-то вроде прохождения стажировки на будущем месте работы.

Примерно в то же время как Торрио отбыл в Чикаго, Фрэнк Иоэли американизировал (замаскировал) имя Иоэли на Уэйл.

Он был среднего роста, немного одутловатым, коренастым и мощным, квадратнолицым, с большими мясистыми носом и губами, и ушами без мочек, маленькими и нежными руками, как у Торрио, странно смотревшимися на теле. Фрэнк любил подраться. В семнадцать лет вместе с другом Буби Нельсоном, занимавшимся боксом, устроил зачистку в бильярдной Кистера на Кони-Айленде. Бильярдные шары летали во все стороны, кии разбивались о головы.

Бильярдная была выбрана не случайно. Так же как и Торрио, Уэйл видел в Бруклине больше перспектив, чем в Нижнем Манхэттене. Двумя годами позже полиция предъявила ему обвинение в вооруженном нападении, которое, впрочем, ни к чему не привело, как и случай, когда Уэйл украл овечьи и козлиные шкуры стоимостью $300.

Поняв, что он выше подобного бизнеса, Уэйл взял под контроль бруклинских поставщиков природного льда, гарантируя протекцию на монопольных территориях, границы которых строго соблюдал.

Уэйл сумел скопить достаточно денег, чтобы открыть бар на Кони-Айленде. В 1917 году, в двадцать четыре года, женился на Марии Делапии. В семье родились две дочери, Роза и Изабелла. Они жили в бруклинском доме, принадлежавшем родителям Марии. Тогда же Уэйл сменил имя на Йель, несмотря на возражения Марии.

Самым успешным питейным заведением Кони-Айленда в то время был бар College Inn. Йель купил бар.

Подражая модному студенческому стилю, Йель некоторое время пытался расчесывать густые черные волосы на прямой пробор. Он переименовал заведение в Harvard Inn.

Это стало предметом шуток и несомненным плюсом для бизнеса, маскировало криминальные занятия и защищало семью.

Для бара этого уровня Harvard Inn был довольно большим заведением. Он занимал одноэтажное здание на Бауэри, небольшом, но оживленном переулке между улицами Серф и Набережной. Для посетителей заведения, пытающихся изобразить подобие танца на танцполе 40×20 футов, в закутке играл оркестр. Выпивка раздавалась за двадцатифутовой барной стойкой.

Фрэнки Йель назначил барменом Аль Капоне.

Глава 2
Ранняя зрелость

Когда Аль Капоне исполнилось шестнадцать лет (возраст достаточно зрелый в этом горниле опасностей, давления и ответственности), он представлял и банду Five Points в Манхэттене, и Фрэнки Йеля в Бруклине. Связи с последним были более важными, поскольку в то время, как масштаб и авторитет банды Five Points падал, влияние Йеля стремительно росло.

«На берегах канала Гованус[22] Аль Капоне узнал все, что можно узнать о рэкете и ему подобном», – говорит Уильям Бальсамо, уроженец Бруклина, нью-йоркский криминальный историк.

Кроме бара Harvard Inn Йель управлял целым комплексом предприятий: моргом, скачками, тотализатором, еще одним питейным заведением, кафе Sunrise и линией по производству сигар. Его деятельность основывалась на терроре.

Хотя бандиты Йеля время от времени самовольно проворачивали ограбление-другое, Йель не был вором. Аль Капоне также им не стал и гордился этим. Йель специализировался на различных формах рэкета: ростовщичестве, выдаче денежных ссуд под 20 % в неделю; взыскивании доли дохода с букмекеров, сутенеров и хозяев игорных заведений в его районе; оказании владельцам магазинов услуг по протекции за регулярную плату; организации вертикальных ассоциаций (вроде ассоциации с торговцами льдом), от участников которой собирал «долю», взамен обязуясь накручивать цены там, где нужно, и пресекать всякие возражения.

Сила в различных проявлениях определяла деятельность Йеля. Надо отдать должное: он действительно предоставлял защиту от преследования и ареста нарушившим закон. Честным предпринимателям Йель предоставлял протекцию от преступных агрессоров – других рэкетиров – и еще более досадных и бессмысленных взысканий со стороны представителей власти, продажных полицейских и инспекторов пожарной безопасности и санитарии. Тем не менее в основном Йель предлагал защиту от того, что мог сделать, если бы эту плату не получил.

Букмекеры, сутенеры и владельцы лавок неизменно откупались – во избежание неприятностей. Должники возвращали деньги в срок. У Йеля была личная армия громил, готовых не просто ломать руки и ноги, но и убивать. Благодаря этой армии политики, нуждающиеся в поддержке предвыборных кампаний,

обращались к Йелю и еще больше усиливали влияние. Это была обычная практика тех времен.

Таков классический рэкет. Исследование, проведенное ФБР, выявило, что практика довольно стара сама по себе, а слово «рэкет» восходит к концу 1800-х годов. В то время банды вроде Five Points устраивали пляски под названием «рэкеты». Члены банд вручали торговцам билеты. Торговцы, конечно, изначально не планировали посещать пляски, но понимали – отказ может повлечь за собой тяжелые последствия.

Даже приличные предприятия Йеля считались рэкетирскими, поскольку деятельность подкреплялась грубой силой.

Например, его коробки с сигарами занимали место на магазинных полках и не пользовались спросом, но торговцы не смели сказать «нет». Когда Йелю понадобилось известное имя для открытия нового кафе Sunrise, он прикрылся именем популярного менеджера другого клуба, даже не поставив его в известность. В то же время Йель отчетливо осознавал, что должен относиться к покупателям не как к жертвам, а как к клиентам.

Он не выстраивал бизнес-стратегию по принципу «Примите услуги, или Я вас похороню» или «Станцуйте в Harvard Inn, или ноги переломаю». Необходимость выработки более мягких подходов к оказанию давления на людей дало Аль Капоне возможность добиться расположения Йеля и стало первыми шагами на пути к успеху.

Капоне примкнул к Йелю в важный момент: дела пошли в гору. Йель видел перспективы по всему Бруклину, особенно вдоль пятимильного побережья, на котором находилось около шестидесяти пирсов, богатых наживой и человеческими ресурсами. Но этот район уже контролировала ирландская банда Белая рука – White Hand, возглавляемая Деннисом Миханом. Они выбрали такое название, противопоставляя себя Йелю: в газетах банду называли Black Hand Gang (как вообще всех итальянских преступников). На самом деле лишь малая доля рэкета [Black Hand, который рассмотрим в следующей главе] осуществлялась под началом Йеля. Более того, только у небольшого количества банд были самоназвания, чаще клички им присваивали СМИ. Если гангстеру нужно было представиться, он просто говорил: «Я с Фрэнки Йелем», «Я с Торрио». Впоследствии стали говорить: «Я с Капоне».

Люди Фрэнка Йеля решили заменить парней Дениса Михана. Ирландская иммиграция началась за несколько десятилетий до итальянской; эта разница дала ирландцам возможность оккупировать порты и грабить местные судоходные компании и портовых грузчиков. Итальянцы теснили ирландцев методично,

отбивая пирс за пирсом, подкупая пару стивидоров здесь, надавливая на администрацию судоходной компании там. Итальянцам необходимо было убедить жертвы, что бояться ирландцев больше нет смысла, теперь они (итальянцы) представляют настоящую угрозу. Разумеется, от ирландских контратак приходилось регулярно отбиваться. Хотя до открытых столкновений дело не доходило, гангстеры продолжали умирать. Потребность в новобранцах была постоянной. Аль Капоне, мощный, деятельный, энергичный бандит, сумел блеснуть – как ростовщик, рэкетир и борец за территориальное превосходство.

Мышечная масса в лице Капоне впечатлила Йеля. Его головорезы не только трясли деньги у докеров и конфликтовали с членами банды White Hand. В основном они помогали Йелю управлять предприятиями. Хотя горы мышц и не требуются для закручивания сигар или проведения похоронных обрядов, в таких местах, как шумное ночное заведение, они бесценны.

Окруженный океаническими просторами на юге Бруклина уютно расположился полуостров Кони-Айленд. В начале двадцатого века не было человека, который не мечтал бы посетить престижный оздоровительный и развлекательный курорт. Но добраться до побережья можно было лишь на собственном транспорте.

Позже железная дорога, такси и, наконец, метро прикончили подобную элитарность. «Никогда больше, – оплакивал один консервативный историк, – не вернется мода на Кони-Айленд, за исключением небольших групп, которые посещают курорт ради сохранения стройной фигуры».

В местных элегантных ресторанах можно было вдоволь насладиться устрицами и шампанским. Но, когда Чарльз Фельтман[23], иммигрант из Германии, догадался положить горячую сосиску в булку и добавить горчицы, хот-дог заменил устрицы, Шампанское? К началу XX века половина нью-йоркских арестов нетрезвых правонарушителей приходилась на Кони-Айленд, и дело было вовсе не в шампанском. Проститутки (для местных – волдыри) кишмя кишели. Некоторые предлагали свои услуги на улицах, другие работали в известных домах, таких как The Gut, Madame Korn's, Lillian Granger's Albatross и Mother Weyman's, где принцесса Заза щекотала клиентов рыбой.

Даже в окружении таких грязных заведений Harvard Inn считался салуном низкого класса. Именно поэтому работа Аль Капоне барменом и вышибалой требовала особых умений и качеств. В заведениях вроде Harvard Inn, даже если сегодня клиента вышибают, завтра радушно встретят.

Вышибать нужно по-свойски, не отчуждая, причем только

после провалившихся попыток утихомирить. Клиент должен понять, что просто что-то сделал не так. Благодаря физической силе Аль Капоне мог вышибать убедительно; интеллект позволял делать это с тактом. Йелю нравилось. Он сделал Аль Капоне своим учеником и регулярно приглашал переночевать после тяжелой смены в Harvard Inn.

Через много лет дочери Йеля стали показывать посетителям комнату Аль Капоне как достопримечательность.

Аль Капоне занял определенный руководящий пост, хотя все еще чувствовал себя пришедшим аутсайдером.

Йель всего на шесть лет старше, был перспективным боссом. Капоне воспринимал его как наставника и пример для подражения.

Йель поддерживал строгую дисциплину. Своего брата Анджело, младше на десять лет, настолько жестоко избил за какую-то провинность, что он попал в больницу. В то же время Йель изображал благородного дона, который осыпал благами всех, кто выражал уважение и воздавал почести. (Аль Капоне позаимствовал у Йеля эту черту.) Если к Йелю обращался обворованный торговец, утром он находил на прилавке деньги. Разносчику рыбы, потерявшему тележку, Йель дал двести долларов, сказав: «Купи лошадь, ты слишком стар, чтобы ходить». Когда двое бандитов самовольно принялись шантажировать Фрэнка Креспи, популярного и яркого гардеробщика в соседнем ресторане, Йель избил их до полусмерти.

Аль Капоне не сразу стал благодетелем для близких. Особое впечатление в юности на него произвела грубость и жесткость Йеля. Капоне был весьма смышленым и в восемнадцать лет схватывал все на лету, но внутри него жил зверь, готовый вырваться в любой момент. Как-то ночью Аль не выдержал, инстинкты взяли верх над рассудком, что повлекло тяжелые последствия.

Фрэнка Галлуччо все звали Галлуч. Он был моряком торгового флота, подвизался ассистентом парикмахера; но истинное призвание нашел в мелком бандитизме.

Позже Галлуч стал оруженосцем в семье Дженовезе. Как-то летней ночью 1917 года он забрел в Harvard Inn. С Галлуччо была девушка, Мария Танцио, и младшая сестра Лена. Увидев Лену, Капоне потерял голову и каждый раз, проходя мимо столика, за которым сидела троица, пытался с ней заигрывать.

В конце концов раздражение сестры рассеяло опьянение Галлуччо.

– Ты знаешь этого парня?

– Впервые вижу. Очень наглый. Мне не нравится, что он

пристает, не понимает намеков. Можешь нормально поговорить с ним, пожалуйста?

Аль Капоне снова направился в их сторону. Галлуччо уже приготовился отвести его в сторону по-мужски: «Мистер, извините, пожалуйста, можно вас на секунду? Видите ли, это моя младшая сестра…»

Увы, взрослому разговору не суждено было состояться. Не успел Галлуччо заговорить, как Аль Капоне вновь приблизился к Лене, склонился и прошептал (достаточно громко, чтобы за другими столиками услышали и повернулись в удивлении): «Крошка, у тебя классный зад. Это комплимент. Поверь».

Галлуччо не выдержал и вскочил. Капоне грубо оскорбил девушку в присутствии посетителей, что было возмутительно. «Я не намерен терпеть это! – заревел Галлуччо. – Ну-ка живо извинился перед моей сестрой!»

В мгновение ока мозги Капоне встали на место, возможно, из-за упоминания слова «сестра». Семья – наше все, и упоминание ее сделало клиента неопровержимо правым. Аль Капоне обратился к Галлуччо с заискивающей, располагающей улыбкой, широко разведенными руками и открытыми ладонями: «Ну, ладно тебе, не поняли друг друга… Я шучу, без обид, брат…»

– Это не гребаная шутка, мистер! – выкрикнул Галлуччо.

Капоне перестал улыбаться и двинулся вперед. Есть парни, с которыми невозможно договориться…

Галлуччо был 5 футов 6 дюймов ростом, весил меньше 150 фунтов. Аль Капоне по сравнению с ним выглядел исполином. Галлуччо понимал – придется очень плохо, если не отреагирует быстро и не нанесет удар первым. Он выхватил нож из кармана и нацелился в горло противнику – применил уроки, усвоенные на улицах. Решающую роль в драке сыграли богатырский склад Аль Капоне и борцовские рефлексы, а также то, что Галлуччо все-таки был пьян. Первый удар разрезал левую щеку вплоть до угла рта, второй пришелся на челюсть слева; третий – под левое ухо.

Галлуччо забрал сестру и девушку и сбежал. Аль Капоне доставили в Госпиталь Кони Айленда, где врачи наложили около тридцати швов на лицо.

Вскоре до Галлуччо дошли разговоры, что его разыскивает какой-то головорез, утверждающий, что он с Фрэнки Йелем. Галлуччо обратился за помощью к Джозефу Массерии, который держал весь Нью-Йорк. Босс Джо назначил встречу в Harvard Inn, где стороны пришли к соглашению, что Капоне виноват и не имеет права каким-либо образом отвечать на действия Галлуччо, а Галлуччо обязан попросить прощения за неадекватную реакцию (что он и сделал, испытывая тяжелые угрызения совести, что

сильно изувечил Аль Капоне).

Аль Капоне согласился со справедливостью достигнутого соглашения и своим бесчестием, подчеркнутым полученными шрамами. Позже Аль придумал историю, что получил шрамы во время службы в Потерянном батальоне[24] в Первой мировой войне. На самом деле его не призывали в армию. До отъезда из Нью-Йорка Капоне фальшиво улыбался Галлуччо при встрече, демонстрируя, что не держит обиды.

Аль сказал, что признает, поступил плохо, так унизив сестру Галлуччо, особенно прилюдно. На пике влияния, во время визитов в Нью-Йорк, Капоне нанимал Галлуччо в качестве внештатного телохранителя за $100 в неделю.

Инцидент не испортил мнение Фрэнки Йеля о звездном ученике. Три случая разбирательств с законом также не оттолкнули. Аль Капоне, скорее всего, выполнял поручение Йеля, когда полиция привлекла его к ответственности за хулиганство в городе Олеан; что еще бруклинский парень мог делать среди деревенщин северного Нью-Йорка? Два убийства, совершенные Аль Капоне, демонстрировали готовность пойти на крайние меры при необходимости.

Убийство, о котором уцелели документальные сведения, показывает, что у Аль Капоне одновременно был и горячий темперамент, и холодный расчет. Его знакомый, жульничая, выиграл в кости около $1500. Внизу, в коридоре, Аль Капоне приставил к животу пистолет и забрал деньги.

– Тебе не стоило так поступать. Мы слишком хорошо знакомы!

Что Аль Капоне мог сделать в такой ситуации? Он должен был ответить – либо сам, либо, нарушив кодекс, через полицию. Аль Капоне пристрелил глупца.

– Парень ошибся, – объяснил он затем Йелю. – Не стоило так поступать. Сам виноват, что его подстрелили.

Йель понял. Хотя Аль Капоне и допросила полиция, доказательств не нашлось. Никто ничего не видел и не слышал. Аль Капоне становился опасен. Именно этого хотел Йель.

Важный фактор успеха – свобода от предрассудков.

В 1918 году Аль Капоне познакомился на танцах с девушкой. Это была хрупкая, высокая, большеглазая блондинка ирландского происхождения. Ее крестили как Мэри, но всю жизнь звали Мэй. Отец Мэй, Майкл Кофлин, строитель, мать, Бриджет Горман, на тот момент уже скончалась. Аль влюбился. Мэй родилась 4 апреля 1897 года и была почти на два года старше, поэтому они

подделали возраст при регистрации брака. В церковных архивах Аль Капоне значится как Альберт. Возможно, это ошибка, возможно, обычное для преступника искажение информации.

Брак между итальянцем и ирландкой был довольно редким явлением. Итальянцы женились рано, в то время как ирландцы ждали нужного момента очень долго. Поэтому в глазах ирландок итальянские мужчины выглядели интереснее. Аль Капоне не имел никаких предрассудков в отношении Мэй.

Ее родители вполне могли возражать против брака как из-за рода деятельности, так и из-за происхождения жениха. Однако 4 декабря 1918 года Мэй родила сына. Через восемнадцать дней сестра Мэй, Кэтлин, и Джеймс Де Вико, друг Аль Капоне, стали крестными Альберта Фрэнсиса Капоне. Если Аль Капоне вскоре собирался, по обоюдному согласию, вступить в брак с Мэй (трудно представить, что честный строитель может заставить дочь выйти замуж за убийцу), почему не сделал это до рождения Сонни (всю жизнь сына звали так)?

Ответ на этот вопрос остался тайной. Аль Капоне стремился как можно скорее получить разрешение и избежать формального объявления о помолвке.

30 декабря 1918 года, через восемь дней после крещения Сонни, преподобный отец Джеймс Дилейни провел обряд венчания Аль Капоне и Мэй Кофлин в церкви Святой Марии Звезды Моря.

Подружкой невесты была сестра Мэй, Анна, шафером жениха его друг Де Вико.

Супружеская жизнь не успела смягчить Аль Капоне, когда его темперамент вновь проявился и перевернул все с ног на голову. Однажды, во время очередного обхода, в портовый бар вошел незнакомец из банды Динни Михана, White Hand. Ни Артур Финнеган, ни Капоне еще не достигли выдающегося положения в бандах (более того, Финнеган не мог рассчитывать на это) и не были знакомы.

Одним из хобби Финнегана, непосредственно связанным с основным родом деятельности, было унижение итальянцев. В тот день он ошибся. Капоне умудрился избить Финнегана почти до смерти. Финнеган провел в больнице несколько недель.

Проблем с полицией не было – как обычно, никто ничего не видел, не слышал и никого не знал. Другое дело – члены банды White Hand, особенно главный лейтенант Михана, Уильям Ловетт. Несмотря на ангельскую внешность, он внушал ужас любому человеку. Во время Первой мировой войны, после Мез-Аргоннского[25] наступления, Ловетта наградили крестом за храбрость. Члены банды в его присутствии совершенно менялись.

Одного из них Ловетт пристрелил за то, что тот потянул кошку за хвост. Он испытывал боль при виде страданий маленьких животных. Для главарей банд наличие свиты телохранителей было само собой разумеющимся. Ловетт стал преемником Михана в 1920 году, после убийства главаря, и продолжал передвигаться без сопровождения, всегда имея при себе пистолет калибра 45. Бандиты понимали: если Ловетт посмотрел в твою сторону – сейчас застрелит.

Арти Финнеган занимал низкую ступень в банде. Но в любом случае кто-то избил члена банды White Hand до полусмерти. Билл Ловетт не собирался терпеть дело рук какого-то грязного гинзо[26], прихвостня Йеля. Вопрос был, кто этот заносчивый парень.

Вскоре Йель узнал, что Ловетт поставил задачу опознать и выследить человека, посмевшего искалечить Финнегана. Шрамы значительно облегчали идентификацию Капоне, и, кто знает, сколько это могло бы продолжаться? Было ясно, рано или поздно его вычислят – Капоне преследовал враг с большими возможностями.

Вскоре до Йеля докатились сведения, что Ловетт поклялся найти обидчика Финнегана. Сколько времени требовалось, чтобы шрамы выдали Аль Капоне? Все знали, что произойдет в таком случае. Теперь за Аль Капоне шла настоящая охота.

Будь Аль Капоне холост и бездетен, стал бы ждать Ловетта? Каким бы ни был ответ, Йель решил проблему, позвонив Джонни Торрио. Разумеется, Торрио мог пристроить к себе ребенка, да и самого Аль Капоне тоже. Пары лет должно было хватить, чтобы Ловетт успокоился и оставил поиски…

– Аль, ты всегда можешь вернуться в Бруклин. Мы будем рады.

В конце 1919 года Йель отправил Аль Капоне в Чикаго.

Глава 3
Как развивается город

Чикаго и Аль Капоне оказались крайне удачной парой. Стороны охотно приняли то, что могли предложить друг другу. На протяжении долгих лет совместной жизни они учились, совершенствовались, накапливали опыт, усваивали различные новые техники. При этом ни один не мог упрекнуть другого в каком-либо тлетворном влиянии. В отношениях важна готовность идти бок о бок, развиваясь совместно. В этом смысле отношения Аль Капоне и Чикаго были удачными. Они были созданы друг для друга.

Чиккагу и Чекагу. Индейцы потаватоми называли так и реку, которая впадает в одно из великих озер, и симплокарпус[27] вонючий, произраставший в близлежащих болотах.

Это слово также означает «дурной запах». В конце семидесятых годов XVII века французский торговец Пьер Моро построил землянку и заодно заложил две чикагских традиции. Он продавал индейцам огненную воду. В Новой Франции такая деятельность была запрещена. Моро делал это под покровительством своего друга, губернатора. Так он стал первым бутлегером Чикаго, а граф Фронтенак – первым продажным чиновником.

Растение распространяет зловоние, которое можно сравнить лишь с тошнотворным запахом жидкости (секрета) скунса.

В 1779 году мулат из Эспаньолы[28], Жан Баптист Поинт де Сейбл, построил дом на месте слияния северной и южной частей реки. Он стал первым постоянным жителем здешних мест. В 1804 году появился первый местный бизнесмен и общественный деятель. Серебряных дел мастер и торговец Джон Кинзи приобрел имущество Сейбла и занялся энергичной предпринимательской деятельностью, вскоре привлекшей других поселенцев. Эту чикагскую традицию можно отнести к числу положительных.

В 1825 году местные жители выбрали констебля. При этом в Чикаго не было произведено ни одного ареста, вплоть до 1833 года, когда приняли первый городской устав и во временную, наспех организованную тюрьму посадили одного бродягу и одного вора. В следующем году в Чикаго прошло первое дело об убийстве. Уголовное преследование провалилось, ирландец, несомненно, убивший жену, остался на свободе из-за просчетов судьи. 4 марта 1837 года Чикаго получил статус города.

Три года спустя впервые состоялась казнь преступника,

насильника и убийцы, так и не признавшего вины.

Низкий уровень преступности, конечно, относителен. Все зависит от того, что мы понимаем под преступностью. В тридцатых годах XIX века процветали азартные игры, технически противозаконные, но тем не менее допустимые, за исключением редких случаев, когда нужно было посадить пару-тройку человек, чтобы успокоить духовенство. В скором времени игорный бизнес процветал в Чикаго больше, чем где-либо в Новом Орлеане или на западе Питсбурга.

То же касалось проституции. Она была официально запрещена в 1835 году. При этом на улице Уэллс открыто работало столько борделей, что в 1870 году городской совет был вынужден переименовать ее в Пятую авеню, чтобы не порочить память капитана Билли Уэллса, прославленного бойца с индейцами, принявшего мученическую смерть во время одного из ранних восстаний. (В XX веке Чикаго вернул улице историческое название.) О том, чтобы просто закрыть бордели вместо смены названия улицы, не возникало и мысли. В Чикаго больше ценили внешние качества этой деятельности, чем содержание, и проституция в каком-то смысле почиталась. Это тоже можно отнести к сложившимся местным обычаям.

Неудивительно, что странствующий трезвенник, побывавший в Чикаго, вскоре заявил, что «никогда не видел город, который бы выглядел как одна единая винная лавка».

Газеты наперебой кричали про резкий скачок уровня преступности.

Этот скачок породил еще одну важную чикагскую традицию. Вплоть до 1855 года городская стража (которую не воспринимали всерьез из-за бесполезности) выполняла в Чикаго полицейские функции. Городу этого было мало. Члены партии Know Nothing, выступавшие против иммиграции, преобладали в городском совете, несмотря на то что 60 % населения составляли иммигранты. Представители этой партии сформировали городскую полицию, в которую вошли восемьдесят человек, разумеется, уроженцы США и члены партии Know Nothing. Член Комиссии по предупреждению преступности Чикаго писал: «Политическая неоднородность первого департамента полиции города Чикаго стала постоянной традицией. Эта традиция, по сути, сделала правоохранительные органы практически бесполезными».

Сказались и другие факторы, такие, например, как открытая и повсеместная коррупция. В конце XIX века на свадьбе игрока Кэпа Хаймана и проститутки Энни Стаффорд в качестве почетного гостя присутствовал начальник управления

полицейского департамента Джек Нельсон. По словам историка-социолога, такие связи привели к тому, что «преступники и подобный им честной народ относились к полиции как к органу продажному и неэффективному». Чикаго обрел мировую славу как самый преступный город США.

Не все было настолько неприглядным. Бизнес в духе Джона Кинзи процветал. Чикаго обошел Нью-Йорк в мясной и зерновой промышленности и стал конечной остановкой двадцать первой железнодорожной линии. Город активно развивался как промышленный центр. Во времена Гражданской войны и после нее характер роста стал экспоненциальным. Чикаго был вратами на Запад. Он привлекал огромное количество людей, ищущих легкого заработка. Такая атмосфера представляла определенные трудности даже для эффективной, профессиональной, порядочной и полноценно экипированной полиции.

Изначально полиции, в привычном понимании, в Чикаго не было. Народ не стал бы терпеть то, как пресекаются бесчинства. С точки зрения гражданского права ничего вопиюще недопустимого не происходило.

Само по себе существование игорных заведений не делает полицию коррумпированной. Во многих штатах существуют скачки и лотереи, в некоторых – собачьи бега, удивительно большое количество церквей потворствует игре в бинго. Все это не влечет за собой коррупции.

Однако, если общественность признает деятельность такого рода зловредной (хотя бы малая часть этой общественности), это неизбежно влечет за собой распространение коррупции.

Незадолго до Гражданской войны мэр Джон Вентворт, сильно ударивший по азартным играм, был отвергнут избирателями. Приступая к деятельности в следующий раз, он был куда более осмотрителен, осознавая, в честь чего бы жители Чикаго ни говорили по воскресеньям «аминь» – подавляющее большинство избирателей свято чтут традицию «цель оправдывает средства». В 1873 году, когда мэр Джозеф Медилл попытался провести реформы, глава игорного дома Майкл Кассий МакДональд созвал общее собрание владельцев баров и игорных заведений, на котором создали открытую городскую платформу. На ее базе выдвинули собственного кандидата, победившего на выборах.

Эти прецеденты задали тон эры Аль Капоне. Полицейский либо дурак, либо фанатик, если отказывается брать взятки за то, чего не делает, когда народ не стремится к строгому соблюдению законов, а полицейский получает не повышение, а осмеяние и понижение за выполнение долга.

Власти решили успокоить население, сосредоточив

противозаконную деятельность в ограниченных зонах. Эту концепцию пытались провести в семидесяти семи американских городах.

В Чикаго, с его характерной энергетикой, получилось лучше всего: районы борделей и игорных заведений были самыми большими и распутными. По большей части они располагались в Первом административном районе, который тогда простирался от 12-й улицы по реке на юг, включая в себя современный Чикаго Луп[29].

Все тридцать пять административных районов Чикаго выдвинули по два олдермена в городской совет. Победивший на выборах 1893 года тридцатитрехлетний Джон Кофлин, со своим со-олдерменом[30], тридцатипятилетним Майклом Кенной (позже Аль Капоне сместил обоих), относился к Первому административному району, как к вотчине: предоставлял району протекцию за плату.

Кофлин начинал карьеру в роли массажиста. Прозвище Банька Джон прилипло к нему за ассоциацию с банями и сексуальность.

Несмотря на телосложение борца и вспыльчивый характер, он оставлял впечатление нежного великана и симпатичного свойского рубахи-парня, поражающего невообразимыми костюмами. Чего стоили фрак, цвета бильярдного сукна, лавандовые брюки и галстук того же цвета, лиловый жилет, изящные бледно-розовые перчатки и блестящие желтые бальные туфли-лодочки, повергавшие окружающих в ступор: «Банька, ты похож на лужайку Эванстона[31], поцелованную росой». Привлекательный характер Кофлина вызывал забавную привязанность даже у людей, презирающих его требования и привычки.

Партнер Баньки, Майкл Кенна, носил прозвище Хинки Динк, взятое из популярного комикса[32] о коротышке Пите Динке. Ростом Кенна едва дотягивал до 5 футов и 1 дюйма, был худощав, суров и немногословен, не пил, не курил и ни перед кем не пресмыкался. Он владел двумя весьма прибыльными питейными заведениями. Кенна обеспечивал государственную машину необходимыми голосами. Он бесплатно кормил обедами бездомных в своем баре и предоставлял ночлег на верхних этажах, не занятых игорными заведениями. В тяжелые времена Кенна тратил $8000 в неделю. Герберт Уэллс, посетивший заведения Кенна, написал: «пожалуй, он был единственным человеком, оказывающим достойное влияние» [на постоянных клиентов].

В наши дни один из баров в Чикаго Луп назван в честь Хинки

Динка.

Кофлин и Кенна совместно заправляли коррумпированным Первым административным районом, как хотела большая часть жителей. Именно этим была обусловлена их поразительная политическая сила. Вдвоем они готовили район для Аль Капоне.

В 1894 году, на пике процветания взяточничества и продажности в Чикаго, кресло мэра занял Джон Хопкинс, с самыми благородными помыслами. Коррупция к тому моменту стала неотъемлемой частью жизни местного населения. Полиция, прокуратура, адвокатура, судебная, гражданская системы, все в Чикаго было опутано сетью вымогательств и угроз настолько, что честность была моветоном. К тому времени как Аль Капоне переехал в Чикаго, один олдермен сказал: «Чикаго поистине уникален. Это единственный абсолютно коррумпированный город в Америке». Появление Аль Капоне именно в Чикаго было предопределено судьбой.

К тому времени олдермены открыто продавали голоса в интересах компаний, занимающихся трамвайными путями, железными дорогами и различным оборудованием. Никто не боролся с коррупцией. Выявляя откровенно невыгодные для города фирмы, Чарльз Йеркс предлагал совершенно упомрачительные суммы – по $50 000 за ключевые голоса. Решительно все были довольны. Обычные тарифы взяток выглядели так: $100 за лицензию для бара и $500 за восстановление отозванной лицензии.

Как бы рьяно реформаторы ни боролись с игорным бизнесом и проституцией, боссы прекрасно понимали – им совершенно ничего не грозит. Жители предъявили мэру Хопкинсу адреса игорных заведений, требуя, чтобы полиция прикрыла их. Мэр попытался отделаться ничего не значащими фразами и заявил, что все-таки позволит нескольким заведениям продолжить деятельность, потому что «авторитетные бизнесмены желают, чтобы азартные игры существовали. Главы крупных оптовых фирм регулярно жалуются, что очень трудно принимать клиентов издалека, нет возможности сводить их в игорное заведение». Чикагский аналитик писал: «В крупных городах люди стекаются вовсе не в заведения вроде Юношеских христианских организаций, а в места куда похуже».

Реформаторы (не просто педантичные дилетанты и сторонники запрещения продажи спиртных напитков) не понимали, почему народ не поддерживает их. Масштабы коррупции ужасали. Никто не стремился пресечь деятельность откровенных мошенников. Всех устраивала политика, проводимая городской администрацией. Большинство голосовавших желали,

чтобы в мрачной жизни появился какой-то проблеск.

Историк тех времен говорил: «Уличная политика – непрекращающаяся помощь Тому с поиском работы, забота о больной матери Дика, освобождение Гарри из цепких лап очередного особо мстительного прокурора». Если прокурор выполнял работу без жестокости и личной неприязни – и большую благодарность. Чикагский судья с большим стажем заметил: реформаторы ожесточались против власти, как и преступники-рецидивисты, если случалось попасть в беду.

Аль Капоне как-то сказал: «Никто не чист… Допустим, ваш брат или отец попадает в передрягу. Что вы станете делать? Сделаете вид, что ничего не было? Не попытаетесь помочь? Только самая позорная собака не попытается. Никто не чист, когда дело пахнет жареным».

Невозможно представить избирателя, который не рассчитывал бы на какую-то выгоду, отдавая голос за того или иного кандидата. Только самоубийца добровольно отдаст голос за секулярных святош, которые, конечно, станут проводить в жизнь свои принципы, если одержат победу на выборах. Тонкое искусство местного самоуправления, проявляющееся в махинациях с заработной платой на муниципальном уровне, кумовстве, искажении правосудия и другом, стало бы невозможным. Платформы таких кандидатов предлагали избирателям хорошее правительство, никому не нужное на самом деле. Честные реформаторы много и со страстью говорили о необходимости установления минимального уровня оплаты труда, насущной потребности в унификации индексов зданий и подобных мерах, которые впоследствии должны были пошатнуть зависимость бедных слоев населения от вмешательства со стороны администрации района. Однако до того, как эти реформы действительно были проведены и стало возможным говорить об относительном благополучии, о чистом городском правительстве не могло идти и речи.

Вовсе не значит, что в чикагской администрации не было честных людей. На самом деле доля порядочных чиновников была такой же, как и в любом другом индустриализованном большом городе. Для выживания в политическом мире даже самый непреклонный идеалист должен обладать хоть какими-то связями. Даже честным политикам «ради пользы приходилось идти на компромисс с теми, кто представляет откровенное зло». Коррупция и преступность настолько распространились, что все обязательно было нечисто. «Нельзя игнорировать преступников и при этом побеждать. Если с ними время от времени не сотрудничать, можно проиграть выборы. Нередки случаи, когда

исключительно порядочным людям ничего не остается, кроме как смириться с поддержкой такого рода. Людям обычно трудно это понять». По мере развития система начала поддерживать коррупцию.

Аль Капоне говорил: «Я никогда не меняю решения. Если я их принял – провожу». Возможностью рассуждать так, живя в Чикаго, Аль Капоне обязан Джеймсу Колозимо. Его привезли в Чикаго в десять лет. Большую часть жизни Колозимо провел в Первом административном районе. В детстве работал чистильщиком обуви, распространителем газет и разносчиком питьевой воды для рельсоукладчиков. Колозимо был широкоплечим, высоким парнем, приятной наружности, с ухоженными усами и густыми черными волосами, экстравертом по натуре. Его все любили. К восемнадцати годам Колозимо достиг совершенства в искусстве карманных краж и стал сутенером нескольких прелестных женщин.

Пару лет он занимался рэкетом в банде Black Hand. Потом что-то пошло не так, возможно, к нему слишком близко подобрались представители закона. В 1897 году Большой Джим Колозимо примкнул к чикагским дворникам, в основном итальянцам. Из-за белой униформы их называли белыми крыльями. Остряки говорили, они следуют за лошадьми.

Вскоре Колозимо с коллегами организовали социальный и спортивный клуб. Они стали поставщиками голосов для олдерменов Кофлина и Кенны.

За эту услугу Джеймс получил должность участкового партийного босса – и снова поднялся. Для начала открыл бильярдный зал. Колозимо взимал плату с владельцев борделей и игорных заведений за протекцию, которую оказывали Кофлин и Кенна ($100 в месяц за этаж и $25 ежедневно. Если заведение хотело работать круглосуточно, нужно было доплачивать $50 в неделю. Владельцы заведений должны были закупать товар исключительно у четырех определенных поставщиков, плативших комиссию олдерменам).

Все обожали Большого Джима – даже проститутки, долю которых он отнимал; каждый визит в бордель неизменно отмечался галантными шутками, от которых все оставались в восторге.

Кончилось тем, что одна из «мадам» полюбила Колозимо. Виктория Мореско содержала два борделя, находящихся под его юрисдикцией. Виктория была на шесть лет старше Колозимо, простая, склонная к полноте. Мореско не устояла перед чарами этого демона, хотя и подозревала, что его привлекало имущество. Свадьба состоялась в 1902 году. Колозимо по этому случаю

повесил на один из борделей табличку с надписью «Виктория». Жена назвала это лучшим подарком, о котором может мечтать женщина.

Колозимо продолжил карабкаться вверх.

Примерно в то же время Кофлин и Кенна обнаружили, что фундамент их авторитета и могущества размывается. Начиная с восьмидесятых годов XIX века полиция закрывала бордели в развивающемся деловом районе, который в будущем стал называться Чикаго Луп, и изгоняла оттуда игроков и проституток. В 1893 году многие добровольно переместились на юг, поближе к Всемирной Колумбовой выставке, первой всемирной выставке, прошедшей в Чикаго. В конце XIX века мэр Картер Гаррисон-младший приказал полиции зачистить Чикаго Луп и окрестности. Большая часть заведений переместилась в район, граничащий с 18-й и 22-й улицами и Кларк и Уобаш-авеню.

Район приобрел мировую известность под названием Дамба. До начала иммиграции это название носил особо гнилой участок южной улицы Стейт.

Проблема была в том, что новая Дамба целиком находилась во Втором административном районе. Кофлин и Кенна решили вернуть Дамбу в Первый административный район, переделав границы районов. Мэр Гаррисон был многим обязан Кофлину и Кенне и охотно пошел бы им навстречу, но, к сожалению, олдермен Второго административного района решительно выступил против. Мэр не посмел вступать в конфликт. Но надежда оставалась. Чарльзу Гантеру, представителю демократов в преимущественно республиканском Втором административном районе, пришлось повторно баллотироваться в 1900 году. Его противником стал Уильям Хейл Томпсон, миллионер, поспоривший с друзьями на $50.

Большой Билл Томпсон стал олицетворением политических традиций Чикаго. Билли очень любил устраивать с друзьями (такими же сыновьями богачей) гонки на пони по крутым берегам реки Чикаго, а-ля ковбои против индейцев. В апреле 1881 года во время разлива реки мосты были непрочными. Операторы моста предупредили ребят, что лучше ехать медленнее. Они, конечно, проигнорировали предостережение. Находившийся в конце моста оператор не выдержал и схватил поводья пони Билли. Билли начал драку. Приехавшая полиция забрала его в тюрьму. Отец вызволил Билли в 2 часа ночи. Этим все могло закончиться, но не в Чикаго. Утром начальник полиции города стоял в офисе мэра и просил прощения, пытаясь отговорить мистера Томпсона от изначального требования уволить всех полицейских, касавшихся его сына. Билли увидел, что означает власть в Чикаго.

Власть у Томпсона-старшего действительно была. История семьи в США начинается в 1700 году, когда Роберт Томпсон перебрался в Нью-Гэмпшир из Англии.

Прапрадед Большого Билла командовал революционными войсками Нью-Гэмпшира; дед воевал против англичан на море во время Англо-американской войны. Отец служил флотским казначеем у адмирала Фаррагута[33] во времена Гражданской войны. Он женился на Медоре Истам Гейл, девушке из влиятельной чикагской семьи: ее отец принимал первый городской устав. До начала войны Уильям Томпсон-старший перебрался в Бостон, где к наследству добавил доход от брокерства. К 1867 году, когда на свет появился Уильям-младший, старший Томпсон устал от бостонской расчетливой скуки. В следующем году семья переехала в шумный, грохочущий Чикаго.

Аль Капоне на рыбалке у острова Палм-Айленд, штат Флорида. 1931.

Первый биограф Большого Билла называл его неугомонным парнем. Он рвался из школы, мечтал податься на запад и стать ковбоем. После истории на мосту отец согласился. Он поставил сыну два условия.

Во-первых, Билл мог отправляться на все четыре стороны,

если будет путешествовать на деньги, заработанные в продуктовом магазине.

Во-вторых, он должен возвращаться каждую зиму, чтобы получить образование.

В пятнадцать лет Билл отправился в Вайоминг. На протяжении шести лет он каждую зиму возвращался в Чикаго. Билл окончил старшую школу и проучился некоторое время в Чикагском бизнес-колледже. Остальное время он проводил на Западе. К совершеннолетию Билл скопил $30 000, торгуя скотом. Отец был впечатлен и купил сыну долю в ранчо в Небраске. В 1891 году Уильям-старший умер, и Томпсон, вняв слезным уговорам матери, вернулся в Чикаго. Он продолжил крайне успешный семейный бизнес по торговле недвижимостью.

Бывшие страсти не оставили бизнесмена в покое – спорт в полной мере заменил детские ковбойские утехи. На самом деле бизнесом руководил бывший счетовод Уильяма, а неугомонный парень занялся спортом. Томпсон вступил в Спортивный клуб Чикаго.

Под его началом команда по водному поло и футбольная команда дошли до чемпионата страны. В команде по водному поло он был капитаном, в футбольной – капитаном и тренером одновременно. Когда накануне матча выяснилось, что один из членов клуба регулярно покупал обеды для шести игроков (что являлось грубым нарушением принципов любительского спорта), Томпсон прямо заявил директорам Спортивной ассоциации Чикаго: «В этой ситуации мы можем сделать только одно. Мы в любом случае выступим на чемпионате, но этих людей дисквалифицируем». Клуб победил. Чикаго превозносил Томпсона.

По ночам он периодически появлялся в заведениях Дамбы с Джином Пайком, старым другом, с которым вместе гонялся на пони.

Они устраивали лихие холостяцкие попойки в отеле Metropole. Именно Пайк привел Томпсона в политику. В 1900 году, когда республиканцам нужно было сместить демократа Гантера, он предложил Томпсону баллотироваться. Томпсон, проигравший прошлой весной на выборах президента спортивной ассоциации, отказался. «Я не хочу больше участвовать в каких-либо выборах, – сказал он. – Если побеждаешь, – это одно, а проигрывать не хочу». Пайк стоял на своем. Как-то раз один из членов клуба бросил на стол $50, предложив Пайку спор. Член клуба сказал, что товарищ Пайка слишком труслив, чтобы баллотироваться. Неугомонный парень не устоял перед брошенным вызовом и прикрыл купюру рукой. Он принял спор

вместо Пайка.

Олдермены Кофлин и Кенна были вне себя от счастья. Население Второго административного района скорее отдаст предпочтение Томпсону. Это позволило бы Кофлину и Кенне вернуть контроль над Дамбой. Богатые люди селились восточнее Второго административного района, ближе к озеру Мичиган. Бедняки жили на западе от Мичиган-авеню. Так называемый Черный пояс, афроамериканское гетто Чикаго, расположился к югу от Второго административного района.

Томпсона считали человеком серым, невзрачным. При этом его кампании всегда проходили блестяще. Состоятельные избиратели Второго административного района относились к выборам олдерменов с безразличием, неприязненно воспринимая и городской совет, и Дамбу. Многие на протяжении двух сроков, так или иначе, поддерживали демократа Гантера, будучи республиканцами. Он был реформатором и был богат. Бедняки Второго административного района, склонявшиеся к демократам, и воротилы Дамбы не вызывали у Гантера симпатии. Томпсон рассудил, что вполне может рассчитывать на поддержку зажиточных жителей района, ведь сам был одним из них. Томпсон активно занялся работой по привлечению жителей Дамбы на свою сторону.

Он изо всех сил старался угодить посетителям всех 270 питейных заведений района, тратя по $175 в день на организацию выпивки. Он работал в афроамериканском гетто. В те дни темнокожее население голосовало за партию Линкольна. Нужно было суметь привлечь их к выборам. Томпсон наносил визиты и уверял – ему не все равно. Незавидная участь угнетенных людей возбудила чувство справедливости неугомонного парня.

Томпсон победил. За него проголосовали 2516 избирателей, за Гантера – 2113.

Кофлин и Кенна осыпали Томпсона лестными благодарственными словами и всевозможными почестями. Он проголосовал за передел границ, что гарантировало переход на второй срок. Томпсон не остался в долгу перед жителями Черного пояса: добился разрешения построить там первый городской парк развлечений.

Этот шаг принесет ему выгоду несколько позже.

В 1902 году он получил должность федерального комиссионера, со вторым по величине относительным множеством голосов[34]. Позже Томпсон несколько отошел от дел.

Тем временем Большой Джим Колозимо добился успеха и разбогател. В 1905 году он добавил ресторан и два борделя к уже имеющимся у них с Викторией. Колозимо организовал

прибыльную оптовую торговлю проститутками. Средний возраст девушек составлял 23–24 года. Они не задерживались в крупных борделях больше чем на пять лет. После уходили в мелкие бордели, затем – на улицы. Потребность в свежих поставках была стабильно высокой. Колозимо объединил усилия с Морисом Ван Бевером, элегантным сутенером, передвигавшимся в экипаже, управляемом кучером в цилиндре и ливрее с золотыми пуговицами.

Организованную ими систему обслуживания клиентов называли «кругом белых рабынь».

Эта сенсационная формулировка прикрывала страшную действительность. В первое десятилетие XX века газеты с мельчайшими подробностями муссировали, как порядочные на вид прохожие заманивали отравленным лимонадом пятнадцатилетних деревенских девушек, появлявшихся в городе. Они вели разговоры о браке, а в итоге девушки попадали в бордели, где их многократно насиловали (этот процесс назывался «введением»), избивали, не давая одеться. В бульварных газетах любили писать про бегло нацарапанные послания на обрывках бумаги, выброшенные из окна, когда никто не видит.

Социолог из Чикаго детально изучил вопрос и пришел к заключению, что зверства таких масштабов были редкими. Но даже то, что они вообще имели место, красноречиво говорит о бесчеловечности сутенеров. Подмешивание наркотиков в напитки, избиения и изнасилования были явными излишествами.

Большая часть проституток начинала деятельность исключительно из отчаяния. В 1913 году Уильям Баулер, сержант полиции Чикаго с тринадцатилетним стажем, четыре года прослуживший в Дамбе, дал показания следственной комиссии сената штата Иллинойс:

> – Сержант, будьте добры, назовите главную причину падения девушек?
>
> – Нищета.
>
> – Вы уверены?
>
> – Естественно. Можно назвать с десяток разных причин, списать все на любовь к определенному виду одежды, грешить на несчастную любовь, свадьбы, разводы, греческие рестораны и кафе, и так далее. Однако, если присмотреться, становится ясно, дело просто в нищете.

Одна журналистка была вынуждена переехать в комнату с арендной платой $2 и устроиться на работу в универмаг. Девушка работала шесть дней в неделю, с понедельника по субботу с 08.15

до 18.35. На работе старалась незаметно облокачиваться на прилавок, потому что боль в ногах была невыносимой. Девушка пыталась выжить на $6 и 50 центов в неделю. Завтрака за 15 центов хватало на час, по истечении которого она снова чувствовала мучительный голод. То же касалось обеда, ценой от 14 до 17 центов, и ужина. По воскресеньям она считала недельные расходы. Даже с чаевыми в 15 центов ей не хватало 11 центов. «Чтобы как-то держаться на плаву, – писала она, – приходилось обходиться без ужина за 20 центов в воскресенье. Для бедной женщины питаться крекерами с молоком – дело обыденное. Хотелось купить газету, но денег не оставалось».

В таких условиях никого не нужно было усыплять и заманивать – сами шли. Проанализировав сведения, полученные из 805 страниц показаний и вещественных доказательств, следственная комиссия пришла к выводу, что «Бедность является основной причиной… проституции. К сожалению, не признавать это – значит врать себе».

Воспользовавшись ситуацией, Колозимо и Ван Бевер начали устанавливать первые связи с сутенерами в других городах: Нью-Йорке, Сент-Луисе и Милуоки. Между городами был налажен обмен проститутками. Это было грамотным бизнес-решением, гарантировавшим постоянные поступления в бордели новых девушек, каждую из которых можно было продать за $400.

Деньги текли рекой. Успех Колозимо привлек внимание мародеров из банды Black Hand, придерживавшихся одной и той же тактики. Преуспевающему итальянцу приходило письмо. В нем был контур руки, закрашенный черными чернилами. Рисунок мог быть дополнен изображениями черепа, костей, наложенных одна на другую в форме креста, собственно крестами, ножами. Требуемая сумма приводила в отчаяние. Не обходилось и без угроз семье, имуществу или всему сразу. Письмо могло быть выдержано в высоком слоге в лучших традициях Старого Света:

> «Достопочтимый мистер Сильвани! Смеем надеяться, наша скромная просьба не произведет слишком сильное впечатление. Если Вам дорога жизнь, будьте, пожалуйста, любезны прислать $2000. Покорнейше прошу оставить деньги у Вашей двери в течение четырех дней. Даем честное слово, от Вашей семьи не останется ни следа, если денег в условленном месте не окажется. На этом откланиваемся».

Но чаще угрозы были прямыми и неприкрытыми, учитывающими все возможные последствия, которые могут наступить для жертвы:

> «У вас водятся деньги. Мне нужна $1000. Положите эту сумму купюрами $100 в конверт под тротуарную доску на северо-восточном углу 69-й улицы и Юклид-авеню сегодня вечером. Если оставите деньги в указанном месте, будете жить. Если нет, умрете. Если обратитесь в полицию, я убью вас, когда освобожусь. Полиция может спасти ваши деньги, но не спасет жизнь».

Еще одно письмо от Black Hand заканчивалось следующими словами: «Даже если уедете из города, вам не избежать самой жестокой мести». Некоторые смельчаки игнорировали письма от Black Hand. Это, как правило, приводило к разрушению жилищ и предприятий и массовым убийствам. В какой-то момент письма от Black Hand приобрели особый вес, отношение к ним начало меняться. По разным показаниям, от сорока до шестидесяти независимых банд, выдававших себя за банду Black Hand, за тридцать лет убили в США свыше четырехсот человек.

Так продолжалось, пока федеральные власти не догадались внести поправки в закон о неприкосновенности почтовых вложений.

Большая часть жертв копила деньги честным путем – усердно работая и экономя. У них не было возможности дать отпор, но встречались исключения. Колозимо, например, совершенно спокойно убивал членов банды Black Hand, осмеливавшихся угрожать. Тем не менее отсутствие целостности, анонимность и вездесущность банды Black Hand делало любые попытки противостоять бессмысленными. Нельзя убить того, чье местоположение неизвестно. Колозимо делал все, что в его силах: устанавливал различные ловушки, одного рэкетира пристрелил лично, а за другим послал людей, вооруженных дробовиками. В 1909 году он был вынужден обратиться за помощью.

У жены Колозимо был двоюродный брат по имени Джон Торрио, живший в Бруклине, влиятельный и обладавший дурной славой. Газеты звали его Маленьким Джоном и Кошмарным Джоном. Оба прозвища были ему к лицу, но, кроме газет, нигде не использовались. Торрио был слишком прямолинеен и груб, что исключало возможность фамильярничать, раздавая клички. Изредка его называли Джей Ти по первым буквам имени и фамилии. По прибытии в Чикаго Торрио быстро и эффективно решил проблему Колозимо с бандой Black Hand.

У Колозимо требовали $25 000. Когда Колозимо проигнорировал рэкетиров, сумма выросла вдвое. Торрио вступил в переговоры и сделал вид, что принимает условия. Передача денег должна была произойти в полночь, под мостом у железной

дороги. На место прибыл экипаж, в котором вместе с Торрио было двое головорезов Колозимо, Джои д'Андреа и Мак Фитцпатрик. Из тени вышли бандиты из Black Hand. Стрелок Торрио открыл огонь, убил двоих и смертельно ранил третьего. Его сил хватило, чтобы попросить полицию передать его «другу», Большому Джиму, прийти попрощаться. Бандит обозвал Колозимо Чертовым предателем. Коллегия присяжных при коронере заключила, что троих нарушителей убил уже привычный и ожидаемый неизвестный.

Драма охладила энтузиазм других любителей легкой наживы поиграть с Колозимо.

Колозимо хотел, чтобы Торрио остался, Торрио тоже. Положение в Манхэттене было неблагоприятным; ирландцы по-прежнему держали бруклинские причалы в руках. Торрио, с его талантами, заслуживал большего. В возрасте двадцати семи лет Торрио начал карьеру в качестве управляющего борделя Колозимо в Дамбе, под названием Saratoga на 21-й улице.

От управляющего Saratoga Торрио дошел до управляющего всеми делами Колозимо. Теперь ему как старшему лейтенанту причиталась часть общего дохода. С позволения непосредственного начальника Торрио открыл свои заведения – бар и бордель недалеко от Виктории. Управляющим борделя Торрио назначил двоюродного брата Рокко Венилло, который предпочитал кличку Рокси Ванилла и утверждал, что был боевиком в Монтане.

Но возникли проблемы. В 1912 году на мэра Гаррисона сильно надавил окружной прокурор, поддерживаемый группой неутомимых реформаторов. Мэр был вынужден сформировать полицию нравов в количестве пятнадцати человек, во главе с офицером национальной гвардии Иллинойса, майором Метеллом Лукуллом Цицероном Фанкхаузером.

Неподкупный Фанкхаузер подошел к делу с фанатизмом. При нем фильмы подвергались жесткой цензуре, атмосфера благопристойности насаждалась насильственно. Хотя номинально Фанкхаузер числился вторым заместителем комиссара полиции, его полномочия выходили за рамки полицейских. За полгода отряд, под пристальным надзором Фанкхаузера, арестовал около трехсот пятидесяти проституток, сутенеров, игроков и владельцев разных заведений. Питейные заведения с плохой репутацией были закрыты.

Несмотря на все старания, Фанкхаузер практически не получал поддержки от полиции и прокуратуры. Начальник районного отдела полиции, непосредственный партнер Кофлина и Кенны, капитан Майкл Райан, вел с ним открытую активную

борьбу: например, оповещал владельцев заведений перед каждым рейдом полиции нравов. В конце концов Майкл Райан добился отстранения Фанкхаузера от дел. Как бы то ни было, Торрио, поняв, что эта деятельность вызывает преследования (пусть даже и слабые), приступил к реализации идеи, занимавшей его уже давно. В те времена регистрировалось большое количество автомобилей: в 1912 году было зарегистрировано в два раза больше машин, чем в 1910-м, а в 1915 году вдвое больше, чем в 1912-м. Общее количество автовладельцев по состоянию на 1915 год составляло 2 309 666. Торрио понял, что придорожные заведения, имевшие огромный бизнес-потенциал, придутся по нраву множеству рабочих из фабричных и шахтерских городов, окружавших Чикаго, вроде Гарри и Хаммонда. Много таких городов располагалось и рядом с границами штата Индиана.

Торрио нашел идеальное место для реализации нового проекта в Бернэме, участке земли площадью примерно в одну квадратную милю. Участок располагался к юго-востоку от Дамбы, рядом с границей штата Индиана. Там проживала примерно одна тысяча человек. Никаких проблем с полицией не возникло. Джону Паттону в газетах дали прозвище Мальчик мэра. Официально должность называлась «деревенский председатель». Паттон занял этот пост в двадцать лет. Он оказался единственным желающим. Джон Паттон стал одним из главных криминальных помощников Торрио. Вскоре у Торрио с Колозимо (теперь партнеров) было три заведения, объединявших одновременно ночной клуб, бордель и игорное заведение. Это были Burnham Inn, Speedway и Arrowhead.

Управление этими заведениями осуществлял Мальчик мэра совместно с начальником полиции Бернэма, а местные жители с удовольствием работали официантами.

Когда Капоне развернул деятельность, концепция пригородных заведений приобрела широкий размах. Все быстро усвоили, насколько это удобно: когда администрацию небольшого городка или, по крайней мере, его полицию можно купить целиком, не надо вечно лавировать вокруг политиков и реформаторов, норовящих вставить палки в колеса.

К середине 1914 года район Дамбы буквально гудел. Активность не утихала ни на минуту. Осведомителя полиции нравов убили, а детектива, расследовавшего это дело, зарезали. Владелец бара, в котором было совершено убийство, лишился лицензии. Позже, напиваясь, он то и дело заговаривал, что собирается убить Фанкхаузера и его помощников.

В разгар этой напряженной обстановки, 16 июля около 21.00, был совершен рейд на бордель Turf на 21-й улице. Два неопытных офицера остались с арестованными ожидать фургон. Остальные

отправились в другой рейд. Отправив арестованных, офицеры последовали за отрядом. Их окружила толпа хулиганов, выкрикивая угрозы и проклятия. Когда полетели кирпичи, офицеры достали оружие. К ним присоединился один из бывших информаторов Фанкхаузера.

Неподалеку оказались два сержанта уголовной полиции. Они не знали о рейде. Когда Стэнли Бернс с партнером услышали крик: «У них пистолеты!» – тотчас помчались назад. Увидев вооруженных людей в штатском, тоже выхватили оружие.

До сих пор не установлено, кто был зачинщиком. Мимо проезжал Торрио в ярко-красном родстере, который ни с чем нельзя было спутать. С ним были двоюродный брат Рокси Ванилла и Мак Фитцпатрик, стрелок, который помог разобраться с неприятелями Колозимо из Black Hand. Один из участников утверждал, что все началось со стрельбы мужчины в светло-сером костюме и соломенной шляпе. Второй очевидец настаивал, что инициатором инцидента был пассажир красного автомобиля, выпрыгнувший с пистолетом наперевес. Позже версию отвергли. Рокси Ванилла подходил этому описанию и получил пулю в ступню. Анонимный Офицер 666 написал статью в газету, выставлявшую виновником Мака Фитцпатрика.

Капитан Райан, известный как не самый высоконравственный человек, утверждал, что во всем виноваты зеленые копы Фанкхаузера, которые струсили и наломали дров.

Не имеет значения, кто первым открыл огонь. Важно, что сержант Бернс упал замертво, его напарник был ранен в бедро, одному новичку пуля угодила в таз, другому в ногу, осведомитель получил пулю в пах.

Торрио скрылся на некоторое время; Колозимо попал в тюрьму на несколько часов (единственный раз, когда он оказался за решеткой, за всю жизнь). На судебное разбирательство не пришел никто, кроме убийцы предполагаемого осведомителя. Ему удалось избежать наказания по апелляции.

Разгоревшийся в связи с перестрелкой скандал положил конец процветанию Дамбы. Мэр убрал из района близкого товарища олдермена, капитана Райана, и поставил вместо него Макса Нутбара, честного копа. Когда Айк Блум (одна из крупных фигур Дамбы, владелец успешного танцпола) пришел заключить привычное соглашение с новым капитаном, Нутбар вышвырнул Блума прочь. После убрал из общего зала на первом этаже портрет Блума, который на протяжении долгого времени занимал почетное место. Кроме того, Гаррисон отозвал множество лицензий – даже у Колозимо и Торрио, которые все больше увлекались бернэмским проектом. Владелец питейного заведения,

муж проститутки из Дамбы, заплатил своим людям, закрыл двери бара и объявил, что, возможно, впервые реформы действительно будут проведены.

Но последнее слово оставил за собой Большой Билл Томпсон.

Соперничество Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта в 1912 году позволило демократу Вудро Вильсону[35] стать президентом и вылилось в междоусобные распри среди республиканцев Иллинойса. Фред Лундин[36], шведский иммигрант и подлинный американский политический гений, увидел в ставшем обыденным политическом хаосе шанс продвинуть своего кандидата на должность мэра от Республиканской партии в 1915 году. Он выбрал на эту роль Томпсона. Лундин начал работу за два года до первых праймериз, разрабатывая свою организацию по классической поэтапной схеме, округ за округом.

Его привезли в Америку в двенадцать лет, спустя некоторое время после Великого чикагского пожара 1871 года. В детстве и юношестве Лундин сменил много мест работы. В двадцать лет организовал передвижной театр, в антрактах спекулировал лекарствами. С ним работали двое темнокожих, игравших на банджо. Во время представлений Лундин надевал костюм (черный сюртук, галстук-бабочка, фетровая шляпа с широкими полями и круглые янтарные очки), подчеркивавший его неординарную внешность, с острыми, торчащими вперед зубами и пышной копной волос.

Он придумал эффектную рекламу для можжевелового сиропа Juniper Ade собственного производства: «…полезный, вкусный, несравненный, освежающий, пенящийся безалкогольный напиток… То, что доктор прописал… Дешево! Вкусно! Одна ложка на галлон воды! Можно пить с чем угодно! Вам понравится! Подходим, друзья, подходим». Он добился успеха, пошел в политику, служил в сенате штата и один срок в 1908 году в палате представителей. Характерной особенностью Лундина было изощренное умение маневрировать за кулисами. Он называл себя не иначе, как просто бедным шведом, и любил подчеркивать свою малозначимость.

Пока Лундин занимался организационной стороной кампании, а Томпсон играл роль «неопознанного представителя партии», обыватели колебались: официально Томпсон заявил об участии в выборах лишь за месяц до февральских праймериз. Гарри Олсон, верховный судья муниципального суда, с трудом согласился признать легитимность кампании, заявив: «выскочки никогда не смогут пустить под откос уже запущенную машину». Томпсон, тем временем, продолжал располагать юных ночных

бабочек и темнокожих, как делал в 1900 году. В Европе в 1914 году началась Первая мировая война. Томпсон раскритиковал британскую политику перед более чем 600 000 немцев и австрийцев, проживавших в Чикаго. Буквально накануне праймериз его кампания распространила брошюры, в которых говорилось, что жена Олсона, ревностная католичка, непременно проведет глубокие реформы образовательной системы.

Томпсон победил. За него проголосовали 3591 избиратель.

В апреле он столкнулся с чиновником из округа Кук Робертом Свайтцером, разгромившим Картера Гаррисона в борьбе за демократическую номинацию. Во время своей предвыборной кампании Свайтцер ставил Томпсону в упрек, что он говорил разные вещи различным группам людей. Газета, поддерживавшая Свайтцера, писала: «Томпсон пытается угодить всем сразу. В польских районах он противник Германии. В немецких районах твердит: «Unser Wilhelm fur Bürgermeister…»[37] В ирландских районах проклинает короля Англии». Это правда, Томпсон действительно учитывал интересы своей аудитории в каждый отдельный момент.

Женщинам он говорил: «Председателем образовательного совета непременно будет женщина! Кто лучше, чем мать, знает, что нужно детям?» В богатых районах клялся: «Наш город будет чистым. Здесь не место всяким аферистам!» В пролетарских говорил чуть нетрезвым баритоном: «Не вижу ничего дурного в том, чтобы пропустить рюмочку-другую в баре на углу». А в Черном поясе: «Когда я стану мэром, полиции будет чем заняться, кроме как мешать людям мирно играть в кости». Томпсон обещал темнокожим: «Я дам вам работу». Обнадеживал избирателей: «У нас будут просторные улицы, новые здания, новые заводы, новые зарплаты. Мы будем жить хорошо, и у каждого в доме будет накрытый стол!»

На протяжении всей карьеры, во время взлетов и падений, Томпсон оставался популистом на словах, а иногда даже на деле. Этим характеризовалась бурная и странная политическая жизнь Чикаго двадцатых годов. Свайтцер был честным и необыкновенно популярным человеком. Говорили, у него миллион друзей. Однако все понимали, Свайтцер – творение своего демократического босса Роджера Салливана, активного фигуранта газовых скандалов. «Ребята, – говорил Томпсон журналистам, – настоящая проблема этой кампании – газовый трест! Понятно, он наживается на простом народе… На повестке дня сейчас стоит вопрос: «Действительно ли народ хочет передать бразды правления администрации Роджера Салливана[38]? Спросите любого мужчину, у которого есть семья… Спросите

любую мать, которая вынуждена отрывать гроши от детей, чтобы прокормить жадные рты газового треста… Посмотрите хотя бы на свои счета…» За неделю до выборов, совместно с комиссией по коммунальному хозяйству, Томпсон подал петицию о снижении цен на газ на 30 %. Тем временем Лундин продолжал вести закулисную деятельность.

Демократ Картер Гаррисон злостно ненавидел Салливана, всячески старался испортить жизнь республиканскому кандидату и не жалел на это средств.

Накануне выборов Свайтцер обратился к группе политических лидеров, в то время как Томпсон поступил умнее и направился к темнокожему населению Второго административного района.

Белая надежда, Джесс Уиллард, победил темнокожего Джека Джонсона в поединке в супертяжелой весовой категории вечером того дня. «Только настоящий ковбой вроде Уилларда мог побить такого славного малого, как Джонсон. Завтра ковбой непременно будет на вашей стороне. Помните: Билл Томпсон победит на выборах ради вас…» Люди прекрасно понимали, Томпсон в самом деле был за них. Он не раз доказывал, и афроамериканцы знали, докажет это вновь. Томпсон победил. Он набрал 390 691 голос против 251 502 голосов соперника, что почти точно соответствовало прогнозам Лундина и было самым большим преимуществом республиканцев за всю историю Чикаго.

Приступив к деятельности, Томпсон подверг резкой критике капитана Нутбара, отправил на пенсию инспектора полиции нравов Фрэнсиса Ханну, а надсмотр за борделями снова поручил регулярной полиции.

Что касается полиции нравов, он докучал майору Фанкхаузеру, строя козни на юридическом уровне. В итоге Томпсон добился упразднения полиции нравов.

Торрио и Колозимо понимали, дни их славы позади, и отныне Дамба должна стать скромнее. Колозимо это не особенно волновало. В 1910 году он открыл Кафе Колозимо по адресу улица Саут-Уобаш, 2126, в самом сердце Дамбы. Кафе Колозимо было в общем благопристойным и чинным заведением, кроме части на втором этаже, выделенной под азартные игры. Большой Джим нанял шеф-повара мирового класса, шикарно обустроил прекрасный винный погреб и регулярно приглашал самых выдающихся артистов и оркестры. Кафе Колозимо стало центром ночной жизни Чикаго, оазисом спокойствия, безопасности и роскоши в страшном районе Дамба. В заведение приходили все – от жителей Золотого берега до местных пожарных.

Колозимо получал огромное удовольствие от кафе.

Посетители видели в нем приятнейшего, добрейшего хозяина. Вскоре заведение стало приносить $50 000 в месяц (в основном благодаря усилиям партнера).

Торрио полностью устраивало, как шли дела в империи. Он воспроизвел бернэмский проект на западе и юго-западе пригорода Чикаго. Даже в местах, руководство которых было глубоко коррумпированным, Торрио старательно обходил соседей в каждом перспективном месте и активно заводил знакомства: помогал местным с различными платежами, чинил протекающие крыши и вообще делал для домовладельцев многое, стараясь подружиться.

Торрио приобрел четырехэтажное кирпичное здание в противоположном конце квартала, в котором находилось заведение Колозимо Four Deuces по адресу Саут-Уобаш, 2222. Планировка заведения наглядно демонстрировала новый вид конспирации в Дамбе. На первом этаже располагался обычный бар, не более грязный, чем остальные. За барной стойкой – лестница, отгороженная экраном. Вторая лестница была на торце здания. На втором этаже разместились административные и бухгалтерские помещения. На третьем этаже за стальной дверью шла игра, а на верхнем расположился бордель.

Оставался только один серьезный повод для беспокойства: кто придет на смену любезному господину Томпсону после выборов 1919 года?

«Циничный и бесстыжий негодяй», – писала про него газета New York Times. «Один из худших мэров в истории этого города», – возмущалась спрингфилдская газета Republican. «Бедный Чикаго», – таким был заголовок в газете Star, издававшейся в Канзас-Сити. В статье утверждалось, что Томпсон был невозможным мэром. Когда он снова баллотировался в мэры, вся страна пришла в ужас. Неужели Чикаго был обречен? Что же всем так не нравилось в Томпсоне?

«Томпсон непременно должен снискать уважение и благосклонность жителей Чикаго, – писал Джон Брайт, современник Томпсона, не питавший к нему особенно добрых чувств, – большой, веселый, живой, уверенный в себе, необыкновенно добрый, возвышающийся над всеми, как успешный дядюшка. После завоевания уважения Томпсон добивается обожания, говоря на их языке, вульгарном, преисполненном жаргонизмов, живом… Один из лучших шоуменов Америки, и один из лучших актеров». Но он не только играл. Чикагский журналист писал: «Некоторые политики являются слепыми продуктами своей эпохи. Они на интуитивном, пророческом уровне понимают, чего хочет народ. Они

рассуждают так, словно озвучивают не очень умные помыслы толпы».

Томпсон чувствовал, чего хотят избиратели, потому что хотел того же. Эта чуткость частично объяснялась горячностью неугомонного парня, которая культивировала лояльную и честную игру. Со временем Томпсон начал верить в свои слова. Он не был обременен реалистическими соображениями. Несмотря на то что Томпсон владел муниципальными ценными бумагами стоимостью в $1 670 000, рьяно требовал снижения тарифов, потому что обворовывать друзей, которые помогли получить должность – просто-напросто неправильно. Важно учесть – для них не имело никакого значения, что Томпсон не принимал никаких реальных мер в отношении трестов.

На выборах 1919 года у Томпсона не было серьезных конкурентов. Босс демократов Роджер Салливан снова выдвинул Роберта Свайтцера. Его команда, конечно, менее коррумпированная, чем власть предержащая, но только потому, что не была достаточно привилегированной.

Единственной проблемой, которую они выделяли, была коррупция. Один государственный служащий собирался отдать голос за Томпсона только потому, что у оппозиции «не было ни единой прогрессивной или конструктивной идеи». Тем временем Томпсон продолжал бить себя в грудь и утверждать, что истории про его коррумпированность – «вранье, сплошь вранье!» и измышления «гнусных, тонущих во лжи чикагских газет». Он говорил: «Я за самоуправление, снижение цен на газ, пятицентовый тариф на проезд на трамвае. Я за народ, против корыстных интересов!» Томпсон продолжал сотрудничать с темнокожими, устраивая их на приличную работу; Луиса Андерсона, олдермена из Черного пояса, назначил председателем совета. Он жестко пресекал любые возражения.

Вот как журналист охарактеризовал тогдашнее положение вещей: «Дело в том, что государственный аппарат мог приводиться в движение только прогрессивными идеями и демократическими реформами. Другого пути нет».

«У каждого свой вкус, – сказала одна пожилая женщина, поцеловав корову, – прокомментировал журнал State Journal, издававшийся в городе Линкольн, штат Невада. – Большинство чикагских избирателей хотели, чтобы городом продолжил управлять мэр Томпсон… Это их дело. Возможно, также их конец».

1 апреля 1919 года Большой Билл Томпсон победил и стал мэром Чикаго второй раз, набрав немногим более 21 000 голосов.

В том же году Фрэнки Йель распорядился, чтобы Аль Капоне

залег на дно в Чикаго, пока Билл Ловетт не устанет искать его.

По прибытии Аль Капоне не занял высокой позиции. Он начал работать вышибалой в Four Deuces за $35 в неделю. Возможно, был и зазывалой, в зимние ночи поднимал воротник и, держа руки глубоко в карманах, подходил к прохожим и бормотал: «У нас красивые девушки, заглядывай». Лакейская карьера Капоне продолжалась недолго. В начале 1920 года Йель устал вести окопную войну с ирландцами в Бруклине. Он начал разрабатывать план переворота, который мог навсегда изменить соотношение сил. Для реализации плана нужны были надежные и незаметные приезжие убийцы. Он вызвал Аль Капоне, зная, что бывший вышибала успел неплохо зарекомендовать себя.

Аль Капоне исполнился двадцать один год. Сильный интеллект и яркое воображение проступали сквозь внешнюю простоту. Ему удалось попасть под опеку Торрио, так же как Торрио, в свое время, повезло оказаться под облагораживающим влиянием Пола Келли. Торрио быстро оценил молодого бандита. Аль Капоне обладал качествами, которых были лишены парни, работающие с Торрио. В здании Four Deuces, по адресу Саут-Уобаш, 2220, было свободное помещение под магазин. На волне тенденции к внешней благопристойности Аль Капоне декорировал витрину старым пианино, тремя столами, комнатными растениями, креслом-качалкой, коврами и аквариумом. В центре витрины была книжная полка с семейной Библией. Он отпечатал карточки:

АЛЬФОНС КАПОНЕ
Продавец подержанной мебели
Саут-Уобаш-авеню, 2220

И зарегистрировал телефонный номер как «А. Капоне, продавец антиквариата». Это производило впечатление легального бизнеса. Посмеиваясь, Капоне говорил, что продает любое старье, на которое можно прилечь.

У Джона Торрио отсутствовало чувство юмора, однако он ценил воображение и дальновидность. Аль Капоне мог пригодиться, и Торрио решил помочь Йелю. Йель стал должником Торрио. Новый сухой закон сулил золотое дно для криминального мира. Однако Торрио должен был сделать что-то с Большим Джимом Колозимо, чтобы преуспеть.

Глава 4
Благоприятные возможности

Джон Торрио нуждался в Аль Капоне и ценил его таланты. Большой Джим Колозимо ничего не значил для Капоне. С самого начала Аль Капоне хранил верность и восхищался Джоном Торрио. Взгляды Торрио стали взглядами Аль Капоне. Хотя в представлении Колозимо совместный бизнес был успешным, Торрио чувствовал – такое благополучие таит опасность. Колозимо не стал бы пользоваться уникальной возможностью, которую видел Торрио, и не допустил, чтобы Торрио сделал это сам.

Колозимо был уверен в своем благополучии. Он перерос Кофлина и Кенну. Будучи фактическим владельцем итальянских голосов Первого административного района (итальянцы стремительно вытесняли ирландцев), держал жесткий контроль над политической базой. К его словам прислушивались как в полиции, так и в политике. Никакие потрясения не могли испортить отношения Колозимо с олдерменами. Банька Джон Кофлин был бы только рад ослаблению связей. Жестокость, неизбежно сопровождавшая вымогательства и поддерживавшая удобный для Колозимо и Торрио порядок, всегда беспокоила этого ласкового медведя. Новый уклад был ему больше по душе. Кофлин и Кенна по-прежнему продавали алкоголь большей части питейных заведений Первого административного района, сохраняя политический контроль, а Колозимо поставлял голоса избирателей. Все преступное сообщество района находилось в руках Колозимо.

Разгромив всех на выборах 1920 года, Томпсон восторженно провозгласил: «Теперь мы им покажем!» – и это проявилось в деятельности решительно каждого образования администрации мэра. Все его назначенцы и партнеры (за редким исключением) были абсолютно коррумпированными. Выступив против принципов уходящего в отставку губернатора Иллинойса Фрэнка Лоудена, чью администрацию газета New York Times охарактеризовала как «модель чистоты, эффективности и экономичности», Томпсон отклонил кандидатуру Лоудена на президентскую номинацию от Республиканской партии, выдвинув Уоррена Гардинга.

Томпсон поддержал любимца Фреда Лундина, банкира и фермера из Канкаки Лена Смолла, в борьбе за преемственность, хотя кандидатура Лоудена была более рациональной. Будучи

губернатором, Смолл предстал перед судом за хищение бюджетных средств. Он избежал наказания путем взяток и угроз присяжным. Смолл сумел организовать успешный бизнес на помилованиях, в который были вовлечены влиятельные фигуры преступного мира.

Единственным близким, не коррумпированным партнером Томпсона был Роберт Кроу, прокурор штата (так в Иллинойсе называли окружных прокуроров) в 1920–1928 годах. Он родился в 1879 году в Пеории[39], окончил Йельскую школу права. Будучи ирландцем, женился на представительнице влиятельной итальянской семьи Кунео. Тесть Кроу был основателем первой оптовой торговой компании в городе. Кроу был среднего роста, крепкого сложения, с выдающейся вперед нижней челюстью, придававшей несколько дерзкий вид и подходившей его властной натуре.

Почти все в нем было неоднозначным. Кроу довольно долго проработал помощником прокурора штата и помощником корпоративного адвоката в Чикаго. После, на протяжении четырех лет, был судьей окружного суда. Кроу был самым молодым человеком в стране, занявшим эту должность. В тридцать восемь лет дослужился до звания главного судьи. Кроу был талантливым юристом. Работая прокурором штата, разбирал различные дела самостоятельно, что было довольно необычно при такой политически рискованной позиции: просчет мог очень больно ударить по голосам.

Он лично столкнулся с Кларенсом Дэрроу[40] в процессе Леопольда-Лэба[41].

С другой стороны, при нем ни один высокопоставленный гангстер не был осужден за серьезное преступление. Территориальные распри продолжались, и ни один из участников не понес наказания за убийство. По крайней мере в двух случаях, представляющих величайший интерес для Аль Капоне, сама политика Кроу исключала возможность каких-либо санкций. Кроу прибегал к помощи бандитских налетов во время выборов (это не выделяло его на фоне других). Что касается политической стороны, хоть он и презирал Томпсона, бросил все силы на предвыборную гонку 1920 года.

Джон Гэррети был умеренной версией Томпсона. Второй подряд начальник полиции, которого мэр был вынужден уволить под давлением разгневанной общественности. Гэррети разоблачили, когда он неумело пытался скрыть коррупционную деятельность. Гэррети был в сговоре с Майком Хайтлером, беспринципным сутенером (также занимавшимся махинациями с алкоголем). Томпсон заменил Гэррети Чарльзом Фитцморрисом,

ставшим самым молодым начальником полиции города Чикаго в возрасте тридцати шести лет. Он работал журналистом, секретарем Картера Гаррисона, затем – Томпсона, которому продался перед выборами 1915 года. Мэр отдал новому начальнику полиции традиционное показное распоряжение «разобраться с негодяями».

Аль Капоне на скачках в Ливенворте во время перерыва. Чикаго. 20 июня 1931 года.

Рейды Фитцморриса принесли много шума и мало перемен. Он был шокирован, когда узнал, что в Чикаго, оказывается, существуют азартные игры. Разъяренный Фитцморрис разгромил несколько карточных комнат, опрокинул три рулетки у Иззи Лазаря и прервал несколько игр в кости. Он разогнал несколько сотен мелких правонарушителей, на которых даже были заведены полицейские протоколы. Вскоре даже такие рейды сошли на нет.

Как ни странно, Торрио положительно относился к рейдам. Если не брать в расчет безразличие и упрямство Колозимо, планам Торрио представляла угрозу только текущая криминальная волна. После окончания войны уровень уличной преступности сильно вырос. В 1919 году в Чикаго были убиты более трехсот человек. За одну неделю ноября совершено двести пятьдесят ограблений – рекордное количество. В начале года

активные граждане сформировали Комиссию по предупреждению преступности Чикаго в надежде, что сделают то, чего полиция упорно не делала. Хотя страна страдала от послевоенной рецессии, Комиссия по предупреждению преступности Чикаго пришла к убеждению, что преступность в Чикаго «обусловлена вовсе не бедностью или трудной жизнью. Преступность является бизнесом». Этот бизнес вызывал возмущение граждан, мог спровоцировать репрессии против незаконной деятельности Торрио. Планы Торрио по созданию нелегального сервиса, который мог затмить все остальные источники доходов, оказались под серьезной угрозой.

«Ни к чему человек не стремится столь рьяно, как к установлению правил поведения для других людей», – писал Уильям Говард Тафт[42]. Большая часть американцев вряд ли вообще желала введения какого-либо сухого закона.

Члены «Антисалунной лиги»[43], основанной в 1893 году в Оберлине, штат Огайо, искренне верили, что без алкоголя жизнь станет лучше. Историк писал: «Они стремились создать мир, свободный от преступлений, желаний и греха, своего рода тысячелетний Канзас…»

Кампания быстро распространилась по всей стране. Она объединяла вдохновляющий идеализм и брутальную, жесткую политику. Лига прямо-таки терроризировала Конгресс. Как говорилось в популярной песне тех времен под названием «Что у них на Вас, господин конгрессмен?»:

Все пойло теперь под присмотром Конгресса,
И не упустят они интереса!
Денежек сколько на этом набрали?
Интересно, где взяли и с кем они спали?

Один «неправильный» голос в Конгрессе – и все перевернется усилиями Антисалунной лиги, состоящей из пятидесяти тысяч человек.

Вступление Америки в войну 6 апреля 1917 года придало движению по борьбе с алкоголем сакральный смысл, отнеся к проявлениям патриотизма. Движение поддерживали даже те, кто прежде занимал неопределенную позицию. Лига продолжала пропагандистскую деятельность, напоминая, что алкогольная индустрия потребляла количество зерна, достаточное для производства одиннадцати миллионов буханок хлеба в день. Пьяные рабочие производили дефектную военную технику, а пьяные солдаты стреляли мимо цели.

Конгресс поддержал эти ограничения и предложил

резолюцию, призывающую к внесению в Конституцию поправок, ограничивающих продажу алкоголя. Резолюция была передана законодательным собраниям штатов для ратификации в декабре 1917 года. 16 января 1919 года Небраска обеспечила необходимое большинство в три четверти голосов[44], став тридцать шестым штатом, принявшим резолюцию. Через год 18-я поправка стала законом.

Тем временем лига агрессивно проталкивала военный сухой закон через Конгресс. До вступления в силу 18-й поправки в полночь 16 января 1920 года временный закон полностью запрещал на территории Соединенных Штатов производство, продажу и перевозку (несанкционированную) любого напитка, содержащего более чем 0,5 % алкоголя. Важно заметить, ни во временном, ни в постоянном запрете не говорилось о владении, распитии и приобретении алкоголя. Лига предусмотрительно избежала оскорбления достоинства избирателей и членов Конгресса, которые были завзятыми пьянчугами, хотя и ратовали за отмену алкоголя.

Ибо, если поцелуи опьянят,
У Закона будет убран яд, —

говорилось в одной из ранних популярных песенок эпохи Софии Такер[45], наивно полагавшей, что граждане подчинятся 18-й поправке. Однако вскоре Америка переключилась на другую волну. Примерно во время появления постановки «Безумства Зигфелда»[46] Ирвинг Берлин[47] выразил возмущение в композиции «You Cannot Make Your Shimmy Shake on Tea» («Под чаем не станцуешь». – *Примеч. перев.*).

Для Джона Торрио введение сухого закона означало, что молитвы были услышаны. Он всегда стремился к тому, чтобы превратить криминальную деятельность в классический бизнес; глупцы помогли, сделав классический бизнес криминальной деятельностью.

Торрио мог вступить в бизнес, ничего не боясь и не задумываясь о конкуренции со стороны преуспевших в этом деле, поскольку новые запреты открыли огромные возможности для сильнейшего накручивания цен. За бокал пива ценой пять центов и за рюмку чего-нибудь покрепче, которая раньше стоила десять центов, просили вдвое или даже вдесятеро больше. У поставщиков были развязаны руки, поскольку ограниченная конкуренция сопровождалась лишь незначительно уменьшившимся спросом. В кадрах дефицита тоже не было, бутлегерство оплачивалось очень щедро, а риск был на порядок

ниже, чем в любой другой криминальной деятельности. Возможное наказание было гораздо мягче.

Внимание Торрио занимало одно соображение. Хотя в 18-й поправке и говорилось о «совместных усилиях» отдельных штатов и федерального правительства в охране закона, он по факту был федеральным законом (известным как закон Волстеда[48], названный в честь конгрессмена, который ввел его). Это означало, что закон охраняется федеральными агентами, подконтрольными министерству финансов. Торрио не забыл, как одна проститутка отправилась, по привычной программе обмена, в город Бриджпорт штата Коннектикут и сдала Колозимо. Против него легко мог быть применен закон Манна[49]. Наказание было бы суровым. Ее пришлось убить. Федеральные агенты, которые участвовали в деле, оказались непреклонными и неподкупными. Что на этот раз? Насколько опасны эти федералы? На что они готовы были пойти в защите закона?

Ответ не заставил себя ждать. Антисалунная лига, внесшая лепту в создание закона Волстеда, не видела серьезных трудностей в защите закона. К тому моменту народ разделял отвращение к барам, ставшим гнойными язвами преступности и местами концентрации коррумпированных политиков.

Однако лига ошибочно смешивала антисалунную идеологию с непримиримой ненавистью, которую испытывала к алкоголю. Члены лиги считали, что общественность занимает такую же позицию, и воображали, что возмущенный американский народ, в особенности женская часть, будет исправно доносить на нарушителей. Лига сделала правоприменительный механизм объектом своего патронажа.

Чтобы поступить на государственную службу, необходимо было сдать экзамен (его проходили двое из пяти кандидатов, со второй попытки). Зарплата оказалась меньше, чем у сборщиков мусора (от $1200 до $2000 в год в начале действия закона и около $2300 к 1930 году). Это подталкивало к коррупции. В конечном итоге приблизительно один агент из каждой дюжины был уволен по причине неэффективности, сухой сенатор провел аналогию с Иисусом и учениками.

Возмущенный чиновник назвал федеральных агентов «окружными подхалимами и лизоблюдами политиков». Но будь они даже ангелами во плоти, руководствующимися строжайшими этическими принципами в поведении, – их было слишком мало для полноценного исполнения работы.

В начале команда состояла из 1500 человек (за всю историю существования число не превышало 2300 по всей стране). С начала деятельности они продемонстрировали готовность к

коррупции. В соответствии с Законом о запрете алкоголя в военное время, налоговый суперинтендант Иллинойса и два помощника были обвинены в получении взяток: по оценкам казначейства, сумма взяток в Чикаго за военный период составила $200 000.

Наказания за нарушение закона были символическими. Первое преступление предусматривало максимальный штраф в размере $1000 или год тюрьмы. Даже федеральные судьи штрафовали по максимуму немногих, а в тюрьму и вовсе попадали единицы. Закон воспринимали как неудачную шутку. Например, правительство могло конфисковать и продать любое транспортное средство, используемое для перевозки алкоголя. Скандал разразился из-за судьбы автомобиля, в котором президент Чикагского банка Чарльз Н. Томас транспортировал фляжку с выпивкой в кармане брюк. Возможно, Соединенные Штаты Америки собирались продать заодно и его штаны?

Торрио нисколько не беспокоился о применении Закона чикагскими властями, население не допустило бы этого. Незадолго до описываемых событий 391 260 жителей города выступили против закрытия откровенно ужасных питейных заведений, «за» проголосовали лишь 144 032 человека. К сухому закону они относились с неприязнью.

Вместе с остальной страной в Чикаго пели песенку, которая объяснила, почему «Все мальчики любят Мэри», – она была самой «самой домашней девушкой в городе», но:

У ее отца немало
Накоплено в подвалах!

Далее следовал дифирамб парням, подобным умному папочке Мэри:

Этот парень, хоть и мал,
Но подвалы набивал.
Эх! Хватило бы силенок:
У него полно девчонок.

Коррумпированная политическая система Чикаго оказалась готовой к подходящему историческому моменту (программа Мужского и Женского делового и спортивного клуба Уильяма Хейла Томпсона – тому свидетельство). Реформаторская группа отмечала, что из «Семидесяти пяти салунов, сомнительных кабаре, гостиниц и ресторанов, многие являются нарушителями

закона». «Применение алкогольного запрета в Чикаго, – жаловался Федеральный окружной прокурор Чарльз Клин, – следует рассматривать как шутку», а начальник городской полиции Фитцморрис признался, что около половины его людей замешаны в бутлегерстве как активные продавцы выпивки!

Простые люди поражались, с какой элегантностью богатый человек подавал выпивку.

Ходили слухи, как федеральные агенты приносили конфискованный товар в огайскую резиденцию президента Гардинга[50], и истории о членах Конгресса, валяющихся в пьяном виде на полу Белого дома и Сената. Люди, посещавшие Соединенные Штаты, напрямую спрашивали: «А когда начнется действовать запрет на алкоголь?»

Торрио наблюдал множество попыток обхода запрета сухого закона. Ранним утром 16 января 1920 года на Уэст-Лейк-стрит был угнан грузовик с виски. Закон должен был вступить в силу в полночь того же дня. Шесть человек во главе с Гершелем Миллером, главарем еврейской банды Уэст-Сайда, подъехали на грузовике к сортировочной железнодорожной станции. Они были в масках, вооружены револьверами. Бандиты связали сторожей и проводников, заткнули им рты кляпами и похитили из опечатанных грузовых вагонов лекарственный виски на общую стоимость $100 000. На другом конце города банда стащила четыре бочки алкоголя из ангара.

Эти парни не были амбициозными и торговали только в пределах своих районов.

Основывать алкогольный бизнес на награбленном – откровенный идиотизм.

Во-первых, ограбление само по себе сопряжено со значительным риском; его жертвы (в особенности другие бутлегеры) устойчивы к насилию и вооружены.

Во-вторых, ограбление гораздо более тяжкое правонарушение, чем сбыт алкоголя. Наконец, такие операции могли проводиться исключительно в розничных масштабах, ограниченных тем, чем владели или производили другие. Торрио ориентировался на оптовую торговлю.

Теренс Дж. Драггэн и Фрэнк Лейк дружили с детства. Они родились и выросли в районе Долины – плоской пустоши, застроенной приземистыми кирпичными домами к юго-западу от Чикаго Луп. В детстве промышляли мелкими кражами. Затем Драггэн сел за баранку отцовской мусорной машины, а Лейк сначала работал стрелочником на железной дороге, а затем в городской пожарной команде.

Во время сухого закона Лейк вместе с приятелем стал

продавать пятигалонные канистры с контрабандным алкоголем в местные салуны. Успех был настолько ошеломляющим, что Драггэн присоединился к ним. Их деятельность впечатлила и вдохновила самого Торрио.

Семья Стенсонов на протяжении довольно долгого времени держала пивоваренные заводы. Легальное безалкогольное пиво содержало менее 0,5 % алкоголя. При изготовлении напитка пивовары варили пиво привычным образом, а затем разбавляли до разрешенного уровня.

Таким образом, в пивоварнях постоянно существовало в огромных количествах легальное пиво, которое могли использовать в своих интересах желающие нарушить закон. Стенсоны проявили откровенное рвение, и через месяц после вступления закона в силу компания Stenson Brewing Company предстала перед судом.

Трое из четырех братьев Стенсонов были оштрафованы, включая самого молодого и активного Джозефа. Вскоре он заключил соглашение с Драггэном и Лейком о поставках реального пива. Парочка была готова закупать продукцию всех пяти пивоварен Стенсонов, но застряла в продажах на своем участке Долины – исключение составляло лишь кабаре Little Bohemia на севере Чикаго.

Ходили слухи, что Торрио приобрел заброшенную пивоварню, намереваясь превратить ее в один из борделей, но в последний момент решил использовать здание другим образом, тем более что связь Драггэна и Лейка со Стенсонами придала бы делу нужный Торрио внешний антураж. Торрио видел возможность объединения всех организаций, которые могли служить жаждущему городу, поддержку осуществляемых пригородных операций и множество других идей. На пути Торрио было только два препятствия. Любовь и страх деморализовали Большого Джима Колозимо.

В жизнь Колозимо вторглась прекрасная Дейл Уинтер, певица с восхитительными формами, в стиле Лилиан Рассел[51].

В 1917 году, в возрасте двадцати пяти лет, Уинтер приехала в Чикаго, мечтая петь. Ей не удалось сразу получить роль в каком-либо водевиле, и в поисках работы Уинтер познакомилась со скрипачом Артуром Фабри, в скором времени ставшем руководителем квинтета в Кафе Колозимо. Скрипач видел ее выступление в Гранд-Рапидсе три года назад и устроил несколько бенефисных выступлений. Фабри и Уинтер стали близкими друзьями (возможно, больше, чем друзьями), Артур купил девушке шикарную одежду и устроил прослушивание перед Большим Джимом Колозимо, который находился в восторге от

роли импресарио собственного заведения. Она пришла, она спела, она победила.

Кроме выступлений в Кафе Колозимо Уинтер пела в Методистской церкви на Сауз-Парк-авеню. Когда среди прихожан пошли разговоры о светской деятельности певицы, они принципиально ополчились против Дейл, и даже проповедь пастора на тему «Кто среди вас не без греха, пусть первый бросит в меня камень» не смогла растопить лед в сердцах методистов. Уинтер уволилась без сожаления, Колозимо стал для нее не только боссом, но и защитником от религиозных фанатиков и ресторанных пьяниц. Уинтер носила белое платье с красной розой на груди, демонстрируя идеальную фигуру. Ее красота, изящество, голос и манеры – все, что один журналист назвал «неоспоримым шармом», – доводили Колозимо до сумасшествия.

У Колозимо были связи со светскими дамами, которые находили удовольствие в обществе здорового, привлекательного, сеющего ужас, но при этом обходительного, владельца главного кафе города – центра светской жизни. Эксперт в вопросах проституции, обладавший отточенным чутьем, имел особое пристрастие к изысканным женщинам. Но это были чужие женщины, а Дейл Уинтер могла стать его. Он обратился к Энрико Карузо и Титте Руффо, чтобы те послушали Уинтер и оценили вокальные данные. Когда маэстро Чикагской оперы Клеофонте Кампаньини признал голос соответствующим академическим стандартам, Колозимо определил Дейл в Чикагский музыкальный колледж.

Примерно в это же время Колозимо с женой, Викторией Мореско, начали жить раздельно. Дейл вспоминала: «Я собиралась жить с Колозимо только при условии, что мы поженимся. Но я любила его – любила всем сердцем!»

Его любовь к Уинтер была совершенно очевидна. Поразительно, учитывая прошлое и характер Колозимо, рассказ Дейл о добрачном воздержании, возможно, был правдой. Личный водитель Колозимо, Вульфсон, никогда не был свидетелем даже прощального поцелуя перед сном, когда босс провожал Уинтер после закрытия ресторана до квартиры. Колозимо сопровождал девушку до двери и целомудренно откланивался. Вулфсон отмечал, что Колозимо возвращался в машину, словно мальчуган со свидания с королевой бала.

Любовь оказала на жизнь Большого Джима такие же радикальные перемены, как сухой закон на Чикаго. Он передал управление борделями, игорными и питейными заведениями в руки Торрио, ослепленный новообретенным статусом звезды высшего света.

Изысканность Дейл Уинтер сулила чистую, порядочную жизнь. Она была прекрасной парой для обновленного, очищенного Колозимо. Однако этим надеждам, порожденным любовью, не суждено было сбыться.

Если бы Колозимо стал королем бутлегеров, как того хотел Торрио, то ни в коем случае не смог бы вести новую жизнь. Являясь боссом преступного мира, Колозимо был совершенно незаметен, равно как и его доход. Клиенты Колозимо, конечно, ухаживали за элегантными куртизанками в кафе, но даже самые похотливые из политических покровителей не хотели частых встреч с двухдолларовыми шлюхами.

В первое время бутлегерство привлекало внимание прессы, и конечно, никто не допускал, что контрабандисты смогут стать признанными членами общества.

Бутлегерство было опасным занятием. Империя, мечты о которой лелеял Торрио, неизбежно должна была вызвать нападки, как и сеть борделей Колозимо.

Ему пришлось разобраться с несколькими серьезными неприятностями осенью 1919 года, представляющими особую сложность, так как угрозы распространялись и на Дейл.

Убытки от постоянного воровства были привычны, но тем не менее доставляли неприятности.

В любом случае он боялся расширения бизнеса, которое могло вызвать преследования со стороны федералов и неприятности от рэкетиров и конкурирующих бутлегеров.

Зачем? Банька Джон Кофлин любил повторять слова сенатора Уильяма Мэйсона: «Никогда не хватайся за большое. Держись за малое. Так безопаснее».

Колозимо уже был связан с бутлегерством. Торрио склонил его поддержать Джека Гузика, неприятного, тучного и навязчивого сутенера.

Колозимо дал Гузику $25 000 на покупку небольшой пивоварни, поставляющей пиво в пригородные проекты. Кроме того, весной 1919 года, еще до вступления в силу сухого закона, Торрио прикупил пивоварню Malt-Maid. Это были мелочи, план Торрио предполагал охват всего Чикаго.

В том, что Колозимо позволил Торрио действовать самостоятельно и оторвался от операций, таилась опасность для него. Это означало полную передачу власти, необходимой для личной защищенности в новом и очень уязвимом предприятии. С другой стороны, зачем ему было нужно рисковать свободой, жизнью или собственностью?

Колозимо имел непререкаемый авторитет, и без такого руководителя Торрио не смог бы набрать нужный вес,

позволяющий осуществить задуманное. Сухой закон вступил в силу, и Торрио наблюдал, как Драггэн, Лейк и другие глупо, поспешно, мелочно и беспорядочно делали то, что он собирался делать методично и с размахом.

Торрио надеялся повлиять на Колозимо, но все рухнуло, когда он объявил о решении развестись с Викторией и жениться на Дейл.

Ходили слухи, что Торрио сказал Колозимо: «Ты губишь себя». Торрио не мог дерзить боссу и так относиться к любви, порядочной женщине и свадьбе.

В 1912 году Торрио женился на Анне Джейкобс, обворожительной рыжеволосой красавице. Ей было двадцать два года, Торрио – тридцать. Никто не мог понять, как Торрио мог познакомиться с Анной, девушкой из небольшого городка рядом с Лексингтоном, штат Кентукки, далекой от всего, что творилось в Дамбе. Юрист, обедавший у Торрио, сказал, что Анна Торрио была «грациозной, интеллектуальной личностью из хорошего общества».

Женившись, Торрио переехал из отеля, расположенного в самом сердце Дамбы, в квартиру на углу 19-й и улицы Арчер, на севере района, стремясь по возможности оградить жену от тамошней грязи. Он не пил, не курил и не пользовался услугами, которые предлагал клиентам. Он был мягким и умеренным в разговорах, никто не слышал, чтобы Торрио сквернословил.

Каждый вечер около шести часов он летел домой, где проводил вечер в спокойной семейной обстановке, которую так любил.

Анна называла Торрио «лучшим и самым дорогим из мужей», а их брак – «одним длинным и безоблачным медовым месяцем».

Колозимо разошелся с Викторией 20 марта 1920 года. Он дал $50 000 отступных, обвинил бывшую жену в измене и без проблем получил развод. Позже Виктория говорила, что авторитет Колозимо позволил развестись без уведомления. Виктория страдала недолго, уже через две недели она вышла замуж за Антонио Виллано, на двадцать лет моложе. Молодой супруг занимался изготовлением надгробий и мелкими преступлениями.

Колозимо и Уинтер поженились в городке Френч-Лик, штат Индиана, где бракосочетание чикагцев совершалось за несколько минут. Он нанял гастролирующий цирк, чтобы развлечь гостей на приеме в честь свадьбы (медвежонок укусил одного из них). После медового месяца в Вест-Баден, штат Индиана, они вернулись в особняк на улице Саут-Вернон, 3156, примерно в миле к югу от Кафе Колозимо.

Тем временем Торрио готовился к решительным действиям.

Он консультировал молодого лейтенанта Аль Капоне, как правильно выбирать людей. От правильного выбора зависело многое. Предстояло совершить не какое-то рядовое убийство; Торрио прекрасно понимал, полиция плотно займется этим делом, и поэтому они с Аль Капоне не могли оставить какие-либо улики или следы. Как бы тщательно дело ни было спланировало, шероховатости могли возникнуть в любой момент.

В этом случае предполагаемому убийце пришлось бы менять решение на ходу.

В то время как Колозимо проводил медовый месяц, Капоне попросил совета у Фрэнка Йеля (это была услуга, которую Йель оказал, и менее чем через год долг был оплачен).

Все произошло через неделю после возвращения Колозимо с молодой женой на Вернон-авеню. Торрио сообщил, что у Джима О'Лири[52], с сарая матери которого предположительно начался Великий чикагский пожар[53], остались два грузовика хорошего довоенного виски. О'Лири должен был встретиться с Колозимо в ресторане в 4 часа дня во вторник, 11 мая 1920 года, и договориться об организации доставки.

Дэйл планировала вместе с матерью, переехавшей жить к молодоженам, пройтись по магазинам. Колозимо обещал отправить им машину после того, как Вульфсон высадит его у ресторана. Во время поездки Колозимо был несколько возбужден и что-то бормотал на итальянском, которого Вульфсон не знал.

Зайдя внутрь, Колозимо прошел в небольшой кабинет, где бухгалтер Фрэнк Камилла работал со счетами. Они обменялись любезностями.

– Привет, Фрэнк, – сказал Колозимо, – как жизнь?

– Все нормально, – дал неизменный ответ Камилла.

Колозимо спросил о посетителях и о телефонных звонках. Нет. Далее последовала небольшая беседа о бизнесе, после босс позвонил адвокату, поболтал несколько минут с другими сотрудниками офиса в задней комнате, а затем пошел в переднюю часть ресторана, намереваясь уйти.

На Уэбеш из ресторана выходили две двери, расположенные примерно в пятидесяти футах друг от друга вдоль фасада. Убийца Колозимо распахнул ту, что ведет прямо на тротуар (дверь имела стеклянные панели, за ней находился большой вестибюль с другой дверью, ведущей в гардероб).

Примерно через пятнадцать минут после прихода Колозимо находящиеся внутри услышали два хлопка подряд, недостаточно громких, чтобы обратить внимание, но достаточно важных для дальнейшего расследования. Никто и не подумал о выстрелах, хлопки больше походили на звуки, издаваемые лопнувшими

автомобильными шинами. Шеф-повар Антонио Цезарино выглянул из окна на улицу, но ничего не обнаружил, а Фрэнк Камилла, бросив бухгалтерию, вышел наружу через служебную дверь с южной стороны. За его спиной закрылся пружинный фиксатор, и Фрэнку пришлось вернуться через главный северный вход. Еще не войдя внутрь, через стеклянные панели он увидел Колозимо, лежащего лицом вниз, на кафельном полу вестибюля. Голова была в крови, а тело лежало так близко от двери, что Камилла едва мог туда протиснуться.

Торрио был прав – полиция в самом деле направила все силы на расследование убийства. В ближайшее время в кафе наведались начальник полиции Чикаго, его первый заместитель и глава детективного отдела.

Положение тела и угол ведения огня показали, что Колозимо находился спиной к стрелявшему. Отсюда следовали два возможных сценария. В первом случае Колозимо зашел в вестибюль, в то время как убийца, скрывающийся в туалете, вышел следом. Во втором случае убийца находился лицом к лицу, но Колозимо резко отвернулся – он делал так, когда хотел дать понять собеседнику, что разговор закончен. Одна пуля попала в стену у кассы, другая вошла в голову Колозимо за левым ухом. Он так и не успел вынуть из заднего кармана пистолет калибра 38 с перламутровой рукояткой.

Полиция обнаружила в кафе две весьма интригующие записки. Одна, найденная на столе, была нацарапана на бланке заказов с телефонным номером компании National Rubber Products. Она содержала три непонятных фразы: «Прощай, вампир!», «Прощай, Левша!» и «В субботу вечером», – подписанная Самюэлем Лэвином, которого никто не знал. Другая записка была найдена на телефонной полке в вестибюле и была написана рукой самого Колозимо. В ней были указания неизвестному по кличке Лебедь: «Не держи больше тринадцати человек. Если больше – уволь кого-нибудь. P.S. В любом случае все, что дороже $50, принадлежит мне».

Слух о сенсационном убийстве всколыхнул весь Чикаго. У Дейл, которая услышала новость еще в торговом центре, случилась истерика. «Джима больше нет, все пропало… Я никогда не буду счастлива», – рыдала она спустя два дня.

У полиции было много подозреваемых. На первом месте братья Виктории – Луи и Хосе, но вскоре их освободили ввиду железного алиби. Виктория навещала новую родню в Лос-Анджелесе вместе с мужем. Скрипач Артур Фабри, старый друг Колозимо, возможно, имевший зуб на почве ревности, вызвал подозрение лишь на короткое время, как и один сбежавший

сумасшедший, клявшийся отомстить бывшему боссу за свидетельские показания по делу об убийстве. Другие версии относились к возможной мести банды Black Hand за неуплату долгов, или, наоборот, – за необузданные аппетиты самого Колозимо.

Возможно, убийцей был проигравшийся игрок, доведенный до отчаяния; не исключено, что преступление произошло на почве рэкетирских или бутлегерских войн; в конце концов, убить мог даже менее удачливый коллега по банде. Несмотря на все усилия, полиция оказалась в тупике.

В ходе следствия были допрошены и Торрио, и Капоне, известные как ближайшие помощники. Торрио нарочито горевал из-за кончины Колозимо.

«Я убил Джима? – Джон плакал горючими слезами. – Да мы были с ним как братья!» У обоих было неопровержимое алиби.

Что касается Йеля, полиция подобралась к нему ближе, чем того можно было ожидать. Полиция попросила нью-йоркских коллег провести возможную идентификацию преступника. Портье Джозеф Габрела видел убийцу, ожидающего Колозимо. Габрела описывал коренастого мужчину ростом пять футов восемь дюймов, с полным смуглым лицом, в черном котелке – это описание подходило к Йелю, позволяя запросить его фотографию из Нью-Йорка. «Это тот самый человек!» – сказал Габрела, и чикагские детективы отправили портье в Нью-Йорк на опознание. Однако на живом опознании Габрела проявил благоразумие, заявив, что парня, которого он видел в ресторане, в числе показанных людей нет.

Между тем никто не сомневался, что, если и не сам Йель нажал на курок, действовали его люди в интересах Торрио, однако из-за недостатка доказательств убийство так и осталось официально нераскрытым.

У духовенства были свои соображения. Известная «неприкрытая греховность» Колозимо, редкие появления в церкви, уклонение от пасхальных обрядов, развод и повторный брак – все это убедило Джорджа Манделайна, архиепископа Чикаго (позже американского кардинала Римско-католической церкви), запретить отпевание тела в католической церкви или на кладбище.

Это расстроило планы на проведение мессы в храме Санта-Мария Инкороната и погребение на кладбище Маунти-Кармель[54].

Архиепископ посоветовал провести «скромные обряды» – насколько могли позволить родные и близкие.

Зрелище получилось гротескное.

Толпа собралась за пределами особняка Колозимо задолго до начала службы. Внутри самого здания находилось пятьдесят три человека – несущие гроб, рабочие и почетные гости. На похороны собралось такое количество олдерменов, что их хватило бы для обеспечения кворума городского совета. Присутствовали: конгрессмен, помощник окружного прокурора, два государственных законодателя, два члена окружного комитета, звезды Чикагской оперы, рестораторы самого высокого уровня, наиболее заслуженные игроки, известные сводники и сутенеры, владельцы злачных заведений (включая Джона Торрио) и другие уважаемые люди, подобные Айку Блюму[55] и Сол Ван Прагу[56]. Обсуждая список присутствующих, газета назвала это сборище «странным комментарием к нашей законодательной и судебной системе».

После молитвы, прочтенной преподобным Паскалем Р. де Карло, пастором итальянской Пресвитерианской Церкви, олдермен Джон Кофлин опустился на колени у гроба из красного дерева, отделанного серебром, стоимостью $7500 и произнес еще одну молитву за упокой усопшего. В то время как оперный Квартет Аполло пел что-то подходящее, Дейл Колозимо, пошатываясь, оперлась на руку адвоката, Рокко де Стефано, и гроб вынесли наружу под «Ближе, Господь, к Тебе»[57].

Дейла и де Стефано следовали за катафалком в закрытой машине. Олдермены Кофлин и Кенна возглавляли толпу из пяти тысяч человек, вытянувшуюся на целую милю. В районе Дамбы, около любимого Кафе Колозимо, была сделана десятиминутная остановка, и два духовых оркестра сыграли траурный марш. Зеваки перекрыли окружающие улицы и заполнили все пожарные лестницы в поисках лучшего обзора.

На Оквудском кладбище де Стефано не дочитал панегирик, не совладав с нахлынувшими эмоциями. Банька Джон Кофлин закончил речь за него. Джон Торрио тоже оплакивал погибшего. Возможно, он искренне страдал из-за того, что человек, помогавший ему подняться в Чикаго, умер. Аль Капоне не брился с момента гибели Колозимо, следуя старой традиции. Гангстеры Чикаго соревновались между собой в красоте и размахе проводов Колозимо.

Колозимо не оставил завещания. По законам Иллинойса, он умер холостым, потому что женился второй раз раньше, чем через год после развода.

Ни Виктория, ни Дейл не получили никакого значимого имущества, включая недвижимость. Ожидалось, что наследство составит от $250 000 до $500 000 наличными, плюс список интересов Колозимо. Вместо этого в офисном и банковском

сейфах покойного обнаружилось $28 000 в государственных облигациях, бриллиантовый кулон ценой $2000, какая-то разменная мелочь и акции отеля. Особняк стоимостью $81 000 достался отцу Колозимо, Луиджи, по решению суда. Щедрый папаша выделил Дейл $6000 в облигациях и бриллиантовый кулон; Виктория получила $12 000. Дейл вернулась в шоу-бизнес и вышла замуж за актера и продюсера в 1924 году[58]; Виктория развелась с молодым мужем через год после убийства Колозимо и исчезла из Чикаго.

Значимость жизни Колозимо можно подытожить двумя посмертными эпитафиями. Первую высказал Айк Блюм: «Большой Джим никогда не был скрягой. В какую бы игру ни играл, никогда не стрелял из-за угла. Он не был жадным, в отличие от десятков других. Большой Джим привлекал в район красных фонарей и молодчиков разного сорта, и миллионеров. Благодаря Колозимо огромное количество людей получило работу. Он не позволял обмануть приятеля, отказать в чем-нибудь хорошему парню и всегда умел держать рот на замке».

Вторая появилась в газете: «Со временем его имя все меньше и меньше ассоциировалось с чем-то дурным».

Колозимо сумел добиться того, что теневая деятельность стала не убийственной игрой, а рациональным бизнесом.

Партнеры ценили предпринимательский талант Колозимо и не боялись его, в отличие от других бандитов, что сделало Большого Джима популярным. Он погиб, потому что пошел против правил.

Глава 5
Восхождение Торрио

Торрио предвосхитил расцвет бутлегерства как бизнеса, с точки зрения классического восприятия торговых ограничений, свойственных XIX веку. Он понял, что может осуществлять достаточно поставок при минимальном риске. Один из федеральных агентов в скором времени назвал Чикаго «самым пьющим городом Соединенных Штатов». Главное было у Торрио в крови – страсть к организации. Эта страсть была особенно сильна среди выходцев из юга Италии, выработавших ее усердным трудом на неподатливой иссушенной земле, продолжавшимся столетиями.

Итальянский журналист Луиджи Барцини отстаивал теорию, что «особая страсть итальянцев к геометрическим структурам… и симметрии вообще… обоснована в основном страхом перед неконтролируемыми и непредсказуемыми опасностями, которые таит жизнь и подстерегают на каждом шагу в мире природы…». Барцини видел проявления этого во всем, начиная от аккуратных пирамид, которые итальянцы выстраивали на тележках с овощами и фруктами, и заканчивая сложным устройством садов, жесткой симметрией улиц и почти что восточным пристрастием к бюрократии. «Это называется sistemazione[59]. Систематизировать все и вся – главная, возможно, единственная даже миссия человека в этом мире. Систематизировать – значит победить природу… «Ti sistemo io»[60] – весьма широко используемая угроза. Ее можно истолковать как: «я задавлю твои бунтарские стремления…» Промышленники систематизируют конкуренцию путем создания сильных картелей и нерасторжимых соглашений…» – писал Барцини.

Со временем Аль Капоне опередил наставника на этом поприще – современный наблюдатель отмечает его организационную гениальность. Торрио разглядел потенциал ученика и тщательно его развивал. Оба прекрасно понимали, как сложно превратиться из головорезов в респектабельных бизнесменов.

Благосклонность Торрио убедила Капоне, что его будущее лежит в Чикаго, а не в Бруклине, где теперь заправлял мстительный Билл Ловетт, возглавивший банду White Hand после убийства Дени Михана, устроенного Фрэнки Йелем 31 марта 1920 года, за месяц до убийства Колозимо. Торрио дарил сыну Капоне, Сонни, $5000 на каждый день рождения, что затронуло сердце

отца, крайне восприимчивого к подобным сантиментам.

Приверженность Капоне к Торрио имела и рациональную основу. Как утверждал Айк Блюм, «работа под эгидой Торрио отличалась от работы под Колозимо или Йелем». Капоне восхищался Торрио, наблюдая системность, необходимую для организации эффективного бутлегерского картеля.

Торрио стремился договориться с людьми, проживающими рядом с его загородными борделями, достичь выгодных соглашений, не прибегая к угрозам.

Как выразился один из первых исследователей жизни Аль Капоне, он «быстро усвоил пользу простой улыбки и дружеского рукопожатия». Слоган Торрио вскоре стал его собственным любимым выражением: «Мы не хотим никаких проблем».

Торрио настаивал, чтобы Капоне посещал вечернюю школу, которая не только давала образование, но и сдерживала вулканический характер молодого человека, готового среагировать на случайную провокацию. Превращение бруклинского бандита в чикагского бизнесмена продвигалось медленно, но верно.

Гораздо позже, когда встал вопрос о налогах, Капоне утверждал: что Торрио платил ему $75 в неделю, более независимые источники утверждали, доход Аля составлял около $25 000 в год (четверть этой суммы составлял доход от борделей, половина – от других криминальных действий). Обязанности Капоне постоянно росли.

Вернувшись в Бруклин, отец Капоне долго лечился от сердечного заболевания.

Вечером 14 ноября 1920 года Габриэле Капоне, в возрасте пятидесяти пяти лет, рухнул прямо в бильярдном зале неподалеку от собственной квартиры на Гарфилд Плейс и умер до приезда врача. Надгробную плиту на могиле на кладбище Маунт-Оливье установили Аль и его брат Фрэнк.

Хорошо или плохо, для Капоне это означало, что он не позорно бежал из Бруклина, а уехал в Чикаго с целью дальнейшего обеспечения семьи. Кроме матери и братьев на его попечении оказалась восьмилетняя сестра Мафальда (имя итальянской принцессы отчаянно сопротивлялось американизации). Вскоре семья присоединилась к Капоне в Чикаго, вместе с тремя двоюродными братьями, Чарльзом, Рокко и Джозефом Фишетти.

Сначала за Аль Капоне последовал старший брат Ральф, в надежде получить работу. После неудачной сделки по продаже автомобиля в 1916 году Ральф вел себя относительно спокойно: работал телеграфистом, переплетчиком, продавцом, кондуктором

в трамвае и портовым грузчиком.

Во время Первой мировой войны Ральфа отчислили из рядов морских пехотинцев из-за плоскостопия. Он вернулся в Бруклин, где начал работать барменом в подпольном салуне, за что был дважды арестован и оштрафован (в то время такого человека не считали преступником).

В Чикаго Ральф тоже начал как бармен, а вскоре сменил Аля в качестве управляющего Four Deuces. Он жил с Альфонсом и Мэй недалеко от клуба. У семьи Фисчетти (которая работала с Торрио) тоже была квартира в этом здании.

Для остальных членов семьи Аль Капоне купил пятнадцатикомнатный дуплекс по адресу улица Саут-Прэри, 7244. Это был тихий, приятный буржуазный район. Здание находилось рядом с новым жилищем Джона Торрио, в доме 7011 на улице Саут-Клайд.

Мало что радует чикагцев больше, чем описание города Карлом Сэндбергом[61] – «Города широких плеч»[62] – прагматичного, рабочего и беспрестанно трудящегося. В двадцатые годы друзья, поклонники и апологеты бесконечно превозносили взрывной рост Чикаго, промышленную мощь и богатство. Один парень из Небраски добрался до города автостопом, чтобы посмотреть, как Бейб Рут[63] играет против Уайт Сокс[64]. Он высадился на углу Мичиган и Рузвельт-Роуд и двинулся на север. «Достигнув почти самого севера, – рассказывал Говард Браун, – я решил, что не уйду из этого проклятого города. Я влюбился в него, как влюбляются в женщину». Девяностошестилетний отставной полицейский Майкл Джей Маллинс говорил: «Этот замечательный город создан для людей. Если вы не сможете получить в нем работу, не получите нигде».

Однако у Чикаго была и другая сторона.

Примерно в то время, когда Аль Капоне переехал в Чикаго, один из гостей города охарактеризовал его как долину фабрик, жуткую смесь пивоваренных заводов, салунов, магазинов, телеграфных линий, железнодорожных путей и отвратительных маленьких домишек. Он назвал Чикаго городом-уродом.

Чикаго активно проходил через то, о чем в Америке позднее заговорили как о болезни городов и окрестностей. Золотой берег по-прежнему простирался за барьером Мичиган-авеню, однако респектабельные горожане к тому времени переместились в пригород Норт-шор или на юг от Чикаго.

Например, из тридцати четырех семей, проживавших в 1929 году в том же квартале, где находился дом Аль Капоне на улице Прэри, итальянской была только одна – семья Капоне.

В число других входили трое полицейских, имеющих неплохой теневой бизнес, портной, аптекарь, бакалейщик и бывший пресвитерианский священник. Это позволяло следующим волнам разномастных иммигрантов, живущих в нищете и бедности, заполнять свободные места, пока они не создали собственные национальные кварталы.

Этническое многообразие способствовало развитию бутлегерства и усилению промышленного и культурного превосходства Чикаго. Согласно переписи населения 1920 года, 11,81 % от общего населения Чикаго, составлявшего 2 701705 человек, были поляками, 10,55 % – немцами, 5,4 % – ирландцами, 4,8 % – итальянцами, 0,29 % – бельгийцами, 0,11 % – индийцами, китайцами. Для львиной доли этих людей запрет традиционной кружки пива, рюмки сливовницы или бокала кьянти приравнивался к преступлению против культуры.

Но даже 23,8 % населения, определенные переписью как американцы, не обремененные культурными обязательствами по употребению алкоголя, испытывали острую неприязнь к воздержанию.

Чикаго оказался самым подходящим городом для обогащения на сухом законе, но то, что предлагал Торрио, было необычным для других главарей, привыкших к преступлениям по старинке, то есть с помощью случайных и неорганизованных бутлегеров.

От преступлений по старинке не отказывались и Терри Драггэн, и Фрэнки Лейк. Бутлегерство спасло их от честных трудовых будней и сделало такими богатыми, что к концу 1923 года Налоговое управление США объявило на них охоту.

Тем не менее в первые годы действия сухого закона Терри и Фрэнк действовали, как в бурной юности.

В 1921 году полиция арестовала Драггэна за ограбление ювелирного магазина на $11 000 долларов, а Лейка – за убийство бывшего полицейского Тимоти Малвихилла, компаньона по клубу Little Bohemia.

Затем оба приятеля попались на угоне грузовика с пивом (и это в то время, когда они всерьез рассматривали вопрос о приобретении пяти пивоварен!). То, что они никогда не предстали перед судом за вышеперечисленные художества, в этом контексте не имеет значения.

Таким же бессмысленным, хотя и более важным для истории, стало убийство Стивена Висневски в июле 1921 года. Практически он был никем – один из работников дешевой забегаловки, завязанной на бутлегерстве. Однажды Стивен выразил недовольство, что Драггэн и Лейк не согласовали с ним время приема товара после очередного ограбления винного

склада. Будучи холерической натурой, Драггэн оскорбил Висневски, а Висневски – настоящий великан, прозванный в газетах Большим Стивом и Белокурым гигантом – ответил обидчику действием. Три недели спустя Драггэн и Лейк поймали едва держащегося на ногах Большого Стива в одном из салунов и, запихнув в машину с помощью двоих помощников, вывезли в неизвестном направлении. Тело нашли на обочине дороги около Либертивилля, примерно в двадцати пяти милях к северо-западу. Это было первым зафиксированным мафиозным убийством, связанным с сухим законом, совершенным путем вывоза жертвы на прогулку в тихое и безопасное место.

Героями следующего убийства стали Херши Миллер, глава банды Вест-Сайда и Гвоздь Самюэль Мортон (урожденный Маркович), награжденный во Франции Военным крестом за командование подразделением при обороне высоты, будучи дважды раненным.

Мортон славился как игрок на высоких ставках и занимался вместе с Миллером бутлегерством. 23 августа 1920 года в начале второго (в то время различные заведения Чикаго официально закрывались в час ночи) Миллер и Мортон покинули танцпол Айка Блума и направились в отель Pekin Inn, на верхнем этаже которого размещалось кабаре Beaux Arts. Около трех часов ночи туда вошел детектив-сержант Джеймс А. Мулкахи, оставив на улице коллегу, сержанта Уильяма Э. Хеннесси, в компании с бывшим федеральным агентом по надзору за соблюдением сухого закона. Миллер, Мортон и Мулкахи прошли в винную комнату, чтобы обсудить сделку с алкоголем. Неизвестно, из-за чего возник спор, но он быстро перерос в драку Мортона и Мулкахи. Мортон избил детектива, превратив его лицо в кровавое месиво. Свидетели рассказывали, что видели Мортона, стоящего над лежащим полицейским, и удерживающего его Миллера. Услышав шум, коллега Мулкахи, Хеннесси, бросился наверх. Поверженный полицейский вытащил револьвер и крикнул Хеннесси, доставшему оружие: «Задай им».

Аль Капоне вносит залог в 10 000 фунтов стерлингов в Федеральном суде Чикаго, США, 5 июня 1931 года. Ему было предъявлено обвинение в мошенничестве с подоходным налогом в течение нескольких лет – с 1924 по 1929-й.

Гвоздь Мортон отступал к нише, но упал и растянулся на полу. Вскочивший Мулкахи ударил Мортона по голове. В это время Миллер выхватил оружие, и они открыли огонь вместе с Хеннесси. Хеннесси умер, получив четыре пули, а его единственный выстрел разбил зеркало. Следующим выстрелом Миллер убил Мулкахи.

Громкий скандал закончился ничем: Pekin Inn закрыли (позже там разместился полицейский участок и зал судебных заседаний), а Миллер с Мортоном заявили о самообороне, и были оправданы.

Разве это был бизнес? Два года спустя Аль Капоне тоже занесло, но он был достаточно разумным, чтобы наводить шумиху убийством полицейских. Торрио стремился внушить Капоне, что в приоритете должен быть бизнес, связанный с удовлетворением нечистых желаний клиентов, а не сторонние отвлечения вроде краж драгоценностей, нападений на склады и случайных убийств.

Вопиющим примером безрассудства стал Дион О'Бэнион[65].

В юности он обворовывал пьяниц, а потом поднялся до подмастерья взломщика сейфов, однажды умудрился снести стены здания, так и не вскрыв сейф.

Занявшись нелегальной продажей алкоголя, Дион сменил пять мест работы, заработав на этом в 1918 году всего лишь $9919.

Возможно, О'Бэнион стал первым угонщиком той эпохи. Утром 30 декабря 1919 года, незадолго до начала действия запрета, Дини (как его называли многие друзья) увидел, что переулок в Чикаго Луп был заблокирован грузовиком.

Машина, груженная виски Grommes&Ullrich, находилась около отеля Bismarck, а водитель не обращал внимания на прохожих. Подчинившись внезапному импульсу, О'Бэнион вскочил на подножку, оглушил водителя и, выбросив его из кабины, уехал прочь. «Я понятия не имел, что делать дальше, – рассказывал он позже. – Покатавшись минут пятнадцать, направился к гаражу Гвоздя Мортона на улице Максвелл». (Помимо игорного дела и бутлегерства, Мортон занимался реализацией украденных автомобилей.) Примерно через двадцать минут телефонных переговоров нашелся салун – покупатель виски, а грузовик продали пивоварне Peoria.

Деньги легкие, риск малый. Однако в сравнении с оптовым производством и продажей алкоголя такая деятельность, сопряженная с опасностями, казалась сомнительной. Невероятно, но О'Бэнион понимал это! Он купил несколько пивоварен и вскоре стал одним из самых богатых бутлегеров Чикаго, но не прекращал угонять грузовики и совершать нападения на склады.

Свидетель обвинения по делу ограбления склада компании Price Flavoring Extract Company 14 марта 1921 года сообщил о двадцати баррелях похищенного алкоголя стоимостью $5500; аналогичный инцидент случился 12 апреля 1922 года с Susquemac Distilling Company, когда было украдено 225 ящиков виски на сумму $6075. О'Бэнион откупался или прибегал к запугиванию. Игра не стоила свеч, но этот сумасброд не унимался почти до самого конца. В середине 1922 года О'Бэниона поймали с поличным за очередным подрывом сейфа! Ему пришлось заплатить $30 000 за оправдательный приговор.

Этот хаос был не по душе Торрио. Он крепко держался за Аль Капоне: во-первых, Аль был усердным и послушным учеником; во-вторых, он хорошо понимал, что только правильно организованный криминальный бизнес является полноценным в привычном понимании.

Аль Капоне убедился в этом, видя, как работают и развиваются предприятия Фрэнка Йеля.

Торрио было достаточно сложно управляться со своими бандитами. Он стремился к систематизации; дикарям вроде О'Бэниона были нужны активные действия. Единственное, что

Торрио мог делать в такой ситуации, – проводить свой план дальше при содействии Аль Капоне в практических вопросах и использовать успех в качестве аргумента, подтверждающего пользу.

Олдермены Кофлин и Кенна оказались крайне сговорчивы – беспорядки были нужны не больше, чем Торрио, но ему не хватало харизмы, которой обладал покойный Большой Джим. Джон не имел личного влияния над голосами итальянских выборщиков, но надеялся на деньги и связи, следовательно, позиция Торрио как лидера порока компенсировала недостаток гениальности Колозимо.

Торрио немедленно перешел к консолидации и расширению связей и активов. Он доверил Капоне руководство бильярдными и магазинами по продаже сигар.

Там, где убеждение казалось необходимым, Капоне вел переговоры, импонируя вкусу Торрио. Ему редко приходилось снимать бархатную перчатку с железного кулака. Как отмечал очевидец, «без каких-либо сознательных усилий, он источал угрозу, говоря слово «пожалуйста». В запасе у Капоне был особый взгляд. Он учил молодых гангстеров смотреть жертве в лицо, напрягая мышцы шеи и сохраняя глаза неподвижными, словно говоря: «Если продолжишь, горько пожалеешь».

Молодежь отрабатывала такой взгляд, выражающий максимальную угрозу, перед зеркалом, что Капоне приветствовал.

Торрио не только использовал Аль Капоне для усиления позиций в Чикаго, но и одновременно расширял присутствие в пригороде: таких местах, как Стикни, Форест-Вью, Позен, Берр-Оукс, Блю-Айленд, Стэгер, Чикаго-Хайтс и других городах и деревнях к югу и западу от Чикаго.

Пригородные бордели творили чудеса – некоторые работали круглосуточно в трехсменном режиме по восемь часов, усилиями шестидесяти проституток. Торрио осуществлял жесткое руководство, возможное только в провинции. Хотя в Чикаго еще оставались бордели, они были вынуждены сократить масштабы, сделавшись почти незаметными.

Ни к чему человек
не стремится
так рьяно,
как к установлению
правил поведения
для других людей.

Тридцать девушек делало Four Deuces почти гигантом на фоне Cort на 23-й улице, функционировавшего под прикрытием

гостиницы и содержавшего всего восемь проституток; и Covart на улице Уэст-Мэдисон, которое могло позволить днем только три проститутки, а ночью – не больше восьми, иногда шесть.

Городские бордели потеряли былое очарование. Например, в Four Deuces удрученные клиенты сидели на жестких лавках, вдоль голых стен, в холодной, плохо освещенной приемной, ожидая очереди с более-менее симпатичной проституткой, а тучная, дурно накрашенная мадам нараспев вещала из кресла-качалки: «Ну, давайте, ребятки, выбирайте девочку». Все работало на то, чтобы выкачать у клиента как можно больше денег.

Напротив, пригородные заведения могли вести деятельность открыто и расширять масштабы сколько вздумается. Конкуренты и местные власти остались у Торрио в хвосте.

Такая концентрация позволяла Торрио контролировать ситуацию, облегчала руководство и защиту. Сочетание кабаре и борделя, как в бернэмском Arrowhead, способствовало созданию атмосферы дружеской вечеринки. В некоторых питейных заведениях пригорода стулья и столы были привинчены к полу, чтобы их не использовали в качестве оружия в ходе постоянных пьяных потасовок, возникающих в пылу неуемного веселья.

При таком раскладе это были не слишком большие расходы. Атмосфера легкости и дружественности, царившая в пригородных заведениях, расширила рынок сбыта пива, который составлял 90 % от всех продаж алкоголя в Чикаго.

После сделки со Стенсонами Торрио поставлял в пригород собственный пенный напиток. Все было направлено на получение дальнейшей прибыли.

Политические события стимулировали пригородный проект Торрио и добавили вес аргументам в пользу комбинации города и деревни. К середине 1921 года мэр Томпсон находился в состоянии открытой конфронтации с различными силами, его администрация и управленческий аппарат пришли в упадок.

Томпсон поссорился с Фредом Лундином, недовольным, что с ним не проконсультировались при назначении Карла Фитцморриса начальником городской полиции. В свою очередь, Томпсон был недоволен монополией Лундина на политический патронаж и разбазаривание общего фонда избирательной кампании в тщетной попытке переизбрать неугодного и особенно шумного окружного судью. Мэра не заботили разговоры общественности, что он всем был обязан Лундину. Томпсон был в ярости из-за разгоревшегося скандала по поводу взяточничества в Департаменте образования города Чикаго, в ходе которого было разоблачено много влиятельных лиц, в том числе Фред Лундин и его племянник Виртус Ромм.

Несмотря на запущенное состояние управленческого аппарата, к июню 1921 года Томпсон сформировал список кандидатов, единственной явной рекомендацией к которому была лояльность по отношению к нему.

Ассоциация адвокатов, активные реформаторы, общественность, даже газета American Херста[66] (единственная сколько-нибудь серьезная поддержка прессы, которой обладал мэр) – все открыто выразили осуждение.

Пресса предрекала сокрушительное поражение и предупреждала: вся страна будет наблюдать за выборами мэра Чикаго в 1923 году, чтобы убедиться, что заявления 1921 года не были пустым звуком.

Похоже, Томпсон мог остаться не у дел.

У Торрио не было возможности предвидеть, как отразится на бизнесе смещение старого мэра и становление новой администрации. Его операции, находящиеся вне досягаемости городских реформ, приобретали все больший смысл.

Кроме того, на повестке дня стояло спасение губернатора Лена Смолла[67].

Прокатившаяся волна помилований сделала его фактическим действующим сотрудником Джона Торрио, а политическая грамотность помогла обеспечить спокойную работу в сельских районах, подконтрольных федеральной власти. Теперь губернатор попал в беду. В июле 1921 года Смоллу были предъявлены обвинения в коррупционной деятельности в военное время в должности казначея штата.

Суть обвинения заключалась в том, что Смолл разместил государственные депозиты в банке Grant Park Bank – учреждении, существовавшем только в воображении двух братьев Кертис и их единственного государственного вкладчика. Затем этот воздушный банк переводил деньги обратно под 2 % годовых (хотя в связи с войной процентные ставки резко выросли). В целом, как утверждали государственные аудиторы, за четыре года эта схема отбила по меньшей мере $819 690 и 31 цент.

Торрио отрядил в Уокиган[68], где должен был состояться суд над Смоллом, целую армию громил и взяткодателей. Купленный и запуганный суд присяжных оправдал губернатора (на основании двух голосов «против», поданных по открепительным талонам), который позднее не остался в долгу перед Джоном.

Политика на выборах в городской совет в феврале 1921 года показала всем бандам Чикаго, что Торрио прав в необходимости объединения и совместной работы.

Энтони Д'Андреа[69] – расстриженный священник и явный фальшивомонетчик, бросил вызов олдермену Джону Пауэрсу[70]

из девятнадцатого округа. Д'Андреа проиграл во всех предыдущих предвыборных кампаниях, но сумел стать президентом чикагского отделения Unione Siciliana[71].

Эта организация занималась благотворительностью, служившей прикрытием для гангстерской деятельности, в масштабах всей страны.

Имея за спиной такое прикрытие, Д'Андреа представлял серьезную силу. Джон Пауэрс предложил Д'Андреа пост в окружном комитете, однако Верховный суд штата заблокировал его кандидатуру из-за судимости, и Д'Андреа объявил войну.

В конце сентября 1920 года на крыльце дома Пауэрса взорвалась бомба. После этой акции Д'Андреа объявил о намерении баллотироваться на пост олдермена на выборах 22 февраля 1921 года. «Почему итальянцы не должны представлять собственную нацию в городском совете? – громкогласно спрашивал кандидат. – В девятнадцатом округе в основном живут итальянцы. Это дает хорошие шансы, тем более ирландцы на моей стороне».

Он оказался кругом не прав. У Пауэрса была армия поклонников благодаря эффективному решению различных вопросов, связанных с трудоустройством и политической власти. Итальянцы любили Джанни Паули и стояли за него горой.

Несколько взрывов, перестрелок и ожесточенных побоищ не помешали Пауэрсу одержать победу с перевесом в 435 голосов. Для Д'Андреа наступило время расплаты.

Пол А. Лабриола, муниципальный судебный пристав и глава партийного избирательного участка демократов, отклонил все апелляции, касающиеся пересмотра результатов. По рассказам Лабриолы, еще до выборов Амматуна Сальваторе[72] (более известный под кличкой Самуз) и Фрэнк Гамбино[73] в союзе с Братьями Джанна[74] – главными боевыми силами Д'Андреа – выходили на него с прямыми угрозами, продолжавшимися и после окончания избирательной кампании. «Бандиты хотят меня достать», – жаловался Лабриола своему другу из полиции.

8 марта 1921 года, через две недели после выборов, трое вооруженных людей поджидали Лабриолу с восточной стороны его дома на Вест-Конгресс, 735, еще двое – с западной, на углу Холстед-стрит. В 9 утра он вышел на улицу и отправился на работу. Казалось, Лабриола узнал одного и, кивнув, собирался начать разговор, однако они сразу открыли огонь. Всего в Лабриолу попало девять пуль. Услышав стрельбу, жена пристава выбежала наружу и, увидев тело мужа, упала в обморок. У нее осталось двое детей, а Лабриоле было только тридцать девять лет. Среди стрелков были Амматуна и Гамбино, а также Джон

Гаудино и Анджело Джанна, самый молодой, опасный и грубый из всех братьев Джанна. Пятого стрелка опознать не удалось.

Симмертичный ответ не заставил себя ждать. К часу дня газеты уже опубликовали историю убийства Лабриолы. Четверо мужчин купили газету у мальчика на углу улиц Гарибальди-Плейс и Тейлор и пошли по Гарибальди, обсуждая убийство.

Где-то между улицами Тейлор и Полк они зашли в магазин сигар Гарри Раймонди, который везде, кроме Маленькой Италии, звал себя Рэймондом. Раймонди и Д'андреа были друзьями, однако в борьбе между ним и Пауэрсом он занимал сторону последнего.

Первая пара проверила магазин. В магазин вошла вторая двойка, купить по сигаре. Когда Раймонди потянулся за мелочью, бандиты выхватили револьверы: одна пуля попала в левый висок, еще две – в грудь.

Д'Андреа назвал оба убийства прискорбными и выразил непонимание: «Я ничего об этом не знал и удивляюсь, почему мое имя причастно к этим событиям». Пауэрс назначил вознаграждение $2500 долларов за успешное расследование убийств, процитировав при этом олдермена Боулера: «Это хуже, чем в Средние века».

Устроенная бойня и в самом деле несколько попахивала средневековой готикой и, казалось, будет продолжаться, пока число жертв не вырастет до немыслимых размеров. Возможно, Д'Андреа и не нес прямой ответственности за случившееся, он расплакался и отказался от дальнейших политических интересов в 19-м округе. Но было поздно. В середине апреля Авраам Вульфсон, живущий на первом этаже дома, принадлежащего Д'Андреа, обнаружил в почтовом ящике две записки (Д'Андреа жил в этом доме на третьем этаже с женой и тремя дочерьми). В первой записке говорилось:

> «Он убил других людей, сделаем с ним то же самое. Месть».

Вторая содержала инструкцию:

> «Арендатору первого этажа, Сауз-Эшленд, 902. Даем пятнадцать дней на переезд. Мы взорвем этот дом и убьем всю семью Д'Андреа. Он убил других людей. Мы делаем то же самое. Убирайтесь и спасайте свои жизни. Месть».

Полиция посчитала записки розыгрышем; Д'Андреа решил, что это происки банды Black Hand, на которые не стоит обращать

внимания. Вульфсон, агент по продаже недвижимости, переехал до 1 мая 1921 года.

Около двух часов ночи 11 мая, после долгой карточной игры в ресторане Амато, телохранитель и водитель Д'Андреа высадили его возле дома и уехали. Д'Андреа успел пройти девять шагов, от тротуара до крыльца, когда из окна пустующей квартиры слева прогремели выстрелы – цели достигли тринадцать пуль. Д'Андреа упал на землю, но перед смертью успел выхватить пистолет и выстрелить в пустое окно. Убийцы проникли в здание через заднее окно подвала. Один испачкал руку в угольной пыли и оставил следы на стене.

Убегая к ожидавшей машине, они оставили обрез и шляпу с $20 и запиской «На цветы».

Телохранитель Д'Андреа, Джозеф Лапица, был убит примерно через месяц из-за подозрения в предательстве босса. Джозеф Синакола, близкий друг Лапицы, пообещал отомстить за убийство. Его застрелили 6 июля 1921 года на пороге дома. Убийства с обеих сторон продолжались все лето и осень. В общей сложности погибло около тридцати человек. Несмотря на свидетельские показания, никто не был осужден.

После убийства Д'Андреа, один из партийных соратников заявил, что это событие положит конец гангстерским войнам: «Последователи имеют возможность отомстить за его смерть, но сомневаюсь, что станут этим заниматься. Потеряв мощную политическую защиту Д'Андреа люди потеряли и часть отваги». Хотя он оказался неправ в прогнозах, в его рассуждениях был здравый смысл. Попытка Д'Андреа сместить Пауэрса дала отличный урок всем чикагским гангстерам и позволила Торрио продемонстрировать важность политического господства в городе. Даже самая опасная банда убийц, братья Джанна и сообщники, понимали, что без влияния Д'Андреа не смогут даже приблизиться к людям, за спинами которых стоит сильный олдермен. Без защиты Д'Андреа у них не было шансов.

Власть означала все. В этой неопределенной ситуации, с учетом падения мэра Томпсона, никто не знал, чего следует ожидать и какие политические силы смогут обеспечить защиту. В этих условиях преступный мир Чикаго должен был объединиться.

Торрио нашел правильное комбинационное решение. Мелким дельцам он предлагал работу и физическую защиту, а крупным и независимым предпринимателям – сотрудничество, гарантированные поставки и защиту рынка сбыта. Членам будущего альянса следовало уважать территорию друг друга. Никто не мог посягать на границы влияния и сбывать нелегальный товар в нарушение правил, установленных главарем

территориальной банды. Следовало обеспечить коллективное соблюдение договоренностей. Хотя банды и имели право покупать пиво и другую выпивку у любого источника (или производить собственный алкоголь, как Драггэн и Лейк), Торрио был готов поставлять необходимое по разумной цене, а измученные жаждой покупатели платили за все.

У Торрио был и более ценный товар – опыт и связи, столь необходимые в бутлегерстве на местах. Предложение подобного рода носило сложный и постоянный характер, но было значительно выгоднее, чем раздача взяток отдельными бутлегерами при каждом случае поимки. Контрабанда должна была стать более открытой, как бордельный бизнес Торрио, не имеющий неприятностей с полицией. По крайней мере, он понял, как будет обеспечивать непрерывную работу создаваемого механизма.

Торрио не требовал и не настаивал, а уговаривал и рассуждал. И победил. Второй год сухого закона Чикаго встретил, имея твердую основу для проведения преступных комбинаций на местном уровне.

Глава 6
Взлет Капоне

Расцвет чикагской преступности достиг апогея. К 1921 году океаны пива изливались из восьми пивоварен, подконтрольных Торрио.

Объемы росли так быстро, что 6 января 1921 года три парня Джона объединились для создания фирмы грузоперевозок World Motor Service Company. Этот подход позволял обойти закон об изъятии транспортных средств: респектабельные владельцы бутлегерских грузовиков клялись, что понятия не имели, для каких целей использовалось транспортное средство, и его возвращали обратно.

К 1922 году местные бутлегеры сумели полностью обеспечить огромный спрос на алкоголь, продолжающий расти. Чикагский референдум о внесении изменений в 18-ю поправку, разрешающих пиво и вино, прошел с результатом пять к одному. Конечно, он не имел законного веса, но горожане, образно говоря, проголосовали собственными пересохшими от жажды глотками.

Одной из обязанностей Аль Капоне было приобретение грузовиков для дела Торрио, которое люди, вовлеченные в него, называли «предприятием» (особенно после того, как во главе стал Аль Капоне).

Это словечко не было порождением криминальных репортеров и романистов, пишущих об алчном синдикате. Оно случайно появилось среди бутлегеров – «я присоединился к предприятию пару лет назад» звучало намного весомее, чем «я с Капоне». Большинство участников предприятия начинали с перевозки пива, позже дослуживаясь до вышибал или рэкетиров. Однако в вопросах приобретения грузовиков Торрио доверял лишь нескольким людям. Одним был Аль Капоне.

К середине 1922-го Капоне уже признавали лицом номер два в империи Торрио, хотя его взрывной характер стал причиной некоторых инцидентов.

Ранним утром 30 августа 1922 года Капоне, находясь за рулем авто, ехал по Рэндолф-стрит и врезался в такси, припаркованное на перекрестке с Уэбеш. Его спутники, женщина и трое мужчин, благоразумно сбежали. Испортившееся настроение, алкоголь и дурной характер сделали свое дело: с револьвером в одной руке и значком специального заместителя шерифа в другой, Капоне набросился на таксиста Фреда Краузе, лежавшего лицом на руле, и грозился пристрелить таксиста на

месте.

Краузе сильно пострадал от удара и нуждался в медицинской помощи. Водитель проезжавшего мимо трамвая, Патрик Баргалл, остановил вагон и сказал, что все видел и Капоне нечего размахивать оружием, поскольку виновником аварии является он, а не парень в такси, истекающий кровью. Капоне пообещал пристрелить заодно и Баргалла. К счастью, прибывшая полиция очень быстро связалась со «скорой», поэтому участники аварии были доставлены по месту назначения почти одновременно: Краузе – в больницу, а Капоне – в полицейский участок. Аль Капоне был освобожден под залог. На следующий день он предстал перед судом по обвинениям в трех правонарушениях: совершение аварии, вождение в нетрезвом виде и незаконное ношение оружия.

До сих пор Капоне не имел проблем с полицией. Ему исполнилось двадцать три года, и Торрио не мог перевоспитать ученика в одночасье, сломив устоявшийся характер и склонность к пороку. Недоразумения начались в 1930 году, когда первый биограф Капоне обнаружил заметку об аварии, отметив сравнительную неопределенность личности: авария упоминалась на внутренней странице одной из газет, а имя главного героя значилось – Альфред Капони.

Заметка репортера Фреда Пэйсли, в которой упоминалось о Капоне, появилась в City News Bureau – издании, представлявшем кооператив молодых журналистов крупных газет, своего рода Associated Press, в масштабах Чикаго, с желтым оттенком.

В разделе городских новостей сообщалось: «Капони, проживающий в пресловутых Four Deuces, был арестован на месте преступления».

Tribune трактовала происшествие несколько иначе.

Редакторы знали, что Капоне был не жильцом, а «предполагаемым владельцем Four Deuces», а также что происходило в полицейском участке. По информации Tribune, Капоне «угрожал полицейскому, задержавшему его, крупными неприятностями и физической расправой обвинителям». «Вы даже не представляете, с какой легкостью я это сделаю», – якобы хвастался Капоне.

Полиция и репортеры слышали подобное бахвальство десятки раз, но Капоне оказался прав: за него внесли залог, дело замяли, случай не рассматривался в суде, упоминание о происшествии вычеркнули из всех отчетов. Если Капоне уже тогда был настолько влиятельным, то упомянутое утверждение о сравнительной неопределенности вряд ли соответствовало действительности.

Полицейский Чарльз Триллинг, никогда не сомневался в возможностях и влиятельности молодого Капоне. Примерно в то время, когда произошла злосчастная авария, Триллинг постоянно дежурил на перекрестке 22-й улицы и Уэбеш. Капоне, всегда старавшийся подружиться с полицейскими, давно заприметил молодого и видного Чарльза, служившего в полиции первый год, и никогда не проходил мимо, не обменявшись взаимными приветствиями. «Хэй, Рэд», – басил он по пути в Four Deuces.

«Привет, Аль», – отвечал Чарльз. Однажды Аль Капоне, по-привычке свысока, обратился к полицейскому (он был на год старше Чарльза): «Эй, малой, если захочешь стать сержантом – дай знать». Триллинг задумался и отклонил предложение. Он понимал: если согласится, будет жить по указанию пальца мафиози.

Тем не менее все в Аль Капоне – поведение, уважение, которое ему оказывали, – заставляло думать, что Капоне может оказаться хорошим человеком.

В 1922 году Налоговое управление было прекрасно осведомлено о сверхприбылях Капоне, не связанных с официальной деятельностью скромного владельца антикварной лавки. Инспектор Эдвард П. Уотерс искал встречи с неким мистером Аль Брауном: как и большинство преступников, Капоне взял псевдоним, чтобы избежать легкой идентификации и, на всякий случай, избавить семью от позора. Со временем обращение Мистер Браун и вовсе стало признаком особого уважения.

Ошибка в имени Аль Капоне в статье сама по себе не была критичной. В то время СМИ не стремились к фактическим соответствиям, как сейчас. «Капони» вместо «Капоне» никого не смутило. Газета Tribune, принадлежавшая полковнику Роберту Резерфорду МакКормику[75], не нуждалась в указаниях, как нужно правильно писать то или иное имя. Tribune продолжала писать фамилию Альфонса как «Капони» вплоть до 31 декабря 1928 года; в то время Аль Капоне уже приобрел мировую славу, а Journal, единственная газета Чикаго, которая тоже писала «Капони», давно перешла на «Капоне». Очевидно, это нельзя объяснять нехваткой сведений о личности Альфонса.

Озеро Мичиган огибает Уокиган с юга и юго-востока. Относительно центра Чикаго озеро находится на севере и на юге – между Норт-авеню и Чермак (которая тогда называлась 21-й улицей и находилась в центре старой Дамбы). Северное ответвление реки Чикаго проходит параллельно берегу озера. В шести милях от озера, на севере города Эванстон, ответвление уходит на восток. Это место отстоит от реки Чикаго чуть больше,

чем на одну милю. Южное ответвление резко сворачивает перед улицей Чермак. Береговая линия озера Мичиган и два ответвления реки Чикаго вместе составляют подобие буквы «Н», в которой связующая горизонтальная черта образована самой рекой Чикаго.

Мэдисон-стрит, в четырех кварталах ниже «перекладины», делит улицы на северные и южные, а Стейт-стрит – на восточные и западные. Поскольку Стейт-стрит и Мичиган-авеню (последний крупный бульвар перед Лейк-Шор Драйв) отделяют друг от друга лишь три квартала, центр Чикаго почти не имеет «восточных» адресов.

Норд-Сайд начинается к северу от перекладины. Под Вест-Сайдом, во времена Торрио, подразумевался район, расположенный к западу и юго-западу от части реки, представляющей вертикальную палочку буквы «Н». Что касается юга – то есть Сауз-Сайд, – он не начинался сразу вниз от перекладины, поскольку здесь находился Чикаго Луп. Наземные железнодорожные пути ограничивали территорию, внутри которой находились самые фешенебельные магазины Чикаго, по ночам здесь горели яркие огни. Стейт-стрит никогда бы не приобрела статус Великой улицы, не попади она в Чикаго Луп. Ниже по Рузвельт-Роуд (12-й улице) располагалось (да и сейчас располагается) главное полицейское управление и проходила восточная часть железнодорожных путей. Северная часть Стейт не могла похвастаться большими отличиями от южной – только тем, что не упиралась в огромные складские территории, находящиеся ниже 22-й улицы.

Для планов Торрио эти географические подробности значили не много, поскольку большинство банд практиковали традиционные мелкие преступления в виде воровства и ограблений в любом месте, где бы ни находились, а территориальность означала лишь традиционные места, мародерничать бандиты предпочитали поближе к дому. Своеобразная кодификация этих районов интересовала Торрио только с точки зрения исключительных прав на бутлегерство.

Большую часть Норд-Сайда контролировал Дини О'Бэнион. Его подручные, как и сам Дини, были из среды взломщиков и профессиональных медвежатников. На сборищах главарей гангстерских банд Чикаго О'Бэнион неофициально играл роль председателя (после его убийства в 1924 году прошел слух, что Дини руководил бандой при помощи шести ближайших партнеров). О'Бэнион был чрезвычайно харизматичной личностью. Грозный враг и убийца, Дини лично устранил, по словам одного начальника полиции, двадцать пять человек. По

другим сведениям, число жертв составило шестьдесят три человека.

Но друзья видели в Дини хорошего человека и искренне любили. О'Бэнион являл почти карикатурный образ улыбчивого ирландца: открытого, бойкого, неизменно веселого. Если кто-то начинал говорить дурные вещи про заклятых врагов, Дини восклицал: «Да ладно, бросьте! Он прекрасный человек, в самом деле». А после мог заказать убийство прекрасного человека или исполнить его самостоятельно, не колеблясь ни минуты.

Однажды водитель заметил запекшуюся кровь на сиденьях после возвращения босса из поездки. «Слушай, очисти-ка здесь все», – попросил О'Бэнион безо всяких объяснений, с самым беззаботным и веселым видом. Убийство казалось ему совершенно обыденным делом и не вызывало никакого расстройства. Психолог называл подобное поведение состоянием «солнечной жестокости».

О'Бэнион не был гением, и время от времени обращался за советом к другим.

Одним из ближайших соратников Дини был Эрл Войцеховский[76], уроженец Польши, прибывший в Соединенные Штаты в возрасте трех лет.

По не совсем понятным причинам Эрл принял второе имя, Хейми Вайс, хотя не имел никакого отношения к евреям, слыл убежденным католиком, всегда носил крест и часто перебирал в руках четки. Худой и стройный, с резкими чертами лица, на котором выделялись огромные глаза, он обладал горячим темпераментом и холодным рассудком. Кругозор Вайса был шире, чем у Диона. Полиция считала, именно Войцеховский втянул банду в бутлегерство.

К числу других подручных Дини относился Винсент Друччи[77] (настоящее имя Ди Амбросио), единственный итальянец на руководящей должности в мафии Норд-Сайда. В детстве он взламывал монетные коробки в городских телефонах и заработал прозвище «Интриган» за совершенно безрассудные планы налетов и ограблений. Как и Вайс, Друччи был вместе с О'Бэнионом с подросткового возраста (в начале действия сухого закона О'Бэниону было двадцать восемь, а большинству членов банды едва исполнилось двадцать).

Луи Альтери[78], урожденный Лиланд Варейн, родился в Калифорнии в семье французского эмигранта. Будучи наемным убийцей, выполнял функции «зиц-председателя», успешно разыгрывая перед полицией роль безумца. Луи боксировал как профессионал, обладал телосложением классического громилы, владел в Колорадо собственным ранчо и любил, когда его

называли «Два ствола» (носил два револьвера калибра 38 в наплечных кобурах). Один журналист назвал его «диким чикагским стрелком и мохнатым колорадским скотоводом».

Он начал в Чикаго как компаньон Терри Драггэна, принимал участие в безумных ограблениях ювелиров и прокручивал небольшие операции в игорном бизнесе. В дальнейшем Луи успел поработать на Херши Миллера и Гвоздя Мортона, пока не связался с О'Бэнионом, которого боготворил. Однажды, чтобы отсрочить обвинение в убийстве, пока свидетели не будут запуганы или просто не исчезнут, притворился сумасшедшим, причем настолько убедительно, что некоторые члены банды сочли Луи таковым.

Еще одной важной шишкой в банде был Джордж Моран[79] – пожалуй, самый флегматичный и беспристрастный. Однако периодически он вспыхивал так свирепо и неукротимо, что газеты прозвали его «Глюк».

Сам Джордж предпочитал псевдоним Моррис, хотя на самом деле имел польские корни. Его настоящее имя так и осталось неизвестным, либо просто было забыто властями и затерялось в газетах тех времен. Моран медленно двигался и медленно думал.

Пятым членом правящей верхушки газеты считали Дэниела МакКарти, прозванного за вызывающую элегантность Дэппером Дэном. Начав простым рэкетиром, Дэн застрелил полицейского, который пришел арестовать его за дезертирство из армии в 1918 году. Продвигаясь по карьерной лестнице, Дэниел, в конце концов, стал компаньоном О'Бэниона в одном из первых пивоваренных заводов Cragin Products. Другой тяжеловес, Гвоздь Мортон, был скорее не членом банды, а другом О'Бэниона и сообщником в некоторых авантюрах.

Он присоединился к О'Бэниону, приняв долевое участие в покупке магазина цветов – главной слабости босса, ставшего со временем штаб-квартирой банды Норд-Сайда. За время военной службы Мортон приобрел некие джентльменские навыки и учил О'Бэниона вести себя в обществе и правильно выбирать одежду. О'Бэнион, в свою очередь, стал законодателем моды на смокинги в среде чикагских гангстеров.

Маленькая Сицилия, юго-западный угол территории О'Бэниона, представляла собой небольшой анклав, который Дини мог использовать лишь отчасти. Права О'Бэниона на бутлегерство действовали на участке к югу от реки, доходящем до улицы Мэдисон, что являлось территорией Торрио-Капоне.

Банда О'Бэниона под руководством опытных лидеров представляла для Торрио и Капоне проблему, мешая полному господству в городе. Мощь и единство банды вытекали из силы и

рассудительности руководства, чего не было у большинства других гангстерских группировок Чикаго. Например, когда Торрио начал реализовывать свой план, фактический лидер Сауз-Сайда О'Доннелл сидел в тюрьме, а оставшаяся часть банды была так мала, что ее можно было просто игнорировать. Другими факторами, придававшими значимость банде Норд-Сайда, были размер и экономическое богатство территории.

Примерно в четверти мили к югу от владений О'Бэниона, и на таком же расстоянии к северу от Four Deuces, напротив южного берега реки Чикаго, располагалась Маленькая Италия, тот самый 19-й округ, ставший полем битвы Пауэрса и Д'Андреа (после перекройки в 1920 году стал 25-м округом). Территорию контролировали шесть братьев Джанна.

До вступления в силу сухого закона о Сэмюэле, Джеймсе, Питере, Антонио, Майкле и Анджело Джанна никто не слышал.

Среди журналистов не было единого мнения, когда они прибыли в Америку (из города Марсала в Сицилии): в детстве или уже взрослыми. Во всяком случае, братья Джанна прочно обосновались в своем районе.

Сэм был рэкетиром из Black Hand, суровые Анджело и Майкл – боевиками-исполнителями.

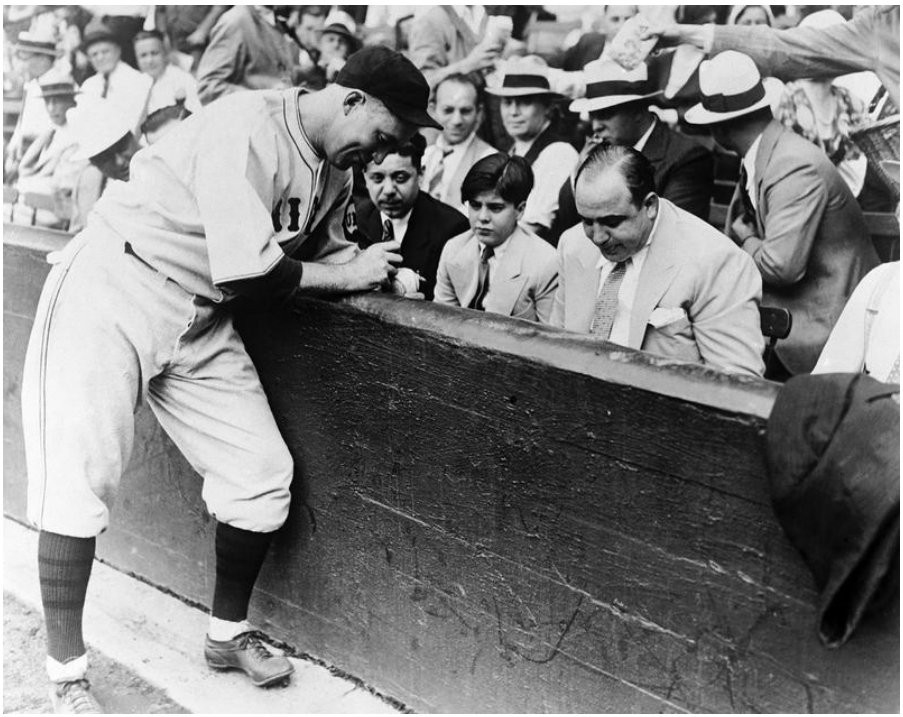
Питер и Джеймс управляли салунами, приобрели бильярдный зал, открыли фруктовый магазин и занимались импортом оливок и сыра. Тони Джанна претендовал на звание знатока искусств и интеллектуала. Он оказывал покровительство местной опере и изучал архитектуру: в свое время предлагал планы по организации строительства бюджетного жилья.

Братья были достаточно коренастыми парнями, Тони выглядел стройным и элегантным. Его звали Аристократом Тони и Джентльменом Тони. Известен случай, когда он готовился к проведению криминальной операции в педикюрном салоне. Большая часть интеллектуальной работы, касающейся семейного бизнеса, лежала на нем.

Результаты политических баталий между Пауэрсом и Д'Андреа больно ударили по Джанна, и теперь они мечтали сбросить Торрио с пьедестала. Это дало бы им свободу действий для извлечения огромных выгод из идеи адвоката Генри Спигнолы (впоследствии Анджело женился на его сестре). Идея заключалась в организованном изготовлении домашнего самогона на всей территории Маленькой Италии. Объединив большое число домашних предприятий, Джанна фактически стали хозяевами гигантского кустарного производства, фонтанирующего деньгами.

Подконтрольная территория была не такой большой, как

хотелось бы братьям. С центром на перекрестке Тейлор-стрит и Холстед-авеню, она тянулась вдоль Тейлор до пересечения с Вест-авеню на западе, Конгресс-авеню на юге и ограничивалась 16-й улицей в том месте, где происходило разделение на север и юг. На карте это напоминало небольшой кусочек, зажатый между челюстями двух других банд, причем верхняя челюсть принадлежала О'Бэниону.



Профессиональный бейсболист Габби Хартнетт дает автограф Сонни Капоне, сыну Аль Капоне, на благотворительном бейсбольном матче на стадионе «Комиски парк». Чикаго 9 сентября 1931 года.

Нижнюю челюсть контролировали Драггэн и банда Лейка. Постепенно зона их влияния достигла Мэдисон на северной стороне и Сисеро-авеню на западе. Кроме челюстей чудовище обладало и глоткой, образованной территорией Вестсайдских О'Доннеллов (банда южных однофамильцев в расчет не бралась) [80]. Глотка простиралась от западной части Холстеда до Остина, а затем поворачивала к югу, окружая западное окончание владений Драггэна и Лейка вдоль Рузвельт-Роуд в районе Сисеро. Владение этим куском могло бы открыть Торрио новые возможности, принести беспокойство Капоне, но устроило бы всех.

Из трех братьев О'Доннеллов, заправлявших территорией западной части Чикаго, реальную власть имел только Уильям.

По неизвестным причинам его называли Клондайком. Этот толстый краснолицый брюнет был старше остальных гангстеров, и, когда Клондайк отправился за решетку во второй половине двадцатых годов, банда больше не фигурировала в качестве игрока. Младшему брату Майлсу, в отличие от Уильяма, худощавому и трусливому, просто не хватило пороху занять место главаря, а средний Бернард отошел от дел, найдя хорошую работу. После Клондайка самым энергичным членом ирландской банды оставался Джеймс Дж. Доэрти, который, возможно, продолжил бы дело Уильяма, но его убили в 1926 году.

Примерно в двух с половиной милях к югу от владений Джанна, начиная с 43-й улицы, находилась территория, напоминающая по форме почку. Она простиралась на юго-запад до Кендзи и 63-й улицы, охватывая зону складов, и принадлежала банде Ральфа Шелдона, прикрывающейся старым ирландским спортивным, политическим и общественным клубом Ragen's Colts.

Клуб был создан под эгидой бейсбольной команды Morgan Athletic Club, но после того, как его члены ограбили группу тренеров, ехавших по железной дороге в Санта-Фе на ежегодный пикник, организация распалась. Чтобы избежать судебного преследования, клуб был реформирован в Спортивное добровольное общество, а вскоре переименован в Ragen's Colts. Это броское название в скором времени определило фирменное имя банды.

Лидером клуба был Фрэнк Рейджен, политик, использовавший обширные связи, чтобы стать комиссаром окружной полиции, сочетающим суперпатриотизм с расизмом и насилием. В годы Первой мировой войны примерно четверть из двух тысяч членов банды были призваны в армию, и вернувшиеся ветераны стали причиной чикагских расовых беспорядков[81] в июле 1919 года. В результате пятидневного бунта погибло сорок три человека.

Ральф Шелдон, вербующий в Ragen's Colts ветеранов Первой мировой, создал целый пул отчаянных головорезов, представляющих серьезную угрозу для Торрио, а затем и для Капоне. Внешне Шелдон был худощавым и чахлым молодым человеком. Невзирая на то что сухой закон вступил в силу, когда Ральфу было только восемнадцать лет, он успел стать ветераном преступного мира. Впервые Шелдон попал под суд в возрасте шестнадцати лет по обвинению в грабеже. Ему удалось избежать наказания (хотя двое товарищей были осуждены), побудив судью указать присяжным на совершение судебной ошибки. Самым

выдающимся членом банды после Шелдона был Дэниел Стэнтон, немного старше Шелдона (Шелдон родился в 1902 году, Стэнтон в 1896) и намного крепче. Начав работать складским грузчиком еще подростком, Дэниел успел поработать водителем в транспортной компании Checker Cab и был отмечен как доблестный боец 131-го пехотного полка Иллинойса, воевавшего во Франции.

Ирландцы Шелдон и Стэнтон (и другие члены банды) испытывали рефлексивное отвращение к итальянцам, а бордели Торрио сильно возмущали их католическое воспитание. С другой стороны, они прекрасно осознавали ценность политических связей. Не менее убедительным фактором послужило, что у Шелдона и Стэнтона не было собственного пивоваренного производства, поэтому они признали безусловную прибыль от оптовых поставок, предложенных Торрио по цене $35 за баррель (в стоимость входила политическая защита).

К западу от территории Шелдона находились Задворки, принадлежащие Джозефу Салтису, широкоплечему громиле с одутловатым морщинистым лицом, шаркающей походкой, весом в двести фунтов при шести футах роста. Салтис мог стать предметом шуток, если бы не одно «но»: трудно смеяться над человеком, избившим пожилую женщину за отказ продавать пиво в магазине, специализирующемся на продаже безалкогольных прохладительных напитков.

Тем не менее Салтис пользовался уважением окружающих, даже тех, кто смертельно боялся его. Он родился в 1894 году в Венгрии, приехал в Чикаго в одиннадцать лет, к нему намертво прилипло прозвище «Поляк Джо». Он писал фамилию через «о» – «Солтис», но полиция, прокуратура и пресса упорно продолжали называть его Салтисом. Говорят, когда в ордере на арест он подписался «Солтис», полицейский чиновник, оказавшийся бюрократом, обратил на это внимание:

– Вас зовут Салтис, а не Солтис. Разве вы не знаете, как пишется собственное имя?

– Пиши, как хочешь, – устало ответил Полак.

Торрио приложил не много усилий, чтобы заинтересовать Джозефа.

Со временем он открыл три пивоварни, причем одной владел напрямую. В самом начале действия сухого закона Салтис пытался заниматься поставками пива из Ваусау, штат Висконсин, но это оказалось неудобно: слишком далеко и рискованно, а к юго-западу от Задворок 200 000 славян изнывали от жажды.

Торрио оказывал Салтису и силовые услуги, поскольку его свирепости хватало лишь на пожилых леди, торгующих пивом. С

другой стороны, в число компаньонов Салтиса входил Фрэнк МакЭрлайн[82]. По словам одного репортера, Фрэнк производил впечатление рубахи-парня, ростом 5 футов 8 дюймов, весом 190 фунтов, голубоглазый, всегда со свежей розой в нагрудном кармане. Цвет лица МакЭрлайна всегда был холерически-красного оттенка, а когда он напивался (что случалось с завидным постоянством), взгляд стекленел, и даже друзья старались находиться поближе к дверям. В исследованиях, посвященных изучению преступности в Иллинойсе, МакЭрлайна называли «самым жестоким боевиком, когда-либо спускавшим курок на территории Чикаго». В 1922 году, когда МакЭрлайну грозил очередной тюремный срок, его друг, Джордж Карл, обратился за помощью к Торрио. Торрио дал Карлу $12 000, необходимых для улаживания дела, после чего МакЭрлайн решил связаться с Салтисом.

Существовало еще несколько небольших банд, действовавших в масштабах своих районов, которые были рады гарантированным поставкам и мощной защите.

Среди них стоит особо отметить банды Клода Мэддокса и Мартина Гилфойла, действовавшие к северу и западу от реки, которые обрели важность на более позднем этапе войны Капоне с преемниками О'Бэниона.

К началу 1923 года Торрио достиг взаимопонимания почти со всеми бандами. О'Доннеллов Сауз-Сайда как будто больше не существовало. До 1920 года братья, во главе со старшим Эдвардом Дж. О'Доннеллом, по кличке Спайк, занимались грабежами на южной стороне, ниже 63-й улицы. Спайк, выигравший два суда по делу об убийстве шести человек, попался на вооруженном ограблении банка Stock Yards Bank and Trust на $12 000, которое пытался совершить средь бела дня.

Во время принятия сухого закона Спайк отбывал наказание в тюрьме города Джолиет. Остальные братья – Уолтер, Томас и Стивен – вышли из дела по собственному желанию. Они просиживали штаны в Four Deuces и радовались любой случайной работе, которую подбрасывал Торрио. Возможно, Торрио был прав, считая их никчемными, но, по иронии судьбы, благодаря этому план Спайка сработал.

Глава 7
План Спайка

К началу 1923 года почти никто из администрации Томпсона не вступал в контакты с посторонними. Год назад три члена школьного Совета рассказали прокурору штата Кроу некоторые подробности подозрительных перекроек границ округов Чикаго. Поссорившись с Томпсоном, Кроу приступил к расследованию, уделяя особое внимание роли Лундина в этом скандале. Лицам, задействованным в махинациях, грозило от одного года до пяти лет тюрьмы. После того как в январе 1923 года коллегия присяжных передала дело Лундина в суд, Томпсон снял свою кандидатуру для переизбрания на пост мэра. Обвинительное заключение увенчало гору претензий к его администрации (позже Томпсон жаловался, говоря: «Друзья меня распяли»).

Летом присяжные оправдали Лундина и остальных обвиняемых – команда адвокатов, возглавляемая Кларенсом Дэрроу, была мощной и профессиональной. Несмотря на то что в наши дни образ Дэрроу стал синонимом благородства и высокого интеллекта, он без колебаний брался за уголовные дела тех, кто мог оплатить гонорар и почти всегда выигрывал (Дэрроу защищал Фрэнка МакЭрлайна, самого жестокого стрелка Чикаго). Адвокаты заставили свидетелей изрядно попотеть, поскольку большинство из них клевали из одной кормушки с обвиняемым. Томпсону пришлось прервать отдых на Гавайях, чтобы дать свидетельские показания на Лундина, что стало закономерным финалом партнерства.

Чтобы извлечь выгоду из хаоса в рядах республиканцев, новому лидеру демократов Джорджу Бреннану, преемнику Роджера Салливана, был нужен кандидат, который не противопоставлял бы себя правящему крылу. Выбор пал на шестидесятилетнего Уильяма Е. Девера[83], прослужившего десять лет олдерменом и двенадцать – окружным судьей. За время государственной службы он не фигурировал в скандалах. В 1887 году Девер с отцом переехали из города Уоберн штата Массачусетс в Чикаго.

Работая дубильщиком, он окончил вечерний юридический колледж, что позволило открыть собственную юридическую практику в 1890 году. В апреле 1923 года Девер стал одним из пяти демократов, признанных двухпартийной комиссией приемлемыми кандидатами на пост мэра Чикаго.

Несмотря на реформаторские склонности кандидата, Бреннан

знал о его гипертрофированной амбициозности и готовности играть в политику. В качестве цены за поддержку демократического аппарата, Девер отказался от управляющих рычагов, способных справиться с чикагской коррупцией, отдав их под патронаж партийного босса. Поразительно, но при таких обстоятельствах Девер сумел доставить Торрио и Аль Капоне много проблем.

Он победил на выборах, набрав свыше 100 000 голосов.

Биограф Девера называл его насквозь мокрым сторонником сухого закона. Однажды он заявил группе немцев, хлещущих пиво: «Я никогда и виду не подавал, что могу поддерживать сухой закон. Я и сейчас его не поддерживаю». Однако он действительно был ревностным поборником соблюдения закона.

На должность начальника полиции Девер назначил капитана Моргана Коллинза, некогда изучавшего медицину и владевшего собственным баром. Реформаторы считали его честным и способным полицейским. Один следователь насчитал в его районе шестнадцать букмекерских контор. Коллинз честно признался: для того чтобы превратить развратный район Чикаго-авеню в приличное место, необходимо по меньшей мере триста человек для охраны передних и задних входов каждого заведения.

В течение месяца люди Коллинза совершали облавы по злачным местам по всему городу с безудержным энтузиазмом, арестовывая по 450–500 человек за каждую зачистку. За полгода его люди закрыли более четырех тысяч салунов и пятьсот точек по продаже безалкогольных прохладительных напитков – известных мест торговли пивом. Коллинз объявил команде, что требует большей активности: «Если я не получу результата – некоторым придется искать работу». Чикаго слышал такое и раньше, но через две недели число отозванных лицензий достигло 1400.

Торрио, Аль Капоне и остальных пугало, что Коллинз решительно отвергал предлагаемые выгоды. Four Deuces был центральным заведением Торрио и Аль Капоне, Коллинз совершил рейд и закрыл его. Само по себе это не являлось большой проблемой; у них была дополнительная штаб-квартира в Pershing Hotel на 64-й улице в районе станции Коттедж-Гроув. Тем не менее обстановка накалялась. Сначала Торрио предложил Коллинзу $1000 в месяц, чтобы тот отстал. Вскоре Торрио увеличил сумму до $100 000.

Еще один глава бутлегеров предлагал отступные – $5 за баррель пива в день только за разрешение на перевозку (объем транспортируемого пива составлял 250 баррелей в день). Коллинз ответил «нет» на все предложения и прикрыл двести

букмекерских контор, принадлежащих Монту Теннесу, боссу городских игорных заведений, ранее всегда покупавшему полный иммунитет.

В скором времени журналисты уже писали о высыхании Чикаго. Засухи не наступило, но ситуация придала дополнительный импульс плану Торрио.

Однажды О'Доннелл сказал: «Я могу сломать этого петуха Капоне голыми руками в любое время, если он захочет выйти и драться как мужчина». Возможно, это была бы эпическая уличная драка. Спайк выглядел бойцом – длинный, худощавый и жилистый. Морщины на узком выразительном лице придавали ему сходство с грустным бассет-хаундом. У Спайка было отменное чувство юмора. Хороня лучших людей или зализывая раны на собственной шкуре, он говорил: «Моя жизнь – существование между последовательностью пуль. В меня стреляли и промахивались так часто, что думаю, не наняться ли куда-нибудь живой мишенью».

После того как друзья выкупили ему помилование у губернатора Смолла – приблизительно в то же время, когда Девер стал мэром, – Спайк О'Доннелл собрал братьев и нанял около дюжины водителей, громил и продавцов. Как правило, эти люди были освобождены условно-досрочно. Особое место занимал Джерри О'Коннор – еще один выпускник тюрьмы в Джолиете. У новой банды был хороший старт. Первым источником дохода стал захват чужого пива, зачастую принадлежащего Торрио.

Затем О'Доннелл наладил поставки из пивоварен Джолиета. Это было настоящее пиво, а не сомнительное пойло, в которое добавляли спирт и в таком виде сбывали клиентам. Более того, его пиво стоило $45 за баррель против $50 у Торрио. О'Доннелл начал с салунов в своем районе Керри-Патч на юге Чикаго и быстро добрался до Задворок Салтиса в районе Нью-Сити.

Деятельность О'Доннелла проходила исключительно за счет особенностей репрессивной политики администрации Девера. Игорные заведения, пивоварни, бордели и подпольные бары, располагавшиеся в относительно больших и тщательно продуманных помещениях, обязательно имевшие фиксированный адрес, «не могли существовать и десяти минут без ведома окружного капитана полиции», говорил один исследователь.

До прихода Девера мэрия выдавала защитные мандаты через олдерменов – таких, как Кофлин, Кенна или Пауэрс, – которые обеспечивали неприкосновенность заведений и собирали дань. Начальника полиции, допускавшего что-либо выходящее за рамки показушных облав, или убирали с должности под благовидным предлогом, или досрочно отправляли на пенсию.

Мэр Девер и глава полиции Коллинз изменили устоявшийся порядок, положив конец централизованной коррупции. Хотя окружным шефам полиции было приказано навсегда закрывать нелегальные заведения, в инструкциях существовала лазейка, позволявшая их фактически игнорировать.

Невозможно было доказать, что они знают о том или ином подпольном месте. Учитывая коррумпированность на этом уровне, Спайку О'Доннеллу не составило труда наладить протекцию. Капитан Томас К. Вулф, при совершении проверочных рейдов вместе с сержантом Эдвардом Нилоном, рекомендовал салунам покупать пиво О'Доннелла вместо пива Торрио.

Сначала конкуренция проходила относительно спокойно. Торрио снизил стоимость пива до $40 за баррель. О'Доннелл не мог поступить аналогичным образом.

Великая пивная война 1923 года началась как классическая практика устранения конкурентов у картелей, не претерпевая никаких изменений на протяжении весны и лета.

Тем временем произошли три не связанных между собой события, оказавших значительное влияние на рост могущества Аль Капоне.

Первое казалось случайностью на грани фарса. Дини О'Бэнион и Гвоздь Мортон стали большими друзьями. Мортон, которому исполнилось двадцать девять лет (он был на два года моложе, чем О'Бэнион), был холост и жил в гостинице Congress.

О'Бэнион женился два года назад.

В воскресенье, 13 мая 1923 года, Мортон, миссис О'Бэнион и комиссионер Питер Мандейн отправились на верховую прогулку. Мортон был прекрасным наездником и выбрал на конюшне Lincoln Riding Academy, по адресу Норд Кларк-Стрит, 300, лошадь «особенно нервную и ретивую». На улице она встала на дыбы и, перейдя на галоп, помчалась в южную сторону Кларк. Мортон, отличающийся немалым весом, привстал на стременах, чтобы сдержать животное, но ремень лопнул, и Гвоздь Мортон рухнул на землю, не выпустив поводья из рук. Испуганная лошадь встала на дыбы, ударив при этом Мортона копытом по голове. Швейцар ближайшего отеля и полицейский, первыми прибежавшие на место происшествия, обнаружили Мортона без чувств; он умер, не приходя в сознание.

Сраженный горем Луи Альтери забрал лошадь и пристрелил ее в поле на северо-западе от города. Затем позвонил в Lincoln Academy и, как сообщалось в газетах, заявил: «Потеря лошади будет вам уроком. Если хотите, можете забрать седло».

О'Бэнион потерял больше, чем друга и партнера. Мортон был сдерживающей силой: умел разговаривать с людьми, проявляя

сдержанность, и невольно заставлял собеседника делать то же самое. Хейми Вайс был еще более импульсивен, чем О'Бэнион, Друччи – слишком порывистым и диким.

Моран целиком оправдывал прозвище Глюк, а Альтери производил впечатление парня «немного не в себе». Если бы Мортон остался жив, вероятно, смог бы удержать О'Бэниона от действий, ускоривших начало военных действий против Торрио и Капоне.

Так, норовистая лошадь помогла Капоне стать Большим Боссом американского преступного мира.

Предпосылки ко второму знаменательному событию произошли в 1921 году. Гарри и Альма Гузик, управляющие одним из борделей Торрио, наняли шестнадцатилетнюю сельскую девушку, искавшую работу горничной. После пяти месяцев занятий проституцией она нашла возможность передать послание отцу, который в компании десяти друзей приехал и забрал дочь домой.

Доказательства преступления были неопровержимы, и Гузиков осудили, несмотря на многократные попытки подкупить отца девушки. Гузики подали апелляцию в суд и обратились за помощью к Торрио, который ценил Гарри как опытного, энергичного и разумного управляющего борделем, а также надежного человека, с точки зрения полиции и политиков. Для Торрио это был прекрасный случай продемонстрировать влияние – в то время когда его авторитет и исполнение плана столкнулись со строптивым О'Доннеллом. Мог ли кто-нибудь еще выручить такого несимпатичного, отвратительного человека, как Гузик, совершившего настолько гнусное преступление?

Торрио отдал годовой доход от деятельности борделя за оправдание губернатору Смоллу.

20 июня 1923 года Гарри и Альма вышли на свободу, несмотря на возмущение, всколыхнувшее весь штат. Это действительно было реальное влияние, создавшее впечатление институциональности власти, переданной позже Капоне, помогающее сглаживать острые углы в критических ситуациях.

Через неделю после помилования Гузиков сложилась ситуация, когда самому Торрио не помешал бы оправдательный приговор.

Третье событие казалось и вовсе тривиальным.

На фоне других федеральных агентов-наблюдателей Брайс Ф. Армстронг выглядел крайне непрезентабельно: малорослый, коренастый, с редкими волосами, нервным тиком и глазами как у совы. Выходя на службу, он брал с собой два револьвера и набивал карманы пятицентовиками для покупки газет. Армстронг

позволял журналистам унести с собой бутылку-другую доказательств, после того как они сделают несколько снимков. Частично из-за гипертрофированной самоуверенности, частично из-за малой эффективности, начальство старалось убрать его подальше от центра. Во время одной из таких ссылок в начале 1923 года Армстронг взял под наблюдение пивоварню Puro Products в Западном Хаммонде к юго-востоку от Чикаго.

Эта пивоварня обанкротилась в 1915 году. Джозеф Стенсон, связной всех пивных производителей Торрио, выкупил Puro в октябре 1920 года, а через два года передал Торрио права собственности. 23 февраля и 9 марта 1923 года Армстронг отследил пивные поставки Puro в Чикаго, а 27 июня провел инспекционный рейд.

В результате власти предъявили обвинения Торрио и двум компаньонам (один – бывший заместитель маршала США)[84], владевшими акциями Puro. Торрио начал отстаивать невиновность, чтобы выиграть время, а не из-за страха последствий. Первое признание вины влекло за собой только штраф и закрытие пивоварни сроком на год. Причина крылась в другом: на текущий момент Торрио не мог позволить запятнать репутацию.

Мать и отчим Торрио жили в Бруклине. На старости лет они решили вернуться в Италию, и Торрио запланировал семейную поездку, чтобы поселить там родителей. Его отчим, Сальваторе Капуто, был вынужден открыть правду: у Торрио возникнут проблемы с получением паспорта. В свое время, чтобы избежать длительного периода ожидания, Капуто исказил некоторые факты в заявлении о получении гражданства, но ложь была обнаружена иммиграционной службой. Гражданство Капуто и Торрио отменили. Торрио самостоятельно подал заявление на получение гражданства 18 июля 1923 года (через три недели после событий в Западном Хаммонде). Торрио должен был поклясться, что его никогда не судили за какое-либо преступление, а поскольку суд запланировали на октябрь, это было правдой. Кроме того, Торрио следовало заявить под присягой, что его никогда не обвиняли в преступлении, хотя в этом и заключался явный риск. Местом проживания Торрио назвал бруклинский адрес родителей, что сделало его практически не связанным с судебным процессом, запланированным через три месяца и за тысячу миль. Наступила осень, и Джону пришлось курсировать между Чикаго и Бруклином. Перед началом судебного разбирательства 10 октября федеральный судья закрыл Puro Products, а сам процесс был назначен на 19 октября. 1 ноября, получив гражданство, Торрио изменил показания и признал вину. 17 декабря 1923 года судья

оштрафовал его на $2500, но второй приговор означал обязательный тюремный срок.

Вернувшись в Сауз-Сайд, Спайк О'Доннелл мог ответить на снижение пивных цен только одним способом. Вместе с братьями, Джерри О'Коннором и другими наемными боевиками он вломился в салун с револьверами наготове и заявил владельцу, что теперь у него новый поставщик. Услышав отказ, банда предъявила аргументы, выразившиеся в битье посуды, мебели, окон и проламывании подвернувшихся голов.

Хотя Торрио не пренебрегал физическими мерами воздействия при необходимости, но старался обходиться без крайностей. Большинство владельцев салунов были либо достаточно благополучными, либо достаточно разумными, чтобы согласиться на поставки пива Торрио, через Салтиса, – при условии гарантированной защиты от О'Доннеллов и властей.

Генеральный план Торрио продолжал работать. Ральф Шелдон и его Ragen's Colts, контролирующий соседний участок, Салтис и Торрио стали союзниками в войне против Спайка О'Доннелла.

Вечером 7 сентября 1923 года Уолтер, Стив и Том О'Доннеллы с Джерри О'Коннором, Джорджем Бухером и Джорджем Меганом осуществили очередное посещение чужого салуна. Его владелец, Джейкоб Гейс, постоянный и верный покупатель Салтиса, отказался от услуг О'Доннеллов и в другом заведении на Вест-Сайде в районе 51-й улицы. Гейс и его бармен, Николай Гориско, обслуживали посетителей, когда в салуне появились О'Доннеллы и предложили владельцу передумать. Услышав отказ, протащили Гейса по всей барной стойке и проломили голову рукоятью револьвера. Только природная выносливость сохранила ему жизнь. Бармена, пытавшегося вмешаться, избили до полусмерти. Затем обошли подобным образом еще пять заведений.

Фрэнк Квентон, хозяин салуна в полутора кварталах западнее заведения Гейса, позвонил в полицию. Благоразумнее было бы обратиться к Салтису, Шелдону или Торрио. Кто-то из полицейских, находящихся на дотации, дал знать о случившемся Шелдону. Спайк О'Доннелл присоединился к своим войскам, чтобы выпить и перекусить в салуне Джозефа Клепки, на углу 53-й улицы и улицы Линкольна, обычном месте отдыха банды О'Доннеллов.

Четверо вооруженных людей, появившиеся в салуне, удивили Спайка и его парней. Ральф Шелдон привел с собой Дэниела Макфолла и Рейджена. Макфолл наставил на братьев револьвер калибра 38 и, потребовав поднять руки, выстрелил – пуля попала

в стену над головой Уолтера. О'Доннеллы, Бухер и Меган бросились к задним и боковым дверям. Следующий выстрел вдогонку Стиву О'Доннеллу ускорил движение братьев. Но в этот момент появилось еще двое боевиков. Один из них, профессиональный убийца Фрэнк МакЭрлайн, вынул из-под плаща сумку с обрезом и выстрелил в убегающего О'Коннора. Выстрел снес О'Коннору половину черепа.

За операцией чувствовалась рука Торрио – это было предупреждение, а не начало кровавой резни. Гибель О'Коннора вызвала намного меньше шума, чем смерть любого О'Доннелла. Спайка не тронули. Значительно позже Торрио заказал через Капоне убийство лидера конкурирующей банды. Тем не менее убийство вызвало общественную реакцию, которая могла привести к реальным репрессиям. Торрио взял за правило носить с собой пистолет, предусмотрительно оформив целых два разрешения на ношение оружия.

Через десять дней, 17 сентября 1923 года, Спайк, невзирая на предупреждение, снова ударил по конкурентам.

Улица Лафлин простирается на север, в двух кварталах к востоку от улицы Эшленд. В южной части, у дома 5500, она пересекается с бульваром Гарфилд, полосы которого разделены зелеными насаждениями.

Как обычно ближе к обеду, Джордж Меган с Бухером ехали в Ford Flivver после очередного проталкивания пива О'Доннелов в одном из салунов, направляясь домой по Лафлин в сторону юга. Меган резко затормозил на перекрестке, когда поперек дороги стал зеленый седан, который, резко отъехав от тротуара, повернул налево. В зеленом седане находились вооруженные Фрэнк МакЭрлайн и Дэнни Макфолл. Поравнявшись с машиной Мегана, боевики открыли ураганный огонь, с переднего сиденья стреляли из револьвера, с заднего – из дробовика. Обе жертвы скончались на месте. Меган получил пули в голову, грудь, живот, руки и ноги.

Девер задал взбучку шефу полиции Коллинзу, начальнику детективов Майклу Хьюза и отстранил от должности окружного начальника полиции Вульфа, заменив его жестким лейтенантом Уильямом Х. Шумейкером. Мэр настаивал, пока убийцы не будут пойманы: «каждый сотрудник полиции должен отложить все дела в сторону и присоединиться к общему делу – восстановлению правопорядка», – и пообещал гражданам: «полиция доведет дело до конца, как и все остальное». Коллинз смотрел на жизнь более реалистично: «это явно вражда пивных поставщиков, и я рад, что в этой перестрелке не пострадали честные люди».

Полиция допросила Капоне об убийствах и отпустила,

поскольку О'Доннеллы отказались от обвинений. Допрос с пристрастием, который устроили Торрио, тоже не дал никаких результатов, а лицензии на ношение оружия у него имелись в двух экземплярах.

Одна из лицензий была подписана Джозефом Мишкой, мировым судьей из Сисеро, западного пригорода Чикаго. Несмотря на многочисленные неопрятные салуны, расположенные вдоль Рузвельт-Роуд, обозначающей северную границу, Сисеро был вполне приличным городом, населенным в основном выходцами из Чешской Богемии.

Собственными домами владели 68 % жителей. Многие работали на гигантском заводе Western Electric, на восточной окраине города.

В Сисеро проживало семьдесят тысяч человек, это был пятый по численности населения город штата Иллинойс и, вероятно, первый по грамотности.

Хотя Сисеро являлся частью округа Кук, у него была собственная городская власть и полиция. Приказы мэра Чикаго не имели в Сисеро юридической силы.

Торрио организовал филиалы своей организации буквально во всех пригородах Чикаго. Город Сисеро был почти под тотальным контролем. Здесь и работало второе разрешение на оружие (у Капоне оно тоже имелось). Тем не менее город оставался относительно закрытым для посторонних.

Контроль над Сисеро не нарушал договора о территориях. О'Доннелл и братья монополизировали Рузвельт-Роуд, а Сисеро считался беспартийным. Итальянцев в Сисеро проживало немного, бордели отсутствовали, единственным допустимым видом азартных игр были игровые автоматы, принадлежащие местному жителю, политику Эдди Фогелю. Фогель вместе с О'Доннелами и Эдди Танклом (чехом по происхождению), владельцем сети салунов, держателем голосов иммигрантов, – имели решающее влияние в правительстве города, во главе которого стоял мэр Джозеф Клена. Фогель контролировал Сисеро, совершенно независимо от правительства и полиции.

От захвата города Торрио удерживало не противодействие политиков, а страх перед западными О'Доннелами, поскольку последние не одобряли проституцию и не хотели иметь с ней дела. Но осенью 1923 года, получив контроль над всей остальной территорией округа Кук, Торрио начал тщательно спланированное вторжение в Сисеро. Вместо грубой силы он применил тонкий расчет. В октябре 1923 года, не проводя никаких переговоров с местной полицией и властями, Торрио открыл бордель на Рузвельт-роуд и послал туда десяток

проституток. Полиция Сисеро немедленно закрыла бордель, а женщин арестовала. Торрио открыл еще одно заведение на перекрестке Огден и Пятьдесят второй авеню. Полиция и его накрыла. Торрио не стал конфликтовать, но через пару дней в Сисеро заявились помощники шерифа Питера Хоффмана и конфисковали все игровые автоматы в городе. Таким образом, Торрио показал всем, если ему не дадут торговать в Сисеро женщинами, игровых автоматов здесь тоже не будет. Торрио сел за стол переговоров с Фогелем и братьями О'Доннел, и они заключили мирный договор. Так, как действовали Торрио и Капоне в Сисеро, не мог бы действовать никто.

Торрио хотел обладать правом продажи пива в остальной части города и управлять азартными играми, сосредоточенными на 22-й улице. Он вовсе не собирался заполнять Сисеро борделями (правда, Капоне открыл пару заведений, но только ради сохранения статуса). Вскоре Эдди Фогель стал известен как «партнер Капоне по азартным играм» и товарищ брата Клондайка О'Доннелла, Майлса.

После решения вопроса с Сисеро внимание О'Доннеллов переключилось на Сауз-Сайд. Спайк постоянно нарушал договоренности, невзирая на потери. Около половины второго ночи 1 декабря 1923 года, в субботу, два грузовика О'Доннеллов, груженные семидесятью бочонками пива, выехали из пивоварни Джолиета, примерно в двадцати трех милях к северо-востоку от Чикаго по Сэг-Роуд. Первую машину вел Томас Моррис Кин по кличке Морри, рядом сидел напарник Уильям Коротышка Иган, во второй ехали Мартин Брандл и Джозеф Белис. Грузовики миновали деревню Лемон, проделав примерно треть пути, когда дорогу перегородили два седана, вынудив их прижаться к обочине.

О случившемся рассказывал Коротышка Иган. Двое перехватчиков – Фрэнк МакЭрлайн и Уильям Ченнелл (освобожденный условно-досрочно, хотя и убил женщину во время ограбления) – вышвырнули Игана и Кина из грузовика. Остальные разбирались со второй машиной.

В это время в свете фар мелькнул автомобиль – случайный свидетель Эдвард Трибель с семьей возвращались в Чикаго после пикника в честь Дня благодарения. Машина попала под шквальный огонь, но Трибель умчался дальше, целый и невредимый. МакЭрлайн и Ченнелл связали пленников и перетащили в седан.

– Где ты собираешься отделаться от них? – спросил высокий и тощий Вилли Ченнелл у МакЭрлайна.

– Позабочусь об этом через минуту, – рассмеялся в ответ

МакЭрлайн, поправляя на коленях двуствольный дробовик.

После направил оружие на Кина и, не говоря ни слова, выстрелил. Спокойно перезарядил ствол и сделал еще один выстрел, после чего обратился к Игану:

– Думаю, теперь твой черед…

– Было очень больно, – вспоминал позже Иган, получивший пулю в лицо, – я крутился, как мог, чтобы следующий выстрел не попал в то же место – следующая пуля ударила в ногу.

Иган свалился на пол автомобиля. МакЭрлайн выстрелил в Кина и ударом ноги выпихнул его наружу. Следом полетел Иган и упал в полузамерзшую лужу в кювете.

Невероятно, но Коротышка выжил, хотя половина лица практически отсутствовала. Придя в себя, он пополз на свет огней гольф-клуба Palos Park, сторож которого и поспешил Игану на помощь. В больнице, будучи в шоке, Иган рассказал, что выстрел сделал Ченнелл, но затем отказался от показаний. МакЭрлайна арестовали, продержали некоторое время под стражей, но позже отпустили, поскольку прокурор штата Кроу пришел к nolle prosequi[85] из-за отсутствия свидетелей.

Водители второго грузовика, Брандл и Белис, также оказались в руках полиции. Брандл рассказал наспех придуманную историю, что перевозка пива проходила под контролем шести полицейских, подчиненных шерифу Питеру Хоффману. Хоффман пообещал разобраться.

Большое жюри обвинило Дэнни МакФолла (пришлось оказать сильное давление на Кроу) в убийстве Джерри О’Коннера.

Но у Макфолла нашли только револьвер калибра 38, а О’Коннор был убит из дробовика. Дело развалилось. Тогда Макфолла и МакЭрлайна обвинили в убийстве Мегана и Бухера, но за защиту взялся сам Дэрроу, и дело снова свелось к nolle prosequi. Хотя Спайк О’Доннелл продержался почти на год больше, чем рассчитывали Торрио и Капоне, банде пришлось отступить.

Одержав победу на всех фронтах, Джон Торрио уехал с родителями в Италию. Он взял миллион долларов в виде ценных бумаг и кредитных писем, которые спешно разместил в европейских банках, чтобы обеспечить будущее на случай, если придется покинуть Чикаго. В Америку Торрио вернулся весной 1924 года, оставив мать в купленном поместье на берегу моря в Италии. Она стала самой богатой дамой в тех краях – у нее было пятнадцать слуг и шесть автомобилей.

Глава 8
Капоне в Сисеро: обязанности и проблемы

В то время как Торрио находился в Италии – Капоне активно укреплял позиции, избегая конфликтов с другими бандами. В частности, не конфронтировал с О'Бэнионом. (Капоне созрел для этого позже, когда Дини день ото дня становился все более диким.)

Обычно гангстеры старались избегать фотокорреспондентов, надеясь затруднить опознание.

Первые дни в Сисеро Аль Браун рефлекторно закрывал лицо перед камерами (в менее публичных местах не стеснялся чувствительно пнуть надоедливого репортера). Один из фотографов вспоминал инцидент около полицейского участка, произошедший в 1922 году, когда полиция задержала Капоне за какую-то мелочь. «Капоне и несколько парней, – рассказывал Энтони Ч. Берарди, – с яростью расшвыривали репортеров, а полицейские, периодически лишавшиеся доходов из-за давления журналистов, смотрели и забавлялись».

Капоне стал влиятельной персоной и не боялся популярности. Берарди разъяснил ему суть светских отношений: «Зачем быть грубым? Ты знаменитость и веди себя соответственно. Фотографии, где ты прикрываешь лицо, не нужны».

Позже, во Флориде, когда Капоне совершенно не хотелось быть предметом обсуждения в прессе, он снова прикрывал лицо перед камерами.

Капоне сплотил и расширил пригородную империю, основанную вместе с Торрио.

Он по-прежнему применял любые методы для обеспечения контроля, однако подход к пресечению нарушений изменился. Рассмотрим очевидную разницу между событиями в Форест-Вью и Сисеро.

Ветераны Первой мировой войны обосновали Форест как своеобразный памятник павшим товарищам и прекрасное место для семейного проживания вдали от города. Чикагский адвокат Джозеф У. Носек после посещения клиента решил объединить эти фермерские участки, расположившиеся примерно в миле на юг и в двух к западу от Сисеро в сельское поселение. К этому проекту присоединились и члены Американского легиона[86]. Носек стал председателем местного суда, его брат – главой управления, а начальником полиции назначили некого Уильяма Диллона. Он

назвался ветераном войны, но ходили слухи, что Диллон был уголовником, помилованным губернатором Смоллом.

Вскоре Диллон сообщил Носеку, что два брата по фамилии Капоне предлагают построить в Форест Вью отель и клуб. Носек был в восторге. Как он объяснял позже: «Я не знал, кто такие братья Капоне, и предложение казалось полезным для нашей деревни».

Увидев людей, появившихся в деревне, Носек понял, что за клуб и отель имелись в виду, и сказал Диллону выдворить их. На следующий день Ральф Капоне пригрозил бросить Носека в сточную яму. Носек не принял всерьез Ральфа и предположил, что этот приземистый, угрюмый человек просто шутит. Он ошибался.

Люди, знающие Ральфа, давали ему следующую характеристику: «Это чертов сукин сын: грубый, агрессивный – больной, словом!»

В четыре утра вооруженные бандиты ворвались в дом Носека и потащили его в помещение сельского управления, где ожидали еще семеро вооруженных людей, которые весьма убедительно доказали, что собираются пристрелить председателя магистрата. Носека несколько раз ударили по голове рукоятками револьверов, а когда он свалился на пол, обливаясь кровью, стали пинать ногами. «Мне не стыдно признаться, – говорил позже Носек, – я встал на колени и взмолился о пощаде».

Носеку предложили немедленно покинуть Форест Вью. После этого люди Капоне избили и выгнали еще около двадцати смутьянов. На следующих выборах победу одержал более покладистый кандидат, и Капоне построил в Форест Вью самый большой из своих пригородных борделей Maple Inn, более известный как Частокол – за размер и мрачный декор. С легкой руки газетчиков, Форест Вью вскоре стал известен как Капонвиль (в случае с Tribune – Капонивилль).

Капоне в буквальном смысле терроризировал Форест Вью, не прилагая никаких усилий к примирению с местными жителями. Его откровенно ненавидели.

По-другому обстояли дела в Сисеро. Для установления тотального контроля Капоне действовал такими же варварскими методами, но затем понял: гораздо проще купить чиновников. Он всячески пытался снискать расположение местного населения. В Сисеро многие воспринимали Капоне как настоящего героя.

В начале 1924 года он основал штаб-квартиру в Hawthorn Hotel, на 22-й улице, здание 4823, в двух кварталах к западу от восточной границы Сисеро (с западной стороны от главной артерии Север-Юг, Сисеро-авеню). Штаб занимал первый этаж трехэтажного здания из коричневого кирпича, с стальными

ставнями. Посетители проходили коридор длиной двадцать пять футов, находящийся под постоянным наблюдением охранников, причем стулья, стойка регистрации и сигарный киоск находились под углом к основному проходу.

В расположенном рядом Anton Hotel Капоне развернул игорный бизнес в табачном магазине Hawthorne Smoke Shop, следующими заведениями стали Subway (на восточном углу 22-й улицы) и шесть заведений с модным названием Radio, в пределах нескольких кварталов. Это была удобная защита от случайных федеральных облав: если утром закрывалось одно, после обеда открывалось следующее.

Капоне и Торрио не пытались контролировать все игорные заведения. Например, клуб Ship, приносящий стабильный доход (Сауз-Сисеро авеню, 2131), принадлежал четырем другим владельцам, но вскоре Торрио и Капоне присоединились к ним, «откусив» у О'Бэниона.

Самые крупные игры в городе (возможно, и во всей стране) проходили в заведении Лаутербаха, где на карточный стол или рулетку могли бросить $100 000, но при этом клуб оставался независимым.

В 1924 году, по оценкам правительства, доход от игорного клуба превышал $300 000. Торрио и Капоне взимали с владельцев от 25 % до 50 % прибыли за услуги по протекции, в каждом клубе находился специальный наблюдатель. Это было не вымогательство, а работа: Капоне и Торрио гарантировали защиту владельцам клубов, потому что владели городским правительством Сисеро.

Этот мастерский ход придумал не Капоне, он только ухватился за идею и энергично реализовал. У истоков находился Эдвард Г. Ковалинка, уроженец Сисеро, бывший продавец содовой, ударившийся в политику. После того как он поднялся до главы избирательного участка, а затем и округа, губернатор Смолл назначил Ковалинку членом Комитета Республиканской партии.

Выборы 1923 года в Чикаго обеспокоили Ковалинку. Администрация Сисеро уже давно была глубоко коррумпированной и вполне комфортно жила по двухпартийным порядкам: например, республиканец Джозеф Клена был бессменным председателем сельского совета с 1917 года. Однако, последовав примеру Девера, демократы Сисеро захотели реформ. Они потребовали формирования отдельного избирательного списка для выборов 1 апреля 1924 года. Ковалинка понял, его партии потребуется помощь: весь избирательный аппарат страны, по сути, принадлежал демократам, а председатель избирательной

комиссии Энтони Чарнецкий не допустил к участию в выборах 3063 республиканца; наблюдателей на выборах, чиновников и судей он лишал должностей и заменял своими людьми.

Эд Фогель направил Ковалинку к Луи Ла Кавуа, одному из владельцев клуба Ship, который, в свою очередь, вывел его на Капоне. Капоне мгновенно ухватился за открывающиеся возможности: без сомнения, он мог содействовать переизбранию Клена!

Капоне координировал действия с братьями О'Доннеллами и позаимствовал немного боевиков О'Бэниона, который стал партнером Торрио и Капоне по пивоварне Mid-City.

То, что газеты позже назвали: «беспрецедентным беззаконием в истории политических выборов округа Кук», началось накануне, в понедельник вечером, когда боевики вторглись в офис Уильяма К. Плаума, кандидата в члены администрации от демократов, избили его и расстреляли стены кабинета.

На следующий день по меньшей мере двенадцать семиместных легковых автомобилей с боевиками принялись патрулировать улицы города. Вооруженные головорезы позволяли избирателям бросать только «правильные» республиканские бюллетени. Полицейский, дежуривший на одном избирательном участке Сисеро, Энтон Бикан, пытавшийся вмешаться в подобные выборы, мгновенно очутился в больнице. Оппозиционеры и наиболее активно сопротивляющиеся граждане подвергались нападениям или удерживались до закрытия избирательных участков.

Жалобы возмущенных избирателей поступили к окружному судье Эдмунду К. Ярецки. Потрясенный – и не в последнюю очередь потому, что был демократом, – он договорился с мэром Девером обойти закон, запрещающий полиции Чикаго выполнять обязанности за пределами города: полицейские отправились в Сисеро как «специальные агенты окружного суда».

Силы в составе семидесяти патрульных в форме, девяти полицейских и пяти детективных машин так и не вышли на улицы Сисеро до позднего вечера и не смогли обеспечить безопасность ни для демократов, ни для самой демократии. За час до закрытия избирательных участков около десяти боевиков ворвались в один из них, выгнали оттуда семьдесят пять граждан, разыскивая полицейского, по слухам, присутствующего на участке.

На этом участке Клен выиграл со счетом 7878 против 6993. На остальных избирательных участках оказались похожие результаты.

В день выборов произошло еще одно знаменательное событие

– люди Ярецки убили старшего брата Аль Капоне, Фрэнка. Отряд детективов под командованием сержанта Уильяма Кьюсака заметил около бильярдной на углу Сисеро-стрит и 22-й улицы Фрэнка Капоне, его двоюродного брата Чарли Фисчетти[87] и еще одного боевика. Выйдя из патрульной машины, вооруженные детективы направились к компании.

По мнению некоторых (возможно, и не беспристрастных свидетелей), гангстеры не стреляли. По данным полиции, Фрэнк Капоне выстрелил первым: как показало следствие, в его револьвере не хватало трех патронов, а сами детективы поклялись, что дело обстояло именно так. Скорее всего, они говорили правду. В те дни детективные полицейские автомобили были похожи на семиместные гангстерские авто и не обладали никакими отличительными признаками, указывающими на принадлежность к бюро. Сами детективы носили гражданскую одежду.

Эта неопределенность является единственным разумным объяснением странной стрельбы. Фрэнк и товарищи, не встретившие в тот день полицейского сопротивления, с высокой вероятностью приняли вооруженных людей за какую-нибудь банду или линчевателей. Скорее всего, они рассуждали именно так, когда открыли огонь.

Фрэнк промахнулся, а сержанты Филлип Дж. МакГлинн и Лайл Гроган открыли ответный огонь, МакГлинн попал Фрэнку в сердце. Чарли Фисчетти хотел убежать, но сдался Кьюсаку с напарниками, бросившимся в погоню. Третий бандит кинулся на юг, отстреливаясь из двух револьверов одновременно, и скрылся в сгущающейся тьме. Прошел слух, что это был сам Аль Капоне, но позже полиция опознала Дэвида Хэдлайна, тоже раненного.

Как обычно, Капоне перестал бриться до похорон Фрэнка. Только на цветы было потрачено более $20 000. Поставку организовал О’Бэнион – почти официальный флорист чикагской мафии. Цветы заполонили всю лужайку. Гроб был обит серебром и атласом; пышная похоронная процессия двигалась медленно и долго.

Аль Капоне предстает перед судом присяжных в Федеральном суде в Чикаго за уклонение от уплаты подоходного налога. Слева от Капоне – Майкл Ахерн, его адвокат. Справа – адвокат Альберт Финк. 7 октября 1931 года.

Капоне распорядился закрыть все салуны Сисеро на два часа. Это был самый засушливый период в истории города.

Может показаться, что действия Капоне в Сисеро были такими же жесткими, как и в Форест Вью. Однако внимание, которое он уделял контролю, свидетельствует о реальных переменах. После выборов Джозеф Клена получил все, что хотел, и даже больше, но, похоже, забыл, на каких условиях и с кем заключил сделку. Он нес всякий вздор о необходимости очистить город от бандитов и игнорировал распоряжения Капоне. В ответ Капоне просто приехал к мэрии Сисеро и вызвал новоиспеченного отца города на улицу, который вышел в сопровождении полицейского. Не обращая внимания на слугу закона, Капоне спустил Клена с лестницы мэрии (полицейский предусмотрительно отошел в сторонку). В другой раз городской совет решил провести несколько поправок, которые не совпадали с интересами Капоне. Его люди сорвали совет, выволокли председателя и избили.

Неуправляемые вспышки ярости Капоне не прекратились, но и не приводили к серьезным инцидентам: он стал больше

задумываться о последствиях. Капоне объяснил дружественно настроенному журналисту, что попросту не может позволить людям, которых купил, полную независимость.

Раньше Капоне мог убить, чтобы пресечь неповиновение, теперь предпочитал действовать менее радикально: «Люди получат урок, но никто серьезно не пострадает».

С тех пор Капоне оказывал содействие Клену, не дисциплинировал новый городской совет, старался соблюдать интересы отцов города, не допуская распространения публичных и игорных домов в жилых кварталах. Что касается уличной преступности, то Капоне, по словам Клена, сделал улицы «образцом соблюдения порядка и закона» (если не считать 18-й поправки). Пятый по величине город штата Иллинойс имел в штате лишь три смены из семнадцати полицейских. В месяц в среднем фиксировалось около трех грабежей и восьми краж, совершаемых смелыми и отчаянными одиночками, позволившими игнорировать порядки, установленные Капоне.

Следуя девизу Торрио, Капоне всегда пытался предотвратить неприятности, а если они случались, предпочитал тихий подкуп и убедительные угрозы проявлению рефлексивной жестокости. Он боролся с людьми, считающими иначе, как это случилось с Робертом Сент-Джоном.

В 1922 году Джон основал в Сисеро газету Tribune и принялся обвинять Капоне и коррумпированную администрацию города, обвиняя во взятии откатов при заключении договоров на строительные работы.

Затем Сент-Джон принялся писать бесконечные статьи о борделях, принадлежащих Капоне к югу от города, рядом с гоночной трассой Хоторн в Стикни (эти рассказы явно рассчитывались на разжигание страстей добропорядочных горожан).

Капоне и Клена перераспределили городскую рекламу, приносящую приличный доход, чтобы она вся доставалась конкурирующей газете Life.

Для этого лишь стоило намекнуть рекламодателям о возможности повышения налоговых рисков и внезапного появления целого моря знаков «Стоянка запрещена» перед магазинами. Параллельно Капоне, действуя через посредников, неоднократно интересовался у Сент-Джона, сколько он хочет за газету.

Наконец, после очередной особенно едкой статьи брат Аль Капоне, Ральф, послал газетчику гонца, который высказал Сент-Джону недовольство. Услышав отказ, Ральф взорвался. Спустя пару дней, рано утром, около Сент-Джона, переходящего улицу к

офису, остановился большой автомобиль, из которого выскочили сумасшедший Ральф с подручными, принявшимися избивать газетчика (Ральф играл роль руководителя). В качестве аргумента бандиты использовали револьверные рукоятки и изобретение банды – кусок мыла, завернутый в носок. Сент-Джон, свернувшись калачиком, остался лежать на асфальте, прикрывая руками голову. Один из ударов пробил череп, и Сент-Джон потерял сознание.

Двое полицейских в форме, которых он заметил еще до начала акции, не сделали ни шагу: полисмены Сисеро были людьми грамотными.

После выписки из больницы Сент-Джон отправился оплатить счет за лечение, однако кассир сказал, что все оплачено богато одетым незнакомцем в синем костюме с бриллиантовой булавкой в галстуке.

Сент-Джон направился в полицейский участок и обратился к своему другу, начальнику полиции Теодору Свободе – заявить под присягой на незаконные действия Ральфа Капоне, которого знал в лицо, и двух неизвестных Джонов Доу и добиться ордера на арест. Свобода пытался отговорить его от бесполезного и, вероятно, опасного поступка. «Ты знаешь, Аля, – сказал Свобода, – знаешь его отношение к семье и друзьям. Предъявленных обвинений может хватить на то, чтобы засадить Ральфа за решетку до конца жизни. Можешь ли ты хоть на минуту допустить, что Аль это позволит?»

Сент-Джон продолжал настаивать и пообещал вернуться на следующий день – уточнить, принято ли его заявление. В ответ Свобода попросил Сент-Джона подождать в кабинете на втором этаже. Скоро дверь открылась, и перед газетчиком предстал сам Капоне.

«Войдя в комнату, он улыбнулся и протянул руку, – писал Сент-Джон почти тридцать лет спустя. – Капоне явно желал уладить дело, не поднимая шума, и втереться в доверие.

– Я – хороший парень, – начал Капоне, – что бы про меня ни говорили. Да, я занимаюсь рэкетом, как и все. Но большинство из рэкетиров наносят людям вред, это не путь Капоне. И знаешь почему? Возьмем, к примеру, клуб Ship. Это большое дело, влекущее много накладных расходов. Но как мне его рекламировать? Не могу же я купить ежедневную страницу в чикагской Tribune «Приходите в Ship. Это лучшее казино в стране!». Когда вы, ребята, размещаете свои статьи и заметки на главной странице – я получаю рекламу бесплатно».

Капоне осознавал: журналисты тоже хотят заработать кусок хлеба, и разоблачения разного рода были их, так сказать,

рэкетом. Он закурил сигару и смахнул воображаемую пыль с брючных стрелок, напоминающих бритвы. В галстуке поблескивала бриллиантовая заколка.

– Теперь, – продолжил Капоне, – про маленькую неприятность, произошедшую между тобой и Ральфом. – Этого не должно было случиться, но ребята обиделись. Я сказал им: «Оставьте парня в покое, они промолчали. Мальчики пили всю ночь. Большая глупость с их стороны! Сколько раз я предупреждал: мы бизнесмены, а не пьяницы. Ребята были пьяны и забыли мои слова. Следовательно, допустили ошибку, но я всегда должен исправить ошибки. Боже, как я ненавижу людей, которые совершают идиотские поступки… – Капоне вынул свернутые в рулон купюры и начал отсчитывать деньги.

– Это – в счет потерянного времени, это – за испорченную одежду, это – на непредвиденные расходы…»

Сент-Джон потерял счет после седьмой сотни. «Я был, – писал он, – достаточно молод, чтобы еще не разочароваться в драматических жестах, поэтому, не говоря ни слова, резко повернулся и вышел, хлопнув дверью с силой, на какую только был способен. Спустя годы я жалел, что не смог увидеть лицо «мистера А. Капоне, антиквара», после того как покинул кабинет».

Вероятно, Сент-Джон увидел бы лишь что-то вроде исследовательского интереса. Капоне хотел достигнуть соглашения, потому что сотрудничество – путь наименьшего сопротивления.

На самом деле Капоне уже завладел контрольным пакетом акций газеты Сент-Джона. У Сент-Джона и его ассоциированного помощника было по 49 % акций, а остальные 2 % принадлежали третьему лицу, поскольку государственное законодательство требовало наличия трех корпоративных директоров. Пока Сент-Джон находился в больнице, ассоциированный помощник и третье лицо с готовностью продали посреднику Капоне свои доли.

Вернувшись из Италии, Торрио понял, что не зря доверил Капоне управление империей. Она процветала. Помимо собственных салунов и казино в ней успешно существовали и заведения местного уровня, владельцами которых ни Торрио, ни Капоне официально не являлись. Сто двадцать – а по другим данным, сто шестьдесят пять салунов, были разбросаны по территории около шести квадратных миль и работали на полную мощность.

Капоне сколотил целое состояние. Основываясь на весьма несистематических записях инспекционных проверок и не имея точных данных о количестве заведений, историки давали весьма разные оценки доходов. «Частокол» приносил не менее $5000 в

неделю, и это прибыль только одного заведения.

Правительственные финансовые документы называли сумму в $123 101 и 89 центов (за 1924 год по всему Сисеро), это было смехотворно мало, но зафиксированно официально. В 1924 году Капоне приобрел за $12 500 автомобиль McFarland, сделанный по индивидуальному заказу (в то время четырехдверный Maxwell стоил $1335, а купе Chevy – $680), обменяв на старый Lincoln и оплатив разницу в $4500 наличными.

Торрио настолько обрадовался росту протеже, что сделал Капоне партнером из расчета 50 на 50. Подчиненные Капоне любили босса, восхищались и повиновались.

Капоне не вел себя как лидер бойскаутов. Ходили слухи, что молодой мускулистый экс-вышибала был не прочь поднять нарушителя дисциплины за уши, словно кролика, и, кинув на пол, попинать ногами не слишком сильно сопротивляющееся тело. С другой стороны, Капоне справедливо относился к подчиненным и никогда не жадничал. Его водитель Джордж Мейер, которому уже за восемьдесят, до сих пор помнит, как в первый раз повез Капоне на ипподром:

– Сколько у тебя денег, малыш? – спросил Капоне, когда они приехали. Услышав, что у Мейера около $80 долларов, Капоне бросил на сиденье четыре или пять скомканных стодолларовых купюр. – Вернешься к 6 часам, – сказал водителю и зашагал прочь.

Капоне умел демонстрировать доверие к подчиненным. Посреднические функции между Сент-Джоном и сетью по продаже его газеты выполнял Луи Коуэн – тощий карлик, ответственный за городские ларьки, торгующие прессой. Капоне разглядел в нем потенциал и назначил поручителем при выдаче кредитов на многоквартирные дома на сумму в $500 000. Путем хитрых манипуляций Капоне отстранил Сент-Джона от издательства газеты Tribune в Сисеро и заменил его Коуэном. Коуэн молился на Капоне.

«Преступный мир мало отличается от обычного, – писал репортер Джесси Джордж Мюррей, который встречался с Капоне незадолго до смерти. – В нем также существуют рабочие и выходные дни, реализуются возможности и выстраиваются личные отношения. Люди Капоне знали, что могут на него положиться».

Ярким примером был Джек Гузик. Немного людей могли терпеть его рядом. «Я страстно ненавидел этого человека, – рассказывал Джордж Мейер, которому иногда приходилось возить и Гузика. – Казалось, все, съеденное за прошедшую неделю, можно было увидеть на его жилете. Кроме всего прочего, от

Гузика отвратительно пахло». Отбросив внешнее впечатление, личные данные и изысканные манеры, Капоне решил, что Джек Гузик способен приносить пользу. Со временем этот жирный экс-сутенер стал его бизнес-менеджером.

Какое бы отвращение Гузик ни вызывал, самые радикальные ненавистники испытали сочувствие, когда ранним вечером 8 мая 1924 года он, пошатываясь, вернулся в Four Deuces с разбитым в кровь лицом.

– Кто это сделал? – спросил Капоне.

Джозеф Л. Ховард считался «мелочью», несмотря на подозрение в трех убийствах. Некоторые полагали, Гузик отказал ему в выдаче кредита, другие думали, в деле была замешана подружка Ховарда. Что бы ни стало причиной конфликта, произошедшего в майский вечер, Ховард отмолотил маленького жирдяя, и, истекая кровью, Гузик поковылял в Four Deuces.

Ближе к половине седьмого вечера Капоне ворвался в салун Генри Джейкобса, в паре кварталов от Four Deuces по улице Уобаш, и подошел к Ховарду, развалившемуся около сигарной стойки.

– Привет, Аль, – приветствовал Ховард, даже не предполагая, что ему могут предъявить претензии за избиение такого слизняка, как Гузик.

– Что ты хотел сказать, ударив моего друга? – Рука Капоне опустилась на плечо Ховарда.

– Убирайся назад к своим шлюхам, грязный даго[88], – прорычал в ответ Ховард.

Этими словами он подписал смертный приговор, превратив заурядное избиение в убийство. Капоне дернул Говарда, выхватил из кармана пистолет, приставил дуло к щеке и выстрелил. Затем выпустил в беднягу еще пять пуль.

Как и следовало ожидать, посетители салуна Джейкобса не видели и не слышали ничего, что бы могло помочь полиции. Но все-таки Капоне пришлось исчезнуть на месяц, пока друзья не убедились в его безопасности.

Поздним вечером, 11 июня 1924 года, Капоне пришел в полицейский участок на Коттедж-Гроу авеню:

– Я слышал, полиция меня разыскивала, – сказал Капоне, – любопытно узнать зачем.

Его доставили к помощнику прокурора Роберта Кроу, двадцатичетырехлетнему Уильяму Х. МакСвиггину. Капоне заявил, что ничего не знает о Ховарде, а в день убийства находился за городом. Дело осталось нераскрытым.

Это самое важное, со стратегической точки зрения, убийство за всю карьеру Аль Капоне. Через восемь месяцев Капоне стал во

главе всего предприятия. Теперь даже самый последний член банды мог сказать: «Если Аль пошел на такое ради свиньи Гузика, что он не сделает для меня?»

Глава 9
Дикий колониальный парень

Забавно, но именно Дини О'Бэниону приписывается фраза: «За один месяц в Чикаго продается пива на тридцать миллионов долларов. Из этих денег один миллион уходит к полицейским, политикам и федеральным агентам по надзору. Никто, находясь в здравом уме, не откажется от такой ежемесячной доли».

Что можно сказать о психическом здоровье людей, которые ставили под угрозу доход $30 миллионов, не говоря о жизнях, чтобы присвоить чуть больший кусок от общей доли? При этом у них не было возможности потратить деньги достаточно быстро, чтобы изменить судьбу. Эти доходы никогда не являлись реальными деньгами. Впрочем, прибыль, о которой идет речь, была не больше, чем та, за которой гонятся современные рейдеры и короли рынка мусорных облигаций.

Похоже, что эго подобных личностей может идти даже наперекор собственным интересам.

А как еще можно объяснить то, что сказал Дини О'Бэнион?

Как и вечный ребенок Билл Томпсон, О'Бэнион сохранял привлекательность, вызывающую неизменную симпатию со стороны окружающих. Из-за случайной детской травмы его правая нога была на четыре дюйма короче левой. Несмотря на подпрыгивающую походку, лишний вес, узкие ладони с изящными пальцами, О'Бэнион сохранил прекрасные боксерские навыки, приобретенные в юности при ограблениях уличных пьяниц. Из-за широких плеч, короткой шеи и круглого лица казалось, он не тянет на средний рост.

Ведя разговор, О'Бэнион имел привычку отклонять голову в сторону. Он никогда не был жестоким. Даже врагов О'Бэнион называл славными ребятами.

Он смотрел на мир с улыбкой, которая из-за холодных голубых глаз казалась застывшей ухмылкой.

Привычка пожимать всем руки, постоянные похлопывания собеседника по спине вызывали дружеское расположение, но вторая рука всегда оставалась свободной, чтобы выхватить револьвер, спрятанный в одном из карманов.

Как и Анна Торрио, жена О'Бэниона считала семейную жизнь идеальной, а поведение мужа безупречным, без каких-либо намеков на профессиональную дикость. Они познакомились на рождественском балу: Виола Каниф вернулась в Чикаго из школы в Айове. Дини и Виола поженились 5 февраля 1921 года, когда ей

исполнилось восемнадцать лет (О'Бэниону к тому времени было двадцать девять). Хотя О'Бэнион владел собственным домом в Норд-Сайде на Ридж-стрит, 6081, молодожены поселились в большой квартире по Норд-Пайн Гроу-авеню, 3600. Дини никогда не курил, пил умеренно, а вечера предпочитал проводить дома, за пением под аккомпанемент фортепиано (инструмент стоил $14 000). «Он не был человеком, готовым бегать по ночным шоу для того, чтобы меня развлечь, – рассказывала Виола репортеру после смерти мужа. – Его редко приглашали на вечеринки друзья, все знали, насколько он любит находиться дома, а если такое и случалось, Дини никогда не уходил, не предупредив, куда направляется».

Он получал истинное удовольствие от работы, в которой причудливо переплетались манеры деликатного продавца цветочного магазина с одной стороны и дикие наклонности – с другой. О'Бэнион обожал цветы и с любовью ухаживал за ними.

Когда вместе с Гвоздем Мортоном О'Бэнион заинтересовался цветочным магнатом Чикаго Биллом Скофилдом, то купил долю в его бизнесе, а не выбил силой.

Позже Билл Скофилд оплакивал смерть обоих, особенно О'Бэниона, которого называл «самым славным парнем из всех, что когда-либо жили на этой земле».

Хотя у Дини появился еще один магазин, на севере, в Девоне, О'Бэнион выбрал штаб-квартирой Норд-Стейт, 738, напротив собора Холи-Нейм в богемной части Чикаго. С покупателями он был очень вежлив и принимал чеки, выписанные незнакомцами, словно клиент оказывал услугу.

Скофилд стал официальным флористом гангстерских похорон, что было чрезвычайно прибыльным бизнесом – букеты в несколько сотен долларов считались оскорблением: неписаный этикет требовал заказов на тысячи, даже если погибший и не имел больших успехов.

Вне магазина О'Бэнион порой допускал настолько странные шутки, что репортер написал: «о самом по-детски непосредственном гангстере, с которым пришлось иметь дело Торрио и Капоне». Импульсивные поступки О'Бэниона выглядели добрыми и забавными. Однажды, жарким летним днем, он заметил двух полицейских, стоящих напротив пивоварни Malt-Maid и явно ведущих негласное наблюдение.

«Здесь слишком жарко, – поприветствовал их Дини, – зайдите, выпейте по бокалу пива, заодно и обсудите ваши дела». Некоторые из его порывов заслуживали похвалы. Однажды Дини увидел плохо одетую девушку, которую задержали за поездку в товарном вагоне.

О’Бэнион прямо на месте организовал сбор средств для покупки ей одежды. Иногда его поведение было просто безрассудным. Один из ранних «сейфовых» налетов (как правило, неудачных) провалился отчасти из-за того, что ночной сторож в 3.30 утра обнаружил юных медвежатников, задорно горланящих популярную песенку, сидя на мусорном баке. Взломщиков нисколько не заботило, что они привлекают внимание.

Так же легко О’Бэнион мог превратиться и в убийцу. Полицейская прослушка перехватила звонок в цветочный магазин, что двое полицейских задержали грузовик с пивом Торрио (дело происходило до ссоры с Джоном). У перевозчиков было только $250, а полиция потребовала $300 за пропуск. «Триста долларов? – взревел О’Бэнион. – Этим бомжам в форме? Я пристрелю их за половину суммы!» Встревоженный купленный «слухач» дал знать о случившемся людям Торрио, и через некоторое время О’Бэниону снова позвонили: «Слушай, Дини, я только что разговаривал с Джоном, копы получили три сотни. Не нужно неприятностей».

Чикаго и Капоне оказались крайне удачной парой. Обе стороны охотно приняли то, что они могли друг другу предложить.

Чарльз Дион О’Бэнион родился 8 июля 1892 года в Авроре, примерно в двадцати пяти милях к западу от Чикаго. Его отец, Чарльз Х. О’Бэнион, был фермером, а затем переквалифицировался в маляра-штукатура. В середине девяностых Чарльз перевез семью в Мароа – деревню в ста пятидесяти милях к югу от города. Соседи запомнили его как парикмахера. Чарльз-старший рассказывал о работе в нефтяной промышленности, расстраиваясь, когда сыну приходилось врать, чтобы избежать насмешек.

Одноклассники в Мароа считали, Дион «вечно переполнен дьявольским весельем», это беспокойное качество порой переходило все разумные границы. Он мог выбить коробку с завтраком из рук одноклассника и давиться от смеха, наблюдая, как содержимое валяется в грязи. Другие видели в нем «настоящего смельчака, которому всегда хотелось сделать что-то лучше остальных». Дини свалился с высоких ходуль, забраться на которые не рискнул ни один одноклассник, и сломал руку.

Его мать Эмма умерла от туберкулеза в тридцать лет. Позже

О’Бэнион поставил на могиле простой красивый камень с портретом, именем, датами жизни и смерти и словом «Мама». Через три года после смерти, когда Дини исполнилось девять лет, Чарльз перевез его с младшей сестрой Рут в Чикаго. Старший брат Флойд тогда уже служил во флоте.

У О’Бэниона сохранились самые приятные воспоминания о жизни в Мароа. В период процветания он поручил местному банкиру следить за поступлением в больницы Чикаго жителей деревни и ежедневно отправлять цветы. О’Бэнион направил ребенка-инвалида в клинику Мэйо[89] и продолжал оказывать поддержку до смерти. Хотя благодеяния Дини были обширными, они носили своеобразный и импульсивный характер. Он давал деньги, оплачивал еду и одежду людям, по его мнению, заслуживающим сочувствия, но при этом презирал официальные благотворительные организации: «Мои деньги напрямую идут тем, кто в них нуждается».

Жизнь в Мароа казалась О’Бэниону сущим раем по сравнению с Чикаго. Семья сняла квартиру на пересечении улиц Честнат и Уэллс, в районе Норд-Сайда, называемом местными жителями «маленький ад». Позже отец рассказывал, что Дини отслужил четыре года в качестве послушника в соборе Святого Имени у священника Уильяма О’Брайена, однако жители Мароа были уверены: никто из О’Бэнионов не посещал эту церковь. Они оказались правы. Преподобный Д. Л. МакДональд крестил мальчика 29 января 1905 года, в двенадцать лет, а первое причастие он получил 11 июня, за месяц до тринадцатилетия. Дини бросил школу после шестого класса, а служить при алтаре могли только учащиеся.

Религия не впечатлила О’Бэниона.

После окончания школы стал торговать газетами и присоединился к малолетней банде воров и грабителей с Маркет-Стрит. В шестнадцать лет Дини начал работать официантом в ресторане МакГоверна и повышал доходы мелкими ограблениями загулявших клиентов. В 1909 году за кражу со взломом оказался в Брайдуэлле, исправительной колонии Чикаго. В 1911 году снова оказался в тюрьме за разбойное нападение.

Дини провел за решеткой около года жизни.

Он стал телохранителем, участвуя в разборках между чикагскими газетами под началом Макса Анненберга. В 1917 году О’Бэнион познакомился с Чарльзом Райзером, который обучил его азам взламывания сейфов. Дини перешел в империю Херста в 1919 году, под руководство Мозеса Л. Анненберга, брата Макса и отца Уолтера Анненберга[90], посла США в Великобритании во времена Рональда Рейгана и великого филантропа,

унаследовавшего *TV Guide* и *Racing Form*.

Введение сухого закона спасло О'Бэниона от финансовых неурядиц, сделало богатым, но нисколько не поменяло природной сущности. В 1924 году его бравую команду застали за выгрузкой со склада 1750 бочек довоенного бурбона «Кентукки», но ни владелец, ни полиция не стали вмешиваться, получив хорошие деньги, и до суда дело так и не дошло.

Следующим вечером, 20 января, состоялась воскресная премьера новой комедии «Давать и брать» в театре Ла-Саль. В числе зрителей находился Дэйви Миллер, рефери профессионального бокса, по совместительству – партнер своего брата Херши, лидера вест-сайдской банды, – по игровому бизнесу, рэкету и бутлегерству. Дэйви был на премьере с младшим братом Максом и его женой (жена Дэйви простудилась и осталась дома).

О'Бэнион заметил Миллеров в фойе. Неизвестно, присутствовал на премьере или просто проходил мимо, но, конечно, Дини не следил за Миллерами. С О'Бэнионом были Хейми Вайс и человек-загадка Джулиус Шварц по прозвищу Янки. Бывший боксер, сбежавший в Чикаго из Нью-Йорка, занялся бутлегерством и стал верным партнером Миллеров, особенно Дэйви. За несколько недель до этой встречи Дэйви обвинил Шварца в обмане его друга в алкогольной сделке. Дейви отказался общаться с Шварцем, публично разорвав отношения.

О'Бэнион всегда был на короткой ноге с Миллерами, приятелями близкого, к сожалению, погибшего друга Гвоздя Мортона. Если бы Гвоздь был жив, встреча никогда бы не переросла в ссору.

Увидев Миллеров, Шварц пожаловался на несправедливое отношение и, возможно, даже попытался убедить нового покровителя, что Дэйви обливал его грязью.

Миллеры обменялись дружескими приветствиями с О'Бэнионом и Вайсом, проигнорировав Шварца. В свою очередь, О'Бэнион воспринял это как личное оскорбление. Позже Дэйви рассказывал брату Херши: «О'Бэнион подошел ко мне, отвел в сторонку и спросил, что я имею против Янки.

– В нем нет ничего хорошего, не желаю иметь с ним ничего общего, – ответил Дэйви и направился к Максу, который остановил такси.

– Он ничуть не хуже тебя, ты —… (далее следовало слово, которое не напечатали бы приличные газеты).

– Это взбесило меня, – продолжал рассказ Дэйви. – Я мог бы положить здесь всех троих, но это неподходящее место!

О'Бэнион попытался толкнуть Дэйви, тот отбил руку обидчика, О'Бэнион выхватил пистолет и выстрелил в живот

Дэйви. На звук выстрела обернулся Макс и кинулся на О'Бэниона. Тот снова выстрелил, и пуля, попав в пряжку ремня, опрокинула Макса на землю. В поднявшейся суматохе О'Бэнион и спутники растворились в толпе.

В больнице на вопрос полицейского «Кто стрелял?» он пробормотал стандартную бандитскую формулу: «Неважно, я сам об этом позабочусь». Врачи, готовящие Дэйви к операции, утверждали, что пациент рассказал обо всем Херши, который, наплевав на понятия, мог передать информацию дежурному полицейского управления.

Дейви выкарабкался, восстановился и отказался подавать в суд.

Возможно, версия Херши была чушью. Журналисты решили, что О'Бэнион считал себя обманутым Миллерами на $60 000 в какой-то бутлегерской сделке. О'Бэнион опроверг эти слухи. Он даже отрицал, что начал ссору: «Если бы я хотел разобраться с Миллером, предпочел бы темный переулок в Сауз-Сайде». Дини утверждал, Миллер первым набросился на него с револьвером. По другой версии, Янки Шварц услышал тем вечером какое-то пренебрежительное замечание Дэйви и воскликнул, обращаясь к О'Бэниону: «Эй, слышал, как тебя назвали?»

Единственными благоразумными словами О'Бэниона были: «Жаль, что так произошло. Я проявил горячность и глупость».

Капоне и Торрио, вернувшегося весной из Италии, испугала выходка О'Бэниона, любая из версий была правдоподобной. О'Бэнион был способен пристрелить человека на глазах тысячи свидетелей за мимолетное оскорбление или подозрение в обмане на $60 000.

И с таким человеком Капоне и Торрио приходилось иметь дело!

Спустя два дня на него расставили сети. О'Бэнион попытался украсть двести пятьдесят один ящик виски стоимостью около $30 000. В это время рядом оказался детектив Уильям О'Коннер с отрядом.

На следующий день, при предъявлении обвинения, О'Бэнион и Вайс вышли под залог в $40 000 и $35 000 соответственно.

О'Бэнион не останавливался и распускался все больше.

В феврале он убил человека по совершенно непонятным причинам. Янки Шварц представил ему некоего Джона Даффи, известного как Доэрти, прожженного пьяницу из Филадельфии. Даффи пытался связаться с Миллерами, его не приняли. Даффи рассказал, что Миллеры предложили ему $10 000 долларов за убийство О'Бэниона.

Даффи жил с Мэйбелл Эксли, девушкой из фермы в Охайо, с

которой познакомился в борделе Луисвилля.

20 февраля 1924 года в ходе ссоры с приятелем Уильямом Энгелькейем случайным выстрелом Даффи убил Эксли. Мгновенно протрезвев, Даффи и Энгелькей кинулись за помощью к О'Бэниону.

О'Бэнион пообещал позаботиться о Даффи и назначил встречу возле клуба Four Deuces, куда следом поплелся и Энгелькей. Он видел, как Даффи и О'Бэнион встретились и куда-то уехали. Комбинация была направлена, чтобы лишний раз поставить Капоне под удар: после того как полиция обнаружила тело Даффи в сугробе на дороге в Джолиет, Энгелькей рассказал, где в последний раз видел жертву.

Капоне явился в участок в сопровождении адвоката. «Я уважаемый бизнесмен, – заявил он с возмущением, порожденным редким чувством полной невиновности. – Во-первых, я не владею Four Deuces и не имею никакого отношения к заведению. Мой мебельный магазин примыкает к этому месту, и теперь, безо всякой причины, кто-то пытается втянуть меня во что-то непонятное. Во-вторых, я никогда не встречался с Даффи и Энгелькейем, а О'Бэниона не видел три недели!»

Энгелькей, резонно зачисливший себя в число возможных покойников после того, как полиция выбила подноготную всей истории, охотно ухватился за шанс остаться в живых на очной ставке с О'Бэнионом: «Это не тот человек, который садился в седан с Даффи ночью, после убийства Мейбелл Эксли. Нет, там был другой».

Почему О'Бэнион убил Даффи? Может быть, решил, что отчаявшийся пьяница попытался убить его и заработать очки у Миллеров. Возможно, Даффи сказал что-то не так. Поступки О'Бэниона не поддавались разумному объяснению. Какова бы ни была причина, бессмысленное убийство и беспричинная мерзость втягивания в историю Four Deuces придали Капоне уверенность, что с О'Бэнионом пора разобраться раз и навсегда.

Пока на это не было времени – Капоне был занят завоеванием Сисеро. Только личный авторитет Торрио мог разрешить настоящую проблему, поскольку в ней были замешаны первые и номинально близкие союзники Торрио, братья Джанна. Именно они нарушали условия соглашения об объединении, и, как следствие, О'Бэнион и братья Дженна были готовы убить друг друга.

Журналисты назвали братьев Джанна «сворой бродячих котов».

Они господствовали в Маленькой Италии до сухого закона, а на запрете сколотили целое состояние. Они приобрели

федеральную лицензию на торговлю техническим спиртом и занялись незаконной переработкой денатурата до состояния, пригодного к употреблению. Братья арендовали трехэтажный склад на Тейлор, 1022, заодно используя его как штаб-квартиру. Спрос на продукцию был колоссальным, она разлеталась молниеносно.

Генри Спигнола, адвокат, владелец гаража и местный политик, сестра которого вышла замуж за Анджело Джанна в 1925 году, придумал более интересное решение. Братья Джанна, финансируемые Торрио, установили самогонные аппараты в сотнях (а в конечном счете в тысячах) квартир, домов и комнат по всей Маленькой Италии.

«Вскоре, – говорил Говард Браун, в девятнадцать лет работавший курьером, – вы могли просто пройтись по Тейлор-стрит и опьянеть до чертиков от одних испарений». «В среднем каждая семья, участвующая в этом бизнесе, – пояснял репортер, – получала $15 в день. Для бедных сицилийцев это было настоящим спасением. Глава семьи за такие деньги попыхивал трубкой, присматривал за перегонной установкой и чесал спину».

Репортер был не до конца прав. Кустари покупали дрожжи и сахар, готовили брагу, а затем запускали процесс под угрозой, что дом взлетит на воздух в случае невнимательного отношения. Блестящая идея Спигнолы заключалась в децентрализации процесса. Джанна поставляли каждой семье все необходимое: оборудование, сусло, дрожжи и сахар и показывали хитрые способы подключения к газу и водопроводу. Последнее делалось не только ради экономии денежных средств: повышенное использование ресурсов могло помочь вычислять места производства, и любой полицейский, обнаруживший очередную точку, требовал от бутлегеров повышения «налоговых ставок».

На пике деятельности братья Джанна платили пяти начальникам участков, приблизительно четыремстам уличным полицейским, нескольким отрядам центрального детективного бюро и представителям прокуратуры штата. Полицейские так часто наведывались на склад, что соседи стали называть его полицейским участком.

Братья ежемесячно получали список номеров местных полицейских блях, чтобы вычислять пришлых аутсайдеров. Если партия товара перехватывалась за пределами участка, Джанна подавали жалобу, после чего груз сопровождался своим полицейским конвоем по чужому району. Рядовые полицейские получали от $15 до $125 в месяц. Это равнялось годовой премии за выдающуюся честность и добропорядочность.

Ежемесячные бонусы начальников участков составляли $500.

Общий объем производства в скором времени превысил спрос и на территории братьев, и у постоянных заказчиков. Пришлось расширять клиентскую базу, продвигаясь к востоку и северу от реки, предлагая продукцию клиентам О'Бэниона. Безусловно, большая часть сивухи проигрывала товару О'Бэниона по вкусу, но Джанна легко преодолели этот недостаток, снизив стоимость до $3 за галлон, в то время как напитки конкурента поставлялись по цене от $6 до $9.

О'Бэнион, естественно, не мог согласиться с таким положением. Хотя его основной бизнес заключался в пивных поставках (пивные помои Джанна не представляли конкуренции), О'Бэнион сначала пожаловался Торрио на братьев. Торрио нашел аргументы, обуздавшие Джанна, и очередного витка бутлегерских войн удалось избежать, несмотря на многочисленные нарушения оговоренных территорий влияния и мелкие стычки. Если Торрио не занимался этим вопросом, за дело брался Капоне, крепко держащий «бродячих кошек» за горло.

Ни Торрио, ни Капоне не видели причин потакать жадности братьев и вносить изменения в сложившийся порядок, хотя видели в Джанна такую же жестокость и непредсказуемость, как и в О'Бэнионе. В течение года у Капоне возникали проблемы с братьями, решить которые возможно, только прибегая к убийствам, но сейчас их поддерживал Майк Мерло[91].

Девятилетнего Мерло привезли в Америку из Сицилии в 1889 году. Он сменил Энтони Д'Андреа, возглавив чикагское отделение Unione Siciliana. Торрио был гангстером мыслящего типа, а Мерло ведал социальными вопросами по линии профсоюзов (один из его сыновей стал директором детского спортивного комплекса, удержал многих подростков от уголовщины). Успех Мерло в среде чикагских итальянцев объяснялся явной заботой об их благополучии.

С одной стороны, используя политическое влияние, он практически санкционировал эксплуатацию итальянцев братьями Джанна, с другой – стремился улучшить участь соотечественников. Отвергая насилие, он настаивал исключительно на мирных решениях и был категорически против открытого столкновения между Джанна и О'Бэнионом. В Маленькой Италии слово Мерло чтилось как непреложный закон.

Противостояние продолжалось до весны 1924 года. Торрио, вернувшийся из Италии ко времени выборов в Сисеро, одобрил все достижения Капоне, в том числе усилия по сохранению мира. Даже после того, как О'Бэнион угнал грузовик с выпивкой Джанна, Торрио (и Мерло) удерживали братьев от возмездия, хотя Торрио задавался вопросом, как долго это будет

продолжаться. Внезапно О'Бэнион нанес ему визит, что казалось для всех чудом.

О'Бэнион заявил, что устал. Братья Джанна были чокнутыми. Кто знает, что случится дальше? И ради чего? У О'Бэниона есть цель, он обожает Колорадо после посещения ранчо Луи Альтери и хочет заняться бутлегерством в этом штате. Вот если бы Торрио выкупил у него пивоварню Sieben, скажем, за $500 000, он бы с удовольствием убрался из Чикаго…

Получив требуемую сумму, О'Бэнион договорился с Торрио встретиться ранним утром в понедельник, 19 мая 1924 года. На этот день планировалась переброска крупной партии, и Торрио решил заверить оптовых покупателей О'Бэниона, что будет продолжать поставки, которые они смогут распространять по всему Норд-Сайду.

Пивоварня Sieben занимала территорию на Норд Ларрабистрит, 1464–1475. Федеральные агенты нагрянули в нее летом, но пивоварня работала по лицензии на изготовление безалкогольного пива, то есть вполне легально. Они обнаружили в складских помещениях настоящее пиво.

Официальный владелец пивоварни Джордж Франк заявил, что сожалеет о случившемся, но не подумал останавливать производство, когда лицензию отозвали.

Начальник городской полиции Коллинз узнал, что Sieben продолжает работать, и решил провести секретную молниеносную облаву. К сожалению, ему пришлось посвятить в план операции несколько коллег. Один из них сообщил дату и время облавы О'Бэниону, который и заключил поспешную сделку с ничего не подозревающим Торрио.

Коллинз вместе с новым окружным начальником, капитаном Майклом Циммером, возглавили несколько отрядов полицейских и в 5 утра арестовали вооруженных бандитов, патрулировавших район на машинах. Внутри пивоварни обнаружили четыре грузовика со ста сорока четырьмя бочками и двадцатью полубочками; еще один грузовик стоял под погрузкой, рядом находилось триста бочек. В общей сложности тем утром в пивоварне Sieben насчитали 128 500 галлонов пива. Коллинз лично сорвал значки с груди двух патрульных, отвечающих за контроль пивоварни, а за компанию отправил за решетку и третьего, хотя тот не был при исполнении.

Аль Капоне наблюдает за футбольным матчем Нотр-Дам против Северо-Западного. Чикаго, 9 октября 1931 год.

В общей сложности рейдеры упаковали тринадцать грузовиков, шесть седанов, целый арсенал оружия и тридцать одного бутлегера, включая Торрио и О'Бэниона. Кроме того, нашлась маленькая записная книжка, принадлежащая Джорджу Райли Джейкобсу, родственнику Анны Джейкобс Торрио. В ней были имена шести сержантов полиции, осуществляющих охрану принадлежащей Торрио пивоварни в Манхэттене с указанием суммы выплат: $40 – дневное дежурство, $30 – ночное с полуночи до утра и $25 – вечернее. Там была запись, что Джейкобс перевел Торрио в Милан 7 февраля $3000.

Капоне счастливо пропустил эту операцию, скрываясь до тех пор, пока все свидетели убийства Джо Ховарда, совершенного одиннадцатью днями раньше, не были вычислены и должным образом запуганы.

Коллинз передал дело федеральным властям, а не Кроу, рассчитывая нанести удар по прокурору штата. Он крайне вежливо объяснил Кроу, что федералы любезно согласились сотрудничать.

В полицейском участке Торрио, молчаливый и угрюмый, назвался привычным псевдонимом Фрэнк Лэнгли. О'Бэнион казался удивительно бодрым. Весело насвистывая, он вошел в

камеру. По дороге сунул уборщику $20, чтобы тот принес завтрак на всех. О'Бэнион не расстраивался: это было его первое нарушение сухого закона, которое, по сути, означало только смехотворный штраф.

У Торрио все было иначе. После предъявления обвинения он заплатил залог $7500 за себя и еще $5000 за таинственного Джеймса Кейси, которым оказался демократический политик Дэниел Дж. О'Коннор, занимающийся выборной кампанией самого Уильяма МакАды[92], громогласного защитника сухого закона, кандидата в президенты от демократов на выборах 1924 года. Торрио надеялся на помощь О'Коннора, прежде чем полиция или репортеры раскроют его псевдоним. Отпущенный под залог Торрио оставил своих людей ожидать прибытия привлекаемых в таких случаях поручителей – Айка Родерика и Билли Скидмора (Луис Коуэн в то время на Торрио еще не работал).

Угрюмость Торрио была вполне понятна, поскольку делом занялись федералы.

Он попытался предложить помощнику окружного прокурора США Уильяму Ф. Воу $50 000, чтобы тот отказался от обвинения или отложил рассмотрение дела на восемь месяцев[93], но это оказалось бесполезным. Его первая судимость в Западном Хаммонде означала, что во второй раз Джонни Торрио придется отправиться в тюрьму.

Три дня спустя было найдено тело четырнадцатилетнего Бобби Фрэнкса. Дело Леопольда-Лэба заставило Чикаго забыть об облаве на пивоварне Sieben.

Глава 10 Уход О’Бэниона

Вероломство О’Бэниона грозило Торрио оказаться за решеткой, и негодяй отказался вернуть деньги за пивоварню, запертую на замок! Торрио, возможно, согласился бы замять инцидент, если бы это сохранило мир и оставило существующий порядок нетронутым. Как выяснилось, тюремное заключение должно было продлиться меньше года и пивоварню закрывали на год, а Торрио стал владельцем очень дорогой недвижимости. Но О’Бэнион не спросил мнения Торрио по поводу всего этого.

Последней каплей в накале страстей стала глупейшая история. Во время очередных разборок с братьями Джанна Хейми Вайс попытался вразумить О’Бэниона, что лучше быть поосторожнее. О’Бэнион ответил на это: «Черт с ними, с сицилийцами!»

Когда эти слова дошли до братьев Джанна, Торрио и Капоне, дело началось.

Некоторые люди, как и О’Бэнион, могли убить без особых причин. Однако это не те утонченные натуры, чьи чувства легко ранить жалкими выкриками за спиной. В то время расовая этническая и религиозная брань была нормой. Братья Джанна не считали слова «проклятые сицилийцы» смертельным оскорблением. Торрио и Капоне не были сицилийцами и носили в себе чувства куда более острого порядка, чем у О’Бэниона. По словам бывшего подчиненного, Капоне говорил: «Никогда нельзя доверять сицилийцам, они на самом деле не итальянцы вовсе и ничего хорошего не представляют».

На самом деле Капоне тесно и плодотворно сотрудничал со многими сицилийцами, но доверие носило весьма имплицитный характер. В любом случае его отношение к Джанна основывалось на беспрецедентной жадности братьев, непревзойденные амбиции которых претендовали на непогрешимость. И Капоне, и Торрио были рады сказать «аминь» каждому, кто назвал бы Джанна «проклятыми».

Причиной гибели О’Бэниона стали вовсе не те необдуманные слова. «С Дини было все в порядке, – говорил позже Капоне. – Он начал намного лучше, чем рассчитывал, но постепенно потерял голову. Вайс был первым, кто это понял. Джонни Торрио передал О’Бэниону знания, но Дини забрал несколько лучших парней и решил стать боссом выпивки в Чикаго. Какой шанс! О’Бэнион сделал все, чтобы встать нам поперек дороги. Его задача заключалась в том, чтобы «сглаживать» углы, и мы предоставили Дини полномочия, касающиеся производства и поставок крепких

напитков и пива. Он «откололся» и, хорошо зная о проблемах, использовал их, чтобы испортить отношения со всеми, с кем можно. Там, где мы платили копам пару сотен, он выкладывал тысячу. Ничего нельзя было сделать, О'Бэнион сам заказал собственные похороны».

От немедленного наказания за предательство в Sieben Торрио удерживали три обстоятельства. Во-первых, Капоне находился в бегах до июня в связи с убийством Ховарда. Во-вторых, позиция Майка Мерло, никогда не допустившего бы убийства О'Бэниона. И, наконец, точечные удары О'Бэниона еще не переросли в полномасштабную войну, поскольку весну и половину лета 1924 года он отвлекался на борьбу с юридическими последствиями предыдущих выходок.

Хотя прокурор Кроу прекратил разбирательства по всем трем обвинениям, федеральное Большое жюри выдвинуло обвинения О'Бэниону за угон, произведенный спустя два дня после стрельбы в Миллера, и за ограбление склада в городе Сибли.

Судебное разбирательство по первому обвинению было назначено на июль, по второму – на ноябрь.

Второй суд так и не состоялся, поскольку к тому времени О'Бэнион был мертв, а июльские разбирательства, столь характерные для гангстерских процессов той эпохи, показали несовершенство подбора присяжных. Во-первых, на это ушло очень много времени. «Для того чтобы подобрать присяжных, потребуется больше времени, чем демократам выбрать кандидата в президенты», – остроумно заметил О'Бэнион. Один из предполагаемых присяжных заявил, что проголосует за невиновность обвиняемого, хотя и убежден в обратном, поскольку не хочет, чтобы его покалечили или застрелили.

Суд должен был назначить в присяжные двенадцать человек, готовых поклясться, что ничего не знали о пресловутых гангстерах раньше и, что еще менее вероятно, имеют непредвзятое отношение к запрету на алкоголь. Например, вот как один из адвокатов О'Бэниона, Майкл Дж. Ахерн, допрашивал присяжного, заявившего, что все законы должны исполняться.

А х е р н: Вы непредвзяты так или иначе?

П р и с я ж н ы й: Ну… Около семи лет назад я внес некоторую сумму в Антисалунную лигу.

А х е р н: Возможно, вы передумали за последние пять лет?

П р и с я ж н ы й: Да, сэр, я передумал…

Когда свидетели начали давать показани, у водителя угнанной машины Чарльза Левина случилась, как выразился

О’Бэнион, «Чикагская амнезия»: он не смог опознать нападавших. Прокурор показал водителю заявление, сделанное им после угона. Левин смутился: он забыл, как чей-то седан прижал машину к бордюру. Как насчет следующего, аналогичного заявления? Очередное помрачение. Левин никого не узнал.

Десять присяжных, заслушав показания полиции, проявили похвальное мужество, однако двое сочли обвиняемых невиновными. В полночь, после восьми часов увещеваний и препирательств, один из большинства преклонил колени и стал молиться Богу, чтобы эти двое прислушались к аргументам других. Дело закрыли, и, согласно слухам, проголосовавшие против разделили $50 000 пополам.

Судья задержал Левина для дополнительного расследования по обвинению в лжесвидетельстве, и водитель признал, что действительно был запуган. «Они предупредили, – сказал Левин, – я должен держать рот на замке или замолчу навсегда». Он предложил дать повторные показания, но федералы могли привлечь О’Бэниона лишь по обвинению в запугивании свидетелей, а Левин, вероятно, снова бы от всего отказался.

После суда О’Бэнион решил держаться подальше от Торрио и, взяв длительный отпуск, уехал в Колорадо. Обратно вернулся к ноябрьским выборам 1924 года, для поддержки переизбрания Боба Кроу.

За день до выборов О’Бэнион, не подозревая, подписал себе смертный приговор. Торрио выделил О’Бэниону долю прибыли в клубе Ship за помощь в апреле прошлого года.

3 ноября 1924 года О’Бэнион приехал забрать долю за неделю. Торрио был занят другими делами, поэтому Капоне остался за главного. Рядом находились Фрэнк Маритоте, по кличке Даймонд, Фрэнк Рио, телохранитель Капоне и Фрэнк Нитти, его возможный преемник. Капоне сказал, что финансовые потери молодого Анджело Джанна снизили общий недельный доход – он потерял кучу денег и, следовательно, остался должен. Эту сумму увеличивал значительный счетчик, от которого Капоне предложил отказаться из соображений профессиональной этики. В ответ на предложение О’Бэнион захромал к телефону и, позвонив Анджело, грубо потребовал выплаты суммы по счетчику в недельный срок.

Это стало последней каплей. Торрио выдал О’Бэниону его деньги и снял с Анджело долг по счетчику. Но братья Джанна, особенно обладающий диким нравом Анджело, не могли закрыть глаза на оскорбление, восприняв его как личное, а не деловое. Никто не мог сдержать Джанна – ни Торрио, ни даже Майк Мерло.

Торрио больше не стремился никого останавливать. Он не верил, что О'Бэнион сможет хотя бы некоторое время быть спокойным и порядочным членом синдиката.

Убийство могло повлечь кровную месть, но Торрио решил не оставлять О'Бэниона в живых.

Вероятный преемник О'Бэниона Вайс, несравненно более умный, должен увидеть необходимость прощения и забвения. Убийство главаря банды повлекло бы широкую огласку в прессе и вызвало ряд показных полицейских репрессий, но это были временные явления, а беспорядки, вызываемые О'Бэнионом, казались бесконечными.

В любом случае терпение Торрио истекло.

Майк Мерло умирал от рака. Врачи давали ему не больше недели. Он умер 8 ноября 1924 года, и предубеждение против убийства вместе с ним.

Майк стал первым главой чикагского представительства Unione Siciliana, умершим в постели, за последние пять лет.

Капоне снова обратился за помощью к Фрэнку Йелю. Он нуждался в нем, как и в деле убийства Колозимо: убийца оказывался неизвестным жертве, а потенциальным свидетелям его труднее было опознать. Капоне мог скорректировать планы и даже отменить убийство, если обстоятельства не позволяли обеспечить безопасность.

Похороны Мерло, организованные Капоне и председателем городской палаты мер и весов Кармен Вакко, были назначены на четверг, 13 ноября, и обещали стать феерическим событием. Гроб должны были нести мэр Девер, прокурор штата Кроу, начальник полиции Коллинз и президент Совета округа Кук Антон Дж. Чермак. В траурной церемонии планировалось задействовать восемьдесят восемь автомобилей членов руководства Unione Siciliana. Всего же кортеж, состоящий из двухсот шестидесяти шести автомобилей, мог растянуться на милю. Многие из этих автомобилей предполагалось загрузить цветами на общую сумму около $100 000 (большинство поставил Скофилд).

Похороны вызвали видимость перемирия. Торрио распорядился о покупке цветов на $10 000, Капоне на $8 000. Даже О'Бэнион перестал соблюдать излишнюю осторожность.

В понедельник утром, 10 ноября 1924 года, О'Бэнион пришел в цветочный магазин около десяти тридцати, готовый к трудному дню. В торговом зале были выставлены различные растения: папоротники и цветы, закрывающие стены.

Сторона витрины и боковая стена образовали узкий проход, ведущий в заднюю рабочую комнату, к офисам и мастерской на втором этаже. Подсобное помещение от магазина отделяли

решетчатые ворота, обычно открытые.

Ближе к половине двенадцатого О'Бэнион подравнивал стебли хризантем в подсобке.

Менеджер, бухгалтер и курьер занимались делами в офисе. «Билл, – обратился О'Бэнион к темнокожему служащему Уильяму Кратфилду, кивая в сторону выставочного зала, – собери лепестки». Не успел Кратфилд закончить работу, когда открылась дверь в магазин. Он никогда не видел этих людей. Стоявший посередине был высокого роста, чисто выбрит и хорошо одет. Как позже говорил Кратфилд: «Возможно, это был еврей или грек, менее смуглый, чем стоящие по бокам. Двое были коренастыми коротышками и выглядели достаточно грубо».

Обернувшись, О'Бэнион протянул правую руку для привычного рукопожатия, в левой оставались ножницы, которыми он обрезал хризантемы. «Привет, ребята, – сказал он вошедшим, пропуская мимо Кратфилда. – Вы тут из-за Майка Мерло?»

Фрэнки Йель (именно он стоял посередине между Джоном Скализом и Альбертом Ансельми, самыми безжалостными боевиками банды Джанна) ответил «да», протягивая руку в ответ. Проходя через плетеные ворота, оглянувшийся Кратфилд заметил, как мужчины пожимали друг другу руки. Возможно, что Йель перехватил левую руку О'Бэниона, в то время как Скализ и Ансельми выхватили свои револьверы калибра 38.

Через несколько секунд Кратфилд услышал пять выстрелов. Два из них попали О'Бэниону в правую сторону груди, два в горло, а пятый раздробил челюсть. О'Бэнион упал на пол напротив витрины, и Кратфилд услышал шестой выстрел, контрольный в голову, оставивший ожог на левой щеке. Работники магазина выскочили в переулок и увидели, как трое неизвестных запрыгнули в темно-синий автомобиль с включенным двигателем (за рулем был Майк Джанна).

Бегство с места преступления на заведенном автомобиле не было новым приемом, но, когда машина резко двинулась на запад, с обочины выехали еще шесть и блокировали любое возможное преследование, пока убийцы не повернули на юг к Дирборну, а затем, развернувшись, исчезли. «Это, – как удивлялась The New York Times, – была совершенно новая уловка, поражающая простотой».

Билл Шумейкер, отвечающий за расследование, был честным копом (его назначил на должность Девер, решившей заменить капитана, продавшегося Спайку О'Доннеллу). Из-за рукопожатия Шумейкер предположил, что О'Бэнион знал убийц. Кратфилд сказал: «Это не было рукопожатием незнакомцев. О'Бэнион знал их в лицо и не подозревал о намерениях». С незнакомыми

О’Бэнион вел себя настороженно и был готов мгновенно выхватить револьвер из кармана. Скорее всего, свидетель ошибался: нет оснований полагать, что О’Бэнион когда-либо встречался с Йелем, а уж тем более со Скализом и Ансельми. Братья Джанна привезли их из Сицилии в 1920 году, когда Фрэнки Йель нуждался в решительных специалистах, но тогда они могли «засветиться» как свидетели (еще один бонус для прикрытия от репортеров).

Кроме того, почему О’Бэнион спросил: «Вы тут из-за Майка Мерло?» Узнал ли он покупателей? Йель заказал цветы следом за Торрио, Капоне и Джимом Джанна. О’Бэнион потерял бдительность и думал только о большом заказе, тем более что магазин располагался на собственной безопасной территории, а хозяин находился в привилегированном положении флориста гангстеров.

Шумейкер вычислил обычных подозреваемых: список возглавлял Капоне, далее следовал Торрио. Однако Торрио заявил, что был дружен с О’Бэнионом – чего стоил цветочный заказ на $10 000! «Если вы узнаете что-нибудь об убийстве, поде́литесь информацией?» – спросил Шумейкер Вайса и получил откровенный ответ: «Честно говоря, нет».

Только заявление Луи Альтери выглядело странным на общем фоне: «Если бы я знал, кто убил Дини, пристрелил бы еще до восхода солнца. И сделал бы это с улыбкой». Подобная бравада спутала мэру Деверу все карты. Мэр призвал полицию стрелять в любого, кто сопротивлялся аресту или допросу, нещадно сажать гангстеров за решетку или хотя бы выгонять из города.

Кардинал Манделейн[94], как обычно, запретил траурную мессу и похороны О’Бэниона на освященной земле: «Человек, который отказывался от служения Церкви в жизни, не должен ожидать что-либо от нее после смерти».

Запрет не мог отменить шикарных похорон на Норд-Сайде, организованных 14 ноября – на следующий день после феерии Майка Мерло: гора цветов (в том числе и корзина из роз с карточкой Аль Браун), бронзовый гроб с матовым отливом за $10 000, доставленный специальным грузовым вагоном из Филадельфии, двухмильный кортеж и новый участок кладбища Всемилостивой Богородицы Кармель говорили сами за себя.

Улицы были забиты зеваками до такой степени, что можно было продавать за доллар места на пожарных лестницах. Бандиты гордились устроенной церемонией. Через пять месяцев Виола О’Бэнион перезахоронила останки мужа на освященном участке кладбища рядом с мавзолеем, в котором покоились останки трех высокопоставленных религиозных деятелей. Возмущенный

капитан полиции не выдержал: «Только посмотрите! В восьмидесяти футах от епископа!»

Как и ожидалось, полицейское расследование зашло в тупик. Главный полицейский Чикаго Коллинз сказал: «Если нам случайно не повезет, убийц никогда не поймают». Единственный свидетель – работник из магазина – заявил, что никогда не сможет опознать убийц, даже если снова увидит. Полиция пыталась что-то делать, но, как сказал главный детектив города Хьюз: «У нас была тысяча и одна улика, но все оказались бесполезными. Чем больше мы бегали с этим делом, тем больше убеждались, что просто тратим время». Фрэнки Йеля арестовали с револьвером в кармане.

Начальник полиции Коллинз получил сообщение, что Йель, главный подозреваемый в убийстве Колозимо четырьмя годами ранее, причастен к убийству. Полиция схватила его на станции La Salle Street за несколько минут до отправления поезда в Нью-Йорк.

Возмущению Йеля не было предела: у него было разрешение на ношение оружия, подписанное нью-йоркским судьей. Он приехал в Чикаго на похороны Мерло и остался на несколько дней, повидаться со старыми друзьями. Во время убийства Йель обедал с одним из них в ресторане Palmer House, что может подтвердить официант (Ник Делассандро вспомнил даже, что они ели и пили).

Следующим поездом Йель отправился домой.

Эдди Танкл, чемпион в легком весе, обладал таким сильным ударом, что однажды убил соперника на ринге. Затем Эдди стал владельцем салуна Hawthorn Park Cafe, на углу 48-й и Огден-авеню, и решил бросить вызов пивному синдикату.

Презирая Торрио и Капоне, он принимал поставки О'Доннелла. В 1923 году, под давлением мэра Девера, поставки сократились, О'Доннеллы начали распространять разбавленное пиво, и Танкл заявил, что будет покупать пиво где захочет.

Синдикат предложил Танклу работать вместе или убираться из города. В ответ он рассмеялся. О'Бэниона похоронили, и пришло время разобраться с жалким недоноском, который мог вселить бунтарские настроения в окружающих.

Младший брат Клондайка О'Доннелла, Майлс, и лучший боевик, Джим Доэрти, около 6 утра пришли в салун Танкла и начали пить. Из-за чека на $5 и 50 центов завязалась перебранка, Майлс ударил официанта Мартина Симета револьвером. В ответ Танкл выхватил свой. Когда перестрелка закончилась, Майлс и Доэрти сбежали, оставив бармена Лео Климаса умирать, а Эдди Танкл скончался на месте. Следующей весной, когда эта история

была искажена до неузнаваемости, а свидетели исчезли, присяжным хватило девяти минут, чтобы признать Майлса О'Доннелла и Джима Доэрти невиновными; судья предупредил, что отменит любой другой вердикт.

Коллегия присяжных при коронере объявила, что в деле убийства О'Бэниона назвать имена убийц невозможно. Присяжные жаловались, что столкнулись «со многими противоречивыми показаниями», а «некоторые из свидетелей явно скрывали правду, в то время как другие отказывались делать какие-либо заявления или не были найдены».

Оставшиеся в живых люди О'Бэниона сильно в этом сомневались.

Глава 11
Уход Торрио

В декабре 1924 года, в рамках безуспешных попыток разобраться с убийством О'Бэниона, полиция наконец закрыла Four Deuces, хотя клуб функционировал только как офис.

В ответ Капоне открыл еще два. Один располагался в восточной части Сауз-Мичиган, 2146. За табличкой с надписью «А. Браун, Доктор медицины» посетители обнаруживали комнату ожидания преуспевающего врача. Заднюю стену помещения занимали полки со спиртными напитками, удовлетворявшие вкусу самого взыскательного клиента.

Джек Гузик контролировал бухгалтерию, списки основных клиентов, подробности поставок своих производителей крепкого алкоголя и пива, прибыли от борделей и казино. Также он вел графики выплат взяток политикам и полицейским.

Торрио отсутствовал в городе, когда Капоне открывал новый офис. Газеты писали, что его не видели после похорон О'Бэниона до второй недели января 1925 года. По слухам, Торрио с женой и друзьями видели в Хот-Спрингс, Новом Орлеане, Сент-Питерсберге, Багамах и в Гаване. Эти разрозненные, скудные сведения позже дали почву для создания необычной эпопеи: «побег, состоявшийся за несколько часов».

Возможно, Торрио и Анна действительно совершили такую поездку, но его действительно преследовали. Торрио считал себя неуязвимым, даже после нападения на Капоне.

Ранним утром, 12 января 1925 года, седан с зашторенными стеклами и без номерных знаков перекрыл дорогу машине Капоне, заставив остановиться. Из переднего и заднего окон последовал ряд выстрелов из револьверов и дробовиков. Капоне тогда в машине просто не было. Удивительно, но двое из троих не пострадали. Водитель Капоне, Сильвестр Бартон, получил пулю в спину, прежде чем упал ниже линии огня, а находящиеся на заднем сиденье благополучно бросились на пол кузова еще до начала стрельбы.

Позже говорили, что Капоне за несколько минут до стрельбы вышел осмотреть ресторан, но это кажется маловероятным – было слишком рано.

Нападение настолько потрясло Капоне, что он немедленно заказал автомобиль с бронированным кузовом и пуленепробиваемыми стеклами. Если обычный седан Cadillac весил две тонны и стоил $7000, передвижная крепость Капоне

весила семь тонн и стоила не менее $20 000. Это был первый из броневиков, которыми владел Капоне.

Торрио признал себя виновным в обвинениях по делу пивоварни Sieben 17 января 1925 года.

Федеральный судья Адам К. Клифф назначил ему смехотворный штраф в $5000 долларов и девять месяцев в тюрьме округа Дю Пейдж, к западу от округа Кук. Не так давно за попытку запустить стандартный пивоваренный завод Терри Драггэн и Фрэнк Лейк получили такие же сроки, причем половину времени гуляли за пределами тюрьмы. Тюрьмой управлял верный старый друг Торрио, шериф Питер Хоффман, поэтому Торрио мог ожидать аналогичного понимания в Дю Пейдж.

Двое полицейских, якобы охранявших Sieben, получили по три месяца заключения; Нику Джаффра, руководителю погрузки, дали полгода. Эдвард О'Доннелл (политик, а не Спайк), владеющий частью акций Sieben, заработал восемь месяцев: бывший мэр Ист-Чикаго не был непосредственно причастен к бизнесу. Судья Клифф оштрафовал шесть водителей грузовиков на $500, еще двадцать два ответчика были отпущены с миром. Торрио дали десятидневную отсрочку исполнения приговора на урегулирование дел.

20 января Торрио отпраздновал сорок третий день рождения – через три дня после того, как Капоне исполнилось двадцать шесть лет.

В субботу, 24 января 1925 года, у Торрио были дела в центре города, в том числе встреча с Майклом Кенной. Из-за реорганизации в каждом районе осталось только по одному олдермену, однако Хинки Динк все еще правил в качестве председателя комитета Первого административного района. Джон Кофлин также сохранил должность: отцы города помнили, что Банька щедро финансирует городской City Hall.

Торрио, Анна и ее брат, Том Джейкобс, выехали примерно в одиннадцать часов утра, что было очень удобно. Машина Торрио находилась на ремонте, и он не вызвал постоянного водителя. Джек Гузик, уехавший в Новый Орлеан по делам, отдал Торрио Lincoln вместе с шофером, Робертом Бартоном, невысоким темноволосым мужчиной по кличке Бобби.

Пока Торрио занимался делами, Анна ходила по магазинам. Они встретились, чтобы вернуться в квартиру на Сауз-Клайд-авеню, 7011. Тома Джейкобса с ними не было.

В четыре часа дня начало темнеть. Уолтер Хильдебрандт рассчитывал отдохнуть субботним вечером, потому что почти закончил развозить груз для прачечной Oriental Laundry Company.

Оставалась одна посылка на улице Клайд.

Семнадцатилетний сын дворника Питер Виссерт из Сауз-Клайд авеню, 6954, сидел на вершине лестницы (дом располагался по диагонали от дома Торрио).

Миссис Джейн Патнэм проживала в доме 7016 – напротив дома Торрио. Во второй половине дня Джейн выглянула в окно: внимание привлек роскошный черный блестящий Lincoln. На этой узкой улице, предназначенной исключительно для людей среднего класса, нечасто можно было увидеть личного шофера в коричневой ливрее! Машина остановилась около дома 7011. Прежде чем шофер вышел, чтобы открыть заднюю дверь, с другой стороны из автомобиля вышел мужчина в синем пальто. Ба! Да это же мистер Лэнгли![95] Он помог жене (у нее было много пакетов). Как и другие, живущие в этом квартале, миссис Патнэм приветливо кивала ему при встрече. По мнению всех соседей, Торрио был успешным брокером на Ла Сейл Стрит.

За углом, на 70-й улице, на протяжении часа стоял серый Cadillac с работающим двигателем, припаркованный так, чтобы с водительского сиденья была видна квартира Торрио.

Анна Торрио, в сером пальто с поднятым лисьим воротником, несмотря на плюсовую температуру, не дожидаясь мужа, поспешила вперед. Перед дверями она обернулась, чтобы открыть дверь спиной. Анна увидела, что Бобби Бартон держит пакеты, а муж отходит от машины с покупками. Но кроме этого Анна увидела людей, выходящих из Cadillac.

Винсент Друччи остался за рулем, Хейми Вайс вышел с дробовиком, а Джордж Моран обежал Lincoln, держа в руке револьвер калибра 45. Они совершили ошибку, открыв стрельбу по тяжелому кузову машины, вместо того чтобы вести прицельный огонь.

Одна пуля попала в ногу Бартона, чуть ниже колена. Торрио, бросив пакеты, бросился к дому. Сделав с полдюжины шагов, попал на линию огня, чего как раз не хватало боевикам. Моран попал в правую руку Торрио, заставив развернуться на месте. Отступая назад, Торрио попытался выхватить оружие, но теперь его поймал Вайс. Торрио был ранен в челюсть, легкие, пах, ноги и живот. Моран попытался сделать контрольный выстрел в голову, но у него закончились патроны. Анна стояла в ужасе.

В это время Вальтер Хильдебрандт повернул фургон на Клайд, и Друччи подал сигнал уносить ноги. Морану казалось, все дальнейшие действия излишни: в теле Торрио виднелись рваные дыры, нижняя часть лица и шея представляли сплошное месиво. Моран не стал перезаряжать оружие и побежал за Вайсом обратно в машину. К чести Вальтера Хильдебрандта, он кинулся

следом, успев заметить, что у Cadillac не было номерных знаков.

Бобби Бартон сел в Lincoln и уехал.

Анна Торрио подбежала к мужу и потащила за плечи, чтобы укрыться в вестибюле.

Наблюдавшая из окна напротив миссис Патнэм позвонила в полицию. «Скорая помощь» доставила Торрио в больницу Джексон-Парк.

Томас Дж. Конли, дежурный сержант, прибывший на место преступления, заметил пробитый пулями Lincoln, делающий странные повороты, и отправился следом, пока машина не остановилась у аптеки, расположенной в одном квартале на юг и трех на восток от дома Торрио. Ковыляющий водитель отправился звонить Капоне.

Обезумевший Капоне ворвался в больницу: «Их поймали, Джонни?» Выяснив, что произошло, Капоне зарыдал, повторяя: «Это сделала банда! Это сделала банда!» И, обращаясь к помощнику прокурора штата Джону Сбарбаро, добавил: «Я смогу рассказать больше, когда он поправится».

Жизнь Торрио висела на волоске, раны выглядели смертельными. Торрио грозила еще одна опасность.

Сицилийцы были уверены: пули, вываренные в луковом настое и натертые чесноком, непременно вызовут некроз тканей, если их сразу не извлечь. В то время господствовало заблуждение, что чеснок, смешанный с порохом, обязательно ведет к гангрене. Современная медицина утверждает – это сущий вздор: чеснок способствует развитию инфекции не больше, чем другие посторонние вещества. Но в середине двадцатых годов лечащие врачи Торрио, Оменс и Бирн, не отрицали такой возможности. Торрио умолял прижечь раны – такое лечение гангрены считалось лучшим.

Гангстеры держали рот на замке. Капоне понятия не имел, кто это сделал, – возможно, люди, расстрелявшие его машину двенадцать дней назад. Трудно сказать. Он добавил: «Нет оснований предполагать, что Джонни Торрио расстреляли друзья Диона О'Бэниона. Они были хорошими друзьями».

Торрио отказался назвать убийц: «Конечно, я знаю, кто они, – сказал Джон репортеру, лежа в постели, – но больше ничего не скажу». Когда с вопросами обратились к Анне, она ответила: «Какой смысл рассказывать полиции?»

Молодой Питер Виссерт рассказал все, что видел. На предъявленных фотографиях без колебаний опознал Джорджа Морана. Позже еще два раза выбрал Морана на опознаниях.

«Нет, – заявила Анна Торрио, когда полиция привела Морана в больницу, – этого человека там не было». Как и муж, она

заявила, что не сможет опознать нападавших. Невзирая на это, полиция притащила Морана к постели Торрио, вместе с Вайсом, Друччи и многими другими. Врачи протестовали, утверждая, что такое постоянное нарушение режима мешает восстановлению пациента, а Торрио твердо заявил: «Не нужно сюда никого приводить, я все равно не буду заниматься рэпом» (в то время слово «рэп» на сленге подразумевало опознание, а «бам рэп» – злобную ложную идентификацию).

Полицейские арестовали Капоне, допрашивали в течение ночи и отпустили восвояси. В ночь допроса к больнице подкатили три машины. Один из мужчин вошел вовнутрь и заявил старшей ночной медсестре Дороти Бек, что хочет повидать своего приятеля Джона Торрио. Дороти популярно объяснила ночному визитеру, что сейчас не время посещений, и госпожа Торрио категорически запретила свидания, за исключением членов семьи и ближайших друзей. Мужчина продолжал настаивать, пока Бек не добавила, что в палате Торрио дежурят двое полицейских. На следующий день Капоне услышал о попытке визита и приехал в клинику. «Пока я здесь, – сказал он, – Торрио никто не потревожит». Для Торрио выделили три палаты: посередине находился он, Анна расположилась справа, Капоне – слева. Двое полицейских в форме охраняли двери, еще двое дежурили на лестничной клетке, другие были расставлены в коридорах и следили за входом.

В первые дни врачи пребывали в отчаянии: у Торрио началась лихорадка, пульс прыгал, в рану на шее все-таки попала инфекция. Тем не менее на пятый день врачи сообщили, что началось улучшение, а на следующий употребили слово «поправляется». Девятого февраля, всего через три недели после стрельбы, Капоне контрабандировал Торрио по пожарной лестнице и увез в закрытом седане.

Торрио ожидал срок заключения. Адвокат организовал перевод из тюрьмы Дю Пэйдж в крошечном сельском Уитоне в тюрьму округа Лэйк в Уокигане. Тюрьма находилась примерно в тридцати милях севернее, где не до конца оправившийся заключенный мог получить качественное лечение. Хотя суд назначил вступление приговора в силу на 27 февраля, Торрио счел разумным оказаться в безопасном окружении стен и решеток как можно скорее.

Муниципальный судья освободил Морана под залог $5000, несмотря на возмущение полиции и прокуроров. Учитывая категорический отказ Торрио опознавать его или кого-нибудь еще, единственное опознание Питером Виссертом (ни соседка, ни водитель прачечного фургона не видели лиц, а Моран был

единственным, кого видел Виссерт), адвокат даже не понадобился.

Хотя тюрьма округа Лейк выглядела как темница (толстые стены, с огромным сводом), она явила Торрио настоящий уютный домашний очаг.

Торрио выделили необычайно просторную камеру, которая могла похвастаться чудесной проточной водой, медной кроватью, ковровым покрытием, легкими креслами, книжным шкафом, комодом, проигрывателем и – настоящей редкостью в тюрьме – радио. Начальник тюрьмы Альстром позволил Торрио экранировать оконные проемы пуленепробиваемой сеткой с внутренней светомаскировкой, что защищало от снайперов в темное время суток. Он разрешил Торрио нанять помощников шерифа в качестве личных охранников. Анна приходила к Торрио на обеды в шерифском доме, где Торрио также завтракал и ужинал, пара проводила время в креслах-качалках на крыльце. Разумеется, Торрио оставался наедине с коллегами извне, когда им нужно было посовещаться.

В марте Торрио вызвал Капоне и адвокатов.

Торрио решил выйти. Было ясно, что синдикат вот-вот развалится. Весь преступный мир Чикаго (не только последователи О'Бэниона) стремился выпотрошить его. По мере ухудшения ситуации Торрио все больше убеждался: всякое мирное деловое сотрудничество придется устанавливать и поддерживать оружием, а не дипломатией. Он был слишком стар для этого.

Торрио передал дело Капоне. Его срок подошел к концу, он уехал из Чикаго, возможно, в Италию. Капоне переводил ему часть доходов (по одной из версий, 25 % в течение десяти лет). Торрио всегда был открыт Капоне для консультаций.

Позже разные аналитики заверяли мир, что Торрио «мог бы все вынести, но не захотел». Безусловно, его потрясли и полученные травмы, и страдания Анны. Никогда в жизни Торрио не проявлял трусости. Скорее, он как человек, который всегда стремился избегать проблем, видел, что происходит и что будет дальше.

Теперь его преемником должен был стать Капоне.

Глава 12
Капоне против сицилийцев

Торрио предвидел волну убийств в бандах Чикаго. В течение действия сухого закона их число превысило семь сотен. Даже в 1922 году, наиболее мирном для синдиката, один наблюдатель насчитал тридцать семь. Во время наступления Спайка О'Доннелла, в 1923 году, количество убийств возросло до пятидесяти семи. При кажущейся гармонии 1924 года – шестнадцать, но в 1925 году – сорок шесть. Дальше наступил неуклонный рост: уже в следующем году было совершено семьдесят шесть убийств.

Хотя действия Торрио дали немало предпосылок для этого роста, главная причина заключалась не в них. Убийства вредили бизнесу, кто бы их ни инициировал и какой бы убедительной ни была причина.

Устранение соперника могло расширить или защитить территорию, но не приносило ни цента. Напротив, когда влиятельность жертв или их количество приводили к облавам, убийства приносили значительные убытки.

Торрио понимал: тенденции обозначены, и дальше будет только хуже. Особенно тяжело было понимать, что вскоре придется устранить самых сильных союзников.

Успех не изменил банду братьев Джанна, только расширил территорию. Хотя они были настоящими властителями Маленькой Италии, вступление в силу сухого закона обозначило их истинное ничтожество: Джеймса и Анджело впервые арестовали в 1920 году за мелкие нарушения; Анджело – за хранение одного галлона алкоголя. Братья Джанна даже в мелочах проявляли характерную, только им присущую грубость. В начале 1921 года Майка арестовали за автоугон, когда два бедных неграмотных кредитора попросили машину в качестве залога.

Анджело, самый грубый из Джанна гордился, что за один год получил два обвинения в убийстве. Первое – убийство Пола Лэмриола (активного сторонника Джона Пауэрса во время выборов 1921 года, по заказу Энтони Д'Андреа), второе – убийство Пола Нотти, узнавшего преступника. Он избежал смертной казни потому, что защита доказала: Нотти находился под воздействием болеутоляющего опиата и его разум был замутнен. Это случилось в июне 1922 года.

В августе два мерзавца обратились к Анджело за помощью.

Они отвезли пятнадцатилетнюю Женевьеву Корт в Милуоки, где «грубо с ней обошлись» – так нужно было говорить во время допроса в рамках федерального разбирательства по закону Манна.

За день до суда Анджело остановил Женевьеву на улице и сказал, что убьет ее и мать, если девушка даст показания против его приятелей. После того как обвинение было снято, Женевьева заявила, что подверглась запугиванию. В результате в следующем ноябре Анджело отправился в тюрьму Форт-Ливенуорт на один год и один день.

Это едва задело его чувство собственного достоинства. Федералы снова посадили Анджело, на этот раз за успешно организованное производство алкоголя. Остальные члены семьи не меньше Анджело кичились грандиозным успехом перегонного бизнеса. Хотя братьев ненавидели и боялись, они сумели купить уважение.

Джанна быстро поднялись на общем фоне за счет поддержки со стороны политического покровителя Джозефа Эспозито, известного как Алмазный Джо.

К концу 1924 года вся окружная полиция жила на взятки Джанна, поэтому братья почувствовали себя достаточно сильными, чтобы бросить вызов Торрио и Капоне. Они имели влияние на руководство Unione Siciliana, что разочаровало Капоне: ему хотелось, чтобы после смерти Майка Мерло организацию возглавил Энтони Ломбардо. Все уважали прозорливого и спокойного комиссионера, занимающегося торговлей сыром и бутлегерством, имеющего связи в гангстерских кругах. Ломбардо, безусловно, позаботился бы, чтобы никто не смог давить на Торрио и Капоне через Unione. Джанна воспользовались занятостью Капоне после убийства О'Бэниона: пост президента организации спокойно занял Анджело. С этого момента интересы двух банд разошлись.

Незадолго до ранения Торрио Анджело женился на восемнадцатилетней Люсиль Спигноле, симпатичной и яркой девушке из хорошей семьи. Это стало очередным проявлением неуклонно растущего могущества братьев Джанна.

Брат Люсиль, Генри, задумавший махинацию с массовым производством алкоголя, был адвокатом, закончившим Школу права имени Джона Маршалла. Семья Спигнола была недовольна выбором Люсиль, но она по-настоящему любила мужа. Да и никто не мог отказать братьям Джанна.

Приглашения на свадьбу были похожи на рекламу в газетах: «Приходите все».

На свадебном торжестве присутствовало около трех тысяч

человек. Свадебный торт высотой в двенадцать футов весил тонну, сверху стояли фигурки новобрачных. На глазури была надпись «Дом, милый дом». Молодожены временно поселились в гостинице Belmont на улице Шеридан, северо-западнее Золотой Косы.

Счастливый брак не смягчил нрав Анджело и не уменьшил жадность братьев, а у Капоне возникли проблемы. После расстрела Торрио северяне не предпринимали никаких шагов, но ситуация оставалась неопределенной. Как Капоне бороться с союзниками, когда вспыхнет пожар, если за их спинами стоят Джанна? Он был должен обезвредить братьев, одновременно не теряя сил и избегая истощения – непременного следствия открытых войн.

В ночь на 10 апреля 1925 года произошло событие, определившее дальнейшую стратегию. Джанна даже не насторожились.

В предыдущий понедельник мэр Девер организовал облаву на «роскошные меблированные номера доктора Брауна» по адресу Сауз-Мичиган, 2146. Опереция была настолько засекречена, что планы остались неизвестными шпионам Капоне, а лидер рейда, детектив-сержант Эдвард Бирмингем, отказался от $5000, предложенных Джеком Гузиком за информацию.

Участники облавы изъяли все записи заведения, но полицейское руководство и молодой помощник прокурора штата Билл МакСвиггин решили, что незаконно публиковать имена клиентов или данные о бизнесе. В четверг муниципальный судья Ховард Хейс обязал конфисковать списки, но адвокаты Капоне заявили, что они изъяты без предъявления ордера, следовательно – неконституционно. Федеральный прокурор Эдвин А. Олсон немедленно сообщил судье Хейсу, что правительство хочет изучить все материалы, поэтому, в случае необходимости, списки будут конфискованы по федеральному ордеру.

На следующий день, не сообщив ничего федералам, судья Хейс тихо провел слушание дела на местном уровне. Услышав об этом, Олсон взорвался, публично назвав действия Хейса по меньшей мере «особенными», а прокурор штата отказался согласиться с мнением муниципального судьи.

Вечером полицейские заметили Капоне в машине на Рузвельт-Роуд. Он не совершал никаких противоправных действий, но, поскольку мэр Девер и шеф Коллинз требовали оперативных действий, Капоне и спутников задержали на основании того, что в машине нашли два револьвера. Одним из спутников Капоне был Джон Скализ – на нем лежала половина всех убийств по заказам Джанна. Капоне вел с ним законный

бизнес, поэтому у братьев не возникало подозрений. Капоне уже тогда прикармливал лучших убийц Джанна.

Утром 25 мая 1925 года Анджело Джанна сел в родстер ценой $6000 долларов, имея $11 000 в кармане с намерением купить дом в Оук-парке – пригороде, где жил Эрнест Хемингуэй. Анджело проехал небольшой участок улицы Огден, когда его попытался подрезать закрытый седан, в котором было четыре человека.

Раздались выстрелы, и Анджело, нажав на педаль газа, выхватил из поясной кобуры один из двух револьверов, с которыми никогда не расставался, и принялся отстреливаться через окно на скорости более шестидесяти миль в час.

Более мощный седан догнал родстер. Анджело, с оглушительным визгом шин, повернул под острым углом на улицу, пересекающуюся с улицей Огден. Он не справился с управлением и врезался в фонарный столб недалеко от улицы Хадсон.

Анджело сидел, ошеломленный ударом, рядом на сиденье лежал полностью разряженный револьвер. Из подъехавшего седана снова прозвучали выстрелы. Одна из пуль попала Анджело в позвоночник. Его нашли в полубессознательном состоянии, держащего в руке второй револьвер.

Он прожил еще достаточно долго – по крайней мере, чтобы пожать плечами, когда детектив в больнице спросил, кто это сделал, и назвать примчавшуюся Люсиль возлюбленной. Анджело умер до прихода брата Сэма, жаждущего выяснить личности стрелявших.

Не ссылаясь на источники, полиция заявила, что трое из замеченных в седане, были Хейми Вайс, Джордж Моран и Винсент Друччи. Однако, полиция только предположила, что северяне убили Анджело в отместку за смерть О'Бэниона. На самом деле убийцы, вероятнее всего, работали на Капоне.

Братья Джанна поверили полицейской версии. Они с грандиозным размахом проводили Анджело в последний путь в гробу, который был на $1000 дороже, чем гроб О'Бэниона. Похоронная процессия парализовала движение транспорта. Она двигалась до неосвященной части кладбища Всемилостивой Богородицы Кармель. Главным элементом был обвешенный крепом родстер Анджело, продырявленный множеством пуль. Газета Tribune назвала похороны «красноречивой метафорой жизни города».

Следующим шагом стало объявление войны северянам.

Ранним субботним утром 13 июня 1925 года, через восемнадцать дней после смерти Анджело, пять членов банды

Джанна, в том числе брат Майк, а также Скализ и Ансельми затаились в переулке рядом с улицами Сэнгамон и Конгресс, недалеко от северной границы Маленькой Италии. Они устроили засаду на бандитов из North Side. Когда Джордж Моран и Винсент Друччи медленно проезжали мимо, восточнее, по улице Конгресс, стрелки братьев Джанна расстреляли их Hupmobile из автоматов.

Обоим удалось остаться в живых, однако автомобиль пришлось оставить. Позже Моран заявил в полиции, что машину угнали.

Нападавшие не знали, что жертвы лишь временно вышли из строя. Час спустя, около девяти тридцати, Майк Джанна, Скализ, Ансельми и неизвестный водитель следовали на юг по Вестерн-авеню. Случайно на углу 47-й, примерно в четырех милях к юго-западу от засады, проезжали детективы, следуя на северо-запад. Начальник группы Майкл Дж. Конвей узнал Майка Джанна и приказал водителю, Гарольду Ф. Олсону, следовать за машиной. Возможно, полицейские хотели застать братьев Джанна за бутлегерством или каким-нибудь другим преступным занятием.

Большой седан детективов развернулся, это привлекло внимание гангстеров, и водитель Джанна резко нажал на газ.

Через мгновение пешеходы увидели две машины, мчащиеся на юг со скоростью более семидесяти миль в час в классической погоне. Полицейский автомобиль отчаянно сигналил.

На углу 60-й улицы на перекресток выехал грузовик. Водитель братьев Джанна затормозил, чтобы избежать столкновения. Машину занесло на тротуар, правое заднее крыло ударилось о фонарный столб.

Машина детективов встала под прямым углом к машине Джанна, поэтому, выскочив наружу, гангстеры были прикрыты собственным автомобилем.

Свидетели не были единодушны, кто первый открыл огонь. Скорее всего, гангстеры. В их автомобиль попала только одна пуля, а машина детективов превратилась в решето: в ней оказалось более семидесяти пробоин. Водитель Гарольд Олсон не успел выбраться из машины, нога только коснулась подножки, когда его убили. Смертельно раненный офицер Чарльз Б. Уолш упал немного дальше. Конвей и Уильям Суини успели выхватить оружие и открыть ответный огонь. Еще один выстрел пробил грудную клетку Конвея. Ранение было тяжелым, но он выжил.

Аль Капоне выходит из Федерального суда в Чикаго со своим адвокатом Майклом Ахерном. 11 октября 1931 года.

Суини выскочил из машины и продолжил стрельбу, израсходовав все патроны, но ни разу не попав в цель, за исключением единственного отверстия, оставшегося в машине гангстеров.

Водитель Джанна убежал до начала перестрелки, а остальные побежали через открытое пространство между домами в сторону запада и выбросили ненужный дробовик.

Уцелевший Суини выхватил два револьвера партнеров и бросился следом за бандитами. Он почти догнал бандитов, когда

они добежали к концу парковки. Скализ и Ансельми исчезли между домами, а Майк Джанна развернулся к преследователю, нажал на спуск и… услышал сухой щелчок. Суини выстрелил и ранил Майка в левое бедро на восемь дюймов выше колена. Раненый гангстер поковылял между двумя домами. Суини преследовал его, не прекращая стрелять. Майк отчаянно искал укрытия.

Он увидел окно подвала, разбил бесполезным дробовиком и нырнул вниз, когда Суини выбежал из-за угла.

Пока Суини переводил дыхание, к нему подбежали двое полицейских, один проезжал мимо, другой увидел происходящее из окна своего дома. Они выбили дверь подвала. Майк лежал на полу, целясь из пистолета калибра 38. Он выстрелил, промахнулся и тяжело откинулся назад. Офицеры забежали внутрь и увидели кровь, фонтаном бьющую из единственной раны Майка: пуля порвала артерию.

Прежде чем умереть, тридцатилетний Майк Джанна нанес слабый удар врачу, пытающемуся оказать помощь, и прорычал: «Подавись, сукин сын!»

Скализу и Ансельми удалось убежать. Через несколько кварталов они зашли в магазин купить новые шляпы вместо потерянных при бегстве – ходить с непокрытой головой считалось неприличным. Владельцу магазина не понравился вид и состояние, поэтому оба гангстера быстро ретировались. Запаниковав, они снова повернули на запад. Полицейские, проезжавшие мимо в патрульной машине, слышали стрельбу и, увидев двух запыхавшихся мужчин с растрепанными волосами, садящихся в трамвай, задержали уже безоружных боевиков. К тому моменту слух о двух погибших полицейских успел разлететься вокруг. Скализ и Ансельми вернулись в штаб-квартиру сильно избитые, потому что «оказали сопротивление при аресте».

Это единственное наказание, которое они понесли.

Позже некий итальянец из числа «информированных» рассказал полиции, что на самом деле Майка Джанна можно было считать покойником вне зависимости от произошедшего. Капоне закончил «ухаживание» за Скализом и Ансельми, и гангстеры воспользовались ситуацией, уходя от погони на юг, когда их заметили детективы. Журналист, предположивший участие в деле Капоне, заметил, что оружие, используемое при убийстве Анджело, было нехарактерно для северян (использование Вайсом дробовика при нападении на Торрио можно считать исключением).

Следующим на очереди был Энтони Джанна. 8 июля 1925

года Джентльмену Тони позвонил человек, с которым он был знаком достаточно близко, чтобы встретиться в 10.30 возле продуктового магазина Чарльза и Вито Кутайя на улице Гранд. При встрече он крепко пожал руку Тони, как в последний раз жали руку О'Бэниону. Двое стрелков подошли сзади и сделали пять выстрелов в спину Тони.

Он продержался в больнице до четырех часов дня. По настоянию брата Сэма и любовницы Глэдис Багвелл, Тони трижды выдохнул слово, которое так и осталось непонятным полицейским. Они начали искать непонятного боевика по кличке Кавалеро.

Тони имел в виду Il Cavaliere – бывшего учителя математики Джозефа Нерона (псевдоним Энтони Спано). Он бежал в Чикаго из Сицилии примерно в 1921 году. Джанна были обязаны большей части успехов его финансовой хватке, за что Нерон потребовал процент. Жадные братья отказались и держали Нерона на скудной зарплате, $50 в неделю. Рассерженный математик порвал с Джанна и переметнулся к двоюродному брату, занимавшемуся бутлегерством в южном пригороде Чикаго.

Участие Нерона в деле Тони доказывает, что именно Капоне заказал все убийства братьев Джанна. Связь очевидна. Нерон и его двоюродный брат процветали на чикагских высотах, которые давно были частью пригородного проекта Торрио-Капоне.

Информаторы утверждали, Тони стал следующей жертвой только потому, что Джим, лидер Джанна, находился на Сицилии.

Перечень жертв был логичен: сначала следовало убрать силы возможного возмездия, устранив глав силовых структур клана – Анджело и Майка, а уж затем ударить в голову – по Джиму или Тони, являющимся мозговым центром.

План сработал. Три Джанна умерли друг за другом за сорок два дня. Эти потери подорвали мощь семьи. Сэм и Пит решили навсегда перебраться в Марсалу на Сицилию. Джим отсидел два года за ограбление ювелирной лавки. Через пять лет он вернулся в Чикаго и без особого успеха занялся импортом сыра и оливкового масла.

Устранение братьев Джанна не решило проблему Капоне с остатками банды. Эта проблема носила имя Сальваторе Амматуна по прозвищу Самуццо (затем Самутс). Современник сказал, что Самутс «носил на душе шелковые перчатки». Когда-то он был профессиональным музыкантом, довольно успешным скрипачом. Самутс был главным соперником Баньки Джона Кофлина в вопросах стиля и моды.

Когда прачечная вернула шелковую рубашку со следами утюга, он достал револьвер и попытался пристрелить лошадь

доставщика. На пике музыкальной карьеры его с тремя подельниками арестовали за попытку убийства из дробовика бизнес-агента профсоюза.

Добившись успеха, Самутс поклялся, что больше никогда не будет носить оружие.

Самутс утверждал, оружие не нужно для ведения бизнеса в кафе Citro's, которым владел вместе с Джоном Скализом. Он занимал не последнее место в банде Джанна.

Амматуна с дерзостью предался мечтаниям о восстановлении организации, когда она пришла в упадок.

Контроль над Маленькой Италией проще всего было установить через Unione Siciliana. Проявив хитрость, он нанял владельца салуна Эдуарда Сиона и независимого бутлегера Авраама Гольдштейна по прозвищу Бамми (оба – опытные боевики), с которыми и вломился в штаб-квартиру Unione, где объявил себя преемником Анджело Джанна.

В планы Капоне не входило убирать Джанна ради выгоды Амматуны. Он освободил место президента сицилианского союза для Тони Ломбардо. Амматуна опередил, но Капоне не собирался это просто так оставить.

Осенью 1925 года Скализ и Ансельми предстали перед судом за убийство офицеров Олсона и Уолша. В июне Самутс выделил из фонда Союза $100 000, чтобы нанять адвокатов Майка Ахерна, Томаса Д. Нэша, и Патрика Дж. О'Доннелла, человека старой закалки, умеющего влиять на умы присяжных подсказками, в том числе и за стаканчиком спиртного.

Обвинение, выдвинутое прокурором штата Кроу, казалось, не должно иметь каких-либо сложностей. Защита не оспаривала участия Скализа и Ансельми в перестрелке, но это было не убийство (в худшем случае – непредумышленное убийство), а самооборона. Как писал один журналист за три месяца до суда, даже полиция признала: эта пара «ни на минуту не сомневалась, что сражается не с полицейскими; они думали, что подверглись нападению банды Дина О'Бэниона». Действительно, детективы находились в машине самого гангстерского типа, без признаков принадлежности к полиции. Однажды Фрэнк Капоне совершил ту же оплошность. Вскоре полиция признала ошибку и заказала в Детройте партию желтых Cadillac для детективов.

Защитник Ахерн обстоятельно изложил позицию: «Если полицейский задержит вас даже на мгновение против воли и вы убьете его, – сказал адвокат, – вы виновны не в убийстве, а только в непредумышленном убийстве. Если полицейский использует оружие, можете убить его в порядке самообороны – и ничем не нарушите закон». Боб Кроу и пресса подняли шум, увидев в этом

заявлении призыв убивать полицейских. Безусловно, неправомерный арест не дает лицензию на убийство, но принцип, сформулированный Ахерном, был абсолютно верным.

Однако, когда присяжные спросили, могут ли пересмотреть вердикт о непредумышленном убийстве, судья отказал. Какое-то время присяжные не могли прийти к единому мнению: восемь считали, что подсудимые виновны в убийстве, трое – что они виновны в непредумышленном убийстве, один голосовал за невиновность. Наконец, в три часа ночи 12 ноября 1925 года присяжные пришли к компромиссу, вынеся вердикт, что Скализ и Ансельми виновны в непредумышленном убийстве Олсона. Обвиняемые получили по четырнадцать лет лишения свободы.

Судебный процесс по убийству офицера Уолша начался 10 февраля. На этот раз Кроу переложил предъявление обвинения на первого помощника Джорджа Е. Гормана и Билла МакСвиггина. Горман сделал интересное заявление. «Здесь не может быть середины, – сказал он присяжным. – Либо вердикт о повешении, либо оправдание на основании, что убийство совершено в целях самозащиты». Вряд ли Горман хорошо подумал. Учитывая первый приговор, присяжные пришли к заключению, что подсудимые невиновны в убийстве офицера Уолша.

Двое убийц обменялись рукопожатием со своими избавителями и с собравшимися вокруг представителями защитны. Уже после первого судебного разбирательства глухонемая мать офицера Олсона написала: «Этот вердикт – удар по правосудию». Вдова Уолша, глядя на торжественные поздравления, сказала: «Муж и его друг были убиты этими людьми, а теперь вокруг собралась целая толпа, ожидающая очереди, чтобы пожать руки. Я сдаюсь». Она не видела сцену в судебной камере, где Скализ и Ансельми, ожидавшие возвращения в Джолиет по первому приговору за непредумышленное убийство, не скрывая радости, обнимались и ликовали.

23 декабря 1926 года Верховный суд штата Иллинойс пересмотрел дело об убийстве Олсона, считая, что если они совершили умышленное убийство, то четырнадцать лет – пародия на наказание, но если это непредумышленное убийство – наказание чрезмерное. Через месяц убийцы вышли из тюрьмы, заплатив $25 000. 9 июня 1927 года, за четыре дня до второй годовщины убийства, начались новые слушания. Через две недели присяжные решили, что Скализ и Ансельми просто защищались, как и заявляла защита, от «необоснованной полицейской агрессии». Подсудимые были оправданы. Они вышли на свободу и прожили почти два года, прежде чем Капоне убил их.

Между тем противостояние Капоне и Самутса Амматуны закончилось в 7.30 вечера 10 ноября 1925 года, через год после убийства О'Бэниона.

Амматуна зашел в парикмахерскую на Рузвельт-роуд, перед тем как отправиться вместе с невестой Роуз Пекорара и еще одной парой послушать «Аиду». Не успел он встать с кресла, когда в помещение вошли двое мужчин – один высокий, другой, наоборот, маленького роста. Сначала раздался один выстрел, затем еще четыре. Пуля попала Самутсу в шею. Второй также выстрелил четыре раза. Выскочив наружу, убийцы сели в ожидавший автомобиль. 13 ноября Амматума умер в возрасте двадцати шести лет.

Через три дня застрелили возвращающегося с похорон Амматуны Эдди Сиона. Еще через три дня кто-то украл дробовик из полицейской машины и убил Бамми Голдштейна, еще одного организатора кампании Самутса в деле руководства Unione Siciliana.

Хотя никому не были предъявлены официальные обвинения, некий журналист утверждал, что в убийстве Амматуны замешаны Джим Доэрти (лучший боевик Клондайка О'Доннелла) и Винсент Друччи (верный друг О'Бэниона). Это было маловероятно. Ходили слухи, что одиннадцать дней назад люди Амматуны угнали у Клондайка грузовик с контрабандной выпивкой. Свидетели из парикмахерской согласились, что боевики были смуглыми, что могло кое-как соответствовать описанию Друччи. Зачем О'Доннеллу или бывшим людям О'Бэниона убивать Сиона и Голдштейна, не имевших никакого отношения к угону?

С другой стороны, Капоне наверняка был заинтересован, чтобы Сион и Голдштейн были убраны с дороги вместе с патроном. На этот раз президентом Unione Siciliana должен стать Тони Ломбардо. Только Капоне выиграл от этих трех убийств: он ставил своего человека в Союзе и добирался до сказочно прибыльной кухни братьев Джанна.

Племянник Амматуны сказал историку Биллу Бальзамо, что семья знала: именно Капоне заказал убийство дяди.

Безусловно, эти убийства не могли помочь Капоне восстановить синдикат, основанный Торррио. В октябре 1925 года, после устранения Джанна, но перед убийством Амматуны истек срок пребывания Торрио за решеткой. Три автомобиля с вооруженными гангстерами во главе с Капоне вывезли его из Чикаго, чтобы посадить в поезд, следующий на восток в Гэри, штат Индиана. Торрио уехал из Чикаго навсегда.

Глава 13
Раскол

Беспорядки, продолжающиеся в течение 1925 года, резко сократили прибыль.

Меньший ущерб был нанесен действиями юридического и гражданского характера. Незадолго до расстрела Торрио Ювенальная защитная ассоциация[96] подтолкнула судью приказать шерифу Питеру Хоффману заблокировать пригородный Harlem Inn – главный бордель в империи Капоне. Под благосклонным глазом Хоффмана бордель снова тайно заработал, ибо закрытие перекрыло денежный поток. Однако правовое давление придало силы тлеющему духу бдительности регионального отдела Министерства общественного порядка и защиты граждан. Очередной налет на Harlem Inn снова привел к закрытию. К маю правовые органы лихорадило настолько сильно, что они были готовы атаковать даже Сисеро.

Более серьезный урон в 1925 году произошел из-за бандитских войн по всему городу. Никто не занимался делом: гангстеры целый год стреляли друг в друга. В апреле 1925 года количество убийств установило новый рекорд; к октябрю в округе Кук в среднем совершалось по одному убийству в день. Безусловно, не все относились к гангстерским, но именно они, как показывает статистика, составляли подавляющее большинство. Процесс разрушения, замешанный на смеси жадности и собственном эго, в свое время погубивший О'Бэниона, шел полным ходом.

Деградация прогрессировала, все строили козни друг другу.

Капоне решал, кого нужно переманить, кого устранять, что проигнорировать, пока не наберется достаточно сил. Некогда единая Южная часть Чикаго стала такой же бойней, какой были Север и Маленькая Италия.

Спайк О'Доннелл снова поставил определенные цели, но выглядело это как-то нерешительно. Капоне говорил провинившимся коллегам: «Не суй нос, куда не следует».

Спайк, потрясенный убийствами 1923–1924 годов, не совал нос никуда.

Теперь он пытался перейти в наступление и нанял известного боевика из Нью-Джерси Генри Х. Хасмиллера. Никто не трогал Спайка зимой и весной 1925 года. Бандиты Салтиса и Шелдона предпочитали стрелять друг в друга.

Война шла полным ходом. В июне Капоне занялся Джанна, а

люди Шелдона убили Хасмиллера и Уолтера О'Доннелла. 25 сентября, когда Капоне обратил внимание на Амматуну, МакЭрлайн предпринял первую из десяти попыток убить Спайка О'Доннелла; на следующий день Спайк попытался убить Уолтера Стивенса, наставника Ральфа Шелдона. 4 октября Фрэнк МакЭрлейн расстрелял клуб Ragen's Colts и убил двух людей Шелдона.

В середине октября (когда Джон Торрио покинул Чикаго) МакЭрлайн снова попытался застрелить Спайка О'Доннелла, но промахнулся и ранил его брата Тома. Месяц спустя два пулевых ранения уложили Джо Салтиса в больницу. Спустя десять дней боевики атаковали салун МакКина, где часто проводили время Салтис и МакЭрлейн, в результате перестрелки погибли три человека. На следующей неделе, 2 декабря 1925 года, четырнадцать пуль продырявили машину Ральфа Шелдона; еще через два дня двумя выстрелами был убит Дэнни Стэнтон, возможный преемник Шелдона.

За исключением случаев, когда планированием убийств занимались Торрио и Капоне, лидеры банд, как правило, оказывались не убитыми, а ранеными (если в них вообще попадали). Бандитские главари редко появлялись без охраны, подобраться к ним на близкое расстояние было крайне сложно. Предпочтительный стиль серьезных убийств предусматривал неторопливость и дальность выстрела не более чем от переднего сиденья автомобиля до заднего. Жертва должна быть безоружной, без охраны и схвачена прямо на улице. Телохранитель Капоне, Филлип Д'Андреа, мог, по слухам, попасть в четвертак, подброшенный в воздух, но большинство бандитов Чикаго были паршивыми стрелками: дети городских трущоб не привыкли к огнестрельному оружию. Нью-йоркские боевики практиковались в Кони-Айленде и бродвейских тирах, люди Капоне делали это в подвалах разных штаб-квартир. Убийство Самутса Амматуны было типичным: из восьми выстрелов внутри парикмахерской только один достиг цели, причем случайно, никто не целился в шею. Широкое использование итальянцами дробовиков указывало, что банды действительно не умели хорошо стрелять.

Фрэнк МакЭрлайн впервые в истории Чикаго применил пистолет-пулемет во время покушения на Спайка О'Доннелла. Вскоре это оружие вытеснит дробовик. МакЭрлайн подстерег О'Доннелла на улице, когда тот беседовал с газетчиком перед аптекой в Сауз-Сайде. Рядом остановился седан, и кто-то сказал: «Привет, Спайк!» Это была тактическая ошибка, О'Доннелл успел повернуться и, схватив мальчишку-газетчика, рухнуть на тротуар, а стекло витрины разлетелось на мелкие осколки.

Оружие было необычным, и полиции пришлось изрядно поломать голову над случившимся.

Они обнаружили «аккуратную линию пулевых отверстий под окном аптеки, примерно в футе от тротуара», – писал репортер. Полиция даже предположила, что эти дыры были сделаны «какой-то винтовкомашиной». Другой репортер пошел еще дальше, предположив, что был произведен единый залп целой расстрельной командой.

Подобные выводы были сделаны по незнанию.

Уволившись из армии в 1914 году, Джон Т. Томпсон стал работать в корпорации Remington Arms. Размышляя об окопной тактике боя, распространенной в годы Первой мировой войны, Томпсон решил создать оружие, которое дало бы возможность атакующей пехоте противостоять беспощадному огню стационарных пулеметов.

Для создания такого оружия Томпсон основал летом 1916 года компанию Auto-Ordnance.

Любой пулемет работает, используя силу отдачи одного выстрела, которая снова взводит пружину, при этом отработанная гильза выбрасывается и освобождается место для следующего патрона. Стрельба продолжается, пока стрелок давит на спусковой крючок. Томпсон обнаружил револьверные патроны калибра 45, самые тяжелые, которыми можно вести непрерывную быструю стрельбу портативным пистолетом-пулеметом, без невозможной в процессе стрельбы смазки. Пуля калибра 45 наносила огромный удар, а пистолет-пулемет, относительно небольшого веса, позволял стрелку провести много выстрелов. Пистолет-пулемет Томпсона был похож на немецкий Maschinenpistole, созданный на базе итальянского Fiat-Revelli Modello 1914.

Томпсон назвал изобретение траншейной метлой. Мир наступил прежде, чем компания смогла отправить свои метлы на фронт. Пистолет Томми не применялся в Первой мировой войне, не приобрел известности, и послевоенное признание было крайне медленным. В 1923 году Auto-Ordnance снизила цену с $225 до $175 долларов за единицу пистолета Томми. К 1925 году было продано около трех тысяч единиц, причем уровень продаж снизился.

В мирное время оружие игнорировалось. В разобранном виде пистолет-пулемет весил восемь с половиной фунтов; в полной комплектации, с прикладом и барабанным магазином на сто патронов, вес возрастал до двадцати фунтов.

Скорострельность пистолета Томми составляла одну тысячу выстрелов в минуту, пуля пробивала четвертьдюймовую стальную

пластину; пистолет-пулемет мог остановить движущийся автомобиль. Пистолет-пулемет можно было купить через фирму спортивных товаров, в хозяйственном магазине или заказать по почте. Разрешение на владение и ношение не требовалось.

Пистолеты-пулеметы Томпсона получили широкое распространение на всех фронтах Второй мировой. Благодаря своим высоким служебно-эксплуатационным свойствам он снискал популярность среди рейнджеров, десантников и в военной разведке. В период с 1940 по 1944 год было произведено 1 387 134 пистолета-пулемета Томпсона всех моделей.

Использование МакЭрлайном Пистолета Томми, пусть он и промахнулся по Спайку 25 сентября, ознаменовало новую эпоху в чикагской войне. 4 октября, когда МакЭрлайн расстрелял клуб Ragen's Colts Рэйджена, полиция поняла, в чем дело.

На арену боевых действий вышел Пистолет Томми.

Несмотря на неприятности и явные попытки отобрать бизнес в Сисеро со стороны Клондайка О'Доннелла, Капоне провел Рождество в Нью-Йорке, где оказался в центре сразу нескольких убийств.

Сын Капоне, семилетний Сонни, подхватил опасную для жизни мастоидную инфекцию. Капоне отвез Сонни в Манхэттенскую клинику доктора Ллойда на Сент-Николас Плейс и предложил $100 000 за спасение мальчика. Врач назначил обычную плату в размере $1000 долларов и провел операцию, которая спасла жизнь, но оставила Сонни частично глухим.

После операции Капоне с женой отправились домой, отдохнуть и прийти в себя.

Позже Капоне вспоминал: «Друг пригласил пропустить пару рюмок в его заведении, расположенном неподалеку. Жена поддержала предложение, считая, что это пойдет мне на пользу. Не успела закрыться дверь, как следом забежали шесть человек и открыли пальбу. В результате перестрелки двое были убиты, а один из моих товарищей ранен в ногу. Рождественские каникулы я провел за решеткой».

На самом деле нью-йоркская бойня началась в конце 1923 года, когда люди Фрэнка Йеля нашли смертельно пьяного Билла Ловетта и убили. Власть перешла к шурину Ловетта Ричарду Лонергану. Его называли Пеглегом[97] (разумеется, за глаза), потому что в детстве Ричард попал в аварию и остался без левой ноги. Лонерган сразу объявил тотальную войну Йелю. За два года было совершено множество убийств, у Лонергана почти не осталось людей, но он продолжал упорствовать. Так или иначе, Йель решил покончить с конкурентом навсегда.

Йель получил возможность осуществить задуманное в начале

декабря 1925 года, когда член банды White Hand, Эдди Линч, позвонил, чтобы назначить встречу.

В это время Линч и Лонерган перестали общаться.

Конфликт произошел из-за девушки и обвинения Лонергана, что Линч ведет себя как крыса.

Ранее Лонерган отправил Линча и Аарона Хармса (двух последних компетентных убийц) разобраться с Джеймсом ДеАмато, известным, как Джимми Файкс (или просто Файси) – старым другом Аль Капоне, который остался в Бруклине и сильно мешал банде.

Линч и Хармс выследили, когда ДеАмато дойдет до подходящей пустынной боковой улицы в воскресенье вечером. Убийцы вели себя скрытно, но ДеАмато заметил их и побежал за угол в сторону многолюдной Фултон-стрит. Линч сказал Хармсу, что нет смысла догонять ДеАмато, вокруг слишком много людей, однако Хармс, выхватив револьвер, продолжил погоню в одиночку. Хармс выстрелил, но пистолет заклинило, и ДеАмато жестоко избил его. Лонерган счел это позором и обвинил Линча в трусости.

Линч понял, что корабль идет ко дну, и предложил услуги Йелю. Лонерган решил в рождественскую ночь ворваться в клуб «Адонис», где Йель проводил ежегодний мальчишник с членами банды Black Hand.

План подчеркивал отчаяние Лоннергана.

Он смог собрать только пять хороших бойцов, из которых наиболее опытными были Аарон Хармс и Корнелиус Ферри по кличке Игла. Трое остальных, Патрик Мэлоуни, Джозеф Говард и Джеймс Харт, были простыми водителями грузовиков банды, случайно получившими боевой статус. Лонерган рассчитывал на эффект неожиданности. Устранив парней Йеля, возможно, и самого Фрэнка, ситуацию можно было бы исправить.

Йель мог обратиться к Капоне в память об оказанных услугах, а рождественский визит Аля и болезнь сына просто совпали. Лонерган, конечно, слышал имя Капоне, но нью-йоркские газеты не публиковали фотографии Аля. Он оставался таинственным гением.

Клуб «Адонис» располагался на первом этаже многоквартирного дома.

Капоне последовав совету Эдди Линча, приехал после полуночи. С ним было несколько человек.

Лонерган с боевиками появились в четвертом часу ночи и проследовали в заднюю часть помещения.

План Капоне-Йеля был рассчитан, чтобы застать людей Лонергана врасплох.

Посетители клуба были неизвестны как Лонергану, так и Капоне. Присутствующие ирландцы были сотрудниками Адониса, включая певицу Хелен Логан и разносчицу сигарет Эльвиру Каллахан. За столами сидели незнакомые итальянцы. Йеля и других членов банды не было, однако компания Лонергана оставалась на месте, оживленно переговариваясь. Возможно, окружающим было неприятно слышать громкие разговоры о Dagos, Wops, Guineas, Ginzos[98] и другие национальные комментарии.

Джон Stick-em up Стейбайл (Бей палкой) вошел в клуб под руку со своей пассией Мэй Уилсон. Девушка была рыжеволосой, возможно – ирландкой. Ее муж Эд отбывал наказание в тюрьме Элмиры.

Смуглость Стейбайла выдавала в нем итальянца.

Взглянув на вошедших, Лонерган громко сказал девушке придерживаться белых мужчин. Возможно, даже поинтересовался мнением Капоне. Позднее выживший во вскоре разразившемся хаосе рассказывал, что Лонерган успел сказать пару слов кому-то из влиятельных лиц, сидевших за столом.

Через несколько минут брат Фьюри Агольи, Сильвестр, по кивку Капоне подошел к Аарону Хармсу и ударил по голове тесаком для разделки мяса.

Это было сигналом. В зале погас свет, и только люди Лонергана, на которых падал свет из соседнего помещения, остались на виду.

В действие вступили силы Капоне. Когда началась стрельба, Мэй Уилсон зажала уши и визжала, пока все не закончилось; бармен Энтони Дессо слышал лишь визг Уилсон, крики раненых и топот ног пытавшихся добраться до входной двери; водители из банды White Hand, Счастливчик Мэлони и Рэгтайм Говард, предпочли не вмешиваться.

Первым, сраженный двумя выстрелами, рухнул Лонерган, причем прибывшая полиция обнаружила его с зубочисткой во рту. Аарону Хармсу удалось выскочить наружу, несмотря на рану в голове, полученную от Сильвестра, но пули настигли его за пределами клуба. Джеймсу Харту повезло больше: одна задела руку, вторая попала в бедро. Тем не менее он выбрался наружу и был найден полицейским, ползающим по Флэшинг-авеню на коленях.

В 3.35 патрульный Ричард Морано наткнулся на тело Хармса на 20-й улице. Двери в «Адонис» остались распахнутыми, внутри валялись перевернутые столы и стулья. Кровавые пятна были повсюду. В углу зала полиция нашла два револьвера калибра 38, еще один был в кобуре Лонергана. Оружие Иглы Ферри тоже

осталось в кармане, полностью заряженное. План сработал идеально.

Полиция арестовала троих сбежавших членов банды White Hand и семь безобидных сотрудников клуба. Среди задержанных, как писала бруклинская Eagle, был «Альфонсо Капоне, клубный вышибала и предполагаемый бывший чикагский боевик». Капоне еще не удалось добиться внимания прессы за пределами штата Иллинойс. The New York Times, следом за Tribune, по старой памяти упоминала его фамилию в изворотливой форме Капони, а журнал Times назвал клубным швейцаром.

Для защиты Капоне и его людей Йель нанял Самюэля Либовица, крупнейшего адвоката Нью-Йорка, впоследствии судьей, прославившимся вынесением смертных приговоров. Никто не научил бы свидетелей отвечать лучше. Анна Ловетт, вдова Билла и сестра Лонергана заявили, что погибшие родственники – настоящие ирландцы и никогда бы не стали устраивать убийства, тем более в Рождество. Объявившийся Харт утверждал, что вообще не был в «Адонисе», а ранения получил из проезжавшего мимо автомобиля. Семья, проживающая на верхнем этаже здания, где располагался «Адонис», тоже ничего не слышала. В результате заговора молчания свидетелей все арестованные вышли под залог, а обвинения вскоре были сняты из-за отсутствия доказательств. Банда White Hand исчезла; Капоне мог спокойно возвращаться в Чикаго.

Между тем Сауз-Сайд продолжали раздирать противоречия. В воскресенье, 24 января 1926 года, Роберт Л. МакКалоу был убит тремя выстрелами. 2 февраля в воздух взлетел пустой автомобиль Ральфа Шелдона (возможно, бомба взорвалась преждевременно). Неделю спустя боевики Фрэнка МакЭрлайна ранили одного из подручных Шелдона Джона Фоули по прозвищу Миттерс (причина прозвища затерялась в истории) и Уильяма Уилсона. После нападения капитан полиции Джон Стидж сказал, что хотел бы вооружить пистолетами Томми своих ребят.

Капоне был впечатлен не меньше.

Он дал задание Чарльзу Карру, бывшему управляющему Four Deuces, купить пистолеты-пулеметы Томпсона. Карр с напарником представились дилеру Алексу Коречеку банковскими курьерами, которым требуется оружие для защиты. Коречек продал один автомат вместе с диском на сто патронов за $210. Вскоре курьеры вернулись и заказали еще два, но Коречек, что-то заподозрив, отказался. Карру выразил просьбу в более решительной форме, пообещав пристрелить на месте. Все сомнения остались позади, и Коречек устроил доставку.

Капоне пришлось набирать сторонников среди банд Сауз-

Сайда. Он ненавидел это, но выбор всегда делал самостоятельно. О Спайке О'Доннелле не могло идти и речи; Фрэнк МакЭрлайн казался патологически больным, а его партнер Джо Салтис ненадежен (их главного помощника Джона Оберта с детства прозвали Дингбатом[99] после выхода комикса). Только Ральф Шелдон был образцом стабильности и с радостью принял Торрио и Капоне в качестве поставщиков и союзников.

Капоне не прерывал отношений с Салтисом и МакЭрлайном. Банды Сауз-Сайда не покушались на его территории, и люди Капоне не нарушали границ влияния. Капоне был готов жертвовать некоторыми свободами. Когда Боб МакКалоу, один из самых эффективных боевиков Капоне, получил три пулевых ранения (ни одно из них не было смертельным), забравшись на чужую территорию, Капоне не искал возмездия. 15 апреля 1926 года в седане, припаркованном практически у порога штаб-квартиры Шелдона, были обнаружены тела Фрэнка Де Лаурентиса и Джона Тучелло. Оказалось, они продавали алкоголь на территории Салтиса-МакЭрлайна в интересах Шелдона (на самом деле осуществляли небольшие поставки в интересах Капоне, оказывающего помощь надежному клиенту). Капоне снес даже это. У него было много интересов в других частях чикагских джунглей.

Глава 14
Кто и почему убил МакСвиггина

Убийства, всколыхнувшие Маленькую Италию зимой 1926 года, не имели отношения ни к Капоне, ни к убийству помощника прокурора штата Билла МакСвиггина. Клондайк О'Доннелл решил, что может безнаказанно влиять на бизнес Капоне в Сисеро. Подобная глупость побудила Капоне к решительным действиям, которые ударили по бизнесу и репутации.

В Маленькой Италии разгорелся скандал вокруг повторного сбора средств в фонд защиты Скализа и Ансельми, обвиняемых в убийстве офицера Уолша. В первый раз Амматуна отправил собирать деньги сорокачетырехлетнего Орацио Тропеа по прозвищу Плеть. Его ненавидели и боялись. У него было смуглое ястребиное лицо с изможденными чертами. Поговаривали, Орацио обладает дурным глазом.

После смерти Амматуны Орацио объявил себя главой второго фонда, намереваясь присвоить большую часть. Отказ принять участие стоил жизни многим «добровольным» пожертвователям. Все началось с убийства Генри Спигнолы (шурина Анджело Джанна) 10 января 1926 года; затем пришел черед производителей пасты братьев Моричи – Агостино и Антонио. Темпы пополнения фонда резко увеличились, но выросли отчаяние и гнев жителей Малой Италии.

Ночью 15 февраля из машины открыли стрельбу по Орацио Тропеа. Пуля, выпущенная из дробовика, попала в голову. Шесть дней спустя один из коллекторов Орацио, Вито Басконе, получил пулю в лоб. Через два дня тело Экола Бальделли нашли на мусорной куче. Филипп Гнольфо, один из участников убийства Генри Спигнолы, исчез после неудачной попытки покушения.

Вернувшись из Бруклина, Капоне увидел, что Маленькая Италия разваливается на части. Понимая, что Капоне не может навести порядок на собственном заднем дворе, не говоря о хаосе, творящемся на Сауз-Сайде, Клондайк О'Доннелл решил войти в чужой бизнес.

Одной из самых нелепых является история, как Аль отправился убивать из-за высказываний Клондайка, что пиво О'Доннеллов лучше, чем пойло Капоне. Эта история выставляет Капоне как безмозглого кабана, крушащего все вокруг из-за уязвленного самолюбия.

Один из поставщиков пива рассказывал, что примерно за полтора часа до убийств видел Капоне во взволнованном

состоянии, с братом Ральфом и другими боевиками в ресторане Сисеро. По его словам, Капоне выхватил автомат из секретной панели в стене, остальные вооружились револьверами и вместе покинули ресторан.

Убийства, совершенные той ночью, были очередным сражением в войне, бушующей несколько месяцев.

Один из крупных оптовых покупателей пива, Генри Мэдиган (Гарри), заявил, что Аль Браун принуждал покупать пиво у него. «Ранее ко мне приходили [Джим] Доэрти и Майлс О'Доннелл и предлагали пиво более высокого качества, чем пиво Брауна, которое было хорошо разбавлено… – говорил владелец бара Pony Inn в доме 5613 на улице Рузвельт. – Я и еще несколько покупателей поменяли поставщика».

На самом деле Мэдиган и его партнер Майкл Дж. Уинл работали на банду Клондайка. В результате этой кампании другие владельцы салунов стали покупать пиво у О'Доннелла (как раньше у Капоне). Джеймс Сэммонс по прозвищу Фэ Сэм был жестоким боевиком Клондайка. Он и Майлс О'Доннелл прогуливались по Сисеро, по словам одного репортера: «Хвалясь наживой, собранной с владельцев баров, которых удалось склонить перейти на пиво О'Доннеллов».

Бандиты добрались до казино Капоне, приносящего $5000.

Конечно, О'Доннелл не проник в цитадель Капоне на 22-й улице. $5000 не могли нанести серьезный ущерб; на общем фоне в $3 милиона в год, которые приносил Сисеро, это было мелочью. Но тенденция была тревожной. Распространенное заблуждение, что Капоне не может ответить на посягательства со стороны мелких противников вроде О'Доннеллов (Капоне не реагировал на нападения на Юге), вдохновляло гангстерский мир Чикаго на нездоровые мысли. Особенно Хейми Вайса, главаря банды Норд-Сайда, представляющего реальную угрозу. Некоторые считали Вайса единственным человеком, которого боялся Капоне.

Капоне пришлось воевать.

Нужно было определить главные цели. Капоне обратил внимание на двух темных лошадок, разведывающих территорию. Это были Уильям Вилли Хейни и Эдвард Ф. Мур.

Первое убийство произошло 3 апреля 1926 года. Джон Райан, боевик Шелдона, убил Уолтера Квинлана, одного из главных клиентов Клондайка О'Доннелла. Со стороны все выглядело как убийство из мести: шесть лет назад Квинлан убил отца Райана, грозного Медведя Пэдди, но полиция понимала – здесь замешан бизнес. Убийство было выгодно и для Капоне: его люди помогли Райану, выследив Квинлана.

Полиции стало известно, что Майлс О'Доннелл и Джим

Доэрти были свидетелями убийства. Их задержали в салуне Доэрти, по улице Рузвельт, 4701. При Майлсе и Джиме были бронежилеты, вскоре всплывшие в деле убийства Билла МакСвиггина. К удивлению полицейских, О'Доннелл и Доэрти назвали Райана виновником смерти Квинлана.

Убийство Квинлана косвенно устранило и другого боевика О'Доннелла. Уильям Рэгс МакКью занимался продажей пива в интересах Клондайка, причем был подотчетен Квинлану. После убийства Квинлана он быстро собрал деньги, полагая, что О'Доннеллы не заметят недостачи: большинство боевиков не относилось к числу великих мыслителей. Когда Клондайк отправил Джима Доэрти собрать деньги, владельцы салунов заявили, что уже заплатили Рэгсу. 18 апреля Доэрти и еще один громила О'Доннелла протащили МакКью по всему маршруту со связанными за спиной руками и безжизненно висящей головой. «Этому пареню вы давали деньги?» – спрашивал Доэрти у каждого, поднимая голову МакКью. Получив утвердительный ответ, следовали дальше. На следующий день полиция нашла тело Рэгса МакКью в придорожной канаве.

13 апреля 1926 года произошло некоторое перемирие. Внимание главарей было сосредоточено на избрании кандидатов из команды Боба Кроу, особенно Джозефа П. Сэвиджа, помощника прокурора штата на должность окружного судьи, контролирующего механизм выборов. У гангстеров была поддержка. Когда оппозиционный наблюдатель выступил против избиения полицейского Джимом Доэрти, человеком О'Доннелла, за дело взялся молодой помощник Кроу, Билл МакСвиггин. «Держи рот на замке, – предупредил ретивого сотрудника МакСвиггин, – или загремишь в прокуратуру». Естественно, кандидаты Кроу победили.

Через четыре дня после праймериз Билл МакСвиггин побывал у Капоне в гостинице Hawthorn.

«Если я расскажу, в чем дело, – говорил отец МакСвиггина после смерти сына, – Чикаго взорвется. Опасно говорить об этом». Энтони МакСвиггин был детективом-сержантом с тридцатилетним стажем.

Капоне подтвердил, что встреча была, но отказался комментировать подробности разговора. Он яростно отрицал причастность к убийству Билла МакСвиггина. «Конечно, я этого не делал. Зачем? Мне нравился этот парень. За день до встречи в отеле я дал бутылку виски для его старика».

Уильям Гарольд МакСвиггин, родившийся 7 февраля 1901 года, был всего лишь одним из шестидесяти девяти помощников прокурора Боба Кроу, но уже в возрасте двадцати пяти лет имел

влияние на общественное мнение. Он добился вынесения приговора по семи из одиннадцати дел об убийстве первой степени, попавших в ведомство Кроу в 1925 году.

Разумеется, ни в одном из этих дел не фигурировали алкогольные гангстеры.

МакСвиггин осудил Генри Карлика Дж. Фернекеса и его подельников за грабежи и убийства. Последним триумфом МакСвиггина стало осуждение темнокожего Раймонда Костелло, убившего шестнадцатилетнюю подружку. Газеты называли МакСвиггина Прокурором-палачом и Маленьким Маком. Коллеги называли Очкариком за роговую оправу, делавшую его похожим на сову.

МакСвиггин был холост, жил с родителями и четырьмя обожавшими его сестрами в западной части Чикаго в доме 4946 на улице Вашингтон.

После окончания школы МакСвиггин поступил в Университет Де Поля, где слыл неплохим игроком в бейсбол и занимался боксом. Во время учебы подрабатывал вышибалой в танцполе, водителем грузовика и охранником в фирме American Railway Express.

Окончив учебу, МакСвиггин читал лекции по юриспруденции в Университете Де Поля.

МакСвиггин обладал чувством юмора, слыл модником, уделяя особенное внимание щегольским шляпам.

Аль Капоне (второй слева) под стражей покидает зал суда в Чикаго. Он был осужден по обвинению в уклонении от уплаты налогов. 12 октября 1931 года.

МакСвиггин попал в команду Кроу – немалую роль сыграл диплом с отличием. Он был грамотным юристом, умелым обвинителем и выигрывал сложные процессы, не касающихся гангстерских преступлений. Берясь за самые рискованные дела, всегда старался обращаться к присяжным на понятном языке. «Средний суд присяжных, – пояснял МакСвиггин, – это жюри, состоящее из хулиганов, и я всегда старался дать понятное направление. Под словом «хулиган» я имею в виду, что в состав присяжных входят люди, которые едят ножом вместо вилки, принимают ванну раз в неделю в субботу вечером, не прочь согласиться на случайную партию в покер и костерят полицейских, не разрешающих парковаться в Чикаго Луп».

Он не чурался журналистов и чувствовал, когда следует засветиться в громких делах; допросил Капоне в деле убийства Джо Говарда; познакомился с Джоном Сбарбаро, когда представлял Кроу в деле убийства О'Бэниона и помог Скализу и Ансельми на втором процессе. Пресса не переставала говорить о нем. Когда он проиграл в деле убийства Эдди Танкла Майлсом О'Доннеллом и Джимом Доэрти, никто не вспомнил, что МакСвиггин и Доэрти дружили с детства.

К весне 1926 года МакСвиггин считался тузом в колоде Кроу.

23 апреля 1926 года к салону красоты Перл Руби в Сисеро подъехал автомобиль, из которого прогремела автоматная очередь. Сотрудник салона Симмонс был серьезно ранен, Джим Доэрти не пострадал.

27 апреля Клондайк О'Доннелл и трое помощников провели день как члены администрации Кроу, наблюдая за пересчетом бюллетеней. Около семи часов вечера они отправили Cadillac Клондайка в гараж на мелкий ремонт, а сами уехали в зеленом Lincoln Джима Доэрти. Спутниками Клондайка были Майлс О'Доннелл, Джим Доэрти и Эдвард Хэнли – бывший полицейский и боксер, а теперь водитель Майлса и Томас Ред Даффи – глава избирательного участка тридцатого округа, в котором жили О'Доннеллы, Доэрти и МакСвиггин. Ред Даффи владел парикмахерской, занимался бутлегерством и подрабатывал в казино у О'Доннеллов.

Точно неизвестно, кто находился в Lincoln, скорее всего, Майлс, Доэрти и Хэнли подхватили Даффи по дороге и высадили Клондайка у дома. Около семи тридцати Lincoln остановился перед домом МакСвиггина, и Даффи вышел.

Билл поговорил по телефону с главой избирательного участка, пообещав аннулировать штраф за несанкционированную парковку.

Отец посмотрел в окно и сказал: «Вон идет Ред Даффи». Как и Доэрти, Даффи тоже был приятелем Билла с детства. По разным версиям, Билл объявил, что едет в Бервин играть в карты; просто выходит выпить пива и повидаться с другом. Он попрощался с отцом и сел в автомобиль Доэрти. Вилли Хини узнал машину Доэрти и сообщил местоположение Капоне. Капоне отдал распоряжения. Передней машине следовало протаранить любую полицейскую машину, которая попыталась бы помешать; две боковых должны были следовать за передней, придерживаясь обочин, чтобы в любой момент заблокировать движение, как во время бегства с места убийства О'Бэниона. Капоне с тремя боевиками ехал в бронированном седане. Пятая машина прикрывала отступление, готовая при необходимости устроить аварию, чтобы пресечь погоню. Машина Капоне посигналила Доэрти и аккуратно последовала за ним, пока Lincoln не остановился около бара Pony Inn Гарри Мадигана на улице Рузвельт.

Бар Pony Inn занимал двухэтажное здание из кремового кирпича на отдельном участке с южной стороны Рузвельт-Роуд и имел две входных двери под разными адресами: 5613 и 5615. Cadillac Капоне медленно выдвинулся с восточной стороны, когда

МакСвиггин, Доэрти и Даффи выходили из машины. Позже полиция определила, что Капоне начал стрельбу из пистолета-пулемета, подавая пример своим людям. Продолжая извергать свинец, Cadillac проехал мимо Lincoln, а затем резко рванул вперед. Миссис Бах, жившая над клубом, рассказывала: «Из закрытой машины торчало что-то похожее на телефонную трубку, из которой был виден огонь».

В западную стену здания попало двадцать две пули, еще шесть расщепили растующее рядом маленькое дерево. Даффи почуял неладное, как только вышел из машины. Он попытался отползти за другое дерево, но успел получить пять пуль; Доэрти остался лежать на тротуаре, в него попало шестнадцать пуль; МакСвиггин успел приблизиться к двери 5615 и рухнул рядом. Водитель Хэнли и Майлс О'Доннелл не успели выбраться из машины, когда началась стрельба, и упали на пол салона Lincoln во время атаки.

Фрэнк Дж. Майсек, услышав шум, выбежал из квартиры через улицу и увидел, как Хэнли и Майлс затаскивают тела МакСвиггина и Доэрти в Lincoln. Возможно, они не видели Даффи или были уверены, что он мертв, – в любом случае уехали без него. Проезжающий мимо водитель доставил Даффи в Западную пригородную больницу, где тот скончался через шесть часов. В кармане полиция нашла записку с требованием о переводе не в меру ретивого полицейского сержанта на другой участок и записную книжку, в которой перечислялись подпольные бары и казино.

Майлс и Хэнли поехали к дому Клондайка, однако тот, взглянув на трупы, приказал увезти их подальше. Тела были оставлены в забрызганном кровью Lincoln в Оук-парке. В машине остались пять помятых фетровых шляп и очки МакСвиггина.

Семья устроила Биллу роскошные похороны 2 мая.

МакСвиггин имел право на воинские почести как лейтенант ROTC[100] Де Поля, а также мессу и могилу в освященной земле Маунт-Кармель.

Узнав об убийстве МакСвиггина, Боб Кроу сказал: «Шок настолько силен, что я в состоянии нервного расстройства… Мы обязательно разберемся в случившемся». Газеты задавались бесконечно повторяющимся вопросом: «Кто и почему убил МакСвиггина?»

Возник еще один вопрос: каким образом помощник прокурора оказался в одном автомобиле с известными гангстерами? Кроу заверил публику, что это была просто обычная общественная поездка. Как и ожидалось, обычную общественность такой ответ не удовлетворил. Тогда Кроу

пришлось намекнуть, что МакСвиггин пытался получить свидетельские показания у известного убийцы Мартина Даркина и даже просто исследовать криминологию. Через два дня после убийства из газет стало известно, что МакСвиггин пытался вернуть пуленепробиваемый жилет. Из пяти жилетов, обнаруженных в салуне Доэрти за несколько недель до этого, четыре были конфискованы, а пятый МакСвиггин обязался отдать владельцу. Кроу немедленно принял теорию жилета и с благодарностью передал вещественное доказательство коллегии присяжных.

Почему убили МакСвиггина? Ранние теории утверждали: те, кого он преследовал, жаждали мести – особенно Скализ и Ансельми. Возможно, МакСвиггин обзавелся смертельными врагами из-за политической деятельности. Ответ знали отец и Джон Стидж, на тот момент заместитель начальника детективного отдела. С ними был согласен Джозеф Клена, сельский председатель Сисеро, обладающий достоверной информацией из первых рук.

«Эти выстрелы не были предназначены для моего мальчика», – сказал Энтони МакСвиггин после того, как услышал об убийстве. Действительно, на улице потемнело и периодически накрапывал дождь. Капоне и его люди просто не узнали прокурора.

Вопрос, кто именно убил МакСвиггина, не составлял тайны. «Эту автоматную бойню, – заявил на следующий день капитан полиции Стидж, – устроила банда Брауна-Торрио из Сисеро». Версию активно поддержали Кроу и начальник детективов Билл Шумейкер. Шумейкер немедленно получил ордер на арест Капоне по обвинению в убийстве. Оставалось собрать доказательства.

Капоне предпочел исчезнуть. Убийство помощника прокурора, даже имеющего дружеские отношения с гангстерами, вызвало настолько сильное негодование, что Капоне серьезно полагал, полиция может пристрелить его на месте. В лучшем случае его бы подвергли допросам с пристрастием в подвалах полиции и вынудили признаться в чем угодно.

Власти преследовали Капоне по всему фронту. Волна облав, погромов и арестов нанесла миллионный ущерб, не говоря об упущенных доходах. Были уничтожены составные звенья выстроенной цепи, раньше защищенные от явных наездов. Билл Шумейкер устроил разгром Harlem Inn в Стикни, долгое время считающийся официально закрытым, хотя продолжал успешно работать. В клубе нашли оружие, спрятанное под картинами, нелегальный бар, бордель на двадцать шесть комнат, набор секретных панелей и других хитроумных устройств. «В этом доме

могло произойти все что угодно», – сказал один из наблюдателей.

Тем не менее Большой Чикаго был действительно прикрыт, и начальник полиции Морган Коллинз совершил инспекционную поездку и убедился в исполнении распоряжений. Такой жесткий подход вызвал восторг даже у ветеранов Форест-Вью. На передовое заведение Капоне Maple Inn тоже был повешен замок, но уже поползли упорные слухи: как только страсти улягутся, все вернется на места. Утром 30 мая, в День поминовения, к Maple Inn подъехали три машины с местными добровольцами и, подавив сопротивление одинокого темнокожего сторожа, спалили заведение дотла. Бервинские пожарные просто позаботились, чтобы огонь не распространился. На вопрос, почему ограничились лишь этим, они ответили, что не было воды. Капитан Стидж заявил: полиция не станет искать поджигателей. Он надеялся, что линчеватели сожгут остальные заведения: это гораздо проще и быстрее, чем каждый раз дожидаться решения суда.

Судья Уильям В. Бразерс, входящий в состав фракции Кроу, создал специальную коллегию присяжных в составе прокуратуры штата, чем вызвал гнев президента элитной союзной Лиги адвокатов Гарри Юджина Келли. Келли настаивал на расследовании не только убийства помощника прокурора, но и всей деятельности Кроу. «Разве мистер Кроу, – настаивал Келли, – может расследовать себя и полагать, что люди будут удовлетворены?»

Эхо народного гнева, выраженное Келли, убедило Кроу, что народ не будет доволен. Поэтому отклонил просьбу генерального прокурора штата Иллинойс Оскара Карлстрема (ранее врага, а теперь политического союзника) проконтролировать деятельность Большого жюри. Карлстрем заверил общественность: «Прокурор Кроу и я будем работать в полном взаимодействии!» (Общественность сделала вид, что поверила.)

От коллегии было мало толку, хотя присяжные честно трудились, невзирая на столкновение с непреодолимыми трудностями. По закону штата, специальная коллегия могла заседать один месяц. На протяжении деятельности жюри не было никого, кто мог бы внести ясность в дело.

Капоне отсутствовал. Майлс и Клондайк О’Доннелл добрались утром на такси до гаража, в котором оставили на ремонт Cadillac и исчезли на месяц. Никто не мог найти водителя Хенли. Корочек рассмеялся в полиции: «Скажу хоть слово – я покойник. Люди Капоне поклялись, что отведут меня «на прогулку». Судья отклонил требование независимого адвоката освободить Корочека «в связи с недостатком доказательств» после слезных просьб торговца оставить его под стражей. Корочек все-

таки рассказал присяжным Карлстрема все, что знал, но информация, что Капоне принадлежат как минимум три пистолета-пулемета, не продвинула расследование.

27 мая, незадолго до роспуска Большого жюри, братья О'Доннеллы решили сдаться.

После демонстративного молчания, якобы испугавшись заключения под стражу, они ухватились за историю с бронежилетом, объясняя, почему МакСвиггин оказался в тот злополучный вечер в автомобиле. История была щедро разбавлена «творческими» подробностями. Братья рассказали, что были в салуне Доэрти, когда пришел Даффи, сыграть роль посредника между МакСвиггином (который искал жилет) и Доэрти (у которого, возможно, этот жилет был). Они сели в машину вместе с двумя другими людьми, которых О'Доннеллы не знали. Но братья вышли раньше, у дома Клондайка, и не видели остальных, пока двое неизвестных не вернулись с телами МакСвиггина и Доэрти. Про убийства им ничего не известно.

Правда была проще. МакСвиггин хотел выпить с друзьями, а гангстеры были в восторге прокатить помощника прокурора по салунам Сисеро, демонстрируя владельцам заведений, что могут обеспечить реальную защиту поставок пива. Через два дня суд отпустил О'Доннеллов.

Специальная коллегия присяжных Карлстрема пришла к выводу, что в действиях МакСвиггина и Кроу не содержалось никаких противоправных действий, а убийцы «не знали о личности или служебном положении жертвы». Доклад заканчивался выводом, что «обзор прецедентов прошлых лет не дает особого повода для тревоги в настоящее время».

К тому времени как Капоне добрался до Чикаго, один олдермен выразился так: «Чикаго поистине уникален. Это единственный абсолютно коррумпированный город в Америке». То, что Капоне должен был появиться именно в этом городе, – не то что логично, но неизбежно.

Суд назначил вторую коллегию присяжных, на этот раз во главе с бывшим судьей Чарльзом А. МакДональдом, честным человеком, без порочащих политических связей. Судья МакДональд допросил больше людей, но не получил ответов. Но ему удалось положить конец разговорам, что МакСвиггин был в

тот вечер с гангстерами по поводу официального или сколько-нибудь значительного дела.

По окончании срока заседания коллегии появился Капоне. Он сдался в 10 утра 28 июля 1926 года, через три месяца после убийства, федеральным агентам на границе штатов Иллинойс и Индиана, поскольку не доверял чикагской полиции.

За ночь до капитуляции Капоне дал обширное интервью репортерам. «Я не привык жаловаться, – заявил Капоне, – поэтому расскажу все, что знаю. Прошу дать шанс доказать, что я не имел никакого отношения к убийству моего друга Билли МакСвиггина. Меня обвиняли без всяких слушаний чуть ли не за все преступления, которые отмечались в календаре. Доказать мою невиновность не займет много времени. Надеюсь, адвокаты увидят: со мной обращаются как с человеком, а не пытаются натравить копов с топорами».

Капоне полагался на уверенность адвокатов, если три коллегии присяжных не смогли доказать его вину, государство не имеет права предъявлять какие-либо обвинения.

«Как насчет отношений с МакСвиггином и остальными?» – спросили журналисты. «У меня была встреча с МакСвиггином дней за десять до смерти, – ответил Капоне. – Со мной были друзья. Мы могли убить его, и никто не узнал бы».

«Полиция наплела много разных историй, взвалив на меня ответственность за кучу убийств. Они не могли найти истинных виновников, а я выглядел как козел отпущения. По словам полиции, МакСвиггин был моей головной болью в связи с преследованием Ансельми и Скализа за убийство двух полицейских. МакСвиггин говорил, что повесил бы их, если бы мог. Меня это устраивало».

«Доэрти и Даффи были моими друзьями, – продолжил Капоне, явно фантазируя, – я не трогаю друзей. Почему давал деньги Доэрти? Для него я был просто Аль-большое сердце, помогающий другу. Я не участвовал в пивном рэкете, мне было все равно, где ребята торгуют. Всего за несколько дней до убийства мой брат Ральф, Доэрти и братья О'Доннеллы вместе были на вечеринке».

Капоне пояснил, что во время стрельбы находился в ресторане и, как только услышал звуки выстрелов, кинулся наутек, опасаясь за жизнь. «Лучше было остаться и доказать, что невиновен, но что я мог сделать? Что бы произошло? Долгое время в камере, множество изматывающих допросов и обвинение во всех смертных грехах? Поэтому я ушел, но теперь готов вернуться. Но только с федералами. Любой офицер, имеющий право задавать вопросы, узнает все, что мне известно. Я расскажу,

что знаю в связи с убийством».

Адвокат Капоне Бенджамин Эпштейн с Патриком Рошем и Кларенсом Конверсом, агентами Министерства финансов, отправились встретить Капоне, выпущенного под залог $25 000. Как только Капоне вышел из зала суда, глава детективного отдела Шумейкер арестовал его по ордеру, выписанному сразу же после убийств. Капоне провел в тюрьме ночь. Это все, что смогли сделать с ним честные полицейские за три убийства.

На следующий день защитники Капоне, Нэш и Ахерн, ожидали прибытия главного судьи штата Томаса Дж. Линча. Свидетель отрицал правдивость ранее рассказанной истории, что Капоне достал пистолет-пулемет из секретной панели, вделанной в стену ресторана.

Капитан Стидж устроил обыск в ресторане, но не нашел никаких панелей.

Исчезло даже шаткое доказательство, связывающее Капоне с убийствами.

«Эти обвинения были сделаны главой детективного отдела Шумейкером на основании поверхностных сведений и личной неприязни. В ходе расследования информация не подтвердилась», – сказал судье первый помощник прокурора штата Джордж Горман. Дело закрыли.

Капоне приговорили к штрафу в $5000 по обвинению в мошенничестве при голосовании на апрельском праймеризе (позднее штраф был отменен Верховным судом Иллинойса на основании некоторых юридических особенностей законодательства штата). «Его наградили медалью и отпустили с миром», – прокомментировал решение суда отец Билла, Энтони МакСвиггин.

«Я знаю, за всеми этими убийствами стоит Капоне, но быть убежденным одно, а доказать это – другое дело», – сказал глава детективного отдела Шумейкер.

Сержант Энтони МакСвиггин начал собственное расследование: «Пули, убившие Уильяма, убили и меня. Я думал, жизнь закончилась, но оказалось, это только начало. Я не успокоюсь, пока не достану убийц своего мальчика. Только ради этого я должен жить дальше» (никто не просил его жену и дочерей комментировать заявление). Ходили слухи, что Капоне вручил старшему МакСвиггину пистолет со словами: «Если считаете, что это был я, стреляйте».

Позднее гангстер Роджер Туи утверждал, что сержант МакСвиггин мог убить Капоне, когда тот находился под стражей. Туи слышал историю от детектива: «МакСвиггин и Капоне находились в одном помещении, между ними стояли два

детектива. У МакСвиггина была возможность прикончить убийцу сына на месте. Никто не предъявил бы никаких обвинений Энтони. Все бы списали на самооборону». Вероятно, так было на самом деле, но у МакСвиггина сдали нервы. Он был слишком порядочным человеком, чтобы хладнокровно пристрелить Капоне.

У Энтони МакСвиггина были хорошие осведомители. Ему рассказали, что непосредственными убийцами сына были Капоне, его главный телохранитель Фрэнк Рио и Фрэнк Алмаз Маритто, а боевики Боб МакКалоу, Вилли Хейни и Эд Мур наблюдали и страховали. Но никаких доказательств не было. «Я уверен, что знаю убийц МакСвиггина, и сержант Энтони МакСвиггин тоже знает, – сказал судья МакДональд, в то время как уже пятая (!) коллегия присяжных отдыхала без дела. – Но нам нужны доказательства. Если сержант МакСвиггин их имеет, должен довести до сведения коллегии… Мне нужны факты, а не слухи». Устав от разговоров вокруг убитого продажного помощника прокурора, Капоне заявил следующее: «Я заплатил МакСвиггину. Я заплатил много и получил то, за что отдал деньги».

Нападение, совершенное на О'Доннелла, оказалось роковым для Билла МакСвиггина. Он погиб потому, что оказался не в том месте в неподходящее время. То же самое можно сказать и по отношению к Реду Даффи. Он был второстепенным игроком, и Капоне не стал бы тратить патроны впустую, не говоря уже о последующей волне репрессивных полицейских облав. Смерть МакСвиггина сделала облавы более интенсивными, масштабными и разрушительными.

Капоне хорошо помнил последствия убийства О'Бэниона и полицейскую реакцию на многочисленные убийства во время пивных войн 1923 года. Тем не менее взял в руки оружие и был готов отправить на тот свет пятерых, предвидя общественное отвращение. Перестрелки, в которых гибло более двух человек, газеты называли резней. Ему оставалось либо перейти в нападение, либо продолжать безропотно принимать нападки мелких бандитов и посягательства О'Доннелла. Даже несмотря на то, что Клондайк и Майлс остались целы, банда О'Доннеллов больше не беспокоила Капоне. Его стратегия борьбы с врагами продолжала работать.

На очереди был Хейми Вайс.

Глава 15
Кровавый путь к миру

Коллективное руководство бандой Норд-Сайда закончилось со смертью О'Бэниона. Члены Большой шестерки никогда не были полноценными руководителями группировки.

Макси Эйзен занимался рэкетом в еврейских кварталах, Дэн МакКарти окучивал профсоюзы на своей территории. Попытка Луиса Альтери разобраться с убийцами О'Бэниона привела к повышенному вниманию полиции. После выходки Альтери в конце января 1926 года в баре Friars' Inn коллеги по бандитской группировке решили, что он приносит много проблем, и отправили в Колорадо на ранчо. Наибольшим весом и компетентностью из трех остальных обладал Хейми Вайс. Склонный к принятию необдуманных решений холерик Друччи и флегматик Глюк Моран не могли составить ему конкуренцию.

Вайс представлял собой сложную смесь интеллекта, здравомыслия, храбрости, безжалостной жестокости и злобного нрава. Если репортеры пытались его сфотографировать, он не шел на контакт, как Капоне, и не прикрывал лицо, как большинство, а просто рычал: «Если фотография появится в газете – ты покойник!» Брат Вайса говорил, за двадцать лет они встретились лишь однажды: «Лет шесть назад Хейми стрелял в меня». Однажды заместитель маршала прервал вечеринку Хейми, пытаясь арестовать его друга за нарушение закона Манна, Вайс выгнал представителя закона прочь, угрожая револьвером. Тогда инспекторы вернулись с подкреплением и конфисковали выпивку, включая шампанское, наручники, оружие и капли для отключки[101], а Вайс подал в суд на участников облавы, обвинив их в краже шелковых рубашек и носков.

Несмотря на непредсказуемость и относительную молодость (на момент гибели ему исполнилось двадцать восемь лет), Вайс продумывал каждый поступок. Когда один из поставщиков спиртного пожаловался на тяжелую судьбу, Вайс вполне серьезно предложил поменяться местами. Капоне был прав, опасаясь Вайса: лидер Норд-Сайда наступал ему на пятки.

Во второй половине дня 3 августа 1926 года два брата, тринадцати и одиннадцати лет, поили лошадей из цистерны в лесном заповеднике к югу от города. Когда лошади заволновались, мальчики начали шарить в воде палками и обнаружили тело Энтони Куринлона, известного как Томми Росс, водителя Капоне, сменившего погибшего Сильвестра Бартона. Его

похитили месяц назад, когда Капоне прятался в связи с делом МакСвиггина. Росса связали проволокой по рукам и ногам, избили и пытали. Затем прострелили голову, к телу привязали камни и бросили в цистерну с водой. «И после этого меня называют бессердечным? – возмущался Капоне. – Росса замучили, пытаясь выяснить мои деловые секреты. Но он ничего не знал о делах». Возможно, Росс действительно многого не знал, но ежедневный распорядок Капоне и установившаяся деловая практика ему были известны. Очень скоро этим воспользовался Вайс.

На Сауз-Сайде наступило спокойствие, О'Доннеллов нейтрализовали, а остальные баламуты – Салтис и МакЭрлайн – находились за решеткой в ожидании судебного процесса по делу об убийствах.

Капоне нанес упреждающий удар. Попытка носила исключительно демонстративный и импровизированный характер, и только личность стрелка, установленная много месяцев спустя, позволила связать дело с Капоне.

Винсент Друччи жил в номере отеля Congress на Сауз Мичиган-авеню, 500. Утром 10 августа Вайс и Друччи позавтракали вдвоем и прогуливались по улице Мичиган. Позднее Друччи утверждал, что при нем было $13 200 для покупки недвижимости. На 9-й улице они свернули к новому зданию Standard Oil, где разместился офис Санитарного управления Чикаго – самой коррумпированной городской кормушки. Там проходила встреча исполнительного директора Санитарного управления Морриса Эллера и главы 20-го городского округа Джона Сбарбаро.

Внезапно на тротуар резко въехал автомобиль. Из его окон по Вайсу и Друччи, стоявших у входа в здание Standard Oil, раздались выстрелы. Вайс бросился бежать, смешавшись с прохожими на оживленном перекрестке. Многие автомобили остановились, водители в ужасе пытались спрятаться за приборными панелями. Друччи нырнул за почтовый ящик, выхватил автомат и открыл ответный огонь. По меньшей мере тридцать пуль попали в бетонную стену зданий, кузова автомобилей и окна. По счастливой случайности, ранен был только случайный прохожий Джеймс Кардан. Пуля попала в ногу.

Когда двое боевиков выпрыгнули из машины и заняли позицию для прицельного выстрела, подоспел полицейский патруль. Водитель рванул с места, оставив боевиков. Вайс и один из брошенных растворились в толпе. Друччи, недолго думая, вскочил в первую попавшуюся машину и, приставив револьвер (разряженный) к голове водителя, К. К. Бассетта, взревел:

«Немедленно уезжай отсюда». Полиция окружила машину раньше, чем перепуганный водитель смог выполнить требование.

«Это не имеет никакого отношения к битвам между бандами, – заявил Друччи полиции, – меня просто подставили. Кто-то хотел, чтобы меня арестовали, вот и все». Попался и второй брошенный боевик. Он выбросил револьвер и пытался сбежать с места перестрелки, но был задержан. Боевик сказал, что его зовут Пол Валери, и указал фальшивый адрес проживания. Полиция не имела оснований удерживать Валери, поскольку Друччи утверждал, что никогда не видел этого человека.

Вайс не сомневался, кто несет ответственность за нападение. Он не мог достать Капоне за стальными ставнями Hawthorne, но знал от покойного водителя Томми Росса, когда и где Капоне можно достать. Разместить наблюдателя, готового дать сигнал по телефону, не составляло труда: квартал кишел людьми. Двадцать вторая была главной улицей Сисеро. Ее ширина доходила до сотни футов, а посередине шли трамвайные пути. Рядом с отелем Hawthorne и стоявшей напротив гостиницей Anton находились парикмахерская Анджело Гурди, магазин модной одежды, салон красоты, лавка деликатесов Дуновского и прачечная. В гостинице Anton размещалось игорное заведение Капоне и хоторнский магазин табачных изделий. На востоке квартала располагалась кофейня Hawthorne Restaurant. Капоне часто там обедал.

За неделю до описываемых событий Капоне вернулся из очередной поездки по организации поставок контрабандной выпивки, а в субботу триумфально открыл заново несколько казино, запертых после убийства МакСвиггина.

В 1.15 дня в понедельник 20 сентября Капоне с телохранителем, Фрэнком Рио, обедали за самым безопасным из пятнадцати столиков кофейни Hawthorne. Никто не мог войти в помещение незамеченным. Зал 25 на 50 футов был заполнен посетителями – в парке на юге Сисеро открывался сезон скачек.

Мужчины встревожились, безошибочно определив звук пулеметной очереди, нараставший по мере приближения автомобиля. Машина проехала мимо ресторана, но ничего не произошло.

Капоне в недоумении пошел к выходу, чтобы разобраться в происходящем. Фрэнки быстро понял, в чем дело: не было криков, разбитого стекла, звука пуль, вонзающихся в стены зданий; из автомобиля стреляли холостыми патронами, чтобы привлечь внимание. Он выскочил из-за стола и повалил Капоне на пол. В этот момент открылся настоящий огонь. За первой машиной ехала колонна из десяти автомобилей. Стрельба началась, когда машины достигли гостиницы Anton. Обстрелу подверглись обе

гостиницы, магазины и кофейня. У кофейни процессия остановилась. Окна превратились в град осколков. Тарелки, стаканы и чашки, стоявшие на столах и стойках, закружились в бешеном танце, звоне и разрушении. Пули дробовиков аккуратно прошивали стены на уровне груди и поясницы. Капоне, Рио и другие посетители вжались в пол под столами. Их поливал дождь из кусков деревянных панелей, обшивки и потолочной штукатурки. Когда Рио услышал звук холостых патронов, сразу выхватил пистолет. Стрелять он не стал: никто не осмеливался поднять голову или руку в этом огненном шторме.

Из машины вышел человек в рубашке цвета хаки и коричневом комбинезоне, держа в руках автомат Томпсона. Несколько боевиков осуществляли прикрытие с тыла, а стрелок в хаки не торопясь подошел к двери ресторана и, встав на колено, опустошил стопатронный барабан в развороченный зал. Этот заключительный салют занял десять секунд.

Стрелки вернулись к машинам, кто-то трижды просигналил, и кортеж тронулся на восток – в Чикаго, находившийся в двух кварталах.

Как позже подсчитала полиция, боевики выпустили не менее тысячи коротких очередей. Они расстреляли тридцать пять машин, стоявших вдоль улицы, но при этом, как ни удивительно, зацепили лишь четверых случайных прохожих, из них ранения двоих можно было назвать царапинами. Клайд Фримен, конезаводчик из Луизианы, находился в машине с женой Анной и пятилетним Клайдом. Одна пуля задела колено Клайда, две других, порвав пальто, буквально выкинули Клайда-младшего на тротуар. Упав, малыш поцарапал голову. Еще одна попала Анне в руку, не причинив серьезного вреда. К сожалению, осколок лобового стекла попал ей в правый глаз.

Последней жертвой атаки был Луис Барко, утверждавший: «Он единственный одинокий волк-игрок, проживающий в Хоторне». Он был ранен в плечо и шею. Взглянув на Барко, Билл Шумейкер узнал в нем Пола Валери, засветившегося в перестрелке около Standard Oil. Проживание в Хоторне не давало достаточных оснований предположить его связь со стрельбой на улице Мичиган. Находящийся за пределами ресторана Барко видел сцену во всех подробностях, но, поддерживая протокол молчания, отказался назвать кого-либо из участвующих в акции, старательно обходя имена Вайса, Друччи, Морана и одного из лучших стрелков северян Питера Гузенберга.

Капоне извлек из случившегося свою выгоду. «Власти лишний раз убедились, – заявил он репортерам, – у меня нет и никогда не было автоматов. Почему я плачу владельцам припаркованных

автомобилей за нанесенный ущерб и стараюсь спасти глаз бедной невинной женщине? Я нанял лучших врачей и оплатил расходы». Действительно, спасение зрения Анны Фриман обошлось Капоне в $5000; он компенсировал ущерб магазину и вообще не жалел денег. Рассуждая цинично, Капоне покупал лояльность общества. Один из его парней сказал: «Большой брат всегда переживал, чтобы пострадавших было как можно меньше».

Ущерб, который перестрелки нанесли Капоне, не ограничивался репарациями. «Это война!» – провозгласила одна газета. Неизбежно последовала очередная волна показных полицейских облав. Двери заведений Капоне, только что возобновивших деятельность, снова закрылись. Капоне нуждался в помощи.

После выхода из тюрьмы Торрио перебрался в Италию. Вскоре ему пришлось сбежать, потому что Муссолини объявил, что будет выставлять гангстеров в клетках на потеху публики. Торрио переехал в Нью-Йорк и вошел в состав старшего руководства криминального мира, помогая коллегам, Лаки Лучано[102] и Мейеру Лански[103], строить синдикат по чикагскому образцу. Он распределил дела между Нью-Йорком и Флоридой, где приобрел недвижимость. После атаки на кофейню Hawthorne Капоне провел во Флориде с Торрио несколько дней, обдумывая проблему Хейми Вайса.

Торрио, как обычно, призывал к миру. Как говорил позже Капоне: «Сразу после расстрела – а Торрио прекрасно знал, чьих это рук дело, – я поговорил с Вайсом. – Хочешь стать покойником, не дожив до тридцати? Пойми, тебе самому нужно, чтобы мы остались живы. Тогда еще можно было как-то договориться, но Вайс не стал слушать». Капоне также заявил, что: «Готов к миру… на какое-то время. Борьба не принесет пользы ни одной из сторон. Если договоримся, заработаем больше денег, чем сейчас. Хватит всем». Капоне решился на вторую попытку переговоров.

Капоне попросил Тони Ломбардо, президента Unione Siciliana, организовать встречу с Вайсом 4 октября в отеле Sherman. Капоне не планировал присутствовать на встрече, поскольку считал: личная конфронтация между людьми, пытавшимися убить друг друга, не будет способствовать успеху переговоров. Не исключено, что в качестве посредника для мирного урегулирования вопроса пригласили полицейского чиновника. От имени Капоне говорил Ломбардо, благо посыл был несложен: «Если Вайс хочет мира, Капоне готов пойти на разумный компромисс».

Но Вайс все еще не мог смириться с смертью О’Бэниона. Умом он понимал: следует проявить мудрость и пойти на

компромисс, но виновники смерти Дини должны быть наказаны. Вайс объявил, что готов к миру, если Капоне одобрит убийство Скализа и Ансельми. Они все еще находились в Джолиете по приговору о непредумышленном убийстве, но договоренности можно было достичь в любом месте. Ломбардо сообщил об этом Капоне. «Я никогда не стану желтой собакой»[104], – отрезал Капоне, после чего Вайс покинул собрание.

Услышав ответ, капитан Джон Стидж лишь ухмыльнулся: «Нет на земле человека, которого бы Капоне не отправил на тот свет, если при этом будут соблюдены его интересы». А начальник полиции Коллинз вообще сомневался в правдоподобности встречи, зная – Вайс скорее убил бы Капоне, чем уступил. В любом случае полицейские не оценили ни разумность Вайса, ни искренность Капоне.

На этот раз Торрио сам приехал в Чикаго, чтобы обсудить с Капоне дальнейшие действия.

Капоне имел план действий на случай непредвиденных обстоятельств. Задолго до прерванных переговоров мужчина, назвавшийся Оскаром Лундином, снял единственную свободную комнату на втором этаже здания по соседству с Шофилдом (здание принадлежало Гарри Стивену Килеру[105], в нем недавно сменилась управляющая). Помещение было зарезервировано заранее, поэтому во вторник, 5 октября, когда комната освободилась, новый менеджер Анна Ротариу предложила Лундину переехать.

Комната не оправдывала ожидания жильцов. Непритязательная и грязноватая, она включала удобства в виде кровати с запятнанной латунной рамой, скрипучего дубового шкафа для одежды, нескольких стульев, газовой плиты и посудного ящика. Северная стена закрывала входную дверь, но из окна виднелся кусок тротуара и улица между магазином и собором Святого Имени, который находился с другой стороны на перекрестке с Суперия-стрит.

Примерно в то же время симпатичная молодая женщина, назвавшаяся миссис Томас Шульц, арендовала комнату на третьем этаже дома с другой стороны Суперия. Из ее окна был виден черный ход магазина Шофилда.

Лундин и Шульц оплатили аренду заранее, поэтому не привлекали особого внимания. Тем не менее Анна Ротариу вспомнила, что часто видела Лундина, сидящего около окна, потягивающего вино и усыпавшего пол сигаретным пеплом.

Во второй половине дня 11 октября 1926 года отбирался двенадцатый присяжный заседатель по делу об убийстве, совершенном Джо Салтисом и его водителем Фрэнком Левшой

Консилом. На следующий день должны были пройти слушания показаний свидетелей, и специально назначенный прокурор Чарльз МакДональд надеялся на осуждение обвиняемых, несмотря на слухи, что Вайс готов потратить $100 000, чтобы купить Салтису оправдательный приговор. Присяжный вспоминал: в тот день Вайс выглядел крайне заинтересованным зрителем во время отбора.

Он и ведущий адвокат защиты, Уильям У. О'Брайен, покинули суд вместе, но поехали в Шофилд в разных машинах. Вайс находился в автомобиле вместе с водителем Сэмом Пеллером и Патриком Мюрреем, мелким бутлегером, играющим роль телохранителя. О'Брайен ехал с Бенджамином Джейкобсом, своим помощником, мелким политиком из 20-го округа Морриса Эллера. Четыре года назад Джейкобса едва не лишили лицензии.

Машины припарковались на Суперия, и пассажиры, выйдя из-за угла, направились в сторону Шофилда. Вайс и Мюррей шагали впереди; чуть отстав, брел О'Брайен; замыкали шествие Пеллер и Джейкобс. Автоматный огонь, перемежающийся с выстрелами из дробовика из окна второго этажа, застали Вайса и Мюррея почти на бордюре тротуара перед цветочным магазином. Мюррей упал замертво – семь пуль попали в голову и тело. Вайсу досталось десять, он умер в больнице Хенротин, не приходя в сознание.

Боевики продолжали обстреливать улицу. Адвокат О'Брайен был четырежды ранен в руку, в бок и район живота (не смертельно). Ему удалось заползти в нишу подвальной лестницы, а затем добраться до кабинета врача, практикующего восемью домами севернее в этом квартале. Пеллер был ранен в живот, а Джейкобс, с простреленной ногой, заковылял к кабинету врача в квартале от места стрельбы. В Джейкобса стреляли, пока он не скрылся за углом собора Святого Имени. Пуля разбила угловой камень собора и переделала цитату из послания апостола Павла филиппийцам, помещенного в Вульгате: «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» – так, что от нее осталось только:

«Всякое колено небесных, земных…»

Выполнив работу, боевики побежали вниз по задней лестнице и затерялись на Дирборн-стрит. По пути выбросили через забор автомат со стопатронным барабаном, который упал на крышу собачьей конуры.

В кармане Хейми Вайса полиция нашла $5200 и полный список сформированного состава присяжных по делу Салтиса-

Консила. Полиция немедленно обыскала комнату в доме, 740 по Стейт-стрит, откуда велся огонь. В дополнение к расставленным у окна стульям и грязному покрывалу, на полу нашли тридцать пять гильз калибра 45, три пустых винтовочных магазина и серую фетровую шляпу с ярлыком мастерской, расположенной недалеко от Сисеро. В сейфе магазина Шофилда нашли полный список свидетелей обвинения против Салтиса.

Стрелкам из другого окна, отвечающим за черный ход, так и не пришлось применить оружие. Проведя время «на стреме», они просто исчезли. Их отсутствие не замечали в течение недели, пока женщина, проживающая этажом ниже, не обратила внимание на влажное пятно на потолке, очевидно, от протекшего радиатора отопления. Дворник, выломавший дверь, вызвал полицию: на кровати лежала винтовка и четыре полных магазина, у окна стояли стулья, кругом валялись окурки и пустые винные бутылки.

«Не хочу поощрять бизнес подобного рода, – заметил начальник полиции Коллинз, – но мне нравится, когда бандиты убивают друг друга. Это избавляет полицию от дополнительных неприятностей».

Капоне высказался более элегически. «Очень жаль, что Вайс погиб, – сказал он журналистам, собравшимся в отеле Hawthorne, – не имею к этому никакого отношения. Я сам позвонил в детективное бюро, но полицийские сказали, что я не нужен. Зачем мне убивать Вайса?»

«Уж он-то знает зачем», – прорычал начальник детективов Билл Шумейкер, когда репортер пытался указать на возросшую борьбу между гангстерами. У Капоне не было ни малейшего желания реагировать на придирки подобного рода: «Становится смешным, что мне приписывают все убийства. Не успеваю я высунуть голову за дверь без батальона вооруженных охранников, кто-то непременно пытается меня застрелить. Кроме того, постоянно хочет арестовать полиция, как в случае с МакСвиггином. Они чувствуют вседозволенность и вешают на меня все, что вздумается».

Капоне встречался с прессой без галстука, в непринужденной обстановке, это говорило о многом. Он раздавал журналистам сигары (чтобы запомнили) и, конечно, алкоголь (это было негласной традицией общения с журналистами во времена сухого закона).

«Вайс мертв потому, что всегда был упрямым бараном, – говорил Капоне. – Полагаю, вы не смогли бы сказать Хейми неделю назад, что он будет мертв сегодня». Через некоторое время Капоне скорректировал предыдущее заявление, касающееся

сожаления о смерти Вайса. По словам Капоне, он жалел, что Вайс был убит именно таким образом, как на бойне. «Не поймите неправильно. Не хочу, чтобы кто-нибудь думал, что я сожалею о смерти Вайса, – пояснил Капоне. – И он, и остальные члены бывшей банды Дина О'Бэниона, угонщики, боевики, грабители – сделали все, чтобы испортить мне жизнь. И это игра честного человека, с которым можно было иметь дело? У меня есть мальчик, – продолжал Капоне, показывая репортерам фотографию сына. – Я люблю его больше всего на свете. Я люблю его мать, свою мать, сестер и братьев. И как ужасно было, что не удавалось вернуться домой к жене и сыну в течение четырнадцати месяцев.

Я не хочу умирать. Особенно не хочу умирать на улице под автоматной очередью. Вот почему я попросил мира. Попросил этих парней убрать пушки и просто поговорить. У них тоже есть семьи. Большинство из них – сами чьи-то дети. У них есть родители, братья и сестры.

Что же делает людей сумасшедшими, зачем они стремятся оказаться на столе в морге и заставить сердца матерей разорваться от горя? У меня нет ответа. Я пытался понять, но не смог; пытался показать, что можно вести бизнес, не убивая друг друга на улице, как животных. В любом случае конкуренция не должна быть предметом убийства. Но они этого не видят».

«Я читал в газетах, – продолжал Капоне, прекрасно зная, как журналисты обожают ложный пафос, – что мать Хейми Вайса приезжала из Нью-Йорка на похороны. Она замечательная мать. Когда мы работали вместе, я часто спал в его доме и ел за столом. Что мешало Вайсу включить разум и уберечься от гибели?»

Далее Капоне поведал репортерам о мирном предложении Вайсу и его условиях. Да, Капоне хочет мира, но ни остатки банды Хейми, ни другие гангстеры не должны полагать, что он заплатит любую цену: «Я остаюсь в игре и не собираюсь отступать. Пусть пытаются убить меня, если полагают, что смогут. Но каждый раз, когда они захотят мира, я буду готов слушать».

Капоне согласился на пресс-конференцию «в надежде, что люди поймут меня правильно». Капоне смешивал факты и вымысел: «Я игрок и бизнесмен, ничего больше. Никогда в жизни я не ограбил ни одного человека, никого не убивал, не врывался в чужие дома и не взламывал сейфы». Далее Капоне заверил: все разговоры о нем как об убийце – вздор чистой воды, ни одна из специальных коллегий присяжных по делу МакСвиггина не смогла предъявить ему никаких обвинений. Да, полиция задерживала для допроса, но Капоне никогда не судили за убийство и, как следствие, никогда не осуждали. Технически у

полиции даже нет протокола допроса! Капоне готов идти к специально назначенному прокурору, к МакДональду или Кроу, к любому, кто захочет взять показания. Он не скрывается. Но… Тут на лице Капоне появилась злобная ухмылка: «Если я расскажу все, что знаю, кое-кто сильно смутится».

Никто не захотел допрашивать Капоне. Начальник полиции Коллинз уныло пояснил, что это пустая трата времени: они пробовали, и результат был одним и тем же. «У Капоне, конечно, есть алиби. Во время стрельбы он находился в Сисеро. Все имеющиеся материалы бесполезны, и допрашивать Капоне, не схватив за руку, не имеет смысла». Сказанное Коллинзом означало: полиция была деморализована, как никогда прежде. Капоне назвали «Мэром округа Крук» *(игра слов, основанная на созвучии английских слов «Cook» (рус. округ Кук) и «Crook» (рус. плут, обманщик)*.

Остатки банды северян были недовольны сложившейся ситуацией. Несчастная престарелая мать Вайса, в свое время подписавшая поручительство за Фрэнка МакЭрлайна, обвиняемого в жестоком убийстве, так и не увидела шикарной похоронной церемонии. В похоронном бюро Сбарбаро собралось всего около двухсот оплакивающих или любопытствующих. Гроб сопровождали бывшие одноклассники Вайса по католической школе Святого Малахии. В качестве почетных гостей выступали Друччи, Моран и Эйзен. На этот раз не было ни представителей власти, ни политиков с громкими именами, хотя плакаты на автомобилях траурного кортежа настоятельно призывали выбрать муниципального судью Джо Сэвиджа (ставленника Кроу) окружным судьей и оставить Морриса Эллера попечителем Санитарного управления района. Церковь оставалась такой же упрямой: Вайс не заслужил мессы и не мог быть похоронен в освященной земле кладбища Кармель.

Вид с воздуха на дом Аль Капоне в Майами-Бич, штат Флорида. 24 октября 1931 года.

Список присяжных в кармане Вайса и список свидетелей в его сейфе всколыхнули прессу. «Убийство Вайса приоткрывает завесу над альянсом Салтиса!» – кричали газетные заголовки. Это вряд ли беспокоило Капоне: было хорошо известно, что Салтис и МакЭрлайн уже год выступали против союзника Капоне, Шелдона. МакЭрлайн, главная сила альянса, оказался в тюрьме и отчаянно сопротивлялся экстрадиции в Индиану.

4 мая 1924 года МакЭрлайн в совершенно пьяном виде развлекался в салуне Crown Point вместе с приятелями Джоном О'Рейли и Алексом МакКейбом. В пылу попойки речь зашла о меткости стрельбы, и МакЭрлайн, выбрав случайную цель в дальнем конце бара, уложил Тадеуша С. Фанчера выстрелом в голову. О'Рейли и МакКейба поймали почти сразу. О'Рейли получил пожизненное, а главного свидетеля против МакКейба за день до суда кто-то убил молотком.

МакЭрлайн сбежал из Индианы в Иллинойс и благодаря лояльной политике экстрадиции, проводимой губернатором, не был арестован вплоть до 22 апреля 1926 года, почти через два года после убийства Финчера. МакЭрлайн оставался в тюрьме Иллинойса до августа, когда был экстрадирован в Индиану. За это время произошло так много перемен, что суд штата Индиана

его оправдал.

Летом 1926 года убийство совершил сам Джо Салтис. В июле он занялся спокойными и малозаметными поставками алкоголя для Жюля Португейза, одного из помощников Шелдона (его машина была замечена при убийстве О'Бэниона). В следующем месяце, 6 августа, Салтис начал преследовать Миттера Фоли, который также работал на Шелдона и пытался перехватить клиентуру. Выманив Фоли из дома звонком по телефону, Салтис прижал его автомобиль к обочине. Пытаясь убежать, Фоли споткнулся и растянулся на тротуаре. Салтис оседлал лежащего конкурента и выстрелил жертве в грудь. Убийство Фоли видели два свидетеля, которые опознали водителя, Левшу Консила, а также находившихся вместе с ними Джона Оберту, партнера Салтиса и боевика Эдварда Герберта. «На этот раз они попались, – восторженно заявил Джон Стидж. – В первый раз за все время этих пивных убийств у нас появились реальные доказательства».

В октябре, когда пришло время суда над Салтисом-Консилом (Оберта и Герберт были привлечены к судебному разбирательству позже), им потребовалась помощь извне, и Хейми Вайс оказал поддержку в знак союзнических отношений. У специального прокурора Чарльза МакДональда были только два явных очевидца (были еще двое, но их либо подкупили, либо напугали). По слухам, Вайс потратил на разруливание дела около $100 000.

После гибели Вайса Капоне освободился от отвлекающих факторов: МакЭрлайн сидел в тюрьме, Салтис предпочел исчезнуть. Он обратился за советом к Джону Оберте, консультировавшему Макси Айзена, пожалуй, самого мудрого человека в банде Норд-Сайда.

Когда Вайс погиб, Айзен с семьей вернулся из круиза. Он был потрясен скверным состоянием дел. Как авторитетный представитель банды, Айзен договорился о встрече с Тони Ломбардо в субботу, 16 октября. Поручителем выступил Билли Скидмор. Айзен с Ломбардо пришли к соглашению, что войны должны прекратиться. «Давайте сделаем перерыв, – сказал Айзен. – Убивая друг друга, мы даем слишком много поводов для радости полицейским. Копы поднимают нас на смех». Айзен и Ломбардо пришли к выводу о необходимости общей встречи главарей в ближайшее время.

Капоне был счастлив. Мир был важнее расправы над ничтожным дезертиром Салтисом.

Джордж Моран выступал против встречи, но Винсент Друччи переубедил его. Айзен и Ломбардо выработали условия проведения встречи: присутствовать могли только руководители банд, без оружия и телохранителей. Встреча состоялась в среду,

20 октября 1926 года, вероятно, снова в отеле Sherman.

Встречу возглавили Айзен и Ломбардо. С Капоне был верный Джек Гузик; Ральф Шелдон появился один; интересы Норд-Сайда представляли Друччи и Моран. Присутствовали мелкие главари Севера, Северо-востока и Запада. Сутенер Джек Зута с помощником Фрэнком Фостером примкнули к банде Норд-Сайда, Клондайк и Майлс О'Доннеллы больше не доставляли хлопот Капоне. Эд Фогель из Сисеро решительно занял сторону Капоне. Юлий Кауфман (получивший прозвище «Картошка» за сходство с упомянутым овощем) из западной части Чикаго был в близких отношениях с северянами. Билли Скидмор, помимо поручительства занимавшийся игорным бизнесом, и Кристиан Бертшер (известный как Барни), державший придорожные казино на северо-западе, объединились с Зутой.

«Мы делаем большой бизнес, – обратился Капоне к присутствующим. – Эта тяжелая и опасная работа должна быть в стороне от проявлений ненависти. Парень, усердно работающий в деле, хочет спокойно вернуться домой и забыть обо всем. Он не должен бояться подходить к окну или вздрагивать при стуке в дверь».

В коммюнике встречи предусматривалась всеобщая амнистия: больше никаких перестрелок и убийств, все произошедшие инциденты считать закрытыми. Следовало прекратить взаимные оскорбления и слухи, которые часто специально разжигала полиция и пресса.

Главарям банд полагалось разобраться с собственными смутьянами, в действительности наиболее частыми зачинщиками конфликтов. Нападения банд друг на друга прекратить. Все были обязаны строго соблюдать территориальные границы.

Высокое собрание вернулось к раскладу 1923 года. Шелдон занял территорию к северу и востоку от скотных дворов, Салтис – территорию позади. Клондайку и Майлсу О'Доннеллу отходила территория к западу и северу от Сисеро, концессия на улице Рузвельт осталась в их владении. Друччи и Моран получили территорию, некогда принадлежавшую О'Бэниону: к северу от улицы Мэдисон и к востоку от реки Чикаго. Капоне оставил за собой ближний юг и южный и западный пригороды (через некоторое время он будет рекомендовать клиентам союзников, в частности Марти Гилфойла).

Зута, Скидмор и Бертшер продолжали вести деятельность привычным чередом.

Спайк О'Доннелл потерял главенствующую роль: Капоне позаботился, чтобы он получил то, что заслуживал.

Далее собрание переместилось в Bella Napoli Джо Эспозито.

Позднее один из репортеров, по иронии носящий фамилию О'Доннелл, назвал торжественную вечеринку «праздником упырей»: его потрясло безудержное и грубое веселье бывших недругов, переживших вражду. Некий свидетель, не являвшийся бандитом, пересказал журналисту один диалог:

– Помнишь ночь, восемь месяцев назад, когда твою машину преследовали две наших?

– А то!

– Хотели убить, но с тобой была женщина!

(Веселый смех).

Два дня спустя по улице Мичиган мчалась машина с включенной сиреной. Детективы преследовали машину, за рулем которой находился Боб МакКалоу, известный боевик Торрио-Капоне с 1922 года. Автомобиль удалось остановить на 31-й улице. «Я просто приехал в город побриться, – заявил Боб сержанту Джону Трейси, сияя улыбкой и кивая на лежащую рядом сумку для гольфа. – А потом спешу обратно в Бервин». Полицейские с пристрастием обыскали гангстера, уверенные, что найдут обычный небольшой арсенал. К изумлению, в карманах МакКалоу были только деньги, в сумке – принадлежности для гольфа, а под сиденьями ничего, кроме ворсового покрытия. Оружия не было. Полиция не верила глазам. «Мирный договор в действии! – с самодовольной усмешкой пояснил МакКалоу. – В противном случае я бы не высунулся на улицу безоружным». Раздосадованные полицейские задержали МакКалоу за превышение скорости.

К концу 1926 года в преступном мире Чикаго воцарились мир и спокойствие.

Скализ и Ансельми снова попали под суд; Драггэна и Лейка оправдали по скандальному делу о сговоре с шерифом Хоффманом, выпускавшем их из тюрьмы в любое время, когда хотелось прогуляться на воле. Несмотря на двух свидетелей, присяжные признали Салтиса и Консила невиновными в убийстве Фоли («Я ожидал другого вердикта по представленным доказательствам», – признался судья).

Борьба продолжалась, но миру ничего не угрожало. Словно на последнем вздохе, люди Спайка О'Доннелла вышли за границы подконтрольной территории, в результате были ранены его братья. Больше Спайк не беспокоил ни Капоне, ни союзников.

После Дня благодарения, 28 ноября, ситуация могла измениться. Внезапно пропал Теодор Энтон, приятель Капоне и официальный владелец отелей Anton и Hawthorne. Его тело обнаружили через месяц. Капоне научился так ловко

манипулировать прессой, что его первый биограф, репортер Фред Пасли, написал душещипательную историю, как Капоне, потрясенный пропажей Энтона, сидел в кабинете ресторана, рыдая, словно ребенок.

Почему не последовал новый виток войны или индивидуальные репрессии? Шериф Хоффман решил, что причиной исчезновения Энтона был внутренний конфликт. Пошли слухи, что Энтона в пьяной ярости убил Капоне из-за какого-то замечания, воспринятого как оскорбление. Позднее пианист одного заведения Капоне обвинил двух парней патрона в избиении Энтона до смерти. Полиция полагала, хотя и бездоказательно, что гибель Энтона – дело рук молодого Джека МакГурна, восходящей звезды Капоне. Преступление осталось нераскрытым, но можно решительно утверждать: это не был очередной эпизод бандитских войн.

Мир сохранился даже после настоящего столкновения между бандами.

Хиллари Клементс, боевик Ральфа Шелдона, исчез 16 декабря 1926 года. Его брат обратился с просьбой вернуть тело Хиллари к Рождеству, однако тело обнаружили двое детей в яме 30 декабря.

Число гангстерских убийств росло, случилась бойня в День святого Валентина в 1929 году. Но мир сохранялся, бандитские войны закончились. Капоне стал слишком сильным, а остальные – слишком осторожными. Отныне Капоне лично имел дела с людьми, которые бросали ему вызов.

В остальном Капоне оставался, кем был на протяжении довольно долгого времени, – Большим братом.

11 декабря Большой Билл Томпсон объявил, что снова будет баллотироваться на должность мэра. Получив 433 000 подписей в поддержку своей кандидатуры, Томпсон сказал: «Спасибо за поддержку, я умею быть благодарным». Капоне, как и весь остальной криминальный мир Чикаго, был счастлив.

28 декабря 1926 года на смену Эдвину Олсону, чьи полномочия в качестве федерального прокурора истекали 2 января 1927 года, был назначен юрист и распорядитель канцелярского суда по фамилии Джонсон. Джонсон казался простым человеком, занимавшим должность, которая не вызывала особых проблем.

Однако Джонсон к своему имени добавил букву «Q.», его имя выглядело как «George E. Q. Johnson». Он стремился выделиться.

Для Капоне, находящегося на вершине преступного мира, амбиции нового назначенца принесут зловещие последствия.

Глава 16
Большой парень на вершине

Шумный скандал вокруг убийства О'Бэниона поставил крест на карьере Майка Хьюза, главы детективного отдела Департамента полиции Чикаго.

Через некоторое время он перешел на должность начальника окружной полиции округа Кук. В 1925 году, когда стало ясно, что мэр Девер не в состоянии решить проблему алкоголя в Чикаго, Капоне снял номера в отеле Metropole, Сауз Мичиган-авеню, 2300, рядом с заведением Four Deuces. С наступлением мира он переместил туда главную штаб-квартиру из отеля Hawthorne, а Хьюз гордо заявил, что выжил Капоне из Сисеро.

«Выжить меня из округа Кук? – рассмеялся Капоне. – Кишка тонка. Я перебрался из Сисеро за три месяца до перевода Хьюза. Причина, по которой я переехал в Metropole, намного проще: круг интересов расширился, и понадобилась новая штаб-квартира».

Район, в котором находился Metropole, потерял былую престижность. Тем не менее, сняв изначально десять номеров, включая и собственные № 409 и № 410, Капоне постепенно довел количество до пятидесяти. В двух помещались тренажерные залы, и Капоне настаивал, чтобы люди занимались. Коридоры патрулировали боевики. Его постоянно посещали политики, городские чиновники, хозяева салунов и борделей для решения различных вопросов. Полицейские в форме сновали туда и обратно, не обращая внимания на боевиков, открыто ведущиеся игры, проституток, нелегальные бары прямо в вестибюлях, не говоря о питейных заведениях наверху.

Хватка Капоне усиливалась, ему не приходилось делать что-то лично. Клондайк О'Доннелл и Фэ Сэммонс готовились получить срок за торговлю спиртным; Левшу Консила застрелили вместе с другим боевиком Салтиса, Чарльзом Хубачеком (это мог быть заказ Ральфа Шелдона). Салтис большую часть времени проводил или на летних курортах, или в своем поместье в северном Висконсине.

Нельзя говорить о возвращении Билла Томпсона в прямом смысле этого слова, поскольку он никогда не уезжал. «Самый видный пуританин нашего времени» в любой момент мог привлечь внимание прессы.

Томпсон был вынужден отказаться от участия в выборах 1923 года. Он построил судно из кипариса (стоимость с учетом всех затрат составила $25 000), которое назвал «Большой Билл». Он

пообещал избирателям отправиться в южные моря, чтобы привезти в Чикаго легендарную рыбу-древолаза (никто не рассказал Томпсону, что ползунновые рыбы уже давно экспонируются в Филдовском музее естественной истории).

Большой Билл добавил, что научная экспедиция продемонстрирует необходимость строительства коммерческого водного судоходного канала от Чикаго до реки Миссисипи. Для реализации проекта было необходимо провести драгирование шестидесяти трех миль реки Иллинойс.

Томпсон предложил делать инвестиции в его грандиозный проект. Буксир тянул «Большого Билла» по Чикагскому санитарно-судовому каналу (по пути Томпсон произносил громкие агитационные речи), перед Новым Орлеаном он перебрался на обыкновенное пассажирское судно и вернулся в Чикаго. К большому сожалению Томпсона, общественность от участия в проекте уклонилась: никто не дал ни цента.

Никто не сомневался, что Томпсон снова будет избран мэром Чикаго. Он полностью порвал с Фредом Лундином, который спонсировал нового кандидата, доктора Джона Дилла Робертсона, гениального шарлатана. В 1915 году, несмотря на недовольство общественности, мэр Томпсон назначил Робертсона комиссаром здравоохранения Чикаго. 6 апреля 1926 года, за год до выборов, Томпсон уничтожил политического противника во время мероприятия, получившего название «крысиное шоу». Оно прошло днем в театре «Корт» в Чикаго Луп.

Томпсон показал зрителям двух больших серых крыс, которых представил как Фреда Лундина и Старого Дока Робертсона. «С левой стороны находится Док, – пояснил он ошарашенной аудитории. – Скажу по секрету, он не принимал ванну лет двадцать. – Одарив публику фирменной улыбкой вечного мальчика, Томпсон обратился к правой клетке: – Фред, позволь кое-что спросить. Разве я не был твоим лучшим другом? Ну, ну, не опускай так голову. Не правда ли, что я специально вернулся домой из Гонолулу, чтобы вытащить тебя из тюрьмы? Хотя какой благодарности можно ожидать от крыс?

Помнишь, Док, – Томпсон снова повернулся к левой клетке, – как тысячи граждан протестовали против твоего назначения комиссаром здравоохранения? Я встал на твою защиту! Сейчас я называю крысами тебя и Лундина!»

Робертсон не стал участвовать в праймериз 1927 года.

В апреле Томпсону предстояло столкнуться с действующим мэром Девером. Девер не хотел баллотироваться еще раз, но был нужен демократам, чтобы остановить Томпсона.

Избирательная кампания Большого Билла шокировала всю

страну. «Каким-то невероятным образом, – восхищалась The New York Times – он объявил короля Георга V злейшим врагом Соединенных Штатов!» Томпсон критиковал начальника Департамента образования в администрации Девера, назвав его «подсадной уткой короля Георга и лидером заговора, направленного на подрыв патриотизма у чикагских школьников». Томпсона несло дальше: «Не удивлюсь, – заявил он, – король прилагал усилия, чтобы в нашей стране не прошел Закон Волстеда. Он хотел, чтобы английские производители алкогольной продукции заработали состояния на продаже нам контрабандного алкоголя! Но ваш Ковбой Билл придет на помощь. Если Георг осмелится появиться в Чикаго, я лично пущу ему кровь из носа!»

Девер отвечал: «Я пытаюсь заставить оппонента говорить о конкретных проблемах. Задаю вопросы и получаю единственный ответ – Америка всегда на первом месте. Как я могу оппонировать человеку с такими мозгами? Что творится в его голове? При чем здесь король Георг?» В этом, как утверждал один из сторонников Томпсона, и была проблема Девера. Газета Star, издававшаяся в Пеории, писала: «Билл знал электорат лучше, чем его оппоненты…»

Больше всего Деверу в отношениях с электоратом мешала настойчивость в попытках обеспечить соблюдение сухого закона. Результаты его деятельности не вызывали симпатий ни у «сухих», ни у «мокрых». Сторонники Девера противопоставляли громогласным лозунгам Томпсона вопросы, обращенные к избирателям: хотят ли они жить в обществе, где дети смогут посещать «чистые, спокойные школы, дающие качественное образование», при администрации, не склонной к разжиганию скандалов.

Его кампания действовала под лозунгом «Девер и порядочность», но, как прокомментировал один старый политик, «кого, черт возьми, интересует порядочность?».

Для Капоне и других главарей банд имела значение только одна проблема. Большой Билл с гордостью говорил о собственной избирательной кампании: «Даже Атлантический океан не такой мокрый».

Под пристальным вниманием Девера полиция была вынуждена закрывать тысячи питейных заведений. «Когда меня изберут мэром, – говорил Томпсон, – мы не только откроем эти места, но и еще десять тысяч новых. Я вышвырну со службы любого полицейского в Чикаго, который пересечет порог чьего-либо дома или коммерческого предприятия без ордера. Ни один коп не вторгнется в ваш дом, чтобы провести незаконный обыск».

В офисе в Metropole Капоне повесил портрет Большого Билла рядом с портретами Вашингтона и Линкольна. Люди Аля собрали на кампанию Томпсона по $40 с заведений, в которых не было игровых автоматов, и по $250 с тех, которым повезло больше.

Дэниел Серрителла, близкий друг Капоне, пожертвовал много денег для поддержки избирательной кампании. Он стал главным инспектором тюрем в администрации Томпсона.

В общей сложности, Капоне пожертвовал в избирательную кампанию не менее $100 000, хотя Фрэнк Дж. Леш, глава Чикагской комиссии по борьбе с преступностью в администрации Девера, полагал, что сумма может составлять $260 000. Суперсутенер Джек Зута внес $50 000 наличными, сказав: «Самое важное на рыбалке – крючок, леска и грузило, а Большой Билл – и первое, и второе, и третье».

Босс демократов Бреннан съязвил, что все городские хулиганы горой стоят за Томпсона. Он обратил замечание себе на пользу, называя аудиторию товарищами по хулиганству. Однажды вечером Томпсон и Кроу вышли из гостиницы Sherman и обнаружили, что шины на их автомобилях проколоты. Кроу сказал: «Благопристойные сторонники Девера весьма грубо отнеслись к нам, хулиганам, стоящим за Томпсоном. Полагаю, это дело рук какого-нибудь аристократа из Золотого берега, вооруженного зонтом-тростью с заостренным наконечником».

Когда головорезы Норд-Сайда, подавив сопротивление сторожа, разгромили офис одного из олдерменов Девера в сорок втором округе, шеф полиции Коллинз приказал своим людям провести основательную зачистку лидеров северян. За день до выборов, 5 апреля 1927 года, отряд полицейских остановил Винсента Друччи с двумя спутниками на выходе из отеля Bellaire.

Отрядом руководил Даниэль Хили, еще в начале двадцатых годов пристреливший грабителя и однажды стрелявший в Джо Салтиса. Он сцепился с Друччи почти мгновенно.

Гангстер, которого Хили держал за руку, проклинал детектива на чем свет стоит. В результате Даниэль влепил Друччи хорошую оплеуху и, вынув револьвер, пригрозил: «Назови меня так еще раз».

Хили повез гангстера в суд для слушания habeas corpus[106]. Потасовка продолжилась прямо в служебном автомобиле. В рапорте Хили начальству (скорее всего, рапорт был несколько переработан прессой) говорилось: «Когда Друччи посадили в машину, он сказал: «Я тебя… [нецензурн. выражение]! Буду ждать на пороге твоего дома!» Я приказал заткнуться, на что Друччи ответил: «Давай, медведь, продолжай и не сомневайся, я смогу все исправить». Я снова приказал замолчать, однако Друччи

заорал: «Вот уберешь ствол, и я из тебя душу выбью».

Друччи привстал на одну ногу и ударил меня по голове со словами: «Тебе даже револьвер не поможет, ублюдок».

Машину пришлось остановить, и Хили вышел наружу. Далее опять следует выдержка из рапорта: «Он провел рукой по правой стороне [окна] через занавес и выскочил следом. «Пора тебя убить», – сказал Друччи и схватил меня за правую руку. Я выхватил револьвер левой рукой и произвел четыре выстрела». Пули попали Друччи в руку, ногу и живот; он умер раньше, чем машина детективов доехала до окружной больницы.

Когда адвокат Друччи, Морис Грин, использовал слово «убитый», начальник детективов Билл Шумейкер не смог удержаться от сарказма: «Мне не известно ни о каком убийстве. Бандит Друччи был застрелен при попытке завладеть оружием офицера», добавив, что полиция будет ходатайствовать о представлении Хили к медали. Коллегия присяжных при коронере вынесла решение об оправданном убийстве.

Один из сторонников Томпсона позже писал, что «Ребята Капоне… были привлечены к борьбе против гангстеров, действующих под лозунгом «Девер и порядочность»… Украсть голоса у Томпсона? Это было невозможно там, где находились люди Капоне!» На самом деле выборы оказались тихими и однобокими. «Они [демократы] пытались, – объяснял в свое время Уилл Роджерс[107], – победить Билла, используя лучших представителей электората. Но в Чикаго таких представителей просто не существовало».

Это утверждение не совсем справедливо. Девер уделял много внимания избирателям, имеющим пуританские настроения, но рядом были чистые и здравомыслящие люди. Например, профессор Чарльз Э. Мерриам[108], социолог Джейн Аддамс[109] и реформатор Гарольд Айкс[110], позже работавший в кабинете Франклина Рузвельта.

Поклонники Девера осознавали его честность и благородные намерения. С другой стороны, огромное количество избирателей не воспримали демократическую машину Бреннана. Некий ученый, посетивший той весной Чикаго, выразил недоумение, что «некоторые из его самых умных и прогрессивных друзей намеревались голосовать за Большого Билла. Заинтересовавшись, чем вызвано «такое безусловно невероятное решение», услышал: «Томпсон ратовал за простого человека, в то время как Девер и его прилизанные товарищи думали только о собственном благополучии и никому не нужных социальных программах».

Мэк Стейли, голосовавший за Томпсона, до сих пор работает продавцом в магазине канцелярских принадлежностей, хотя ему

уже около девяноста. «Большой Билл был очень хорош», – вспоминает Стейли, рассказывая, как Томпсон каждый год устраивал встречи с детьми в городском парке развлечений.

«Зададим им трепку, ковбои! – кричал Томпсон в мегафон, стоя на столе в стиле Людовика XIV, вынесенном из его штаб-квартиры в отеле Sherman и размахивая над головой сомбреро по привычке, привнесенной из далекой юности. – Я всех оседлаю и поскачу галопом!» Так или иначе, Большой Билл одержал убедительную победу, получив 512 740 голосов против 429 668 Девера. Позже Элмер Дэвис[111] задавался вопросом: «Есть ли какая-то тайна в возвращении Томпсона?», и сам себе отвечал: «Одна тайна, возможно, есть, несмотря не то, что за Девера проголосовало почти четыреста тридцать тысяч человек».

Избранный мэр устроил праздник в клубе Fish Fans, расположенном на судне, пришвартованном к берегу озера Мичиган. Основанный Томпсоном в 1922 году клуб якобы служил для развития рыболовных ресурсов[112], однако на самом деле запирающиеся шкафчики приветливого плавучего сооружения всегда были наполнены контрабандной выпивкой. На борт судна тем вечером поднялись полторы тысячи гостей, несмотря на предупреждение смотрителя, что гниющий корпус может не выдержать нагрузки. Fish Fans величественно опустился на дно на глубину в шесть футов. Только чудом никто не пострадал; Томпсон даже не замочил ног.

Капоне и его люди решили, что наступили благословенные времена. Через несколько месяцев после инаугурации Томпсона федеральные агенты Пэт Рош и Кларенс Конверс совершили налет на одну из пивоварен Капоне. Они держали планы в тайне, и чиновники, и полиция не имели никакой информации, Капоне тоже ничего не знал. «Предварительные наблюдения привели к выводу, – рассказал Рош по горячим следам, – что [пивоваренный завод] охраняла полиция. Рядом всегда находились несколько полицейских автомобилей, а грузовики с алкоголем выезжали в сопровождении полицейских мотоциклов.

Они были там и сегодня вечером, но вмешались, установив наши личности и осознав полномочия».

Один из сотрудников подошел к федералам и прошептал: «Этим местом владеет Аль Браун. Не беспокойтесь, все будет согласовано». Подошедший был весьма ошеломлен, когда волшебное имя (и последовавшее выгодное предложение) не смогло решить проблему. На его памяти еще никто не отворачивался от Большого Друга!

На следующий день после выборов Томпсона произошла трагедия на озере за плотиной Рузвельта в Аризоне. Santa Maria,

четырехместный самолет-амфибия, пилотируемый известным летчиком Франческо де Пинедо[113], совершил всемирное турне во славу фашистской Италии. После дозаправки вокруг самолета образовалось нефтяное пятно. Молодой человек из числа зевак закурил сигарету, бросил спичку в воду, и Santa Maria зашлась в огне.

Муссолини предоставил Пинедо другой самолет, Santa Maria II, и летчик продолжил путешествие, запланировав последнюю остановку в Чикаго 15 мая 1927 года. Приветствовать Пинедо на озере Мичиган недалеко от города Монро собрались самые видные чикагские итальянцы: консул Италии Леопольдо Зунини, президент итальянской торговой ассоциации Чикаго Итало Э. Канини, главный фашист города Уго М. Галли и представитель мэра Томпсона судья Бернард П. Бараса. Кроме того, на встрече присутствовали главный федеральный таможенник Энтони Чарнецкий и олдермен Дорси Р. Кроу, возглавляющий «Комитет ста», назначенный уходящим мэром. Зазвучали сирены, и поднялись приветственные флаги. Присутствовали офицеры Воздушных сил и ВМФ США. Один репортер заметил, что не менее тысячи итальянцев собрались в надежде поцеловать героя. По совпадению, через шесть дней, 21 мая 1927 года, капитан Чарльз А. Линдберг[114] высадился в Париже.

Несмотря на толпу приветствующих, одним из первых Пинедо приветствовал Аль Капоне. Полиция опасалась антифашистских беспорядков и решила, что присутствие Капоне подавит бунтарские настроения скорее, чем отряды патрульных.

Могущество Капоне достигло поистине невероятных масштабов. Его принял высший свет Чикаго: он ожидал прибытия де Пинедо на яхте основателя компании Zenith.

Высшее общество испытывало трепетный страх от сотрудничества с Капоне, полагая, лучше иметь под рукой прирученного и любезного тигра. Он считался крайне опасным человеком, излучавшим силу и постоянно нарушавшим закон, бесцеремонным убийцей, отправившим на тот свет десятки, а может быть, и сотни человек. Но уважаемые люди Чикаго ощущали себя рядом с Капоне в безопасности и испытывали удовольствие от общения.

Он хорошо одевался, говорил и вел себя соответствующим образом (может быть, несколько ярко). Один современник описал Капоне, как «крайне дружелюбного человека, который обязательно пожмет вам руку при встрече и одарит приятной, почти что заискивающей улыбкой». Он часто улыбался, легко и непринужденно.

Капоне был очень щедрым: каждое Рождество тратил на

подарки друзьям и знакомым более $100 000.

Однажды для близких друзей он заказал тридцать ременных пряжек с инициалами, выложенными бриллиантами, по $275 каждая. (В то время ужин из белой рыбы с картофелем фри и салатом в ресторане стоил 65 центов, ребрышки – 40 центов, а фунт кофе в A&P – 45 центов).

Преданность Капоне была легендарной (вспомните высказывание про желтую собаку); таким же было чувство чести.

«Если он дал слово, – говорил один критиков, – можете поверить». Капоне был интересным собеседником, прекрасно разбирался в спорте, политике, театре, кинематографе, джазе и итальянской опере (очень любил «Риголетто», «Трубадура», «Аиду»).

Однажды он сказал: «Стоит отдать должное Наполеону: это был величайший рэкетир в мире. Я бы натаскал его в паре моментов. Figlio puttana слишком много о себе мнил. Ему следовало сделать выводы по прибытии на остров Эльба. Но Наполеон был таким, как и мы. Он не знал, когда нужно остановиться, и вернулся в рэкет. Наполеон сам подрубил сук, на котором сидел».

Безусловно, бутлегерство оставалось главным прибыльным делом Капоне, Аль заставил непопулярный закон работать на него. Капоне признавался, что занимается бутлегерством: «Мои товары пользуются спросом у лучших людей».

Капоне отмечал, что только в округе Кук находится семь тысяч салунов, а 18-я поправка породила нелегальный бизнес с годовым оборотом в $70 миллионов. По его словам, «мокрых» жителей округа в пять раз больше, чем «сухих». «Закон не способен утолить жажду», – говорил он. Капоне ловко обходил все возможные сомнения, касающиеся нравственности клиентуры. «Когда мы перевозим алкоголь в грузовиках – это бутлегерство; однако, когда вам подают спиртное в клубе, где-нибудь на Золотом берегу, – это прием гостей».

«Я просто обеспечиваю законный спрос. Некоторые называют это бутлегерством. Другие – рэкетом. Я называю это бизнесом. Говорят, я нарушаю сухой закон. А кто его не нарушает?» Технически покупатель не совершал преступления, но с точки зрения нравственности, дело обстояло не так просто.

Некоторые высказывания Капоне об обществе могли вызвать раздражение у самого бесчувственного обывателя. «Как только мы ставим добродетель, честь, правду и закон на пьедестал, сразу становится видно: сегодня люди почти ничего не уважают, – жаловался Капоне. – Наши дети уважают только вещи. Посмотрите, какой беспорядок мы сделали из жизни!» Он

выражал сожаление по поводу контроля над рождаемостью, подрывающего жизнеспособность Америки, ненавидел гомосексуалистов, короткие стрижки вертихвосток, вызывающую одежду и дурные манеры. «Проблема современных женщин, – философствовал Капоне, – в том, что они слишком много заботятся о вещах, находящихся за пределами дома. Истинное счастье женщины – ее дом и дети. Если бы женщины оставались дома, нам не приходилось бы так много беспокоиться о них».

Капоне был возмущен нравственным падением в двадцатые годы XX века: «Реформисты не справились с проституцией, они ее распространили и сделали опасным явлением. Теперь девушки не проверяются врачами отдела здравоохранения раз в неделю и не сосредоточены в Дамбе. Они живут в роскошных жилых домах, общаясь с женами и дочерьми лучших людей города. Проститутки просто ушли в подполье».

Капоне сделал из Лица со шрамом беспредельно дурного человека, публичную фигуру, овеянную романтикой.

Для тех, кого Капоне любил, он был Snorky (стильный, современный, даже великолепный). Люди использовали это слово, чтобы заработать расположение босса. Капоне стал достопримечательностью. Туристы, горящие желанием увидеть что-то связанное с Капоне, проезжали мимо гостиницы Hawthorne, известной как замок Капоне.

Даже обычные передвижения по городу Капоне превращал в настоящее шоу. Его машина казалась крепостью на колесах, впереди которой ехал седан, заполненный телохранителями. Люди трепетно восклицали: «Едет Капоне!» Любопытствующий народ собирался на тротуарах. Разворачивалось настоящее зрелище: Капоне сидел на заднем сиденье бронированного автомобиля, вальяжно развалясь, в одном из двадцати костюмов, сшитых по индивидуальному заказу – каждый обходился в $135. Длинное пальто Капоне стоило $195.

В те времена Морис Ротшильд, содержавший роскошный магазин на улице Стейт, был счастлив продать лучший костюм стоимостью $85 хотя бы за $50.

Snorky предпочитал зеленый и канареечный цвета, стоимость его сорочек (заказываемых десятками) доходила до $27, не считая воротничков и манжет. Костюмам соответствовали галстуки и носовые платки (как-то он заказал двадцать восемь комплектов, по $7 за штуку). Нижнее белье из итальянского шелка стоило $12.

На голове Капоне носил широкополую фирменную шляпу борсалино, текстуры класса А. Когда он подносил ко рту черную толстую сигару, зрители могли заметить на пальце бриллиантовое кольцо Jagersfontein ($50 000, 11,5 карата).

Для пеших прогулок по городу использовался целый отряд. Восемнадцать телохранителей окружали патрона, в зависимости от местоположения и текущего состояния напряженности между гангстерами. Регулярная охрана состояла из десяти человек (четверо находились впереди, четверо охраняли сзади, двое по бокам). В театре или опере Капоне покупал дополнительные места, чтобы телохранители окружали его и гостей. Телохранитель, сидящий за Капоне, постоянно нервничал, поскольку понимал, что играет роль человеческого щита, находящегося на линии огня.

Прислуга Капоне, включая охранников, водителей и так далее, получала заработную плату от $100 до $500 в неделю.

Естественно, такая роскошь и расходы требовали королевских доходов. Несмотря на кошмары 1926 года, генеральный прокурор Эдвин Олсон подсчитал, что годовой оборот бизнеса Капоне составляет $70 миллионов. Газеты оценивали личный доход Капоне не менее чем в $3 миллиона. Только Stockade, пока его не сожгли ожесточенные бдительные граждане, приносил Капоне около $100 000 в месяц. Из учетных записей, перехваченных федералами, следовало, что прибыль игорного заведения, работающего под прикрытием магазина табачных изделий в Хоторне, составила за два года $587 721 и 95 центов.

Согласно оценке Налогового управления США, в 1927 году, с наступлением мира и усиления влиятельности Капоне, общий оборот превысил $100 миллионов. $60 миллионов пришли от занятия бутлегерством, причем Капоне утверждал, что даже в самые тяжелые месяцы под «мягким наблюдением Томпсона ему удалось осуществить пять тысяч поставок». Накладные расходы, оплата офисов, ущерб от федеральных рейдов и взятки судьям составляли $50 000 в месяц или $600 000 в год. $24 миллиона приносили азартные игры, $10 миллионов поступало от борделей, танцевальных залов и пригородных отелей, еще $10 милионов составляло категорию «разное», включая рэкет, и принудительные поступления денежных средств от других банд.

Конечно, расходы были немалые. Капоне утверждал, что платил $30 миллионов в год только за политическую и полицейскую защиту.

Никто не знал – вероятно, включая и самого Капоне, – сколько составляет его доля. Правительство оценивало его доход в 1927 году в $218 057 и 4 цента.

Это составляло меньше десятой части от реальной суммы.

Капоне нуждался в каждом центе для поддержания чрезвычайно дорогостоящих привычек: азартных игр и щедрости. Один исследователь прокомментировал эти привычки

следующим образом: «Аль – простофиля похлеще любого провинциала, приехавшего покорять Чикаго».

Капоне часто носил с собой $50 000, чтобы перекинуться в кости, не менее $1000 за кон: возможно, ему нравилось смущать других игроков подобными ставками. Иногда он делал ставку в $50 000 или даже $100 000. Капоне часто проигрывал.

$50 000 или $100 000 могли уйти на лошадиных бегах. Капоне увлекся бегами в 1924 году, познакомившись с жокеями и тренерами в Хоторне. Благодаря подсказкам и внутренним сведениям он смог выиграть $50 000 за неделю. Капоне моментально поддался второй дорогостоящей привычке – чрезвычайной щедрости: начал закатывать пиры для наездников.

Удача (или расчет) изменила Капоне, и к концу забега он потерял $200 000. Но не остановился и через несколько недель на следующем этапе бегов проиграл еще $500 000. С немногими избранными Капоне щедро делился советами. Однажды на бегах он встретил фоторепортера. «Эй, парень, – вспоминает Энтони Берарди, не хочешь поставить на пятый номер?» – спросил Капоне, указывая на лошадь, которая никогда не выигрывала забегов. «Как, черт возьми, эта лошадь может победить? – возразил Берарди. – Забудь об этом». Перед стартом один из боевиков Капоне засунул в карман Берарди пятидолларовый билет. Ставки были 60 к 1, лошадь выиграла забег, и, забирая выигранные $300, фотограф проклинал, что не послушался совета.

Ничто не могло угомонить страсть Капоне к азартным играм.

Говоря на сленге того времени, он неизменно заканчивал игру «с сумкой над головой» и всегда выплачивал проигрыш. Весной 1927 года Капоне сказал друзьям: «Я потерял $1,5 миллиона на лошадях и костях за последние два года. И поверьте, ничуть не жалею. Если кто-то даст миллион, я тут же поставлю на первую понравившуюся лошадь».

Два года спустя он сказал журналисту, с которым поддерживал дружеские отношения, что «с тех пор, как перебрался в Чикаго, его одурачили на $7,5 миллиона». Никто не усомнился в сказанном.

Вечеринки, регулярно устраиваемые Капоне для жокеев, напоминали сатурналии[115]. Капоне и спутники заходили в кабаре или в джазовый концертный зал (принадлежавший Капоне или кому-нибудь еще), закрывали для посторонних и объявляли: вся выпивка этим вечером за его счет. Официантам Капоне всегда давал $100 чаевых; гардеробщицам не меньше $10. Музыканты вспоминали, Капоне с компанией всегда сидели в углу и вели себя шумно и весело; при нем обязательно стоял телохранитель,

пристально осматривающий помещение в поисках источников опасности. С лица Капоне не сходила улыбка, он был очень любезным.

Капоне мог оккупировать заведение для нескольких сотен друзей и коллег, бросив владельцу $5000 и не приняв сдачу. Банкеты в гостинице Metropole длились два дня и стоили $1800. Однажды, на День рождения, он устроил трехдневную вечеринку с шампанским и музыкой Фэтса Уоллера[116].

Когда суд окончательно оправдал Скализа и Ансельми, 9 июня 1927 года, Капоне закатил вечеринку стоимостью $25 000, описанную одним гостем как потоп. Кульминационным моментом вечеринки была стрельба пробками из бутылок Piper Heidsieck и Mumm's. Алкоголем был залит весь пол.

В том же году Капоне превзошел себя и устроил торжество длиной в целую неделю в честь боксерского поединка между Джеком Демпси[117] и Джином Танни[118], обошедшееся в $50 000. Это был изящный жест: именно эту сумму Капоне поставил на своего друга Демпси. Он планировал дать больше денег нужным людям, чтобы Демпси точно победил. Демпси отговорил главного поклонника от подтасовки результатов, считая это неблагородным. Капоне отправил огромный букет Демпси, к которому приложил открытку, гласившую: «Семье Демпси во славу благородства».

Аль Капоне покидает зал судебных заседаний в Чикаго. 24 октября 1931 года.

Благодеяния Капоне обходились не дороже, чем гостеприимство, но определенно пробуждали в людях особенную любовь к нему.

Прежде чем смертельно поссориться с Капоне, Теодор Энтон любил рассказывать, как дождливым вечером он потащился в ресторан, продавать газеты.

– Сколько у тебя осталось, парень? – спросил Капоне.

– Кажется, около пятидесяти.

Капоне вынул $20:

– Брось газеты, – сказал Капоне, помахав купюрой, – и беги домой к маме.

Нищие, мошенники, бывшие заключенные, люди, имеющие за плечами тяжелый жизненный опыт, воспринимали Капоне как легкого в общении и открытого человека. Полицейский в отставке до сих пор вспоминает историю пожилой женщины, которую выдворили из квартиры за неуплату. Капоне отрядил грузовик, чтобы собрать скудные пожитки несчастной старушки, выброшенные на тротуар. Его люди бережно собрали вещи и перевезли в новую, оплаченную Капоне квартиру.

Дело было не в личных переживаниях Капоне. Содержатели различных заведений в Сисеро обеспечивали нуждающихся углем (на зиму), пищей и одеждой. Капоне не был исключением. Когда случился биржевой крах 1929 года, Капоне одним из первых открыл ряд кухонь, где бесплатно кормили супом.

Возможно, он навязал содержание этих кухонь частным компаниям, возможно, некоторые лавочники Сисеро не получали от Капоне полной оплаты. Тем не менее, когда годы спустя А. Дж. Либлинг[119] посетил Чикаго, водитель такси вспоминал Капоне как хорошего парня, кормившего бедняков в годы кризиса.

«Можно говорить про Аль Капоне все, что угодно, – говорила женщина, которой в 1927 году было шестнадцать, – но если люди были в отчаянии и нуждались в помощи, он помогал, не ожидая ничего взамен». Ее сын, сержант-детектив из полиции Сисеро, с детства впитывал эти истории: «Мои люди, – говорил полицейский, – воспринимали Капоне как Робин Гуда», и мать повторяла следом: «Правильно, он был как Робин Гуд».

На самом деле Капоне был одновременно и лучше и хуже. К светлой стороне (если не считать рэкет и вымогательство у других бутлегеров и содержателей казино) можно отнести, что Капоне не воровал. Он гордился превращением грабителей и разбойников в полезных членов общества. Конечно, в основном

он обирал не богачей, а представителей среднего класса и высокооплачиваемых рабочих, которые могли позволить кружку пива или посещение салуна. Капоне не обижал бедняков: они и так едва могли прокормиться. «Я не знала, что такое соус или стейк, – вспоминала Санта-Руссо Болдуин, одна из девятнадцати детей чернорабочего. – Мы ели только шейные кости. Но было много спагетти – с горохом, фасолью, маслом, поэтому мы не голодали. Отец делал вино. Люди вроде него не заглядывали в пивную кружку, не говоря уже о подпольных салунах, кабаре и азартных играх.

С другой стороны, Капоне не давал нищим сколько-нибудь значительных средств на регулярной основе (помимо приступов благородства).

До Робин Гуда ему было далеко.

Капоне управлял огромной растущей империей благодаря великому таланту управленца, которым восхищались даже критики.

Посетители офиса Капоне в Metropole обнаруживали его в одной рубашке, сидящего за рабочим столом, заваленным бумагами, с одновременно звонящими девятью телефонами. Разговоры с Капоне постоянно прерывались срочными запросами на получение инструкций и различных решений. Однажды Тони Берарди попросил встречи, чтобы сделать несколько фотографий. Он часто боксировал по вечерам в четверг в любительских поединках, проводящихся в тренажерном зале Сильвио Феретти. Тони нравился страстный поклонник бокса Капоне. Прежде чем Берарди открыл рот, Капоне поднял глаза и спросил:

– Тони, ты действительно думаешь, что можешь постоянно меня беспокоить?

– Аль, ради бога, я пришел сделать твои фотографии, а не звать на ринг. Но, если хочешь, пойдем к Сильвио и наденем перчатки.

– Малыш, – вздохнул Капоне с ощутимым сожалением и посмотрел на стол, заваленный бумагами, и на трех-четырех человек, ожидающих ответа босса, – у меня нет на это времени.

Люди из команды восхищались Большим другом, чувствовали себя элитой из-за того, что работали на Капоне. «Капоне нанимает только джентльменов», – хвастался Гарри Доремус, один из ближайших соратников. – Они должны прилично выглядеть, обладать хорошо поставленной речью, а не разговаривать на языке головорезов. Капоне нанимал людей с осторожностью и требовал соответствующего внешнего вида и соблюдения правил поведения.

Капоне любили не только за щедрость. Люди восхищались его

могуществом. Однажды у одного из секретарей Капоне возникла телефонная заминка с представителем суда. Взяв трубку, без предварительных переговоров, Капоне произнес имя человека, вызвавшего некоторые проблемы, а затем рявкнул: «Кажется, я уже говорил, что его следует уволить. – Стоящий рядом секретарь услышал какие-то скрипы на другом конце. – Или ты забыл? – продолжал Капоне. – В следующий раз не забывай!»

Вне офиса в общении с людьми Капоне был по-настоящему галантным джентльменом.

«Он всегда прикладывал руку к головному убору, – вспоминала женщина, выросшая в районе, который Капоне посещал во время проверок перегонных установок. – И был образцом вежливости». Иногда она встречала босса в золотых очках, в которых Капоне никогда не фотографировался.

Капоне проявлял вежливость и при общении с полицией. Джозеф А. Рефке был новичком, когда впервые увидел Капоне. «Эй, Джо, – сказал партнер, указывая на огромный припаркованный Cadillac, – это Аль Капоне. – Рефке высунул руку из окна патрульной машины и приветственно помахал: «Привет, Аль!» – «Мы были незнакомы, – вспоминал Рефке, но Капоне махнул в ответ и улыбнулся: «Здравствуйте, офицер!» Казалось, он испытывает к уличным полицейским искреннюю симпатию. «Я ничего не имею против честного полицейского, несущего нелегкую службу, – сказал однажды Капоне. – Кого было нельзя купить, я переводил на места, где они не могли причинить вред. Но не говорите о честности полицейских начальников или судейских. Если они не покупались, то просто теряли работу».

Однажды полицейские получили информацию, что в одном из офисов Капоне на Сауз-Сайде скрывается беглый преступник. В штаб-квартире находились только боевики Капоне, которые при виде полицейских сбросили оружие в кучу. Полицейские гордо предоставили конфискованную артиллерию начальству.

«Вам кто разрешал это делать?! – зарычал капитан. – Живо унесли все обратно!»

В то время стандартная угроза для провинившегося полицейского звучала следующим образом: «Еще одна подобная выходка, и тебя ждет Хегесвич!» Леопольд и Леб оставили там тело Бобби Фрэнкса, рассудив, что его попросту некому будет обнаружить.

Полицейские поняли, что находятся на полпути к Хегесвичу. В отчаянии они направились мириться с Большим другом. «Понимаю, ваш капитан не виноват, – сказал Капоне, – а вы, ребята, ошиблись. Не делайте так больше».

Подобные случаи подогревали восторг людей Капоне перед

боссом, а он проявлял заботу и внимание.

Капоне оплатил расходы на лечение и отправил на шестинедельную реабилитацию в Майами раненного во внутренней стычке боевика. Парень был счастлив, несмотря на то, что целью Капоне было отправить его подальше, пока событие не остыло. Красивый жест босса сохранился в памяти.

Эксцессы, случающиеся с Капоне, помогли завоевать восхищение и привязанность окружающих. В отличие от аскета Торрио, любовь к свободе давала Капоне своеобразную лицензию на любимые развлечения. Он превзошел всех. Его игровому азарту позавидовал бы Ник Грек[120]. Жена одного из боевиков вспоминала, как ее муж пытался втащить мертвецки пьяного Капоне в машину. Капоне не воспринимал всерьез собственные слова, обращенные к Роберту Джону, что можно готовить алкоголь, но пробовать ни в коем случае нельзя.

Несмотря на неизменную привязанность к Мэй, Капоне не хранил супружескую верность. В Roamer Inn, одном из первых придорожных борделей Торрио-Капоне, развивался бурный роман между девушкой по имени Марселла и музыкантом, пока бармен не просветил пианиста: «На твоем месте я бы поспешил уволиться, приятель. Это девочка Аль Капоне». Молодой кедди[121] из Бернэмского гольф-клуба случайно услышал разговор о вечеринке, которую устраивал Капоне. Вечеринку называли оргией. Любопытство взяло верх, и юноша забрался на балкон второго этажа. Через окно он увидел около двадцати пар, совершенно обнаженных. Полностью одетый Капоне смеялся, радуясь гостям.

Дома Капоне вел себя по-другому – кроме тяги к роскоши: в ноябре 1927 года возникли неприятности с Налоговым управлением, потому что он затруднялся объяснить, где взял деньги на приобретение китайских ковров общей стоимостью $1500, доставленых в дом на улице Прэри.

Рядом с семьей он становился домашним человеком. В начале 1927 года Капоне встретил репортера у двери в розовом переднике, занимаясь приготовлением соуса для спагетти. Ему нравилось отдыхать в халате и тапочках, играя с обожаемым сыном (в семейном кругу ребенка иногда называли Джиггс).

Сестра Мафальда, на двенадцать лет моложе Капоне, очень любила брата. Девушка училась в школе Ричардса, дорогом и эксклюзивном заведении для юных леди. Каждое Рождество Капоне щедро одаривал учениц и преподавателей.

Позже Мафальда возмущалась многочисленными газетными статьями, порочащими брата: «Лучше бы писали, какой он хороший человек. Все, кто близко знаком с братом, согласятся».

Он стремился оберегать даже брата Джона, который был всего на два года младше.

В 1927 году Капоне исполнилось двадцать восемь лет, но, по словам одного исследователя, он выглядел на пятнадцать лет старше и вел себя, будто прожил тысячу лет.

Джон, или Мими, как его называли в семье, был изрядным оболтусом. В восемнадцать лет Джона оштрафовали за безобразное поведение. Капоне доверял брату сопровождение грузовиков с пивом к пригородным кабаре и борделям.

В одном из них, Arrowhead Inn, он влюбился в певицу по имени Лилиан. Капоне посчитал ее плохой партией. «Уволь эту девку, – приказал руководителю джазового ансамбля Милтону Мессироу[122]. – Убери ее, а, если я опять услышу что-то о ней и Мими, пойдешь следом».

Милтон Мессироу, профессиональный джазмен, руководивший оркестром, воспринял сказанное всерьез, особенно учитывая, что сам нанимал Лилиан.

– Я не стану ее увольнять! – заявил Мез. – Она одна из лучших артисток. Почему бы тебе не держать Мими подальше отсюда?

– Она все равно не умеет петь, – проворчал Капоне.

– Не умеет петь? Как ты можешь судить, насколько хорош виски, не почувствовав запаха? Занимайся лучше рэкетом и не рассказывай мне о музыке!

Пять или шесть боевиков, находящихся рядом, рассмеялись, и Капоне снисходительно вздохнул:

– Ладно, уж, про-фес-соры, – пропел Капоне. – Этот парень смел, но я не желаю больше видеть Мими с этой девушкой.

Такие проявления благоразумия еще больше поднимали Капоне в глазах его людей (хотя музыканты и боксеры, которым гангстеры покровительствовали, могли позволить себе многое).

В 1927 году Капоне находился на пике власти, имел поддержку самой большой и организованной силы в криминальном мире и хорошие отношения с мэром Биллом Томпсоном. Казалось, он был неуязвим. Однако начиная с весны на Капоне был совершен ряд покушений.

Фактически он закончил год в изгнании.

Глава 17
Безумие

Покушения организовал Джозеф Айелло[123]. Он организовал банду из девяти братьев, бесчисленного числа кузенов, наемных боевиков и осколков банды Джанна.

Каким образом Айелло надеялся вытеснить Большого друга? «Эти ребята, – говорил Марк Левелл, неутомимый исследователь гангстеров Чикаго, – были уверены, что смогут покорить мир, если держат под мышкой пистолет калибра 45. До тех пор пока у вас оружие – есть шанс». Как и в случае с О'Бэнионом, вопрос личного эго ставился выше денег.

С вступлением в силу сухого закона Айелло стал партнером Тони Ломбардо, добившегося успеха в производстве алкоголя. Они сумели быстро сколотить состояние, продавая самогон и прочие спиртные напитки братьям Джанна. К 1927 году Айелло владел значительной долей в бутлегерском деле, в том числе и частью перегонного предприятия братьев Джанна. Его семья владела крупной пекарней. Айелло проживал в трехэтажном особняке в тихом парке Роджерс. Дела шли неплохо.

Стараниями Капоне Ломбардо стал президентом Unione Siciliana, на что претендовал Айелло.

Айелло не перенес успеха партнера, произошла ссора, и альянс прекратил существование. Когда Айелло почувствовал, что в состоянии нанести удар, устроил охоту на Капоне, виновника его мнимых бед.

Айелло пообещал шефу одного из любимых ресторанов Капоне в Маленькой Италии заплатить $10 000, если он подмешает в еду Капоне синильную кислоту. Шеф рассказал об этом Капоне. Аль ответил: «Если бы я знал, что будет в Чикаго, просто остался бы в банде Five Points».

Затем Айелло предложил $50 000 любому, кто отправит Капоне на тот свет. Начиная с мая 1927 года по крайней мере четыре гангстера попытались убрать Капоне: один из Нью-Йорка, другой из Кливленда и еще двое из Сент-Луиса.

Но разведывательная сеть Капоне охватила весь город: почти все официанты, букмекеры, уличные торговцы, таксисты, разносчики газет, нищие и полицейские были его шпионами.

Наемных убийц обнаруживали мертвыми до того, как Капоне становилось известно о гостях. Антонио Торкио, жителя Нью-Йорка, нашли 25 мая 1927 года, убитого пятью выстрелами. Три дня спустя двести пуль, выпущенные из автомата, практически

уничтожили пекарню Айелло, ранив пекаря и брата Тони, совсем недавно оправданного по делу об убийстве Джозефа Кавалера Нерона, убийцы Тони Джанна.

Когда приезжие таланты подошли к концу, Айелло решил использовать старых убийц Джанна. Бесполезно. Убийства продолжались все лето; погибло десять человек.

По городу поползли слухи, что убийца вкладывает в руки жертв пятицентовые монеты, подчеркивая их цену.

А. А. Дорнфельд, долгое время возглавлявший Новостное бюро Чикаго, настаивал, что никогда не сталкивался с подобным. Миф родился благодаря истории Джека Пулеметчика МакГурна[124], любимчика Капоне, отвечающего за эти убийства. Он был похож на Гэтсби Скотта Фитцджеральда: «Элегантный, молодой грубиян»[125].

Имя Джек МакГурн не было настоящим, как, впрочем, и два других. Он родился в 1903 году в Ликате на Сицилии. Годовалого Винченцо Гибальди привезли в Бруклин родители Томаззо и Жозефина. Он был подростком, когда два ирландца из банды White hand случайно расстреляли Томаззо, приняв его за Вилли Альтьери, стрелка Фрэнки Йеля.

В руке Томаззо было зажато три никеля, добытых, чтобы прокормить семью.

Вдова вышла замуж за бакалейщика Анджело Демори и переехала в Чикаго. Прекрасно сложенный, Винченцо Гибальди успешно занимался любительским боксом в полусредней весовой категории. Менеджер окрестил боксера Джеком МакГурном и, в конце концов, посоветовал уйти из бокса, потому что парню не хватало духу в поединках с более жесткими противниками. Вне ринга эта слабость не проявлялась.

МакГурн научился стрелять. В девятнадцать лет Джек вернулся в Бруклин, убил бандитов, застреливших отца, и серьезно ранил Дикого Билла Ловетта. В руки обоих трупов он вложил по пятицентовой монетке, а еще одну бросил на грудь раненого. Таким образом, три никеля в руке отца вернулись к его убийцам.

В 1923 году боевики убили отчима Джека, на этот раз не случайно: Демори был связан с братьями Джанна. Гибальди, к тому времени уже присоединившийся к Торрио и Капоне, добрался и до этих гангстеров. Поскольку Аль Браун и другие преступники делали все, чтобы затруднить собственную идентификацию и защитить семейную фамилию, Гибальди тоже взял псевдоним, изменив две буквы. Так Гибальди превратился в Гебарди. Другие члены семьи также взяли эту фамилию, хотя некоторые продолжали использовать Демори или альтернативное

Демора. Тем не менее боксерское прозвище прочно застряло в газетах с добавкой Пулемет (хотя на самом деле он предпочитал револьверы). МакГурн совершил как минимум двадцать два убийства. Говорили, его настоящая фамилия Демори, или Демора… А может быть, и Гебарди.

Я такой же человек,
как и все. Все,
что я делаю, –
удовлетворяю спрос.

Капоне привязался к МакГурну. Несмотря на большой бесформенный нос, МакГурн был весьма хорош собой, с гладко зачесанными волосами и выразительными глазами.

Он одевался со вкусом и хорошо танцевал. МакГурн профессионально играл в гольф, скакал на лошадях, как индеец из племени апачи, и делал успехи во всех видах спорта, которыми занимался.

«МакГурн был милым парнем, – говорил Тони Берарди, делавший свадебные фотографии МакГурна. – Он располагал людей к себе».

Новый глава детективного отдела Департамента полиции Чикаго, Уильям О'Коннор, распорядился, чтобы всех известных преступников Чикаго принудительно проверяли на предмет наличия психических заболеваний.

Первым в очереди значился МакГурн. Тест показал, что с МакГурном действительно что-то не так, хотя, возможно, он проявлял беспокойство по поводу задаваемых вопросов. Как сказал дежурный детектив: «Если сейчас он не псих, то скоро станет». Фрэнку МакЭрлайну удалось уклониться от обследования, и, если он не был психопатом, Джека Потрошителя тоже следовало считать совершенно нормальным. Когда Болван Оберта показал сертификат о психическом здоровье, полученный у частного психиатра, стало ясно, программа О'Коннора бессильна.

О'Коннор планировал протестировать и Джо Айелло, решившего, что обладает сильной поддержкой крепких союзников. К таким союзникам, в частности, относился Моран, но от его былой мощи остались лишь воспоминания. Айелло также рассчитывал договориться с Барни Бертшером, Джеком Зутой и Билли Скидмором, полагая, что они не прочь разгромить Капоне, но, в отличие от первого рэкетира Наполеона, Капоне умело изолировал врагов, чтобы победить их по отдельности. Моран практически был бессилен, поэтому Капоне не стал тратить на него время. Капоне наведался в ближайшую штаб-квартиру

Скидмора, патронирующего азартные игры в убедительной компании из десяти боевиков, включая Фрэнки Рио, МакГурна и Джека Хейнана (по словам Аля, «более жесткого, чем МакГурн»). Визит не носил агрессивного характера: речь шла о цене заключения мира. «Послушай, Билли, – сказал Капоне (он понимал, что организатором покушений являлся Айелло), – либо ты прекращаешь играть с Айелло в мои ворота, либо…» Скидмор пообещал передать сказанное: оппозиция Капоне так и не научилась координировать амбиции и выражать единое недовольство.

Айелло продолжал безумное преследование. 13 ноября 1927 года сержант Бернард Смит, действуя по анонимной наводке, совершил налет на квартиру в Роджерс-парке, в районе, контролируемом Джо Айелло. В ходе обыска полицейские обнаружили тридцать семь динамитных шашек и список имен и адресов, указывающий на отель Rex в Северном Эшленде. В гостинице полицейские застали Анджело Ла Мантио и еще четырех бандитов Айелло. При них были три винтовки и коробка с патронами. В карманах Ла Мантио находились чеки за аренду помещения далеко на западе, на бульваре Вашингтон, и ключ от комнаты 302 в гостинице Atlantic, располагавшейся в доме 316 на улице Саут-Кларк.

Квартира на бульваре Вашингтон, 4442, располагалась в доме, принадлежащем Тони Ломбардо, и представляла собой настоящее пулеметное гнездо. В пустующем номере гостиницы Atlantic полиция обнаружила винтовки, зажатые на станках, и бинокль. Оружие было направлено в сторону входа в магазин сигар через улицу по Сауз-Кларк, 311. Магазин Хинки Динка был центром политического мира Чикаго, где Капоне появлялся почти каждый день.

В полицейском участке Капоне отрицал, что узнал кого-нибудь из задержанных, но превратил Ла Мантио в дрожащий комок знаменитым испепеляющим взглядом. Этот взгляд плюс интенсивный допрос в звукоизолированном подвале убедил Ла Мантио рассказать о роли Джо Айелло в заговоре против Капоне. Полиция задержала и Айелло.

Настал черед Капоне совершать безумные поступки. Он отправил к полицейскому участку шесть машин с боевиками. Один из полицейских увидел автомобили из окна и решил, что детективы привезли захваченных преступников.

Никто не входил в участок, группа патрулировала улицу и смежный переулок и охраняла передний и задний входы.

Ошеломленный полицейский позвонил коллеге и предложил посмотреть на происходящее. Наконец трое наблюдателей

подошли ко входу в участок, причем один переложил револьвер из плечевой кобуры в карман пальто. Полицейский, не веря своим глазам, узнал одного из троих, и понял, что «детективы» были людьми Капоне! Спешно собранная подмога окружила и задержала троицу. Ими оказались боевики Луи Кампанья, Сэм Маркус и Фрэнк Пери. Все были вооружены. Проходя мимо камеры Айелло, Кампанья начал что-то говорить, издавая рычащие звуки. Один из детективов, понимавший сицилийский диалект, разыграл задержанного и прислушался.

– Ты покойник, мой друг, настоящий покойник, – сказал Кампанья. – Ты не доберешься даже до конца улицы.

– Разве нельзя решить по-другому? – струхнул Айелло. – Дайте пятнадцать дней, и я уберусь из города.

– Ты дважды нарушил оказанное доверие, – последовал ответ Кампанья, – сам начал, а мы закончим.

После освобождения Айелло попросил О'Коннора предоставить охрану. «Конечно, я дам охрану, – ответил начальник детективов, – и посажу на корабль до Нью-Йорка».

Тем не менее Айелло вместе с женой и сыном уехал домой на такси. На следующий день адвокат представил в суд свидетельство врача, что у Айелло нервный срыв. Люди Капоне в это поверили.

Джо, Тони и Доминик Айелло быстро убрались из города и затаились в Трентоне, штат Нью-Джерси. Капоне объявил, что принял просьбу Джо о мире: «Я всегда готов вступить в диалог и открыт сотрудничеству. Но не намерен подвергать себя опасности. Если на меня нападут, нанесу ответный удар».

Когда Доминик вернулся в январе следующего года, двое людей Капоне – боевик Лоуренс Мангано и телохранитель Фил Д'Анда – предупредили не делать глупости и, в подтверждение серьезности намерений, еще раз расстреляли пекарню. Некоторое время Джо Айелло затих на время, но через год вернулся с револьвером калибра 45 под рукой.

Капоне чувствовал себя неуязвимым. Он собрал лучших людей в спортивном клубе Minerva Лоуренса Мангано, являющемся одновременно ночным клубом и казино. «Я главный, – объявил Капоне, – и буду продолжать работать. Меня много лет пытаются задушить, а я живу и здравствую».

В тот момент Капоне никто не мог преследовать, но проявленное в заявлении высокомерие повлекло расплату.

Еще большим безумием было решение Большого Билла Томпсона заменить Калвина Кулиджа[126] в президентских выборах в 1928 году. В омахской World-Herald отмечалось: «…мэр Томпсон… признался, что присматривался к варианту

выдвижения на пост президента страны от республиканцев». Тем не менее Томпсон понимал: ему ничего не светит, пока он возглавляет город Аль Капоне, мировой символ бессилия закона.

Произошедшее в полицейском участке газеты назвали «Осадой детективного бюро», обвиняя Томпсона в бездействии. В печатных изданиях Томпсон выглядел мэром, неспособным контролировать город. В результате Томпсон вернул на должность начальника городской полиции Майка Хьюза, объявившего, что Капоне должен покинуть Чикаго. Капоне прекрасно понимал: все деньги, потраченные на защиту, пошли прахом и ему грозит опасность каждый раз, когда принимается решение совершить покушение.

5 декабря, через две недели после победы над Айелло, Капоне объявил, что уезжает во флоридский Сент-Питерсберг, где есть недвижимость, которую он желает продать. «Я не знаю, когда вернусь, если вернусь вообще, – заявил Капоне журналистам. – В любом случае не раньше окончания рождественских каникул». («Вряд ли он собирается возвращаться», – заметил Хьюз.)

Капоне пригласил прессу в гостиницу Metropole на прощальную вечеринку. Он только что вернулся из восьмидневной охотничьей поездки в Висконсин и даже не успел побриться.

Капоне и около двадцати его друзей были одеты в ультрамодные охотничье костюмы.

«Пусть достойные граждане Чикаго достают алкоголь, как хотят, – сказал Капоне. – Я устал от этой работы. Она тяжелая и неблагодарная».

«Я не был признан виновным в каком-нибудь преступлении (здесь Капоне сказал правду, но далее бурная фантазия взяла свое), не направлял людей на совершение преступлений и не имею привычки прятаться. Я не святой, но никого не убивал и не подставлял. – Естественно, репортерам не были известны его художества в Бруклине. Затем Капоне снова повернулся лицом к правде. – Ни один из моих парней не занимался грабежами или домушничеством. Они могли занять множество достойных рабочих мест «до» или «после», но не во время работы на меня».

Что дало Капоне заступничество за бандитов? Постоянное общественное порицание, ярлык убийцы и прозвище Лицо со шрамом…

«Я бы смирился, но это причиняет боль моей матери и семье. Они слишком много слышат, какой я страшный преступник. Это чересчур, и я утомился, откровенно говоря».

Его воспринимали как гориллу. Человек, отчаянно нуждавшийся в деньгах, попросил Капоне дать ему $3000, сказав,

что взамен застрахуется на $15 000 долларов, покончит жизнь самоубийством, а Капоне назначит бенефициарием. Маньяк не слушал никаких возражений. С ним пришлось побороться. «Сегодня, – продолжал Капоне, – я получил письмо от женщины из Англии. Даже там я известен как горилла. Она предложила оплатить дорогу в Лондон, если я отправлю на тот свет соседей, с которыми она вечно ссорилась».

Вот с чем Капоне приходилось мириться. Почему? «Я давал публике желаемое, ничего не навязывая. Я даже не всегда мог удовлетворить спрос. Да, нарушал сухой закон. А кто не нарушает? Единственное отличие между мной и любым человеком, который пьет коктейли перед обедом и виски со льдом после, – я рискую. Мы одинаковые нарушители, если не с юридической, то с моральной точки зрения», – добавил Капоне.

Кем был Капоне? «Я провел лучшие годы жизни, работая на благо людей, – говорил он. – Я просто помогал людям отдохнуть, расслабиться, не более того. Работа для людей – главное для меня. 90 % населения округа Кук пьет и играет, и моя вина, что я помогал населению удовлетворить потребности. Мой алкоголь был хорош, а игры – честные». О проституции Капоне ничего не сказал.

Но теперь все позади. «Наверное, прекратятся убийства, трудно будет достать выпивку. Вы не сможете сыграть в самую простую игру, не говоря о рулетке или штоссе. Начальнику полиции Хьюзу будут не нужны дополнительные три тысячи полицейских, о которых он так просил совсем недавно. Копам не придется вешать на меня все убийства. Понадобится новый герой для газетных заголовков. Будет позором, если в мое отсутствие не найдут нового руководителя городской мафии».

Капоне не держал зла. «Я благодарен друзьям, которые находились рядом во время всех несправедливых обвинений, и прощаю врагов. Желаю всем счастливого Рождества. Надеюсь, мое отсутствие никому не испортит Рождество».

Еще как испортило, особенно чиновникам, которые привыкли к рождественскому подарку в $100 000.

Говоря о Флориде, Капоне скрывал настоящий маршрут. Оставив семью дома, Капоне уехал с двумя охранниками. Сначала он отправился на скачки в Тихуану, затем к северу от границы в Сан-Диего. «Ко мне везде относились хорошо, – вспоминал Капоне, – видные люди приглашали меня на ранчо». Затем Капоне направился в Лос-Анджелес. Он бездельничал в люксе отеля Biltmore[127], не выделяясь среди остальных туристов. «Бандитские разборки сильно утомили меня, – рассказывал Капоне. – Я против войн между бандами и просто хочу ладить со

всеми, но, когда наступают очередные сражения, всем кажется, что я приложил руку».

Телохранителей Капоне представил репортерам как двоюродного брата и друга.

«Они путешествуют за компанию. Все разговоры, что у меня есть телохранители – досужие вымыслы. Они мне просто не нужны: я не ищу и не ожидаю неприятностей».

Капоне нашел их в лице самого жесткого детектива Лос-Анджелеса Буйного Брауна. Когда в газеты просочилась информация о появлении Капоне в городе, Браун пришел к нему с приветом от начальника городской полиции Джеймса Дэвиса и передал: «У нас нет места ни для Капоне, ни для любых других заезжих бандитов, вне зависимости – они здесь на туристической прогулке или с другими целями».

Капоне сдался, не вступая в конфликт: «Я устал от криков вокруг. Если они не хотят меня здесь видеть, достаточно просто сказать». Однако, ожидая на платформе вокзала в Санта-Фе[128] поезда The Chief, отправляющего в Чикаго, Капоне спросил у репортеров: «Чем я не угодил вашему городу? Я не планировал здесь что-либо устраивать, просто приехал с товарищами как турист. Казалось, вы любите туристов. У меня много денег. Из Лос-Анджелеса выгоняли человека, у которого есть деньги?»

«Сегодня мы прекрасно провели время, прежде чем полиция приказала убираться. Гуляли по киностудии, наблюдали, как снимают кино. Это грандиозный бизнес. Мы посетили дома некоторых кинозвезд, и, кажется, старый дом Мэри Пикфорд лучше того, в котором она живет сейчас».

Капоне решил, что сделает перед следующим визитом. «Когда я разберусь с делами в Чикаго, найду риелтора, чтобы купить большой дом. Я стану налогоплательщиком, и никто не сможет выставить меня отсюда. Риелторы не выпустят из цепких лап человека, у которого есть деньги».

Капоне всячески пытались унизить. Помимо прочего, кто-то украл флягу с вином, которую Капоне отложил для поездки. «Теперь мне нечего будет пить по дороге домой, – сказал он, прощаясь с горожанами. – Довольно досадно, когда так относятся к человеку, который ничего дурного никому не желал и просто хотел отдохнуть от работы».

Когда в Чикаго узнали, что Капоне возвращается, начальник полиции Хьюз сказал: «Мы соберем специальную группу, чтобы встретить его на вокзале». Капоне рассмеялся. «Хьюз тот еще шутник, – сказал Капоне. – Я владелец недвижимости в Чикаго и порядочный налогоплательщик. Хьюз не может запретить мне вернуться домой».

Скоро его настроение испортилось. Поездка была не только сухой, но и весьма некомфортной. О какой-либо конфиденциальности не было и речи.

Полицейские, охраняющие платформы на каждой остановке, напряженно ожидали какой-нибудь страшной выходки от этого архизлодея. «В Канзас-Сити полицейских было так много, что они притворялись продавцами яблок». На самом деле защита была нужна Капоне. Люди постоянно заходили в поезд, чтобы посмотреть на него.

Майк Хьюз не шутил. Начальник детективного отдела Уильям О'Коннор подтвердил, что полиция встретит поезд, и если Капоне тут же не поедет обратно, отправится прямиком в кутузку. О'Коннор объяснил: «План – дать Капоне понять, что для него знак «парковка запрещена» уже вывешен».

Когда поезд пересек границу Иллинойса, Капоне заметил сопровождавшему репортеру: «Тяжело, когда гражданина с безупречной репутацией преследуют полицейские в собственном доме, хотя их жалованье, по крайней мере частично, выплачивается из кармана жертвы. Можете написать, что каждый полицейский в Чикаго получает часть хлеба с маслом из налогов, которые плачу я. Полицейские собираются бросить меня в тюрьму только за то, что я хочу домой, увидеться с женой и маленьким сыном. Мне ужасно, ужасно плохо…»

Капоне не собирался сдаваться так легко, как в Лос-Анджелесе:

– Я возвращаюсь в Чикаго, и меня не остановить. Я имею право находиться в собственном доме с семьей. Единственный способ у полиции удержать меня от Чикаго – пустить пулю в голову.

– А как насчет разговоров о попытке убить начальника детективов? – поинтересовался журналист.

– Хочешь знать правду? Я расскажу, это смешно. Двое моих людей были задержаны. При них нашли оружие для самообороны. Когда их тащили в офис начальника детективного отдела, одного ударили в живот, и пистолет на поясе, съехав на бок, чуть не упал на пол. Естественно, он потянулся, чтобы удержать оружие. И это О'Коннор называет попыткой убийства? – Капоне всплеснул руками от возмущения.

Отряды полиции находились на каждой железнодорожной станции.

Дэниела Хили (повышенного до сержанта после убийства Винсента Друччи) на всякий случай отправили на станцию, где поезд не останавливался.

На одной из остановок Капоне позвонил старшему брату

Ральфу и попросил встретить в Джолиете[129] в пятницу утром, 16 декабря. Ральф, никогда не отличающийся умом, прилетел на вокзал за час до прибытия поезда на двух седанах с четырьмя сопровождающими. Заметив людей, слоняющихся без дела, помощник дежурного по станции проверил их документы. Полиция Джолиета задержала всю компанию, отдыхающую возле депо, при этом из-под одежды встречающих вызывающе торчало оружие, а рядом находилась винтовка.

– Вы – Аль Капоне, – утверждающе произнес Джон Дж. Коркоран, начальник полиции Джолиета, когда Капоне вышел из поезда в 9:45.

– Рад познакомиться, – не стал спорить Капоне.

В следующее мгновение его окружили шесть полицейских, вооруженных винтовками:

– Черт побери! Можно подумать, я Джесси Джеймс[130] с бандой Джеймсов-Янгеров.

– Зачем эта артиллерия? – Он осторожно передал полицейскому два револьвера и две запасные обоймы. – Возможно, вы хотите забрать боеприпасы? Они теперь бесполезны…

Капоне поместили в камеру, где коротали время два «душистых» бомжа. Чтобы избавиться, Капоне заплатил за них по $22 из конфискованных при задержании $2447. Спустя восемь часов, освободившись под залог в $2400 долларов, бывшие задержанные отправились в Чикаго-Хайтс[131] на праздничный банкет.

– Когда я вернусь на суд, – усмехнулся Капоне, – сделаю пожертвование достойным благотворительным учреждениям Джолиета. Дам понять, что ни на кого не сержусь.

Суд состоялся в следующий четверг. Он проходил через систему судейской палаты[132], и общая сумма штрафов за незаконное ношение оружия плюс судебные издержки составила $2 601. Кроме того, Капоне должен был выплатить в местный магистрат и окружной суд $1589 и 80 центов.

– Возможно, это будет для вас уроком, – сказал окружной судья Фред Д. Адамс.

– Да, сэр, – ответил Капоне, не скрывая широкой улыбки и вытаскивая из кармана шесть чеков. – Обещаю больше не носить револьвер в Джолиете. – Он отказался от сдачи в размере $10 и 20 центов, которые принес судейский клерк Альбин Ф. Деландер (отец Мисс Америки 1927 года). – Можете передать деньги парню из Армии спасения, который стоит на углу, одетый Санта-Клаусом. Скажите, это рождественский подарок от Аль Капоне».

Тем временем полиция окружила дом Капоне на улице Саут-

Прэри в Чикаго. «Мы не хотим, чтобы Капоне находился в Чикаго, поэтому пытаемся сделать его жизнь максимально дискомфортной, – объяснял Хьюз. – Но не станем мешать ему поехать на вокзал и сесть в поезд, следующий куда подальше». В это время, по иронии судьбы, Муссолини начал проводить политику «принудительной привязки к месту жительства», то есть практически домашнего ареста, для лиц, подозреваемых в связях с сицилийской мафией, диссидентов и прочих врагов государства.

Капоне понял, на чьей стороне сила, и снова покинул город, на этот раз без фанфар, и действительно отправился во Флориду.

Глава 18
Эльба и первый шаг к Ватерлоо

Капоне называл Флориду «садом Америки, солнечной Италией Нового Света, где жизнь хороша и обильна, и даже самые бедные чувствуют себя счастливыми».

Майами – город, расположенный на побережье Атлантического океана на юго-востоке Флориды в округе Майами-Дейд. Говоря про Майами, туристы обычно имеют в виду город Майами-Бич, отделенный заливом Бискейн. Его называют «песчаной балкой за миллиард долларов».

Капоне привлекал не только климат и тропическая атмосфера, но и местный колорит, ярко выраженное тепло в середине зимы, средиземноморские цветы и свежайший воздух. В Майами уже исчезли казино старого типа и использовались игровые автоматы, звенящие почти в каждом магазине и гостиничных лобби-барах. Полиция открыто подрабатывала сопровождением этих машин. Глава города Майами-Бич Клод А. Хеншоу получал откат за утверждение операторов. Как-то один из них горько пожаловался, что детективы совершили набег и конфисковали все игровые автоматы. Он платил $1000 в неделю за защиту и обещал шерифу округа, что увидит кое-кого в тюрьме раньше, чем сам станет рассматривать небо в клетку. На следующий день все оборудование вернулось на старые места. Когда помощники шерифа конфисковали у одного бутлегера триста ящиков спиртного со склада в соседнем городе Хайалиа, окружной шериф любезно уступил две трети добычи команде конфискаторов, а оставшиеся сто ящиков продал в эксклюзивный отель Biltmore в Корал-Гейблсе.

Это был город, созданный для Капоне. Он всегда хотел иметь здесь собственный дом и был уверен, что многие друзья захотят присоединиться. «Кроме того, – рассказывал Капоне, – я планирую открыть здесь ресторан». Капоне хотел присоединиться к клубной сети «Ротари»[133], если его примет правление.

Поскольку начальник полиции Майами Лесли Х. Куигг не видел законного способа запретить Капоне это сделать, он просто пожал плечами и сказал: «Если Капоне находится здесь, чтобы просто хорошо проводить время, и не начнет вести грубо, меня это совершенно не беспокоит».

Безработные выстраиваются в очередь возле суповой кухни эпохи Великой депрессии, открытой в Чикаго Аль Капоне. На вывеске магазина написано «Бесплатный суп, кофе и пончики для безработных». Февраль 1931 года.

В сопровождении трех охранников Капоне зарегистрировался под именем А. Коста в отеле Ponce De Leon, расположенном в центре Майами, с высоким уровнем сервиса и шикарной обстановкой, заслуживающими самых высших похвал. Капоне снял аппартаменты номер 804, с обнесенным стеной внутренним двориком и видом на оживленную улицу Флаглер. Это помещение идеально подходило для штаб-квартиры. Для жены и сына Капоне арендовал Дом роскоши, заплатив $2500 за полгода. Он располагался на Индиан-Бич Грик Драйв в Майами-Бич, прямо на песчаной отмели.

Между тем торговая палата Майами-Бич поклялась выгнать Капоне из города, а местный женский клуб и общественная группа, называющая себя «Комитетом ста», начала требовать от мэра Майами Дж. Ньютона Луммуса-младшего каких-либо действий.

Городской глава Майами-Бич и мэр Майами пригласили Капоне на встречу. «Мы объяснили создавшуюся ситуацию, – рассказывал позже Хеншоу, – что подавляющее большинство граждан не хотят его присутствия», мэр добавил свои

впечатления: «Господин Капоне – один из самых прекрасных людей, с которыми я когда-либо встречался». Ну а сам разыгрывающий из себя «образец совершенства» сказал репортерам: «Если меня здесь не хотят, я немедленно уеду. Куда – еще не решил».

И Луммус, и Хеншоу прекрасно понимали, что намерение Капоне уехать принесет убытки и нежелательные проблемы. До Майами Капоне посетил Сент-Питерсберг, где подвергся преследованию со стороны полиции. Услышав, что Капоне имеет намерение приобрести дом на Багамах, генерал-губернатор островов объявил его персоной нон-грата. В ходе разведывательной поездки в Нью-Орлеан братья Капоне, Ральф и Альберт, были арестованы за незаконное ношение оружия. Конечно, братьев вскоре освободили, но объяснили, что они снова попадут за решетку, если не исчезнут из города к полудню следующего дня.

Между тем в Чикаго, Зута, Бертшер и Скидмор успели подзабыть предупреждения Капоне. Их производственное оборудование бомбили и расстреливали, словно в подтверждение неусвоенного урока, первые значительные потери получил Изэдор Голдберг, один из главных пивных поставщиков Зуты. Слабо поддерживаемая дисциплина уже не могла контролировать отступников, и Капоне, рано или поздно, должен был перейти к решительным действиям.

В Майами Капоне не высовывал носа, пока не исчезло ощущение его присутствия. Пока он прикармливал владельца Ponce De Leon, Паркера А. Хендерсона-младшего, сына бывшего мэра Майами, пухлого, восприимчивого молодого человека с синдромом одомашненного тигра. Капоне позвонил Хендерсону и, познакомив с настоящими боевиками, пригласил в арендованный дом на роскошный обед вместе с очаровательной Мэй и управляющим Дюком Куни. Хендерсон был в восторге. Он вошел в число приятелей самого опасного преступника в мире! Стал полезным самому Капоне!

С 14 января по 2 апреля 1928 года Хендерсон, под охраной телохранителя Ника Цирчеллы, восемнадцать раз, по просьбе Капоне, получал денежные переводы из Чикаго через Western Union на общую сумму $31 000. Он ловко подделывал подпись Альберто Коста. Это было интересно и весело!

Вскоре появилась и другая возможность. Агенты по недвижимости начали приставать к Хендерсону с просьбами свести с Капоне. Он рассказал об этом другу, Ньюту Луммусу. «Если кто-то пытается продать Капоне недвижимость, мы с тобой должны их опередить, – мигом сообразил мэр Майами-Бич,

помимо основных обязанностей подрабатывающий риелтерской деятельностью. Друзья показали Капоне несколько поместий, и в марте была осуществлена сделка по приобретению усадьбы на Палм-Айленд, 93.

Палм представлял собой искусственный остров в заливе Бискейн, почти три четверти мили длиной, недалеко от природной дамбы, связывающей Майами с песчаной отмелью. Он находился в юрисдикции Майами-Бич. Палм-авеню была похожа на позвоночник, проходящий посередине этого крошечного острова. По обеим сторонам дороги выстроился ряд вилл, стоящих спиной к заливу. Выбранная двухэтажная вилла в испанском стиле была построена главой пивоваренной компании из Сент-Луиса Кларенсом М. Бушем еще в 1922 году. Участок занимал 100 футов по фронту и уходил на 300 футов в сторону северной части залива. Здесь же находился трехкомнатный домик для охраны.

Капоне выдал Хендерсону задаток $2000 долларов, а позже еще $8000, поручив договориться с нынешним владельцем недвижимости Джеймсом Пофэмом и заключить сделку 27 марта 1928 года на сумму $40 000. По предложению Луммуса, который держал нос по ветру, Хендерсон подписал все ипотечные документы, а через шесть месяцев переоформил недвижимость на имя Мэй. Капоне начал строительство, которое в общей сложности обошлось примерно в $100 000.

Частью проекта был самый большой частный бассейн во Флориде, с особой системой фильтрации, способной обрабатывать как морскую, так и пресную воду. Однако Капоне пока не мог наслаждаться новым домом: он должен был вернуться в Чикаго, на праймериз 1928 года.

Мэр Томпсон продолжал отрицать, что метит на пост президента, но это не мешало проводить агитационные поездки по всей стране. Праймериз всегда имел решающее значение. Он должен был сохранять за собой пост мэра на протяжении трех лет, и поэтому не мог баллотироваться в президенты.

Томпсону было необходимо утвердить свою власть перед летним партийным съездом, чтобы помочь переизбранию главных политических союзников: Боба Кроу – на пост государственного прокурора, Лена Смолла – на пост губернатора и Фрэнка Смита – на пост сенатора (Смит уже избирался, однако два последних раза Сенат отказывался допустить его к деятельности, ссылаясь на коррумпированные выборы)[134].

Томпсон и его кандидаты ни разу не проигрывали в праймериз.

Он заключил пакт с губернатором Чарльзом Денином[135],

главой единственной серьезной враждебной фракции Республиканской партии.

Но Боб Кроу настаивал, чтобы его друг, Бернард Бараса, возглавил Комиссию по налоговым сборам, а действующий член Правления по обзору компаний округа Кук Эдвард Р. Лицингер был лишь одним из немногих политиков, активно поддерживающих Денина. Это означало битву на праймериз, поскольку Денин выставлял своих выборных кандидатов на все должности.

Хотя точные виновники бомбежек не были установлены, вследствие первых четырех взрывов пострадали люди Томпсона. Были повреждены дома Чарльза Фитцморриса (начальника полиции при Томпсоне, а затем городского управляющего) и доктора Уильяма Рида, уполномоченного Комиссии по государственной службе. После этого были подорваны бомбы у морга Джона Сбарбаро и Лоуренса Кунео, шурина и секретаря Кроу. Несмотря на то, что никто не был ранен, мэр и прокурор штата установили у домов полицейскую охрану.

До праймериз оставалось меньше месяца, и создавалось впечатление, что у фракции Денина не было никаких шансов.

На Томпсона работало сто тысяч агитаторов, и другие фракции продолжали объединяться вокруг его избирательной кампании, основанной на лозунге «Америка – первая!», борьбе с наводнениями и ненавистном отношении к королю Георгу. Денину становилось все тяжелее.

14 марта 1928 года его активный сторонник, окружной регистратор Джозеф Х. Хаас, скончался от пневмонии в возрасте семидесяти одного года. В результате шестьсот агитаторов отошли Томпсону, словно подарок, свалившийся с неба. Спустя неделю, 21 марта, кто-то убил Алмаза Джо Эспозито, самого эффективного уличного политика Денина и оппонента сторонника Кроу Джозефа Сэвиджа, боровшегося за должность председателя комитета двадцать пятого административного округа.

Около восьми тысяч зевак собрались на похороны Эспозито на кладбище Всемилостивой Богородицы Кармель, несмотря на ненастную погоду, с полным соблюдением всех церковных обрядов, 26 марта. В тот же вечер около 11.20 взрыв потряс дом Денина, а через пять минут раздался следующий, у дома судьи Джона А. Свенсона, кандидата на должность прокурора штата, выступающего против Боба Кроу. И снова взрывы только разрушили дома, но никто не пострадал. Денин направлялся на поезде в Вашингтон, а Свенсон сбежал, проехав мимо места, где произошел взрыв.

Томпсон начал эту войну первым. Бомбы стали неотъемлемой частью жизни Чикаго. Вышеописанные взрывы были шестидесятым и шестьдесят первым за последние пять с половиной месяцев («Вы, я смотрю, выжили», – заметил служащий одной вашингтонской гостиницы, регистрируя гостя из Чикаго).

Восемь страховых компаний отказали Денину в страховке залов, которые он хотел арендовать для выступлений; одна церковь заявила, что готова предоставить здание только на условиях полного выкупа.

Город с облегчением вздохнул, решив, что, возможно, инцидент со Свенсоном был последним. Но Кроу совершил промашку. Его фракция предложила награду $65 000 за поимку бомбистов. Кроу был уверен, что бомбистами в конечном счете окажутся люди Денина.

«Взорвав дома моих друзей, не сделав ни шага вперед, они принялись за собственные, чтобы создать ложное впечатление о силах беззакония, правящих городом». Томпсон с энтузиазмом поддержал эту теорию.

«Это обычный вздор, который любит нести Томпсон, – ответил судья Свенсон. – Бомба упала в пятидесяти футах от меня, и смешно даже подумать, что любой из сторонников фракции поставит под угрозу жизни наших кандидатов…»

На самом деле администрация Чикаго была уверенна, что городом правили криминальные образования, а общественности надоела жизнь на пороховой бочке.

Томпсон и начальник полиции Майк Хьюз намеренно заявили, что «городская преступность будет вырублена под корень за девяносто дней».

Заявление Кроу было циничным и откровенно манипуляционным. Во время одного из митингов Литсингер, кандидат Денина, заявил, что Томпсон потратил $243 миллиона, чтобы подчинить себе Чикаго. «И что мы имеем?» – спросил он.

«Что мы получили взамен?» – «Бомбы! Ананасы!» – кричали в ответ возбужденные зрители, используя сленговое обозначение метательных бомб.

Газеты быстро взяли на вооружение броское выражение «ананасовые праймериз»[136]. Оппонент Литсингера Бернард Бараса тут же стал Бернардом Ананасом Барасой. Чикаго в очередной раз развлекал и потрясал всю страну. Президент Кулидж отрядил морских пехотинцев в Никарагуа, чтобы защитить собственность американских корпораций от мятежника Аугусто Сесара Сандино. «Складывается впечатление, будто американская собственность подвергается опасности в Никарагуа меньше, чем в Чикаго», – сказал сенатор Джордж Норри.

Несмотря на изгнание Капоне, Томпсон продолжал оставаться его кандидатом, и Капоне делал все возможное для победы Большого Билла, направляя полевые силы, оставшиеся в Чикаго, на выполнение обычных избирательных обязанностей. Там, где контроль удерживал Капоне, Томпсон устоял. В Сисеро Кроу набрал 5180 голосов против 4923 голосов оппонента; это были очень плохие показатели. Ананас Бараса проиграл Литсингеру, набрав 307 941 голос против 417 527 голосов последнего. Даже кандидат в шерифы от Томпсона проиграл, причем какому-то неизвестному политику. В масштабах страны губернатор Смолл и сенатор Смит потерпели сокрушительное поражение.

Томпсон был подавлен. Он удалился на все лето в Висконсин и поручил управление городом корпоративному юрисконсульту Сэмюэлу Эттелсону. Мэр сказал однажды, что подаст в отставку, если победит Свенсон. Когда ему напомнили об этом заявлении, Томпсон пробурчал: «Теперь мне точно некуда уходить». По совету Эттелсона он заменил начальника городской полиции Майка Хьюза заместителем Уильямом Ф. Расселом. Еще до назначения Рассел объяснил, почему ничего не делает для снижения уровня рэкета на вверенной территории: «Мэр Томпсон был избран на открытых демократических основах. Я полагаю, люди, голосовавшие за него, знали, чего хотят».

По всей стране (и даже в Европе) эти праймериз восприняли как появление на свет нравственного Чикаго.

Из виду упускался характер акушерки. Образно говоря, следующий мэр Чикаго Антон Чермак, ставший видным демократическим боссом после смерти Джорджа Бреннана, был куда более эффективным и творческим взяточником, чем Томпсон.

Дальнейшее пребывание в Чикаго Капоне счел нецелесообразным, поскольку надежды Томпсона на президентство не воспринимались даже как шутка. Он поспешил обратно, в солнечную Италию Нового Света, чтобы лично контролировать ремонт дома на Палм-Айленд. Под его руководством работали команды подрядчиков, занимающиеся интерьером, непосредственными ремонтными работами и ландшафтным дизайном. Капоне организовал строительство пристани для моторных лодок, новых гаражей, лодочного сарая, мозаичных тропинок, садов камней и фонтанов.

Он не жалел никаких денег и полностью вкладывался в процесс.

Однажды рабочие, укладывавшие плитку на улице, обнаружили пропажу заранее приготовленных обедов.

В это время из дома раздался голос дворецкого: «Заходите!» Войдя в дом, рабочие обнаружили накрытый стол, обилие блюд навевало мысли о праздничном банкете, и так повторялось каждый день. «Мистер Капоне относился по-королевски, чтобы мы качественно выполняли работу», – рассказывал один из рабочих. Это было стратегией Капоне.

Главным человеком в доме был дворецкий Дэниел Браун, которого все звали Брауни. «Капоне хорошо относился ко мне, – вспоминал дворецкий. – Чем больше таких людей, тем меньше будет нищих».

Капоне добился желаемого результата и по праву гордился своим положением. «Скажи честно, – спрашивал Капоне у посетителей, – как тебе нравится? Все это моя личная работа. Я купил голый дом и лично контролировал все дальнейшие улучшения».

У Капоне появилось свободное время, поскольку чикагский синдикат был в умелых и верных руках. Фрэнк Нитти, бывший парикмахер и скупщик краденого, превратился, говоря современным языком, в главного операционного директора и разрабатывал дальнейшую тактику; Джек Гузик оставался его помощником и бизнес-стратегом; Ральф Капоне, Лоуренс Мангано и Чарли Фишетти отвечали за распределение пива; Джо Фуско специализировался на производстве крепкого алкоголя (эту специализацию он сохранил и после отмены запрета); бернэмский Джонни Мальчик – мэр Паттон контролировал все операции пивоваренного завода и вносил политические коррективы (при этом Гузик собирал наличный доход); Фрэнк Пауп и Энтони Мопс Вольпе занимались азартными играми, причем так серьезно, что порой обращались к справочникам. Управление плавучим казино досталось Питеру П. Пеновичу-младшему, Джеймс В. Монди вместе с Хайманом Громкоголосым Левоном занимались поборами с независимых производителей и поставщиков. Дюк Куни взвалил на себя все бордельные операции; Джордж Красный Баркер, Уильям Трехпалый Джек Дж. Вайт и Мюррей Верблюд Л. Хемфрис отвечали за подбор кадров в организацию.

Джек МакГурн вместе с Фрэнком Миланом возглавляли отряды боевиков. Главными телохранителями Капоне считались Фрэнк Клайн Рио, Фрэнк Алмаз Маритот и снайпер Фил Д'Анда. Джеймс Белкастро и Джозеф Хенаро возглавили команду бомбистов и всегда были готовы добавить убедительный заключительный аргумент при решении спорных коммерческих вопросов. К восходящим молодым звездам относились Сэм Гольфовая сумка Хант (именно в ней он однажды удачно спрятал обрез дробовика), Энтони Аккардо (псевдоним Джо Баттерс),

Джозеф Айуппа (псевдоним Джо О'Брайен), Сэм Муни Джанкана (по общему мнению, умудрился делить девушку с будущим президентом Джоном Ф. Кеннеди) и Пол Официант Рикка (настоящее имя Фелис де Люсия). Каждый из них стал сильной фигурой в организованной преступности после окончания эпохи Капоне.

Организация Капоне была не монолитным образованием, а объединением множества предпринимателей.

Каждый из них, имея долю от общей прибыли, параллельно владел отелями, нелегальными барами, ресторанами, кабаре и обладал интересами в различных областях рэкета. Часть прибыли, конечно, шла в организацию Капоне. На регулярной зарплате находилась широкая масса работников самого низкого ранга, однако даже для них были созданы условия роста и процветания. Так, один водитель, получавший $500 в неделю, мечтал заняться ведением букмекерской книжки, в полной уверенности, что удастся поднять доход до $3000 долларов в неделю.

Так или иначе, времена процветания продолжались. Брокерское место на Нью-Йоркской фондовой бирже продавалось за рекордные $335 000, рынок отчаянно быковал, играя на повышение, при этом объем продаж увеличивался. Безумие национальных акций оставило Капоне равнодушным: ему было глубоко наплевать на все, что не связано с бизнесом, фондовый рынок Аль считал узаконенной формой рэкета. За исключением завышенных цен на пиво и крепкий алкоголь, жизнь становилась относительно дешевой. В чикагской гостинице Drake можно было снимать апартаменты на длительный срок всего за $100 в месяц одному человеку и $297 и 50 центов семье из четырех человек.

Комплексный обед в итальянской комнате этой гостиницы стоил полтора доллара, в Чикаго Луп курильщики могли приобрести две пачки сигарет Old Gold, Lucky Strike или Chesterfield за четверть доллара.

Вечер на роликовом скетинг-ринге стоил 30 центов для дам и 40 для мужчин. Цена новой модели A Fords (заменившей T Fords) колебалась от $385 до $570 долларов.

Дальновидный Капоне не ожидал, что хорошие времена будут длиться вечно. Конечно, он вряд ли предвидел Великую депрессию, но, в отличие от многих, привыкших к сухому закону как к источнику постоянного дохода (адвокат Кларенс Дэрроу утверждал, что 18-я поправка вообще не подлежит отмене) отлично осознавал, что все закончится в течение ближайших 4–5 лет. Созданной системе следовало искать новый бизнес.

Некий прототип такого бизнеса, заключающийся в трудовом

рэкете, уже существовал. Конечно, бандиты не трогали рабочих и их свободные ассоциации, речь шла о профсоюзах. Большинство были своеобразными владельцами или даже организаторами бандитских группировок, как Большой Джим Колозимо. Владельцы бизнеса выплачивали пособия, обсуждали и называли сроки забастовок ради повышения заработной платы или улучшения условий труда. Но при этом профсоюзы утаивали большую часть взносов, разворовывали пенсионные фонды и вымогали деньги у работодателей, чтобы предотвратить забастовки или договориться полюбовно.

Руководители профсоюзов, как правило, были послушны. Как объяснял Капоне, «члены профсоюзов всегда проголосуют за того, кто кричит громче и красивее, кто больше всех пообещает рабочим свиных отбивных, лежащих на дороге. Вы даете это им одной рукой и забираете другой. До тех пор пока гонорар в текущем году у профсоюзных боссов будет выше, чем гонорар года минувшего, им совершенно наплевать на размер взносов. Они считают взносы чем-то вроде налогов, только эти налоги выплачиваются не государственным, а профсоюзным ворам, управляющим некоторыми вещами. Инакомыслящим сначала предлагают исполнительные должности, в случае повторного отказа их избивают. Если после выхода из больницы отказники продолжают что-то кричать, от них избавляются».

Другой областью деятельности мог стать рэкет в бизнесе. Как отмечали Tribune и издания Hearst Corporation, этот вид вымогательства до принятия сухого закона был широко распространен в самых разных формах. Например, владельцы гаражей и платных стоянок нанимали бандитов Вест-Сайда, которые прокалывали автомобильные шины, вынуждая владельцев автомобилей искать месячные парковки, Макси Эйзен взыскивал дань с большинства продовольственных магазинов и других торговцев. Наиболее перспективным направлением Капоне считал создание защитных ассоциаций по Бруклинскому примеру Фрэнки Йеля.

В конце 1927 года Ассоциация работодателей Чикаго опубликовала список двадцати трех предприятий, которыми манипулировали рэкетиры.

В этот список, помимо вполне ожидаемых прачечных, химчисток, сборщиков мусора, торговцев рыбой, домашней птицей, мясом и деликатесами и продуктовых магазинов, входили медицинские учреждения, фотографы и стоматологические кабинеты.

Рэкетиры пошли дальше. К 1929 году в список входила девяносто одна организация. По предположениям аналитиков, не

менее 70 % организаций были подконтрольны Капоне и его коллегам.

Как ни странно, Капоне вошел в этот бизнес бесконфликтно, по официальному приглашению. В мае 1927 года к владельцу крупного предприятия по чистке и ремонту одежды Моррису Беккеру обратился представитель Ассоциации Master Cleaners and Dyers. Вымогательство проходило по классической схеме защиты и обеспечения поддержки высоких цен. Ассоциация работодателей подсчитала, что в 1929 году ценовая политика предприятий, поддерживаемая рэкетом, обошлась Чикаго в $130 миллионов, а два года спустя Комиссия Чикаго по борьбе с преступностью установила, что этот показатель составляет уже $200 миллионов.

В южной части Чикаго только Моррис Беккер сумел устоять против ассоциации Master Cleaners.

За сорок два года работы в этом бизнесе Беккер получал приличную прибыль, выполняя чистку мужских костюмов за $1,25 и женских платьев за $1,75 (в отличие от ценовых программ Master Cleaners – $1,75 и $2,25 соответственно). В мае 1927 года Master Cleaners направила к Беккеру главу профсоюза работников розничной торговли Сэма Рубина для согласования ценовой политики. Когда следователи спросили, как Рубин сумел стать во главе союза, хотя никогда не занимался этой отраслью, он ответил: «Я умею убеждать людей».

– О, – сказал Беккер при знакомстве, – вы тот самый мистер Рубин, о котором я так много слышал?

– Да, – ответил Рубин, – и услышите гораздо больше. Хочу кое-что сказать. Вы должны повысить стоимость услуг.

– Конституция гарантирует мне право на жизнь, свободу и полное стремление к счастью.

– К черту эту проклятую Конституцию, – сказал Рубин. – Я куда серьезнее этой вашей Конституции.

Через три дня на предприятии Беккера взорвалась бомба. Когда Беккер заявил официальному представителю Master Cleaners, что все равно будет придерживаться фиксированных цен, ему ответили: «Беккер, продолжите упрямиться – вас просто выкинут».

Секретарь ассоциации потребовал от Беккера пожертвование в размере $5000. Затем на предприятии внезапно вспыхнула забастовка. Когда Беккер поинтересовался причинами, профсоюзные чиновники коротко ответили: «Поговорите с Кроули». Ф. У. Кроули, глава ассоциации Master Cleaners, предложил предпринимателю последний шанс: он должен присоединиться к ассоциации, внеся взнос наличными в размере

$ 5000, и снисходительно согласился на рассрочку, когда Беккер сообщил, что сейчас может собрать только $3000.

Вместо того чтобы заплатить, законопослушный Беккер отправился в прокуратуру штата. Коллегия присяжных выдвинула обвинение пятнадцати сотрудникам Ассоциации, которая наняла в качестве адвоката экстравагантного Кларенса Дэрроу, хотя сторона прокурора Кроу представила достаточно вялые доводы. Свидетелями по делу выступили Беккер и сын.

– Где остальные свидетели? – возмутился Беккер.

– Если вы считаете, что свидетелей недостаточно, выйдите из зала и доставьте их сами, – огрызнулся помощник прокура. – Я следователь, а не судебный пристав!

Для вынесения оправдательного приговора понадобилось пятнадцать минут. «Все пункты, изложенные в жалобе Беккера, были внимательно изучены присяжными», – мягко отреагировал на критику прокурор штата Кроу.

Беккер был сыт по горло законом и порядком. Он пошел прямо к Капоне, сумев договориться с многочисленными телохранителями в гостинице Metropole. Беккер вел себя как Капоне, когда со смехом говорил про «про-фэс-сора». Это вызвало благосклонность Капоне. Беккер предложил Капоне стать партнером в новом бизнесе, связанном с услугами химчистки. Позже Беккер рассказывал: «Я знал, какие деньги можно сделать в этом бизнесе, если быть честным по отношению к людям. Я отправился прямо к Капоне, рассказал про риск бомбежек и другие опасности, всегда следующие за основанием независимого концерна. Вы знаете, каков мистер Капоне. Ассоциация тоже знает».

Взрывы? Избиения? Поджоги? Больше такого не могло случиться.

Беккер ликовал: «Капоне – мой партнер, прекрасно понимающий, что можно заработать больше денег за счет снижения стоимости. Ну, а как убрать прессинг со стороны конкурентов, Капоне знает лучше меня». Когда руководителя новой клиниговой фирмы Sanitary Cleaning Shops, Inc. посетил адвокат Master Cleaners, ответ Капоне был коротким: «Убирайся из кабинета, и если еще раз попытаешься сунуться в мой бизнес, выкину в окно». Беккер не скрывал самодовольства: «Теперь не нужны ни прокурор штата, ни полиция, ни Ассоциация работодателей. У меня лучшая защита в мире».

Некий критик, обычно сохраняющий относительную беспристрастность суждений, писал: «Дело не в том, что Капоне по собственной инициативе примкнул к легальному бизнесу. Его пригласил Моррис Беккер…»

Капоне рассудил, что бизнес-рэкет хорошо подойдет к его профсоюзному рэкету.

Двадцать пять небоскребов в Чикаго Луп однажды выплатили по $1000, чтобы предотвратить выход из Союза лифтовых операторов. Но у Капоне были свои ограничения. Он не занимался наркобизнесом, который мог уничтожить всю созданную систему, не похищал людей, считая это варварским ударом по семье жертвы, не имел ничего общего с карманниками. Но при этом Капоне всегда был готов рассмотреть любой многообещающий бизнес.

Следует отметить, Капоне никогда не обманывал партнеров. Через пару лет он оставил сотрудничество с Sanitary Cleaning (прибыль предприятия была относительно скудная, и Беккер сумел договориться с Master Cleaners). Но еще долго после разрыва Беккер заявлял: «Аль Капоне был скрупулезен и соблюдал все условия заключенного договора. Я старался поступать так же… Никогда бы не пожелал более честного партнера в любом бизнесе».

С этим были согласны лучшие люди Флориды. Прежде чем купить виллу на Палм-Айленд, Капоне взял дом в аренду на полгода. Поскольку аренда осуществлялась на имя Аль Брауна, владельцы понятия не имели, кем в действительности является арендатор, пока не услышали новости по корабельному радио, по дороге на Ривьеру. Вернувшись обратно в конце арендного срока, хозяева ожидали увидеть собственность в виде руин, оставшихся на поле битвы. Фактически они не обнаружили ни царапины, не говоря уже о каких-то поломках или недостачи имущества. Наоборот, серебряной и фарфоровой посуды в доме оказалось недостаточно для масштабов мероприятий, устраиваемых Капоне, поэтому он удвоил число большинства приборов, оставив новые приобретения владельцам.

По мнению хозяев, стоимость этого подарка значительно превышала сумму неоплаченного телефонного счета в $400. Но вскоре появилась супруга Капоне и, принеся глубокие извинения (оказалось, они просто проигнорировали новый тариф телефонной связи), вручила чек на $500. Владельцы не сумели набрать $100 сдачи; Мэй попросила не беспокоиться, эти $100 должны покрыть ущерб.

После убийства Амматуны в конце 1925 года Фрэнки Йель выступил за президентство Джо Айелло в Unione Siciliana (к тому времени организация изменила название на Italo-American National Union, но для ясности будем придерживаться старого названия Unione). Йель не отказался от идеи даже после того, как Капоне, сманеврировав, ввел на этот пост Тони Ломбардо. Йеля

возмущала независимость нового президента и уменьшение доли доходов от Unione, переводимой ему как главе национального отделения.

Весной 1927 года Йель пробил «дефицитную» дыру в расходных статьях бюджета Капоне. Предполагалось, банда Black Hand будет обеспечивать прием контрабандного виски, предназначенного для Капоне, на Лонг-Айленде, а затем безопасный проход грузовиков через Нью-Йорк. Внезапно значительная часть грузовиков Капоне была угнана раньше, чем они успели проехать через Бруклин. Запасы виски сильно уменьшились.

У Капоне возникли подозрения, что дело нечисто, и он попросил старого бруклинского друга Филези ДеАмато проверить, не ведет ли Йель двойную игру.

В июне ДеАмато перезвонил Капоне из телефонной будки и сообщил, что грузовики действительно были украдены по указанию Йеля.

Это было роковой ошибкой. ДеАмато слишком поздно осознал, что его подслушивают.

1 июля 1927 года ДеАмато попробовал устроить засаду на Йеля, но все семь выстрелов прошли мимо. Через шесть дней, из черного седана, проезжающего мимо ДеАмато, стоящего на бруклинском тротуаре, выстрелили три раза. Две пули – одна в шею, другая в грудь – сразили ДеАмато наповал.

Угоны грузовиков продолжались. Капоне рассердился из-за предательства Йеля и убийства старого бруклинского друга (и шпиона). Однако он был сильно занят другими делами и не торопился с местью, ожидая, что Йель успокоится. Когда Капоне вернулся во Флориду в 1928 году, у него были все возможности спланировать возмездие.

Джек Гузик, Дэн Серрителли и Чарли Фишетти приехали к Капоне в конце июня. Вскоре к ним присоединились Джек МакГурн, Скализ и Ансельми. Компания выехала на поезде, следующим в Чикаго 28 июня, но убийцы вышли в Ноксвилле, штат Теннесси, где некто по кличке Чарльз Кокс за $2400 продал им черный седан марки Nash. На машине они отправились в Бруклин. Заблудиться было невозможно – МакГурн, выросший на этих улицах, знал каждую трещину на асфальте.

Около двух часов пополудни 1 июля 1928 года Йель выехал из дома в коричневом Lincoln. Ближе к четырем часам они с водителем Джеймсом Капони (он не был родственником Капоне и носил прозвище Притворщик Браун) выпивали в кафе Sunrise, принадлежавшем Йелю, на углу 60-й и 14-й авеню. В четыре часа Йеля срочно вызвали домой по телефону: что-то произошло с

Люси, его молодой женой (Йель оставил первую жену, Марию, с двумя дочерями). Он бросился к машине, отклонив предложение Капони отвезти. Йель жил на западе Манхэттена на 81-й улице. В какой-то момент он заметил черный седан Nash и резко свернул на запад на узкую 44-ю и пересек 10-ю авеню. Из догнавшей машины одновременно раздались звуки револьверной, ружейной и автоматной пальбы. Lincoln въехал на бордюр и врезался в фасад дома 923. Один из боевиков выпрыгнул из машины и выстрелил в голову Фрэнки Йеля из пистолета калибра 45.

Убийцы вылетели на север в сторону 9-й авеню, затем свернули на запад по 39-й и оставили машину примерно в трех кварталах от начала. Далее боевики дошли пешком до Стейтен-Айленда, сели в ожидавший автомобиль и скрылись в сторону Нью-Джерси.

В брошенной машине полиция нашла обрез помпового ружья, автоматический «Кольт» калибра 45, «Смит-и-Вессон» калибра 38 и автомат без девяти патронов. Автоматный след вел к торговцу спортивными товарами в Чикаго Питеру фон Франциусу (вскоре он сыграет большую роль в истории Капоне). Было установлено, что найденные револьверы относились к партии, закупленной Паркером Хендерсоном в Майами по указанию Капоне и хранившейся в пустующем номере отеля Ponce de Leon. На ременной пряжке Йеля сверкали бриллиантовые инициалы – подарок Капоне ближайшим друзьям.

Соратники устроили Йелю славные похороны в отделанном серебром гробу за $15 000. Кортеж из ста четырех автомобилей был заполнен скорбящими, еще тридцать восемь автомобилей были наполнены цветами.

На одном венке из роз и орхидей была белая лента с надписью золотом, обещающая скорое возмездие: «Они получат свое».

В Майами прокурор округа Дейд, Роберт Тейлор, вызвал Капоне на допрос. Капоне утверждал, что занимается химчисткой в Чикаго, а в свободное время интересуется собачьими бегами в Сисеро.

Партнер Морриса Беккера вернулся в Чикаго в конце июля во время очередной облавы на штаб-квартиру в Metropole. 30 июля он перенес офис на север в отель Lexington, сильно обветшавший (как и Metropole) с открытия, когда там останавливался президент Гловер Кливленд[137] во время Всемирной выставки 1893 года.

«Как, – воскликнул менеджер Lexington, узнав о переезде, – сам Аль Капоне в моем отеле?! Потрясающая новость!» Капоне и его люди заняли пятьдесят четыре номера на третьем и четвертом

этажах и, кроме того, разместили в других номерах девушек.

Новая пассия Капоне, сменившая Марсель, девушку из Roamer Inn, поселилась на пятом этаже. Эта несовершеннолетняя гречанка со светлыми волосами была обитательницей его многочисленных борделей. Когда у девушки возникли проблемы со здоровьем, она обратилась к доктору Дэвиду В. Оменсу, который, помимо всего прочего, был партнером Капоне на собачьих бегах в клубе Hawthorne Kennel в Сисеро. Тест Вассермана дал положительный результат, девушка была больна сифилисом. Неизвестно, какое лечение получил Капоне (если оно было вообще). В любом случае было слишком поздно.

Одним из первых посетителей Капоне в отеле Lexington был Фрэнк Дж. Леш[138], глава Чикагской комиссии по борьбе с преступностью. Он родился в семье немецких иммигрантов в 1852 году, окончил юридическую школу Северо-Западного университета, основал собственную фирму и стал юридическим консультантом станции Юнион[139] и всей Пенсильванской железной дороги к западу от Питтсбурга.

Параллельно Леш занимался общественной деятельностью: возглавлял специальный комитет, занимавшийся расследованием фальсификаций на выборах, и барную ассоциацию. Он работал над созданием Комиссии по предупреждению преступности, которую теперь возглавлял.

В свои семьдесят шесть лет высокий, сухощавый, седовласый Леш слыл фанатичным ксенофобом, как охарактеризовал один из современников. «Настоящие американцы не могут быть бандитами, – сказал однажды Леш. – Ими могут быть или недавние иммигранты, или первое поколение евреев и итальянцев, причем евреи являются мозгом, а итальянцы мускулами». Он восхищался методами Муссолини по отношению к мафии.

После крупных беспорядков ананасного праймериза 1928 года Леш, назначенный главным специальным помощником Генерального прокурора штата Иллинойс, пришел к выводу, что один умный итальянец может спасти всеобщие выборы в ноябре от хаоса. Кроме того, Леш хотел поспорить с Капоне о поведении и объяснить, почему «человек его способностей должен быть лучшим американцем». Встреча состоялась в конце августа.

Через четыре года Леш рассказывал Комиссии Сената, что видел двадцать пять или тридцать людей Капоне в отеле, «все смуглые и, вероятно, никто не говорил по-английски». Или не пытались говорить.

Пока Леш рассматривал портреты Вашингтона, Линкольна и Билла Томпсона, висящие на стене кабинета, ребята Капоне не

выпускали оружия из рук.

В начале светской беседы Леш поинтересовался у Капоне отношением к альянсу между организованной преступностью и политикой.

– Кто-нибудь из сторон обязательно меня прикончит. В любом случае я этого не увижу.

– Я хочу попросить вас помочь только в одном, – продолжил Леш. – Уберите проклятых итальянских хулиганов подальше от выборов. – Личные кандидаты Капоне проиграли праймериз, поэтому ему было безразлично, чиновникам какой партии, республиканской или демократической, придется давать взятки.

Тем не менее просьба очень польстила Капоне, поскольку лишний раз подчеркивала его влиятельную позицию. Капоне было приятно, и он согласился помочь.

Эту версию Леш представил комитету Сената под присягой. Общаясь в неформальной обстановке с людьми из Академии криминологии Южной Калифорнии, Леш сказал, что Капоне, конечно, мог разобраться со всей Южной частью Чикаго, да и Северная не потребовала бы от него грандиозных усилий, «потому что там одни итальянцы». Что касается ирландских банд на западе, он попросил вмешательства полиции. В ночь перед выборами семьдесят полицейских автомобилей выехали, чтобы задержать бандитов, которые могли вызвать проблемы. Леш охарактеризовал прошедшие выборы как единственные честные за последние тридцать лет.

Незадолго до выборов бруклинская банда Black Hand, в сговоре с набравшимся сил Джо Айелло, заплатила первый взнос по счету, выставленном на безымянном венке Йелю: «Они получат свое». Конечно, они не смогли добраться до Капоне, который летом вернулся во Флориду. И там, и в Чикаго меры предосторожности и верные телохранители делали его практически неуязвимым. Капоне никогда не считал ворон, а Тони Ломбардо представлял более легкую цель. Подростком приехавший в Америку с $12 в кармане, он стал весьма успешным. Тридцатишестилетний Тони Ломбардо был относительно беспечен.

Ломбардо закончил рутинную работу в штабе Unione, на Сауз-Диборн, 8 и покинул офис примерно в половине пятого в пятницу 7 сентября 1928 года, в сопровождении телохранителей Джозефа Феррaро и Джозефа Лолордо. На углу Мэдисон внимание Тони привлекла толпа зевак. Около универмага Boston с помощью блока рабочие поднимали на крышу здания настоящий самолет. Ломбардо и телохранители отвлеклись и не заметили двух человек, маячивших около входа в сетевой

ресторан Raklios. Когда Ломбардо проходил мимо этого ресторана, раздался возглас: «Вон он!»

Боевики оказались в нескольких шагах от Тони с телохранителями и начали стрелять. Разрывная пуля раздробила позвоночник Феррaро, смертельно ранив его. Еще две снесли затылок Тони Ломбардо. Лолордо не пострадал, но был задержан, когда преследовал одного из стрелявших. Убийцам удалось скрыться с места преступления.

На следующий день итальянцы праздновали один из величайших церковных праздников – День Богоматери Лоретской. Отец Луи М. Джамбастиано видел немало убийств во время политической борьбы Д'Андреа и Пауэрса. Разборки между Капоне и Айелло вызвали очередную волну убийств.

Джамбастиано призвал прихожан сообщить полиции все, что им могло быть известно. Конечно, никто не осмелился. Все, что мог сделать священник, – это поставить знак скорби за пределами храма Сан-Филиппо Бенизи:

> FRATELLI
> per rispetto a dio in cui credete
> per onore della patria e dell'umanita
> PREGATE
> perche cessi l'indegna strage
> che disonora il nome italiano
> dinanzi mondo civile[140]

Кровопролитие только начиналось. Капоне, как всегда небритый, отправился на похороны Ломбардо. У гроба, отделанного бронзой и серебром, стоял венок в форме сердца высотой в восемь футов с надписью «От Аль Капоне».

Вероятно, это был своеобразный ответ на «Они получат свое». После смерти Йеля Капоне договорился, что угонов больше не будет; возможно, его претензии к Йелю были восприняты как законные. Пока Джо Айелло прятался, люди Капоне расстреляли несколько его объектов, причинив огромный ущерб и снова ранив брата Тони.

Капоне в очередной раз вернулся во Флориду.

Президентом Unione стал Паскалино Пэтси Лолордо – старший брат телохранителя Тони Ломбардо. Джо Айелло тайно вернулся в Чикаго и вернулся к безумному плану стать руководителем Unione Siciliana.

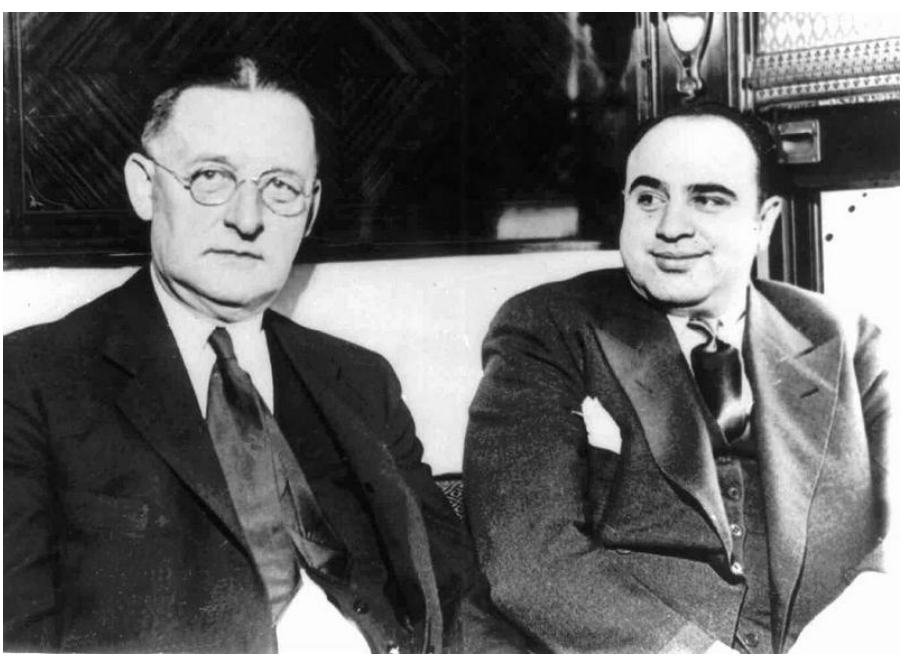
Пэтси Лолордо вернулся домой с женой Алейной примерно в половину третьего 8 января 1929 г. Они жили на верхнем роскошно обставленном этаже немного запущенного трехэтажного дома 1921 на улице Уэст-Норт, которым владел

Лолордо. У двери ожидали два человека, которых Алейна видела много раз, но не знала имен. Она приготовила угощения для мужа и его друзей: сэндвичи, кондитерские изделия, коробку сигар и четыре бутылки вина. Гости ушли около трех часов. Через пять минут раздался стук в дверь. Она услышала, как муж радушно встретил гостей. Лолордо закрыл дверь на кухню, где жена гладила одежду, а горничная убирала.

Приблизительно через час Алейна услыхала выстрелы и бросилась в гостиную, не обращая внимания на бандитов. Она положила кровоточащую голову мужа на бархатную подушку.

Боевики не торопясь вышли из дома, при этом один бросил на пол револьвер калибра 38, другой откинул оружие в сторону на лестнице второго этажа. Было сделано восемнадцать выстрелов, одиннадцать из которых превратили Лолордо в решето.

Согласно некоторым ранним сведениям, Алейна опознала Джо Айелло по фотографии. «Она никого не узнала, – сказал Джон Стидж, дослужившийся до заместителя комиссара полиции. – Не знаю, откуда информация. Как всегда, никто ничего не видел».



Аль Капоне вместе с маршалом США В. Лаубенхаймером в Атланте. 5 мая 1932.

Это безумие нужно было остановить. За три месяца было убито пятнадцать человек, связанных с Капоне. Айелло было

сложно определиться в хитросплетениях схем производства и поставок, создаваемых Капоне не один год, и ключом мог стать Моран. Без его поддержки Айелло не мог действовать дальше. Убийцами Лолордо были Пит и Фрэнк Гузенберги и Джеймс Кларк – лучшие из оставшихся боевиков Морана. Банда North Side упорно нарывалась на проблемы при очевидной немощности. За последний год Гузенберги дважды вели стрельбу по Джеку МакГурну; во второй раз его заперли в телефонной будке и едва не убили. Когда люди Капоне помешали строительству трека для собачьих бегов Морана в клубе Fairview, он поджег кинологический клуб Капоне Hawthorne.

Без Морана банда North Side была беспомощной. Новое руководство, пришедшее на смену, было совершенно бездарным.

Незадолго до Нового года Капоне заболел пневмонией. Болезнь косвенно помогла отправить его за решетку, будучи больным, Капоне строил планы.

Глава 19
Сердца…

После трех лет работы рассыльным в городском Бюро новостей Уолтер Спирко, которому едва исполнилось восемнадцать лет, стал начинающим репортером. Он освещал мрачные судебные разбирательства и все, связанное с офисом коронера.

«Вы, Уолтер, должны проверять информацию, поступающую в офис коронера не реже одного раза в час». У коронера регистрировались все «неестественные случаи смерти», а бюро собирало материал для городских газет Чикаго. «И послушай, малыш, доброго совета, – продолжал редактор Гершман, – если какой-нибудь умник скажет: беги сюда, парень, у меня есть сенсация, которая поставит на уши весь город, направляйся к телефону и позвони нам. Они просто морочат тебе голову, так часто поступают с новичками».

Приблизительно около половины одиннадцатого утра 14 февраля 1929 года, в День святого Валентина, Спирко зашел с ежечасной проверкой в офис коронера. В одном из кабинетов заместитель судебного следователя Уильям Бауман фиксировал случаи криминальных смертей, о которых сообщали по телефону помощники.

Прежде чем Спирко смог просмотреть журнал регистрации, на столе Баумана зазвенел телефон. Первые слова поразили репортера: «Как? Сразу семь трупов? Записываю. Норд-Кларк, два-один-два-два».

Спирко выглянул из кабинета и пробежал взглядом по помощникам коронера. «Их было много, и все сидели на телефонах, – вспоминал потом Спирко. – Как хотелось знать, кто находится на этой линии!» Между тем Билл Бауман продолжал яростно строчить в журнале, поминутно охая и ахая.

Затем не выдержал и бросил трубку.

– Уолтер, – воскликнул он, – позвони в свой офис. – Ты слышал, что я…

– Конечно, слышал, – перебил Спирко. – Семь человек убиты на два-один-два Клар…

– Вперед! – взревел Бауман и, вскочив, бросился в кабинет судебного следователя округа Кук М. Германа Бундесена.

Спирко пошел следом и прислонился к косяку, чтобы не пропустить ни слова. «Коронер, – сказал Бауман, – у нас семь человек расстреляли…»

Внезапно Спирко осенило: это вполне могло оказаться правдой.

Вряд ли Бундесен стал бы принимать участие в розыгрыше мелкого журналиста.

Спирко бросился к столу и схватил телефон.

– Герш, там семь человек…

– Уолтер! Мы же совсем недавно разговаривали на этот счет. Забудь о сенсациях и займись делом! – Редактор положил трубку.

К этому времени коронер надел пальто и направился к месту происшествия. Спирко снова позвонил в бюро:

– Герш, – сказал он, совсем отчаявшись. – Я по поводу семи трупов. Как думаете, Бундесен опустился бы до низкопробных шуток? Я был рядом, когда сообщили о преступлении, и он уже в пути.

– Хм! Я все еще не могу поверить…

Неудивительно, даже те, кто уже находились на Нод-Кларк, 2122, не верили своим глазам.

В 1929 году на улице Кларк, в одном квартале к западу от престижной Норт-Линкольн-Парк-Уэст, располагались невзрачные общежития, мелкие магазины и склады.

Дом 2122 протянулся на двадцать пять футов с западной стороны улицы. Блеклое одноэтажное строение из терракотового кирпича примостилось между двумя трехэтажными общежитиями. Здание было выставлено на продажу, но с октября его арендовал некий Фрэнк Снайдер.

Сдвоенное окно, выходящее на Кларк-стрит, было закрашено сверху в темный цвет, чтобы прохожие не заглядывали внутрь, а нижнюю часть прикрывала вывеска «S.M.C. Cartage Company». Переднюю часть здания занимал неухоженный офис, а все, что происходило в тыльной части, увидеть было невозможно. В офисе находились небольшая стойка, двойной стол посередине, несколько стульев и пара телефонов. На двери со стороны улицы висели два слогана «MOVING» и «EXPRESSING». S.M.C. Cartage Company оказывала услуги по перевозке мебели. Грузовики подъезжали к зданию со стороны заднего переулка через двойные ворота.

На самом деле в доме 2122 на улице Норт-Кларк располагалась банда North Side во главе с Джорджом Мораном.

Штаб-квартира банды находилась в Чикаго Луп на Норд-Диаборн, 127, а местом сбора членов банды был бар Wigwam в гостинице Marigold примерно в двух милях к северу.

Гараж являлся основным складом алкоголя банды North Side. Камеры хранения были так тщательно спрятаны в стропилах и балках, что отряд следователей, вскоре нагрянувших в гараж,

ничего подозрительного не нашел.

Отношения Морана и Капоне всегда были сложными. Часто вместе с Вайсом и Друччи он выступал против мирных предложений Капоне. Благодаря большой голове и крупной выпирающей челюсти на фотографиях Моран выглядел значительно крупнее, чем на самом деле, ростом он едва дотягивал до среднего. Моран называл Капоне Зверем и Бегемотом, презирал за использование телохранителей и всячески отвергал его товар, характеризуя как «паленый алкоголь и разбавленное зеленое пиво».

Тем не менее после мира 1926 года, даже несмотря на множественные нарушения, меняющие первичные договоренности, Моран продолжал получать через Капоне настоящий контрабандный виски. Доставкой занималась детройтская банда Purple[141].

Наиболее предпочтительным брендом считался Old Log Cabin, но Моран решил: цена, которую он платит Капоне, оставляет слишком мало прибыли, – и нашел поставщика виски более дешевого сорта.

Капоне не возражал: предложенную партию дорогого алкоголя с радостью принял Пол Мортон, брат Гвоздя Самюэля, а Моран просчитался. Клиенты забраковали новый продукт и потребовали вернуть виски Old Log Cabin.

Моран снова вышел на Капоне, но получил отказ. Зачем Капоне было отвергать дружественно настроенного клиента в пользу ненадежного? Моран принял идиотское решение захватить поставки. В очень скором времени Детройт стал источником значительного числа проблем, что вызвало гнев Капоне.

Люди Капоне сняли комнаты в общежитиях на противоположной от склада алкоголя в гараже стороне улицы. Первое общежитие располагалось в доме 2119 на улице Норт-Кларк; управляющей общежития была миссис Майкл Дуди. Второе общежитие находилось в доме 2135. Им руководила миссис Фрэнк Арвидсон. Чтобы объяснить постоянные разъезды, боевики Капоне сказали, что работают таксистами в ночную смену.

Несмотря на то, что таксисты предпочли не тихие задние комнаты, а шумные, выходящие непосредственно на улицу, объяснение всех удовлетворило.

Затем Капоне разыграл спектакль. Люди Капоне договорились со свободными автоугонщиками, что по крайней мере одна партия Old Log Cabin будет продана Морану с обещанием продолжения сотрудничества. Фрилансеры предложили украденный виски по отличной цене, $57 за ящик,

при условии личной передачи всей партии в гараже приблизительно в 10:30, в четверг, 14 февраля.

Утро 14 февраля 1929 года было хмурым и холодным. Чикаго жил ожиданием смерти: в полночь впервые должна была состояться казнь восемнадцатилетнего Чарльза Уолза и девятнадцатилетнего Энтони Греко на новом электрическом стуле в округе Кук. Приговоренные убили полицейского Артура Исоу во время ареста. Третьим осужденным был Дэвид Шэнкс. Он убил школьного учителя в Пеории.

К десяти часам утра на улице потеплело до +18 градусов (двумя часами ранее было +13, а к двум часам дня температура достигла +26)[142]. Переменчивый ветер, мягкий и умеренный, поднимал и разносил снег.

Во Флориде Капоне, оправившийся после болезни, собирался ехать по делам. У него была встреча в центре Майами в 12.30[143].

Наблюдатели за зданием на Кларк-стрит увидели семь человек, заходивших в гараж.

Тридцатипятилетний Джон Мэй, отец семерых детей, пришел раньше всех. Позже некоторые считали его совершенно невинной жертвой, обычным механиком.

На самом деле Мэй был налетчиком-неудачником, дважды обвиняемым в грабеже и воровстве. Джон Мэй полтора года перевозил пиво и другую выпивку для Морана, а затем его назначили в гараж, поддерживать грузовики в боевом рабочем состоянии за $50 в неделю. Мэй пришел в гараж вместе со своим псом, немецкой овчаркой по кличке Хайболл. Он привязал собаку к рулю сломанного грузовика, под которым работал с 10 утра.

Фрэнк Снайдер, официальный съемщик здания, тоже поднялся рано. Его настоящее имя было Адам Хейер (псевдоним Артур Хейс). Даже в личных делах он сохранял исключительную скрытность.

Сын Хейера от первого брака не знал, где живет отец, хотя периодически (раз в несколько месяцев) ужинал с ним, и даже не знал точно, сколько лет отцу – сорок или сорок один. Невеста Хейера за семь месяцев так и не смогла узнать, где работает и чем занимается жених. Бухгалтер по образованию, он получил первый срок за грабеж двадцать один год назад, второй – шесть лет назад за нарушение условно-досрочного освобождения по обвинению в мошенничестве. Являясь бизнес-менеджером банды, Хейер заправлял ставками Морана на собачьих бегах.

Альберту Качеллеку через одиннадцать дней должно было исполниться сорок лет. Он родился в Германии и приехал в Чикаго в возрасте пяти или шести лет.

Альберт впервые попал в исправительную тюрьму в 1905 году

за грабеж в возрасте шестнадцати лет. Четыре месяца заключения не пошли на пользу, и в том же 1905 году он получил уже четыре года за кражу со взломом. С тех пор Альберт стал называть себя Джеймсом Кларком.

«Он не хотел причинять боль матери, – объяснила его сестра, с негодованием отвергавшая неоднократные газетные упоминания, что Кларк приходится Морану шурином. – С чего вообще это взяли? – возмущалась она. – Гражданская жена Кларка, Дот, не была родственницей Морана!» Кларк был одним из трех боевиков, которых Моран предоставил Айелло для убийства Лолордо.

Два других стрелка, братья Гузенберги, Питер сорока лет и Фрэнк тридцати шести, являлись силовой опорой банды. «Эти сукины дети, – вспоминал Говард Браун, – могли шлепнуть любого просто так и хотели, чтобы об этом знали все». Пит в свое время отсидел в Ливенуорте за ограбление почты, а Фрэнку удалось открутиться от всех обвинений, в том числе и в убийстве, за исключением девяностодневного срока за хулиганство. Младший брат, Генри, которого они, пользуясь репутацией, устроили киномехаником в Чикаго Луп за $175 в неделю, должен был присоединиться к ним в гараже позже. В полдень братьям предстояло сопровождать несколько грузовиков в Детройт, чтобы забрать контрабандный алкоголь.

Рейнхарт Х. Швиммер, двадцати девяти лет, недавно разведенный во второй раз, не имел никаких дел в гараже. Хотя Швиммер называл себя доктором-оптометристом, у него не было медицинского образования. Десять лет назад он унаследовал дело отца, занимавшегося подбором очков. Недавно Рейнхарт закрыл убыточный бизнес, но вскоре надеялся открыть новый. Швиммера поддерживала мать, Жозефина называла себя специалистом в области трихологии[144] и подрабатывала гаданием. Она давала сыну $70 в месяц на оплату номера в отеле Parkway и $15 на карманные расходы. Швиммер считал гангстеров символом мужества и непреодолимой силы, дружил с О'Бэнионом (его лицо мелькнуло на фотографиях с похорон) и мысленно сравнивал себя с каждым из преемников. В последнее время Швиммер неосторожно хвастался, что имеет долю от прибыли бандитов и, если захочет, отправит на тот свет любого. Утром Швиммер зашел в гараж без дела – поболтать, выпить чашку кофе, а в 2 часа дня собирался отправиться к матери.

Последним из приехавших в гараж был Альберт Р. Вайншанк тридцати шести лет, владелец подпольного бара, человек Морана, пытающийся проникнуть в рэкет химчисток и прачечных.

Время прибытия Вайншанка косвенно доказывает, что его

приняли за другого. Он, как и Моран, был чуть ниже среднего роста и грузной комплекции. В то утро Вайншанк оделся, как Моран, в серое пальто и оливково-коричневую шляпу. Наблюдатели могли подать сигнал, что Моран прибыл.

Позже полиция настаивала, что автомобиль приехал от кафе Circus, штаб-квартиры банды, возглавляемой Клодом Мэддоксом, союзником Капоне на северо-западе. Кафе находилось на Норд-авеню, примерно в двух милях к юго-западу от гаража. Согласно версии полиции, водитель автомобиля должен был направиться на восток по Норду, повернуть на север по Ла Саль и выехать на Кларк-стрит, чуть ниже Диккенс-авеню, 2100. Но он объехал квартал с левой стороны, через Уэбстер, 2200, и лишь потом вернулся на Кларк. Этот нехитрый маневр позволил не совершать неудобный разворот на довольно узкой, оживленной, скользкой и снежной улице, прямо перед гаражом.

Это был семиместный Cadillac, похожий на автомобили детективов, в комплекте с сиреной и специальным упором для стрельбы на спинке сиденья водителя. В Cadillac находилось пять человек, двое в полицейской форме. Автомобиль направился на запад к Уэбстеру, чтобы подъехать к перекрестку с Кларк-стрит с другой стороны. В это время к перекрестку приближался грузовик, ехавший по Кларк на север.

Элмер Р. Льюис, водитель грузовика компании Beaver Paper, пытался разглядеть в снежной мгле адрес следующей доставки, поэтому не следил за дорогой. Водитель Cadillac нервничал и нетерпеливо выехал на перекресток, вместо того чтобы пропустить грузовик. Он повернул налево, на Кларк-стрит, в тот момент, когда Льюис, высунувшись из кабины грузовика, старался определить номера домов. Старый, видавший виды передний бампер грузовика ударил Cadillac по левому заднему крылу.

Седан затормозил напротив Норд-Кларк, 2156. Испуганный Льюис тоже подтянулся к бордюру, думая, что задел полицейский автомобиь. Выйдя из грузовика, Льюис увидел человека, которого принял за детектива. Позже Льюис рассказывал в полиции: мужчина был ростом 5 футов 10 дюймов, весом около 165 фунтов, лет тридцати пяти, с гладко выбритым светлым лицом, одетый в синий костюм, слишком изящный для детектива, и пальто с воротником из меха шиншиллы. Льюис не смог разглядеть других пассажиров: верхняя часть кузова была закрыта, боковые шторы задернуты.

Льюис успел заметить трещину на заднем стекле, обработанную клеящим составом.

Мужчина в пальто рассмеялся и помахал рукой Льюису, не

выказывая ни малейшей враждебности. Льюис облегченно вздохнул, вернулся в грузовик и проехал полквартала на север, пока не вспомнил, что все-таки нужно доставить груз. Седан проехал дальше по улице Кларк и остановился у дома 2122, где находилась организация S.M.C. Cartage. Было около половины одиннадцатого.

Джордж Моран жил в гостинице Parkway, как и Швиммер. Гостиница располагалась неподалеку от гаража, в доме 2100 на Линкольн-Парк-Уэст.

В то утро никто не видел Морана, он немного опоздал на назначенную встречу с поставщиками Old Log Cabin. С Мораном был Тед Ньюберри, один из главных в торговле выпивкой. Примерно в то же время Вилли Маркс, специалист Морана по трудовому рэкету, вышел из трамвая, следовавшего со стороны Чикаго Луп. Все трое видели, как к гаражу подъехал Cadillac, из которого вышли четверо незнакомцев, в том числе двое полицейских; водитель остался за рулем. Вышедшие из автомобиля не были знакомы Морану и его спутникам. Гангстеры не отличались трусостью и не остались бы в стороне, наблюдая, как на склад заходят конкуренты.

Вопрос был в присутствии полицейских. Бутлегеры, исправно дававшие взятки, не боялись непредвиденной облавы, пришлось бы просто откупиться в очередной раз. Моран и соратники просто сбежали. Моран вернулся в гостиницу Parkway, предупредить Генри Гузенберга, что сейчас не стоит показываться в гараже.

Семеро в гараже отреагировали на появление странной компании, как и Моран, со снисходительным презрением. Позже полиция заявила: «Все семеро были уверены, что столкнулись с арестом… В противном случае они дорого бы продали жизни».

Пройдя через дверь в задней стене офиса, посетители оказались в импровизированном коридоре. В гараже находилось около десяти покрытых брезентом грузовиков и несколько легковых автомобилей, и только у задней грязной, хотя и побеленной стены было свободное пространство. Там стоял стол, заливаемый ярким светом лампы без абажура. На столе находился дымящийся кофейник и открытая коробка с крекерами. Вокруг толпились шесть человек (седьмой, Джон Мэй, продолжал возиться под грузовиком).

Вперед вышли двое в полицейской форме и объявили о производстве инспекционной проверки, приказав всем поднять руки и встать лицом к стене. Двое в штатском отстали в проходе, пока члены банды ворчливо исполняли приказ. В любом случае задержанные думали только о предстоящих неудобствах. За исключением Швиммера, все неоднократно подвергались

подобным процедурам. Они предполагали, что не подвергнутся аресту, поскольку в гараже не было алкоголя, а спрятанный в стропилах требовалось найти.

В соответствии с приказом, все выстроились лицом к кирпичной стене, подняв руки. Фрэнк Гузенберг стоял слева, за ним Пит, далее Вайншанк, Хейер, Кларк и Мэй. Правый фланг замыкал неудавшийся оптик. За исключением Кларка и Мэя, одетых в коричневые рабочие комбинезоны и куртки, все были в пальто, а из петлицы Швиммера выглядывала бутоньерка из гвоздик.

Один из рейдеров прошелся вдоль строя, отбирая оружие у задержанных. Вне всякого сомнения, оно было у Гузенбергов и Кларка, возможно, и у всех остальных, даже у Швиммера. Заряженный револьвер Фрэнка упал на пол, где и остался лежать.

В руках у подошедших штатских оказались автоматы Томпсона, у одного с магазином на двадцать патронов, у другого – на пятьдесят.

Они заняли позиции по краям, а полицейские с дробовиками остались в центре. Выстрелы раздались неожиданно. Жертвы испытали звериный ужас, но все произошло настолько быстро, что никто не успел отреагировать.

Первые очереди попали в нижние части спин, следующие – в шеи и головы. Мэй начал поворачиваться, инстинктивно протестуя, и в этот момент картечь снесла левую часть черепа. Пуля из дробовика попала в грудь Швиммера.

Четыре жертвы упали на пол и лежали под прямым углом к изрядно изрешеченной пулями стене. Пит Гузенберг упал в кресло, но не сидел, а скорее, лежал боком. Один из автоматчиков присел на корточки и сделал последнюю очередь, целясь в головы лежащих.

Убийцы блестяще разыграли издевательскую сцену ареста, после чего беспрепятственно покинули место бойни.

Миссис Джозеф Морин, живущая с другой стороны Норд-Кларк, 2125, убирала в комнате, выходящей на улицу. Случайно подняв взгляд, она заметила двух мужчин, выходящих из гаража. Они шли с поднятыми руками, а сзади следовали двое полицейских (об этом миссис Морин вспомнила на следующий день) с «длинными, знаете, такими пушками».

Самюэль Шнайдер в магазине одежды на первом этаже следующего здания, к северу от гаража, не слышал ничего особенного, а тем более стрельбы. Через окно он увидел людей, пересекавших тротуар. «Они были совершенно спокойны, – рассказал Шнайдер репортерам, – я решил, это полицейские».

На третьем этаже того же здания миссис Жанетта Лендесмен

гладила белье. Она услышала «что-то похожее на приглушенный барабанный бой или какие-то взрывы». «Я подумала, – сказала женщина позже, – знаю, что это, и мне стало любопытно». Миссис Лендесмен подошла к окну и увидела, как какой-то мужчина садится в Cadillac, «очень похожий на полицейскую машину».

Автомобиль сорвался с места в сторону юга, но в этом же направлении ехал трамвай, и Cadillac обогнал мешающий транспорт, выехав на встречную полосу. Была ли эта машина полицейской или нет, но Жанетте Лендесмен показалось, что водитель слишком безрассуден. Откуда весь этот шум? Конечно, из гаража! Новоявленная миссис Марпл отправилась на разведку.

Дверь со стороны улицы оказалась заклиненной, и миссис Лендесмен, вернувшись обратно, обратилась за помощью к квартиранту Чарльзу МакАлистеру, который собирался на работу. Кое-как МакАлистер приоткрыл дверь и скрылся в офисе.

Обратно он вернулся с лицом пепельного цвета: в заднем помещении лежали мертвецы, причем один четко спросил: «Кто там?» Лендесмен немедленно позвонила в ближайший участок.

Первым прибыл лейтенант Томас Лофтус, который увидел, как к нему ползет Фрэнк Гузенберг. Лофтус поднял его револьвер с бетонного пола.

– Вы меня узнаете, Фрэнк? – спросил Лофтус, знавший гангстера в лицо.

– Да, ты – Том Лофтус, – прохрипел Гузенберг.

– Кто это сделал? – спросил полицейский. – Что здесь произошло?

– Я не буду ничего говорить…

– Ты в плохом состоянии, Фрэнк…

– Ради бога, отвези меня в больницу!

У Лофтуса была возможность нажать на Гузенберга прежде, чем вызвать медицинскую помощь:

– Я хочу, чтобы ты объяснил эту стрельбу.

– Я отказываюсь говорить…

Лофтус сдался. Он вызвал «Скорую помощь». По пути в больницу Alexian Brothers, находящуюся милей западнее, лейтенант снова попытался разговорить Фрэнка. Лофтус сказал, что видел там его мертвого брата. Кто это сделал? «Я не скажу», – непреклонно дышал Гузенберг в ответ. Он умер днем около 1.40, не произнеся больше ни слова.

Сцена расправы поразила даже суровых полицейских, много повидавших на своем веку. Хейер, стоявший в середине шеренги, был так изуродован пулями, что во время вскрытия не удалось установить траекторию отдельных выстрелов. Град пуль был настолько плотным, что разодрал в клочья штаны Пита

Гузенберга. «Было жутковато», – прокомментировал один полицейский увиденное. Семь жертв сразу, так зверски убитых, – это слишком чудовищно. Полицейские пришли в такое смятение, что забыли оповестить дежурного сержанта, который должен был передать сведения наверх. В верхних эшелонах полиции на протяжении получаса ничего не знали о том, что впоследствии назвали массовой бойней.

В офисе коронера все знали благодаря вызову «Скорой». После настойчивых звонков Уолтера Спирко Айзек Гершман позвонил в главное управление полиции. Ему ответили, что поступило донесение о мелком инциденте в доме 2122 на улице Норт-Кларк. Что-то вроде драки.

Гершман разослал очередной бюллетень: «В драке пострадали люди».

Вскоре он услышал, как полицейские машины с ревом сирен понеслись через Чикаго Луп. Слухи разнеслись повсеместно. Все СМИ активно освещали бойню. Гершман позвонил Спирко: «Уолтер, сукин сын, почему ты не убедил меня?!»

Глава 20
…и цветы

В 11.25 в Чикаго Луп все еще завывали полицейские сирены. Толпы любопытных заполнили все улицы, примыкающие к гаражу.

В 12:25 по местному времени Майами около здания суда округа Дейд остановился светло-голубой лимузин. Из лимузина вышел Капоне, одетый по-летнему: в клетчатой спортивной куртке, белых фланелевых брюках, теннисных туфлях и белой шляпе из мягкого фетра. Шофер в униформе и телохранитель остались в машине. Второй телохранитель направился с Капоне к лифту. Оба были габаритными, но подвижными, с цепким взглядом. Они были одеты так же броско, как Снорки.

В 12.30 Капоне вошел в кабинет окружного прокурора Роберта Тейлора, который допрашивал его прошлым летом. Тейлор пригласил Капоне на беседу с Луисом Голдстейном, помощником окружного прокурора из Нью-Йорка, приехавшим задать несколько вопросов по поводу убийства Фрэнки Йеля.

Позже многие полагали, что Капоне создал непоколебимое алиби, поскольку о его присутствии во Флориде говорили ежедневные публикации в прессе.

– Итак, – улыбнулся Капоне, пожав руки Тейлору, Голдштейну и официальным представителям Майами, – чем могу быть полезен?

Содержание беседы осталось неизвестным, дело об убийстве Йеля еще не было закрыто.

Капоне уклончиво сказал: «Я просто ответил на несколько вопросов, которые вряд ли могут быть интересны».

Через два года и девять месяцев Капоне поймет ошибочность этого заявления, но тогда большинство вопросов поверенного округа Дейд казались совершенно безобидными. Капоне аккуратно парировал, как всегда.

Например, Тейлор спросил, когда Капоне впервые встретил Паркера Хендерсона. «Около двух лет назад». Помощник прокура продолжил: «Можете назвать имена людей, которые были с вами?» Капоне поморщился в ответ: «Я не люблю называть имена, если не понимаю, зачем это нужно. Возможно, потом это будет использовано против них». «Что ж, – ответил Тейлор, – мы будем вести запись, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас», – он кивнул в сторону сидящего рядом стенографа Рута Гаскина. «Это все, что я хотел знать, – прокомментировал

ситуацию Капоне, – не помню эти имена».

Когда некоторые из ответов позже всплыли в налоговом суде, критики считали, что Капоне должен был отказаться от дачи показаний, и усомнились в его умственных способностях. Капоне предупредили, но он все равно дал ответы.

Однако первые разбирательства против гангстеров, связанные с налогами (дела против брата Капоне Ральфа, Драггэна и Лейка), начались только через девять месяцев, когда правительство обнаружило у них доказуемые источники дохода.

По причинам, которые рассмотрим позже, мало кто понял, что незаконные доходы так же облагаются налогами. Налоговое управление изучало декларации гангстеров в течение нескольких лет, и эти действия целенаправленно проводились против Капоне. 18 октября 1928 года он не знал и не мог предвидеть, что не следовало отвечать на, казалось бы, безобидные вопросы, хотя Капоне соблюдал крайнюю осторожность.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Тейлор.

– Я игрок. Делаю крупные ставки на тотализаторе.

Это было абсолютно законно, как во Флориде, так и в Иллинойсе, и Нью-Йорке. Тейлор, проверивший историю звонков Капоне, спросил:

– Кто такой Митчелл из Оук-парка, штат Иллинойс? Например, он трижды звонил в ваш дом двадцатого числа.

– Он делает для меня ставки на бегах.

И снова в этом не было никаких нарушений закона. Напротив, Капоне не имел никаких дел с ипподромными жучками. Но Тейлор продолжал давить, пытаясь найти слабую точку:

– Помимо ставок вы еще бутлегерством занимаетесь? – спросил Тейлор человека, само имя которого можно употреблять как синоним понятия бутлегерство.

– Никогда в жизни, – ответил Капоне, благо разговор проходил не под присягой.

Когда Тейлор перешел к неловким вопросам, Капоне отклонил их.

– Как долго у вас проживал Дэн Серрителла?

– Серрителла никогда не жил у меня, просто время от времени приезжал на несколько дней, – ответил Капоне, отдаляясь от инспектора мер и весов Чикаго, поставленного Томпсоном, будущего сенатора.

– Вы знаете Джека Гузика?

– Да, это мой друг из Чикаго.

– Чем он занимается?

– Он боксер, – ответил Капоне, пошутив над пухлым экс-

сутенером.

Так же легко Капоне обошел скользкий вопрос об использовании псевдонима:

– Вам знаком человек по имени Аль Браун?

– Меня часто так называют. Я никогда не использую эту фамилию. Мое настоящее имя – Капоне.

Он сдержанно отвечал на вопросы о деньгах, отрицая, что получал переводы на имя А. Коста, полагая, что это подозрительно. Тейлору перефразировал вопрос:

– Вам переводили деньги через Western Union из Чикаго?

В этом не было никакого подвоха, даже в контексте налогового законодательства: получение денег и извлечение дохода – совершенно разные вещи.

– Да, мне приходили деньги из Чикаго.

– Это как-то связано с азартным бизнесом?

– Не отрицаю.

По действующему закону, выигрыши в азартных играх не облагались налогом.

– Паркер Хендерсон когда-нибудь занимался вашими денежными транзакциями?

– Только когда покупал мне дом.

– Сколько денег вы дали Хендерсону на покупку дома?

– $50 000.

– Наличными или чеком?

– Наличными.

– Он вас когда-нибудь обманывал?

– Никогда.

Мысль, что этот щенок попытался бы обмануть, позабавила Капоне.

Тейлор продолжал переводить допрос в другую плоскость:

– Вы ведете учет ваших денежных транзакций?

– Обязательно.

– Где эти записи?

– Это мое личное дело.

Капоне прикинулся дураком, когда Тейлор поинтересовался возможной покупкой багамского острова Кэт-Кей, который мог бы стать чудесной перевалочной базой при доставке выпивки к берегу Флориды.

– Я не знаю. Возможно.

– И что вы планируете делать с этим «Ключом»[145]?

– Не думаю, что получится осуществить эту покупку. У меня нет таких денег.

– Сколько за него просят?

– Полмиллиона.

Затем Тейлор перешел к прямой конфронтации:

– Вы получали деньги от Чарли Фишетти, когда жили в отеле Ponce de Leon? Хендерсон показал, вы получали разные суммы – от $1000 до $5000.

– Каким образом сумма денег связана с проводимым расследованием? – ответил Капоне вопросом на вопрос.

Упоминание Чарли Фишетти указывало на получение дохода от операций.

Если учесть, что Капоне практически ничего не знал о намерениях федералов, он повел себя достойно и разумно.

В Чикаго начальник полиции Билл Рассел, уважающий местные традиции, отреагировал крайне жестко: «Это война до финиша. Я еще никогда не встречался с такой наглостью, когда гангстеры-убийцы изображают полицейских. Нам бросили вызов, и он принят. Для чикагских гангстеров настали трудные времена».

Полиция проявила невиданную ранее активность. Были тщательно обысканы комнаты и квартиры жертв. В номере отеля Parkway нашли полностью заряженный револьвер Швиммера, Моран исчез из Чикаго. В квартире Пита Гузенберга проживала женщина по имени Миртл, которая год назад развелась с человеком по имени Коппельман. Миртл полагала, фамилия Пита – Горман и понятия не имела, что он гангстер. В гостиничном номере брата Пита, Фрэнка, полиция застала его зятя, Пэдди Кинга. Он обшаривал помещение в поисках автомата, который уже обнаружил швейцар между стеной и шкафом. Полиции удалось вычислить свидетелей на Кларк-стрит, в том числе двух хозяек, сдающих комнаты наблюдателям. Они не опознали ни одного поддельного таксиста по предъявленным фотографиям.

Полиция понятия не имела, что делать дальше.

На следующий день после расстрела в гараже Фредерик Д. Силлоуэй, помощник начальника инспекции по запрету оборота алкоголя в Чикаго, вызвал настоящий переполох, заявив, что мужчины в полицейской форме действительно были полицией, а не ряжеными. Во время допроса он утверждал, что был неправильно понят и процитирован журналистами. Он просто хотел сказать, что бойня была «логическим продолжением угона на улице Индианаполис», совершенного несколько недель назад.

В деле был замешан человек в полицейской форме, который в действительности оказался федеральным агентом. Предположение Силлоуэйя было откровенно глупым: поскольку у Морана угнали пятьсот ящиков виски, он перестал оплачивать защиту, и результатом стал вчерашний расстрел. Начальник полиции Рассел сказал по этому поводу: «Если у майора

Силлоуэйя есть что-то конкретное, он обязан прийти и рассказать об этом. Мы все равно узнаем, кто совершил преступление. Что касается заявления майора Силлоуэйя, могу заверить, что приму все меры к скорейшей поимке виновных, и мне наплевать, полицейские они или нет».

Слухи распространялись, и начальник детективного отдела Джон Иган оказался более грубым, чем Рассел, заявив – если это окажется правдой, он лично бросит виновных в камеру, держа за глотку. Иган фактически отклонил возможность участия в бойне настоящих полицейских, причем в более тонкой форме, чем босс: «Майор Силлоуэй выдвигает собственные теории, которые потом публикуют газеты, – сказал Иган, – мы будем рады, если он сможет предоставить факты». На всякий случай двести пятьдесят пять детективов доложили о своем местонахождении во время бойни.

Силлоуэйя перевели на другую должность, а затем уволили.

Согласно другой легенде, Моран заявил: «Подобными методами действует только банда Капоне». Описание подробностей этого громкого дела появилось и в газетах Майами. Моран выразил начальнику детективов Игану искреннее недоумение: «Мы не знаем, чем это вызвано, и сейчас боремся с тенью».

Чем больше информации поступало, тем сложнее было ориентироваться. Уоллес Колдуэлл, президент Департамента образования города Чикаго, был безупречно надежным и ответственным свидетелем. Согласно показаниям, он видел убийц за несколько мгновений до того, как автомобиль врезался в грузовик Элмера Льюиса. Внимание Колдуэлла привлекло, что Cadillac проехал на красный свет светофора.

Он показал, что у одного из находящихся в машине не было переднего зуба, а стоматолог Лоял Тэкер, кабинет которого находился на Норд-Кларк, 2530, вспомнил, что накануне удалял передний зуб весьма подозрительному типу. Вскоре в особые приметы главного подозреваемого внесли отсутствие переднего зуба.

Колдуэлл описал машину, следующую на север по Кларк-стрит, которая потом развернулась (чего быть не могло). Кроме того, маловероятно, что в легкой поземке он смог рассмотреть даже самую «щербатую» улыбку человека во встречном автомобиле. В более поздней версии отчета это было учтено. Оказалось, беззубого парня заметил не Колдуэлл, а его водитель, причем убийца находился не в автомобиле, а слонялся около гаража. Дантист Тэкер, хотя его имя открыто не сообщалось, через несколько дней объявился в Детройте, блуждая по улицам

явно не в себе. Из невнятного рассказа следовало, что дантиста похитили на следующий день после бойни, а почему отпустили – он понятия не имеет. На выбранной фотографии был парень, сидевший за решеткой окружной тюрьмы с ноября.

Следующую загадку задал Джордж Артур Бричетти. Названный в отчете «юношей», он утверждал, что видел машину, подъехавшую к задним дверям гаража в переулке, и четырех пассажиров, из которых двое были полицейскими. Несмотря на то что машина переместилась в переулок, к этой версии стоило прислушаться. Бричетти настаивал, что видел, как трое вошли в задние двери, а затем побежал на Кларк, посмотреть, что будет дальше. Бричетти успел вовремя и заметил, что у одного из выходящих гражданских не хватало пальца на руке. При этом беспалый обратился к товарищу: «Все хорошо, Мак». В силу этих маловразумительных показаний, полиция начала искать главного бомбардира Капоне Джеймса Белкастро, у которого действительно не было пальца, и Джека МакГурна, хотя никто и никогда не называл его Маком. Тем не менее Бричетти указал на фотографию МакГурна.

Число возможных причин бойни продолжало расти. Гузенберги несколько раз кидали угонщиков грузовиков с алкоголем, и расстрел мог быть банальной местью. По другой версии, расправа тем или иным образом могла быть связана с попытками Морана вклиниться в рэкет химчисток и прачечных; это мог быть привет от банды Purple из Детройта, уставшей от постоянных угонов. В конце концов, бойня в гараже могла быть следствием внутреннего конфликта в банде Морана. Сенатор Дж. Томас Хефлин[146] (дядя сенатора Хауэлла Хефлина)[147], объяснил коллегам, что агенты Муссолини начали убивать гангстеров, которые не дали клятву в верности фашизму, с тех пор как великий дуче продался папе римскому в последнем Конкордате[148].

Прокурор штата Джон Свенсон с воодушевлением объявил полицейскому руководству о действительном начале действия сухого закона в Чикаго. На этот раз, по его словам, разговоры и показуха должны были быть закончены и следует переходить к реальным делам. Необходимо закрыть казино, подпольные тотализаторы и бордели, «средства и источники [бандитского] дохода должны быть устранены».

В течение двух дней город как будто вымер.

– Как дела? – спросил один владелец бара другого.

– Мертво.

– Мертво – не то слово!

Но только не в Майами. Спустя два дня после чикагского

расстрела Капоне устроил грандиозную пресс-вечеринку на Палм-Айленд, связанную с чемпионским поединком между Джеком Шарки[149] и Уильямом Стриблингом[150]. Он побывал на тренировках Шарки и сфотографировался между Шарки и Биллом Каннингемом, бывшей звездой американского футбола. Капоне играл в гольф в загородном клубе Голливуда, произведя незабываемое впечатление на кедди – доллар чаевых после первых девяти ударов. Тогда это было неслыханной щедростью.

Капоне чудесно провел вторую половину января. Течение болезни в январе станет предметом рассмотрения федерального суда, но состояние действительно было довольно серьезным. Доктор Самюэль Д. Лайт пришел к Капоне 5 января 1929 года и обнаружил, что грипп перешел в двустороннюю пневмонию. Молодой местный врач Кеннет Филлипс взял дело в свои руки и позвонил семейному доктору Капоне Дэвиду Оменсу из Чикаго для консультации. К середине января Капоне пошел на поправку. Хотя точная дата будет оспариваться в дальнейшем, полицейские, дежурившие на ипподроме Хайалиа, видели Капоне на открытии скачек 17 января. Наемный водитель Эдвард Нирмайер отвозил Капоне на дневной пикник в Бимини 2 февраля, а 8 февраля Капоне решился на морское путешествие на Багамы, продлившееся четыре дня.

Между тем чикагское расследование шло в двух направлениях. Герман Бундесен в составе коллегии присяжных выслушивал показания врачей и экспертов, рассказы родственников о некоторых сторонах жизни погибших и исследовал вещественные доказательства. Полиция выполняла оперативно-следственную работу.

21 февраля начальник полиции Рассел объявил, что приступает к «осушению» Чикаго, а полиция начнет проверять все гаражи, склады и сараи, не пропуская ни одного переулка, реакция не заставила долго ждать. Той же ночью, через неделю после бойни, соседи увидели клубы дыма, валящие из арендованного гаража на Нортвуд-стрит, 1723. Заглянувшие внутрь пожарные вызвали полицию.

Кто-то арендовал гараж и попытался уничтожить в нем семиместный седан Cadillac 1927 года выпуска с помощью ножовки, топора и ацетиленовой горелки.

Во избежание шума, уничтожение автомобиля проходило постепенно. Сначала сожгли брезентовый верх, шторы, деревянную обшивку салона и обивку сидений. Капитан Джон Стидж пришел к выводу, что громкое заявление Рассела заставило бандитов поторопиться, и они, «вероятно, использовали бензин, чтобы ускорить работу». Вспыхнувший

бензин, очевидно, попал на одного из исполнителей, судя по обугленным пальто и шляпе, найденными в гараже. Еще до приезда полиции сильно обожженного человека доставили к врачу, кабинет которого располагался неподалеку. Когда медсестра сказала, что пострадавшему придется немного подождать, поскольку доктор занят с другим пациентом, неизвестный тихо смылся. Как предположила медсестра, он крайне опасался прихода полицейских. В гараже нашли сирену, пистолет Luger и рукоятку автомата, но они оказались непригодными для дактилоскопии.

Увидев эти обугленные останки, один из заместителей начальника полиции сразу пришел к выводу, что «машина убийц найдена». Помощник прокурора штата Гарри Ф. Дитчбурн заявил: «Нет никаких сомнений по поводу машины. Поскольку эти развалины точно не принадлежали детективному отделу, подозрения со всех детективов сняты».

Гараж арендовали 12 февраля, за два дня до расстрела. Арендатор назвался Фрэнком Роджерсом и снял гараж на месяц, заплатив $20. По-глупости он назвал владельцу гаржа реальный адрес: Вест-Норд-авеню, 1859. Рядом располагалось кафе Circus, штаб-квартира Клода Меддокса, называвшего себя Джоном Муром.

Месяц назад полиция проводила облаву в доме 1859, где и обнаружила Мэддокса, назвавшего настоящее имя – Джон Э. Мур. Мэддокс сидел на корточках в задней комнате на первом этаже. Комната была пустой, а все имущество состояло из дюжины пальто, полностью заряженного дискового автомата и автоматического револьвера в кармане (магазин был полон). Возможно, такое поведение и объясняло прозвище Мэддокса – Чокнутый Джонни.

Часть номера автомобиля сохранилась. Полиция проследила историю: в декабре машину пару раз перепродавали за $850. Покупателя звали Мортон, он назвал адрес Лос-Анджелес. Все. Больше никаких сведений получить не удалось. Фрэнка Роджерса тоже никто не смог найти.

В предыдущий понедельник несколько свидетелей видели Мэддокса с двумя парнями в промасленных комбинезонах возле гаража на Вуд-стрит. Ну и что из этого следовало? Закон не запрещал разбирать Cadillac, чем-то похожий на автомобиль бандитов. Даже если бы полиция нашла Мэддокса, ему не смогли бы предъявить обвинение.

Но Чикаго оставался Чикаго. За поимку преступников было назначено вознаграждение в $50 000 ($10 000 из общественных фондов и по $20 000 за счет городских советов и прокуратуры

штата). Ходили слухи, что к этой сумме может добавиться еще $50 000 за счет Торговой ассоциации. Когда представители советов начали беспокоиться, олдермен Джейкоб М. Арвей (в будущем – спонсор политической карьеры Эдлая Э. Стивенсона) [151] сказал: «Зачем дергаться? Ничего платить не придется, потому что никто никого никогда не поймает».

Тем не менее кого-то арестовать было нужно – для соблюдения традиции.

Пара чиновников, проводящих инспекцию в Сент-Луисе, выяснила, что уловка с использованием полицейской формы не относилась к ноу-хау и использовалась местной бандой Egan's Rats против конкурентов из Огайо, при этом у одного из ряженых не было переднего зуба! Полиция объявила о причастности банды Egan's Rats, но скрыла имена подозреваемых, пока в ее распоряжении не оказались фотографии.

В розыск объявили семнадцать гангстеров, включая Мэддокса, МакГама, Белкастро, Джозефа Лолордо, Фрэнка Мэриотта и (просто так, для удачи) Джо Айелло вместе с братом Сэмом.

На следующий день, 27 февраля, полиции стало известно, что МакГурн зарегистрирован в отеле Stevens как Дж. Винсент Д'Оро. Хотя МакГурн был женат, это не мешало его роману с экстравагантной блондинкой Луизой Рольф, талантливой гольфисткой.

Луиза стала известной в пятнадцать лет: она устроила тройную автомобильную аварию, в которой, кроме прочих, пострадал генеральный прокурор штата Иллинойс Эдвард Брендедж[152].

Временный штаб расследования расположился тремя этажами выше их номера. «Как нам повезло!» – восторгался лейтенант полиции, – когда юноша-недоумок Джордж Бричетти и еще одна свидетельница, видевшие отъезжающий Cadillac, уверенно опознали МакГурна.

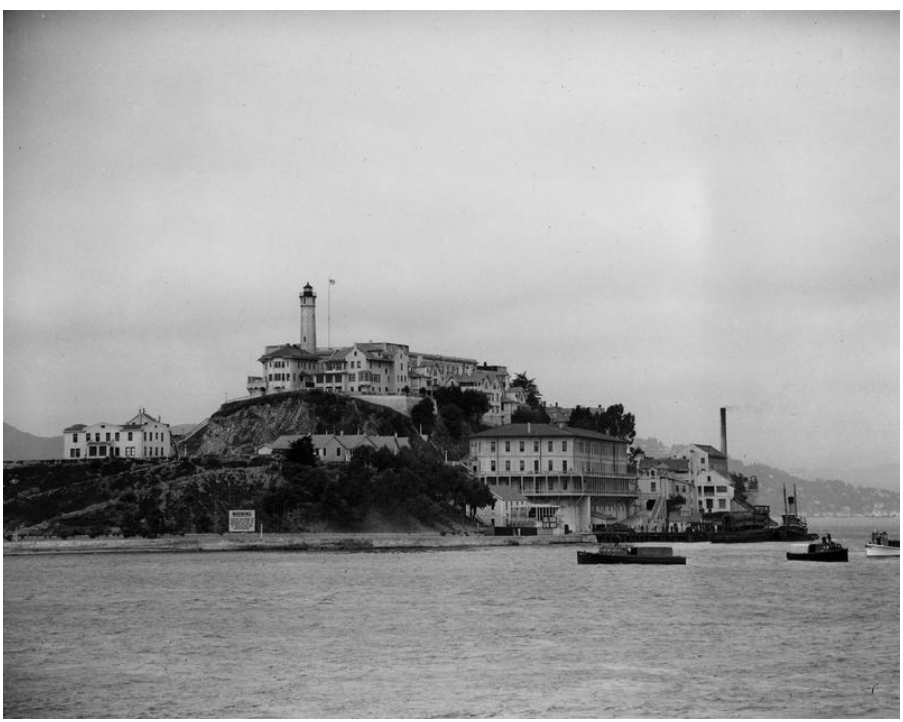
В тот вечер в Майами Шарки победил Стриблинга в десятом раунде. Капоне наблюдал за боем вместе с приятелем-боксером Джеком Демпси, который старался угодить во всем Большому другу.

Днем раньше федералы отправили Капоне повестку с требованием явиться для дачи показаний перед чикагской коллегией присяжных. Жюри хотело расспросить о нарушениях сухого закона в Чикаго-Хайтс. «Мне нечего бояться, – заявил Капоне, – я там непременно буду, но сначала хочу спокойно закончить отпуск».

Полиция и следственный комитет Чикаго показывали

свидетелям фотографии разных людей и давили на осведомителей. Они огласили имена двух участников банды Egan's Rats, выдававших себя за полицейских.

Одним был беззубый Фредерик Р. Берк, находящийся в розыске. Берка опознали как участника ограбления банка в Луисвилле 2 апреля 1925 года и выпустили под залог, но он скрылся в 1927 году, когда пришло время вынести обвинительное заключение. Другой подозреваемый, по имени Джеймс Рей, был сообщником Берка. Оба налетчика были высокими и крупными мужчинами. Моран и его люди были незнакомы с лжеполицейскими. В числе подозреваемых оказался Джо Лолордо, который мог мстить за смерть старшего брата. Полиция Нью-Йорка сообщила чикагским коллегам, что подозревает Берка и Рэя в убийстве Йеля, а один из помощников прокурора штата, Дэвид Н. Стенсбери, выдвинул предположение, что они получили по $10 000 долларов за участие в бойне.



Три бронированных железнодорожных вагона прибывают на автомобильном пароме в исправительную колонию Соединенных Штатов на острове Алькатрас, Сан-Франциско, штат Калифорния, 22 августа 1934 года. Под пристальным взглядом вооруженных охранников заключенные, в том числе бывший глава банды Чикаго Аль Капоне, покидают вагоны для переезда в камеру.

С подачи свидетелей и информаторов, полиция приступила к поискам записных убийц Капоне – Скализа и Ансельми, хотя следователям удалось собрать достаточно доказательств только против Скализа. Ему предъявили обвинение одновременно с МакГурном.

К середине марта полиция пришла к выводу, что МакГурн мог спланировать бойню. У него было твердое, но романтичное алиби. Репортеры окрестили Луизу Рольф «Блондинкой Алиби». Ее красота была безупречной, если закрыть глаза на несколько толстоватые лодыжки и замечание женщины-репортера, что волосы Рольф «слишком золотистые, чтобы быть естественными». Рольф утверждала, что они с МакГурном провели День святого Валентина в постели до половины второго пополудни. Парочка действительно крайне редко выходила из номера с тех самых пор, как заселилась в отель. Еду и газеты приносили сотрудники гостиницы. «С Джеком никогда не бывает скучно», – сказала Луиза с горящими глазами.

Расследование зашло в тупик.

– Что вам удалось узнать? – спросил репортер следователя после допроса МакГурна.

– Он вообще когда-нибудь говорил что-то полицейским? – ответил коп с плохо скрываемой досадой.

Власти совсем не интересовались Капоне, но он решил закончить отпуск. 5 марта молодой врач Кеннет Филлипс, радеющий за свое дело, дал показания под присягой, что пневмония и плеврит приковали Капоне к постели до 23 февраля и он был слишком слаб, чтобы куда-то ехать.

Капоне написал Уильяму Во, который, будучи федеральным следователем, отказался от $50 000, предложенных представителем Джона Торрио, со словами: «Вы разговариваете не с тем человеком».

Теперь Во работал на себя. Он получил от Капоне письмо, в котором говорилось: «Если федеральный судья посчитает, что показания, данные врачом под присягой, не являются законным основанием пребывания во Флориде, я сяду на самый первый рейс в Чикаго». В конце письма Капоне написал: «Я не хочу впасть в немилость суда».

У судьи Джеймса Уилкерсона возникли подозрения. Читая письмо Капоне, он обратил внимание на слова: «Сейчас мне опасно возвращаться в Чикаго».

«Интересно, о какой опасности он говорит?» – ворчливо проговорил судья. Тем не менее дал Капоне восемь дней до 20 марта, подчеркнув, что за это время окружной прокурор сможет разобраться в его состоянии здоровья.

20 марта Капоне явился в зал суда. Толпы стенографисток и разных судебных служащих собрались поглазеть на него. Обстановка разрядилась.

Коллегия присяжных продержала его час, перенесла слушание на вторую половину дня, а затем еще на неделю, положив компенсировать задержку по $3 в день за счет правительственных сборов. В прессе уделялось много внимания вопросу, обладает ли неприкосновенностью человек, имеющий федеральную повестку в суд.

«Зачем придавать такое значение Капоне? – отбивался капитан Стидж от репортеров. – Полагаете, он скажет что-нибудь значимое? Нет, нет и еще раз нет! Кто угодно, только не Капоне. Кроме того, – заметил заместитель начальника полиции, – Капоне был во Флориде во время убийств».

Когда коллегия присяжных снова занялась Капоне, ее больше интересовал налоговый статус, нежели знания об алкогольных поставках в Чикаго-Хайтс. Газеты писали: «Капоне охотно готов заплатить подоходный налог, если это будет законно обоснованно».

Правительство действительно заинтересовалось состоянием здоровья Капоне, когда он попросил перенести явку в суд. Когда Капоне во второй раз предстал перед Большим жюри, его арестовали по федеральному ордеру за неуважение к суду; правительство решило, что он был в состоянии явиться в суд 12 марта.

Внеся залог $5000, Капоне развернулся и ушел. Судебные слушания прервались почти на два года.

Слушания коронера о массовом убийстве, казалось, обещали дать кое-какие результаты. Первые заседания, 23 февраля и 2 марта, не представляли особого интереса: были получены отчеты от патологоанатомов, комментарии от родственников жертв (зачастую не проявлявших особого энтузиазма в ответах) и многочисленные высказывания в адрес друг друга со стороны администраций коронера, прокурора штата и полиции о том, какая качественная работа была проведена. Помощник прокурора штата заявил: «Сегодня нам не удалось прийти к единому мнению, кем были убийцы. Вероятно, в течение ближайших десяти дней нам удастся получить более ясные сведения». Это был почти маниакальный оптимизм.

Коронер привлек к делу главного эксперта страны в области новой судебной науки, баллистики, чтобы исследовать оболочки корпусов пуль, найденных в гараже на Кларк-стрит и извлеченных из тел. Через день после второго заседания присяжных Бундесен объявил, что принял на работу Кэлвина Годарда. Годард с детства

был повернут на оружии. Во время войны служил офицером службы артиллерийско-технического снабжения, а затем возглавил бюро баллистической экспертизы при полицейском управлении Нью-Йорка.

На третьей сессии заседания коллегии присяжных, открывшейся 13 апреля, Годард убедительно доказал на основе исследования гильз, найденных в гараже, что убийцы в День святого Валентина использовали два автомата, причем из одного было сделано двадцать выстрелов, из другого – пятьдесят. Годард лично исследовал все автоматы и ружья полиции Чикаго и наиболее подозрительных пригородов, вроде Сисеро. Полицейское оружие не применялось в бойне.

Научный подход Годарда поразил коллегию присяжных, особенно когда коронер прервал разбирательство в связи с обстоятельствами дела, не связанными с массовым убийством. Эксперт пришел к выводу, что оружие, изъятое у Счастливчика Джорджа Мэлони, использовалось в нераскрытом убийстве, совершенном девять месяцев назад. Он связал с этим оружием еще два убийства. Доказательства убедили присяжных голосовать за обвинительные заключения. Годарду удалось склонить двух членов коллегии – вице-президента компании Colgate-Palmolive-Peet[153] Берта А. Массея и президента и собственника частной компании по производству ковров Уолтера А. Олсона оказать финансовую помощи для создания научно-технической лаборатории криминологической экспертизы на базе Северо-Западного университета, которую он бы смог возглавить. При появлении подозрительного оружия Годард брался определить, использовалось ли оно в гаражной бойне.

Никто не знал, что случилось с оружием. Коронер Бундесен попытался выяснить, откуда оно взялось.

Следы вели в старый респектабельный спортивный магазин Von Lengerke and Antoine, реализующий автоматы всем подряд. Семь пулеметов были проданы фирме Gopher State Mines, которая существовала только на бумаге. Четыре пулемета купила организация Капоне, занятая собачьими бегами.

Настоящей звездой следствия стал Питер фон Франциус, спортивный торговец узкого профиля, специализирующийся на продаже оружия. Он продал пулемет Томпсона, обнаруженный в автомобиле марки Nash, брошенном убийцами Йеля.

Еще одна ниточка потянулась к Луи Висброду и Фрэнку Томпсону, которые выступали в разное время как самостоятельные торговцы или работали торговыми агентами у фон Франциуса.

После того как новые данные убедительно доказали ложь фон

Франциуса, Бундесен спросил, не хочет ли он изменить показания. «Да, – кротко ответил Франциус, – если этого требуют обстоятельства».

Фрэнк Томпсон признался, что его покупатели были подозрительными, потому что с готовностью платили более чем двойную розничную цену. Лучший клиент, с которым Томпсон познакомился в баре Детройта, представился Джо Говардом, с адресом «До востребования», и однажды договорился о доставке автоматов на угол Чикаго-стрит. Говардом оказался Джеймс Бозо Шьюп, мелкая сошка, работающая на бандитов, связанных с Скализом и Ансельми.

Бундесен спросил фон Франциуса, действительно ли его совершенно не заботило, где и кому продавалось оружие. «Нет, – честно ответил фон Франциус, – мы занимаемся продажей огнестрельного оружия, а не контролем».

Несмотря на обещания быть честными, торговцы оружием не опознали ни одного клиента на предъявленных фотографиях. Продавать автоматы, даже преступникам, тогда не считалось преступлением, поэтому и Von Lengerke and Antoine, и фон Франциус, и Томпсон и Висброд спокойно продолжили бизнес.

Два пулемета, использованных во время бойни, появились через десять месяцев.

В субботу вечером, 14 декабря 1929 года, рядом со зданием муниципалитета Сент-Джозефа, модного курортного городка в штате Мичиган, стукнулись два автомобиля. Водители вступили в яростный спор, хотя общая стоимость ущерба едва ли превышала $5. Подошедший полицейский Чарльз Скелли начал настаивать, чтобы они ехали в участок для разбора происшествия, и встал на подножку одной из машин. В ответ водитель выхватил револьвер и трижды выстрелил в офицера. Через три часа Скелли умер в больнице.

Убийца попытался сбежать, но пробил колесо, ударившись о препятствие на дороге. Бросив машину и угрожая револьвером водителю проезжавшего мимо автомобиля, он захватил чужое авто и скрылся. Бумаги, оставленные в бардачке, привели полицию в бунгало, расположенное к югу от города, принадлежащее Фридриху и Виоле Дане. Они проживали там всего два месяца. В результате обыска были обнаружены два пулемета, револьверы, боеприпасы, два бронежилета, $319 850 в облигациях, из которых $112 000 были захвачены месяцем раньше при ограблении банка в Висконсине. Прачечные метки с инициалами FRB помогли одному полицейскому вспомнить о разыскном циркуляре на Фреда Р. Берка. Словесный портрет Дане отправили в Чикаго.

Капоне однажды сказал: «Я никогда не меняю решения. Если я их принял, я их провожу».

Тем временем эксперт-баллистик Годард проверил найденное оружие. Пули от одного автомата соответствовали найденным в теле Швиммера, от другого – найденным в теле Кларка. Причастность этих автоматов к бойне 14 февраля была неоспорима. Более того, из одного стреляли в Фрэнки Йеля в Бруклине полтора года назад! Бронежилеты, найденные в бунгало, соответствовали тем, которые Висборд продал клиентам в качестве приятного дополнения к Томми.

В любой хорошей детективной истории такой прорыв раскрыл бы тайну. В данном случае идентификация орудий убийства стала последним фактом, известным кому-либо из посторонних.

2 декабря 1929 года, незадолго до убийства Скелли, помощник прокурора Гарри Дитчбурн, выступая в суде, признал, что народ штата Иллинойс не готов выдвинуть обвинения против Джека МакГурна, несмотря на пять заседаний коллегии присяжных. Поскольку по закону штата допускалось не более четырех слушаний, Дитчбурн отказался от дела. У прокуратуры не было никаких оснований ставить вопрос о выдвижении обвинений против Скализа с Ансельми, Джозефа Лолордо и любого другого подозреваемого.

В конечном итоге федеральный суд обвинил МакГурна в нарушении акта Манна. Он перевез Луизу Рольф через границу штата с аморальными намерениями – провести сексуальные каникулы во Флориде. МакГурна нисколько не тревожило, что он состоял в официальном браке.

Заодно, как это ни абсурдно, обвинили и Луизу за укрывательство МакГурна, даже не объяснив, каким образом предполагаемая жертва может вступить в заговор с целью саморазвращения. Предположительно, МакГурн женился на Рольф, но все равно был приговорен к двум годам лишения свободы, а Луиза – к четырем месяцам. Оба приговора отменили по адвокатской апелляции.

Берка арестовали и судили за убийство Скелли, однако штат Мичиган не выдал его штату Иллинойс. Он умер в тюрьме в 1949 году от сердечного приступа и никогда не привлекался к суду по делу о бойне в День святого Валентина.

Могли ли осудить Берка? Позднее один писатель говорил, что из всех подозреваемых только Берк мог быть одним из убийц.

Гангстер Элвин Карпис, отсидевший в тюрьмах в общей сложности тридцать три года, рассказал писателю, что Берк действительно принимал участие в бойне. Он назвал и другие имена, в том числе Клода Меддокса, Джорджа Циглера (который спланировал все), Гаса Винклера и Рэймонда Ньюджента, которого звали Журавлиной шеей. По словам Карписа, на стреме стоял Байрон Болтон (Болтона действительно подозревали в участии в бойне вместе с неким Фредом Вестоном). Карпису обо всем рассказал Ньюджент. Бывший водитель Капоне, Джордж Мейер, познакомился с Карписом в тюрьме.

Писатель предположил, что Мейер был неопознанным водителем Cadillac, но старик отказался обсуждать эту тему, опасаясь стать соучастником убийства, которого не совершал.

«Нельзя верить даже половине того, что говорит Карпис. Он ничего не знает!» – сказал Мейер.

Был ли все-таки Берк причастен к бойне? Уолтер Бернс[154] отмечал, что Берк не был связан с Капоне ни до, ни после событий в Чикаго 14 февраля. Да, у него нашли автоматы, но где и как Берк получил оружие – совсем другой вопрос. Бернс настаивал, что опознание Берка, как переодетого полицейского, вызывает большие сомнения. Известный грабитель банков, Дж. Харви Бейли, заявил, что во время бойни находился вместе с Берком в Калумет-Сити[155].

Слова Карписа, особенно в отношении Берка, противоречат логике. Берк, как и Болтон, проживающий в Детройте, занимался ограблениями самостоятельно.

После ухода из Egan’s Rats он не состоял ни в одной банде.

Стал бы Капоне использовать таких людей? Особенно бешеного Берка, который убил полицейского, при минимальном риске быть узнанным в затрапезном участке маленького городка?

С другой стороны, стал бы Капоне проводить операцию такого уровня, не посоветовавшись с самыми надежными убийцами, Скализом и Ансельми? Доверил бы планирование кому-то еще, кроме МакГурна, блестящая тактика которого свела на нет нападение убийц Айелло? Скализ и Ансельми не стали бы переодеваться в полицейских; члены банды North Side знали их в лицо (эту версию опровергает и история, что Моран лично видел полицейских, выходящих из автомобиля).

Скализ и Ансельми могли быть людьми в штатском, ожидающими, пока полиция не построит жертв лицом к стене. Настоящий американец, которого видел водитель грузовика Льюис, мог быть простым водителем.

Джордж Мейер утверждал: «Двое полицейских были настоящими копами из Шеффилдского участка». Говард Браун

считал иначе. Полиция и журналисты решили, что ряженые полицейские были неизвестными участниками банды Egan's Rats, а двое гражданских – Скализ и Ансельми.

Берк, как уверял Браун, близко не подходил к этому гаражу. Капоне этого никогда бы не допустил.

Действительно ли это была операция Капоне?

«Бойня в День святого Валентина не имела смысла», – говорит Майк Грэм, исследователь прошлого Чикаго и владелец музея 1920 годов. Мог ли человек, который не хотел никаких проблем, быть дирижером этих зверских убийств?

Конечно, Капоне бы задумался, какой жуткий общественный резонанс вызовет такая резня, и потери будут куда более тяжелыми, чем после убийства МакСвиггина. Игра не стоила свеч. Кроме того, как говорит Марк ЛеВелл, «пивные войны завершились в тот момент, когда Моран потерял лучших солдат». Это правда. Но войны прекратились бы и после смерти Морана.

Некоторые историки сегодня полагают, что заявления Капоне о непричастности к убийствам были правдивыми. В деле могла быть замешана и полиция, не получившая обычного вознаграждения, и разборка внутри самой банды Морана. Возможно, действовала группа деревенских гангстеров. Но эти объяснения в конечном итоге также не имеют смысла.

Практически каждая деталь бойни говорила, что это действительно была операция Капоне: организация предварительного наблюдения задолго до совершения акции, использование заранее купленного детективного автомобиля, аренда гаража для демонтажа транспортного средства, розыгрыш ареста, чтобы убийцы могли скрыться. Во всех деталях прослеживался характерный почерк Капоне.

Невозможно было предвидеть реакцию и поведение наемных убийц. Так было, когда Торрио и Капоне послали за Йелем для убийств Колозимо и О'Бэниона или при ликвидации Лонергана. Чтобы на ходу менять планы, требовалась умная голова, но в то утро в гараже не было ни Йеля, ни Капоне, ни МакГурна. Скализ и Ансельми были отличными исполнителями, но не стратегами.

Некоторые писатели уделили огромное внимание телефонным звонкам из Чикаго на Палм-Айленд перед бойней, а особенно звонкам МакГурна 11 февраля, несмотря на то что с 8 до 12 февраля Капоне находился на Багамах. Если предположить, что в 10.30 один из убийц позвонил на Палм-Айленд из гаража на Кларк-стрит и сказал: «Снорки, у нас здесь Моран, но вместе с ним еще шесть человек выстроились в шеренгу. Что делать?» Человек, потерявший миллионы из-за прошлых многочисленных убийств, потребовал бы притвориться, что произошла

полицейская ошибка, и немедленно уйти. Капоне всегда отделял врагов от остальных. В крайнем случае приказал бы арестовать человека, которого приняли за Морана, и, возможно, Гузенбергов, и вывезти их на прогулку. Но устраивать демонстративную резню? Нужно было убрать с дороги Морана; бойня Капоне была не нужна.

Произошедшее вызвало сильное негодование по всей стране.

Нью-йоркская Sun писала: «Подобные преступления представляют собой высшее неповиновение общественным устоям во всем мире». Boston Globe увидела в бойне «очередное подтверждение, что все США склоняются к состоянию, в котором уже давно пребывает Чикаго», газета Record писала: «такое вполне может произойти и в Филадельфии».

Если бы в Чикаго не было Капоне, даже после бойни его место заняли бы другие.

Глава 21
Братская любовь

Хотя специальная разведывательная служба Налогового управления США (IRS[156]) получила разрешение на официальное преследование Капоне лишь 18 октября 1928 года, правительственные агенты и прокуроры лелеяли эту идею еще с 1927 года, когда Верховный суд завершил дело, начатое шестью годами ранее.

IRS всегда утверждало, что любой доход, даже нелегально полученный, должен облагаться налогом, но подобные утверждения не имели законных оснований. В 1921 году правительство начало судебное преследование бутлегера-неудачника Мэнли Салливана за уклонение от уплаты налогов. Юристы Салливана утверждали, дядя Сэм заболел на всю голову, если требует отдать часть криминальных денег. Более того, разбирательство, ведущееся в связи с неуплатой гражданином налогов на нелегальный доход, подтверждает наличие такого дохода, а это является нарушением пятой поправки[157] к Конституции.

Верховный суд отклонил аргументы обеих сторон.

В силу этого решения по Салливану, чикагские агенты IRS стали хранить записи новостных ресурсов гангстеров, в частности, о щедрых вечеринках, проводимых Капоне в арендованном особняке. Подобные расходы лишний раз подтверждали наличие огромных неучтенных денежных сумм. Тем не менее правительство не могло облагать налогом просто деньги, они должны были быть официально заработаны. Другими словами, чтобы поймать Капоне (или любого другого уклонившегося от уплаты налогов лица), правительству были нужны доказательства самого факта неучтенного дохода.

В начале 1928 года IRS собрал достаточно материалов на Терри Драггэна и Фрэнки Лейка. В марте им были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов на доходы от владения незаконно действующих пивоварен.

Столь же многообещающие крючки IRS получил и на Ральфа Капоне. В 1926 году агент Эдди Уотерс убедил Ральфа, что он может избежать неприятностей, объявив реальный доход и уплатив налог, и предложил услуги по заполнению необходимых форм, которые Ральф нашел слишком сложными. Ральф согласился и признал доход на общую сумму $55 000 за предыдущие четыре года. Несмотря на смехотворность суммы,

она была признана доходом. Уотерс сказал Ральфу, что он должен государству $4065 и 75 центов. По какой-то необъяснимой причине Ральф не заплатил, и в январе 1927 года правительство приняло решение о конфискации имущества, включая ценных скаковых лошадей.

Ральф попытался увильнуть от решения, утверждая, что не может заплатить всю сумму сразу; якобы он проиграл огромные деньги в азартные игры, а некоторые из лошадей давно умерли. Ральф утверждал: всего, что у него осталось, не хватит на уплату и половины, но он готов взять в долг $1000, если правительство сочтет это законным. Налоговый агент настаивал, чтобы Ральф изложил свою сказочную историю в письменном виде. Но федералы Вашингтона отклонили этот вариант, и глава специального разведывательного управления Казначейства Элмер Л. Ирей назначил специального агента изучить финансовую историю Ральфа.

К июлю 1928 года Налоговое управление доказало, что Ральф был владельцем по крайней мере четырех чистокровных лошадей. Как удалось выяснить, он очистил сейфовую ячейку за день до того, как стал доказывать федералам свою нищету. В ноябре 1928 года Ральф предложил заплатить $2500, а затем и полную сумму, $4065 и 75 центов, но почему-то упорно отказывался добавить еще $1000, которая накопилась из-за проволочек и предыдущих отказов и могла решить исход дела в его пользу.

Если бы у IRS были доказательства наличия у Ральфа более крупных общих активов, чем заявленные $55 000, правительство могло бы временно отложить окончательное решение.

В случае с Ральфом, как и в случае с Драггэном и Лейком, успех преследования превратился в возможность зафиксировать право собственности на имущество, приобретенное за счет доказуемого дохода, вне зависимости от происхождения. Аль Капоне был хитрее. Он ничем не владел и не декларировал никакого очевидного дохода.

IRS классифицировал два вида случаев. Более простой назывался «конкретным предметом» судебного преследования: уклонившийся объявлял доход в размере $50 000, но федералы могли документировать получение еще $25 000. Другой вид обвинения, «чистый капитал», был сложнее. Если правительство фиксировало, что мошенник указал $10 000 в активах при доходе $5000 долларов в год на определенную дату, но через два года обладал домом стоимостью $20 000 долларов и автомобилем за $10 000, а при этом был оплачен налог только на уже упомянутые $5000, прокуратура могла ожидать, что коллегия присяжных обнаружит это маленькое несоответствие. Коллегии следовало бы

установить, что мошенник действительно имел доход за эти два года, равный, по крайней мере, разнице между предыдущими и нынешними активами или разнице между стартовыми активами плюс доходы и доказанные расходы.

Просто иметь более высокие активы или тратить деньги не было доказательством налогооблагаемого дохода, и, конечно, подсудимым не приходилось доказывать, где они получили деньги. Но если люди не могли указать убедительный источник прибыли и в расчет не принимались сказки о неожиданно свалившемся неизвестном наследстве и кредитах добрых незнакомцев, то большинство присяжных голосовало, что это действительно было доходом, и неуплата налогов на этот доход являлась преступлением.

Прокурорам приходилось устанавливать то, что сегодня называют «отправной точкой» – признанным или доказуемым первоначальным уровнем активов или доходов (или их комбинацией), с которыми можно сравнивать последующие активы и расходы. Роль этих точек отлично играли налоговые декларации за предыдущие годы. Прокуроры особенно ценят заявления об активах при бракоразводных процессах, поскольку негодяи часто клянутся в заниженных активах, надеясь избежать крупных урегулирований между бывшими супругами.

Верховный суд окончательно признал легитимность разбирательств по поводу «чистого состояния» только в 1954 году. Сейчас такими делами редко занимаются, потому что доказательства всегда носят ситуативный характер, а присяжные смотрят с подозрением.

В случае с Аль Капоне определить «чистый» капитал было невозможно, и в его деле «отправная точка» отсутствовала. Он никогда в жизни не платил налог на прибыль, не владел никакой собственностью и не декларировал средства или доходы. Налоговое управление продолжало поиски.

Налоговое управление прилагало огромные усилия, чтобы подобраться к Ральфу. Долгое время эти потуги не приносили ощутимых результатов. Наконец IRS повезло.

Ситуация в Чикаго-Хайтс была напряженной даже на фоне округа Кук. Редкий день проходил без убийства бутлегера. Дошло до убийства федерального агента, а 6 декабря 1928 года начальнику полицейского участка Южного Чикаго-Хайтс, намеревавшемуся дать показания коллегии присяжных против двух бутлегеров, снесли голову выстрелом из дробовика через окно гостиной собственного дома.

Местная полиция и люди шерифа округа не справлялись, а возможно, просто не хотели ввязываться. На рассвете 6 января

1929 года объединенные силы детективов и правительственных агентов Чикаго устроили облаву. Главной целью стал особняк Оливера Дж. Эллиса, респектабельного друга бутлегеров. В огромном флигеле рейдеры нашли запасы выпивки, четыреста тридцать три игровых автомата и массу учетных финансовых записей.

Хотя ни один из арестованных ничего не сказал и Эллис предпочитал хранить молчание, записи красноречиво говорили сами за себя. В частности, из них следовало, что только в течение одного года игровые слоты принесли $1,5 миллиона прибыли, плюс записи о расходных чеках, оплаченных Эллисом. Одна из оплат, датированная 27 июня 1928 года, поступила на счет некого Джеймса Кэрролла через Государственный банк Pinkert в Сисеро. Сотрудники специального подразделения IRS сосредоточились на транзакции с целью установить личность Джеймса Кэрролла, но банковские клерки понятия не имели, кто это и откуда, несмотря на активность учетной записи. Для маленького банковского филиала подобное незнание выглядело крайне подозрительно.

В январе 1929 года Аль Капоне заболел пневмонией.

5 декабря 1928 года в отеле Кливленда состоялась встреча двадцати семи главарей различных банд из Чикаго, Нью-Йорка, Сент-Луиса и Ньюарка. Целью совещания было сгладить различия в интересах, разобраться и наладить тесное сотрудничество. Пэтси Лолордо посетил Чикаго всего за месяц до смерти. Его сопровождал Джозеф Джунта[158]. Четыре года назад Тони Ломбардо привез Джунту из Бруклина для организации работы Unione. Джунта было двадцать два года, но он сумел сделать карьеру и стать главным помощником Лолордо.

Кливлендские гангстеры были обременены условностями, определяемыми Unione, но рациональность сотрудничества и ведения переговоров, отстаиваемых в свое время Джоном Торрио, начала доходить до руководителей организованных бизнес-банд. Например, Unione уже давно признал не сицилийцев. Дежурный портье отеля, встретив гостей, проинформировал о проведении конклава детективное управление.

Через некоторое время общенациональная реакция на события в День святого Валентина потребует созыва более широкого собрания. Возможно, это связано с появлением новой восходящей гангстерской звезды Нью-Йорка Фрэнка Костелло или Еноха Дж. Джонсона из Нью-Джерси, обладавшего мощными коррумпированными связями. Во всяком случае, проведению кливлендской встречи полиция не мешала.

Прежде чем уехать в Атлантик-Сити, Капоне предстояло решить вопрос, который назрел внутри структуры.

Видимая отстраненность Капоне от дел, длительные и частые отлучки из Чикаго стали предпосылкой к возникновению крупных неприятностей: кошка из дому – мыши в пляс. Кажущийся успех соблазняет и порождает сумасшедшие идеи.

Джозеф Джунта занял пост президента Unione, сменив убитого 8 января 1929 года Пэтси Лолордо. Его гиперактивность, вызывающая одежда, любовь к танцам и показная демонстрация власти раздражали людей. Джунта получил прозвище «Прыгающая жаба». Двадцатишестилетний выскочка был невероятно тщеславен.

Джону Скализу стоило вести себя разумнее. Идея идти против человека, которому так преданы члены организации, обладающего широкой разведывательной сетью, охватывающей весь город, была изначально гибельной. Скализу вскружил голову успех в таком большом количестве операций Капоне. После бойни Скализ начал говорить: «Я самый важный человек в Чикаго».

Капоне стало известно о запланированном предательстве из двух источников. Официант ресторана в Уокигане сообщил Капоне, что видел Скализа вместе с Джо Айелло. Скализ и Альберт Ансельми приняли предложение Айелло убить Капоне за $50 000.

Джунта пообещал Скализу должность вице-президента Unione. В результате этой нехитрой комбинации Джунта Скализ и Ансельми узурпировали бы империю Капоне, а Норд-Сайт становился вотчиной Айелло.

Второе донесение сделал верный Фрэнки Рио, но не смог убедить босса в вероломстве тех, чьи жизни Капоне отказался разменять на необходимый мир с Хейми Вайсом в 1926 году. Чтобы доказать свою правоту, Рио придумал хитрость. На ужине в присутствии Скализа и Ансельми Рио и Капоне разыграли дикую ссору, Рио оскорбил противника и выбежал из комнаты. Уже на следующий день Скализ и Ансельми предложили Рио союз против патрона, подробно выложив планы Айелло и Джунты.

Удостоверившись в предательстве, Капоне жаждал мести. «Это была идея Нитти, – рассказывал Джордж Мейер. – Я находился в офисе, когда туда пришли Капоне, Нитти и Джо Фишетти». Они начали разговор, и Мейер встал, чтобы уйти, полагая, такие вещи не терпят лишних ушей. «Останься, – сказал Капоне Мейеру, – ты все равно об этом узнаешь». Нитти предложил устроить званый банкет для лучших людей организации и пригласить троих заговорщиков в качестве почетных гостей.

Веселье, уют и разговоры о дружбе, предшествующие расправе, сделали бы ее более изысканной.

Люди Капоне разослали приглашения. Банкет назначили на 7 мая в придорожном казино The Plantation, недалеко от города Хаммонд, штат Индиана, где царило особое очарование старого юга. Это было совсем рядом с Бэрнемом, самой первой пригородной колонией Джонни Торрио. Банкет предполагалось провести в задней комнате. «Мы обыскивали каждого входящего, как обычно», – говорил Мейер.

Как показало вскрытие, Капоне накормил Скализа, Ансельми и Джунту плотным обедом, дополненным вином, бренди и кофе.

Когда гости насытились, Капоне начал лично избивать их укороченной бейсбольной битой (самым жестоким образом досталось Скализу, меньше всех пострадал Джунта). «Как потом говорили, – вспоминал Мейер, который оставался в прихожей на страже, – Капоне настолько разъярился, что присутствующие всерьез опасались сердечного приступа».

Едва живых после избиения заговорщиков расстреляли. Скализу оторвало мизинец, когда он инстинктивно пытался поднять руку, закрывая от пули почерневший глаз. Судя по ранам, стрельбу вели три или четыре человека. В них стреляли, когда они сидели, падали и уже лежали мертвые.

Патологоанатом, проводящий вскрытие, заметил, что не встречал так сильно избитых перед смертью людей.

Примерно в половину второго ночи 8 мая двое полицейских из Хаммонда нашли трупы в глухом местечке Спуннерс-Нок.

Скализ и Джунта стояли на коленях, привязанные к заднему бамперу угнанной машины, а труп Ансельми находился в двадцати двух футах от автомобиля.

Сразу после акта возмездия Капоне отправился на встречу бандитской верхушки, состоявшуюся в отеле President в Атлантик-Сити. На ней присутствовали почти все важные криминальные шишки Востока и Среднего Запада. Пренебрегая условностями вероисповедания и национальностями, ее посетили Костелло, Мейер Лански и Чарльз Лучано, Датч Шульц из Нью-Йорка, Чарльз Соломон из Бостона, Эбнер Цвильман, владыка Нью-Джерси, Эйб Бернстайн из детройтской банды Purple, Макс Хофф из Филадельфии, а также представители Флориды и Нового Орлеана. Присутствовали главари всех чикагских фракций (кроме Морана). Громкие разборки и убийства придавали бутлегерству, азартным играм и проституции дополнительную дурную славу, грозящую большими чистками и репрессиями на национальном уровне. Капоне взял на встречу Джека Гузика, Фрэнка Нитти и незаменимого Фрэнка Рио.

«Я сказал, – вспоминал Капоне, – мы занимаемся бизнесом, делающим нас всех богатыми, поэтому пришло время прекратить

убийства и посмотреть на дело с другой стороны. Мы должны работать, но забывать о делах, отправляясь вечером домой. Для человека, который сражался на протяжении многих лет, согласиться на мирную программу – не самое легкое дело. В конце концов, все собравшиеся решили забыть прошлое и начать с чистого лица. Мы составили письменное соглашение. Все подписались».

Джонни Торрио, присутствующий на собрании в роли почетного гостя, гордился своим учеником.

Эти соглашения были построены по схеме, которую Торрио предлагал в Чикаго еще до 1923 года, а Капоне пытался провести в жизнь с тех пор. Они подразумевали рациональное распределение коррупционных средств, фиксированность территорий, единый фронт против внешних угроз, неподкупных представителей власти и реформаторов и арбитражное решение спорных вопросов сборной комиссией под председательством Торрио. Но прежде всего требовалось прекратить публичное насилие, пагубно влияющее на общественное мнение.

Тем не менее существовали некоторые проблемы. Где-то все еще скрывался Моран, некоторые из чикагских сицилийцев были сильно обозлены смертью Скализа, Ансельми и Джунты. Неизвестно, кто придумал, новая комиссия, Торрио или сам Капоне, но Аль скрылся на один сезон, чтобы избежать мести и общественной ненависти. Капоне разыграл свой арест в Филадельфии.

Капоне, Фрэнки Рио и два телохранителя покинули Атлантик-Сити на машине во второй половине дня 16 мая, чтобы успеть на поезд Broadway Limited, из Нью-Йорка в Чикаго, прибывающий на станцию Северная Филадельфия в 4.40. Тем не менее в пятнадцати милях южнее Камдена[159] в машине пробило прокладку головки блока цилиндров, и, опоздав на поезд, они кое-как добрались до Города братской любви[160] лишь к 6.30. Оставив багаж на станции Северная Филадельфия, они вернулись в центр города на станцию Брод-стрит, где можно было зарезервировать билеты на следующий поезд в Чикаго в 9.05. Прогуливаясь по Маркет-стрит, они заметили театр Стэнли на девятнадцатой улице. Давали пьесу «Голос города» Уилларда Мака[161], «захватывающий детектив-рассказ» с участием Фреда Уоринга[162].

В это время два детектива, лейтенанты Джон Дж. Криден и Джеймс Шуи Мэлоун, ехали по Маркет на восток, и Джон Шуи Мэлоун заметил Капоне, входящего в театр. Мэлоун видел Капоне во Флориде во время боксерского боя Шарки-Стрибринга, когда находился в очередном отпуске (или в отпуске по медицинским

показаниям, учетные записи менялись). Это произошло около 7.15. Криден и Мэлоун немедленно потребовали подкрепления и стали ждать. Около 8.15 Капоне и Рио вышли в фойе Стэнли, двое телохранителей держались сзади. Существует несколько версий дальнейшего развития событий.

Мэлоун утвердительно произнес:

– Вы Аль Капоне, Лицо со шрамом!

– Все верно, а вы кто? – ответил Капоне (*предположительно*).

В другом варианте ответ звучал иначе:

– Вообще-то Аль Браун, но можете звать меня Капоне!

После того как детективы показали значки, Капоне протянул им револьвер калибра 38:

– О, ребята, да вы, оказывается, копы! Держите оружие. Это – копы, – прошептал он Рио, который уже выдвинулся вперед на защиту хозяина.

– Даже так? – произнес Рио. – Тогда держите и мое оружие.

Телохранители слились с толпой и исчезли.

В других рапортах ситуация выглядела существенно иначе. Взглянув на Мэлоуна, Капоне воскликнул:

– Привет, Шуи! Сразу признаюсь, при мне ствол, – и вынул пистолет из кармана пальто.

Мэлоун мгновенно отверг версию приветствия Капоне «Привет, Шуи!» и стал активно отрицать знакомство. Со слов детектива, он видел Капоне только на боксерском поединке. Лейтенант Криден подтвердил слова Мэлоуна, добавив, что между сторонами не было разговоров, пока гангстеры не разоружились, и только после Капоне задал вопрос о задержании, поскольку они в Филадельфии проездом.

Пока Капоне и Рио оформляли, дактилоскопировали и фотографировали, прошло много времени, поэтому полиция была вынуждена вытащить судью Эдварда П. Карни из постели в номере отеля Sylvania для предъявления обвинения в преступлении, совершенном на территории полицейского участка в зоне станций «22-я улица» и «Битвуд». В мэрии волшебным образом уже ожидали адвокаты Бернард Л. Лемшич и Корнелиус Хаггарти, которым пообещали, что без их присутствия задержанным не предъявят никакого обвинения. Но к 11:35, еще до прибытия в суд, Карни постановил отпустить Капоне и Рио под залог $35 000 с каждого.

В карманах Капоне находилось около $30, у Рио – $12, что было явно недостаточно. Их отвели в детективное бюро мэрии.

Адвокаты пришли в ярость.

– Вы неоднократно отпускали людей за ношение оружия под залог в $400, – возмутился Хаггарти.

– Будь в моей власти, не выпустил бы их и за $100 000, – парировал судья.

Директор Управления государственной безопасности Лемуил Б. Шофилд также хотел побеседовать с Капоне. Беседа длилась с полуночи до двух ночи в присутствии нескольких чиновников и стенографиста. По словам майора Шофилда, Капоне находился в несколько печальном настроении и был склонен к воспоминаниям. «Мне показалось, – рассказывал позже Шофилд, – он стремится найти какую-то точку, где можно было бы одновременно находиться в мире не только с бандитами, но и соблюдать серьезные элементы права. – В любом случае Шофилд был сильно впечатлен. – Капоне вел себя как серьезный человек, рассуждающий о крайне важных вещах».

Совершенно иное впечатление на Шофилда произвел Фрэнк Рио, который в присутствии Капоне с ходу зарычал: «Дайте мне только волю, я с ними поговорю!» – «Послушай, мальчик, – успокаивающе махнул рукой Капоне, – ты мой друг и верный телохранитель, но говорить буду я. Мы находимся не в самом хорошем положении, и единственный выход сейчас – говорить правду. Взамен мы можем ожидать снисходительного и законного отношения». Безусловно, правда Капоне носила очень избирательный и корыстный характер, но казалась не менее искренней и верно отражала его душевное состояние.

– Я занялся рэкетом в Чикаго четыре с половиной года назад, – сказал Капоне, намеренно уклоняясь от воспоминаний о годах ученичества у Торрио. – В течение последних двух лет я пытался из него выбраться. Но оказалось, попав в рэкет, вы останетесь с этим делом навечно. Паразиты преследуют, выпрашивая одолжения и деньги, и ты никогда не сможешь уйти от них, куда бы ни пошел. У меня обожаемая жена и одиннадцатилетний сын, прекрасный дом на Палм-Айленд во Флориде. Если бы я мог просто жить, забыв обо всем, стал бы самым счастливым человеком на свете. Я желаю мира, потому что страшно устал от убийств и перестрелок.

Я провел неделю в Атлантик-Сити с одной целью – установить мир среди гангстеров Чикаго. Все, кто был там, дали слово, что перестрелок больше не будет.

Шофилд попросил Капоне рассказать о встрече гангстерской верхушки более подробно.

– Мы остановились в отеле President, где я зарегистрировался под вымышленным именем. Из Чикаго присутствовали Багз Моран (Капоне выдал желаемое за действительное) и еще трое или четверо лидеров, имена которых не хочу упоминать. Мы три дня обсуждали проблемы и подписали соглашение, чтобы

похоронить прошлое и забыть о войнах в будущем для общего блага всех заинтересованных сторон.

Далее Шофилд спросил Капоне, что он чувствовал при прошлых бандитских войнах и имелись ли шансы на победу.

– Я был доволен, но это ужасная жизнь. Вы постоянно боитесь смерти и, что еще хуже смерти, крысиных игр. Крысы обязательно бегают и рассказывают полиции все, что знают, если не удовлетворять их деньгами и другими милостями. Я никогда не мог покинуть дом без телохранителя Рио. Он живет со мной и постоянно сопровождает в поездках в течение последних двух лет.

Похоже, Капоне не включил в категорию крыс убитую троицу, пытавшуюся его предать.

– Я, как и любой другой человек, достаточно долго занимающийся рэкетом, понял, что в этой игре нужны перерывы. Нужно выходить из состояния войны. Три моих друга были убиты в Чикаго две недели назад. Такое положение дел, безусловно, не способствует спокойствию. Я не знаю покоя уже много лет…

– Чем вы занимаетесь сейчас? – спросил Шофилд.

– Считайте, что я ушел на пенсию, – ответил Капоне, – и живу на заработанные деньги.

– Вы должны полностью выйти из рэкета и забыть обо всем! – не поверил Шофилд.

– Не могу бросить из-за паразитов. Они не отстанут. Я боюсь паразитов больше смерти, – ответил Капоне.

Остаток ночи, с двух до восьми, Капоне и Рио провели дремля на скамейках в детективном бюро. Детективы Филадельфии развлекались: на ночное шоу собрался весь свободный личный состав. Капоне и Рио фотографировали в анфас и в профиль под ярким светом ламп, в головных уборах и без на фоне линейчатого стенда, с помощью которого определялся рост. Рио отсидел шесть месяцев в 1915 году за кражу облигаций. Его арестовывали много раз, в том числе за незаконное ношение оружия, но все обвинения были сняты.

Капитан Эндрю Эмануэль обратился к Капоне:

– Вы обвиняетесь в подозрительной деятельности и владении оружием. Что можете сказать в свое оправдание?

– О, ничего, совсем ничего, – рассмеялся в ответ Капоне.

– Вы что, никогда не сидели в тюрьме? – поинтересовался капитан после того, как Капоне перечислил все аресты и задержания.

– Никогда, – с гордостью подтвердил Капоне. – Ни минуты.

В другой части мэрии детективы Мэлоун и Криден совещались с окружным прокурором. В 10.15 он обратился к

коллегии присяжных, и уже в 10.25 у штата Филадельфия было готово обвинение. В 11.30 судья Джон Уолш начал разбирательство дела. Детективы обследовали зал суда с оружием в руках, а в коридорах патрулировали полицейские в форме.

Капоне казался невозмутимым и приветливо помахал рукой присутствующим.

– Сколько весит ваш бриллиант? – спросил один из них, глядя на яркий блеск Jagersfontein.

– Одиннадцать с половиной каратов.

– Стоит около $50 000?

– Вы прекрасно разбираетесь в камнях.

Примерно в четверть первого, после совещания с судьей, Лешмич на несколько минут подошел к клиентам и что-то серьезно говорил им несколько минут. Капоне покраснел, но кивнул в знак согласия с адвокатом. Лешмич обратился к судье: клиенты изменили отношение и признают себя виновными. «Отлично», – согласился судья Уолш и дал каждому по году тюрьмы, не удаляясь на перерыв.

Это было самым суровым наказанием за нарушение, которое обычно каралось штрафом или, в худшем случае, девяносто днями тюрьмы. Капоне отправлялся в тюрьму на значительно более долгий срок, чем ожидал.

– Вот и перерыв, дружище, – сказал он поручителю, покидая зал.

История с арестом Капоне мгновенно получила широкую огласку. Глава Комиссии по предупреждению преступности Чикаго Фрэнк Леш решил: «Теперь стало возможным избежать мести соперничающих бандитов», следователь Пэт Рош назвал этот шаг Капоне «отчаянной мерой, чтобы избежать смерти». Мэр Филадельфии Гарри А. МакКи считал, что Капоне «был рад попасть в тюрьму, чтобы уклониться от убийц, стоящих на пути». Адвокат Капоне, Корнелиус Хаггарти, допускал нечто подобное. Газета The New York Times писала: «Капоне сидит в тюрьме только потому, что сам хочет».

В любом случае скорость принятия решения – чуть более шестнадцати часов от ареста до тюрьмы – казалась беспрецедентной и подозрительной. Филадельфийская Record высказалась прямо: «Лицо со шрамом, Аль Капоне, умышленно посадил себя».

Не все приняли такой поворот событий. Сестра Капоне, Мафальда, отказалась верить, что обожаемый брат окажется в таком положении. «Он никогда не садится в тюрьму, – закричала она, услышав, что в 12:50 Капоне доставили в окружную тюрьму Филадельфии. Во Флориде Мэй Капоне также пребывала в

сомнениях: «Зачем ему отправляться в тюрьму? – недоумевала Мэй. – Это единственное место, куда Капоне никогда не стремился. Он любил говорить о Европе, о Палм-Бич, о знаменитых гоночных трассах и больших боксерских состязаниях, но о тюрьме… О, нет, это не для Аля».

Зачем он носил оружие? С момента ареста в Джолиете Капоне решил, что оружие будет носить телохранитель. Почему у него не было денег для выхода под залог? Почему не сработала ни одна из обычных задержек вынесения приговора? Зачем Капоне признал себя виновным?

Естественно, детективы, непосредственно осуществляющие арест, отрицали вариант подставы. «Этого достаточно, чтобы отбить у любого копа желание продолжать работать, – возмущался Шуи Мэлон. – Мы поймали преступников. Они вооружены и опасны. И тут все загалдели: это подстроено».

Едва ли Мэлоун мог сказать что-то более убедительное. Впрочем, как и сам Капоне: «Я не сдавался. Я здесь потому, что просто попался. Если бы не проклятая прокладка головки блока цилиндров, только бы меня и видели в Филадельфии». С другой стороны, что еще он мог сказать? Если бы Капоне сознался, что сдался, и друзья, и враги решили бы, что он обыкновенный трус. Позже Аль Капоне говорил: «Невозможно заработать мою репутацию, прячась по тюрьмам».

Тюрьма, в которую вскоре перевели Капоне, добавила ему репутацию крутого парня.

В тюрьме Мояменсинг содержались осужденные на короткий срок или ожидающие суда. После ночи пребывания там Капоне и Рио перевели в Холмсбург, обычную окружную тюрьму на северо-восточной окраине Филадельфии. Эта была темная, сырая крепость, стоящая у реки Делавэр. Двор тюрьмы прорезал зловонный ручей.

Одна чикагская газета злорадно писала: «Тюрьма Холмсберг известна в криминальной среде как самое жестокое место отбывания наказания, какое можно найти между двумя океанами. Руководство тюрьмы славится рукоприкладством. Одному заключенному очень повезло вынести из этой тюрьмы только ревматизм, и ничего более серьезного».

Качество еды было ужасным.

Капоне побрили, костюм за $135 сменили на белую хлопковую рубашку и серо-голубые шаровары, с широкими черными полосами по швам. Белую шляпу-борсалино заменила серая тряпичная кепка. «Тут как-то не очень уютно», – заметил Капоне, беседуя с начальником тюрьмы.

Зачем Капоне выбирает город с такой жесткой тюрьмой?

Почему не Чикаго или соседний округ, где, как показала практика Драггэна, Лейка или Торрио, условия содержания не были столь обременительными? Ответ лежит на поверхности: как отмечал Джон Стидж, на всей территории штата Иллинойс полиции было запрещено проводить обыски без ордера или личные досмотры без явных намерений задержанного совершить преступление, а практика арестов за незаконное ношение оружия вообще была прекращена. Но почему же тогда не Майами, где тюрьма размещалась в высотном задании с зарешеченными окнами, из которых открывался превосходный вид на залив Бискейн? Капоне собирался прожить в Майами остаток жизни, поэтому не видел резона лишний раз давать повод для озлобления оппозиции, с которой уже пришлось столкнуться.

Вероятно, Капоне ожидал провести в спокойном Моямесинге девяносто дней или около того – достаточный срок, чтобы гангстерские страсти утихли. К несчастью, Капоне не сумел полностью просчитать ситуацию. Общественность Филадельфии недавно была поражена крупным коррупционным скандалом, разоблаченным Большим жюри. Как заметила одна чикагская газета: «Филадельфия жадно вцепилась в заманчивую возможность показать Чикаго, как вершится правосудие».

Одновременно по каналам Еноха Наки Джонсона из Нью-Джерси пришла информация, что, невзирая на уверения детективов Филадельфии, арест и последующее заключение были хорошо разыгранным спектаклем.

Холмсберг был не единственной тюрьмой, но, отсидев десять месяцев (при хорошем поведении), Капоне, похоже, не собирался с ней расставаться.

Глава 22
Держите Капоне!

Выдвижение нью-йоркского губернатора Альфреда Смита[163] в качестве кандидата в президенты от Демократической партии в 1928 году было не менее диким, чем гипотетическое выдвижение Большого Билла Томпсона.

Министр торговли Герберт К. Гувер одержал убедительную победу над Смитом, набрав на шесть миллионов голосов больше в масштабах страны, оставив последнему преимущество лишь в восьми штатах. Гувер вступил в должность 4 марта 1929 года, как раз во время между бойней на День святого Валентина в Чикаго и арестом Капоне в Филадельфии.

Не страдающий худобой новый президент каждое утро собирал ближайших советников на легкую спортивную разминку. Играя в так называемый «Гувербол»[164], они обсуждали повестку дня. Через некоторое время каждая игра «кабинета набивного мяча»[165] начиналась с вопроса Гувера: «Ну что, поймали этого парня, Капоне? Помните, я хочу, чтобы этот человек сидел в тюрьме».

Ходили слухи, что непримиримая вражда Гувера и Капоне возникла в январе 1929 года в Майами, когда он, будучи уже избранным президентом, посещал на Палм-Айленд поместье Дж. К. Пенни[166]. Войдя в вестибюль гостиницы, Гувер получил порцию аплодисментов, но восторженная толпа внезапно его покинула и бросилась к входящему Капоне. По другой версии, ярость Гувера была порождена беспробудными гулянками в номере отеля, принадлежащем Капоне, мешающими спать. Естественно, Гувер отрицал личную неприязнь. Он говорил Элмеру Ирею, директору Налогового управления Министерства финансов, что никогда не видел Капоне, хотя считал необходимым принять меры против этого гангстера, являющегося позором нации. Возможно, неким катализатором послужила встреча Гувера с делегацией видных граждан Чикаго, во главе с издателем Chicago Daily News, Фрэнком Ноксом, на которой от лица общественности были выдвинуты требования воздействовать на Капоне на федеральном уровне, поскольку местные органы власти не хотели или не могли что-то делать.

Тем не менее Ирей верил в слухи об оскорбленных чувствах президента, казавшихся правдоподобными с учетом достоинства Гувера и трепетного отношения к соблюдению правил приличия. «Пожалуй, за всю историю США ни одному человеку не уделялось

так много внимания в такой малый промежуток времени», – писала New York Times о Капоне. «Он стал своего рода брендом нашей страны, – жаловалась Chicago Daily News, – известной и в яванских джунглях, и в лапландской тундре. Он превзошел в этом Чарльза Линдберга или Генри Форда!» В любом случае, даже отбросив в сторону личные чувства, эта ситуация неизбежно накладывала некий отпечаток бесчестия на джентльмена и набожного квакера Гувера.

На ежегодном ужине в Вашингтонском клубе Gridiron, где присутствовал президент, один из журналистов поднял вопрос о целесообразности сухого закона. Один человек вызвался пародировать Капоне. Он сказал, что обязан жизнью сухому закону, а затем спел небольшую пародию на «Проклятье болящего сердца». Гувер ответил натянутой вежливой улыбкой, нисколько не отражавшей безудержное веселье остальных, поскольку подобное поведение могло быть воспринято как прямое издевательство над президентом Соединенных Штатов.

Инициатором начала охоты за Капоне можно считать министра финансов США Эндрю Меллона, поскольку глава ФБР Дж. Эдгар Гувер предпочел уклониться от столь бесперспективного занятия. В конце 1927 года Джордж Джонсон, занявший пост генерального прокурора Чикаго, потребовал, чтобы ему выделили специальных агентов по борьбе с алкоголем. Однако в это время один из агентов застрелил случайного прохожего во время проведения очередной операции, и репутация федералов сильно пострадала. Во избежание риска Джонсон отказался от агентов, однако, полный решимости довести дело до конца, пришел к выводу, что окончание деятельности Капоне станет самым надежным способом восстановить законный порядок. Джонсон решил обратился к главе Налогового управления Элмеру Ирею.

Родившийся в 1888 году в Канзас-Сити, Ирей вырос в Вашингтоне. Он всегда был далек от политики и не принимал участия в выборах. Свой трудовой путь Ирей начал стенографистом в почтовом ведомстве и, дойдя до весьма уважаемой должности в Почтовой инспекционной службе США, перевелся в Министерство финансов в качестве главы Налогового управления благодаря ходатайству и заступничеству влиятельного друга.

Ирей откомандировал Джонсону дюжину агентов во главе с Артуром П. Мэдденом. После облав на юге Чикаго-Хайтс в январе 1929 года и обнаружения записей Оливера Эллиса двое агентов зацепились за одну подозрительную транзакцию в $2130. В это время дело Ральфа Капоне все еще находилось на рассмотрении.

Этими агентами были крайне энергичный Арчи Мартин и упрямый коротышка-буквоед Нэлс Тессем, которого Ирей называл ходячий арифмометр. Проследив счет Джеймса Кэрролла в Пинкерт-банке Сисеро с помощью четырех других агентов-налоговиков, Мартин и Тессем заинтересовались еще $6 миллионами на этом счете. Странность в том, что счет Кэрролла был открыт одновременно с закрытием счета на имя Джеймса Картера, при этом начальный баланс Кэрролла соответствовал конечному балансу Картера. Счет Картера, в свою очередь, открывался вместе с закрытием счета Джеймса Костелло. Стоит ли говорить, что конечный и начальный балансы этих счетов также были одинаковы. Младшие клерки Пинкерта ничего не знали о существовании таких заметных вкладчиков. Они не могли рассказать ни о Гарри Робертсе, открывшем счет на имя Костелло, ни о Гарри Уайте, с закрытого счета которого поступили деньги на новый счет самого Робертса.

Эта бесконечная финансовая цепочка, в конце концов, закончилась на счете человека по фамилии Уайт. Выяснилось, что 27 октября 1925 года Ральф Капоне закрыл счет от своего имени и переместил на счет Уайта все денежные средства. Столкнувшись с этими фактами, банкиры утверждали, что не видели Ральфа с тех пор, как он закрыл счет, и, конечно, никогда не видели остальных псевдовкладчиков. Тем не менее служащие банка вспомнили, что деньги на эти депозиты вносились разными людьми, которых всегда сопровождал один и тот же охранник весьма бандитского вида, имени которого не знали. С большой неохотой клерки описали его внешность. Агенты Налогового управления пришли к выводу, что охранником был Антонио Аресco, один из телохранителей Ральфа. Сотрудники банка согласились: именно этот человек охранял вкладчиков.

Агенты проверили состояние счета псевдовкладчика Джеймса Картера на 4 октября 1927 года. Именно в этот день Ральф клялся, что разорен, чтобы оплатить налоги, и просил у IRS разрешения взять в долг $1000. На его счете находилось $25 236 и 15 центов.

Безусловно, обнаружение этих денег не было целью, которую преследовали агенты, но у федералов всплыл первый Капоне.

Тем временем Мэй вместе с Терезой и Мафальдой посетили Филадельфию и отказались от планов временного переезда, когда узнали, что режим Холмсбурга допускает лишь одно посещение в месяц. Заключенные получали любое количество контролируемых писем, но могли написать только два письма в месяц, сильно подвергнутые цензуре.

Пересидеть девяносто дней в Холмсбурге было возможно и

даже, с точки зрения Капоне, весьма полезно. Год же был невыносим. Капоне предложил $50 000 любому адвокату (или группе адвокатов), который смог бы вытащить его из-за решетки. Член Палаты представителей США от Пенсильвании конгрессмен Бенджамин М. Голдер в лице законного представителя Бернарда Лемшича принял апелляцию Капоне на том основании, что считает решение суда предвзятым. Бедный Капоне снова был вынужден перенести, как он выразился, «враждебное театральное представление», окруженный толпой, состоящей из прессы и вооруженных детективов. «Можете ли вы понять, – сказал Капоне репортерам, объясняя нежелание давать широкое интервью, – я просто хочу уйти отсюда. Намного хуже, когда публике постоянно напоминают, что я все еще сижу в тюрьме. Чем меньше я буду говорить, тем быстрее общественность меня забудет». Тем не менее Капоне не пренебрегал возможностью заниматься благотворительностью анонимно (конечно, чтобы впоследствии об этом узнали). Он пожертвовал $1000 долларов детской больнице. Суд все равно отклонил первую апелляцию. Голдер устроил еще одну.

Между тем друзья Капоне нашли рычаги побудить филадельфийских чиновников проявить к нему более «братскую любовь», чем прокуратура и суд. 8 августа власти перевели Капоне и Рио из Холмсбурга в Восточную тюрьму Филадельфии Истерн-Стейт. Позже чиновники, ответственные за перемещение, не могли объяснить, почему приняли такое решение: из-за угрозы жизни Капоне или переполненности Холмсбурга. В государственной тюрьме Филадельфии были свои законы. Если в Холмсбурге номера присваивались только явным уголовникам, в Истерн-Стейт каждый заключенный имел номер. Так Капоне стал С-5527.

Со стороны Истерн-Стейт казалась не менее мрачной. Массивный замок в нормандском стиле был построен в 1829 году. Тюрьма занимала целый квартал между 21-й и 22-й улицами к северу от центра Филадельфии. Она находилась под юрисдикцией государства, а не штата, и по сравнению с Холмсбургом считалась райским местом.

Заключенные называли начальника тюрьмы Герберта Смита Прожженным, но Капоне толком не разобрался почему, ведь Смит был весьма мягким человеком.

Начальник был убежден в том, что угнетающая обстановка не отвечает идеалам реабилитационной пенологии. Он позволил Капоне оборудовать просторную камеру, расположенную в блоке Парк-авеню: на полу лежал ковер, на стенах висели картины, на полированном столе стояла лампа, наполнявшая камеру теплым,

мягким светом. В камере был комод, подставка для курения, представляющая собой небольшую композицию с дворецким, держащим пепельницу, радиоприемник, ваза с цветами и две удобных койки, одна из которых предназначалась для сокамерника.

Служащие тюрьмы объявили, что «Капоне доволен новой обстановкой». Смит позволил Капоне нанимать других заключенных в качестве прислуги. Но главное, Капоне принимал большое количество гостей, получал и отправлял много писем, а начальник не занимался цензурой, предпочитая не беспокоить дорогого гостя. Другими словами, Капоне оставался в полном контакте с Ральфом и Джеком Гузиком, продолжая вести бизнес.

Вторая апелляция Капоне принесла такой же результат, как и первая, и Голдер подал ходатайство об условно-досрочном освобождении на основании, что приговор оказал на заключенного благотворное влияние и он достаточно наказан. Тем не менее всяческие поблажки продолжались, и две недели спустя, в начале сентября 1929 года, Герберт М. Годдард, вице-президент совета попечителей тюрем и, по совместительству, врач высокой квалификации, провел Капоне операцию по удалению миндалин. Впоследствии Годдард стал одним из близких друзей Капоне.

Вечером 8 октября федеральный маршал США, агент специальной разведывательной службы Кларенс Конверс (старый помощник Пэта Роша), арестовал Ральфа на Чикагском стадионе. Ральф не успел досмотреть поединок между Эрлом Мастро и Бадом Тейлором.

Мэй Капоне, жена гангстера Аль Капоне, во время пути в больницу на острове Алькатрас. 1 марта 1936 года.

Федералы требовали предварительных слушаний по делу Ральфа в связи с новыми обстоятельствами. В лучших традициях законов времен гражданской войны, призванных карать военных спекулянтов и мародеров, федералы истолковали ложь Ральфа о невозможности заплатить налоги как мошенничество, предусматривающее более суровое наказание, чем уклонение от уплаты налогов. Ральф утверждал, что денежные средства, хранящиеся на счете, получены на сохранение и ему не принадлежат. Эти уверения были подвергнуты сомнению. Ральф

провел ночь в детективном бюро, на следующий день его выпустили под залог в $35 000. В ноябре вместе с Драггэном, Лейком, МакГурном и красавицей Рольф его обвинили в нарушении акта Манна. В апреле следующего года состоялся суд.

Когда апелляционный процесс только начинался, Капоне сказал другим заключенным, что намерен выйти к началу Мировой серии[167]. После пяти пропущенных игр стало ясно, что выйти будет очень трудно.

Многие пеняли на Капоне за шумиху, поднятую вокруг сухого закона. Конечно, Капоне не отмалчивался: «Каждый раз, когда мальчик падает на трехколесном велосипеде, у черной кошки рождаются серые котята, происходит убийство или пожар, морская пехота высаживается в Никарагуа, полиция и газеты кричат: держите Капоне! Кажется, на меня повесили уже все, что можно, кроме великого чикагского пожара». Вина за все, с точки зрения общественности, не искоренила чувство юмора: «Передай им, – сказал Капоне адвокату после обвала фондового рынка 24 октября 1929 года, – я полностью отрицаю ответственность».

К тому времени он подал уже пять апелляций, которые были отклонены. Шестую Верховный суд штата отклонил в декабре. Без необходимости оставаться в тени Капоне начал общаться с прессой, в газетах снова появились небольшие репортажи: «Капоне набирает одиннадцать фунтов», «Капоне в роскошно обставленной камере» и тому подобное. Он отправил рождественские корзины семидесяти пяти семьям бедных заключенных и купил в качестве подарков у сидящих умельцев различных кустарных поделок на $14 000.

Агенты Налогового управления внимательно изучали записи, изъятые при проведении облав. Наибольшее внимание уделялось двум соратникам Капоне, потеря которых, после Ральфа, оказала бы разрушительное воздействие на его империю – Гузику и Фрэнку Нитти.

Франческо Раффеле Нитти родился 27 января 1889 года в Аугори, Сицилия, и приехал с родителями в Соединенные Штаты в два с половиной года. Процесс гангстерской «натурализации» Нитти начал через двадцать лет спустя, 9 марта 1921 года.

Нитти стал руководителем силовых структур Капоне, поддерживающим внутреннюю дисциплину. Он организовывал физические акции против посторонних, конкурентов, отдельных клиентов и рэкетиров-фрилансеров. Нитти, конечно, нисколько не напоминал прыгающего мертвенно-злобного маньяка из известного фильма[168], но, как и Торрио, наводил ужас показной угрожающей вялостью.

Прежде чем присоединиться к банде, Нитти работал

парикмахером и занимался скупкой краденого. С аккуратным прямым пробором и большими темными глазами, он выглядел как представитель банковского истеблишмента, озабоченный замечанием, полученным от руководства неделю назад. Федералы утверждали: ради маскировки Нитти отрастил усы, которые делали его похожим на Гитлера. Агенты были неправы: Нитти выглядел как безобидный кролик.

Внешность обманчива. Хотя некоторые некомпетентные исследователи называли Нитти мозгом империи Капоне, это было, мягко говоря, преувеличением. Нитти действительно был практичен, умен, и Капоне мог на него положиться. Через некоторое время Нитти начал считать себя вторым номером. Особенно это проявилось, когда Капоне находился далеко во Флориде, а теперь и в Филадельфии. «Нитти был сопляком, дорвавшимся до власти и возомнившим себя невесть кем, – вспоминал Джордж Мейер. – Как-то мы ехали в лифте гостиницы Lexington – Капоне, Нитти и другие парни. Между Капоне и Нитти зашел разговор о какой-то проблеме. Нитти сказал Капоне: «Я справлюсь, ты не вмешивайся». Мы молча переглянулись». Пока Капоне находился в тюрьме, Нитти вникал во все мелочи. Как отмечал журналист, ни одно важное событие не происходило без ведома Нитти.

Нитти председательствовал на ежедневных совещаниях руководящего состава банды, рассматривая такие вопросы, как продажа бутылочного пива по заниженной цене владельцем бара или обман салунщика из Чикаго Луп, купившего виски у другого поставщика.

В обязанности Нитти входил контроль за азартными играми и получение прибыли от бизнеса. Как и в деле с Ральфом, это дало зацепку налоговикам. Из захваченных записей и данных информаторов агенты составили подробную схему, как работает одно из предприятий в Сисеро, являющееся образцом для остальных. Каждое утро в казино оставляли $10 000 от дохода предыдущего дня, а остальную прибыль менеджер заведения отправлял в Пинкерт на счет псевдоклиента Дж. К. Данбара. На одном из чеков стояла подпись Нитти. Чек на $1000 был представлен на инкассо трастовым банком Schiff и Сберегательным банком Сисеро.

Должностные лица банка никогда не слышали о Нитти и не имели регистрационных сведений о таком вкладчике. Нэлс Тессем начал обычный исчерпывающий поиск, изучив движение денежных средств по депозиту. В отличие от Ральфа Нитти не использовал псевдоним. Тессем выявил несоответствие: банк получил ровно на $1000 больше, чем выплатил. Вооружившись

доказательствами, Тессем потребовал отчетность по каждой транзакции.

Далее обнаружилась цепочка подобных несоответствий на счете, связанном с Нитти. Под давлением агентов налогового управления президент банка признал, что отмывал для Нитти денежные средства, не имея учетных записей об этом клиенте. 14 марта 1930 года, незадолго до освобождения Капоне, федеральная коллегия присяжных обвинила Нитти в пяти случаях уклонения от уплаты налогов в размере $158 823 и 21 цент на доход в сумме $742 887 и 81 цент в период 1925–1927 годов.

Правительство держало обвинительное заключение в тайне, надеясь арестовать Нитти до того, как новости просочатся наружу, но Нитти получил информацию и исчез. Необходимость молчать перестала быть актуальной, и правительство официально объявило обвинительное заключение 22 марта 1930 года.

Дело против Джека Гузика было несколько другого рода и вело прямиком к Капоне. Им занимался Фрэнк Дж. Уилсон из балтиморского офиса Налогового управления США, назначенный Иреем. Уилсону было сорок два года. Лысеющий, с холодным взглядом, в очках в металлической оправе, с раздвоенным квадратным подбородком, Уилсон «не боялся ничего, как бы там оно ни шевелилось», как однажды заметил Ирей. Уилсон был так же упрям, как и Тессем. Он был готов рыться в бухгалтерских книгах по восемнадцать часов в день, семь дней в неделю, пока не найдет искомое. Коллеги говорили, у него лед вместо крови. Уилсон отвечал, что не возражает «попотеть ради закона», чтобы прищучить виновного. «Его методы, – писал один биограф, – часто были жестокими».

Гузик был менее осмотрительным, чем Нитти: его подпись украшала около половины чеков счета Дж. К. Данбара. Это очень облегчало поиск человека, обращавшего доход от игорного дела в банковские чеки в банке Пинкерта.

Бывший кассир вспомнил и смог описать загадочного Данбара. Фред работал управляющим в главном казино Сисеро, Ship, которое находилось под негласным контролем Капоне. Фред был суетлив, всегда настаивал на аккуратности в документах и однажды побледнел при виде таракана на стопке счетов: он патологически боялся жуков. Кассир вспомнил об инциденте, поскольку расстроенный Фред забыл дать обычные $5 чаевых.

Благодаря данным, полученным от кассира, федералы вычислили Фреда Райса. В обмен на обещание свободы одному мелкому хулигану Уилсон узнал, что Райс живет в Сент-Луисе под своим именем. Почтовый инспектор Сент-Луиса сообщил Уилсону, что для Фреда Райса на адрес местного отеля пришла

посылка. В ней были деньги и письмо от Луиса Липшульца (шурина Гузика), содержащее инструкции, как скрыться в Калифорнии.

Задержанный Райс заявил, что ничего не знает о Данбаре, а банк Пинкерт в глаза не видел. Уилсон задержал Райса и определил в старую тюрьму в Данвилле, в центре штата Иллинойс. Там была «специально созданная камера», кишащая тараканами. «Здесь нельзя держать даже собаку», – вспоминал позже Райс. Ему пообещали возвращение в отель в случае признания и дали время подумать, что сделает Капоне, узнав, что Райса выпустили федералы. Райсу хватило четырех дней на «погружение в реальность», после чего он согласился на предложение Уилсона, и 18 сентября 1930 года рассказал все, что знал. Через два месяца он свидетельствовал против Гузика, которого приговорили к пяти годам и одному дню заключения.

Теперь у Райса не было выбора: он должен был дать показания против Капоне после того, как федералы выстроят обвинение. Естественно, его охраняли, возникла даже идея отправить Райса в круиз по Южной Америке, однако бюджет не выдерживал столь экстравагантного решения. Пришлось обратиться за помощью к частной организации. Роберт Ишэм Рэндольф, председатель Чикагской ассоциации торговли, сформировал специальную группу из шести человек (включая Сэмюэля Инсулла, заработавшего миллионы на создании финансовых пирамид), названную «Комитетом по защите свидетелей и наказанию преступности». Рэндольф категорически отказался давать газетчикам имена других пяти членов, назвав группу секретной шестеркой. Именно эта тайная шестерка выделила федералам деньги, чтобы отправить Райса в безопасное место и содержать, сколько понадобится.

Потребовалось время, чтобы привязать этот денежный поток к Капоне. Как заметил Уилсон в разговоре с Иреем, «Нитти и Гузик были безрассудны, чего не скажешь об Але». Ко времени освобождения Капоне из тюрьмы, весной 1930 года, у Налогового управления США не было против него доказательств.

Освобождение Капоне из тюрьмы отмечалось с шумом и блеском, привлекая всеобщее внимание.

Капоне (и Рио) выпустили на два месяца раньше за хорошее поведение. Срок истекал в полночь 16 марта, и теоретически Капоне мог выйти через маленькую дверь в массивных Восточных воротах в 00.01 в понедельник 17 марта 1930 года в День святого Патрика.

Как он покинул город? По некоторым сообщениям, Капоне сел на поезд Broadway Limited, на который опоздал в мае, десять

месяцев назад. По другим сведениям, он отправился на самолете Ford Trimotor, рассчитанном на четырнадцать пассажиров и стоящим $200 в час, из Центрального аэропорта Камдена.

Как Капоне собирался добраться до поезда или самолета? По слухам, федеральные агенты и чикагская полиция хотели взять его на выходе. Хуже было, что, по некоторым сведениям, улицы Филадельфии кишели стрелками, которые собирались пристрелить Капоне: остатки банды Морана и силы Клондайка О'Доннелла, желающие отомстить за Даффи, Доэрти и МакСвиггинга.

Тюремный хирург и новоиспеченный друг Капоне, Герберт Годдард, открыто выражал беспокойство. Когда маленькая дверь в передних воротах открывалась ночью, свет вырисовывал силуэты, создавая идеальную мишень. «Можно только надеяться, что он выйдет из двери и уцелеет», – говорил доктор Годдард.

Годдард очень уважал своего пациента и заключенного: «Трудно поверить во все, что о нем говорят. За семь лет тюремной практики я не встречал более веселого, доброго и непритязательного заключенного. Капоне никогда не просил одолжения. Он делал свое дело верно и правильно. Ему было подвластно все и вся! Капоне представлял собой не просто образцового заключенного. Он был идеален!»

Годдард напрасно опасался снайперов, стреляющих по подсвеченным силуэтам. Джон С. Фишер, губернатор Пенсильвании, который должен был одобрить решение Совета по помилованиям относительно освобождения на два месяца раньше, находился в круизе по Вест-Индии. Некоторые ожидали, что губернатор немедленно бросится в Гаррисберг[169], чтобы подписать документ, позволяющий Капоне выйти на свободу, но секретарь Фишера объявил, что с Капоне будут обращаться как с любым другим заключенным в обычном порядке.

Мало кто в это поверил. Несколько сотен искателей острых ощущений и репортеров (и, конечно, боевиков) собрались у ворот на Файрмаунт-стрит к полуночи, надеясь что-то увидеть. Они ожидали несущейся на предельной скорости машины, в которую на ходу запрыгнут Капоне и Рио? Может быть, это будет специальный бронированный седан? Тюремные чиновники смеялись над подобными идеями. Максимум, на что мог рассчитывать Капоне – полицейское сопровождение до пределов города. К двум часам ночи люди разочаровались и ушли прочь, через ворота никто не прошел. Похоже, на этот раз власти не лгали.

Страсти возобновились после объявления, что губернатор подписал документы Капоне в 11.10. Секретарь Совета по

помилованиям отметил, что доставит документ в положенное время. «Не знаю, сделаю ли это сам или отправлю спецпочтой, – сказал Фрэнсис Х. Хой-младший. – В любом случае сделаю только после того, как выполню часть более важной работы. Капоне не будет уделено особое внимание». Дневная газета в Филадельфии сообщила, что выход Капоне можно ожидать между восемью и девятью часами вечера. К вечеру у ворот топтались более пятисот человек.

– Что, черт возьми, вы здесь делаете? – прорычал начальник тюрьмы Смит тем, кто находился у ворот в восемь вечера. Ровно за двадцать четыре часа до этого Капоне (которого Смит назвал большим парнем) и Рио вывезли в обычной тюремной машине мимо собравшейся толпы. Автомобиль перевез Капоне и Рио в тюрьму Грейтфорд, в тридцати милях к западу. В понедельник утром Смит лично поехал в Гаррисберг за подписанными Фишером бумагами. Получив документы от Хоя, он позвонил в Грейтфорд. В результате Капоне и Рио были освобождены – без шумихи и толпы – около двух часов дня 17 марта. «Разве это не беспрецедентное решение?» – спросили Смита. «Да, – признался тот, – но мои действия были правильными и оправданными». В официальном заявлении Годдард объяснил, что они были обеспокоены сообщениями о скрывающихся боевиках.

В офисе Смита висела фотография Капоне с автографом.

Вечером в понедельник кто-то из толпы спросил: «Сколько тебе заплатил начальник?»

– Держись подальше, – ответил Прожженный Смит, побагровев от злобы.

Аль Капоне вышел на свободу.

Глава 23
Нет места лучше дома

Итак, Капоне был свободен, но никто не знал, где он находится. «Он вернулся в город и сидит за роскошным банкетным столом! – написал один чикагский репортер на следующий день после освобождения. – А может, и не вернулся, – продолжил он, пародируя собственное смущение. – Вероятно, Капоне находится в поезде где-то между Чикаго и Филадельфией. Или в самолете направляется в Сисеро. Нет, он не такой!» Самолет в Камдене в воздух не поднимался, репортеры обыскали Broadway Limited, но никаких следов Капоне не нашли.

«Буу! – начиналась передовица другой газеты через два дня. – Аль Капоне – это я, Аль Капоне – это ты! А вот и он! Вот он! Он в аэроплане. Он едет на велосипеде! Чшш! Аль везде». Полиция Майами контролировала все подходы к Палм-Айленд; сотни чикагских полицейских безотрывно следили за вокзалами, дом на Прэри-авеню находился в осаде.

Двенадцатилетний племянник Капоне, Ральф-младший, собрал банду и закидывал полицейских снежками. Репортер попытался что-нибудь разнюхать, используя для приманки кулек конфет:

– Где твоя бабушка?

– Вышла.

– У нее будет специальное спагетти для дяди Аля?

– Ага! Со вкусом грецкого ореха.

На этом новости закончились. Это все, чем маленький Ральф удостоил репортера. На дальнейшие расспросы он ответил: «Я ничего не скажу. Сюда приходил кто-то из другой газеты, чтобы поиграть со мной в шарики. Я победил, выиграл 90 центов и не сказал ни слова».

В Чикаго Джон Стидж объявил, что Капоне будет арестован в рамках кампании избавления города от хулиганов. Губернатор Флориды Дойл Э. Карлтон, с которым Капоне приятельствовал еще со времен работы Карлтона адвокатом в Тампе, не стал скромничать. Карлтон отправил телеграммы шерифам шестидесяти семи округов штата: «Настоящим сообщаю, что Аль Капоне находится на пути во Флориду. При обнаружении эскортируйте его за границу штата с инструкциями не возвращаться обратно. При необходимости дополнительной помощи звоните лично мне».

Капоне и Рио поехали в Чикаго. Позже Капоне объяснил, что

надел очки и регистрировался в различных отелях как «Доктор такой-то или такой-то». Его никто не узнавал. Никто, кроме правительственных агентов. Как только Капоне добрался до Чикаго, он дико напился в кафе Montmartre, стоящем на прослушке у федералов.

Новый чикагский руководитель сил по обеспечению соблюдения сухого закона Александр Джейми был эффективным и честным человеком. Двадцатишестилетний шурин Джейми, по имени Элиот Несс, работающий агентом запрета, являлся выпускником Чикагского университета, доктором философии и заядлым теннисистом. К концу сентября 1929 года Несс уговорил Джейми основать специальную группу агентов-рейдеров, состоящую из людей, не подверженных коррупции. Подразделение оказалось небольшим. Несс был назначен лидером группы из десяти человек. Газеты вскоре назовут их Неприкасаемыми. Они и установили прослушку в ночном клубе, который использовал Ральф в качестве штаб-квартиры.

Весь мир ломал голову над местоположением Капоне.

– Ральф на месте? – услышали агенты чей-то голос.

– Здесь, – раздался грубый голос Ральфа.

– Послушай, Ральф, мы в номере 718 в гостинице Western, – проговорил звонящий (отель Hawthorne недавно сменил название, чтобы восстановить репутацию). – Аль выходит из-под контроля. Он в ужасной форме. Приезжай, пожалуйста. Ты – единственный, кто может справиться, когда он напьется. Мы его полотенцами связали.

Протрезвев, Капоне решил отношения с полицией и прокуратурой.

Он позвонил адвокату Томми Нэшу и дал указание выяснить у Джона Стиджа, есть ли у полиции какие-либо конкретные обвинения. У полиции не было ордера на арест, но Капоне могли арестовать как хулигана. «Стидж хочет покончить с хулиганами», – пояснил Нэш. «Я приведу Капоне, – сказал Нэш. – Он хочет покончить со всем этим раз и навсегда». Тони Берарди, любимый фотокорреспондент Капоне, вместе с редактором чикагской газеты American Гарри Ридом сумел убедить Капоне отправиться к Стиджу. Берарди отправился с ним, чтобы сделать ценные кадры.

Они приехали на встречу со Стиджем и Гарри Дитчберном из прокуратуры в штаб-квартиру полиции. Дитчберн скользнул взглядом по забинтованной руке Капоне. «Обжегся, когда жарил мясо», – коротко пояснил Капоне любознательному прокурору. В ходе беседы в кабинет постоянно заглядывали детективы. «Хочу, чтобы мои парни знали Капоне в лицо, – объяснил Стидж. – Я

приказал бросать его в камеру каждый раз, когда он появится на улице». На каких основаниях? «Вы недобропорядочный гражданин, – сказал Дитчберн. – Если бы вы шли по улице с братом и его кто-нибудь убил, вы бы все равно не сказали, кто убийца?»

– Ну… – сказал Капоне, который действительно почти ничего не сказал, когда погиб его брат Фрэнк. – Поставьте себя на мое место и подумайте, как поступили бы.

Далее Дитчберн заявил, что они должны защищать общество: количество убийств зашкаливало. «Вот почему мы, собственно, и собираемся выгнать вас из города», – закончил Стидж.

– Но, – запротестовал адвокат, – вы не имеете права арестовывать моего клиента, если нет доказательств совершения им какого-либо преступления. – Нэш повернулся к Дитчберну. – Вы как юрист знаете – полиция не может этого сделать.

– Я здесь не для того, чтобы указывать полиции, что ей делать, а что – нет. Я здесь, чтобы советовать, что делать. И я вовсе не заинтересован в защите Капоне. Если Капоне считает, что задержан неправомерно, пусть подает иск на незаконный арест.

Эта идея понравилась Стиджу:

– В общем, поступайте, как вам нравится. Подавайте на меня в суд…

– Я не хочу ни с кем судиться, – вступил в разговор Капоне. – Я хочу, чтобы меня не арестовали, если приеду в центр города.

– Не повезло, – огрызнулся Стидж. – Ваши дни в Чикаго сочтены. Как скоро вы уберетесь из города?

Капоне надеялся уехать во Флориду на следующей неделе, несмотря на телеграммы губернатора Карлтона. Стидж заметил Нэшу: «Посоветуйте своему клиенту покинуть Чикаго».

– Ленин, Троцкий и другие осуждали подобное отношение, – сказал адвокат.

– Очень надеюсь, Капоне отправится в Россию, – не растерялся в ответ заместитель начальника полиции Чикаго.

Затем Стидж устроил Капоне своеобразную экскурсию по зданию прокуратуры штата. Никто не хотел видеть Капоне в городе. Как сказал прокурор штата Джон Свенсон: «Если Капоне останется в городе, я немедленно позвоню начальнику полиции и прикажу арестовать его».

Вечером Капоне беседовал в своем номере в гостинице Lexington с Женевьев Форбс Геррик из газеты Tribune.

Капоне сказал: «Я получил год в Филадельфии не потому, что носил оружие, а потому, что моя фамилия – Капоне… Люди очень злые».

«Всю жизнь я продавал пиво и виски хорошим людям, предлагая товар, на который есть спрос. Бизнес держится на людях, трезвонящих обо мне на каждом углу. Самые ярые недоброжелатели не прочь разок-другой продегустировать мою продукцию.

У человека в этом бизнесе много клиентов. Если люди не станут пить пиво, парень, пытающийся его продать, будет выглядеть сумасшедшим.

На своем веку я повидал немало игорных домов. Ни разу не видел, чтобы кто-то взял человека на мушку и заставил войти в казино. Но я читал в газетах, как под дулом пистолета кассиров заставляют вскрывать банковские сейфы. Похоже, желание выпить страшнее, чем грабить банк. Возможно, я ошибаюсь».

Капоне устал и хотел, чтобы его оставили в покое:

«Допустим, я не Аль Капоне, а какой-нибудь Иззи Полацки, живущий в Чикаго. Я точно не стал бы приходить поглазеть на Аля Капоне. Просто занимался бы своими делами и не мешал Алю Капоне заниматься своими. Зачем делать себя посмешищем в глазах всего города?»

Капоне нажал на кнопку звонка на столе, и в номер ненавязчиво проскользнул молодой джентльмен. «Пожалуйста, попросите мою жену и сестру зайти сюда», – сказал Капоне. Когда вошли Мэй и Мафальда, Капоне представил их Геррик. После небольшой беседы они ушли «в вихре синего шифона». Журналистка не понимала, зачем Капоне их пригласил. Оказалось, Капоне хотел продемонстрировать свою точку зрения:

– Вы заметили волосы моей жены?

– Конечно, они сверкают и…

– Нет, – сказал Капоне, – я имею в виду пробивающуюся седину. А ей ведь только двадцать восемь. – Он галантно сбросил Мэй пять лет. – Жизнь в Чикаго довела ее до седых волос».

Капоне заявил, что намерен закончить с делами и уехать в Майами через три недели. Суета вокруг отъезда из Чикаго была политической аферой, раздуваемой газетами, чтобы увеличить продажи.

– Как насчет облавы во Флориде? – спросила Геррик.

Днем раньше полиция штурмовала дом Капоне на Палм-Айленде, конфисковала выпивку и арестовала шестерых, включая Джона и Альберта Капоне и Джека МакГурна (он пользовался псевдонимом Джеймс Винсент, под которым проживал в отеле Sherman).

– Спрашивайте, что хотите, – ловко уклонился Капоне. – Я не был дома в Майами десять месяцев и ничего не знаю об облаве.

Вскоре этот рейд станет поводом для ряда судебных

процессов, которые поднимут важные конституционные проблемы. Но на данный момент были важны только телеграммы губернатора Карлтона окружным шерифам. Капоне нанял в Майами двух высокопрофессиональных юристов, которые обратились к губернатору с вопросом: «Пользуясь каким положением закона, ваши шерифы могут арестовать и депортировать с территории штата гражданина США, которому не предъявлено обвинение в совершении преступления, владельца недвижимости во Флориде и исправного налогоплательщика?»

Через несколько дней этот вопрос задали федеральному судье во Флориде. «Мы живем по законам Соединенных Штатов», – писал Халстед Л. Риттер[170]. Судья отмечал, его позиция «должна быть учтена без ссылки на общественное мнение или возможные последствия». Газета назвала эту историю:

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ПЛАЧЕТ ИЗ-ЗА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С АЛЬ КАПОНЕ.

Возможно, Капоне не нашел теплый официальный прием в Майами, но были люди, действительно желающие его видеть. В открытом письме из Торговой палаты Рапид-Сити из Южной Дакоты Капоне предлагалась «дружеская рука приветствия в общине, практически свободной от преступлений… Не судите ближнего по прошлым делам… Кто из вас безгрешен, тот пусть первым бросит камень». «Первый камень брошу я! – отрезал губернатор Южной Дакоты. – Мы не хотим, чтобы такие люди, как Капоне, жили в нашем штате, и его здесь не будет». Капоне вежливо поблагодарил жителей Рапид-Сити, но как дитя города вряд ли захотел жить на Черных холмах[171].

То же попыталось сделать и другое сообщество. Действующий мэр Монтичелло, штат Айова, не имел проблем при переизбрании, но осознавал, выдвинись оппонентом Капоне, он не имел бы никаких шансов. «Это была обычная зависть, – объяснил один городской чиновник. – Трудности Капоне в Чикаго, Флориде и история с Южной Дакотой попали на первые полосы газет. Монтичелло никогда не был в числе крупных городов. Возможно, мэр увидел возможность: Монтичелло мог стать самым «большим» маленьким городом Айовы».

У потенциального мэра была куча других проблем. Дела, которые нужно было уладить перед отъездом, сводились к чрезвычайно тяжелой налоговой ситуации.

Один из авторов выражал удивление тем обстоятельством, что Капоне проигнорировал закон Салливана 1927 года, при котором нелегальный доход официально признавался налогооблагаемым. Капоне не попытался ничего сделать с этим.

Писатель цитировал слова Капоне, произнесенные во время одного ужина: «Закон про подоходный налог – полнейшая несуразица. Правительство не может облагать нелегальные деньги легальным налогом». Эти слова свидетельствовали либо об особом уме, либо о беспредельной жадности Капоне. Но все было далеко не так просто. Капоне, по сути, загнали в угол.

Толкование закона Салливана было двусмысленным, и никто не знал, как дальше пойдет дело. В октябре 1930 года агенты налогового управления выследили Фрэнка Нитти, скрывавшегося под чужим именем в Бервине, к западу от Сисеро. Признав себя виновным 20 декабря 1930 года, Нитти заявил (причем без пользы для себя, поскольку был уже приговорен и на следующий день отправлялся в форт Ливенуорт): «Я не платил налоги, потому что не ясны сами законы. Я разговаривал с полудюжиной адвокатов, но и они знали не больше меня. В 1926 году окружной апелляционный суд четко установил, что доходы от незаконных источников не могут облагаться налогом. В следующем году Верховный суд вынес обратное решение». Шестьдесят лет спустя в Чикаго Американская ассоциация адвокатов разыграла налоговый процесс над Капоне. Как сказал директор Федеральной программы общественной защиты Чикаго Теренс Ф. Маккарти, «вне всякого сомнения, в те дни этот вопрос был никому не понятен».

Ясен или нет был закон Салливана, в любом случае – подача Капоне деклараций или попытка урегулировать вопрос иным способом не была разумным шагом. Он понимал, что не оставил следов активов для агентов налогового управления. Декларирование доходов (как и попытка урегулирования) разрушило бы этот щит. Признание принадлежности к любому уровню дохода стало бы отправной точкой для судебного преследования.

Именно это произошло с Джеком Гузиком. Обеспокоенный законом Салливана, он признался, что с 1927 по 1929 год получил доходы в $18 000, $24 000 и $18 000 соответственно. На судебном разбирательстве в ноябре 1930 года защита Гузика заключалась в том, что потери от азартных игр компенсировали большинство побед и проведенные по чекам суммы представляли некое валовое брутто, а не чистый доход. Осуждение и приговор показали принципиальную опасность признания дохода вообще.

Пока Капоне отбывал заключение в Восточном государственном пенитенциарном учреждении, Торрио представил ему налогового адвоката Лоуренса П. Маттингли из Вашингтона. Налоговые обвинения, предъявленные Ральфу, Драггэну и Лейку в конце 1929 года, сделали намерения

правительства прозрачными (как и приговор Нитти за три дня до освобождения Капоне из Филадельфии). Как должен был взглянуть на ситуацию Капоне? Несмотря на всю осторожность, кто знает, что удалось раскопать федералам? Пытаясь договориться, Капоне смог бы обезопасить прошлое, хотя подвергал серьезной опасности будущее.

Любой налоговый юрист объяснил бы Капоне, что правительственная политика призывала смягчать ведение разбирательства против граждан, которые признались в нарушениях до начала формальных процессов. Конгресс разработал налоговое законодательство, чтобы поощрять граждан к поиску урегулирования вопроса.

23 марта 1930 года, через шесть дней после выхода Капоне из тюрьмы, Маттингли написал руководителю налогового управления города Чикаго К. У. Херрику:

«Мистер Альфонс Капоне, проживающий на проспекте Южный Мичиган 2135, Чикаго (гостиница Lexington) уполномочил меня точно рассчитать его подоходный налог за 1929 год и предыдущие годы. Альфонс Капоне обязуется выплатить всю сумму в срок.

Ранее мистер Капоне никогда не подавал налоговые декларации. Из-за несоответствий или отсутствия записей определение его ответственности будет затруднительно…»

Таким образом, Маттингли хотел, чтобы «Капоне и его записи подверглись анализу, которому подвергается любой другой человек, уклоняющийся от уплаты налогов, с акцентом, чтобы заключения об обязательствах налогоплательщика удовлетворяли начальство».

К записке прилагалась доверенность, подписанная Капоне. Поскольку Маттингли был занят другими делами до середины апреля, налоговая служба пригласила его привести клиента для предварительного обсуждения 17 апреля 1930 года, как было в середине налогового процесса Ральфа. Со стороны Херрика присутствовали коллеги и стенографист. Маттингли представил Капоне. На нем был темно-синий двубортный костюм, из кармана пиджака виднелся ослепительно белый льняной платок, синий галстук в белый горошек, синие шелковые носки и белые спортивные туфли. Когда Капоне доставал шелковый носовой платок, воздух благоухал лилиями.

Капоне не следовало там появляться.

– Что ж, мистер Капоне, – сказал Херрик, как отмечено в стенограмме, – я хочу, чтобы мы все поняли ситуацию. Вы и мистер Маттингли находитесь здесь, чтобы разобраться с налоговыми обязательствами. Я говорю это, чтобы не было

недоразумений, и любое заявление, которое вы сделаете здесь, естественно, будет предметом расследования и проверки доходов…

До сих пор все шло хорошо: проведение проверки и поиск доходов были разными вещами, но Херрик продолжал:

– Думаю, будет справедливо сказать, что любые заявления могут быть использованы против вас, и, вероятно, будут использованы. Хочу, чтобы вы знали свои права…

– Поскольку мистер Капоне может отвечать на любые вопросы, не признавая ответственность за преступные действия, – ответил адвокат, – он здесь, чтобы сотрудничать с вами… Я не вправе… разрешить мистеру Капоне делать какие-либо заявления или признания, которые могли бы подвергнуть его уголовному преследованию.

Затем Маттингли добавил фразу, которую посчитал гениальной:

– Мы действуем непредвзято…

«Эти слова, – сказал главный федеральный судья Прентис Х. Маршалл, который осуществлял контроль над инсценированным учебным процессом в рамках АВА[172], – были распространены во время подобных переговоров в те дни».

В наши дни адвокат обязательно озвучил бы все важные моменты и добился, чтобы Налоговое управление США подтвердило: клиент «делает заявления исключительно с целью прийти к обоюдовыгодному соглашению, и ни с какой иной».

Херрик отметил, что возможно преследование и иных целей, но Маттингли позволил слушаниям продолжаться. «Такой подход не имеет смысла, – отмечает Том Марлой. – Ни при каких обстоятельствах не позволяйте клиенту продолжать, когда кто-то спрашивает: «Вы отказываетесь от своих прав?» Решение по делу Миранды против Аризоны появилось только в шестидесятых годах. Капоне сделали предупреждение «Миранды» в присутствии адвоката! Как адвокат позволит ему продолжить говорить? Кошмар какой-то».

Адвокат Терри МакКарти высоко оценил, как Капоне справлялся на слушаниях, ловко уклоняясь или просто отказываясь отвечать, когда вопрос был слишком каверзным. Он просто перекладывал ответ на адвоката.

Херрик попытался проявить доброжелательность:

– Как долго вы получаете большой доход? – спросил он.

– У меня никогда не было даже части того, что называется большими доходами.

– Изложу несколько иначе – доходы, которые могут облагаться налогом.

Это означало сумму более $5000 в год.

– На подобный вопрос ответит мой адвокат, – сказал Капоне.

После того как Маттингли признал, что Капоне предоставил деньги на покупку поместья Палм-Айленд от имени Мэй, помощник Херрика задал вопрос:

– Откуда взяты деньги, которыми вы расплатились?

Маттингли дал отвод. Херрик быстро переключился на ключевую тему:

– Должны эти деньги облагаться налогом?

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

Когда налоговые агенты перешли к ведению отчетности, Капоне поменял показания, данные во Флориде 14 февраля 1929 года: теперь он просто заявил, что никогда не вел никаких записей. Капоне спросили про банковские счета. Ни одного. Собственность. Никакой. Доход. Минимальный. Акции и облигации. Отсутствуют. Лошади и собачьи бега. Капоне только делает ставки, но ничего не организует.

Федералы добились признания, что после 1926 года он не работал на Торрио. Капоне пользовался только наличными; у него не было ни одного погашенного чека, он не держал ни цента в банке.

– Что вы делаете с деньгами? – зарычал один из участников допроса, теряя терпение. – Вы их носите с собой?

– Ношу с собой, – спокойно ответил Капоне.

В конце слушаний у налоговиков не было никаких сведений о размере и источниках дохода, но, по крайней мере, они знали о самом существовании дохода. Конечно, на судебном разбирательстве предупреждение Херрика могло пересилить заявление Маттингли «действовать без предубеждений».

Запись переговоров была окончена. Стенографист закончил писать и поднялся со своего места. Фрэнк Уилсон говорил много лет спустя:

«Лицо со шрамом засунул лапу в карман, вытащил штук шесть сигар «Корона» и пихнул в мою сторону. Закурим?

– Нет, – коротко отозвался я.

Он нахмурился:

– Меня пытаются придавить. Берегите себя, Уилсон.

– Хорошо, – ответил я.

Не было привычных рукопожатий, когда мы закрываем первичные налоговые слушания. Я не намеревался пачкать руки о его лапы, запачканные кровью».

В стенографических записях упомянуты все присутствующие на переговорах, в том числе и Луис Уилсон, человек из Налогового управления, отвечающий за мошенничество в Чикаго.

Не Фрэнк Уилсон. Позже Луис Уилсон отрицал сказанное. О присутствии Фрэнка Уилсона на слушаниях, кроме него, никто не упоминал.

Присяжные слушали показания по финансам Ральфа Капоне в течение пятнадцати дней. Хотя в показаниях были отдельные сложные моменты, большая часть была довольно проста.

Продавцы ювелирных изделий получали от Ральфа чеки, подписанные различными фиктивными именами. На эти счета обратили внимание налоговые агенты. Владельцы баров расплачивались за пивные поставки чеками, причем суммы зачастую оказывались кратными $55, что соответствовало цене за бочку пива.

25 апреля 1930 года, через девять дней после поединка между Аль Капоне и Налоговым управлением США, присяжные признали Ральфа виновным. Судья приговорил его к трем годам лишения свободы и штрафу в $10 000.

Ральф сделал краткое официальное заявление: «Приговор говорит сам за себя». – Но пробормотал вдобавок: «Я ничего не понимаю». Ральф вышел из зала суда под залог, подав на апелляцию.

Лоуренс Маттингли провел еще несколько встреч с налоговиками. 20 сентября 1930 года он выразил позицию Капоне в письме, известном как «Письмо Маттингли», адресованное Херрику.

Письмо начиналось с призыва к «отсутствию предубеждений» по отношению к вышеупомянутому налогоплательщику на любых слушаниях. Сведения, которые могли быть использованы против него, должны основываться только на достоверной информации.

Он предоставил некоторые важные статистические сведения: назвал возраст сына Сонни (двенадцать лет) и подчеркнул, что с 1922 года Капоне содержит мать, сестру Мафальду и брата Мэтью.

Из письма следовало, что до второй половины 1925 года Капоне получал зарплату, не превышающую $75 в неделю. В период с 1925 по 1929 год включительно Капоне получал значительные суммы денег, принадлежащих ему по праву собственности. [Другими словами, это был не доход.]

Он вошел в некоторые неуказанные предприятия с тремя неназванными «сподвижниками примерно в конце… 1925 года», то есть после ранения и отречения Торрио. Из-за отсутствия капитала участие в получении прибыли было ограничено вплоть до 1928–1929 годов: Капоне получал одну шестую, в то время как остальные партнеры – одну треть.

Мебель в доме на острове Палм-Айленд стоила не более $20

000, а дом все еще находился под ипотекой в $30 000. С 1927 года задолженность Капоне редко составляла менее $75 000. Часто намного больше.

В результате Маттингли заключил, что налогооблагаемый доход Капоне за 1926 и 1927 годы был фиксированным и не мог превышать $26 000 и $40 000 соответственно, а за 1928 и 1929 годы не превышал $100 000 долларов в год.

«Письмо Маттингли» дало правительству основание для возбуждения дела в неуплате налогов.

Почему так произошло? Было ли это проявлением дилетантства со стороны Маттингли? «Нет, – считает Том Мелрой. – Маттингли не учел, что по этому делу никогда нельзя достичь никакого соглашения. Это было уголовное дело с самого начала». Капоне и Маттингли думали, что смогут обмануть правительство добровольным желанием достичь обоюдовыгодного соглашения; в таких обстоятельствах смягчение разбирательства было явно обозначено как официальная политика. Однако политика – не закон, правительство вовсе не обязано следовать ей. Президент Гувер был намерен посадить Капоне в тюрьму любой ценой.

Как и штат Флорида.

Глава 24
Порядочность наносит ответный удар

«Благопристойность возвращается», – гласила одна из передовиц газеты Daily News, издаваемой в Майами, за неделю до освобождения Капоне из тюрьмы в Филадельфии.

Эта благопристойность приобрела «форму движения по изгнанию Капоне из города, если он вдруг дерзнет появиться… Капоне следует препроводить до границы округа и доходчиво объяснить, что компас указывает на север». Другое издание хвалило упомянутую телеграмму губернатора шестидесяти семи шерифам.

Это свидетельствовало о «благопристойности штата Флорида» и приводило в тупик критиков, которые, зная, что Капоне с 1927 года почти постоянно проживал там, «составили несправедливое мнение о дивном южном крае».

Газета напоминала читателям, что пару поколений назад человека, совершившего преступление, или человека, которого считают преступником местные жители (даже если он оправдан), в мгновение ока вздернули бы на ближайшем дереве. Сегодня, разумеется, «такие меры… неприемлемы. Мы не одобряем это, хотя…»

Статья не была случаем проявления неотесанной деревенщины, поддерживающей закон Линча. Daily News принадлежала Джеймсу М. Коксу, экс-губернатору штата Огайо и кандидату от Демократической партии в президенты в 1920 году. Большая часть газетной империи Кокса находилась в Огайо.

Лидером крестового похода против Капоне был Карл Фишер, родившийся 12 января 1874 года в Индиане. Фишер бросил школу в шестом классе (как и Капоне) и добился успеха во время строительства автострады в Индианаполисе.

В 1911 году Фишер продал свою компанию, производившую автомобильные карбидные фары, и переехал во Флориду, где предоставил первопроходцу Майами-Бич Джону Коллинзу $50 000 на строительство первой дамбы в Майами. Затем Фишер приступил к строительству гостиницы и домов и быстро стал основным застройщиком Майами-Бич. Кроме того, он слыл известным яхтсменом: друзья назвали его Шкипер, или просто Шкип. Фишер привез Джеймса Кокса, своего старого друга, в Майами.

Еще одним политическим авантюристом, боровшимся против Капоне, был Даниэль Махони, зять Кокса и генеральный директор

газетной группы Кокса в Огайо.

Собственно, Фишер (при подстрекательстве Махони) и организовал телеграммы губернатора Карлтона. После отправки Махони написал Фишеру: «Дорогой Шкип, с большим удовлетворением прочитал, что сделал губернатор. Если граждане отреагируют на инициативу нашей газеты должным образом, то мы… сможем очистить Майами и Майами-Бич от этого нежелательного элемента».

Фишер послал Карлтону телеграмму, в которой сообщал: «После нескольких встреч лучшие граждане непременно станут на нашу сторону в борьбе с господством беззакония».

Когда судья приговорил брата Капоне Альберта к тюремному заключению за бродяжничество, Кокс лично послал телеграмму Фишеру:

> «Выраженная порядочность и мужество жителей Майами-Бич, проявленные судом и полицией сегодня утром… являются самым эпохальным событием со времен объявления вами войны комарам и болотам семнадцать лет назад. Старый Шкипер – настоящий черт, когда берется за дело».

Целью была борьба не с распутством и разнузданностью, а непосредственно с Капоне.

Это не было крестовым походом с намерением очистить Майами. Люди с порочными наклонностями спокойно проматывали деньги в южной Флориде, всем было выгодно.

Бутлегерство настолько процветало, что в особенно удачные сезоны цены падали до абсурдных отметок: $45 за ящик чистого шотландского виски, в то время как в Чикаго он стоил $90.

Азартные игры были так доступны, что играть мог, как писала одна газета, «любой человек с деньгами и желанием».

Все были довольны, включая лучших людей Майами. Как писала Daily News, «наши люди предпочитают либеральную политику в течение зимних месяцев». Такая толерантность касалась исключительно местных жителей.

«Гангстеры не видят разницы между ограничениями и полноценным лицензированием», – говорилось в статье. Необходимо сделать выбор: «либо гангстеры уничтожат Майами, как когда-то уничтожили Чикаго, либо праведность восторжествует».

Что касается борцов за чистоту нравов, Фишер не был трезвенником (через девять лет умер от желудочного кровоизлияния) и не гнушался походами на сторону, хотя состоял в браке. Азартные игры? Как упоминал историк Майами-Бич,

Фишер «поставил бы на все, что двигается», хотя и выступал против регулярных казино, опасаясь, что игорные заведения привлекут гангстеров. В любом случае Фишер запретил официальные азартные игры в своих отелях.

Дэн Махони, известный под прозвищами Большой Дэн, или Большой ирландец, был махинатором и авантюристом. Вместе с генералом Першингом участвовал в кампании против мексиканца Панчо Вильи.

В разгар преследования Капоне Махони написал Фишеру из Дейтона, штат Огайо: «1 апреля надеюсь выпить с тобой высокий бокал чего-нибудь прохладного. Мне здесь хорошо до боли. С большим удовольствием и нетерпением ожидаю нашу поездку в Гавану».

Альфонс Капоне-младший, сын Аль Капоне, во время игры в гольф. 22 января 1939 года.

За травлей Капоне со стороны Махони и Кокса (которого журналисты из Майами называли властным ублюдком) стоял деловой интерес.

Для газеты Daily News Капоне был кнутом, с помощью которого можно было победить более успешную газету Herald. Местные политики были коррумпированы до крайней степени. Газета Кокса поддерживала текущую власть и упрекала Herald в сотрудничестве с бывшим начальником полиции Лесли Квиггом и Фредом Пайном. Квигга сняли с должности в 1928 году за

жестокость и взяточничество (в 1937 году восстановили); Пайнса лишили должности окружного прокура в 1923 года за «крайне либеральные взгляды в отношении алкоголя».

Фавориты Daily News были не лучше. Директор Управления государственной безопасности Сэмюэл МакКрири начинал карьеру, работая менеджером в гостинице El Comodoro в подчинении Роберта Найта, брата комиссара полиции Майами.

В 1935 году на основании неопровержимых доказательств было выявлено, что МакКрири и Найт оказывают протекцию. Они предстали перед судом и были оправданы.

В отличие от них, у Пайна имелись связи с Капоне. Преподобный Уильям Х. Сандж когда-то посетил Палм-Айленд, 93 (не в пасторской роли, у него был побочный интерес в бизнесе аренды автомобилей). Он случайно услышал, как Капоне дает указание отправить Пайну ящик шампанского и два ящика скотча. А Пайн, справедливо обвиняемый газетой Кокса, сотрудничал с Herald!

Издатель Herald Фрэнк Шутс настоял, чтобы городской благотворительный фонд вернул полученные от Капоне $1000 долларов. При этом газета заявляла, что все инициативы против Капоне должны проводиться «в строгом соответствии с предписаниями закона». Особую комичность привносило, что Шутс открыто занимался махинациями со ставками на скачках и другими азартными играми, как отмечала Daily News.

Таким образом, Фрэнк Шутс занял абсолютно последовательную позицию, являясь примером старой олигархии Майами. Независимо от личной морали или вкусов, олигархи демонстрировали «либеральную политику» как необходимое условие развития туризма – жизненной силы Майами. В любом случае бутлегерство, азартные игры и коррупция находились в их руках. А управляли этим люди, которые знали свое место, признавая господство олигархии.

Какой-то Джозеф Уайденер мог купить половину законодательных органов города Таллахасси, чтобы легализовать скачки. В глазах олигархов Майами это принципиально отличалось от того, что Капоне был способен обратить к себе 70 % полиции Чикаго. Какого-нибудь Шеннона убили вечером. Это разительно отличалось от пресловутых поездок в Чикаго. Рэд Шеннон был любимым бутлегером олигархов в Майами, любезно доставлявшим алкоголь на яхты. Его убили сотрудники береговой охраны. Он не сопротивлялся, а пытался уйти. Это вызвало сильное возмущение жителей Майами; сотрудников охраны хотели судить за убийство. В местной криминальной жизни Майами не было и тени рэкета, вымогательства, бомбежек и

избиений (хотя полицейские время от времени распускали руки). Люди, вовлеченные в преступную деятельность, не прибегали к насилию. В Чикаго гангстеры оправдывались, что убивают только друг друга и не трогают тех, чья гибель была бы тяжкой утратой для общества.

Важно было учесть, коль скоро гангстеры (в основном Капоне) получат какой-либо простор действий, их нельзя будет остановить, и тогда олигархам придется беспрекословно уступить власть. Газета Daily News справедливо заметила: гангстеры не видели никакой разницы между продуманным сотрудничеством и насильственным доминированием.

Олигархи Майами относились к Капоне с осторожностью. Капоне не собирался захватывать Майами. Он являлся совладельцем нескольких игорных заведений (в том числе казино в Эверглейдс, в соседнем округе в сорока милях на трассе Тамиами).

Капоне занимался продажей краденого алкоголя из Чикаго и был совладельцем нескольких подпольных баров; часть клуба, находящегося в западной части Майами, до сих пор называют Башней Капоне. Его офис расположился в здании, где сейчас находится главное отделение корпорации U-Haul. В задании был грузовой лифт, в который помещался семиместный седан.

Капоне не мешал местным бутлегерам и повторял, все, что он хотел от Майами – расслабляться и получать наслаждение.

Это коробило высший свет Майами. «Мы даем негру-носильщику в поезде чаевые, – говорилось в одной из статей Daily News, – и он чистит наши ботинки, проявляя раболепие…» Похоже, именно этого Капоне ожидал от местной олигархии, открыто патронируя их магазины, рабочих и выдавая благотворительные чеки в городской бюджет на $1000. Он обращался с Майами, как белый обращается с черными. Итальянский гангстер из северного города не мог переехать на юг и жить в самом шикарном районе, не проявляя тишины и смиренности. Капоне не съеживался, не щелкал себя по лбу, останавливая амбиции, как местные бутлегеры. Он продолжал утирать Майами нос, устраивая вечеринки и привлекая всеобщее внимание.

Среди грязных и распутных людей, которых привлекал Капоне, были отпрыски олигархов, в том числе Паркер Хендерсон, сын бывшего мэра, и Джек Шитдл, сын действующего мэра Майами и постоянного комиссара округа. Отец и дядя Джека, Эв Сьюэлл, владели одним из лучших магазинов Майами Sewell Brothers. Джек беспрестанно рассказывал разные байки, например, как подарил Капоне (после покупки в Sewell Brothers

на $1000 долларов) шляпу и ремень. Капоне пожал Джеку руку и сказал: «Впервые в жизни мне кое-что подарили».

В другой любимой истории Джек рассказывал, как пришел на Палм-Айленд, 93, когда там шла игра в покер, а на столе лежали стопки купюр номиналом $1000. Встав из-за стола, Капоне сказал Джеку: «Ухожу. Эти негодяи обыграли меня на $250 000».

Рассказы племянника не веселили Эва Сьюэлла. Позже, выступая за преследование Капоне за бродяжничество, Эв заявил, что прекрасно знал о связи Капоне с магазином Sewell Brothers.

Рейд на Палм-Айленд, о котором расспрашивала Капоне журналистка Женевьева Херрик, был совершенно законен, проводился по действительному ордеру с соблюдением установленных правил. Полиция Толидо, штат Огайо, идентифицировала Рэя Нуджента, участвовавшего в бойне Святого Валентина, одного из пяти убийц полицейского во время ограбления в апреле 1928 года.

Полиция Цинциннати подозревала его в дюжине убийств, но доказательств хватило только по обвинению в убийстве второй степени, связанном с бутлегерской сделкой.

Полицейский сержант из Майами, отвечающий за идентификацию преступников, отметил факт задержания Нуджента за превышение скорости: он ехал в машине вместе Ральфом Капоне и двумя девицами. Нуджент сказал, что останавливался в особняке на Палм-Айленд. Семья Капоне всегда помогала бывшим заключенным и находившимся в бегах.

Полиция Толидо не смогла найти свидетелей по запросу; таким образом, обвинения могли быть выдвинуты только в рамках города Цинциннати.

По законам Флориды, убийство второй степени – преступление, допускающее освобождение под залог, поэтому Нуджента отпустили под залог в $10 000.

В начале марта, когда полицейские Толидо собрали достаточно улик, чтобы привлечь Нуджента к ответственности, он не явился на суд. Департамент полиции выдал помощнику шерифа ордер и отправил его на Палм-Айленд, полагая, что там скрывается Нуджент. Нуджента не оказалось на месте, зато было много алкоголя.

У шерифа М. П. Лемана созрел гениальный план. Леман решил совершить налет на Палм-Айленд, 93 на основании, что две недели назад его заместитель при исполнении служебных обязанностей обнаружил в доме алкоголь. Полицейские Майами отказались участвовать потому, что Палм-Айленд находился вне их юрисдикции. Городской управляющий Фрэнк Уортон назвал рейд игрой на публику.

Расстроенный Леман отобрал двадцать семь удостоверений помощников шерифа, которые ранее раздал полицейским города Майами.

20 марта оперативники нашли алкоголь, про который узнали от Лемана. В поместье был только сторож Фрэнк Ньютон. Пять человек находились на морской прогулке, но, вернувшись, попались в сети. Это были братья Альберт и Джон Капоне, Джек МакГурн (Джеймс Винсент), Алмаз Лу Кован из Сисеро и Лео Дж. Бреннан (случайный гость).

Ньютону и Джону было предъявлено обвинение в незаконном хранении алкоголя и бродяжничестве (бутылки нашли в шкафу комнаты Джона). Нескольких судебных процессов и апелляций привели к штрафу в $500, наложенному на Фрэнки Ньютона, который заявил, что является владельцем всего алкоголя, в том числе и двенадцати бутылок из шкафа Джона.

Капоне, по собственному признанию, воплощал в жизнь самые сокровенные мечтания народа. Он нарушал законы, нарушения которых желал народ, но которые народ при этом не осмеливался нарушить самостоятельно.

Капоне не озадачился. Он удовлетворился федеральным судебным запретом против шестидесяти семи шерифов Флориды. «Конечно, Капоне не понял бы, что вы имеете в виду, если упомянете Конституцию, – фыркнула Daily News. – Для него этот термин, вероятно, означает какой-то особый сорт спагетти…» Власти Майами не сдавались. Пока Капоне оставался в Чикаго, надеясь разобраться с налоговой ситуацией на слушаниях 17 апреля, Майами продолжал намекать, что его присутствие не приветствуется. 1 апреля 1930 года задержали Джека МакГурна с Луизой Рольф прямо на пятой лунке поля для гольфа Майами-Бич. Через двенадцать дней пришел черед брата Альберта, арестованного за бродяжничество.

Капоне не обращал внимания на намеки.

После окончания слушаний он уехал во Флориду. Поезд прибыл рано в дождливое Пасхальное воскресенье, 20 апреля 1930 года. С Капоне ехали племянник, Ральф и чикагский олдермен (на загородной станции Холли их встретили адвокаты Капоне Винсент С. Гиблин и Дж. Фриц Гордон). В компании

оказался и редактор чикагской газеты American, Гарри Рид, ехавший тем же поездом. «Я здесь для отдыха, который, думаю, заслужил», – сказал Капоне.

Как известно, для нечистивых нет покоя. Через два дня генеральный прокурор округа Дейд, Н. Вернон Хоторн, подал иск, что особняк на Палм-Айленд, 93 является источником беспокойства. Согласно его заявлению, алкоголь и бродяги превратили участок в «место, часто посещаемое игроками, бездельниками, праздными и беспорядочными людьми…».

Процесс затянулся. Как Фишер и Махони, Капоне направился в Гавану после допроса у начальника национальной тайной полиции, где он представился «отставным бизнесменом из Чикаго». Отдых проходил в компании с Сильвио Аджоджильи, чей головорез нанес первый удар по группе Лонергана в Бруклине, и редактора Гарри Ридоа (последний категорически утверждал, что платил сам). Вернувшись на Палм-Айленд, Капоне откровенно бездельничал и часто рыбачил на своей яхте Arrow, прославившись одним из самых крупных уловов в сезоне: пойманная рыба весила около семидесяти фунтов и имела почти восемь футов в длину.

Утром 8 мая менеджер театра Olympia, в центре Майами, пригласил Капоне посетить дневной спектакль «Новые приключения Фу Манчу» с Уорнером Оландом и Джин Артур[173]. Капоне отправился в театр вместе с братом Джоном, чикагским олдерменом Альбертом Дж. Пригнано и телохранителем Ником Чирчелло. Никто не имел при себе оружия.

Директор Управления государственной безопасности города Майами Сэм МакКрири отдал распоряжение начальнику полиции Гаю Риву арестовать Капоне, как только он попадется на глаза.

При задержании Капоне поинтересовался причинами.

– Просто проверка, – последовал ответ.

– Можно позвонить домой и рассказать, что я задерживаюсь?

– Нет.

– Могу я связаться с адвокатами?

– Нет.

Капоне пожал плечами и предложил детективу прокатиться на его машине, отправив одного из спутников в патрульную машину в качестве заложника.

В 14.30 они приехали в полицейский участок.

– Господин директор, – спросил Капоне донельзя вежливым тоном, – что нужно сделать, чтобы вы меня отпустили?

– Не знаю точно, – не повел бровью МакКрири. – Но все же скажу. Здесь вы в качестве подозреваемого, вы не будете подвергаться насилию, с вами не будут плохо обращаться.

– Ничего не имею против, но хочу, чтобы освободили моего брата.

– С ним обращаются как и с остальными, находящимися в категории подозреваемых.

Дежурный офицер приказал Капоне вывернуть карманы и сдать имеющиеся ценности: ювелирные украшения и $1160 карманных денег. Капоне отказался сделать это без выдачи квитанции, на что позже обратил внимание на суде.

По словам Капоне, МакКрири приказал Риву квитанции не выдавать и предложил выбросить его личные вещи в сортир. Сотрудник объяснил, что квитанция не нужна, поскольку за хранение имущества отвечают городские власти. Капоне не успокоился, но вмешался Рив. Он сказал, что Капоне может получить квитанцию, если так хочет. Офицеры были готовы принять вещи на хранение, и Капоне сдался, прорычав: «Причина всему – грязный сукин сын, Кокс».

Позже Капоне заявил, что снова попросил позвонить адвокатам. Скорее всего, Капоне не сильно беспокоился, понимая, его явно хотели оставить без связи с внешним миром. Заключенных развели по разным камерам, причем Капоне отправили на второй этаж. Когда Рив увидел, что камера находится на внешнем периметре и зарешеченное окно выходит на улицу, приказал перевести Капоне во внутреннюю камеру «чтобы избежать сбора толпы». Позднее у Рива спросили: «Вы пытались исключить возможность связи Капоне с внешним миром?»

«Возможно, – ответил он. – Не исключаю».

«Меня посадили в темную камеру, со спертым воздухом. Рив приказал не давать мне еду и воду», – рассказывал Капоне.

Капоне неплохо позавтракал дома, и прошло совсем мало времени.

«Дело было не в еде, – пояснял Капоне, – меня держали в грязи и пытались заставить чувствовать несчастным». Запрет на воду был временным, если не мнимым (надзиратель вскоре принес кувшин воды со льдом).

Вскоре МакКрири вернулся к Капоне, чтобы передать последнее предупреждение. Капоне будет арестован в любое время, в любом месте и в любой компании, каждый раз, когда ступит на территорию, находящуюся в юрисдикции города Майами.

– Вы имеете в виду даже сопровождающих меня мать, жену или ребенка? – спросил Капоне.

– Да. Я их арестую.

– И как бы вы повели себя на моем месте?

– Не хотел бы на нем оказаться…

– И не смогли бы. Вы не такой человек.

Примерно через два часа после ареста появились адвокаты Гиблин и Гордон. Возможно, кто-то видел арест и сообщил, что случилось с клиентом. Импульсивный Фриц Гордон препирался с МакКрири, который приказал обыскивать всех, прибывающих к Капоне, на наличие оружия, даже адвокатов. Дело закончилось потасовкой и побегом Гордона из участка. Инциндент вдохновил Ассоциацию адвокатов голосовать за создание Комитета по расследованию, несмотря на резонный вопрос одного из адвокатов: «Кто будет обыскивать членов самого комитета?»

Вскоре началось судебное заседание. Судья Ули Томпсон приказал освободить всех задержанных. Капоне так и не накормили.

Через пять дней, примерно в 8:30 вечера, Капоне с друзьями находился в зале American Legion на боксерском поединке.

К нему подошел детектив и похлопал по плечу. Начальник полиции Рив ожидал Капоне в глубине зала. Капоне с компаньонами снова арестовали.

На этот раз не нужно было предупреждать адвокатов: все происходило на глазах Винсента Гиблина. Тем не менее четверо задержанных провели ночь в тюрьме, поскольку в это время Гиблин не смог вытащить судью на слушания habeas corpus. Капоне не пропустил ничего особенного: Джо Малыш Пек выиграл у фаворита Джимми Спайви в поединке в легком весе чемпионата Дикси.

Спортивный комментатор отмечал: «Бой проходил вяло».

Когда на следующий день судья Томпсон спросил Сэма МакКрири о причинах ареста, он ответил, что получает слишком много жалоб на Капоне. Адвокат не преминул спровоцировать городского управляющего Уортона (который назвал облаву на Палм-Айленде «игрой на публику», но затем изменил мнение), спросив, от кого именно поступали жалобы.

– Например, от Родди Бердина, – ответил Уортон.

Родди Бердин владел универмагом Burdine, наряду с Sewell Brothers, самым роскошным в тех местах. Он приезжал на Палм-Айленд попросить у Капоне $1000 для Общественного фонда.

– Неужели это сказал Родди Бердин? – уточнил адвокат.

– Да, сэр! В моем офисе, два или три дня назад.

– Он когда-нибудь говорил вам, что посещал дом Капоне?

– Нет, сэр.

– Кто еще заявлял жалобы?

– Ну… Президент Первого Национального банка.

– Неужели мистер Ромф? – Эдвард К. Ромф тоже был бывшим

мэром.

– Да, он сказал, Капоне – угроза для общества.

– Кто еще?

– Не помню других имен.

– У вас были тысячи жалоб?

– Нет…

– Сотня?

– Да.

– Из всей сотни вы помните только двух человек?

Присутствующие рассмеялись. Позже Уортон вспомнил, что жалобы поступали от мэра Ридера и городских комиссаров Джона Найта и Эва Сьюэлла.

– Комиссар Сьюэлл говорил, что Джек Сьюэлл посещал резиденцию Капоне?

– Он не говорил мне о Джеке…

Судья Томпсон отпустил всех четырех задержанных. МакКрири внес поправку в приказ, предусматривающую немедленно отпускать задержанных под залог. Зал American Legion вернул Капоне $24, за места на матче.

Чтобы придать законность задержаниям, городской совет Майами издал новое постановление о бродяжничестве, под действие которого попадали «лица, имеющие видимые средства поддержки, приобретенные незаконными средствами или методами…», «…представляющие угрозу для общественной безопасности или правопорядка в городе Майами…», «… известные или имеющие репутацию мошенников, бандитов или угонщиков транспортных средств». Совет предусмотрительно добавил пояснение, если какая-то часть постановления будет признана неконституционной, остальное остается в силе.

В то же время окружной судья Пол Д. Барнс продолжал слушания по делу о «рассаднике зла», из которого следовало, что дом на Палм-Айленд, 93 следует закрыть «на висячий замок». Как только Карл Фишер дал показания, Барнс отложил слушания на несколько недель для рассмотрения различных ходатайств. Фишер поклялся, что присутствие Капоне снизило стоимость на недвижимость, что породило множество митингов протеста.

Винсент Гиблин поинтересовался, приказывал ли Фишер выставлять полицейских вокруг дома Капоне?

– Нет, сэр, – ответил олигарх. – Я не отдавал никаких распоряжений и не делал запросов. Это было мое предложение.

– У вас есть какие-либо игорные интересы?

– Конечно, нет (здесь Фишер был честен, поскольку Гиблин не спрашивал о личных ставках).

– Вы заинтересованы в финансовом отношении или, другими

словами, являетесь владельцем любого места, где незаконно продают алкоголь?

– Насколько мне известно – нет.

Фишер остался в Майами, чтобы исполнить гражданский долг в качестве свидетеля, хотя стремился в Монток на Лонг-Айленде, где надеялся получить инвестиции в Майами-Бич (затея быстро потерпела крах). Закончив давать показания, Фишер уехал, написав Майклу Дж. Гленну, частному детективу, отвечавшему за безопасность в его отелях. Месяц назад он «заказал немного пива у Тома Харбина». Но пива не было.

«Возможно, возникнут проблемы. Всем не нравится, когда поставки от Харбина задерживаются. Дэн Махони сказал, что возьмет несколько ящиков, еще несколько, вероятно, примет Эд Ромф. Окажите помощь Харбину в сложившейся ситуации с пивом, но не оставляйте все в доме. У нас нет места для хранения большого количества. Вам следует соблюдать осторожность, чтобы поставки шли равномерно. Боюсь, из-за ситуации с Капоне мы можем попасть в полную задницу».

Вечером 19 мая полиция Майами арестовала Капоне, опять перед боксом. В этот раз он вышел под залог и успел на бокс. Бокс снова был не очень. Буги Сааб, Сирийский костолом, проиграл Джорджу Хармону, Сюрпризу Аврелия Августина. Снукс Кэмпбелл уничтожил Рэда Хукса.

Незадолго до полудня 24 мая, когда полиция Майами арестовала Капоне в четвертый раз по дороге к адвокатам, Гиблин посоветовал ему не идти добровольно в участок, а дождаться физического принуждения. Потоптавшись, полицейские ретировались.

Терпение Капоне лопнуло. Он обвинил мэра, комиссара Джона Найта, Сэма МакКрири и Джима Кокса в заговоре (в адрес МакКрири последовало и второе обвинение в незаконном заключении под стражу). Мировой судья Уоррен Л. Ньюкомб, которого частный детектив Майк Гленн подозревал в сотрудничестве с Капоне, провел предварительное слушание с целью выяснить, достаточно ли улик для судебного разбирательства, причем Капоне выдвигал свою версию событий, а МакКрири и полиция – свою.

Капоне достойно исполнял роль свидетеля. Он не позволил противоположной стороне исказить тематику допроса. Капоне возвращал вопросы к точке отсчета – за его арестом и тюремным заключением стоял МакКрири.

– Мистер Сэм МакКрири не лишил вас свободы по прибытии в полицейский участок?

– Он дал соответствующие указания, – ответил Капоне.

– МакКрири запирал вас лично?

– Нет. Но он дал указания лишить меня свободы.

– Вас запер кто-то другой?

– По его приказу.

– Там присутствовал начальник полиции?

– Да, МакКрири сказал начальнику полиции это сделать.

– Он лично сказал начальнику полиции лишить вас свободы?

– Именно так.

– Он не делал это сам?

– Нет, но это был его приказ.

– Он сказал начальнику полиции, что вы арестованы?

– Полицейские арестовывают людей по его приказанию. Наверное, я уже был под арестом.

На вопрос о роде деятельности Капоне ответил, что занимается недвижимостью.

– У вас есть лицензия? – живо уцепился адвокат противника.

Прежде чем защитник открыл рот, чтобы заявить протест, Капоне успел огрызнуться:

– Почему я должен отвечать на этот вопрос?

Неизвестно, был ли подкуплен Ньюкомб, но он сразу отклонил обвинения в заговоре против ответчиков, а затем отложил рассмотрение обвинения в незаконном содержании под стражей против МакКрири. Ньюкомб пообещал арестовать любого, кто побеспокоит Капоне, находящегося в статусе свидетеля обвинения. Городской управляющий пообещал, что Капоне больше никто не будет задерживать.

Капоне продолжал задабривать Майами. Учитель в школе Сонни попросил разрешить ученикам поплавать в бассейне Капоне и получил одобрение (при условии письменного согласия родителей). Пока дети (до семидесяти пяти человек) резвились в воде, прислуга накрыла столы с курицей, пирожными, газировкой, принесла воздушные шары и хлопушки. Каждому уходящему гостю Сонни вручил по коробке конфет. Несколько дней спустя около пятидесяти взрослых пришли на банкет и musicale[174], обменяв у двери выгравированные приглашения на булавку с изображением американского флага. Среди гостей были не только приятели Капоне, но и просто дружелюбно настроенные люди. «Майами дейли ньюс» хмыкнула. Гости приветствовали Капоне как «нового бизнесмена сообщества» и подарили ему перьевую ручку.

«По-моему, – писал Майк Гленн Карлу Фишеру, – Капоне просто пытается защититься, показав, что достойные жители Майами не считают его вредителем».

10 июня 1930 года судья Барнс возобновил слушание дела о

«висячем замке». Капоне блистал, каждый день появляясь в суде в изысканных костюмах синего, коричневого и серого цветов, демонстрируя бриллиантовые булавки на галстуках. Свидетели говорили, что спиртное в доме Капоне лилось рекой. Кое-кто давал показания с явным удовольствием, другие превозмогали крайнее нежелание.

Истец по делу, окружной прокурор Хоторн, представил свидетеля, сказав, что не поверит его словам даже под присягой. Другого свидетеля обвинил, что он явился на слушания в нетрезвом состоянии (начал речь со слов: «В общем, это самое, Вернон, слушайте…)

Родди Бердина спросили, предлагалось ли ему выпить в доме Капоне: «Я присутствовал в качестве гостя мистера Капоне и не буду говорить, конечно, если меня не заставят. Думаю, это неэтично». Бердин все рассказал, когда Хоторн и судья потребовали ответов.

Бердин приехал к Капоне в десять часов утра в пятницу, на попойку с шампанским. В раковине, наполненной льдом, лежало два десятка бутылок. Бердину было приятно видеть такую заботу о гостях.

Капоне выдал Бердину чек на $1000 для Общественного фонда и попросил устроить вечеринку и пригласить его познакомиться с представителями местного высшего света в изысканной обстановке.

Бердин испугался, поскольку дальнейшие отношения могли зайти слишком далеко: «Я знал, что не смогу добавить мистера Капоне к кругу друзей. Меня бы подвергли жесткой критике». На просьбу уточнить сказанное Бердин пояснил: «Ну… Мистер Капоне относится к людям, которых мы называем гангстерами. Он просто-напросто не соответствует нашему обществу и людям, которых я называю друзьями. Меня будут критиковать за то, что я совместил цель прихода и участие в застолье. Но я не мог стать другом Капоне».

Другие свидетели говорили о пагубном влиянии Капоне, чувстве страха, которое он вызывал в обществе, скандалах, связанных с преступными занятиями. «Каждый раз, когда на дороге лопается шина, – сказал житель Палм-Айленда Эдвард Робинсон, – люди думают, не началась ли бандитская война». Президент торговой палаты Майами-Бич Томас Дж. Панкост назвал дом Капоне «гаванью для нежелательных людей». Правда, Томас горячо отрицал, что в подвале отеля Pancost был бар, но признался, что держал несколько игровых автоматов.

Судья Барнс не сомневался в показаниях. Капоне хранил в доме алкоголь и подавал своим гостям. Многим не понравилось

его пребывание на Палм-Айленде.

«Совершенно ясно, – выразил мнение судья, – некоторые считают единственно верным решением запретить Аль Капоне проживать в этом городе… однако я как судья должен следовать клятве и не могу сделать это, так как… единственный вред, который Аль Капоне принес городу, в том, что он просто-напросто находится в нем… Закон, как известно, не предписывает выселять человека просто потому, что он кому-то не нравится».

Затем судья указал на очевидную глупость обвинений: «Если жителям города неприятно присутствие того или иного человека, они не обязаны вступать с ним в какие бы то ни было общественные или деловые отношения, которые побудили бы этого человека остаться в городе. Но, видимо, для некоторых людей запах денег чересчур заманчив, даже если деньги добыты превратным путем».

Через два часа после оглашения вердикта судьи Барнса окружной прокурор Джордж Э. МакКаскилл подал против Капоне четыре обвинения в лжесвидетельстве по делу о незаконном заключении под стражу. Со слов истца, Капоне четырежды солгал, заявив: что был лишен возможности связаться с адвокатом, что МакКрири угрожал выбросить его вещи «в сортир», что ему отказали в воде и пище и, наконец, высказывались угрозы ареста семьи.

Возможно, Капоне могли бы зацепить на этом иске, но МакКаскилл с самого начала слишком переусердствовал, не учитывая собственную политическую нестабильность. Фред Пайн, несмотря на увольнение с должности в 1923 году, снова был переизбран в 1929 году, сменив Роберта Тейлора на должности окружного прокурора. Однако губернатор Карлтон не утвердил Пайна и назначил вместо него МакКаскилла. В сложившейся ситуации претенденты на должность оказались в последнем туре после праймериз 3 июня. МакКаскилл предположил, что приговор Капоне поможет одержать победу на выборах 24 июня, поэтому поспешно выдвинул обвинения, пока мировой судья Ньюкомб колебался над принятием окончательного решения. МакКаскиллу следовало улучшить обвинительную базу по факту лжесвидетельства. Теперь дело вновь могли открыть для дальнейших слушаний.

– Мистер Капоне, – спросил Гиблин, – вы помните предыдущие показания?

– Да, помню.

– Вы просили разрешения позвонить, когда находились в полицейском участке?

– Хочу уточнить это заявление, с разрешения суда. Я

переживал из-за ценных вещей и не помню, просил или нет. Я спрашивал у офицера в полицейской машине по дороге в участок, могу ли воспользоваться телефоном….

– Был ли подобный вопрос задан в полицейском участке?

– Боюсь, нет.

– Остальные ваши показания записаны верно?

– Не могу в этом поклясться…

Трудно предъявить обвинения в лжесвидетельстве человеку, который не признает правоту собственных утверждений, даже сделанных давно.

Отказ Капоне от показаний сработал, однако МакКаскилл продолжал упорствовать. Дело выглядело безнадежным, и Капоне попросил об отсрочке, поскольку у него появились срочные дела в Чикаго. Слушания перенесли на июль, причем каждое из четырех обвинений должно было рассматриваться отдельно.

9 июня 1930 года в полдень в Чикаго Луп убили Альфреда Дж. Лингла. Репортер газеты Tribune, Джейк Лингл, был приятелем Капоне и носил именную бриллиантовую пряжку «AJL». Обстановка накалилась до предела. Официальный работодатель газетчика, полковник МакКормик, заявил, что не даст покоя криминальному бизнесу, пока убийца сотрудника не будет найден.

Суд Майами отказался отсрочить судебный процесс о лжесвидетельстве. К тому времени, когда «телефонное» обвинение дошло до суда, обвинение о «ценностях в сортире» было снято. Судья Е. К. Коллинз вынес оправдательный приговор. От остальных обвинений МакКаскилл отказался.

Капоне перестал проявлять безудержную щедрость. Как заметил один из частых гостей, он «более осторожно» приглашал на Палм-Айленд посторонних лиц. Ходили слухи, что Капоне положил глаз на участок, расположенный немного дальше на севере (его до сих пор называют «Остров Капоне»). Он никуда не переехал, однако сплетни вызвали тревогу у владельцев местных магазинов. Начиналась Депрессия.

Глава 25
Враги общества

В апреле 1930 года Комиссия по предупреждению преступности Чикаго опубликовала список из двадцати восьми гангстеров Чикаго, которых следовало срочно посадить за решетку. Фрэнк Леш дал им броский титул – Враги общества.

Список возглавил только что вышедший из тюрьмы Капоне. Далее следовали Ральф, Джек Гузик, Джек МакГурн, Фрэнк МакЭрлайн, Дэнни Стэнтон, Джек Зута, Джордж Моран и Джо Айелло. Некоторые имена из списка озадачили посвященных. К врагам отнесли Драггэна, Лейка, Джо Салтиса и Спайка О'Доннелла, в список вошли Уильям Нимоф, Джозеф Хенаро и Лео Монговен (телохранитель Морана). Все они были ничтожествами по сравнению с тяжеловесами Фрэнком Нитти или Клодом Мэддоксом, не попавшими в число врагов.

Некоторых гангстеров не внесли в список, потому что составители просто не знали их.

После составления списка возник вопрос, был ли Джейк Лингл просто неординарным новостным репортером.

Он родился 26 июля 1891 года и учился в гимназии Калхуна. В двадцать лет работал в компании Schoeling, занимающейся поставкой хирургических инструментов.

В 1912 году начал работать копировальщиком в газете Tribune и пытался пробовать себя в качестве журналиста. За всю жизнь Лингл так и не научился писать новостные статьи. Он собирал сырые факты и скармливал их другим журналистам. В июне 1930 года, в тридцать восемь лет, он был криминальным журналистом, работающим за $65 в неделю. Ни одна статья не была подписана его именем.

Лингл редко заглядывал в окружное полицейское управление, предпочитая бродить по городу и черпать истории из рассказов огромного числа закадычных друзей. Среди близких приятелей журналиста были губернатор штата Иллинойс, генеральный прокурор и его первый помощник. На протяжении многих лет Лингл был на короткой ноге с начальником полиции города Чикаго Биллом Расселом, говорившим, что любит его больше, чем собственного сына.

9 июня 1930 года городская Торговая палата планировала банкет по случаю открытия нового здания. В числе приглашенных на торжественное мероприятие был Джейк Лингл.

Он проводил много времени на бегах, иногда делая ставки до

$1000 за заезд, часто ездил на лимузине с водителем за свой счет и в течение нескольких месяцев снимал номер 2706 в отеле Stevens. Жена и двое детей жили в своем доме в долине Вест-Сайда, в районе, где Лингл и Хелен Салливан выросли. Они поженились, когда Джейку исполнилось тридцать.

Лингл жил в гостинице не из-за проблем в семье. Недавно он приобрел летний дом на берегу озера в Лонг-Бич, штат Индиана. Дом стоил $16 000, Лингл сразу выплатил $10 000 наличными. Джейк с Хелен планировали отправиться на Кубу в компании Джона Стиджа и его жены.

При этом Джейк Лингл оставался репортером с жалованьем $65 в неделю. После его смерти Tribune писала, что Лингл работал в газете «не потому, что ему платили за заслуженные усилия и способности, а потому, что любил свою работу». Он рассказывал о наследстве, полученном от отца ($50 000) и дяди. Коллеги полагали, что активы Лингла выросли до $100 000 благодаря разумным советам биржевого маклера Артура Каттена, однако крах 1929 года ничуть не повлиял на стиль жизни простого репортера.

В числе закадычных друзей Лингла была вся преступная верхушка, газеты называли его «одним из самых умных криминальных журналистов нашего времени». Капоне дал ему интервью в Филадельфии. Хотя тогда Лингл и потерпел неудачу, ситуация показала, насколько авторитетную позицию репортер занимал в гангстерской среде. Лингл отправился освещать освобождение Капоне из филадельфийского заточения и оставался у ворот с остальными. Примерно через день Лингл в ярости набросился на Ральфа Капоне:

– Где Аль? Я его обыскался.

– Я не знаю, где, Джейк, – солгал Ральф, прекрасно зная, что брат пьянствует в гостинице Western. – Я не слышал ни слова, после того как Аль вышел.

– Ральф, это просто отвратительно. Я должен быть в курсе. Я газету подвожу. Позвони мне сразу же, как только что-нибудь узнаешь. Передай Алю, нам срочно нужно встретиться.

Ральф смиренно согласился. Через час Лингл снова позвонил Ральфу и, когда тот снова продолжил разыгрывать незнание, отрезал:

– Послушайте, ребята! Не обманывайте меня! Не советую!

– Джейк, я действительно ничего не слышал об Але.

– Ладно, ладно… Не забудь, я хочу с ним поговорить…

Как простой репортер мог разговаривать с грубым сумасшедшим сукиным сыном Ральфом подобным высокомерно-покровительственным тоном?

Лингл создавал впечатление влиятельного человека. Пять лет назад агенты по борьбе с алкоголем задержали его и еще двух журналистов газеты Tribune. Дело, порученное Биллу МакСвиггину, просто исчезло. Это произошло до того, как Билл Рассел стал начальником полиции. Ходили слухи, что Лингл устанавливает цены на пиво в Чикаго и ни одно крупное игорное заведение не открывается без его одобрения.

Джейк Лингл нажил немало врагов. Фотограф Тони Берарди вспоминал: «Сначала Джейк делал несколько осторожных шагов, украдкой бросал взгляд через плечо, делал еще пару шагов и снова оглядывался. Зачем он это делал? Лингл боялся смерти».

Аль Капоне покидает Гаррисберг, штат Пенсильвания, вместе с федеральным офицером Льюисбурга, где он был освобожден после того, как провел семь лет в тюрьмах в Атланте и Сан-Франциско. 16 ноября 1939 года.

У Лингла были веские причины опасаться. Джон Дж. МакЛафлин – сенатор штата, более известный как Босс МакЛафлин, решил открыть казино. Он отправился за разрешением к прокурору штата, вместе с которым служил в легислатуре[175]. Свенсон не смог отказать старому коллеге. В конце мая 1930 года МакЛафлин связался с Линглом, который порекомендовал переговорить с Расселом.

МакЛафлин самостоятельно открыл игорное заведение на Вест-Мэдисон, 606. Практически сразу в казино нагрянула облава, направленная начальником полиции. МакЛафлин позвонил Линглу в Tribune:

– Свенсон сказал, все будет в порядке. Почему Рассел вставляет палки в колеса!

– Не верится, что Свенсон это сказал, – не без издевки ответил Лингл, – но если это так, пусть напишет Расселу, что у вас все в порядке.

– Думаешь, Свенсон сумасшедший?

– Ну… Рассел – человек честный. Он не позволит нарушать закон…

– Я тебя достану! Недолго осталось! – МакЛафлин с проклятиями бросил трубку.

Примерно в то же время прокуратура штата провела обыск в спортивном клубе Biltmore. В ходе проверки разгромили игорное заведение, работавшее под прикрытием клуба. Лингл в отчаянии обратился к Пэту Роше, который был главным следователем Свенсона:

– Ты подставил меня! Я сказал им, что можно открываться, не зная, что намечается облава!

Ходили слухи, что Лингл повздорил с Капоне.

Трасса для собачьих бегов Капоне процветала в условиях федерального запрета полицейских облав. После того как верховный суд штата объявил собачьи бега нелегальными, сняв таким образом запрет и закрыв трассу, газеты начали писать, что Капоне якобы сказал Линглу: «Как я понимаю, этот бизнес прикрыли. Равно как и вас».

Джейк Лингл не дожил до банкета Торговой палаты, состоявшегося вечером 9 июня.

Незадолго до полудня яркого, солнечного понедельника Лингл вышел из гостиницы Stevens на улице Мичиган. Температура воздуха достигла отметки +20 °C. Среднего роста, несколько полноватый, с наметившимся вторым подбородком, Лингл, в синем костюме в приглушенную серую полоску, темно-синем шелковом галстуке, черно-белых спортивных туфлях и соломенном канотье, выглядел заправским щеголем.

Он зашел в банк, внес $1200 на счет, зарегистрированный на газету Tribune, затем пообедал в отеле Sherman. Лингл планировал провести день на скачках, в Вашингтон-Парке в пригороде Хоумвуд, и торопился на поезд, отходящий в 1.30 со станции Иллинойс-Сентрал.

Лингл двинулся по Рэндольф-стрит на восток. На перекрестке с Мичиган-авеню Лингл остановился у газетного ларька купить

расписание скачек. До станции оставалось восемьдесят пять футов. Когда Лингл направился к лестнице, его окликнул человек из стоящей неподалеку машины:

– Джейк! Поставь на Хай Шнедера в третьем заезде!

Лингл засмеялся и помахал рукой в ответ: именно так он и собирался сделать, у Хая Шнедера были отличные шансы выиграть гонку для трехлеток. Лингл спустился в тоннель с сигарой, с которой не расставался, несмотря на язву. Лингл держал в руках программу скачек и, не оглядываясь, шагал к станции.

Позже свидетели описывали молодого человека спортивного телосложения около шести футов ростом, напоминающего студента-старшекурсника, в сером костюме, соломенном канотье, блондина или шатена. Он догнал Лингла, приложил револьвер калибра 38 к затылку и спустил курок.

Лингл упал, с сигарой в зубах и открытым журналом в руках. Журналист умер, не успев удариться о тротуар, так и не поняв, что находился в опасности. Окровавленное канотье лежало в нескольких дюймах.

Бросив револьвер, убийца побежал через тоннель к лестнице на восточной стороне Мичиган-авеню. Он промчался вверх по лестнице, по которой спускался Лингл, пересек Мичиган-авеню и побежал на запад по Рэндолф-стрит, где регулировщик-полицейский, услышав крики «Держи его!», кинулся в погоню. Коп почти догнал бегущего мужчину и хорошо разглядел его, но споткнулся, а убийца, свернув в переулок и выскочив на соседнюю улицу, затерялся в толпе.

Возможно, убийца был не один. Очевидцы говорили о втором человеке – брюнете невысокого роста в синем костюме. Один свидетель считал, что все трое некоторое время шли вместе (светловолосый мужчина чуть отставал).

После выстрела темноволосый мужчина продолжал идти на восток и, выйдя на Мичиган-авеню, исчез. На месте преступления нашли шелковую перчатку, что объясняло отсутствие пригодных для идентификации отпечатков; серийный номер оружия был предусмотрительно спилен. В кармане Джека Лингла было $1469 – сумма весьма приличная для простого репортера с недельным жалованьем $65. Джон Беттигер, репортер Tribune, первым прибывший к месту преступления, отнес деньги в газету.

Газета Tribune взяла на себя решающую роль в расследовании.

Хотя владелец газеты, полковник МакКормик, не встречался с Линглом, он увидел в преступлении открытое нападение на Tribune и поклялся, что убийца будет пойман и наказан.

Полковник не полагался на полицию и прокуратуру штата: на протяжении действия сухого закона было раскрыто только одно дело, связанное с гангстерским убийством. Сэм Уинчи застрелил убийцу брата прямо на коронерском дознании. Тем не менее его не приговорили к смертной казни. МакКормик потребовал назначения специального обвинителя. Следствие по делу возглавил Пэт Рош. К нему присоединился Чарльз Ф. Ратбун, служащий юридической фирмы, сотрудничающей с газетой Tribune.

Газеты Tribune и Herald and Examiner Херста назначили по $25 000 за поимку преступника. Еще $5000 пообещала газета Post. В итоге общая сумма вознаграждения составила $55 825 долларов, причем МакКормик брал на себя все непредвиденные расходы.

Как позже отметил прокурор штата, вскоре Tribune обнаружила, что денежные операции Лингла крайне запутанны. При изучении документов о наследстве оказалось, что отец оставил ему не $50 000, а $500; дядя завещал $1150. До 20 сентября 1929 года на счетах Лингла было $85 986 и 66 центов, но из-за Биржевого краха он потерял по меньшей мере $39 500 и остался должен брокерам около $25 000. Одним из двух счетов он владел совместно с Биллом Расселом, который был вынужден подать в отставку с должности начальника полиции в связи с упомянутыми откровениями, уступив место Джону Олкоку.

После Биржевого краха Лингл перевел еще $28 000 в новые счета на фондовом рынке, несмотря на то, что ситуация стабильно ухудшалась.

За два с половиной года – с начала 1928 года и до смерти – он депонировал на банковский счет $63 900. Судя по чекам, большую часть денег он спустил на скачках. Панегирики Джейку-Мученику от прессы и «одному из умнейших полицейских репортеров своего времени» резко заглохли.

«Личность Альфреда Лингла приобретает новые черты, – говорилось в статье, написанной МакКормиком, – о которых доселе не знало руководство газеты Tribune… Он не являлся выдающимся репортером. У Лингла не было необходимых для этого способностей… Альфред Лингл использовал позицию в газете Tribune, чтобы извлечь выгоду из криминальных операций, а не потому, что добросовестно исполнял свои обязанности… Дальнейшие события докажут, что нашей газете нечего освещать в этой связи».

Непосредственный начальник Лингла, редактор дневных городских новостей, объясняя, как руководство газеты на протяжении многих лет не замечало, что творится под носом,

провел параллель со старой поговоркой про сапожника без сапог.

Убийство Лингла не имело подоплеки «угрозы для прессы» и не было попыткой наказать Tribune за разоблачение фактов о криминальном мире Чикаго. Кто тогда убил Лингла и по какой причине?

Кельвин Годард сумел продвинуться в расследовании. Он восстановил серийный номер орудия убийства, а компания Colt определила, что револьвер в числе общей партии из шести штук был поставлен в июне 1928 года Петру фон Франциусу.

«Слушайте внимательно, фон Франциус, – заявил коронер Бундесен, допрашивая продавца оружия (в прошлый раз он легко отделался, но убийство Лингла произвело более сильный эффект, чем бойня). – Если не будете сотрудничать с нами, надолго попадете за решетку».

Фон Франциус пытался молчать, но, когда следователи установили факты продажи оружия без соответствующих регистрационных записей и принялись «потрошить» предпринимателя, признался, что гангстер из банды North Side Фрэнк Фостер купил шесть пистолетов оптом. Фостером (он же Фрост, он же Цитро) звали Фердинанда Бруна. Фостера сопровождал Тед Ньюберри. Обоих покупателей объявили в розыск. Фостер после убийства сбежал из Чикаго, сказав друзьям: «Этот город становится для меня слишком горячим».

1 июля 1930 года Фрэнка Фостера арестовали в Лос-Анджелесе, но следователь Ратбун столкнулся с дилеммой. Хотя офицер Рути идентифицировал Фостера по фотографии как человека, за которым погнался на Мичиган-авеню, Ратбун и другие полицейские отрицали, что стрелял Фостер. В противном случае дело против шестифутового блондина перестало бы существовать, а именно он был главным подозреваемым в убийстве. Фостер подходил по описанию на второго мужчину, ростом пять футов восемь дюймов, худощавого, смуглого брюнета. Учитывая свидетельские показания, обвинить Фостера было трудно, но Ратбун должен был предоставить полковнику МакКормику хоть что-нибудь. Поэтому о втором мужчине просто-напросто забыли.

Самым популярным мотивом убийства было вымогательство Линглом денег у руководства банды North Side, в частности у Джека Зуты. Клуб Sheridan Wave, с шикарным игровым залом на Уэйвлэнд-авеню, 621 был закрыт после бойни в День святого Валентина. На вечер 9 июня 1930 года было намечено торжественное возобновление работы клуба. Были разосланы именные приглашения.

По одной из версий, Джейк Лингл потребовал 50 % отката за

повторное открытие, по другой – $15 000 единым платежом.

Когда последовал отказ, Лингл сказал менеджерам клуба: «Если вы откроете заведение, снаружи будет стоять столько патрульных автомобилей, сколько вы никогда в жизни не видели».

Менеджеры обратились к Зуте, и, по слухам, тот взялся «устранить препятствие».

Более правдоподобно звучала история, что Лингл получил $50 000 от Зуты для разрешения собачьих гонок в обход решения Верховного суда штата. У Лингла ничего не получилось, но он отказался вернуть деньги. Зута должен был отомстить, чтобы не терпеть позор.

Фрэнк Фостер был человеком Зуты.

В ночь на 1 июля 1930 года, после ареста Фостера в Лос-Анджелесе, в Чикаго начали подогревать слухи об ответственности Зуты за убийство Лингла. Накануне полиция задержала Зуту для допроса вместе с подручным, Альбертом Братцем. Зута поклялся, что ничего не знает, а в 10.25 появились адвокаты, требующие немедленного освобождения под залог. Зута и Братц вышли на свободу вместе с задержанными ранее Солли Вижной и его подружкой Леоной Бернштейн.

Зута волновался. Лейтенант Джордж Баркер, возглавлявший группу, которая арестовывала Зуту, уже собирался уходить со службы, когда его остановил «освобожденный»:

– Лейтенант, – умолял Зута, – я не хочу выходить отсюда, за мной охотятся. Я не доберусь до дома живым. Вы забрали меня из безопасного места, а теперь верните обратно.

– Что случилось? – Баркер презрительно усмехнулся, глядя на перепуганного крутого парня. – Вам страшно?

– Я не всем нравлюсь.

Под давлением МакКормика полиция не давала никому покоя, а Пэт Роше не переставая теребил бандитов, давая понять, что ситуация не устаканится, пока не найдут убийцу.

Обозленные гангстеры во всем винили Зуту.

Баркер согласился подбросить Зуту с товарищами до Чикаго Луп, где они могли воспользоваться другим транспортом.

Pontiac Баркера пересек Джексон-авеню, когда Зута рухнул на заднее сиденье между Братцем и Бернштейн с криком: «За нами следят!» В этот момент темно-синий Chrysler подрезал машину Баркера, и один из пассажиров в коричневом костюме и шляпе-панаме, встав на подножку задней двери, выхватил из наплечной кобуры автоматический пистолет. Нападающий всадил семь пуль в машину детектива. Баркер ударил по тормозам и выпрыгнул из машины, достав служебный револьвер. В тридцать три года

младший лейтенант Баркер был в отличной физической форме. Ветеран морской пехоты в Первой мировой войне, дважды раненный, он был одним из восьми выживших в тяжелых боях под Шато-Тьерри, Суассонм и Сент-Миелем[176]. Баркер стоял посреди улицы и вел огонь по остановившейся машине нападающих.

Воспользовавшись ситуацией, Зута и его спутники выскользнули из Pontiac, перебежали улицу и скрылись в толпе. Оказавшийся рядом патрульный в форме Уильям Смит бросился к месту событий и взял на мушку Баркера (он был в штатском и на личном автомобиле). Пока Баркер показывал Смиту значок, Chrysler исчез. Смит запрыгнул в Pontiac Баркера, который уже сидел за рулем, и полицейские бросились в погоню.

Преследуемый автомобиль изрыгнул плотное выхлопное облако: машина нападавших была оснащена системой создания дымовой завесы. Выжав акселератор до предела, Баркер прорвался через облако и заметил, как Chrysler на полной скорости уходит на восток в сторону Мэдисон. Ему удалось значительно сократить дистанцию, но двигатель Pontiac заглох: пуля, выпущенная из Chrysler, перебила бензопровод.

Убийцы ускорились, выпустив в сторону Баркера около двадцати пуль. Магазин детектива был пуст, ни одна из сторон не пострадала, но машина Баркера заблокировала трамвайные пути. Вагоновожатый Элберт Лусадер, тридцати восьми лет, отец троих детей, получил пулю в шею, стоя в кабине вагона. Он потерял сознание и через час умер в больнице. На другой стороне улицы шестидесятилетний охранник Олаф Свенсте был ранен в руку.

На следующий день Братц, явившийся в суд по обвинению в хулиганстве, заявил, что Зута опасается за жизнь и намерен скрываться. Начальник полиции Алькок временно отстранил лейтенанта Баркера от исполнения обязанностей за самовольное предоставление Зуте и компании защиты вне службы.

Капоне во Флориде готовился к защите от обвинения в лжесвидетельстве. Никто не думал, что он приказал убить Лингла. Фостер и Ньюберри несколько месяцев назад перешли к Капоне (Ньюберри опознали как боевика из Chrysler), но убийство Лингла и покушение на Зуту не были похожи на операции, характерные для Капоне: слишком громкие, рискованные и непродуманные.

Организация Капоне несла большие потери из-за полицейских облав. Капоне был весьма раскован в выражениях и часто вызывал на себя огонь.

Джон Т. Роджерс из Сент-Луисской Post Dispatch первым опубликовал откровения Капоне о Лингле. Встречу с Капоне, сразу после убийства репортера, организовал агент Министерства

финансов Фрэнк Уилсон.

Фрэнки Поуп, один из менеджеров казино, рассказал Уилсону о криминальных связях Лингла. После покушения на Зуту Гарри Т. Брундидж из конкурирующей Star начал искать другие связи прессы с преступниками.

Серия публикаций Брундиджа (перепечатанная Tribune) убедительно доказывала наличие этих связей. Убитый в феврале Джулиус Розенхайм был платным информатором Леланда Риза, криминального репортера из Chicago Daily News. Розенхайм использовал связь с Ризом, чтобы давить на гангстеров, самому Ризу неоднократно угрожали. Затем последовал репортаж о совместном путешествии в Гавану Капоне и редактора газеты American Гарри Рида. Тед Тод, криминальный корреспондент из Herald and Examiner, в качестве сотрудника по связям с общественностью прикрывал трассы для собачьих бегов Морана. Мэтт Фоули, помощник тиражного менеджера той же газеты, организовал фальшивую лотерею на дерби в Кентукки, после чего пустился в бега. Если Лингла называли неофициальным начальником полиции, то Билла Стюарта из American можно было смело назвать неофициальным мэром за тесные связи с Томпсоном. Джеймс Мерфи из Daily Times был совладельцем подпольного бара. Про одного репортера говорили, что он получает пять центов с каждого мешка цемента, проданного в городе; у другого был специальный прейскурант за упоминание в прессе адвокатов по разводам. Один из журналистов, объясняя Брундиджу, почему человеку, пытавшемуся что-то потребовать от его газеты, переломали руки и ноги, сказал: «Только законченный идиот не станет пользоваться возможностями, которые открывает журналистика в Чикаго».

Без предварительных договоренностей и приглашения Брундидж отправился в Майами, чтобы встретиться с Капоне. Примерно в десять часов вечера 11 июля (за день до того, как Капоне разнес в пух и прах обвинения в лжесвидетельстве) он представился королю гангстеров.

«Вот так сюрприз, – сказал Капоне. – Заходите».

Репортер нашел Капоне «умным, светлым и чутким человеком» с «добрым лицом и большими яркими глазами». «Все его поведение» напоминало «взрослого ребенка».

Образ Капоне был «исключительно приятным», «не нужно было обладать сколько-нибудь выдающимися интеллектуальными способностями, чтобы понять, почему он добился такого успеха».

Брундидж восторженно писал, что любой человек, ничего не знающий о прошлом Капоне, увидел бы в нем «открытого, любезного человека, безобидного, как большой сенбернар».

Интервью с Капоне, включавшее горделивую экскурсию по приусадебному участку, заняло четыре часа.

– Вы устроили сущий ад в Чикаго, – сказал большой игривый парень, усаживаясь на солнечной веранде. – Что вас сюда привело?

– Лингл, конечно.

– При чем тут я? Полиция Чикаго знает, кто убийца. Джейк был моим другом, и любые слухи о наших разногласиях лживы.

– А как насчет алмазной пряжки на его ремне?

– Это мой подарок. Скажу одно – он был без ума от лошадей.

– Сколько еще таких «Линглов» среди журналистов Чикаго?

– Все совсем не так. Газеты и газетчики должны быть заняты подавлением рэкета, а не его поддержкой.

– Скольким журналистам вы регулярно платили?

Капоне остановился и пожал плечами.

– Многим.

Капоне положил левую руку на плечо Брундиджа, выражая таким образом заботу и участие:

– Гарри, вы мне нравитесь. Позвольте дать совет. Бросьте тему о голодных чикагских журналистах. Вы встали на неверный путь. Вы не сможете ничего исправить даже при помощи газеты, поскольку там крутятся слишком большие дела. Оставьте это.

– О чем вы?

– Из вас сделают козла отпущения. Независимо от того, какую конфетку вы попытаетесь подсунуть Большому жюри, грамотные ребята докажут, что вы лжец и бумагомаратель. Вас умоют и причешут.

– Я процитирую ваши слова!

– Я буду все отрицать.

Прогнозы Капоне оказались верными. После выхода серии статей Брундиджа Капоне все отрицал, утверждая, что разговор продолжался около десяти минут. Когда коллегия присяжных вызвала на слушание репортера из Сент-Луиса, чикагские источники заявили, что изложенный в статьях материал притянут за уши. Гарри Рейтлингер, помощник Гарри Рида, в газете American поклялся, что Брундидж наслушался историй про продажность чикагских журналистов. «Я шутил, рассказывая дикие истории, которые ни один разумный человек не принял бы всерьез», – добавил Капоне напоследок. Как он и предсказывал, коллегия сочла доказательства Брундиджа «слухами, не имеющими никаких оснований».

Расследование по делу Лингла затянулось. Ратбун исследовал обстоятельства, а Рош проводил облавы и допросы подозреваемых.

Разобравшись с процессами по лжесвидетельству, Капоне вернулся в Чикаго взять ситуацию под контроль. Представившись состоятельным предпринимателем, он обратился к Ратбуну и Рошу.

Опасаясь, что их скомпрометируют, следователи отправили на первую встречу специального представителя, вошедшего в историю как «Оперативник номер один». Он встретился с Капоне в съемном особняке.

– Я буду краток, – сказал Капоне. – Мне надоели набеги, захваты и тому подобное. Если так будет продолжаться, я перестану контролировать ситуацию в Чикаго. Разбирайтесь сами.

– Насколько я могу судить, дом остался без хозяина. Чикаго буквально полыхает после убийства Джейка Лингла, – заметил оперативник.

– Я не убивал Лингла.

– Мы не знаем, кто его убил.

– Почему не поговорили со мной? Возможно, я найду убийцу.

– Возможно, у вас получится…

– Мне неизвестно, как выглядит парень, который убил Джейка. Мне нравился Лингл, и не было причин его убивать.

Оперативник номер один дал Капоне официальное описание убийцы. В свою очередь, Капоне рассказал версию, касательно «собачьего следа». По информации Капоне, Линглу заплатили $30 000 (а не $50 000) за легализацию гонок, которые он не передал по назначению.

– Когда ребята поняли, что ничего не получается, свалили все на Джейка, – заключил Капоне. – Думаю, поэтому его убрали. Понятия не имею, кто сделал эту работу. Полагаю, кто-то из города, и постараюсь выяснить.

– Попробуйте, но не думаю, что вам удастся договориться с Пэтом Рошем.

Капоне считал иначе. Когда убийцу поймают и привлекут к ответственности, МакКормик прекратит финансирование облав, Ратбун вернется в юридическую фирму, Рош – в прокуратуру штата, а Чикаго прекратит лихорадить. Таким образом, перед Капоне стояла единственная задача – найти и представить полиции загадочного шестифутового блондина.

Существовала единственная заминка. Офицер Тони Рути на судебном слушании об освобождении Фостера под залог, к удивлению и ужасу как защиты, так и обвинения, однозначно опознал в нем человека, которого преследовал на Мичиган-авеню и настаивал, что у парня были темные волосы.

Через некоторое время представитель Капоне позвонил оперативнику номер один:

– Аль хочет знать, допускаете вы, что убийца Лингла мертв?

К сожалению, против трупа нельзя вести процесс. Поиски продолжались.

Как писал репортер Tribune Джон Боттиджер, Ратбун и Рош решили «натравить гангстеров друг на друга». К расследованию привлекли Джона Хагена, бывшего детектива агентства Пинкертона, отсидевшего в тюрьме. Некоторые считали, что Джон Хаген был непосредственным ставленником Капоне, действующим по его инструкциям. Через Пэта Хогана, гангстера из Сент-Луиса, он быстро вышел на беглого убийцу-рэкетира, Бастера Лу Бадера (настоящее имя Лео Бразерс). Лео был высоким блондином и, самое главное, 9 июня 1930 года находился в Чикаго.

Задержаннный в декабре Бразерс предстал перед судом присяжных 16 марта 1931 года. Мнения свидетелей разделились, одни утверждали, что убегающий с места преступления был блондином, другие сомневались. Как ни странно, самым деструктивным свидетелем оказался офицер Рути. Защита пригласила Рути подтвердить, что человеком, за которым он гнался, был Фостер.

Задолго до убийства Лингла Рути получил черепно-мозговую травму, но оставался на службе, несмотря на периодические галлюцинации. Будучи адекватным на слушании об освобождении под залог Фостера, на суде Бразерса Рути находился на грани сумасшествия. На вопрос о состоянии здоровья Рути ответил: «У меня было много видений. Все они ниспосланы Господом. Я видел Эйба Линкольна[177], хотя не мог встречаться с ним в жизни…ужасно думать, что миром когда-нибудь будет управлять желтая раса…» Всплыл факт опознания Фостера сумасшедшим полицейским. Тем не менее в своем романе «Свиной город» Говард Браун[178] цитировал Роша: «Наконец добрались и до него… Рути очень хорошо заплатили, или он сильно боялся Бога».

Браун заметил, что у Бразерса были дорогие адвокаты, хотя на момент задержания он производил впечатление бедного человека.

После двадцати семи часов разбирательства был вынесен вердикт о виновности Бразерса. Его приговорили к четырнадцати годам лишения свободы. Минимальный срок был обеспечен усилиями единственного присяжного, высказавшегося в пользу невиновности Бразерса.

В своем романе Браун утверждал, что Капоне спланировал абсурдное разбирательство против Бразерса. Позже Капоне говорил, что обвинение Бразерса было «самой большой

подставой, с которой мне приходилось сталкиваться». После кропотливых исследований, включая опросы многих полицейских и журналистов, Браун считал, что Лингла убил Фостер, но не мог это доказать.

Через три недели после суда офицер Рути вернулся к исполнению служебных обязанностей, несмотря на видения. Позже его убили, при обстоятельствах, не связанных с делом Лингла. Бразерс освободился через восемь лет, в 1940 году, и он вернулся в Сент-Луис, где сумел доказать невиновность по делу об убийстве 1929 года. Он стал партнером в таксистской и кредитной компаниях и был застрелен неизвестным боевиком в 1950 году.

После возвращения из Флориды Капоне подготовил акцию, которая могла привести к окончательному примирению с Tribune (в дополнение к поимке убийцы Лингла). Он хотел разобраться с Джеком Зутой. Хотя к концу июля Зуте не предъявили никаких обвинений, все были уверены, что именно он заказал убийство Лингла.

Для полковника МакКормика убийство Зуты было бы приятным бонусом к осуждению Бразерса. В любом случае это был бы показательный пример наказания за создание проблем для всей чикагской мафии.

Шпионы Капоне определили, что Зута прячется в Висконсине. Он зарегистрировался в нескольких курортных отелях под именем Дж. Гудмана из Авроры, штат Иллинойс. Многие гости вспоминали невысокого, полного, неряшливого человека. В последнее время он со спутником пребывал в Хомстеде, а когда компаньон уехал, Зута перебрался в отель Lake View на озере Верхнем возле Делафилда[179], примерно в двадцати пяти милях к западу от Милуоки. В последнюю неделю июля компания мужчин сняла коттедж в трех милях от озера.

Вечером 1 августа 1930 года, в пятницу, Зута стоял в танцевальном зале отеля, периодически подкармливая никелями музыкальный автомат. В отель приехали шесть человек из коттеджа, трое встали на охрану выхода, а трое других вошли в танцевальный зал. Все были вооружены. Один подошел к бармену, другой принялся рассматривать танцующие пары, а главарь подошел к Зуте, только что опустившему очередной никель за композицию «May Be Good for You but It's So Bad for Me».

– Повернись…

Зута повернулся, и первая пуля попала ему точно в рот. Когда он упал, двое боевиков выпустили в Зуту еще шестнадцать пуль.

Было понятно, кто организовал это убийство, с учетом

характерного «делового стиля» и «машинной точности», как говорилось в одной статье. Годард определил, что пули, извлеченные из тела Зуты, были идентичны пулям, доставшимся Дэнни Стэнтону во время массовой бойни в клубе Adonis. В ночь убийства Капоне устроил вечеринку для близких друзей в отеле Western в Сисеро.

В машине Зуты полиция обнаружила еще один пистолет, из числа купленных Фостером у фон Франциуса. По указанию Пэта Роша были вскрыты четыре депозитарные ячейки Зуты. Одна была пуста, а три остальные оказались забитыми компрометирующими материалами и записями, которые Зута бережно хранил с 1921 года. Около пятисот чеков, заметки, письма и другие записи компрометировали полицию, политиков, газетчиков и судей. Например, из записей следовало, что только в полицейский участок на Ист Чикаго-авеню еженедельно делались взносы $3500. Чего стоила записка начальника полиции района Эванстон, адресованная Зуте, с просьбой одолжить $4000 на пару месяцев, которая начиналась словами «Дорогой Джек!», а заканчивалась «Ваш старый приятель Билл Фриман».

Когда у Свенсона спросили, будут ли найденные записи представлены Большому жюри, он ответил: «Связи в настоящий момент уточняются».

Как публика отнесется к этому? Не увидит ли искусственно сфабрикованное дело? «Пусть относятся, как хотят», – ответил Свенсон.

«Мошенник есть мошенник, – сказал Капоне, возглавляющий список врагов общества. Парень, который притворяется, что соблюдает закон, но потихоньку от остальных крадет его авторитет – настоящая змея. Худшие люди такого рода – это крупные политики. Они не будут уделять вам внимание, потому что основное время тратят на то, чтобы замести следы. Мошенника можно поливать грязью, но сердце не дрогнет, он ненавидит тех, кому служит».

Глава 26
Начало конца

Летом 1930 года сухому закону исполнилось десять лет.

Обозреватель из Conning Tower Франклин П. Адамс в своей колонке выразил отношение граждан к злополучному закону:

Запрет провалился – ужасный урок!
Нам это нравится.
Он все равно нам ничем не помог:
Нам это нравится.
Пороки и гнусность принес с собой.
Нам это нравится.
Он нам ни копейки не стоит с тобой.
Нам это нравится!

Растущий экономический кризис сделал обход сухого закона серьезным источником дохода для обеих сторон – как для блюстителей закона, так и для его нарушителей.

Один итальянский эмигрант из огромной семьи (в 1930 году ему было двадцать лет) с любовью вспоминал времена, когда подработка на производстве нелегального алкоголя приносила неплохие деньги. Три ночи в неделю он переносил по пятьдесят стофунтовых мешков сахара на третий этаж дома, где союзники Капоне из банды North Side наладили перегонный бизнес. Поднимаясь по лестнице, он свистел, давая бутлегерам понять, кто идет. Раз в неделю работодатели оставляли на лестнице конверт с $25 или $30, иногда $70, в зависимости от произведенного товара. «Я очень боялся потерять работу, потому что кто-то должен был кормить семью, а отец получал 50 центов в час».

С другой стороны закона процветало взяточничество в самых различных формах. Это были и $5 чаевых, которые постовой Эдвин Ф. МакНиколс получал всякий раз, когда мимо проходил Капоне, и еженедельная выплата начальнику полицейского участка в $3500, как в случае с Зутой. Полицейские руководствовались интуицией в поисках дохода.

Однажды парень, переносивший мешки с сахаром, загружал пятигаллоновые цистерны, которые перевозили на переработку в Сисеро. Цистерны грузили в грузовик Dodge, с предварительно модифицированной подвеской. В тот вечер внимание полицейских привлек изрядно просевший кузов. Они получили

вознаграждение на месте.

Вспоминая те времена, Джозеф Рефке говорил, что в воздухе стоял острый запах браги: «Мы все искали, где подзаработать, с учетом, что почти обанкротившийся Чикаго выплачивал заработную плату налоговыми квитанциями».

Некоторые счастливчики получали практически регулярные дополнительные доходы. Когда полицейского Артура Т. Ристиджа перевели на службу в новый район, капитан взял его на прогулку. «Для начала мы зашли в казино, – вспоминал Ристидж. – Капитан позвал владельца и, указав на меня, сказал: позаботься об этом парне. Теперь он здесь работает и будет заходить раз в неделю. Затем мы пошли в следующее заведение, потом в следующее, и, прежде чем закончилась смена, в кармане появилось около тридцати баксов. «Так нужно?» – наивно спросил я начальника. «Ааа, брось, – отмахнулся капитан. – Просто делай что делаешь всегда в рамках службы и не мешай. Только что ты завел хороших друзей!»

Позже Ристиджа перевели в прокуратуру штата. Однажды он зашел в стейк-хаус Turner's, в подвале которого находилось игорное заведение. У барной стойки он заметил двух парней из банды Джорджа Морана, настолько пьяных, что револьверы калибра 38 были готовы вывалиться из карманов. Ристидж попросил Тернера вызвать Морана, который находился внизу, в казино, и отозвал его в сторону:

– Твои ребята?

– Да, – кивнул Моран в ответ.

– Скажи им, чтобы не держали пушки на виду всего зала. Я из офиса прокурора штата и твой друг, кому нужны лишние проблемы?

Одним щелчком пальцев Моран подозвал боевиков: «Вон. И пистолеты уберите». После с усмешкой повернулся к Ристиджу:

– Правильно, так нужно решать проблемы, а не пригонять сюда два десятка полицейских.

– Я тоже так думаю, – согласился Ристидж, – всем нужно зарабатывать на жизнь, Джордж.

Внутренние отношения между бандами часто носили менее уютный характер. В частности, убийство Лингла было одиннадцатым по счету за последние десять дней, но о большинстве из них почти не упоминалось в прессе.

Санта Болдуин до сих пор помнит шок, который испытала, увидев, как застрелили точильщика ножей и ножниц в Маленькой Сицилии. На беду, он установил в подвале перегонный аппарат, а братья Провенцано (мелкие местные союзники Капоне) выразили недовольство обычным способом.

Однажды человек, переносивший сахар, в своем районе наткнулся на умирающего мужчину. У него отсутствовала почти половина головы, но лицо осталось целым. «Кровь стекала в сточную канаву, – вспоминал переносчик сахара, – я никогда не забуду, как он задыхался от кровавого кашля».

Хаос царил и среди видных преступников. Фрэнк МакЭрлайн вел ужасный образ жизни. Он умудрился попасть под суд по пяти обвинениям одновременно: пьяный дебош, незаконное ношение оружия, беспорядочная стрельба из дробовика, подделка номерных знаков и нанесение телесных повреждений сестре (он укусил девушку за щеку).

28 января 1930 года МакЭрлайна привезли в German Deaconess Hospital. Его левая нога была раздроблена пулей из автомата, лежащего рядом на полу. МакЭрлайн утверждал, что это был несчастный случай. Возможно, стреляла жена МакЭрлайна во время очередной ссоры, но более вероятно, виновником ранения был Джон Оберта, с которым МакЭрлайн враждовал с тех пор, как Джон Салтис перебрался в Висконсин. В любом случае смерть МакЭрлайна была выгодна Оберте. В ночь на 24 февраля МакЭрлайн еще лежал на больничной койке. Дело шло на поправку, нога находилась на растяжке. В палату вломились вооруженные бандиты и начали стрелять, но нерастерявшийся МакЭрлайн выхватил из-под подушки автоматический пистолет (позже полиция предъявила обвинение в незаконном хранении оружия) и открыл ответный огонь. Хотя стрельба была неточной и пули лишь разбили дверной косяк, бандиты удрали. МакЭрлайна зацепили три раза, не нанеся серьезного вреда здоровью. Один из нападавших бросил автоматический пистолет калибра 45.

«Я сам разбрусь», – отвечал МакЭрлайн на все вопросы. Ногу вылечели, раны походили на царапины, поэтому МакЭрлайна выписали вскоре после нападения. Через девять дней, 5 марта, Джона Оберту нашли застреленным тремя автоматными выстрелами в собственном Lincoln. В кармане лежал заряженный револьвер калибра 45. В нескольких ярдах лежал труп водителя, Сэма Малаги. Следствие установило: пистолет, найденный в больничной палате, принадлежал Малаге.

Несмотря на неумолимое приближение катастрофы, летом 1930 года Капоне находился на вершине, его лидерство было неоспоримым. Он не пытался достигнуть соглашения с Мораном, поскольку банда North Side не представляла реальной угрозы.

Капоне прокладывал дорогу в другие области, понимая, что сухому закону осталось недолго жить. Очень важным было прекращение налогового преследования. Достигнув прочного

места в экономической и политической городской системе, Капоне стал слишком могущественным, чтобы понести суровое наказание. Бизнес являлся надежным козырем в игре.

Капоне уже давно занимался профсоюзами и решил увеличить темпы. Он выбрал определенные цели для максимизации как финансовой отдачи, так и собственного влияния. В частности, это относилось к транспортным компаниям, игравшим важную роль в большом бизнесе. К другой сфере профсоюзного рэкета относилось строительство, которое приобрело главенствующую роль с учетом намеченной на 1933 год Всемирной выставки в Чикаго. Кроме этого, Капоне манипулировал в вопросах, касающихся коммунального хозяйства, в частности – содержания городских улиц.

Капоне сосредоточил усилия на мэрии, поручив организацию муниципальных работников Дэнни Стэнтону – чиновнику, распределяющему городской бюджет в кабинете Томпсона. Кроме того, с Капоне сотрудничали Роланд В. Либонати в законодательном органе штата (а позже и в Конгрессе США)[180] и Уильям В. Пачелли, бывший представитель штата и олдермен двадцатого округа.

Наряду с активизацией деятельности в этом направлении Капоне продолжал расширять бутлегерский бизнес, постепенно перемещаясь на восток к Нью-Йорку, на юг к Талсе и Хот-Спрингс, а также на запад в Омаху. Низкое качество алкоголя компенсировалось большим объемом. Параллельно осуществлялись поставки из Детройта. Маршруты разработывал Капоне.

Например, отгрузка напитков от производителей G&W, Old Crow и бурбона от Indian Hill (вся продукция производилась на территории США) экспортировалась в Канаду и в Бимини на Багамы, затем контрабандой переправлялась во Флориду, а оттуда по фальшивым накладным прямиком на Иллинойс Сентрал[181]. Документально алкоголь был оформлен как пиломатериалы, однако федералы перехватили поставку благодаря бумагам, захваченным при облавах в клубе Cotton и баре Greyhound Ральфа.

Торговля пивом, вследствие объективной объемности, могла расширяться по двум основным направлениям.

Во-первых, хотя основные территории банд остались неприкосновенными, силовые структуры Капоне объявили себя независимыми и демонстративно вышли из организованного бизнеса. В некоторых случаях, как, например, с Мэттом Колбом из Норд-Веста, силовики Капоне просто заняли чужой район.

Во-вторых, Капоне начал горизонтальное расширение

торговли за счет увеличения ассортимента и услуг. Подпольным барам и борделям приходилось покупать в нагрузку соленые снэки, полотенца и постельное белье (которое сдавали в прачечные, находящиеся под контролем Капоне).

Кроме того, появились и совсем новые направления деятельности. Через Мюррея Хэмфриса и Фрэнка Маритота Капоне основал молочную компанию Meadow-moor Dairy. Он с изумленным узнал, что молоко имеет бóльшую торговую наценку, чем пиво или крепкий алкоголь, а спрос на него куда более стабилен. «Ей богу, – говорил Капоне, – мы всю жизнь занимались не теми делами».

Известность Капоне росла вместе с империей, его имя становилось национальным брендом. Одна из представительниц фонда Дочери Нила[182], собиравшихся в чикагском храме Медины, жаловалась: «Почему я так и не увидела Аль Капоне, хотя нахожусь в Чикаго? Я здесь уже целых три дня и думала, он будет входить в принимающий комитет…» Пять испанских актеров, режиссер и два французских сценариста остановились в Чикаго по пути в студию MGM. Продюсер нового ганстергского фильма хотел предложить Капоне миллион долларов за эпизодическую роль, но окружной прокурор Лос-Анджелеса Бурон Р. Фиттс пригрозил «повесить на этого продюсера всех собак», если такое случится.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Вячеслав Молотов назвал Капоне логической кульминацией капиталистической жадности. Капоне стал персонажем политических карикатур в журнале «Крокодил». Корреспондент французского еженедельника Voilà писал, что его соотечественники видели в Капоне Робин Гуда, сражающегося с «фарисейскими законами пуританской Америки». Британский ежедневник Evening Standard назвал французов «коллективным воплощением Аль Капоне в Европе». На страницах газеты вышел комикс, изображавший премьер-министра Пьера Лаваля и министра иностранных дел Аристида Бриана, развалившихся в креслах и положивших ноги на стол; Бриан лаял в телефон: «Что?! На нашу территорию кто-то лезет? Гоните их».

Корнел Каповичи из города Орадя, Румыния, повесил на крыльцо дома фотографию Капоне. Корнел считал Капоне сыном, которого очень давно не видел. Зарубежный корреспондент Джон Гантер сообщал, что венские газеты считают Капоне настоящим мэром Чикаго.

Капоне был очень популярен на родине. Однажды перед футбольным матчем Северо-западной зоны отряды бойскаутов окружили стадион Dyche и устроили входящему Капоне

настоящую овацию. Растроганный Капоне купил всем билеты. Такое поклонение превращалось в нежелательную общественную привычку. На одной из университетских футбольных игр в Сисеро после выкрика «Здесь Аль!» раздалось троекратное «Ура!» (правда, Аль купил билеты только себе и шестерым телохранителям). На другой игре, проходящей в изысканном и аристократичном Элджине[183], приглашенный комментатор Уильям А. Ран призвал детей подражать стремлению Капоне к успеху и карьере (при этом Ран входил в состав федеральной коллегии присяжных, обвинившей Ральфа в налоговом мошенничестве).

Обожающий популярность Капоне ненавидел прозвище «Лицо со шрамом». В разговоре с издателем Меррилом К. Мейгсом он заявил, что несправедливо лишний раз акцентировать внимание на приобретенном уродстве и стилизовать его как «Аль – Лицо со шрамом» при каждом упоминании. Мейгс пообещал Капоне использовать прозвище только в прямых цитатах. «Капоне прав, – пояснил он коллегам, – я просто никогда не задумывался об этом».

Залогом успешной деятельности Капоне являлся имидж. «Многие в Чикаго, – говорил Капоне, – считают меня кровожадным монстром, о которых пишут в низкопробных сборниках. Они мучают жертвы, отрезают им уши и, улыбаясь, выжигают глаза раскаленной кочергой».

Капоне не питал на свой счет никаких иллюзий: «Я далеко не ангел и никогда не стану примером для молодежи. В жизни возникали ситуации, когда приходилось поступать плохо, но я вовсе не так черен, как меня пытаются изобразить. Я обычный человек, имеющий сердце, и готов помочь любому нуждающемуся. Мне тяжело видеть людей голодными, холодными и беспомощными. Многие бедные семьи в Чикаго считают меня кем-то вроде Санта-Клауса, создавшего столовые, в которых кормятся супом три тысячи бедняков и бездомных в день. Я не кричу о благотворительности, а просто хочу показать, что не самый худший человек в этом мире. Спросите мою жену. Она все знает, а я воспользуюсь шансом послушать со стороны».

На самом деле они часто находились в разлуке, и, возможно, Мэй не знала о большинстве ошибок мужа (хотя сифилис, несомненно, дал повод задуматься). Например, она не подозревала, что до ареста муж посещал Атлантик-Сити или Филадельфию, но это не играло большой роли. После смерти Капоне Мэй говорила: «У общества один взгляд, у меня – совершенно другой. Я дорожу памятью о муже и очень люблю».

В тридцать один год Капоне почти перестал распутничать и

проводил время в семейном кругу. В халате и домашних туфлях он играл с Сонни в настольные игры и слушал граммофон.

«Я без ума от музыки, – говорил Капоне. – Музыка помогает забыть все, и я чувствую, что нахожусь в паре кварталов от рая».

Отдавая предпочтение итальянской опере, Капоне любил джаз и популярную музыку. На вечеринку по случаю поединка между Танни и Демпси он пригласил группу Жюля Стайна[184], автора популярных песен: Three Coins in the Fountain, It Seems to Me I've Heard That Song Before и It's Magic. Когда Капоне и Стайн обсуждали организацию выступления, разговор зашел о Rapsody in Blue Гершвина. Оба согласились, что это великолепная вещь, и Капоне поинтересовался, сможет ли Стайн ее исполнить. «У меня не было причин отказывать, – вспоминал Стайн много лет спустя, – в память врезалась шелковая рубашка Капоне в «рапсодическом» великолепии. На вечеринке он взялся дирижировать, при этом все время не попадал в такт, забегая вперед. Очевидно, Капоне всю жизнь мечтал об этом. К концу выступления в его глазах стояли слезы. Он дал мне $1000 и по $100 остальным участникам группы».

Почему окружающие видели Капоне другим? Общество не воспринимало убийство как способ достижения поставленной цели. На вопрос, что думает человек, убивая другого, Капоне ответил: «Возможно, о пределах допустимой обороны, или как смотрит на него Бог, или о превентивных ударах». Интересно, что он имел в виду – «дружеское» рукопожатие с О'Бэнионом или засаду на Вайса? «Возможно, это убийство человека, который убьет тебя, если увидит первым. Возможно, это защита бизнеса, когда вы зарабатываете, заботясь о жене и ребенке. Я далеко не самый плохой человек. В мире есть парни похуже меня».

Пока Капоне находился в Филадельфии, его люди начали трясти звезд шоу-бизнеса. Мэй Уэст передала $3000, меньшие суммы заплатили киноактеры Уоллес Форд и Уильям Гакстон, исполнитель ковбойских песен Рой Роджерс, комик Лу Хольц и артисты Руди Валле и Гарри Ричман.

Аль Капоне, курящий сигару, слушает, как его адвокат Абэ Тейтельбаум объясняет юридические этапы налогового дела против чикагского гангстера на сумму 201 347 долларов. Майами, 17 февраля 1941 года.

Позже Ричман[185] настаивал на другой версии. Он переживал, что его первая жена вышла замуж за Фрэнки Лейка, члена верхушки организации Капоне. Ричман полагал, что Капоне может ему навредить. Неизвестно почему, но из его смехотворной теории выходило, что бандиты рефлексивно убивают прежних мужей и любовников своих женщин. Объяснение Ричмана выглядело идиотским.

Когда менеджер Скандалов Джорджа Уайта[186] объявил, что Капоне хочет посетить гримерку Ричмана, артист впал в панику. В дверь раздался стук: перед ним стоял владыка темного мира Соединенных Штатов, человек, чье имя уважали страшные гангстерские лидеры Парижа, Лондона и Рима. «Прежде чем я успел упасть в обморок, – вспоминал Ричман, – Капоне обнял меня и произнес: «Ричман, вы неотразимы!»

Впоследствии, когда уличные хулиганы ограбили Ричмана, Капоне приказал вернуть обратно деньги и драгоценности и пообещал, что любой, кто осмелится досадить актеру, ответит «вашему покорному слуге Аль Капоне».

Джордж Джессель[187] вспоминал подобную историю.

Однажды Капоне пригласил его на ужин. «Обед с Капоне, – писал позднее Джессель, – был очень важен, поскольку в то время в Чикаго с известных актеров вымогали деньги практически по любому поводу». Во время обеда Капоне поинтересовался, кого из актеров Джессель считает выдающимися. Джессель включил в список приятеля Эдди Кантора[188], и Капоне пригласил артиста на Палм-Айленд. Предполагая, что состоится сборный спектакль, Кантор сразу вошел в роль. Капоне опешил, так как приглашал Кантора, чтобы выразить глубокое уважение.

Капоне покровительствовал Этель Бэрримор[189]. Когда в Чикаго проходили гастроли спектакля Kingdom of God[190], Этель заметила, что в зрительном зале присутствует Капоне. Бэрримор играла монахиню, которая на протяжении трех актов молилась за матерей-одиночек, сирот и умирающих. Этель видела, что у Капоне, держащего за руку Мэй, из глаз катились слезы. «Другим актерам в Чикаго угрожали, – писала она в автобиографии, – мне никогда. Очевидно, известные люди распорядились, чтобы меня не трогали».

Капоне считал ее великой актрисой.

В 1927 году Джек МакГурн предупредил комика Джо Э. Льюиса[191] не отказываться от нового контракта с кабаре Green Mill. Хотя заведение принадлежало Капоне, у МакГурна был свой интерес. Тем не менее Льюис согласился на более выгодное предложение конкурентов. В ноябре в его номер в отеле ворвались три боевика. Пока двое били Льюиса по голове прикладами, третий разрезал ему челюсть ножом и нанес двенадцать ударов. Льюис выжил, хотя выздоравливал долго и мучительно. Были основания сомневаться в утверждении Льюиса, что бандитов отправил МакГурн. Позже артист с гордостью вспоминал, что Капоне сказал после выздоровления: «Почему, черт побери, вы не пришли раньше, как только возникли проблемы? Я бы все исправил». Капоне хотел помочь Льюису открыть собственный клуб.

Журналист и сценарист Бен Хехт[192] в автобиографии вспоминает, как двое джентльменов Капоне однажды нанесли ему визит по поводу сценария фильма «Лицо со шрамом». Они хотели узнать, является ли Капоне центром повествования.

– Боже мой, конечно, нет, – ответил Хехт, – я не знаком с Капоне.

– Тогда почему же именно «Лицо со шрамом»? – задали вопрос джентльмены. – Все будут думать, что фильм про Капоне!

– Аль – один из самых известных и увлекательных людей нашего времени. Если мы назовем картину «Лицо со шрамом», все захотят ее посмотреть, предположив, что фильм о Капоне, хотя

это совсем не так. Считайте, это тоже часть рэкета, которую мы называем showmanship[193].

Хехт писал, что визитеры ушли, удовлетворенные его объяснением.

Фильм, основанный на бестселлере У. Р. Барнетта, прославил Капоне. Главную роль сыграл Пол Муни[194]. В качестве прототипа «Лица со шрамом» выступил Тони Камонте (в 1920 году настоящий Камонте руководил Five Points, под псевдонимом Джо Блэк), работающий на Джонни Лово. Из штаб-квартиры на двадцать второй улице киношный Камонте воевал против соперника О'Хары с северной стороны. Говорят, люди Капоне следили за созданием фильма, требуя, чтобы герой не слишком напоминал босса. В частности, шрам на щеке в виде буквы Х был получен Камонте на войне.

Даже если джентльмены, посетившие Хехта, не читали книгу, то, вероятно, прочитали сценарий и купились на заверения автора. Если бы фильм действительно разгневал Капоне, Хехт вряд ли бы остался в живых после выхода картины в прокат.

Каковы бы ни были переплетения правды и вымысла, один из описанных случаев имел место лишь в фантазиях пресс-секретаря несравненной Клары Боу[195]. В ноябре 1930 года Боу оказалась втянута в нелепые разбирательства в нецелевой растрате денежных средств бывшей секретаршей и приятельницей актрисы Дейзи Де Во. В газете Los Angeles Herald-Examiner появилась статья, из которой следовало, что Капоне тайком приехал в город, чтобы лично посмотреть на девушку «Это»[196] во время съемочного процесса в студии Paramount, и съемочная группа встретила его безумными аплодисментами. Paramount отрицала присутствие Капоне на съемках. Полиция Лос-Анджелеса заявила, что в тот момент Капоне был далеко от Калифорнии.

Независимо от истинности этих историй (могла ли Этель Бэрримор разглядеть слезы на щеках Капоне под светом театральных прожекторов?), они свидетельствуют об уникальной позиции Капоне в обществе. Люди, которые сами были знаменитостями, хвастались связями с Капоне и считали его восхищение убедительным подтверждением таланта. Как бы ни интерпретировали различные поступки и высказывания Капоне, энтузиазм актеров свидетельствовал о небывалой популярности Капоне.

Даже хорошие парни, боровшиеся с Капоне, отдавали должное его славе.

Элмер Ирей, Фрэнк Уилсон и Элиот Несс рассказали собственные истории. Они написали прекрасные книги, но не смогли устоять перед соблазном приукрасить жизнь Капоне,

сделав ее полной борьбы, тягот, лишений и рыцарского героизма.

Во всем мире Капоне проклинали как самого смертоносного гангстера в истории, поэтому то, что он предпочитал действовать тихо, плохо смотрелось в рамках литературного произведения. Поэтому авторы пользовались репутацией Капоне как очень опасного противника (это совершенно справедливо в отношении бандитов, с которыми Капоне был в дурных отношениях), чтобы скрыть, что Капоне ни разу не принимал радикальных мер против федеральных агентов.

Вот что писали Ирей и Уилсон о тайном агенте, помогавшем им.

Информатор по имени Эдвард Дж. О'Хара служил адвокатом в Сент-Луисе. Самым значимым его клиентом был Оуэн П. Смит, изобретатель механического зайца, благодаря которому существуют собачьи бега. Они контролировали собачьи гонки по всей стране.

В 1923 году, не без помощи О'Хары, с таможенного склада было украдено виски, принадлежащее Джорджу Ремусу, королю бутлегеров начала 1920 годов, на сумму около $200 000. Федералы вычислили О'Хара. Его приговорили к году лишения свободы, но выпустили по апелляции. На повторных слушаниях Ремус отказался давать показания, поскольку О'Хара компенсировал ущерб путем предоставления доли в собачьих гонках.

После смерти Смита в 1927 году О'Хара остался единственным человеком, полностью заправлявшим этим прибыльным бизнесом. Будучи владельцем собственного клубного питомника в Хоторне, он связался с Капоне с предложением разветвления сети по всей стране. О'Хара презирал бандитов и полагал, что может использовать гангстеров, не становясь одним из них. К 1930 году он решил перейти на другую сторону. По словам репортера из Сент-Луиса Джона Роджерса, его сын, Эдвард Буч, мечтал поступить в военно-морскую академию Аннаполиса, и О'Хара считал – связь с правительством может помочь. О'Хара назвали лучшим правительственным стукачом того времени, и Фрэнк Уилсон рассчитывал с его помощью загнать Капоне в угол.

К числу тайных осведомителей относился и Майкл Ф. Мэлоун, один из оперативников налогового управления, имеющий опыт подобной работы. Это был «черный ирландец»[197] из Джерси-Сити, ростом пять футов восемь дюймов, весом двести фунтов. Уилсон назвал его «величайшим тайным агентом» (кстати, и Ирей, и Уилсон заявили о своей неоценимой роли в инициировании секретной миссии Мэлоуна).

Финансируемый чикагской Тайной шестеркой[198] Мэлоун зависал в Филадельфии и Бруклине, собирая текущие сплетни и слухи о действующих бандах. Он остановился в отеле Lexington под именем Майкла Лепито и проводил время в местном лобби-баре в надежде привлечь внимание криминальных кругов. В состоявшейся случайной беседе Мэлоун намекнул, что он беглый мошенник, наследивший в Бруклине и Филадельфии, и предъявил письмо от филадельфийских друзей (которое сам и написал). Вскоре его начали приглашать поучаствовать в карточных играх и вечеринках, на которых Мэлоун собирал внутреннюю информацию, постоянно подвергаясь риску разоблачения (по мнению Ирея и Уилсона, под угрозой смерти).

Безусловно, Ирей и Уилсон не передергивали фактов о Мэлоуне, но преувеличивали опасность до полного несоответствия действительности. Очевидно, несколько звонков в Филадельфию и Бруклин провалили бы легенду Мэлоуна. Почему они не были сделаны?

Если никто не проверил историю Мэлоуна, значит, Лепито не нуждался в проверке, поскольку был слишком далек от настоящей бандитской обоймы. Полицейского или федерального агента, затесавшегося к гангстерам, могли убить отморозки-одиночки, но не организованные бандиты. Зачем убивать? Он не присутствовал на внутренних совещаниях, не видел и не слышал ничего лишнего.

Мэлон слонялся по гостинице Lexington, стараясь втереться в доверие к людям Капоне и внимательно прислушиваясь к разговорам.

Этой книжной правде явно не хватало драматической составляющей, поэтому, когда Мэлоун отправился на вечеринку в ресторан New Florence, на другой стороне улицы Мичиган, Айри и Уилсон были сильно обеспокоены его безопасностью. «Мы знали, что Капоне – большой любитель закатывать вечеринки перед устранением людей, отвернувшихся от него», – писал Айри. Уилсон «обливался холодным потом», пока Мэлон не позвонил ему по окончании приема.

Ради чего стоило идти на подобный риск? Уилсон получил информацию от Эда О'Хары, что Капоне выписал «четырех сицилийских мафиози-убийц из Бруклина», чтобы убить его, Пэта Роше, прокурора Джорджа Джонсона и местного агента Налогового управления Артура Мэддена. В версии Ирея Уилсон узнал о предстоящей акции не от О'Хары, а от Мэлоуна, который предупредил о пяти наемных киллерах ради убийства Уилсона, Мэддена и… Ирея.

Репортер Tribune Джон Ботиджер добавил некоторые

косвенные подтверждения. Он написал, что «тайный человек правительства» (вероятно, имелся в виду Мэлоун) узнал о гангстерской встрече на высшем уровне, на которой Капоне изложил план убийства и впервые сообщил соратникам о переговорах с Оперативником номером один. Последняя деталь заслуживает внимания и подтверждает частичную достоверность информации, поскольку Капоне был единственным человеком в высшей бандитской обойме, который знал об Оперативнике.

К чести Пэта Роше, он не верил этим страшилкам. Разумеется, когда в ходе проверки в Чикаго не обнаружили никаких следов мифических наемников, из отеля Lexington пошли слухи, что благоразумные люди переубедили Капоне.

Эта история имеет более правдоподобное объяснение. Возможно, Мэлоуна просто проверяли. Шесть лет назад он участвовал в аресте Вилли Хейни, и Вилли узнал Мэлоуна. Возможно, кто-то видел Мэлоуна в городе раньше, до того как он стал Лепито. Маловероятно, что Капоне планировал убить прокурора и федеральных агентов, но еще сомнительнее, что кто-то из высшего гангстерского эшелона организации (эти люди всегда проявляли величайшую осторожность) проболтался о подобных, совершенно секретных планах (не говоря о переговорах с Оперативником номером один) мелким членам банды. Как мог аутсайдер Мэлоун подслушать подобную информацию? Если бандиты разоблачили Мэлоуна, почему бы не накормить его рассказами о наемниках и не заставить полицию гоняться за фантомами? Не исключено, эта комбинация непреднамеренно заманила в ловушку Эда О'Хару, который, возможно, слышал часть разговора, распространяемого в интересах Лепито.

Элиот Несс и Неприкасаемые включились в дело. Водитель Джордж Мейер рассказывал: Нессу иногда сдавали адреса второстепенных складов, чтобы отвлечь внимание, по крайней мере временно, от более важных точек. Другой наблюдатель видел в подобных облавах явную показуху. Несмотря на это, команда Неприкасаемых уничтожила и конфисковала немало алкогольных активов Капоне.

В своей книге «Неприкасаемые» Несс хвастался, что в результате его набегов «Чикаго быстро высыхал» и «стал сухим, как пресловутая кость». По словам Несса, он «вытащил Капоне из бутлегерского бизнеса». Мягко говоря, Несс выдавал желаемое за действительное, несколько преувеличив свою роль. Его группа не повлияла на ниспровержение Капоне. Правительство не смогло осудить Капоне по единственному обвинению, для которого Неприкасаемые собирали доказательства: сговор с целью нарушения сухого закона.

Несс и его люди отличились безупречной эффективностью и неподкупностью.

Капоне попытался противостоять обычным способом, но скоро осознал, что ему нечего противопоставить Неприкасаемым. Когда один из парней с годовым жалованьем в $2800 отказался от $1000 в неделю, эмиссар Капоне жалобно вздохнул: «Все в Чикаго хорошо ладят друг с другом. Почему вы не хотите?»

Капоне обладал настоящим управленческим талантом и «гением массового производства». Ни один бутлегер Нью-Йорка не занимал такую долю на рынке и не обладал такой гегемонией. И никто не был столь заметен.

Несс не ограничился описанием хорошо исполняемой работы и выдающихся результатов. В его книге постоянно упоминается об угрозе: «Капоне должен был раздавить нас, чтобы выжить». При этом Несс утверждал, что Капоне никогда не планировал физического устранения федералов или подстав другого рода. Фрэнк Уилсон писал о предупреждении, которое получил от Капоне: за ним и женой пристально следили в гостинице Sheridan Plaza. Уилсон переехал в гостиницу Palmer House. В дальнейшем Капоне не выходил на Уилсона.

Однажды Несс столкнулся с боевиком мафии. Хулиган-одиночка преследовал его машину. Когда Несс прижал автомобиль к обочине, бандит остался сидеть с ошеломленным видом. Нессу даже не пришлось вынимать оружие. В следующий раз Несс поймал боевика, слоняющегося вокруг дома его невесты. В ходе «физического разъяснения ошибочности поведения» Несс обнаружил, что плечевая кобура парня пуста: «террорист» забыл оружие в машине.

За время деятельности Неприкасаемых погиб только один человек, связанный с ними, водитель Несса, отсидевший за незначительное нарушение. Убийство не имело отношения к организованной преступности, и полиция быстро арестовала преступника, который затем повесился в камере.

Нездоровый ажиотаж после убийства Лингла говорил, что общество не чувствовало себя в безопасности. Несс поспешил успокоить страхи невесты: «Нам не о чем беспокоиться. Никто не осмелится стрелять в федерального агента». Это было чистой правдой. Пол У. Робски, входивший в группу Неприкасаемых,

оставался федеральным агентом, пока не ушел в отставку в 1951 году, поступив охранником в авиакомпанию. «Естественно, мы носили оружие, – вспоминал Робски, – но никогда им не пользовались в 1930–1931 годы, поскольку Капоне обязал своих парней на пивоварнях не выступать против федералов. В случае облавы следовало сдаться или убежать. У Капоне хватало проблем. Он прекрасно понимал, что на место одного офицера придет множество новых».

Страсть к напыщенному героизму доходила до абсурда.

Федералы исключительно хорошо делали свое дело, но в описаниях работы никогда не встречались упоминания о вооруженных стычках с бандитами. Фрэнк Уилсон занимался финансовой аналитикой, именно его усидчивая деятельность, а не чья-то безудержная смелость, помогла законно ухватить Капоне.

К лету 1930 года люди Уилсона исследовали доказуемый доход Капоне в течение двух лет. Как сказал Уилсон Ирею, Капоне действовал практически без ошибок, из примерно миллиона чеков, которые изучила специальная разведывательная служба, только два выходили на Капоне. Оба были выписаны на мизерные суммы.

Как-то вечером, когда все остальные члены рабочей группы отправились по домам, Уилсон решил еще раз изучить изъятые записи: возможно, они что-то упустили.

Специальная разведывательная служба ютилась в каморке в здании Старой почтовой службы, где едва разместились четыре шкафа и два стола. Около часа ночи осоловевший от усталости Уилсон собрался уходить. Убирая документы, с которыми работал, он случайно захлопнул ящик. Замок автоматически щелкнул, а Уилсон не смог найти ключ.

Менее въедливый и педантичный сотрудник позволил бы бумагам пролежать до утра, но Уилсон заглянул в соседнюю комнатку, где стоял шаткий незапирающийся шкаф. Чтобы освободить место, он вынул охапку пыльных документов, обнаружив у задней стенки тяжелый пакет в коричневой бумаге. Уилсон разрезал упаковку. Внутри находились три записные книжки, обычно используемые для бухгалтерских записей.

Первая оказалась совершенно безобидной. После взгляда на вторую усталость Уилсона как рукой сняло. Столбцы, озаглавленные «Бердкейдж», «Очко», «Крэпс», «Фаро», «Рулетка» и «Скачки», а также проставленные в них цифры указывали, что в книге велись записи о кассовых чеках, связанных с крупномасштабными азартными играми. У Уилсона возникла надежда, что записи могут вывести на Капоне.

Записи охватывали период с 1924 по 1926 год и содержали умопомрачительные суммы. За двадцать два месяца прибыль этого совместного предприятия составила $587 721 и 95 центов. Через каждые несколько страниц бухгалтер подводил итоги и расписывал распределение полученных средств. На одной из страниц за декабрь 1924 года Уилсон увидел, что общая сумма средств, имеющихся в распоряжении заведения, составляла $31 443. Затем к ней было добавлено $17 500 и вычтено $6256 в колонке «Скачки». При резервировании $10 000 на новом счете общий доход составил $32 687, причем он делился по частям. На раздел «Город» (очевидно, местный получатель денег) приходилось 20 %, или $6 537 и 42 цента; далее следовали разделы «Ральф» (Уилсон надеялся, что имелся в виду Ральф Капоне) и «Пит» (позднее выяснилось, что это игровой брокер Капоне Пит Пенович), которым следовало 5 %, или по $1634 и 35 центов. Четыре платежа по $5720 и 22 цента, 17 % каждый, отходили «Фрэнку», «Лу», «Д», и «Д и А». Скорее всего, это означало Джек (Гузик) и Аль. Вверху страницы было написано крупными буквами: «Фрэнк заплатил $17 500 Алю». Это соответствовало $17 500 дополнительного дохода (Пит Пенович позже дал показания, что эта сумма была одной из неудачных ставок Капоне на скачках). Кроме того, надпись связывала с операцией некоего Аля.

Утром Уилсон выяснил, что эта записная книжка была захвачена в ходе облавы на Hawthorne Smoke Shop, принадлежащий Капоне, сразу после убийства МакСвиггина. Блокнот побывал в руках Пэта Роша, но он не увидел потенциала записей. Как заявил полицейский в отставке, Артур Ристидж: «Это была куча мусора, который мы отбросили в сторону. Если бы знать, какая бомба находится у нас в руках! Федералы смогли бы упечь этих парней на веки вечные!» Рош сдал все бумаги в администрацию прокурора штата, где записная книжка осталась собирать пыль, забытая всеми.

Главной задачей Уилсона было напрямую связать найденную бухгалтерию и Капоне. Записи вели три человека, причем почерк одного отличался особой аккуратностью. Налоговики собрали образцы почерка всех (бандитов, и не только), связанных с организацией Капоне. Они изучили выборные бюллетени, документы об освобождении под залог, банковские счета и многое другое. Бинго выпал в виде депозитной квитанции банка Сисеро. Она была подписана неким Лесли Адельбертом Шамуэем, или, как его называли, Лью. Информатор доложил Уилсону, что «Шамуэй – совершенный джентльмен, воспитанный, тихий и безобидный человек, не причастный к рэкету». Налоговики

установили, что Шамуэй исчез из Чикаго.

В феврале 1931 года Эд О'Хара сообщил Уилсону, что Шамуэй переехал в Майами, где работает кассиром то ли на конных, то ли на собачьих бегах. Уилсон нашел Шамуэя в кинологическом клубе Biscayne Bay. Шамуэй сделал вид, что ничего не знает. «Вы ошибаетесь, мистер Уилсон, – сказал он, сдерживая дрожь. – Я не знаю Аля Капоне». Человеку, сумевшему сломать Фреда Райса, не составило особого труда разобраться с этим джентльменом.

Уилсон пообещал Шамуэю прислать федерального маршала, который достанет его даже из-под земли. Если Шамуэй даст показания, правительство обеспечит полную защиту. «Лью, если будете сотрудничать, миссис Шамуэй не останется вдовой».

То, что рассказал Шамуэй, вывело Уилсона на преподобного Генри Гувера, который засвидетельствовал, что Капоне обладал правом собственности на подпольное казино напротив отеля Hawthorne.

Некоторые говорили, что эту идею подбросил судье Лейлу юрист, сотрудничавший с Tribune Чарльз Ратбун. Газетчик Уолтер Спирко утверждал: «его склонили к этому газеты; он всегда играл на публику». Никто не представлял, что судья Джон Х. Лейл додумался выдавать ордера на арест за бродяжничество всех, вошедших в пресловутый список врагов общества. Лейл приехал в Чикаго из Теннесси в 1900 году в восемнадцать лет. Перепробовав множество занятий, включая профессиональный бокс, он стал адвокатом. Лейл служил в легислатуре Иллинойса, затем в мэрии Чикаго, а в 1924 году победил на выборах в муниципальный суд.

По свидетельству коллег, ему не хватало разумной судебной корректности. Конечно, многие из коллег были нечисты на руку (чего нельзя сказать о Лейле), но тем не менее они оказались правы. Лейл упорно устанавливал неконституционно высокий залог, сокращаемый по апелляции: его $100 000, как правило, превращались в $5000. Он громил преступников не хуже прокурора. Особенно доставалось Капоне, Лейл призывал как можно быстрее посадить его на электрический стул, забывая указать хоть какие-то обвинения. Он выдавал ордера на арест и обыск любым офицерам полиции по первому требованию, без указания причин, и очень любил принимать личное участие в облавах. Четыре раза главный судья переводил Лейла с уголовных дел на гражданские, где он соблюдал рамки приличия, но общественность обожала его несгибаемую жестокость по отношению к известным преступникам, хотя этот подход не приносил большей эффективности, чем умелое лавирование его коллег. Сочетание общественного давления и газетных

публикаций возвращало Лейла обратно в уголовный суд.

При вдумчивом рассмотрении, взимание штрафов за бродяжничество с миллионеров не было полностью безумным шагом. Любой прокурор мог подтвердить, что с юридической точки зрения в этом нет нарушения закона. Казалось, стоит попробовать.

Один из самых первых ордеров, которые Лейл «запустил в оборот» в сентябре 1930 года, был выдан на имя Капоне. Аль обдумывал, не сдаться ли властям добровольно. С другой стороны, Лейл мог не согласиться с выходом под залог, а у Капоне были две причины держаться подальше от судьи.

Во-первых, он планировал следующее убийство. Когда Капоне был в Филадельфии, Джо Айелло, мечтающий о возмездии, стал главой Unione Siciliana. По слухам, Айелло снова вошел в сговор с Мораном, до недавнего времени находившимся в Миннесоте, а теперь в округе Лейк, к северу от города. Не представляя смертельной угрозы или серьезной конкуренции, Айелло, тем не менее, хронически раздражал Капоне.

Операция была разработана в классическом стиле.

Айелло был уверен в собственной безопасности.

Он скрывался в квартире партнера по итало-американской компании. Паскаль Престоджакомо (которого обычно звали Пэтси Престо) проживал в доме 205 на улице Колмар. Шпионы Капоне быстро нашли Айелло. Примерно за десять дней до убийства два приличных молодых человека (один назвался Моррисом Френдом) сняли квартиру на противоположной стороне улицы Колмар в доме 202. Окна квартиры выходили на входную дверь жилища Пэтси Престо. Рядом с домом располагалась аллея. Парень, назвавшийся Генри Джейкобсоном, снял квартиру на третьем этаже дома 4518 по улице Уэст-Энд, куда выходила тыльная сторона дома Престо. Окна квартиры смотрели на аллею.

Джо Айелло не показывал носа на улицу. Наблюдатели не смыкали глаз двадцать четыре часа в сутки. В четверг вечером у дома остановилось заказное такси. В половине девятого водитель Джеймс Руан стоял около машины, когда на пороге появились Айелло и Престо. В кармане у Айелло был билет на поезд в Браунсвиль, штат Техас. В этот момент из дома на противоположной стороне улицы началась стрельба.

Присевший на корточки Руан не получил ни царапины; Престо нырнул обратно в дом и остался цел и невредим, несколько автоматных очередей изуродовали стены, разбили окна и покалечили тысячедолларовую кушетку в гостиной. Шатающийся Айелло, попытался обойти угол здания, но был встречен очередью из дома на Уэст-Энд. Он умер, получив более

тридцати ранений. Хотя некоторые жители видели боевиков, выбегающих из квартиры на Уэст-Энд, полиция никого не нашла. Арестов не последовало.

Вторая причина, по которой Капоне не мог сесть за решетку даже на короткое время, требующееся на поиск более покладистого судьи, носила политический характер. Лейл решил помешать мэру Томпсону баллотироваться на четвертый срок. Капоне палец о палец не ударил, чтобы помочь Лейлу. В конце декабря, до того как Лейл официально выдвинул свою кандидатуру, Капоне отправился во Флориду, где был вне зоны досягаемости ордера на арест за бродяжничество.

В начале ноября Капоне попытался достигнуть компромисса. Он отправил Майкла Дж. Гальвина из профсоюза водителей к Джону П. МакГорти, главному судье Чикагского уголовного суда, с предложением. Капоне пообещал убраться из профсоюзного рэкета, если ему дадут возможность свободно заниматься пивной деятельностью и перестанут устраивать облавы. МакГурти назвал предложение Капоне исключительно наглым.

Федеральные агенты не были подотчетны МакГурти, поэтому судья просто отклонил предложение Капоне.

Капоне стремился расстроить планы Лейла. Он не присутствовал на свадьбе Мафальды и Джона Дж. Мариотта, младшего брата Фрэнка Даймонда Мариотта, 14 декабря 1930 года. Говорили, что молодожены были едва знакомы и не особенно радовались браку, заключенному из необходимости сплотить две семьи. Однако девятнадцатилетняя Мафальда утверждала, что любит Джона с детства.

После свадебной церемонии гости отправились в клуб Ральфа Cotton, а члены семей и самые близкие друзья перебрались в соседнюю квартиру для более близкого приема. Для них приготовили свадебный торт стоимостью $2100 в виде яхты девять футов в длину, четыре в высоту и три в ширину с надписью «Гонолулу» и обледенелым глазурным форштевнем. На медовый месяц молодожены отправились на Кубу, так как по возвращении в страну у Джона, родившегося в Италии, были проблемы с процессом натурализации из-за ложных деклараций.

Капоне принял верное решение не присутствовать на празднике. Церемонию прервала полиция, пытаясь обнаружить бродягу в соответствии с ордером, выданным Лейлом. Полицейские задержали пятерых гостей с оружием. Позже Капоне подарил паре дом и $50 000. По другим сведениям, сумма составляла $75 000.

Ходили разные слухи, но Капоне и члены семьи не обсуждали этот вопрос публично.

Глава 27
Полученное…

Элеонора Медилл Паттерсон, кузина полковника МакКормика и сестра Джозефа Паттерсона, владельца нью-йоркской газеты Daily News, руководила отделением вашингтонской газеты Herald и в конечном итоге купила ее, объединившись с Washington Times.

В начале января 1931 года, подчиняясь внезапному импульсу, Элеонора остановила машину на Палм-Айленд, 93. «Входите, – пригласил Капоне, – позвольте все вам показать. – Элеонора охарактеризовала Капоне как «доброго, гостеприимного хозяина, гордого за свой особняк…»

«У него, – писала Паттерсон, – шея и плечи борца. Это один из потрясающих итальянцев с грудью колесом, ростом около шести футов. Кажется, широкие плечи с трудом помещаются в пиджаке. Мне довелось посмотреть ему в глаза. В них застыл серый лед, проще было заглянуть в глаза тигра».

Он жаловался на несправедливое отношение. «Я не связываюсь с большим бизнесом. Ни один из серьезных бизнесменов не может сказать, что я хотя бы раз в жизни отнял у него доллар, – говорил Капоне. (Наверное, забыл про сеть кинотеатров Balaban and Katz[199], у которой его люди собирали $1000 долларов в неделю с каждого кинотеатра, угрожая взрывами в зрительных залах газовых гранат.)

Капоне продолжал действовать и на фронте трудового рэкета. Например, ему удалось предотвратить забастовку против одной крупной газеты. Дэнни Серрителла, руководитель группы журналистов, писал, что Капоне урегулировал забастовку против газеты Tribune, устроенную водителями, которым всячески угрожали. Полковник МакКормик все отрицал. На самом деле забастовка действительно готовилась, и Капоне отозвал ее.

– Что я получаю за то, что помогаю? – спросил Капоне. – Меня сживают со свету. Почему бы просто не оставить меня в покое?

– Может быть, просто покинуть страну? – предложила Паттерсон. – Как насчет проживания в Италии?

– Зачем? Моя семья, моя жена, мой ребенок, мой бизнес – все находится в Чикаго. Я не итальянец. Я родился в Нью-Йорке тридцать один год назад.

Паттерсон вспоминала, что ее гипнотизировали руки Капоне: «Огромные и мощные, чтобы справиться почти с каждым,

одновременно казались завораживающе мягкими из-за полного спокойствия и прекрасного маникюра». Описывая Капоне, Элеонора продолжала возвращаться к его глазам: «Даже отсутствующий взгляд пронзал меня насквозь. Это были глаза гангстера, как описывают в дешевых бульварных романах. От них веяло холодом, и на несколько мгновений мне стало нехорошо, пришлось бороться с желанием вскочить и бежать сломя голову. Он кликнул прислугу, и через мгновение в кабинет вошел человек в белом фартуке.

«Боже мой, – прошептала я, – жаль, у меня дома нет такой прислуги».

– Скажите, мистер Капоне, – продолжила Паттерсон, освежившись поданным лимонадом, – что вы думаете о сухом законе? Его когда-нибудь отменят?

– Я убежден, это временная мера. Сухой закон не принес ничего, кроме неприятностей для всех. Это худшее, что когда-либо случалось в нашей стране.

Капоне проводил Элеонору до ворот, которые охраняли семь или восемь аккуратно одетых молодых людей спортивного вида. Было заметно, что они постоянно находятся настороже.

– До свидания, мистер Капоне, желаю удачи. – Элеонора пожала ему руку и завела мотор. В последних словах она была совершенно искренна.

Как неоднократно было замечено, женщины испытывают особую симпатию к бандитам. Если не понимаете, почему, обратитесь к доктору Фрейду.

Судебное слушание по давнему федеральному обвинению Капоне в неуважении к суду было назначено в Чикаго на 25 февраля 1931 года. Капоне отправился в Чикаго на четыре дня раньше, чтобы организовать ход выборов в пользу Большого Билла Томпсона против судьи Лейла перед праймеризом 24 февраля. Капоне по-прежнему старался избежать ордера за бродяжничество. Во время кампании Томпсон назвал Лейла «самым чокнутым судьей». Лейл не остался в долгу, обозвав Томпсона «рыдающим бегемотом из джунглей». С помощью Капоне победоносный бегемот получил 296 242 голоса против 228 401 голоса Лейла. «Лейл попытался устроить мне проблемы, – заметил Капоне, – но общество сказало свое слово». Теперь не имело значения, выполнила бы полиция заказ по ордеру Лейла.

На суд Капоне явился в роскошном синем костюме, дополненном белым шелковым платком, короткими серыми гетрами и платиновыми часами с цепочкой. Одна из газет с сарказмом написала, что сотрудники суда, полицейские, а

особенно толпы восторженных поклонников смотрели на эту показную роскошь как на должный имидж самого крутого парня города Чикаго. Капоне разглядывал зал, впечатленный белым мрамором, тускло-золотым потолком и преамбулой Конституции над входом. Судья Уилкерсон рассматривал дело без присутствия присяжных. Перед началом суда Капоне беседовал с прессой.

Нет, он не вернется во Флориду, там сейчас слишком плохая погода. Нет, он не будет писать автобиографию – последнее предложение составляло два миллиона долларов, но его это не искушает: «Я не собираюсь заниматься литературным бизнесом, это отберет работу у других пишущих парней». Да, он прочитал одну книгу и не узнал себя: «Думаю, смог бы написать лучше, но это не мой профиль». Нет, он не будет сниматься в кино: «Я не Мэри Пикфорд».

Основной вопрос был в установлении факта болезни Капоне, 12 марта 1929 года, когда он должен был предстать перед коллегией присяжных в день начала судебного процесса. Полицейские Хайалии дали показания, что видели Капоне на скачках 17 января; другие записи и показания свидетельствовали о путешествии на Багамы в начале февраля; стенографист Рут Гаскин отметил, что в день бойни 14 февраля Капоне был совершенно здоров.

Во время перерыва полицейские наконец получили возможность исполнить ордер судьи Лейла на арест за бродяжничество.

К этому времени ордер превратился в потрепанную мятую бумажку, прошедшую через много рук. Два сержанта отвели Капоне в детективное бюро, где шеф детективов угощал его кофе и бутербродами, а Капоне развлекал начальника рассказами, что зарабатывает на жизнь недвижимостью. Судья Фрэнк М. Пэддэн назначил Капоне залог в $10 000 и продлил слушание на неделю. Адвокат Капоне оформил закладные и документы о владении собственностью общей стоимостью $80 000, что было общепринятым трюком большинства бродяг, подобных Капоне. Полиция поспешила вернуть подсудимого в зал федерального суда к окончанию перерыва в половине второго.

Весь день Капоне выслушивал показания свидетелей о своем прекрасном состоянии здоровья в феврале и марте. После слушания полиция сопроводила его обратно в гостиницу Lexington. «Мы не хотим, чтобы Капоне убили в Чикаго», – пояснил глава полиции Алькок. Когда такси, в котором ехал Капоне, остановилось на светофоре, к нему подошел смуглый мужчина. Из едущего следом патрульного автомобиля мгновенно выскочил лейтенант и скрутил нападающего. «Я простой

коммивояжер!» – скулил испуганный жулик.

– Вы не можете быть бродягой, – сказал кто-то, обращаясь к Капоне, явившемуся на второе слушание в дорогом сером костюме, – у вас два костюма.

– Я покупаю один в день, – отозвался Капоне.

В дело вступила защита. Молодой, тучный, жалкий на вид доктор Филлипс совершенно растерялся во время перекрестного допроса главного правительственного следователя Джейкоба Гроссмана. Ему пришлось признаться, что заявления из аффидевита, объясняющие неявку Капоне в суд, являются ложными. На самом деле у него не было профессиональной практики в Чикаго на протяжении четырех лет; он работал только год, в должности стажера. На самом деле Капоне провел в постели не шесть недель, как говорилось в аффидевите врача, а две или три недели. Он объяснил, что заявления носили «условный характер».

13 января 1929 года Филлипс позвонил семейному доктору Капоне Дэвиду Оменсу, подчеркнув, что болезнь не слишком серьезная. Как это согласовывалось с показаниями, данными под присягой? «Я не хотел, чтобы доктор Оменс звонил и тревожил семью». Со слов Филлипса получалось, что он находился в офисе, а о состоянии здоровья Капоне ему продиктовал по телефону адвокат из Майами Джон Стоукс. Филлипс не вслушивался, что говорил Стоукс, и невнимательно читал документ перед тем, как подписать. «Я пробежал его глазами, о чем теперь очень сожалею».

Ральф Капоне, брат Аль Капоне, и миссис Капоне, мать обоих мужчин, в Лос-Анджелесе, по пути в Федеральную тюрьму «Терминал Айленд», куда они отправились навестить Аль Капоне. Март 1939 года.

Энн Пэган, приходящая медсестра Капоне, и ее коллега Нора Хокинс, ночная медсестра, справились намного лучше. Обе проявили глубокий профессионализм, и перекрестный допрос не сбил их с толку. Из показаний следовало, что Капоне действительно был очень болен в течение двух недель в середине января. Некомпетентность доктора Филлипса выражалась в приверженности к лечению домашними средствами. Капоне обкладывали горчичниками, пока на коже не осталось живого места. По ночам его беспокоили сильные боли в груди, а температура поднималась до 104 градусов[200] по Фаренгейту. «Он сильно кашлял и не мог пошевелить головой». В любом случае, пока они дежурили, о посещении ипподрома не могло быть и речи.

Сказанное медсестрами частично противоречило предмету судебного преследования, но защита не смогла опровергнуть остальные свидетельские показания. Капоне заявил прессе, что сам будет последним свидетелем. Это было глупой бравадой – Капоне не осмелился бы подвергнуться перекрестному допросу. Защита успокоилась.

После обвинительной речи прокурора Гроссмана судья Уилкерсон заметил, что точная дата прогулок Капоне в Хайалию мало что меняет. Если Капоне чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы отправиться на Бимини 2 февраля, то, вне всякого сомнения, был здоров 5 марта, когда Филлипс подписал свидетельство о возврате повестки в коллегию присяжных.

Адвокаты Капоне делали все возможное. Бен Эпштейн утверждал, что коллегии присяжных не требовалось присутствие его подзащитного: после появления на слушаниях Капоне не трогали целую неделю.

Судья пояснил: дело не в том, что Капоне отсрочил явку на восемь дней, а в том, что суд вызывает всех повесткой, которой «нужно следовать беспрекословно и никоим образом нельзя пренебрегать».

Приговор судьи Уилкерсона был однозначен: виновен. «Да, – пробормотал Капоне, – я это предчувствовал». Уилкерсон приговорил Капоне к шести месяцам окружной тюрьмы, где содержались федеральные заключенные, приговоренные к сроку менее года. Выходя из здания суда, Капоне пытался сохранить спокойствие: «Если судья так решил, ему виднее. Ничего нельзя сделать». Капоне, ожидающий решения по поданной апелляции, был отпущен под залог в $5000, однако в делах по проявлению неуважения к суду апелляция редко оборачивалась в пользу обвиняемых. Его поймали на весьма мелком правонарушении.

Судебное слушание по федеральному обвинению Капоне в неуважении к суду закончилось, пришла очередь окружной власти, а именно, Чикаго с ордером Лейла. Теоретически, независимо от количества костюмов, Капоне не имел законного рода деятельности в течение многих лет, что делало его бродягой. Суд продлил слушание дела с 4 марта до 20, а затем до 3 апреля.

В этот день предполагаемый бродяга появился в зале суда в сером однобортном костюме с синим галстуком, сером пальто и серой шляпе. Обвиняющая сторона оказалась в полной неготовности: полицейский, подписавший жалобу о бродяжничестве по просьбе брата, офицера полиции, ничего не имел против Капоне и никогда не видел его в лицо. «Мы не смогли, – признался прокурор Гарри Дитчбурн, – найти ни одного человека, который знал бы о Капоне хоть что-нибудь».

– Неужели нельзя было найти хотя бы одного думающего копа? – судья Пэдден свирепо посмотрел на прокурора.

– Народ штата отклоняет обвинения, – смиренно ответил Дитчбурн.

7 апреля, несмотря на яркую агитационную кампанию,

сопровождаемую песней The Sidewalks of New York[201]:

Тони, Тони, где твоя тележка?
Где же это видано:
Чтоб всемирная выставка —
Да с таким-то мэром!

Большой Билл Томпсон проиграл демократу Антону Чермаку 475 613 против 667 529. Это был самый большой разрыв в истории Чикаго. Чермак преобразил муниципальную коррумпированность, придав ей оттенок изобретательной интеллектуальности, обеспечившей работу административной машины на десятки лет вперед.

Тем временем федеральный прокурор Джордж Джонсон сумел создать условия для предъявления первого обвинения Капоне в уклонении от уплаты налогов (вряд ли кто-либо извне знал об этом).

21 февраля 1931 Фрэнк Уилсон сломал маленького джентльмена Лесли Шамуэя, и уже 13 марта федералы поставили кассира перед коллегией присяжных, которая проголосовала выдвинуть обвинения против Капоне в отношении уклонения от уплаты налогов в 1924 году. Приходилось спешить: 15 марта 1930 года истекал установленный шестилетний срок давности (до 1954 года налоговые декларации должны были быть представлены в марте). Правительство надеялось сохранить секретность обвинительного акта до готовности к дальнейшим обвинительным заключениям. Шпионы Капоне сообщили об инициировании пересмотра, и адвокаты немедленно вступили в игру.

Жизнь Капоне шла привычным образом.

По необъяснимым причинам газеты называли сутенера Майка Хейтлера Майк де Пайк. В ночь на 29 апреля 1931 года, в среду, Хейтлер играл в карты в магазине сигар на западе Чикаго Луп с Лоуренсом Мангано, Фрэнки Поупом, парнями из команды Капоне и еще парой мелких гангстеров, которых звали Фриц и Хэнк. Капоне постоянно вытеснял Хейтлера из операций, пока он, как сказал Пэт Рош, «окончательно не подсел на наркоту». В девять часов Майк Де Пайк отвез всех в близлежащий ресторан на Северо-Западном вокзале. Автомобиль принадлежал двадцатитрехлетней Эмили Малчер, его сожительнице. Через пару часов Хейтлер позвонил Эмили – ему понадобился номер телефона из записной книжки. Малчер попросила подождать. Когда она снова подошла к телефону и сказала: «Алло», – неизвестный заорал: «Что тебе надо?!» – и звонок оборвался.

В четверг утром в Баррингтоне, городке, расположенном примерно в тридцати милях к северо-западу от Сисеро, местная жительница Хэтти Ануш увидела пламя в поместье Отиса Спенсера и вызвала полицию. В развалинах нашли обугленное тело, не поддающееся опознанию. Более-менее уцелели только зубы и – неизвестно как – нижнее белье.

Примерно в пятнадцати милях от места трагедии в районе Айтаски полиция нашла автомобиль Малчер. Машина тоже сгорела, на заднем сиденье лежал пустой шестизарядный револьвер. Еще в восьми милях ближе к городу в реке Дес-Плейнс в районе Ривер Гроув обнаружили номерные знаки автомобиля.

Полиция задержала Лоуренса Мангано на три дня и пришла к выводу, что он непричастен к делу. Адвокат Майк Ахерн передал Пэту Рошу, что Капоне готов явиться в полицию для дачи показаний при условии, что его отпустят, если не докажут причастность. На это Рош достаточно жестко заявил, что при необходимости сам придет за Капоне: «Если мы арестуем Капоне, он будет сидеть за решеткой наравне с любыми другими бандитами. В любом случае условия будем диктовать мы».

Никаких обвинений по этому делу не последовало. Ходили слухи, что озлобленный Хейтлер написал прокурору штата Свенсону письмо, в котором подробно изложил детали некоторых операций Капоне, а в руки Капоне попала копия письма.

О письме вспомнили через несколько месяцев. В нем говорилось, что Капоне назвал Джейка Лингла предателем, который «получит по заслугам». Далее в письме шла речь, что Зута был убит Мангано и Фрэнки Рио (имя Дэнни Стэнтона не упоминалось). Письмо было якобы продиктовано неграмотным Хейтлером Эмили Малчер. Малчер дала показания, что письмо действительно продиктовал Хейтлер примерно за восемь месяцев до убийства, но затем уничтожил его. Хейтлер писал, если его убьют, ответственность должны нести Билли Скидмор, Капоне, Джек Гузик и Лоуренс Мангано.

«Я не получал никаких писем подобного рода», – прокомментировал Свенсон. То же самое повторил Рош, добавив: «Хейтлеру и при жизни мало кто верил». «Я ничего не знаю и не хочу знать об этом чертовом деле, – говорил Капоне. – По соображениям брезгливости я много лет не имел никаких дел с Хейтлером. Этот парень имел репутацию профессионального стукача».

Капоне понимал, что его ожидают крупные неприятности. В пятницу днем, 5 июня 1931 года, федеральная коллегия присяжных предъявила ему обвинения по двадцати двум пунктам, из них четыре – за попытку уклонения от исполнения требований

закона о подоходном налоге в период 1925–1929 годов. Это было серьезным уголовным преступлением. Среди прочего коллегия выдвинула два обвинения по факту непредставления деклараций в 1928 и 1929 годах (срок исковой давности этих правонарушений составлял три года). На основании ранних обвинительных заключений и записей, изъятых во время рейдов на протяжении многих лет, федералы обвинили Капоне в том, что с 1924 по 1929 год его доход составил $1 038 660 и 84 цента, это означало, что он не уплатил налогов на сумму $215 080 и 48 центов:

Год	Доход	Сумма налога
1924	$123 102.89	$32 489.24
1925	$257 286.98	$55 365.25
1926	$195 677.00	$39 962.75
1927	$218 057.04	$45 557.76
1928	$140 536.93	$25 887.72
1929	$104 000.00	$15 817.76

«Эти цифры, – пошутила New York Times, – несколько скудные для человека, стоящего на вершине преступного айсберга». Присяжным представили лишь небольшую часть совокупного дохода, состоящую из прибыли, полученной от азартных игр.

Львиная доля, приходящаяся на бутлегерство, бордели и рэкет, осталась в тени.

Через неделю коллегия добавила еще один пункт, обвинив Капоне и еще шестьдесят восемь человек в заговоре с целью нарушения сухого закона. Это обвинительное заключение охватывало период с 1922 по 1931 год и частично отражало работу Элиота Несса и его людей, заключающуюся в дотошном анализе документации и прослушках телефонных разговоров. Они обращали внимание на каждую мелочь, даже что у Мюррея Хэмфриса была собака по кличке Снорки.

Капоне внес залог $50 000. Федералы хотели вызвать в качестве свидетелей Джонни Торрио и Луи Ла Кавуа, с которым Капоне делил депозитный сейф. Позже Кавуа поссорился с Капоне и сбежал от греха подальше в Нью-Йорк. Ситуация складывалась для Капоне далеко не лучшим образом: правительство не проиграло ни одного крупного дела по неуплате налогов.

С другой стороны, у прокуратуры были лишь косвенные улики. Без выкладок Маттингли, которые не могли быть допущены в качестве доказательства, у стороны обвинения не было отправной точки для определения дохода Капоне. В Чикаго даже федеральным присяжным не были чужды страх и алчность. Кроме того, Джордж Джонсон работал в условиях жесткого

цейтнота: необходимо было разобраться с Капоне до открытия международной выставки 1933 года и, по возможности, до повторного выдвижения кандидатуры Гувера в президенты в ноябре 1932 года. Вряд ли правительство могло собственными усилиями добиться такого удачного исхода.

Поэтому обе стороны были готовы к сделке. Как только Капоне узнал о первом обвинительном заключении, его адвокаты забросили пробную удочку, пытаясь выяснить, готов ли суд пойти на компромиссное решение в случае признания вины. Джонсон заверял: «Суд… всегда выполняет мои рекомендации», когда он выносит вердикт о виновности и объявляет приговор.

Конечно, следовало поддерживать внешнюю благопристойность, тем более у каждой из сторон были свои претензии. Для формирования общественного мнения обе стороны процесса позиционировали себя бойцами, готовыми сражаться до конца. Еще за день до того, как Капоне признал себя виновным, адвокаты говорили о твердом намерении бороться до конца. Джонсон провозгласил: «Мы не рассчитываем, что Капоне признает вину и получит мягкий приговор. Мы не намерены идти с ним на компромисс».

Даже в решающий день, 16 июня 1931 года, адвокат Майк Ахерн сказал: «…Что касается слухов, что мы договорились с правительством о снисхождении, это грязная ложь. Мы не занимались закулисными играми». В этой ситуации адвокатам умело подыграл и сам Капоне. Уже зная, что признает себя виновным в обмен на соответствующий приговор, Капоне заявил: «Я полностью рассчитываю на гуманность и милосердие суда и уверен, что получу справедливый приговор судьи Уилкерсона».

Все дело заняло не более трех минут. Стоя между двумя адвокатами, одетый в костюм из верблюжьей шерсти, цвет которого пораженные наблюдатели назвали средним между «желчно-серным и цветом перезревшего банана», Капоне трижды пробормотал «виновен», когда секретарь перечислял номера обвинительного акта. Уилкерсон назначил оглашение приговора через две недели, на 30 июня. Капоне выглядел абсолютно беззаботным.

Президент Гувер пришел в восторг, узнав об итогах разбирательства. Его радость разделяли немногие. Если бы Капоне приговорили к максимальному наказанию, ему пришлось провести в тюрьме тридцать два года за неуплату налогов, еще два года за сговор; и уплатить штраф $90 000. Однако ни в одном деле по неуплате налогов обвиняемый, признавший себя виновным, не получил больше трех лет. По первичным оценкам, Капоне мог получить от двух до четырех лет.

По сведениям United Press, срок тюремного заключения Капоне мог составить два года и шесть месяцев. Вскоре Капоне подтвердил, что его приговорят именно к такому сроку. Естественно, все поверили.

Мягкость ожидаемого наказания вызвала ряд нападок в прессе. «Его арестовали, – прокомментировал один журнал, – только по обвинению в уклонении от уплаты налогов. Очень смешно».

Газета News, издававшаяся в городе Сент-Пол, назвала судебный процесс «вскрытым гнойником всей нашей правовой системы». Луисвиллский Courier Journal писал: «подобные процессы не способствуют гордости США, поскольку бандиты, виновные в любой мерзости… признаются виновными лишь в неуплате налогов». Наиболее мудро поступила News, отметившая, «лучше три года или около того за решеткой, чем вообще ничего». Журнал The New Republic не поддерживал эти рассуждения. Такой срок «был бы победой Капоне». Единственная ошибка Капоне – он не сумел договориться с федеральным правительством с теми искусством и изяществом, которые демонстрировал в локальных масштабах. «Нет смысла говорить о какой-то победе над Капоне. Победа в очередной раз одержана над городом Чикаго».

Кроме того, процесс стали рассматривать как личное поражение судьи Уилкерсона, чего он не мог выносить спокойно. Позже прокурор Джонсон догадался, что Уилкерсон не мог смириться с хвастовством Капоне, что он отделается двумя с половиной годами. Уилкерсона коробило общественное мнение, что у Капоне есть «карманный» судья. Он слыл гордым человеком и, пребывая на этой государственной должности с 1922 года, заслуженно считался одним из лучших специалистов своего времени. Ранее Уилкерсон возглавлял комиссию по торговле Иллинойса, имел завидный послужной список, находясь на должности прокурора, а также считался очень успешным адвокатом с обширной гражданской и уголовной практикой. В любом случае никто и никогда не диктовал Джеймсу Уилкерсону условий.

Аль Капоне не питал
никаких иллюзий о себе.
«Я не ангел, – говорил
он. – Я не стремлюсь быть
моделью для подражания
молодежи. Я делал очень
много вещей, которых

не хотел бы делать.
Но я не такой черный,
каким меня изображают.
Я человек, и у меня есть
сердце».

Адвокат Майк Ахерн появился в суде без Капоне 29 июня, накануне вынесения приговора, и попросил отсрочки в связи с тем, что его клиент завязан на гражданские судебные процессы во Флориде. При условии, что Капоне немедленно приступит к отбыванию срока, Уилкерсон отложил вынесение приговора на 30 июля. Со своей стороны Ахерн тонко намекнул, что, в конце концов, обвинение в заговоре носило недоказуемый характер, а обвинения в отношении налоговых нарушений никогда не приводили к тяжким последствиям. На это Уилкерсон зловеще ответил: «Заговор заговору – рознь, как, впрочем, и налоговые нарушения. Ваше мнение на этот счет я выслушаю 30 июля».

Судебный процесс, удерживающий Капоне во Флориде, напоминал цирк. На следующий день после июньского обвинительного заключения Капоне в Чикаго его адвокат из Майами, Винсент Гиблин, получивший постановление о наложении ареста на имущество Палм-Айленд, потребовал от Капоне $50 000 за судебные издержки. Тем же вечером Гиблин заставил шерифа сесть с ним в грузовик и начал вывозить плетеную мебель из застекленной веранды до вступления постановления в законную силу, то есть до полуночи. Как написала Daily News, «некоторые наблюдатели посмели выразить уверенность, что этот арест носил заказной характер с целью уклонения от уплаты налога на имущество».

По слухам, чтобы противостоять таким спекулятивным предположениям, Гиблин, «экс-футболист демонической энергии», ворвался на Палм-Айленд, 93, где, явно играя на публику, «схватил Капоне за воротник рубахи и пообещал ему забить зубы в глотку».

Адвокат Гиблин знал, что теперь Капоне, находясь в собственном доме, не обладает правом защиты собственности от нападения. Капоне не мог и воспользоваться услугами телохранителей, в свое время поразивших Сиси Паттерсон. Но для Капоне, бывшего вышибалы, не составляло труда нокаутировать бывшего футболиста.

Джек Сьюэлл, молодой владелец магазина одежды в Майами, когда-то спарринговал с самим Джином Тунни. Узнав об этом, Капоне попросил Сьюэлла с ним побоксировать. Сьюэлл решил, что тучный курильщик сигар не представляет для него особой

угрозы. «Но я сразу понял, – вспоминал позже Сьюэлл, – мне придется нелегко. Капоне был крепким, как гвоздь, сильным, быстрым и обладал хорошей защитой». За дружеским поединком наблюдали четверо зорких охранников.

Капоне согласился выплатить Гиблину $10 000, из которых тот должен был оплатить $1000 как поручитель, а остальную сумму принять авансом, чтобы выступать представителем Капоне во всех дальнейших делах. Ни о каких $50 000 не шло и речи.

Незадолго до того, как Уилкерсон предоставил отсрочку оглашения приговора, Капоне посетил американское дерби в Вашингтон-Парке. С ним была гостья, вдова чемпиона в тяжелом весе, Боба Фитцсиммонса[202]. Соседние места занимали телохранители. Среди зрителей был прокурор Джордж Джонсон, пораженный, что восторженная толпа спела «This Is a Lonesome Town When You're Not Around» Дюка Эллингтона в честь Капоне.

Пресса считала это победой Капоне. Казалось, поклонники были готовы петь серенады. Но, как сказал Капоне еще в Филадельфии: «Тюрьма – в любом случае дурное место. Не обольщайтесь». Но именно туда ему предстояло отправиться.

Глава 28
…Навсегда

За день до объявления приговора раздумывающий о снисхождении Капоне, в номере гостиницы Lexington, в домашних туфлях и черной шелковой пижаме, встретился с представителями прессы. «Покидая отель, – сказал Капоне, – я прощаюсь с рэкетом. Я решил с этим покончить, – его кулак ударил по столешнице, – полагаю, вернувшись из Ливенуорта, займусь честным бизнесом».

Как насчет слухов, что Джонни Торрио возьмет дело в свои руки, пока Капоне будет отсутствовать? Капоне рассмеялся: «Торрио испытывает те же чувства, что и я. Он не вернется в этот бизнес и за миллион долларов. Он вышел из дела, теперь ухожу и я, не без помощи правительства Соединенных Штатов. У меня есть жена, сын и прекрасная мать, как у любого мужчины на земле. Они болезненно перенесут разлуку, но у них будет муж, отец и сын, на которого больше никто не посмотрит как на нарушителя закона. Вот почему я признаю себя виновным и намереваюсь принять любое наказание, не оспаривая обвинения федералов и не собираясь заставлять правительство тратить деньги на дорогостоящие судебные процессы и апелляции».

Накануне оглашения приговора Капоне чувствовал себя «замечательно, но нервно». «У меня проблемы, но я не жалуюсь на жизнь. Непонятно, почему правительство не судит банкиров, взявших сбережения у тысяч бедных людей и не вернувших обратно ни цента, когда банки лопнули? Разве не хуже отобрать последние доллары, с трудом накопленные семьей, чем продать немного пива?»

Капоне сказал, что не питает никаких обид: «Если правительство Соединенных Штатов считает, что может очистить Чикаго, отправив меня в тюрьму, тогда все в порядке. Буду очень обязан федералам за кусочек территории, который мне выделят. Увидимся завтра в суде!» Казалось, он сожалел только, что пропустит Всемирную ярмарку, которой никогда не видел, но надеялся, Чикаго будет иметь большой успех.

«Это был явный консенсус, – написал следующим утром репортер. – Капоне ожидал приговора на срок от двух до трех лет, вероятнее всего – на два с половиной и смешного штрафа в $10 000».

Журналисты столпились в зале суда, ожидая появления в 10.00 судьи Уилкерсона. «Ничего особенного, – сказал Капоне. –

Оглашение приговора не займет много времени, но все равно я немного нервничаю. Я всего лишь человек. Моя семья не будет присутствовать. А теперь оставьте меня на несколько минут одного, парни».

Все изменило вступительное слово Уилкерсона. Он заявил, что Капоне признал вину, основываясь на рекомендации прокурора штата с точки зрения воздействия на приговор. «Однако все должны понимать, – тут судья взорвал настоящую бомбу для прессы, – суд не обязан принимать эти рекомендации или выносить решения в соответствии с ними. Стороны процесса не могут указывать суду на приговор. Ответчик не может заключать никаких соглашений, касающихся вынесения судебного решения по делу».

Соглашение было именно тем, на что рассчитывал Капоне, но, похоже, сделка не состоялась, и положение вещей принимало скверный оборот. «Если ответчик, – сказал судья, – просит снисхождения, он должен быть готов ответить на все вопросы, заданные судом, касающиеся обвинений, по которым признал вину».

Это заняло больше времени, чем полагал Капоне. В первой половине дня Уилкерсону предстояло выслушать еще одно гражданское дело, поэтому он отложил дело Капоне до двух часов.

На возобновленном процессе прокурор Джордж Джонсон выглядел немногим лучше, чем обвиняемый и адвокат Майк Ахерн. Руки Джонсона дрожали, а голос то и дело прерывался. Правительство стремилось избежать опасностей судебного разбирательства и отправить Капоне в тюрьму как можно быстрее.

После предъявления первого обвинения адвокаты вступили в переговоры с правительством. В сделке приняли участие налоговики и генеральный прокурор. Федералы согласились рекомендовать суду, чтобы приговоры по всем обвинениям были вынесены одновременно. «Своими дальнейшими действиями я обязан стороне защиты. Если бы они не поняли, что я дам суду подобные рекомендации, Капоне не признал бы себя виновным». Ахерн согласился с Джонсоном, добавив: при установлении договоренности с его стороны было выдвинуто условие, «чтобы ответчику больше не задавали никаких вопросов». Что касается показаний Капоне, Ахерн сказал судье: «Это предусмотрено как просьба – не задавать ответчику никаких вопросов».

Уилкерсон ответил, что суд выслушает рекомендации, но в конечном итоге не обязан принимать решения в соответствии с ними. Уилкерсон начинал понемногу закипать: «Произошли

некоторые вещи, которые я бы назвал по меньшей мере прискорбными. Были сделаны заявления неуважительного характера с целью опорочить правосудие, проводимое усилиями федерального суда. Дошло до того, что в газетах заранее объявили срок наказания. Я не могу оставить подобные разговоры без внимания. Настало время показать обвиняемому, что торговаться с федеральным судом совершенно невозможно».

На следующий день Уилкерсон объявил, что готов учесть признание Капоне виновности в уклонении от уплаты налогов, но также рассматривает обвинение в сговоре с целью нарушения сухого закона.

Уилкерсон распорядился, чтобы Большое жюри изучило обвинение по этому пункту и заменило его на «умышленное нарушение закона Джонса». В последнем случае законодательство предусматривало более суровое наказание. Когда коллегия присяжных попыталась обосновать, почему нельзя обвинить Капоне по закону Джонса, Уилкерсон просто отказался слышать доводы. Уилкерсону было нужно обвинительное заключение, а не теоретический отчет. Капоне отозвал признание вины, касающееся заговора. Уилкерсон назначил слушание по налоговому обвинению на 6 октября 1931 года.

Летом Капоне дал интервью Корнелиусу Вандербильту-младшему[203] в своем офисе в гостинице Lexington.

Капоне сказал, что завидует банкирам: «по сравнению с грабежами, которые устраивают друзья вашего отца, я лишь мелкий игрок». Затем произнес длительный монолог, касающийся экономического, политического и морального упадка Америки, произведя впечатление на своего интервьюера способностью убеждать. По мнению Капоне, единственное лекарство от всех болезней страны заключалось в смене правительства, отправке за решетку всех мэров и полной открытости для общества федеральной власти.

Учитывая положение Капоне, это заявление показалось Вандербильту весьма смелым. «Они пытаются меня напугать, – Капоне демонстративно зевнул. – Федералы прекрасно понимают, что этот город превратится в ад, если меня уберут. Кто еще, кроме меня, может держать в узде мелких рэкетиров, которые досаждают порядочным людям?» Капоне старался выглядеть более уверенным, чем на самом деле. Когда Вандербильт появился в середине судебного разбирательства, Капоне стал отрицать, что давал подобное интервью, назвав его неофициальной деловой встречей.

Почувствовав падение, от Капоне отвернулись некоторые его поклонники. За три дня до суда во время футбольного матча

между командами Северо-Западного университета и Университета Небраски-Линкольна его просто освистали. Президент команды Северо-Западного университета поинтересовался, нельзя ли удалить Капоне со стадиона, на что главный распорядитель игры, старый приятель Зуты, ответил, что у этого человека и лиц, его окружающих, такие же билеты, как и у всех остальных зрителей.

Не дожидаясь окончания довольно вялого матча, Капоне двинулся к выходу. Группа детей последовала за ним и начала выкрикивать всякие гадости. Идущий следом Джек МакГурн, повернувшись, нахмурился и погрозил кулаком, но шум толпы стал сильнее, заглушая скандирование преданных сторонников.

Незадолго до начала разбирательства Капоне попытался исправить свое положение двумя проверенными путями.

Во-первых, представитель Капоне навестил Элмера Ирея и предложил $1,5 миллиона, если он поможет избежать тюремного заключения. Во-вторых, Капоне хотел воздействовать непосредственно на присяжных, но Эд О'Хара назначил тайную встречу Фрэнку Уилсону и показал ему список из десяти имен. Эти люди занимали номера от 30 до 39 в списке присяжных еще до того, как делом занялся судья Уилкерсон.

Люди Капоне предлагали им обычный «джентльменский набор», в который входили деньги, обещание политической карьеры и угрозы. Уилсон, Элмер Ирей и Джордж Джонсон передали список Уилкерсону. Он перезвонил на следующий день, когда получил копию полного списка. Уилкерсон подтвердил, что эти люди действительно занимали номера 30–39 в списке присяжных. «Занимайтесь своим делом спокойно, господа, – сказал судья, по воспоминаниям Уилсона. – Остальное предоставьте мне».

Уилкерсон не уведомил сторону защиты и полностью заменил группу присяжных вместе с судьей Джоном Барнсом. Дело перешло к шестидесяти новым присяжным.

Многие новички проявили нервозность: пятьдесят выступили с заявлениями о самоотводе и лишь восемнадцать выразили согласие.

При обсуждении кандидатов с обеими сторонами судья не стал исключать из списка тех, кто знал о Капоне и выдвинутых против него обвинениях. В 1931 году в эту категорию входили все американцы, за исключением отшельников и кататоников. Уилкерсон исключил тех, кто утверждал, что уже вынес личный вердикт.

В результате по тем или иным, не слишком значимым причинам были отклонены шесть кандидатур, и обе стороны

исчерпали императивный потенциал. Капоне столкнулся с тем, чего меньше всего хотел: в число присяжных входил лишь один житель Чикаго, другой проживал в Уокигане, а остальные имели о нем весьма смутное представление, сформированное газетными публикациями.

Находясь вне зала суда, присяжные были изолированы в семи комнатах в соседнем отеле. Доставка еды осуществлялась непосредственно в номера ($4 и 60 центов в день за счет правительства). Присяжные не имели права разговаривать по телефону. Единственным способом связи с внешним миром были письма, подвергаемые цензуре. Судебные приставы проверяли газеты и журналы, отсекая все ссылки о Капоне. Таким образом, средства массовой информации не могли осуществлять информационные вбросы, в том числе угрозы. «Если бы я сказал, что не волнуюсь, – признался Капоне репортерам, – я бы солгал».

На следующий день, в среду, 7 октября, слушания продолжились. Джордж Джонсон присутствовал на судебных разбирательствах каждый день, позволив коллегам взвалить на него большую часть дела. Дуайт Грин, выступавший в качестве главного помощника Джонсона, позже применил полученный опыт на должности губернатора Иллинойса[204]. В роли других обвинителей по факту неуважения к суду выступали Джейкоб Гроссман, Самюэль Дж. Клосон и Уильям Дж. Фролих. Первый свидетель обвинения, местный налоговый инспектор Чарльз У. Арндт указал, что в его документах нет и не было налоговых деклараций от Альфонса Капоне за 1924–1929 годы, ни под этим именем, ни под каким-либо другим псевдонимом, пусть даже Снорки.

Преподобный Гувер и два его рейдера, Морган и Брэгг, рассказали о налете в мае 1925 года на подпольное казино напротив отеля Hawthorne, когда в дверях появился Капоне и заявил, что является владельцем клуба.

Наконец место свидетеля занял маленький джентльмен Лесли Шамуэй. Репортеру New York Times Мейеру Бергеру он напомнил «нервного, лысого и суетливого дьячка неопределенного возраста из маленькой деревенской церкви». Шамуэй все время прикрывал рот носовым платком, говорил почти неслышно и постоянно посматривал на Капоне и его мрачного телохранителя Фила Д'Андреа, который сидел позади босса и сверлил свидетеля тяжелым взглядом.

Показания экс-бухгалтера не оказали ожидаемого влияния. Федералы столкнулись с проблемой определения реальных активов Капоне, а подкрепленные изъятыми записями из записной книжки, на которую наткнулся Фрэнк Уилсон,

показания Шамуэя могли установить прибыль от азартных игр. Но могло ли обвинение убедить присяжных, сколько именно досталось Капоне? Свидетельство Гувера и его налетчиков о том, что Капоне заявил о правах собственности на подпольное казино, не могло служить доказательством. Зайдя в банк и заявив, что являетесь владельцем, вы не сможете беспрепятственно пройти в хранилище и распорядиться содержимым. Однако, если, заявив о владении банком, предложите сотрудникам выходной и они его возьмут, свидетели вам поверят.

Шамуэй не мог предоставить формальных доказательств права собственности Капоне, но отметил особенности поведения, явно указывающие на это право. Дух высказываний, доступ в задние помещения, куда закрыт вход клиентам, и руководящие указания давали основания понять, что он является хозяином. Шамуэй перевозил прибыль из Subway в безопасный Hawthorne. Сначала его сопровождали двое вооруженных головорезов, но Шамуэй начал возражать: если начнется стрельба на поражение, он будет посредине. Ему позволили носить деньги без охраны. Вскоре Капоне спросил, что он собирается делать в случае попытки ограбления. «Отдам все, не раздумывая», – честно ответил нервный «дьячок». «Кто бы сомневался», – проворчал Капоне в ответ. Кто, кроме босса, посмел бы дать разрешение на столь бесцеремонную сдачу денег, принадлежащих гангстерам?

На третий день, в четверг, 8 октября, появился еще один свидетель, названный в прессе «скрытой дорогой Капоне в Ватерлоо». Обвинение представило суду выводы, сделанные Маттингли.

Защита решительно возражала. Однако были ли возражения достаточно эффективными? «То, что я вижу сейчас, читая стенограмму судебного разбирательства, – говорил Терри МакКарти, один из двух адвокатов, в ходе повторного рассмотрения дела Капоне в 1990 году, – свидетельствует, это были совершенно бездарные адвокаты по уголовным делам. По сегодняшним стандартам, полнейшие дилетанты».

Судья Маршалл, председательствующий на слушании ABA, согласился: «Практика права действительно усложнилась. В то время в юриспруденции были более простые дни».

Стоит заметить, что команда защиты была откровенно неудачной. Высокий, с острыми чертами лица, Майк Ахерн являлся совладельцем выдающегося адвокатского партнерства Nash and Ahern, одного из лучших в Чикаго в рамках уголовного права. Томми Нэш и ранее представлял интересы Капоне в суде, но по причинам, о которых никогда не упоминалось в новостных сообщениях и неизвестным даже сыну Нэша (сегодня он

практикующий чикагский адвокат), не присутствовал на этом процессе. Он считался настоящим волшебником в зале, знатоком закулисья и мастером аналитических исследований. Вместо него сторону защиты представлял Альберт Финк – толстенький коротышка в очках с золотой оправой, придававшим ему забавный вид. Он играл персонажную роль, часто восклицая: «О, где моя совесть!» Несмотря на высокую репутацию в адвокатских кругах, ему явно не хватало навыков Нэша как в юридической стратегии, так и в судебной тактике.

Защита слабо возражала против добавления в дело материалов Маттингли с правовой точки зрения. Ахерн справедливо заметил, что в интересах сбора налогов Конгресс призывал граждан «лично обращаться к правительству и достигать с ним взаимовыгодного соглашения до того, как начнутся гражданские или уголовные тяжбы».

Но после этого заявления защита быстро скатилась в бессмысленную дискуссию, которая выглядела по меньшей мере неуместно.

– Человеческая природа избегает налогов, – провозгласил Ахерн. – У нас было бостонское чаепитие…[205]

– И что дальше? – прервал его судья Уилкерсон. – Вы предлагаете устроить еще одну вечеринку по примеру Бостона?

– Нет, сэр, – признал Ахерн. – Я не знаю, что тут у нас.

Затем к делу подключился Финк, утверждая, что Маттингли превысил полномочия и не понимал, что делает: «Он просто должен был освободить Капоне от уголовной ответственности. Но после того, как чиновники Министерства финансов сказали, что сказанное им будет использовано против клиента, пошел дальше и сделал заявления, лишь усугубившие положение. Я хочу спросить адвоката, зачем он это сделал. Я требую проведения перекрестного допроса».

Этим заявлением Финк испортил все дело. Во-первых, если Маттингли действительно хотел «только освободить Капоне от уголовной ответственности», его действия выглядели как недобросовестная попытка найти компромисс, не являющийся законным поводом для предотвращения уголовного преследования. Во-вторых, никакая глупость или неправильность действий в тактике налогового адвоката не позволила бы Капоне сорваться с крючка. Защита должна была настаивать, что Маттингли прав и все его сделанные «без предрассудков» заявления освобождаются от использования в других процессах, касающихся обсуждения налоговой суммы Капоне. Агенты Налогового управления США делали особенный акцент, что не имеют возможности предоставить Капоне какой-либо иммунитет.

Все заявления Капоне или его адвоката, касающиеся азартных игр, бутлегерства или проституции, могли быть использованы в разбирательстве по этим вопросам.

Защита рассматривала это как доходы, полученные из разных источников, поэтому, в рамках навязываемого Конгрессом компромисса, они не могут быть использованы в более позднем судебном преследовании за уклонение от уплаты налогов.

Естественно, этот вопрос был поднят и на исследовательском процессе ABA 1990 года. «Я уверен, – сказал судья Маршалл, – предложение о компромиссе носило добросовестный характер. Согласно действующим федеральным правилам и правилам, существовавшим в то время – добросовестные предложения о компромиссе не принимаются в качестве доказательств». Этот закон вполне логичен. В подобных переговорах по урегулированию граждане могли идти на самооговор, если считали, что это будет менее проблематичным и затратным, чем борьба с проблемой. «Оплатите два доллара»[206], как гласит старая шутка. Судья Маршалл постановил, что исключит все доказательства Маттингли из повторного судебного разбирательства, и дал «задний ход», только когда обвинение возразило, что дело развалится и всю программу повторного процесса придется отменить. На реальном процессе судья Уилкерсон без колебаний принял все материалы Маттингли.

Жена Капоне, Мэй, стояла горой за своего мужа, несмотря ни на что. После его смерти она говорила: «У общественности есть одно представление о моем муже. У меня другое. Я до конца своих дней буду дорожить памятью о нем и любить его».

«Остается последний шанс, – простонал Альберт Финк, когда началась процедура присоединения «Письма Маттингли» к материалам дела. – Его уже плотно прибили к кресту. Осталось просто вбить последний гвоздь».

Не желая отказываться от начатого, Финк не стал возражать против «Письма Маттингли», поскольку в нем присутствовали некоторые нюансы, по крайней мере, косвенно указывающие, что у адвоката не все в порядке с головой.

Это была провальная тактика. Если материалы Маттингли добавлялись в дело, группа защиты должна была настаивать, что его заявления не имели надежной опоры. Налогоплательщики и адвокаты по налоговым делам имеют право говорить что угодно в целях достижения взаимовыгодной договоренности. Финку не стоило утверждать, что у адвоката не все в порядке с головой, по причине, что он «делает заявления, которые могут довести Капоне до исправительного учреждения». Не возражая против «Письма», Финк лишь подыграл федералам.

Чикагский налоговый агент, занимающийся вопросами мошенничества, Луи Х. Уилсон (не Фрэнк Дж. Уилсон!), свидетельствовал о подходах к нему Маттингли с предложениями урегулирования вопроса, о предварительных встречах 10 и 16 апреля 1930 года, а также о встрече с участием Капоне 17 апреля. Стенограмма этого заседания была занесена в протокол. Наконец, Луис Уилсон рассказал о встрече с Маттингли 20 сентября, на которой тот представил письмо. Последствия этих показаний имели для Капоне ужасающие последствия.

Вопрос с Маттингли окончательно завершился на следующее утро, в пятницу, 9 октября. Обвинение зачитало присяжным его «Письмо», которое дало что-то вроде отправной точки для оценки активов Капоне. После этого все расходы и поступления денег, которые правительство могло доказать, опирались на эту цифру.

Присяжные услышали, как Капоне рассказывал во Флориде о своих интересах в азартных играх. Жюри стали известны расходы на проживание в Metropole и Lexington ($100 и $500 в неделю, соответственно) и на дополнительную арендную плату в $1 633 на двухдневную вечеринку по случаю поединка Демпси и Танни.

На возражение Ахерна, что расходы во время спортивных соревнований не имеют отношения к вопросу о доходах, судья ответил: «Полагаю, во внимание должны приниматься все израсходованные суммы». Паркер Хендерсон рассказал об отношениях с Капоне и о получении денег для него через Western Union. Сотрудники Western Union назвали точную сумму денежных переводов – $77 550.

Свидетелем выступал Джон Фотре, менеджер Western Union в отеле Lexington. Невысокого роста, худощавый, он выглядел словно профессор, случайно оказавшийся в обществе прислуги. Фотре бегал глазами и демонстрировал крайнюю нервозность, пытаясь обмануть прокурора Грина при ответе на вопрос, знал ли он, что у Джека Гузика есть брат по имени Сэм, который осуществлял денежные переводы, подписываясь настоящим именем. К допросу подключился судья, что привело Фотре в замешательство. «Советую вам хорошенько подумать», – сказал

Уилкерсон, объявляя перерыв.

Возможно, менеджер просто не захотел оскорбить таких хороших клиентов. Или просто испугался, хотя ни он, ни какой-либо другой свидетель не обращались за защитой. Согласно одному из рассказов, когда Фрэнк Уилсон упрекнул его в малодушии, Фотре истерически закричал: «Что вы ожидаете, если позволили какому-то громиле сидеть позади Капоне с рукой на рукоятке револьвера?» (вероятно, Фотре имел в виду Фила Д'Андреа).

Поскольку первая половина субботы в то время считалась рабочим временем, заседание суда продолжилось на следующий день. На этот раз изучались повседневные и бытовые расходы Капоне. В Майами его счет за мясо составлял $200–$250 в неделю (стейк из филе стоил 33 цента за фунт); на хлеб и торты у него тратилось $3–$4 в день (средняя цена трехслойного клубничного торта составляла 38 центов). Только в 1928 году он потратил $2100 на озеленение, $859 и 7 центов на китайские ковры и другие половые покрытия; годом ранее на эти же цели было израсходовано $1896 и 97 центов и $2775 в 1925 году (тогда же он заплатил за мебель $21 550). В 1927 году он потратил $2835 на заказные костюмы (максимальная сумма, потраченная на одежду, в 1925 году – $6180) и $869 на рубашки в 1928 году. Ежегодная вечеринка, устраиваемая на день Колумба[207], обошлась в $3160 в 1926 году, а участие в Кентукки Дерби[208] в текущем году обошлось в $4925.

Стоит отметить, что Капоне тратил не только на себя и семью. Его церковные взносы достигли максимума в $15 600 долларов в 1926 году, вклад в Фонд полицейских вдов и сирот – $58 000 долларов в 1925 году. Телефонный счет Капоне в Майами в 1929 году (во время филадельфийской отсидки) составил $3141 и 50 центов – поразительная цифра для присяжных, чьи счета за телефон составляли в среднем $36 в год. Подрядчик из Майами Курт Отто Кернитцер засвидетельствовал, что за построенные гараж и сауну получил от Мэй $6000 наличными. Стоимость второго гаража и других хозяйственных построек перевалила за $10 000.

Когда в полдень был объявлен перерыв и Капоне вместе с адвокатами и телохранителем поднялись с мест, два агента налоговой полиции силой перехватили Фила Д'Андреа, вытолкнули в вестибюль и отобрали закрепленный на ремне заряженный револьвер. Судья Уилкерсон предъявил телохранителю обвинение без права внесения залога, несмотря на заявление Д'Андреа, что, как муниципальный судебный пристав, он имеет разрешение на оружие. Но это не оправдывало ношение

оружия в федеральном суде, тем более что разрешение истекло с приходом администрации Чермака и, по мнению судьи, оказывало психологическое воздействие на свидетелей, искажая результаты процесса.

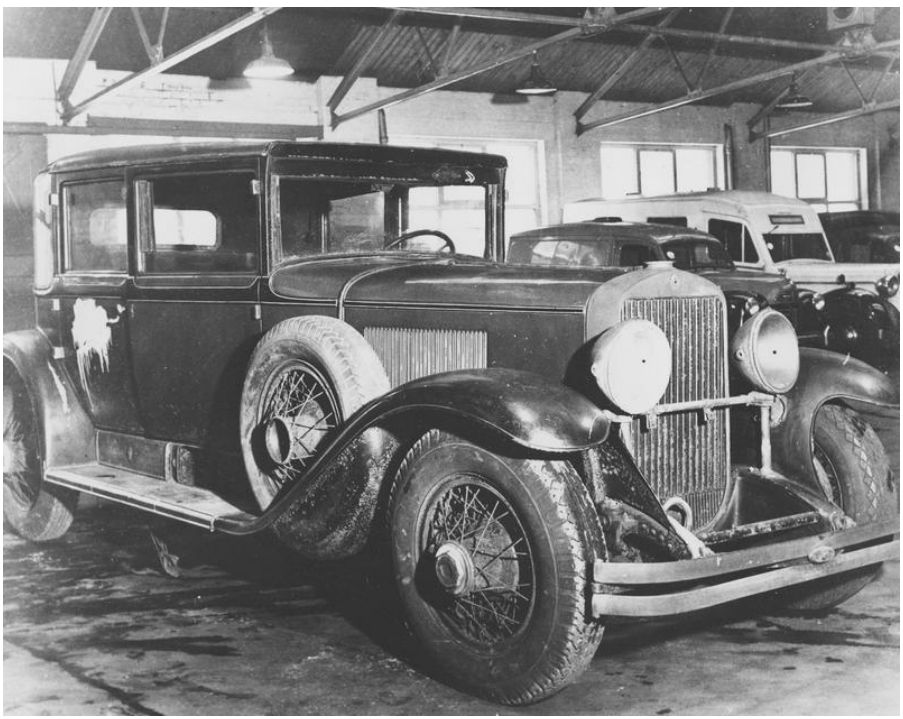
В понедельник, 12 октября, ошеломленные присяжные продолжили выслушивать подробности гламурной жизни Капоне. Они узнали о пристрастиях к костюмам канареечного цвета, заказных рубашках с монограммами, галстуках и носовых платках, закупаемых оптом, ювелирной роскоши и бриллиантовых пряжках для друзей. Как писал Мейер Бергер, при упоминании шелкового белья «деревенские джентльмены с простыми и небрежными привычками в одежде поджали губы». Капоне присоединился к смеху в зале на этот счет, но, по словам свидетелей, его шрам на лице явно покраснел. По словам Бергера, для сельских присяжных это было чересчур. Простые фермеры не видели пользы в китайских коврах, стильной мебели и креслах-качалках. Один из присяжных постоянно тер лоб, пытаясь осмыслить услышанное.

Когда Альберт Финк заявил протест на основании того, что подобные вещи не имеют отношения к делу, Джейкоб Гроссман резонно ответил: «Я только хочу показать, что Капоне отнюдь не получал громадного наследства, и изложенные факты показывают кое-что из его тайной жизни». «Другими словами, – попытался уточнить Финк, – вы хотите показать, что мой подзащитный сделал себя самостоятельно, как Эндрю Джексон, Авраам Линкольн или Герберт Гувер?» – «Не совсем», – возразил Гроссман.

Во вторник, 13 октября, обвинение, к всеобщему удивлению, прервало разбирательства, так и не вызвав Джона Торрио и Луи Ла Кавуа, ожидавших вне зала.

В центре внимания находился Фред Райс, показания которого легко могли убедить любых присяжных, каким громадным влиянием обладал Капоне в игровом бизнесе Чикаго. В свое время Ральф Капоне провел реорганизацию в этой области, заменив главного менеджера по азартным играм Джимми Монди Пеновичем. Знающие люди были прекрасно осведомлены, что Ральф поступил так по указанию своего брата. Однажды Гузик сказал Райсу, ведущему финансовый учет, что он не должен давать деньги «никому, кроме него лично или человека, пришедшему от его имени. Никому, даже Алю». Это «даже Алю» говорило красноречивее остальных слов. Как и Шамуэй, Райс видел в Капоне полного собственника игорных заведений, которому стоило только щелкнуть пальцами, чтобы открыть или закрыть то или иное казино.

Суду предстояло решить, достаточно ли доказательств представила сторона обвинения, чтобы присяжные вынесли вердикт. Тридцать лет спустя, читая стенограммы процесса, судья Маршалл пришел к выводу, что показания Шамуэя и Райса не носили неоспоримого характера и не имели прямого отношения к делу. Тем не менее судья Уилкерсон без малейших сомнений внес их в протокол заседания. Для подготовки речи защита попросила несколько дней. «Мы не проводили никакой работы в этом направлении, пока признание вины не было отозвано», – утверждал Альберт Финк. Судья дал им время до 10 утра следующего дня – среды, 14 октября.



Cadillac 1928 года, ранее принадлежавший Аль Капоне, демонстрируется в гараже в Англии, где он выставлен на продажу 23 февраля 1958 года. Тяжелый бронированный шестицилиндровый седан был отправлен в Великобританию для выставки перед Второй мировой войной, где был куплен на аукционе за 510 долларов. Новый владелец надеется перепродать автомобиль как музейный экспонат.

Адвокаты столкнулись с огромными трудностями, поскольку не разрабатывали линию защиты: все дело строилось на признании Капоне виновности, и, по большому счету, адвокаты

не собирались его защищать. «С самого начала процесса адвокаты были настроены на компромисс, – говорил Том Малрой, прокурор повторных судебных слушаний в 1990 году. – В этом и заключалась сложность. Капоне признал себя виновным, и, когда это не сработало, защите предстояло повлиять на решение присяжных».

У адвокатов не было свидетелей, которые могли бы опровергнуть данные о расходах Капоне, получении им крупных денежных переводов или о доказанной прибыли от азартных игр. Говоря точнее, такие свидетели нашлись, но, по словам Малроя, выглядели смехотворно. Ахерн и Финк сумели привлечь ряд букмекеров, которые в один голос клялись, что Капоне был катастрофически невезуч. Один из них, Оскар Гуттер, сказал: «Большую часть времени он потратил впустую», другой, Самюэль Ротшильд, заявил: «Хотя Капоне и мог выиграть отдельные ставки, в моих книгах никогда не регистрировались крупные выигрыши».

«Все это, – говорил Терри МакКарти, один из защитников на повторном процессе, – нельзя было назвать защитой. Тогда, как и сейчас, правила налогообложения предполагали вычет налогов только из суммы выигрышей, но адвокаты умудрились закрепить в умах присяжных, что налоги следует рассчитывать из всех денег, которые находились в распоряжении Капоне».

Дело достигло кульминации 16 октября, когда показания стал давать Пит Пенович, менеджер клуба Subway, где Райс работал кассиром. У дородного Пеновича, с гладко прилизанными черными волосами, были очень маленькими глаза на мясистом лице. «Он оказался намного лучшим свидетелем обвинения, чем могли предположить прокуроры», – сказал Терри МакКарти. Во время перекрестного допроса Пенович объяснил, что сотрудничал с Капоне потому, что он предложил более выгодные условия и протекцию, чем партнеры по независимому предприятию в Сисеро.

Пенович перестал сотрудничать с Капоне, когда его доля была сокращена с 25 % до 5 % и перешел к Фрэнки Поупу, подчинявшемуся непосредственно Ральфу.

В чем был смысл оборонной стратегии в сложившейся ситуации? Том Малрой считал, что защита просто тянула время, возможно, чтобы лишний раз повлиять на присяжных. «Только что-то подобное может объяснить ужасную тактику адвокатов, которые позволили двадцати трем свидетелям привнести совокупный эффект воздействия на жюри детализацией богатых покупок, которые Капоне осуществил за эти годы. Большинство свидетелей даже не были подвергнуты перекрестному допросу. Я

не думаю, что адвокаты торопились».

В этот день в качестве зрителя в зале появился Эдвард Г. Робинсон, звезда «Маленького Цезаря»[209], «чтобы дать Капоне несколько советов, как должен себя вести настоящий гангстер», – заметил один репортер.

15 октября, в четверг, в 12.12 начальник тюрьмы округа Кук Дэвид Манипенни включил рубильник, и тридцатилетний Фрэнк Джордан, убивший офицера Энтони Рути, преследовавшего убийцу Джейка Линга, умер на электрическом стуле.

Защита отдыхала до двух часов пополудни. Обсуждая стандартные ходатайства о полной невиновности подзащитного, адвокаты, как увидим дальше, заняли неверную позицию, взяв за основу то, что все обвинения до 1928 года должны быть сняты вследствие истечения трехлетнего срока давности, применяющегося к налоговым преступлениям. Суммировав собранные доказательства, Джейкоб Гроссман обратился к присяжным: «У вас есть высокая привилегия заклеймить обвинительным вердиктом как всю организацию, созданную Капоне, так и лично подсудимого».

Затем наступила очередь Ахерна и Финка подвести итоги. Их речи содержали обычную адвокатскую болтовню, характерную для случаев, когда у защиты нет весомых аргументов. Например, крестовый поход федералов против Капоне напомнил Ахерну знаменитое высказывание Катона о разрушении Карфагена[210]. Лишь обращение к жизненным реалиям придавало речам некоторый смысл.

«Если бы имя подсудимого было не Аль Капоне, – заявил Финк, – мы бы умерли от смеха от всех этих доказательств. Не было приведено ни одного факта, подтверждающего получение подсудимым доходов в 1924 году. Обвинение показало его крупные расходы в 1928 году, но ничего не сказало о твердом доходе. Капоне оплатил мебель чеками, подписанными Гузиком? Она могла быть куплена в кредит. В 1929 году Капоне осуществил попытку уплатить налоги уже через два дня после освобождения из Филадельфии. Каким образом можно признать его виновным в обдуманом намерении обмануть правительство? Федералы подвергли моего подзащитного судебному преследованию просто за то, что его зовут Аль Капоне».

Конечно, главная проблема была не в этом. Присяжные прекрасно понимали, кто такой Капоне, какими делами занимается и за чем стоит. «Не упирайтесь в аргумент, – просил Финк, – что обвиняемый плохой человек. Он может быть кем угодно, но по этой причине подсудимого нельзя признать виновным, если вина не доказана». Но присяжные, как и все

остальные, знали, что Капоне заработал очень много денег, не заплатив ни цента налогов.

В этот день судебное заседание посетила еще одна знаменитость, Беа Лилли[211], гастролирующая в городе со своим шоу. Когда Лилли познакомили с Капоне, она тряслась от страха, заикалась и не была способна произнести что-нибудь вразумительное.

В субботу, 17 октября 1931 года, судебные слушания подошли к концу, и слово впервые взял государственный обвинитель и прокурор Чикаго Джордж Джонсон. Он призвал присяжных опираться на здравый смысл. Откуда взялись денежные переводы через Western Union? Каково происхождение этих денег? Быть может, это были подарки, наследство или страховые выплаты? «Господа присяжные, – сказал прокурор, – делайте выводы».

Что касается обвинений, по которым правительство вело следствие из-за особенностей личности обвиняемого, Джонсон попросил присяжных не относиться к нему как к Аль Капоне.

«Будущие поколения, – сказал Джонсон, – не запомнят это дело из-за имени Альфонса Капоне. Они запомнят процесс, который установит, может ли человек выйти за рамки закона и избежать его». Однако в его словах читался и иной подтекст: «Может ли человек, увильнувший от наказания за убийства, не ответить хотя бы за уклонение от уплаты налогов? Другими словами, помните, это – Аль Капоне».

Присяжные вынесли вердикт к 2.40 пополудни. Учитывая сложность дела, казалось удивительным, что жюри понадобилось лишь восемь часов, при этом один из присяжных имел особое мнение и приговор носил компромиссный характер.

Капоне появился в суде незадолго до 11 вечера, его очень волновало решение присяжных. Первый вердикт, который он услышал по единственному пункту обвинения, касающегося 1924 года, – невиновен. Однако возникшую надежду перечеркнуло решение «виновен в уклонении от уплаты налогов за 1925 год» по первому пункту второго обвинения. Капоне был признан невиновным по остальным трем пунктам. То же самое касалось 1926 и 1927 годов: виновен по первому пункту и невиновен по более-менее похожим трем остальным. Еще более удивительным стал факт, что Капоне признали невиновным в уклонении от уплаты налогов в 1928–1929 годах – его обвинили лишь в умышленном отказе от подачи налоговых деклараций за этот период.

Бредовость приговора заставила прокуроров почесать головы: как Капоне мог быть виновен в непредставлении документов,

если не был виновен в уклонении? Он оказался виновным в одном уголовном преступлении в год, но не в трех других, которые имели лишь немного измененные юридические формулировки первого пункта, опираясь на эти же самые доказательства. Обвинению требовалось время, чтобы «переварить» услышанное.

Пятнадцать минут спустя они вернулись в зал. Джонсон объявил, что правительство принимает вынесенный вердикт. Из двадцати трех пунктов, по которым обвинялся Капоне, он был признан виновным по пунктам 1, 5 и 9 второго обвинительного заключения (возможное наказание – до пяти лет лишения свободы плюс штраф $10 000 по каждому пункту) и пунктам 13, 18 (до одного года по каждому пункту плюс $10 000 штрафа). По остальным восемнадцати пунктам из двадцати трех Капоне был признан невиновным.

Тридцать лет спустя на фиктивном повторном слушании дела группа из четырнадцати федеральных присяжных заседателей признала Капоне невиновным по всем пунктам. В чем же заключалась разница? Во-первых, новые адвокаты Капоне придерживались эффективной позиции, утверждающей, что обвинение не могло документировать доход, а подсудимый в самом деле не знал сумму налога и не желал подавать фиктивную информацию. Таким образом, само обвинение носило незаконный характер.

Кроме того, современная команда адвокатов сочла, что методы, используемые стороной обвинения при получении свидетельских показаний от Райса и Шамуэя, по сути, носили принудительный характер. Судья Маршалл, разговаривавший с присяжными сразу после процесса ABA, отмечал: «У них не было реальной уверенности в достоверности показаний этих свидетелей». В 1931 году защита не смогла рассмотреть этого принуждения. Кроме того, как сказал Малрой: «тогда никому не было дела до того, давались ли показания под давлением, это была обычная полицейская практика».

Полагая, что оправдательный приговор, вынесенный в 1990 году судьей Маршаллом, вполне разумен и обоснован, Малрой приводит яркий пример. Если бы реальный суд состоялся сегодня, с Капоне на скамье подсудимых, современный федеральный судья не отправил бы дело на рассмотрение присяжных, поскольку, даже при наличии «Письма Маттингли», обвинение не смогло бы однозначно установить пресловутую «отправную точку», на которой строилось все обвинение. «Конечно, если бы судья Маршалл имел законное право обратиться к присяжным, то, думаю, восторжествовал бы здравый смысл. Современные

присяжные знали то, что знали реальные присяжные: Капоне был виновен, однако, с чисто технической точки зрения, обвинению не хватило аргументации в этом деле».

Через неделю, 24 октября 1931 года, Капоне предстал перед судом для вынесения приговора. Он был одет, как и на всем протяжении разбирательства, в одежду приглушенных (по его представлениям) тонов. На нем был костюм с фиолетовым отливом.

Согласно сегодняшним федеральным правилам вынесения приговоров, за одно и то же преступление Капоне мог получать от семи лет и трех месяцев до девяти. В 1931 году судья Уилкерсон зачитал приговор по первому пункту обвинения. Капоне получил максимально допустимые пять лет и штраф в размере $10 000. Это уже не было неожиданностью: Капоне знал, что наверняка получит столько, как Джек Гузик. Судья приговорил Гузика к тем же пяти годам. Теперь Капоне ждал, когда услышит слово «одновременно», что означало единое наказание по всем аналогичным пунктам и, следовательно, пять лет тюрьмы.

Однако, не упомянув о порядке отбывания наказания, судья перешел к 9-му пункту, назначив такой же срок, а затем к оставшимся трем (по одному году за каждый плюс максимальный штраф). Далее о Капоне пошли плохие новости. Судья слил сроки преступлений по первым двум пунктам в один (по 1 и 5), а срок по 9 пункту вынес отдельно. Это означало десять лет федеральной тюрьмы. Один из оставшихся двух пунктов отнесли к первому сроку, но по второму был вынесен отдельный срок в полтора года. Такая хитрая структура приговора, придуманная Уилкерсоном, означала, что, даже если сработала бы апелляция по тяжелой части, Капоне все равно пришлось бы пробыть за решеткой два с половиной года. В случае неудачи с апелляцией ему светили десять лет федеральной тюрьмы и один год окружной. Наложенные штрафы также были накопительными. Они составили $50 000 плюс оплата судебных издержек в размере $7692 и 29 центов. В освобождении под залог до подачи апелляции судья Уилкерсон отказал. Это означало, что Капоне отправлялся в окружную тюрьму прямо из зала суда, где ему следовало ожидать отправки к федералам.

На следующий день после оглашения приговора в Мортон-Гроув[212] прямо в придорожной закусочной был застрелен Мэтт Колб, не прислушавшийся к угрозам Капоне. Несмотря на решение судьи, бутлегерский бизнес продолжался. Это выглядело словно Капоне продолжал управлять системой, находясь за решеткой, с такой же легкостью, как и на свободе.

Глава 29
За решеткой…

– Думаю, все кончено, – сказал Аль Капоне адвокатам после слов судьи. – Вы сделали все, что могли (это мнение не выдерживало никакой критики).

– До свидания, Аль, старик, – ответил Альберт Финк, хватаясь за руку своего клиента.

Маршал США Генри К. У. Лаубенхаймер, толстый и мрачный, вывел Капоне из зала в окружении приставов, в то время как защитники принялись утверждать, что его следует держать в Чикаго до апелляционного решения.

Уже за пределами зала к Капоне, размахивая какой-то бумажкой, приблизился маленький серый функционер: «Мистер Капоне, я хотел бы…» – не дослушав фразы, Капоне проревел проклятие и сделал движение, словно хотел пнуть подошедшего ногой. Капоне удержали приставы. Чиновник оказался помощником сборщика налогов с требованием выплаты $137 334. Вскоре эта цифра изменится и будет неоднократно обсуждаться.

Спустившись вниз, Капоне кисло улыбнулся фотографам. «Налетай, ребята. Теперь вы очень долго меня не увидите», – сказал он прежде, чем забраться в такси в окружении приставов. Остальной эскорт следовал в другой машине. «Это моя ошибка, – заметил он по дороге сопровождающим. – Меня погубила слава».

Около тюрьмы Капоне ожидало еще больше журналистов. Что Капоне думал о приговоре? «Это удар ниже пояса, но думаю, если я должен его выдержать, сумею это сделать». Он был твердо намерен не ввязываться в неприятности и максимально сократить срок за счет хорошего поведения.

Даже находясь в приемном помещении, Капоне оказался зажат в дальнем углу толпой новостных репортеров и фотографов. «Пожалуйста, не фотографируйте меня здесь, ребята, – умолял он, – подумайте о семье». Когда заместитель начальника тюрьмы увел Капоне в более спокойное место, следом увязался наглый фотограф, намеревающийся сделать фото Капоне с близкого расстояния. Схватив стоявшее рядом ведро, Капоне направился к репортеру: «Я разобью твою чертову камеру!» Его снова удержали охранники.

К вечеру Капоне заселили в удобную камеру в больничном блоке «D». Он отодвинул тарелку отварной солонины с капустой, съел немного рисового пудинга и сделал пару глотков кофе. В остальном Капоне вел себя как образцовый заключенный.

«Он знает, – заметил один из охранников, – как правильно вести себя».

Тюремное радио транслировало композицию «The World Is Waiting for the Sunrise»[213].

Адвокаты Капоне легко добились отсрочки перевода Капоне в федеральную тюрьму до рассмотрения апелляции. Тем не менее судья Уилкерсон не разрешил ему отбывать заключение по годичному сроку и отказал в освобождении под залог. Это означало, что Капоне должен был оставаться в тюрьме округа Кук, хотя проведенное в ней время не учитывалось в основной срок наказания, который технически начинался с поворота ключа в федеральной тюрьме.

Судья Уилкерсон приговорил Фила Д'Андреа к шести месяцам заключения за ношение оружия в зале судебных заседаний. Д'Андреа также направили в блок «D». Его поместили в большую отдельную камеру, заполненную офисными шкафами с бумагами, необходимыми для исполнения обязанностей президента Союза: фактически он сменил Джо Айелло[214].

Капоне продолжал контролировать ситуацию в криминальном мире Чикаго, словно находился дома, а не в тюрьме округа Кук. Приблизительно через шесть недель судье Уилкерсону, прокурору Джорджу Джонсону и начальнику тюрьмы Дэвиду Манипенни пришли анонимные телеграммы, в которых сообщалось, что Капоне ежедневно принимает посетителей, приезжающих на лимузинах с охраной, постоянно совершает телефонные звонки, отправляет курьеров с телеграммами и даже имеет секретаря. Другими словами, Капоне беспрепятственно продолжал управлять организацией.

Начальник тюрьмы Манипенни решительно отрицал особое отношение к Капоне. По его словам, камера D-5, в которой содержался заключенный, была не больничной палатой, а общим помещением для выздоравливающих. Манипенни устроил репортерам своеобразную экскурсию, демонстрирующую суровость помещений. Капоне подыграл начальнику, поинтересовавшись у посетителей: «Я в тюрьме. Все довольны? – Он сделал жест рукой, подчеркивающий, что условия не совместимы с нормальной жизнью. – Приглашаю всех желающих. Я лично ничего хорошего тут не вижу».

Федералы реабилитировали Манипенни, но отныне маршалу Лаубенхаймеру вменялось лично разрешать любые визиты к Капоне, кроме семейных. Был заложен общий порядок последующего пребывания Капоне в окружной тюрьме, продлившийся шесть с половиной месяцев.

Неудивительно, что мистер Смит и мистер Джонс,

приезжавшие посмотреть на Капоне или в качестве специальных посетителей D-5, на самом деле оказались членами его организации. В ответ была сформирована группа доверенных охранников, которые должны были сопровождать каждого посетителя, при наличии специального пропуска.

Заявки на пропуска заказывали разные политики, а затем передавали таким людям, как Джо Фуско, Мюррей Хамфрис и Джек Гузик. Лаубенхаймеру пришлось установить круглосуточный надзор за Капоне.

Но посещения не прекращались. Однажды к Капоне пришли Лаки Лучано и Датч Шульц, между которыми возник ряд противоречий. Для соблюдения конфиденциальности Манипенни устроил им встречу в камере смерти, в которой Капоне не без удовольствия занял председательское место на электрическом стуле. Встреча не принесла положительного результата: Шульц проявил упрямство, которое, возможно, и привело к его убийству три года спустя[215].

Майк Ахерн продолжил добиваться апелляции. Как сказал судья Прентис Маршалл: «если бы адвокаты Капоне практиковали сегодня, я бы никогда не рекомендовал их клиентам». Предполагалось, в апелляции будут фигурировать материалы Маттингли. Еще одним важным вопросом было применение судьей Уилкерсоном шестилетнего, а не трехлетнего срока давности по отношению к налоговым преследованиям. В законе говорилось, что в течение шести лет преследуется только налоговое мошенничество, а на все остальные налоговые правонарушения установлен срок давности три года. Тем не менее окружные суды относили уклонение от уплаты налогов к налоговому мошенничеству.

Важным фактором было время, которое обвиняемый провел за пределами юрисдикции своего преступления без учета срока давности. Альберт Финк, поднявший этот вопрос мимоходом во время судебного разбирательства, не касался времени, проведенного Капоне во Флориде и Филадельфии, и не упоминал о нем при рассмотрении дела по апелляции. По большому счету, это оказалось не важно, поскольку в апелляции, поданной Ахерном, о материалах Маттингли и о сроках давности не было сказано ни слова. Адвокат заострял внимание только на неспособности обвинения представить подробный отчет, как Капоне уклонялся от налогов. В худшем случае это было безобидной ошибкой.

27 февраля помощник начальника тюрьмы Уорден Эдвард Неттлз оторвал Капоне от игры в карты и сообщил, что окружной апелляционный суд отклонил апелляцию. Капоне только пожал

плечами. Оставалась надежда на пересмотр дела Верховным судом.

Через три дня у знаменитого авиатора похитили полуторагодовалого сына, Чарльза Августа Линдберга-младшего, прямо из детской кроватки в Хопуэлле, штат Нью-Джерси. «Это – самая возмутительная вещь, о которой я когда-либо слышал в жизни», – сказал Капоне, предлагая $10 000 за информацию.

Фрэнки Рио появился в Хопуэлле с предложением: временно выпущенный из тюрьмы Капоне сможет вернуть ребенка в течение сорока восьми часов. «Я знаю многих людей, которые могут быть полезны в поисках, – говорилось в заявлении Капоне, – но ничего не могу сделать, сидя за решеткой. Уверен, что смог бы помочь, оказавшись на некоторое время на воле». Он объяснил одному из редакторов Херста Артуру Брисбену, что ожидает не свободы, а лишь условно-досрочного освобождения и «готов дать любой залог в любой форме». В частности, Капоне соглашался оставить в заложниках брата Джона до возвращения в тюрьму: «Вы же не думаете, что я подставлю собственного брата?»

Расследование по похищению сына Линдберга возглавил суперинтендант полиции штата Нью-Джерси полковник Норман Шварцкопф (его сын в дальнейшем поступил на службу в армию и стал генералом).

После предложения Капоне Линдберги вызвали оперативных агентов Налогового управления Артура Мэддена и Фрэнка Уилсона. По их совету, супруги отклонили предложение. Капоне снова повторил его через шесть недель после того, как обезумевшие родители заплатили выкуп в размере $50 000, но им не вернули сына (на самом деле ребенок уже был убит). Линдберги снова отказались, хотя от них мало что зависело: после проделанной долгой и тяжелой работы, чтобы ухватить Капоне, правительство не пошло бы на подобную сделку.

2 мая 1932 года Верховный суд объявил федералам, что оставляет Капоне за решеткой. На следующий день в Чикаго прибыла заверенная копия отказа в истребовании дела вышестоящим судом из производства нижестоящего.

Почти в самую последнюю минуту Министерство юстиции изменило решение, куда препроводить Капоне. Осужденный Сэм Гузик был отправлен в Ливенуорт. Нитти находился там же, вплоть до освобождения 24 марта 1932 года. Также в Ливенуорт отправили Джека Гузика 8 апреля. Другими словами, в Ливенуорте было слишком много вольностей и слишком мало дисциплины: и Нитти, и Сэм Гузик работали во время заключения на скандально теплых местах. Нитти носил гражданскую одежду и возил начальника тюремной фермы; Сэм возился с садовым

грузовиком. Ральф Капоне начал отбывать срок в Ливенуорте 7 ноября 1931 года, но 10 декабря судья перевел его в Исправительный центр на Макнейл-Айленд (штат Вашингтон). Было решено, что Аль Капоне отправят отбывать наказание в федеральную тюрьму Атланты, считающуюся очень суровой. Капоне в тот день прощался с семьей и ничего не знал. Он услышал сообщение по радио, направляясь к станции Дирборн, откуда в 11.30 отходил поезд Dixie Flyer.

3 мая 1932 года маршал Лаубенхаймер приехал в тюрьму с документом, который предписывал доставить Альфонса Капоне в Атланту и Вито Моричи – тощего двадцатишестилетнего автоугонщика – на суд во Флориду.

Центральный двор тюрьмы был переполнен фотографами и журналистами, которых едва сдерживали оперативники, заместители маршалов и чикагские детективы. Глядя через зарешеченные окна, Капоне помахал рукой: «Можно подумать, что провожают Муссолини».

«Я спокойно приму приговор по двум причинам, – сказал Капоне журналистам, пробравшимся следом в поезд. – Единственным способом получить помилование является хорошее поведение заключенного. Про вторую я вам не скажу» (возможно, как прекрасный знаток итальянской кухни, он надеялся стать поваром, а начальник тюрьмы окажется любителем спагетти?). Вечером 4 мая в 7:46 Dixie Flyer прибыл на вокзал Атланты, опередив график на четыре минуты.

Белый каменный фасад тюрьмы США в Атланте возвышался на шестьдесят футов, а по бокам и сзади она была окружена тридцатифутовыми стенами. Массивные внешние ворота стояли между двумя дорическими колоннами. В 9.10 небольшая группа прошла по ступенькам. «Кто вы?» – спросил охранник. «Маршал Соединенных Штатов из Чикаго, – представился Лаубенхаймер, – доставил для отбытия срока наказания Альфонса Капоне». Маршал, сопровождающие и Капоне, покоренный и трепещущий от волнения, прошли во внутренний двор, где были встречены начальником тюрьмы А. С. Адерхолдом.

Начальник пожал маршалу руку и повернулся к новому заключенному:

– Имя?

– Альфонс Капоне, – раздался едва слышный ответ.

– Срок?

– Одиннадцать лет.

– Приговор у меня в кармане, – вмешался Лаубенхаймер, – не одиннадцать, а десять. Последний год он проведет в окружной тюрьме.

– Итак, – продолжал начальник, – ваш номер четыре-ноль-восемь-восемь-шесть. Номер 40886 сдал $231, которые были в кармане. Единственными ценными вещами при нем оказались шестнадцать религиозных медалей, четки, авторучка, ключ, кошелек и маникюрные ножницы. Взамен он получил синий комбинезон из джинсовой ткани с бирками 40886, пришитыми на грудь и штанину.

Сзади подобрался фотограф с уже нацеленной камерой. «Убирайся», – зарычал охранник. Фотографирование федеральных заключенных было запрещено. На следующий день, когда маршал Лаубенхаймер вернулся, чтобы забрать оформленные документы, не услышал никаких новостей: федеральный заключенный номер 40886 был отрезан от мира. Теоретически.

Капоне стал следовать установленному рутинному распорядку дня: подъем в 6.00, завтрак 6.30 – 7.00, работа 7.00–11.30, возвращение в общую камеру (в ней находилось еще семь человек), обед, возвращение в камеру, снова работа с 13.30 до 16.30, ужин, возвращение в камеру в 17.30. С 19.00 до 22.00 в камере работало радио. Затем освещение выключалось.

Капоне определили работать в обувной мастерской. Достаточно скоро он стал весьма хорошим сапожником. Администрация назвала Капоне идеальным заключенным: «Он подчиняется каждому приказу, едва услышав», – рассказывал один из тюремщиков. Капоне тяжело переживал заключение. В окружной тюрьме он рассказывал о времени сна: «Сон – как побег» – сказал Капоне охраннику, который заметил, что он спит как убитый все восемь часов. – Когда сплю, я не заключенный. Таким образом, я сокращаю срок на треть». Теперь Капоне снились кошмары, он всхлипывал и плакал во сне, вскрикивая: «Нет! Нет!» Сокамерники часто будили его.

К осени 1932 года, казалось, у Капоне появился шанс. 11 апреля 1932 года, менее чем за месяц до прибытия Капоне в Атланту, Верховный суд создал прецедент, постановив, что уклонение от уплаты налогов не является мошенничеством, а это означало трехлетний, а не шестилетний срок давности. Таким образом, с Капоне могло бы быть снято преследование по эпизодам, охватывающим 1925–1927 годы. Поскольку по тяжелым обвинениям 1928 и 1929 годов он был оправдан, оставался срок в два года и шесть месяцев года (по одному году за 1928 и 1929 годы плюс шесть месяцев за неуважение к суду).

В августе были наняты два талантливых адвоката – якобы Терезой.

Правительство назначило Уильяма Лихи специальным прокурором в деле против Ника Арнстейна, мужа Фанни Брайс.

Он также выступал в составе группы защиты бывшего министра внутренних дел Альберта Фолла в разбирательствах, касающихся Типот-Доумского нефтяного скандала. 21 сентября 1932 года Лихи и его советник Уильям Хьюз подали запрос на постановление хабеас корпус в федеральном районе, включающем Атланту.

После нескольких слушаний и переносов дело передали федеральному судье Марвину Андервуду 26 апреля 1933 года в Новом Орлеане.

В качестве свидетеля стороны обвинения выступал налоговый агент Дуайт Грин. Вопрос о сроке давности налоговых преступлений носил первостепенный характер. При создании прецедента сторона защиты подняла этот вопрос в начале судебного разбирательства и немедленно возразила против шестилетнего срока давности, сделав это частью апелляции. Альберт Финк прозевал этот аспект, не увидев проблемы. Фактически он согласился с судьей Уилкерсоном, который придерживался шестилетнего правила, практиковавшегося в окружных судах. Более того, адвокат Ахерн не внес данный спорный вопрос в оригинальный текст апелляции. В этой ситуации его рассмотрение означало для судьи Андервуда вмешательство федералов в окружную юрисдикцию. Отказ в пересмотре срока давности был предрешен.

Один из сокамерников позже процитировал слова Капоне об адвокатах: «Этим тупым ублюдкам платят огромные деньги, а они не могут защитить и простого карманника». Поняв, какими дилетантами оказались Ахерн и Финк, Капоне отправил к ним коллекторов, которые потребовали вернуть все деньги обратно. Адвокаты были счастливы, что легко отделались.

Первые признаки предсказуемого отмирания сухого закона проявились еще до того, как 4 марта 1933 года президентом стал Франклин Рузвельт. 16 февраля Сенат проголосовал 63 голосами против 23 за внесение 21-й поправки, отменяющей 18-ю. Четыре дня спустя голосование состоялось в палате представителей (289 голосов «за» и 121 «против»). Между тем новая администрация внесла на рассмотрение Конгресса законопроект, разрешающий продажу пива крепостью до 3,2 %. 5 декабря 1933 года Юта стала тридцать шестым штатом, ратифицировавшим отмену запрета. Таким образом, правительство совершенно спокойно отменило все дальнейшие судебные преследования, в том числе Капоне и других членов его организации.

Прибывший в Атланту образцовый заключенный сразу стал объектом пристального внимания окружающих. Один сокамерник утверждал, что Капоне пользовался особыми привилегиями,

например, курил сигары стоимостью $2. Другой говорил, что Капоне изготовил для себя обувь за $25 долларов, перемещался по двору с телохранителем и по-прежнему управлял организацией путем деловой переписки, которая, по специальному указанию, не подлежала цензуре.

Начальник тюрьмы категорически отрицал подобные факты. С его слов, самый известный заключенный в Атланте был просто номером 40886, носил обувь установленного образца и покупал табачные изделия у тюремного комиссара на $10 в месяц. Он жил как остальные.

Правда, Капоне получал много писем от поклонников, больше, чем начальник тюрьмы, однако он мог отвечать на них только в соответствии с установленными правилами – два письма в неделю. Как писал начальник тюрьмы, «исключение составлял только усиленный контроль посетителей, поскольку, как мы полагали, его друзья, вероятно, попытаются переправить деньги или оружие. Остальные права и привилегии Капоне ничем не ущемлялись. К нему относились как к любому другому заключенному – ни лучше ни хуже».

«Все рассказы начальника тюрьмы – вздор, – утверждал еще один бывший сокамерник, – Капоне жил, как король». Безусловно, это было преувеличением. Капоне жил в общей камере, а тюремные записи свидетельствуют скорее о слухах и сплетнях, а не о каких-то особых поблажках со стороны начальства.

Тюремный врач Уильям Ф. Осенфорт разрешил Капоне носить обувь с супинаторами, изготовленную еще в Ливенуорте. На прогулке его всегда окружало несколько наемных заключенных, вероятно, исполняющих функции телохранителей.

Даже дисциплинарные тюремные отчеты свидетельствовали о привилегиях, которыми был наделен Капоне: образцовый заключенный отличался нездоровыми излишествами.

Один охранник написал, что у Капоне слишком много нижнего белья (семь пар подштанников) и носков (десять пар), а также восемь простыней и две перьевые подушки домашнего изготовления, в дополнение к казенной. В качестве наказания Капоне должен был сдать подушки. Другой, не менее бдительный надзиратель обнаружил, что Капоне дооборудовал кровать деревянными рейками, закрепленными на специальных пружинах, которые делали койку более удобной. Надзиратель назвал это дерзостью. Третий тюремщик по имени Э. У. Йейтс жаловался, что Капоне нахамил в ответ на приказ помыть окно: «Уже второй случай, когда этот заключенный проявляет неуважение ко мне перед лицом других сокамерников», – отрапортовал он в письменной форме заместителю начальника

Джулиану А. Шоуну. Последовавшее наказание было максимально легким: образцовому заключенному вынесли выговор с предупреждением.

В восьмиместной камере, помимо лишнего нижнего белья, Капоне держал фотоальбом, два коврика, бритвенный прибор, зеркало, халат, пишущую машинку, ракетку для тенниса, теннисные туфли, будильник и двадцать четыре тома Британской Энциклопедии. При желании поиграть на прогулке в теннис Капоне не приходилось ожидать очереди. В игре пара на пару один из игроков освобождал ему место; в одиночной игре он выбирал соперника, а третий лишний уходил с площадки.

Ключ к разгадке его влиятельности был в углублении, вырезанном в рукоятке теннисной ракетки. Там всегда находилась пара тысяч долларов, которые было легко достать в любое время. Одним из сокамерников Капоне был Моррис Руденский, по кличке Рэд, но Капоне звал его Расти. С этим медвежатником он был немного знаком в Чикаго. Позже Руденский утверждал, что организовал контрабандную передачу денег через доверенных лиц и хранил их для Капоне в выдолбленной рукоятке метлы. Скорее всего, ни Капоне, ни организации не требовалось давать взятки. Начальник Адерхолд говорил, что Капоне, как и другие заключенные, имел право делать покупки лишь на $10 в месяц. Многие заключенные не могли себе позволить даже этого, поэтому Капоне просто давал им деньги, позволяя использовать часть, а остальное оставлял себе. Возможно, для охранников и прочих должностных лиц существовали и другие прямые операции с наличными.

ФБР провело собственное расследование, пытаясь собрать обвинительное дело против Капоне по факту контрабанды денежных средств в федеральную тюрьму. Специальный агент ФБР в течение пяти лет изучил более тысячи записок и, в конце концов, написал Дж. Эдгару Гуверу[216], что, «поскольку в течение шести месяцев не наблюдалось никаких действий», он объявляет дело закрытым.

Нужно было что-то делать. Джеймс В. Беннетт, позднее ставший директором Федерального бюро тюрем, признавал, что Капоне стал «слишком большой проблемой для наших офицеров в Атланте». Он не имел замечаний и демонстрировал хорошее поведение, но по-прежнему считался королем преступности, продолжая управлять своей организацией. У федералов зрело решение.

Глава 30
…В ад и обратно

В августе 1933 года генеральный прокурор США при президенте Рузвельте Гомер С. Каммингс попросил помощника обдумать следующее предложение: «Было бы неплохо подумать о создании специальной тюрьмы в каком-нибудь отдаленном месте. На удаленном острове или на Аляске. Главное, чтобы у содержащихся в ней лиц не было возможности постоянного общения с друзьями, находящимися на свободе». Через неделю в Министерстве юстиции такое место нашли.

Оно располагалось в заливе, на расстоянии одной мили с четвертью к северу от Сан-Франциско, и омывалось течением, температура которого составляла 51[217] градус Фаренгейта, а скорость – 6–9 узлов.

В 1775 году, когда этот остров впервые увидели испанские моряки, он был сплошь покрыт птицами, за что получил название Исла-де-Алькатрасес (остров пеликанов). Остров с высокими, стотридцатифутовыми утесами и неровной поверхностью, покрытый гуано, показался лейтенанту Хуану Мануэлю де Авала бесполезным. Он решил не исследовать территорию. Остров оставался необитаемым на протяжении еще семидесяти лет.

Остров Алькатрас полностью устроил Каммингса. Когда-то там располагался форт, затем военная тюрьма. В 1933 году на острове все еще оставались дисциплинарные казармы, и Министерство обороны США планировало в ближайшее время освободиться от обузы. За $260 000 остров приобрело Министерство юстиции с целью создания тюрьмы, с гарантированной защитой от побега.

Урезанный бюджет времен Великой депрессии позволил устроить только половину камер, зато были отстроены оружейные галереи и пять сторожевых вышек с перекрывающимися секторами огня. Ворота в рабочих зонах, оснащенные электрозамками, задействовались только с вышек. Открытие главных ворот осуществлялось двумя офицерами, один из которых находился внутри, управляя стальными панелями ворот дистанционно, с помощью электричества. Заключенные и посетители проходили через металлодетекторы настолько чувствительные, что стальные супинаторы в обуви Капоне пришлось заменить на пластиковые, а при первом посещении острова матерью Капоне ее стальной корсет поднял тревогу.

Ральф Капоне, брат тяжело больного Аль Капоне, приносит пиво журналистам, которые наблюдают за домом Капоне в Майами-Бич, 25 января 1947 года. Грузовой автомобиль с кислородными баллонами проезжает через охраняемые ворота.

Военные покинули остров 19 июля 1934 года, и уже 1 августа Федеральное бюро тюрем приняло его под свою юрисдикцию, а на следующий день вступил в должность начальник тюрьмы Джеймс А. Джонстон. Прослужив год надзирателем в Фолсоме в 1913 году, а затем двенадцать лет в Сан-Квентине[218], он, в конце концов, занялся банковским бизнесом. Будучи активным сторонником пенитенциарной реформы, Джонстон свято верил в возможность реабилитации. Правительство назначило Джонстона начальником тюрьмы, которую никто не пытался позиционировать как реабилитационный центр, где заключенных просто-напросто содержали.

Субботним вечером, 18 августа 1934 года, Гомер Каммингс завершил окончательную инспекцию готовности Алькатраса к принятию пятидесяти трех заключенных из Атланты. «После еды, – вспоминал сокамерник Капоне Руденский, – к камере подошел Швид, мягкий и ничем не выделяющийся охранник и постучал дубинкой по решетке. Четверо других зашли внутрь, но разбушевавшийся Капоне заявил, что не сделает ни шагу, после чего прибежали еще трое. По тюрьме уже несколько недель

ходили слухи об Алькатрасе, и Капоне сразу догадался, в чем дело. Капоне потерял самообладание и бросился на ближайшего охранника, покрывая его бранью».

Последнее, что услышал Руденский, был вой Капоне: «Грязные сукины дети! Вы никогда меня отсюда не вытащите!»

Вместе с другими заключенными, которых переводили в Алькатрас, Капоне раздели, обыскали и выдали новый комплект одежды. Теперь федералы были спокойны насчет попыток побега или помощи извне. Внутри тюрьмы Атланты находилась железнодорожная ветка, на которую прибыл специальный поезд. Наглухо закрытые окна стальных вагонов были прикрыты тяжелой проволочной сеткой, и проходы простреливались по всей длине. На следующий день, в 5 часов утра, поезд выехал из тюремного двора. Все пятьдесят три пассажира были прикованы наручниками к сиденьям. Поезд не останавливался ни на одной станции, его передвижение официально не фиксировалось, за исключением телефонных докладов лично начальнику Джонстону.

Ранним утром в среду, 22 августа, поезд объехал суетливый Окленд и скользнул в крошечный, почти неиспользуемый заезд в Тибуроне, где заключенных пересадили на баржу, которая плыла через залив прямо до Алькатраса.

С ног заключенных сняли кандалы, и они, объединенные наручниками попарно, взобрались на гору к задним воротам. При виде главного здания тюрьмы один из заключенных не выдержал и зарыдал.

После переклички все прибывшие были снова раздеты, обысканы, отведены в душ, накормлены, заперты по камерам, и Джонстон послал Каммингсу телеграмму: «Мебель в количестве пятьдесят три ящика получена в хорошем состоянии и расставлена без поломок».

Чуть позже в Алькатрас из Ливенуорта доставили еще сто три «ящика» и меньшие партии «груза» из тюрем острова Макнейл и Луисбурга. Вскоре привезли восемь организаторов голодовки из тюрьмы Вашингтона, округ Колумбия.

Капоне стал номером 85 из камеры 181.

Министерство юстиции и начальник Джонстон позаботились о подборе абсолютно неподкупного персонала, чем и прославился Алькатрас. Капоне не получал никакой информации о происходящем снаружи. Сюда не поступали контрабандные письма и сообщения. Все письма, приходящие законным путем, подвергались строгой цензуре, а затем перепечатывались охранниками, причем из них убирались малейшие намеки на бизнес или действия бывших соратников. Цензоры вырезали даже

упоминания о текущих событиях нейтрального характера. Газеты были запрещены; журналы должны были быть выпущены по крайней мере семь месяцев назад.

Единственным источником новостей выступали новенькие. В лучшем случае заключенным разрешалось написать одно письмо в неделю, причем только ближайшим родственникам. Эти письма также подвергались цензуре. Получив специальное разрешение, они могли писать адвокатам, эта переписка цензурировались, как и вся остальная.

В Алькатрасе не существовало специальных дней для свиданий. Ближайшие члены семьи имели право посещения два раза в месяц, причем каждый раз по предварительной письменной просьбе. Из них исключались имевшие судимость, таким образом, у Ральфа не было возможности видеться с братом. Посетители и заключенные не имели физического контакта: они сидели по разные стороны, разделенные стеклянной перегородкой с перфорированной металлической полосой посередине. Подобная звуковая система связи была плохой, обеим сторонам приходилось говорить очень громко, чтобы их слышали охранники, обладающие правом прервать свидание даже при намеке на запрещенную тему.

– У меня много друзей, – сказал Капоне Джонстону при первом знакомстве. – Думаю, у меня будет много посетителей…

– Капоне, – ответил начальник, – вашим друзьям и коллегам сюда и шагу не дадут ступить. Только кровные родственники, два раза в месяц, и никаких исключений.

Никто не стал бы провозить Капоне деньги – в этом не было смысла, поскольку их невозможно было потратить. Джонстон намеренно уничтожил все предпосылки, при которых деньги одних заключенных могли бы быть использованы как инструмент влияния на других. В Алькатрасе не было комиссара, никаких сигар. Руководство обеспечивало осужденных всем необходимым. Стоит отметить, Джонстон действительно проявлял заботу и внимание, предупреждая беспорядки, распространенные в других тюрьмах. Правила FBP[219] предусматривали не менее 2100 калорий в день на человека, в Алькатрасе суточная норма составляла в среднем 3100–3600 калорий. На обычный обед заключенные могли взять суп на выбор (или даже весь, имеющийся в ассортименте). Меню предусматривало говядину с макаронами и томатным соусом, бобы, капусту, лук, перец чили, печенье, пудинг, мороженое, чай со льдом и кофе. Заключенным могли предложить на ланч миланский суп, запеченный мясной пирог с пряной свеклой и швейцарским мангольдом, хлеб и чай.

Курильщики получали три пачки сигарет в неделю (обычная

тюремная валюта). Но обеспечение сигаретами являлось финансовой проблемой федералов, остальной табак относился к предметам роскоши. Коробка сигар и четыре упаковки жевательной резинки, которые Капоне захватил с собой из Атланты, были официально отправлены на его домашний адрес. В Алькатрасе стоимость табака подверглась дальнейшей дефляции, поскольку те, у кого заканчивались положенные сигареты, могли получать их поштучно из специальных автоматов, установленных в каждом блоке. Отдельные камеры и круглосуточное наблюдение – один охранник на троих заключенных – исключали воровство и традиционные способы влияния заключенных друг на друга.

Система работала против Капоне, в созданных условиях у него не было способов купить популярность или обрести какие-то способы воздействия. Он предлагал создать тюремный ансамбль, оборудовать за его счет теннисный корт или отправлять денежные средства в помощь семьям наиболее бедных заключенных, но все подобные предложения были отвергнуты Джонстоном.

Как и все остальные, Капоне жил в камере размером девять на пять футов. Она была настолько узкая, что, вытянув руки в стороны, он мог одновременно касаться ладонями противоположных стен. Внутреннее убранство камеры состояло из узкой, почти детской, откидывающейся койки, стола, стула, умывальника и туалета.

С 16.50 до 6.30 утра (свет отключали в 21.30) он не видел никого, кроме контролирующих охранников. В камерах отсутствовало радио. Свет давали одновременно с сигналом подъема. Три раза в неделю каждый заключенный мог побриться, причем лезвие передавалось через решетку, после чего снова забиралось охранником. В 6.55 заключенные молча следовали на завтрак. Принимать пищу также полагалось в тишине. В стены столовой были вмонтированы десять емкостей со слезоточивым газом, которые могли быть дистанционно задействованы в случае возникновения беспорядков. В 7.20 узники направлялись на работу, длившуюся с 7.30 до 11.30 в тишине. Разговаривать на работе запрещалось. При возникновении рабочего вопроса следовало обращаться либо к охраннику, либо к одному из гражданских наемных мастеров. Во время восьмиминутного перерыва в 9.30 заключенные могли курить и разговаривать, но не собираться в группы. Обед начинался в 11.40 и длился двадцать минут, после чего следовало построение перед камерами для поверки и продолжение работы с 12.20 до 16.15, предусматривающее очередной восьмиминутный перекур в 2.30. После ужина в 16.25 заключенные запирались в камеры на ночь.

Суммарно за сутки охранники пересчитывали их тринадцать раз, рабочие мастера – шесть раз во время работы.

В выходные дни заключенные могли общаться два часа во время занятий спортом или чем-то другим. Капоне занимался музыкой, овладел банджо и мандолой[220].

Примерно через четыре года Джонстон смягчил правило молчания и некоторые другие стеснения с точки зрения внешнего мира. Заключенные получили возможность посмотреть четыре фильма в год по праздникам с любимой маленькой звездочкой Ширли Темпл[221]. Была предоставлена возможность подписаться на текущие журналы, одобренные начальством.

С первого дня начальник тюрьмы Джонстон опасался, что Капоне попытается доминировать над остальными. «Было очевидно, – вспоминал Джонстон о первой встрече, – что он хотел произвести впечатление на других заключенных, задавая мне вопросы таким образом, словно являлся лидером. Мне нужно было убедиться, что у заключенных не возникло подобного убеждения. Я присвоил Капоне номер, обязал выполнять стандартные инструкции и приказал двигать вместе со всеми».

Тем не менее Капоне не потерял звездный статус. Директор федерального управления тюрем Джеймс Беннет назвал его самым выдающимся гангстером всех времен. Теоретически Джонстон мог признать, что так и есть, поскольку устал слышать имя Капоне. При посещении Rotari, Commonwealth, Olympic и других клубов Сан-Франциско его постоянно донимали репортеры, интересующиеся, как поживает Аль Капоне, чем занимается и является ли боссом для других заключенных. Даже федеральные офицеры начинали беседы с вопроса: «Как там ваша звезда?» Терпение Джонстона лопнуло поздно вечером, когда Сэнфорд Бейтс, предшественник Беннетта, позвонил по телефону и поинтересовался, разрешено ли Капоне заказывать шелковое нижнее белье из Лондона.

Бюро делало все возможное, чтобы прекратить разговоры о Капоне, как внутри организации, так и вне, заявив: «Исправительное учреждение Алькатрас является непревзойденным с точки зрения удаленности и изолированности». Заключенный Алькатраса «полностью терял публичный образ, обретенный при задержании и разбирательстве».

С Капоне такого не случилось. О его деяниях продолжали говорить в прессе, пусть и не на первой полосе.

Капоне не переставал пытаться выделяться среди остальных и частично преуспел. Несмотря ни на что, начальник Джонстон считал Капоне потрясающей личностью и всегда был готов

побеседовать.

– Возможно, вы не знаете, босс, – как-то сказал Капоне, – и, может быть, не поверите, но многие очень крупные бизнесмены радовались дружбе со мной. Когда я был на пике, они часто обращались за помощью.

Потрясенный экс-банкир захотел узнать, какие законопослушные бизнесмены нуждались в помощи гангстера. В ответ Капоне рассказал Джонстону увлекательные истории об урегулировании газетных тиражных войн, отмене забастовок, упоминая, что имел дело с самыми влиятельными парнями, владеющими крупнейшими газетами.

– Это очень интересно, – ответил Джонстон, – возможно, вы еще что-нибудь расскажете?

«Я без ума от музыки,
– говорил Аль Капоне.
– Музыка помогает мне
забыть, кто я, и возносит
меня до такой степени, что
я начинаю чувствовать,
будто нахожусь прямо-таки
в паре кварталов от рая».

Капоне охотно выполнял просьбы, но не получал никаких дополнительных привилегий. И, поскольку не мог купить благосклонность заключенных, его престиж продолжал падать, так как единственным способом заработать уважение в Алькатрасе было неповиновение.

Когда директор Беннетт приехал пообщаться с заключенными, Джонстон объяснил, почему поместил по одному охраннику с винтовкой напротив каждого заключенного, с которым беседовал Беннетт.

«Это отчаянные люди, – пояснил Джонстон, – которые могут расценивать нападение на нас как проявление доблести». Не имело никакого значения, что они будут немедленно наказаны. Типичному заключенному Алькатраса было около тридцати двух лет, срок его наказания составлял двадцать пять лет. Большинство знало, что федералы подготовили очередное дело, и, едва выйдя из тюрьмы, они получат очередной срок. Для ста семнадцати из ста семидесяти восьми прибывших были изданы такие предписания.

Один из заключенных сказал: «Жизнь здесь настолько монотонна, что хочется нарушить правила только ради того, чтобы что-то поменять». Заключенные регулярно устраивали бунты и мятежи, которые быстро подавлялись, но каждый раз

находились новые зачинщики. Большинству мятежников было нечего терять и, как писал Джонстон: «Многим абсолютно все равно, живы ли они или умерли».

В Алькатрасе не поощрялось хорошее поведение, как в других тюрьмах. Не было доверенных лиц, особых привилегий и послаблений. Вместо этого заключенные могли ожидать наказания за самое минимальное нарушение, что напрямую било по правилу хорошего времени, предусматривающему снижение срока на десять дней за каждый месяц безупречного поведения. Для человека со сроком двадцать пять лет это значило очень много. Еще одно наказание – помещение в изолятор – играло положительную роль с точки зрения положения заключенного. В изоляторе было не намного хуже, чем в обычной камере, но это вызывало уважение и восхищение товарищей и придавало статус неукротимого жесткого парня.

Капоне было что терять. Войдя в ворота Алькатраса, он уже отсидел два года десятилетнего федерального тюремного заключения. Потенциально правило хорошего времени снижало его срок на одну тысячу двести дней и превращало десять лет в шесть лет и восемь месяцев. Правда, после этого еще ожидал год в тюрьме округа, но и его можно было скостить за счет хорошего поведения, превратив в восемь месяцев. Оставаться образцовым заключенным, каким Капоне был в Атланте, являлось единственным рациональным решением, невзирая на потерю популярности и престижа.

В первое время Капоне определили на работу в прачечную, стирающую одежду военнослужащих местных армейских баз. Это был ежедневный каторжный труд в зловонной, шумной и душной обстановке.

В январе 1935 года в Сан-Франциско пришвартовался большой армейский транспорт, который буквально похоронил работников под грудами грязного постельного белья и одежды. Тридцать шесть заключенных, работавших в прачечной, не выдержали и устроили забастовку. Капоне отказался принимать участие, чем моментально вызвал лютую ненависть остальных. Месяц спустя одному из забастовщиков, Уильяму Колье, бывшему солдату с пожизненным сроком за убийство офицера, показалось, что Капоне слишком быстро бросает в него одежду через каток. Он облил Капоне грязной мыльной водой. Капоне и Колье схлестнулись, пока их не разняли охранники.

Это была первая драка с момента прибытия федеральных заключенных в предыдущем августе, показавшая, насколько трудно отучить их от привычек, сформированных внешним миром.

Скандалистов отправили на ночь в своеобразную холодную – небольшой грот, высеченный в скале еще во времена испанских первооткрывателей (этот вид наказания вскоре был отменен). Затем на восемь дней поместили в изолятор, находившийся в блоке D. Большинство из камер блока D ничем не отличались от обычных, другие, прозванные дырами, закрывались сплошными стальными дверями, и свет не проникал внутрь. В изоляторе не было обычных коек, но на ночь заключенным выдавались матрасы. В дырах спали на бетоне.

Содержащиеся в изоляторе пили воду без ограничений, но ежедневный рацион состоял из четырех ломтей хлеба, и два раза в неделю добавлялись урезанные порции обычной еды, за исключением десертов. Вскоре суды запретили рацион из хлеба и воды, и в блоке D заключенным стали выдавать уменьшенные порции обычных блюд.

Почти все заключенные Алькатраса какое-то время провели в изоляторе, в том числе в дырах. Это наказание следовало за открытое неподчинение или грубое нарушение правил, характерное для большинства заключенных. Тем не менее помещение в изолятор не означало автоматическую потерю хорошего времени, для этого требовалось специальное внутренне разбирательство. Инцидент в прачечной не повлиял на шансы Капоне получить условно-досрочное освобождение и, конечно, нисколько не снизил его статус.

Капоне категорически отказывался присоединяться к любым действиям, которые могли повлиять на срок освобождения. Это не добавило ему популярности со стороны других заключенных.

Через год, 20 января 1936 года, Джон Пол Чейз – приятель Лестера Гиллиса, известного как Малыш Нельсон, спровоцировал в Алькатрасе серьезные волнения. Умер заключенный Джек Аллен. Официальной причиной смерти признали пневмонию, но предсмертные мучения явно указывали на прободение язвы желудка. Тем не менее дежурный врач отказал Аллену в стационарном уходе, обозвав его симулянтом. Зайдя в прачечную, Чейз начал выкрикивать: «Кто у нас сукин сын? – Доктор! – Кто убил Аллена? – Доктор!» Капоне в тот день назначили дежурным по душевой. Волнения быстро распространились по всей тюрьме, и лишь немногие, в том числе Капоне, отказались принять участие.

Он слышал, как в спину кто-то крикнул: «Грязная желтая крыса», но остался равнодушным. «Эти парни – сумасшедшие. Они все равно ничего не добьются, – сказал Капоне охраннику, спрашивая разрешения остаться в камере, пока все не утихнет. – Если я хочу выйти отсюда живым, нужно беречь шкуру». Капоне

не упомянул, что дело заключалось не только в шкуре, но и в сохранении хорошего времени любой ценой, даже за счет утраты доброго имени.

У Джонстона была проверенная техника пресечения волнений. Он держал мятежников в камерах на сокращенном питании. На этот раз мятежники предупредили действия начальника тюрьмы и объявили голодовку. Большая часть быстро сдалась; лишь несколько идейных стояли на своем. Одним из этих людей был Джеймс Лукас, грабитель банка, приговоренный к тридцати годам лишения свободы. Охранникам пришлось кормить его силой.

Лукас имел репутацию настоящего тяжелого случая. Сейчас сложно сказать, что послужило толчком к конфликту. Лукас утверждал, что Капоне сдал его; Капоне говорил, что проигнорировал Лукаса, когда тот начал требовать деньги. Другой заключенный рассказывал, что Лукас потребовал от Капоне $15 000, чтобы финансировать организацию побега с острова на катере с пулеметом. Капоне рассмеялся в ответ, назвав Лукаса чокнутым, с которым не желает иметь никакого дела. Он ясно дал понять, что не намерен связываться с какой-либо тюремной бандой.

Утром 23 июня 1936 года Лукас встретился с Капоне в подвале между душевой и раздевалкой. Лукас ожидал очереди на ежемесячную стрижку – парикмахерская располагалась в десяти футах. Недолго думая, Лукас схватил ножницы с четырехдюймовыми лезвиями и, разломав на две части (одна была более острая), ударил Капоне в спину. Капоне обернулся и принялся охаживать Лукаса кулаками, а находящийся в пятнадцати футах охранник кинулся разнимать дерущихся. В тюремной больнице дежурный врач наложил Капоне несколько швов, Лукасу удалось нанести ему небольшую косую рану длиной в полдюйма и глубиной в четверть в нижней левой части спины. Охранники затащили Лукаса в дыру – это было единственным доступным наказанием. Риск побега Лукаса на материк свелся к минимуму, поскольку попытка убить самого Капоне означала на воле приговор, который он с трудом мог представить.

Пресса сообщала о других драках и нападениях. Однажды заключенный попытался задушить Капоне по пути к стоматологу, но не обделенная силой жертва прихлопнула нападавшего как муху. Чикагский почтовый грабитель рассказал, как огромный и отчаянный Чарльз Хромой Кливер свалил Капоне на землю ударом кулака. Его пытались отравить кофе, подсыпав щелок. Кто-то пытался сбросить Капоне на голову тяжелую металлическую раму – его спас предупреждающий окрик того

самого почтового грабителя Роя Гарднера (позднее между ними тоже были стычки). Следующая зафиксированная драка произошла с грабителем Хэрмоном Уэйли. Между тем Джонстон категорически опровергал все подобные сообщения.

Некоторые бывшие заключенные утверждали, что это сказки репортеров. Капоне находился в категории «желтых», и им мог помыкать любой мелкий блатной. Всегда приятно наблюдать за падением сильных мира сего.

Один солдат из местной армейской базы писал домой: «Угадайте, кто стирал мое белье?» Когда Капоне дежурил по душевой, некоторые проходящие мимо заключенные не отказывали себе в удовольствии обозвать его «итальяшкой со шваброй»[222]. Через некоторое время Капоне стал подметать двор и разносить книги и журналы из тюремной библиотеки по камерам.

Существовал и другой, противоположный и еще более невероятный взгляд, исходящий от другого бывшего заключенного: «Я не мог понять, за что его все так любили».

Капоне, несомненно, потерял статус и популярность в Алькатрасе, но не получил никаких практических последствий. Начальник тюрьмы дал сбалансированную и точную картину положения Капоне: «На самом деле, – писал Джонстон, – у него в тюрьме были и друзья, и враги». Другой исследователь выразился чуть иначе: «Капоне ладил с окружающими так же, как и большинство других, и даже лучше, чем некоторые. Он оставался большим и сильным экс-вышибалой с хорошо поставленным ударом, и многие просто не хотели рисковать, даже если и презирали. Большую часть времени Капоне скрупулезно соблюдал осторожность, не ввязывался в сомнительные дела и избегал проблем».

Ни один заключенный не мог избежать всех трудностей, которые представляла жизнь в этой жестокой, дикой и суицидальной атмосфере. Даже у Капоне, проведшего в Алькатрасе сравнительно немного времени, не было возможности спастись от царящего безумия. На него могли в любое время напасть снова, и любой инцидент мог стать последним. Капоне приходилось соблюдать крайнюю осторожность: как знать, когда очередной заключенный перейдет в режим берсерка?

Один из заключенных, рубящий старые шины для изготовления резиновых ковриков для нужд ВМФ, внезапно отрубил себе пальцы на левой руке и попросил напарника сделать то же самое с правой рукой. Все бросились врассыпную: заключенный мог найти другую мишень в любой момент. Его поместили в госпиталь, затем в «дыру» и вернули обратно, так

как не сочли достаточно безумным, чтобы отправить в другое место.

Случались суициды. Попытки побега были привычным делом, пресекались с пугающей монотонностью и мало чем отличались от самоубийств. Например, один заключенный перелез через стену с вызывающим спокойствием под носом у вооруженного часового, игнорируя окрики и два предупредительных выстрела, похоже, очень хотел быть застреленным третьим (что и произошло). Джонстон не допускал откровенной неоправданной жестокости в отношении заключенных; однако охранники, каждую минуту сталкивавшиеся с озверевшими людьми, не проявляли милосердия, если их провоцировали.

Охранники, перемещавшиеся среди заключенных, были вооружены газовыми дубинками, оснащенными распылителями слезоточивого газа. Когда один из заключенных напал на Джонстона, дубинка в руках находящегося неподалеку охранника спасла начальнику жизнь. На вопрос, что такое жизнь в Алькатрасе, заключенный, отсидевший там всего лишь шестнадцать месяцев, коротко ответил: «Это ад».

Человек, планировавший провести треть срока во сне, столкнулся с тем, что заключенные называли «адскими ночами». Освободившийся заключенный рассказывал: «Капоне лежал на боку, уставившись в стену. Скорее всего, вспоминал сладкую жизнь снаружи и задавался вопросом, что мир делает без него, доживет ли он до момента, когда снова сможет увидеть этот мир». Это было до того, как Капоне сломался.

В конце января 1938 года Капоне дал показания Сеймуру М. Клейну, помощнику государственного прокурора из Нью-Йорка, в течение двух лет собирающего налоговый материал против Джонни Торрио. Вместе с Клейном был оперативный агент Минфина Джеймс Н. Салливан, работавший над делом Капоне вместе с Фрэнком Уилсоном. Обрадовавшись возможности поговорить с кем-то извне, Капоне молол всякий вздор на протяжении двух дней. Конечно, он говорил и о Торрио. «Я носил за него револьвер, – говорил Капоне, – и был готов пойти ради Торрио на любую крайность…» Клейн ушел с записью пятидесяти страниц показаний, состоящей из десяти тысяч слов, не представляющей никакой ценности.

Спустя год, в марте 1939 года, когда дело Торрио наконец дошло до суда, имя Капоне не упоминалось. В середине процесса Торрио пошел на процессуальную сделку и, признав вину, отправился на два года в Ливенуорт.

К счастью, у правительства было много убедительных доказательств и без Капоне. Даже если бы он и захотел дать

показания против своего старого наставника, к тому времени из Капоне вряд ли бы получился убедительный свидетель.

Господствовал миф, что Капоне боялся не только пулеметного огня, который в любой момент могли открыть в Алькатрасе, но и мыслей об игле, входящей в тело, в том числе подкожных инъекций для лечения сифилиса. Это продолжалось до тех пор, когда у него начали проявляться признаки сифилитической деменции.

Сразу по прибытии в тюрьму Атланты он сдал тест Вассермана, давший положительный результат. Врач-уролог Стивен Т. Браун немедленно назначил Капоне курс инъекций висмута. Тяжелые металлы и мышьяк могли ослабить течение болезни и убрать симптомы, когда еще не было пенициллина, и являлись единственными эффективными средствами лечения. 7 сентября 1932 года анализ крови показал отсутствие болезни, и доктор прописал Капоне «дополнительный смешанный курс». Врач также отметил, что «Капоне проходил частичное лечение» до Атланты, но это заявление нельзя считать надежным, поскольку оно исходило от самого заключенного и не имело документального подтверждения.

Без пенициллина лечение сифилиса уже через месяц после заражения было бесполезным. Несмотря на доступные тогда методы, болезнь рано или поздно прогрессировала, хотя и не обязательно приводила к деменции. Современный эксперт в этом вопросе, Лидия Бэйн, доктор медицины, работающая в больнице San Francisco General Hospital[223], приводит результаты исследований, показывающие, что менее 5 % заболевших прогрессируют до паретической («сумасшедшей») третичной стадии – нейросифилиса. Роберт Ролфс, доктор медицины, работающий в государственном центре по борьбе с заболеваниями в Атланте, добавляет, что от других серьезных недугов, сопровождающих это заболевание, страдает только 20–25 % больных. Тем не менее вероятность того, что у больного не разовьется парез, составляет не меньше чем 19:1.

В начале 1938 года у Капоне появились симптомы, показывающие, что, несмотря относительно низкую вероятность третичной стадии, ему не повезло. 21 января Мэй написала заявление на свидание с Капоне в конце февраля. На этот раз она хотела взять с собой Мафальду. 31 января Джонстон отправил ей ответное письмо, в котором посоветовал сесть на катер, отправляющийся из Сан-Франциско, в 10 утра 28 февраля.

В субботу, 5 февраля 1938 года, Капоне надел синюю униформу, которую носили по воскресным и праздничным дням. Охранник заставил его переодеться в серый будничный рабочий

комбинезон, но Капоне выглядел смущенным и не понимал, что настало время завтрака. Позже, когда заключенные стали возвращаться к камерам для уточнения деталей работы на текущий день, Капоне забрел на чужой ярус. В конце концов охранник нашел его все-таки в камере. Как позже писал начальник Уорден: «У Капоне был желчный вид, и его рвало».

Тюремный врач вызвал специалиста из Сан-Франциско, психиатра доктора Эдварда У. Твитчелла. Спинномозговая пункция дала положительный результат теста Вассермана «четыре креста». На этот счет появился весьма невнятный пресс-релиз, но неугомонные газетчики уже расписывали, что Капоне находится в состоянии бреда, плюется в заключенных, привязан к срочно переоборудованной койке в смирительной рубашке и распевает французские арии. В следующих публикациях сообщалось, что Капоне впал в кому. Последовали спекулятивные заявления, что теперь его переведут в какое-нибудь правительственное медицинское учреждение, например, в Спрингфилд, штат Миссури. В статьях присутствовала доля правды.

– Что с вами произошло сегодня утром? – спросил у Капоне Джонстон, навестив его в тюремной больнице.

– Понятия не имею, босс, но, говорят, у меня поехала крыша!

Вскоре Джонстон получил телеграмму следующего содержания:

> «9 февраля, 1938, Майами-Бич, Флорида
> Джеймсу А. Джонстону
> Дорогой сэр!
> В силу распространившихся слухов, хотела бы выяснить, могу ли находиться рядом с мужем, если он будет в этом нуждаться. Не хотелось бы совершить путешествие и выяснить, что он передан для лечения в другое учреждение. Пожалуйста, сообщите ответ телеграммой, оплата за мой счет по Western Union. С уважением, миссис Капоне, Палм-Айленд, 93».

Ответ был отправлен в тот же день:

> «2-9-38, расчет по Western Union.
> По сообщению врачей ваш муж находится в тихом коммуникативном состоянии и готов к сотрудничеству, понимает свое состояние и готов следовать указаниям врачей. Не обращайте внимания на слухи. Однако врачи не могут наверняка определить, какие изменения могут произойти, и не хотят предсказывать состояние в

сложившихся обстоятельствах. Предлагаю ждать дальнейших врачебных советов и одновременно поддерживать связь с директором бюро в Вашингтоне, куда я буду представлять отчеты.

Начальник Дж. А. Джонстон».

Через пару месяцев Джонстон написал директору Беннетту, что недавнее письмо Капоне к матери не выдавало никакого «отклонения от регулярного и нормального использования языка, а также тремора или нервозности в почерке».

Летом Капоне дал разрешение на очередную пункцию. Его спинальная жидкость подтвердила диагноз третичного сифилиса. На обследовании у Капоне выявились классические симптомы пареза, включая искаженную речь, общий распад и шаркающую походку. Он не смог четко произнести тестовые фразы «методистско-епископальный», «по-настоящему сельский»[224] и «римский католицизм».

Исследователь-психиатр обнаружил, что Капоне вполне коммуникативен, не страдает провалами в памяти, хотя подвержен внезапным судорожным приступам, а суждения и концентрация внимания иногда приобретают фрагментарный характер. В своем заключении доктор Ромни М. Ричи отмечал: «Ввиду явной экспансивности поведения, после освобождения Капоне планирует принимать активное участие в благотворительной деятельности, а также в строительстве и производственных отраслях для обеспечения занятости нуждающихся. Капоне с большим удовольствием строит планы и логично увязывает их друг с другом. Он в хорошем настроении, заявляет, что у него нет врагов, которых не мог бы простить за ошибочные взгляды. Пациент по-прежнему периодически испытывает некоторые нарушения сознания. В эти периоды он слышит Бога, а ангелы устно отвечают на молитвы. Капоне сохраняет частичное понимание услышанного и понимает, что воображает в сознании некоторые вещи. Он наслаждается этими впечатлениями. В целом Капоне доброжелательно относится к окружающим, однако крайне нестабилен и сильно подвержен раздражению, возбуждению и смущению, исходящим от любого источника в тюрьме».

Все остальное время в Алькатрасе Капоне провел в тюремной больнице.

Этого времени оставалось не так и много. Учитывая хорошее поведение Капоне, срок в федеральной тюрьме истекал 6 января 1939 года, но оставался еще год в окружной.

Во-первых, Капоне следовало заплатить штраф и издержки в

размере $37 617 и 51 цент.

Во-вторых, правительство потребовало заплатить задолженность по налогам на сумму $322 842, позже сумма была снижена до $157 416, поскольку коллегия признала его невиновным в уклонении от уплаты налогов за 1924, 1928-й и 1929-й годы. Федералы не смогли найти никаких крупных вложений Капоне, за исключением имения на Палм-Айленд, хотя они и делались от имени Мэй. Следуя не самому лучшему совету Майка Ахерна, она проигнорировала этот момент вместо того, чтобы заявить протест, и предоставила правительству право учитывать это имущество при расчете налогового долга Капоне. После налоговое управление дважды угрожало продать поместье, и оба раза эти решения блокировались в последнюю минуту. В ноябре 1936 года Ральф, получивший $35 000 по ипотеке, писал Капоне: «Мне удалось занять достаточно денег, чтобы компенсировать разницу для удовлетворения залоговой суммы $52 103 и 30 центов». В сентябре 1937 года он добавил $17 194, едва избежав потери права выкупа поместья.

За два дня до выхода Капоне из Алькатраса брат Джон обналичил чек на сумму $35 000. Новый адвокат Капоне, Абрахам Тейтельбаум, передал их и еще $2962 и 29 центов федеральному чиновнику в Чикаго, добавив $74 и 78 центов на госпошлину и покрытие различных расходов.

Власти не хотели, чтобы Капоне возвращался в Чикаго. Тюрьма округа Кук не вполне отвечала представлениям о безопасном месте заключения.

В то же время они хотели продолжить лечение Капоне. Федеральные власти добились изменения распоряжений Уилкерсона, допускающего заключение Капоне в исправительном учреждении на острове Терминал в Калифорнии, находящемся между городами Сан-Педро и Лонг-Бич к югу от центра Лос-Анджелеса.

В ночь на 6 января 1939 года помощник начальника переправил Капоне в Окленд. Во время перевозки Капоне был прикован наручниками к охранникам. К каждой ноге заключенного было прикреплено по шесть гирь. Охранники с автоматами на изготовку забаррикадировали купе в экспресс-поезде Lark до Лос-Анджелеса. Поскольку до федералов дошли слухи о возможном нападении на Капоне, они проявили бдительность, и охранники высадили заключенного из Lark в Глендейле, пригородной станции к северу от города. Здесь их встретил автомобиль, который повез совершенно дезориентированного Капоне в исправительное учреждение на острове Терминал.

В 10 часов утра 7 января номер 85 из Алькатраса стал номером 397 в Терминал-Айленде.

Доктор Джордж Хесс уже был знаком с Капоне по тюрьмам Атланты и Алькатраса, где некоторое время работал главным врачом. Теперь он занимал эту должность в Федеральном исправительном учреждении на острове Терминал.

Джордж Хесс немедленно поместил вновь прибывшего в тюремную больницу. «В течение первых нескольких дней, – докладывал Хесс начальнику медицинского отдела бюро, – пациент определенно находился в смятении, был подавлен и проявлял равнодушие ко всему. Депрессивное состояние резко переходило в раздражительность, но он все время сохранял адекватность восприятия. Течение мыслей пациента было крайне поверхностным, а речь несколько несвязной. Все рефлексы, то есть коленная реакция, фиксирование зрачков пока сохранились без изменений. Считаю необходимым подчеркнуть, что в данный момент Капоне проявляет признаки улучшения и изменение обстановки отразилось на нем исключительно положительно».

Прошел месяц после перевода Капоне из Алькатраса в Терминал. Хесс продолжал курс лечения Капоне инъекциями висмута и трипарсамида[225] раз в неделю. «Неприятный, как клоп», – сказал болтливый охранник репортеру вскоре после прибытия Капоне в Терминал. Через неделю его навестила Мэй, которая нашла, что муж находится в полном порядке и не проявляет никаких признаков слабоумия. Через полтора месяца тюрьму посетил глава отдела секретной службы Чикаго. По его словам, Капоне производил впечатление совершенно нормального здорового человека.

Когда прибывший священник спросил, кто из семидесяти пяти слушателей нуждается в молитве, кто готов встать и признаться в этом, Капоне поднялся с места. Начальник тюрьмы Эдвин Ллойд вскоре отстранил от дел преподобного Сайласа Туэта за излишне горячечные службы.

Хорошее время, заработанное Капоне, предполагало окончательное освобождение 19 ноября 1939 года. Бюро отклонило ходатайство адвоката Тейтельбаума, что срок начала исполнения следует рассчитывать с 24 октября 1931 года, времени прибытия в окружную тюрьму Кука, а не с 4 мая 1932 года, когда он был переведен в Атланту. Этот аспект был отражен в приговоре и не подлежал пересмотру. Но бюро согласилось скинуть из срока три дня, учитывая, что Капоне находился в окружной тюрьме в период с 24 октября по 27 октября, то есть раньше даты вступления приговора в законную силу. Таким образом, Капоне могли освободить не 19 ноября, а 16 ноября

1939 года.

Но предварительно следовало принять дополнительные действия. Во-первых, хотя некоторые меры уже были приняты, Капоне по-прежнему оставался должником штрафа в $20 000 в рамках легкой части приговора (2 по $10 000). 3 ноября Джон расплатился чеками. Во-вторых, необходимо было убедить семью, что после выхода на свободу Капоне следовало продолжить лечение в стационарном медицинском учреждении. Это не представляло сложности. Семья легко согласилась на выдвинутое условие, поскольку хорошее время не было автоматической процедурой и федералы имели право держать Капоне в тюрьме до полного истечения срока приговора, то есть до 3 мая 1942 года. Было решено отправить заключенного в тюрьму Льюисбурга (недалеко от Харрисбурга, штат Пенсильвания) до освобождения, а затем перевести в Балтимор, где доктор медицины, Джозеф Э. Мур, видный эксперт по нейросифилису, будет лечить Капоне в Союзной мемориальной больнице[226].

За неделю до освобождения Капоне чикагские гангстеры преподнесли ему своеобразный подарок к выходу. Уже в течение года партнеры Эда О'Хары наблюдали его странную обеспокоенность, а в последние десять дней крайнюю взволнованность. В газеты просочилась информация, что именно О'Хара направил Фрэнка Уилсона к бухгалтеру Капоне, ставшему ключевым свидетелем в 1931 году, помог взломать шифр, используемый в учетных книгах, и предупредил Уилкерсона о подкупе присяжных, что вынудило судью поменяться составом жюри с коллегой, ведущим другой федеральный процесс. В одной из публикаций говорилось, что Капоне захочет отомстить.

Во второй половине дня 8 ноября О'Хара вышел из своего офиса в Sportsman's Park, прикрытого в 1930 году как клуб собаководства Капоне в Хоторне и снова восстановленного в 1932 году. Он направился в Чикаго Луп. На переднем сиденье лежал испанский автомат калибра 32. Обычно О'Хара брал с собой оружие, когда возил крупные суммы наличных, но в этот день в кармане находились $53. На подъезде к Огден-авеню, примерно на полпути к Чикаго Луп, его догнал автомобиль-купе. О'Хара вдавил педаль газа в пол. Два выстрела из дробовика попали в голову и шею. Переехав через бульвар и трамвайные пути, машина врезалась в столб. Эд О'Хара был мертв.

В его кармане полиция нашла записку, в которой говорилось: «Звонил мистер Вольтц». Вольтца интересовало, что О'Хара знает о бывшем бутлегере и грабителе банков по имени Клайд Нимерик (О'Хара был должен позвонить Беннету с любыми сведениями). Джордж Вольтц был агентом ФБР в Чикаго, как и Беннетт, и

О’Хара продолжал сливать им информацию. Записка была подписана «Тони».

Так всегда подписывалась Антуанетта М. Каваретта, неофициальная секретарша О’Хары. Позже она вышла замуж за Фрэнка Нитти.

Ночью 13 ноября специальный катер переправил Капоне в Сан-Педро, откуда его доставили на автомобиле в Сан-Бернардино. Оттуда, в обход Чикаго, отходил поезд до Сент-Луиса. Федеральное бюро тюрем отказалось комментировать его дальнейшее местонахождение. Агенты ФБР грубо оттолкнули репортера, который выследил группу и попытался приблизиться к Капоне.

16 ноября 1939 года Капоне отвезли в Геттисберг, где передали бывшего заключенного жене и врачам на перекрестке в двенадцати милях к востоку от города в лучших традициях шпионских романов.

Глава 31
Незавершенный финал

Терапия, назначенная Капоне, предусматривала усиление свойств гематоэнцефалического барьера, защищающего головной и спинной мозг от воздействия химических веществ, содержащихся в крови. В случае с Капоне это означало, что производные мышьяка и инъекции тяжелых металлов не могли эффективно контратаковать третичный сифилис, опустошавший его разум. В наше время этому способствовал бы пенициллин, но в те дни процесс умственной деградации можно было замедлить только посредством теплового воздействия.

Врачи могли поднять температуру пациента до 107 градусов[227] по Фаренгейту, что сделали, специально заразив больного малярией. К 1940 году доктор Мур приказал применять менее радикальные методы гипертермии.

Из Геттисбурга Мэй, Тереза и Ральф перевезли Капоне в больницу. Его разместили в двухкомнатной палате за баснословные $30 в сутки. Вторая комната предназначалась для семьи, в случае длительного посещения. У доктора Мура возник вопрос о гонораре, и он задал его Джеймсу Беннетту. Директор ФБТ напомнил доктору, что «правительство пытается собрать около $300 000 в виде подоходного налога» и «пока не удалось найти собственность Капоне, на которую может быть наложен налоговый сбор». Капоне, конечно, нашел деньги и на врача, и на больницу. Уходя, он посадил перед фасадом Union Memorial вишневое дерево, растущее до сих пор.

Продолжение лечения, конечно, не могло привести к полному выздоровлению, но симптомы болезни проявлялись лишь периодически. Капоне с наслаждением прожил пару лет почти в полном порядке, однако после снова потребовался курс интенсивной гипотермии. К 8 января 1940 года доктор Мур посчитал, что лечение может быть и амбулаторным.

С Мэй и Терезой Капоне арендовал дом в Маунт-Вашингтоне, пригороде Балтимора. Соседи в первое время относились к новым жильцам с выраженной настороженностью, но потом смирились. К Капоне часто приезжал брат Джон, который вел свой бизнес в Виланове, штат Пенсильвания.

19 марта 1940 года Мур объявил, что лечение закончено, и семья отправилась в Палм-Айленде на машине, останавливаясь только на еду и сон. Через тридцать часов Капоне вернулся во Флориду.

Похороны Аль Капоне. Кладбище Оливет в Чикаго. 6 февраля 1947 г.

Остаток жизни Капоне был изолирован от внешних раздражителей, вредных для страдающих парезом. Мэй и Сонни жили вместе с ним на Палм-Айленд. Нашлось место для шурина Дэниэла Кафлина и его жены Винни. Дэнни служил бизнес-агентом в Союзе барменов и официантов, но это не мешало ему выполнять и более важную функцию водителя Капоне. Винни была настоящим двигателем всей семьи.

Она держала Вафельную Винни и Маленький клуб Винни, представлявший собой одновременно бар и ресторан, и, по словам одного из деловых партнеров, «делала огромный бизнес днем и ночью». В Палм-Айленде проживала еще одна сестра Мэй, Мюриэль, и ее муж Луи Кларк. Больше постоянных жителей в поместье не было, за исключением рыжего фокстерьера, поднимающего тревогу при приближении незнакомца. Верный Брауни и горничная Роуз жили отдельно.

Тянулись длинные и ленивые дни. Большую часть времени Капоне проводил в пижаме и халате, ловя рыбу с пирса или играя в карты. Порой Кафлин отвозил его попрактиковаться в гольфе. Через несколько месяцев Капоне стал посещать местные ночные клубы, в которых тихо сидел до полуночи за столиками в конце

зала. Они с Мэй посещали рестораны; у барной стойки всегда караулил телохранитель. Его почти никто не замечал.

Несколько раз Капоне устраивал на Палм-Айленд скромные вечеринки: напитки, закуски и квартет музыкантов. Один из них отзывался о Капоне как о добром и радушном хозяине, хотя и не особо разговорчивом. На одной из таких вечеринок кто-то рассказал анекдот об итальянце на смертном одре в окружении семьи. Все дети приставали к нему с одним вопросом: «Папа, скажи, где ты спрятал деньги?» Левым указательным пальцем умирающий слабо постучал о первый сустав правого, который несколько раз поднял и опустил. Один из сыновей наклонился и спросил: «Папа, почему ты что-то делаешь со своими пальцами?» Старик собрал последние силы и прохрипел: «Потому что я слишком слаб, чтобы ответить по-другому!», при этом левая рука стукнула по изгибу правой в классическом не самом пристойном жесте «sto cassо».

Капоне зашелся смехом, возможно, представив, что уже давно показывает аналогичный жест федеральным налоговикам, утверждая, что все еще не может найти активы для удовлетворения налоговой задолженности. В первое лето после освобождения федеральный судья постановил, что Капоне должен $265 877 и 71 цент. Следующей зимой правительство хотело вызвать Капоне на беседу об имуществе и платежеспособности, он внезапно оказался «не в состоянии прибыть» на место из-за проблем со здоровьем.

Ральф и адвокат Тейтельбаум представили медицинское свидетельство, подписанное доктором Филлипсом, в офис которого Дэнни Кафлин возил Капоне на лечение. Возможно, опасаясь, что свидетельство доктора Филлипса не заслуживает доверия, Капоне все-таки появился на слушании, задумчивый и серьезный, в полосатом костюме, белом галстуке-бабочке, соломенной шляпе, темных очках, пыхтя сигарой.

Семейные расходы Капоне составляли около $40 000 в год. Эта сумма возникла в какой-то момент из ниоткуда. Джеймс Беннетт уверял доктора Мура, что у Капоне нет имущества, которое могло бы доказать правительство. О Капоне заботилась созданная им система.

Многолетние связи и знакомства продолжали работать и оказывать влияние. Об этом свидетельствуют воспоминания Нормана Кассоффа, бывшего детектива убойного отдела Майами; а затем операционного директора Центра медицинских экспертиз округа Дейд. Когда ему было семь или восемь лет (приблизительно в 1940–1941 году), родители решили открыть похоронное бюро. Они увязли в бюрократической волоките на

несколько месяцев и не могли оформить лицензию. Наконец миссис Кассофф позвонила брату, Чарльзу Жучку Уоркеру, крупному криминальному авторитету в Нью-Йорке. Примерно через два часа миссис Кассофф позвонили и сказали немедленно приехать на Палм-Айленд, 93. Не имея возможности оставить с кем-нибудь ребенка, она взяла с собой Нормана. В его памяти осталось воспоминание, как Капоне встретил их у пирса в халате, пижаме и тапочках. Он предложил кофе, называл мать по имени, хотя раньше никогда с ней не встречался, и заверил, что «займется вопросом лично». На следующий день миссис Кассофф позвонили еще раз и сообщили, что лицензия готова.

Через несколько месяцев Норман и его мать лицом к лицу столкнулись с Капоне, который выходил из модного магазина Пьера в стильном костюме спортивного кроя. Он узнал миссис Кассофф, назвал ее по имени и поинтересовался, решена ли проблема с лицензией. Капоне направлялся в Хайалию и предложил составить ему компанию. Нет? Он наклонился, крепко пожал Норманну руку и был таков.

Примерно в это время объявился старший брат Капоне Джимми Винченцо, сменивший имя на Ричарда Джеймса Харта. Джимми обосновался в крошечном городке Гомере, штат Небраска, с населением четыреста семьдесят семь человек, где какое-то время служил городским маршалом. Его часто называли «Два ствола». Он говорил репортерам, что может сбить крышку с бутылки пива на расстоянии сто футов, стреляя обеими руками. Джимми хвастался, что, проживая в Сиу-Сити, штат Айова, был единственным законом для индейцев от Кер-д'Алене в Айдахо до Калиспелла в Айове. Его рассказы были умилительны и ироничны, хотя некоторые и содержали кусочки правды.

Из Бруклина он направился на запад, где проработал четыре года на ранчо, а потом поступил разнорабочим в цирк. В 1919 году он добрался на попутном грузовике до Гомера, где познакомился с будущей женой Кэтлин Винч, дочерью местного бакалейщика (он принимал участие в спасении семейства Винч во время внезапного наводнения). Он работал маляром и расклейщиком объявлений и учился юриспруденции. Винчам и другим жителям Гомера он рассказывал истории о службе в американских экспедиционных силах (AEF) во Франции в Первой мировой. Три года спустя, будучи шерифом, пресекал продажу алкоголя индейцам, заслужив всеобщую ненависть от Виннебагоса до Омахи.

После переезда в Сиу-Сити он убил индейца в драке, но избежал обвинения, потому что жертва была бутлегером. Однако не избежал мести родственников, и их нападение стоило Джимми

глаза (позже он утверждал, что потерял глаз в перестрелке с гангстерами). Следующее обвинение в убийстве требовало его передачи в Кер-д'Ален, но он исчез из поля зрения закона, так и не представ перед судом.

Вернувшись в Гомер, Джимми по ночам воровал из местных магазинов (не гнушаясь и консервами тестя-бакалейщика). Городской совет отобрал у него все ключи, которыми он владел на правах маршала, а заодно и маршальский значок. Совет ветеранов американского легиона, так и не получивший доказательств подвигов Джимми на фронтах Первой мировой войны, исключил его из своих рядов.

«Становится смешным,
что мне приписывают
все убийства. Не успеваю
я высунуть голову за
дверь без батальона
вооруженных охранников,
кто-то непременно
пытается меня застрелить.
Полиция чувствует
вседозволенность
и вешает на меня все,
что вздумается», –
говорил Капоне.

У Джимми и Кэтлин было четыре сына (один погиб во Второй мировой войне на Филиппинах). Джимми дошел до нищеты, здоровый глаз затуманила катаракта, и он вспомнил о семье. Джимми наведался к Ральфу в Висконсин, а затем к Алю в Майами. Только тогда Кэтлин узнала, кто он на самом деле. Ральф регулярно выписывал ему чеки. Джимми не забыл и помог Ральфу, когда тому понадобилась помощь юриста.

Единственным непорочным мужчиной в семье Капоне оставался Сонни. Он учился в Школе Святого Патрика под управлением епархиального собора. В выпускном классе 1936–1937 учебного года он подружился с Деси Арназом, сыном кубинца, бежавшего с острова после свержения диктатора Херардо Мачадо[228].

Самые малейшие проступки Сонни, например, превышение скорости, немедленно попадали на первые газетные полосы. Когда он поцарапал машину о четыре дерева, граничащие с полем для гольфа при обгоне, его немедленно арестовали за опасное вождение и выпустили лишь под залог в $150. Сонни не мог избежать дурной славы, закрепившейся за фамилией Капоне, хотя

и пытался.

Не имея шансов на анонимность в окрестностях Майами, он отправился в университет Нотр-Дам[229], используя псевдоним отца – Браун, но его мгновенно узнали. Сонни, смирившись, вернулся обратно и начал изучать деловое администрирование в Майами.

Ко времени освобождения отца Сонни исполнился двадцать один год. Частично глухой, он сохранял оптимизм, был прекрасно воспитан, хотя через всю взрослую жизнь пронес некоторые странности, заложенные в детстве. Например, при участии в турнире по гольфу в Билтморе роль его кедди выполнял один из телохранителей отца. Однажды букмекеры бросили вызов местным гангстерам в игре в софтбол. Победитель получал бочонок пива. Букмекеры выиграли со счетом 3:2 благодаря Сонни.

30 декабря 1941 года в церкви Святого Патрика на Майами-Бич Сонни, по примеру отца, венчался с ирландской девушкой Дианой Рут Кейси, своей одноклассницей. Семья Дианы давно проживала в Майами-Бич и содержала популярный бар, Casey's Oasis.

Ее брат Джим стал сержантом-детективом в Майами. Он любил и защищал Сонни не только после развода пары, но и после смерти Дианы.

Сонни и Диана построили дом у пляжа в северо-восточной части Майами на Десятой авеню. Здесь родилась их первая дочь. Сонни был освобожден от службы в армии из-за глухоты, но, как истинный патриот, оставил цветочный магазин, который открыл в прошлом году в сентябре, и попросился служить в армии. Его определили помощником механика на авиационной ремонтно-складской базе Майами.

Капоне души не чаял в своих внучках. Он окружал их любовью и задаривал подарками.

В 1942 году доктор Мур сумел достать достаточно пенициллина для лечения Капоне, одного из первых нейросифилитиков, получивших возможность пользоваться этим чудодейственным лекарством, редким в условиях войны. Чуда не произошло, но еще оставалась возможность продлить ремиссию особенно тяжелых симптомов заболевания.

Пэт Пердью поступил на службу в полицию Майами-Бич в начале 1942 года. Он встретил Капоне на улице Линкольн. Капоне, как и в старые добрые времена, был благосклонен к простым полицейским. «Как дела, дружище?» – обратился он к Пэту. Я ответил: «Нормально», – вспоминал Пердью. «Как ты, дружище?» – два или три раза, как пластинка на повторе, сказал

Капоне. Пэт напомнил, что носил для него клюшки в 1928 году. Капоне ничего не помнил.

– Ну, вы, должно быть, помните, как приезжали в Голливуд посмотреть на Шарки?

– Ооооо, это был ты?

– Да.

– Вот, держи жвачку.

Капоне жевал только резинку фирмы Dentyne. Он угощал этой жвачкой всех, кого встречал.

Летом семья перебиралась в штат Висконсин, но не на озеро Кудерей – дом был давно продан, а в два или три сдаваемых бунгало в Бивер-Лодж, поближе к Ральфу.

Хозяин считал этих гостей наименее хлопотными, тем более что они платили большие деньги без задержек. «Мне нравилась улыбка Аля», – вспоминал владелец. Капоне ловил рыбу, играл в карты и гонял бейсбольный мяч с Ральфом или Мэттом. Он редко выбирался в город, никогда не оставался один и полностью игнорировал близлежащий Херли, славившийся количеством похабных салунов.

Капоне больше не пил и не курил.

Жители Мерсера отнеслись к новому соседству с опаской, а торговцы недовольно хмурились, когда любопытные незнакомцы начинали расспрашивать про бандитов. Но вскоре ситуация изменилась. «В Мерсере к Капоне относились с большим уважением, как к человеку, у которого много денег», – писал один исследователь. Капоне и последователи способствовали развитию Мерсера. На полках местных магазинов появились такие редкости, как икра, анчоусы и птифуры, не говоря о купюрах номиналом $100 и $1000, которые жители охотно принимали, убедившись, что эти неведомые бумаги на самом деле являются официальными деньгами.

Иногда появлялись сообщения, что Капоне умер или смертельно болен, но он всегда выздоравливал. Такие эпизоды были нормальными для его прогрессирующего расстройства. Ухудшение состояния психики Капоне продолжалось, походка стала еще более шаркающей и шаткой, а речь невнятной. «Через какое-то время он будет совершенно жалок», – пояснял доктор Бэйн.

Летом 1946 года в Чикаго двумя выстрелами из дробовика был смертельно ранен Джеймс М. Рэйджен, контролирующий конные бега во всем штате, после того как Мо Аненберг[230] отправился в тюрьму. Ранее Рэйджен утверждал, что организация Капоне пыталась влезть в его бизнес. Прежде чем умереть, Рэйджен обвинил Капоне в управлении созданной им

организацией, продолжающей активно работать в Чикаго.

Рэйджен был прав, говоря о работающей системе, но те, кто знал Капоне, воспринимали заявление об участии в управлении с некоторой долей грусти, не говоря уже о его смехотворной абсурдности. К 1946 году, как говорил доктор Мур, Капоне обладал разумом двенадцатилетнего ребенка: «У него не хватало знаний и навыков для ведения самостоятельной жизни, поэтому об участии в руководстве огромным преступным синдикатом не могло быть и речи». Доктор Филлипс, регулярно посещавший Капоне в Майами, сказал, что «пациент остается нервным, возбудимым и нуждается в постоянном внимательном наблюдении. Да, иногда Аль играет в теннис, плавает, даже выходит на улицу и косит газон. О нем всецело заботится Мэй. Большинство старых соратников от него отказались».

Одним из них был Джек Гузик, который, издеваясь над любым предположением, касающимся роли Капоне в убийстве Рэйджена, сказал со свойственной ему прямотой: «Капоне рехнулся. Он и мили не пройдет, если его не вести под руку». Игра в теннис, упомянутая Филлипсом, заключалась в заколачивании мяча в стену в течение бесконечных часов. Иногда он ездил на аттракционы, но выходил из машины в одиночестве, лишь только когда забегал в аптеку, чтобы купить пачку Dentyne или коробочку Sen-Sen[231]. Он все еще мог ловить рыбу и играть в карты, но при этом менял правила на ходу и вел себя как обиженный ребенок, если проигрывал. Как сказал один из немногих верных спутников: «Мы всегда подыгрывали и позволяли ему побеждать».

Все восхищались тем, с каким терпением и упорством Капоне поддерживала Мэй. «Миссис Капоне, – говорил Филлипс, – несла крест, который в жизни достается немногим. Несколько раз в неделю она посещала мессу в соборе Святого Патрика вместе с Капоне.

В понедельник, 20 января 1947 года, в своем доме в Гранит-Фолсе, Миннесота, в возрасте восьмидесяти семи лет скончался бывший член Палаты представителей Эндрю Волстед. Он потерял должность в 1922 году из-за священника, объявившего себя «намного большим трезвенником, чем этот политик». Тем не менее в газетном некрологе было сказано: «Волстед продолжал верить в пользу запрета до последнего дня». Около 4 часов утра во Флориде сорокавосьмилетний Капоне перенес то, что позже врачи назвали апоплексическим инсультом, вероятно, не связанным с сифилисом. На Палм-Айленде был срочно вызван отец Клунэн из собора Святого Патрика. Он недавно закончил школу армейских капелланов, попал на это место случайно и

ожидал повторного назначения. В 6 утра Клунэн прочитал отходную молитву.

Тем не менее в 2 часа дня Капоне вышел из комы, пришел в сознание и захотел поговорить с Мэй и Сонни, которые ни на шаг не отходили от постели. На следующий день доктор Филлипс сообщил журналистам, собравшимся около ворот, что Капоне может выжить, хотя его жизнь определенно находится под угрозой. Во Флориду срочно выехали Тереза, Ральф и Мэтт.

Состояние Капоне продолжало улучшаться; говорили, что главные трудности позади. В пятницу у него началась пневмония. Филлипс позвонил специалисту, но даже признанный пульмонолог Артур Дж. Логик ничего не мог сделать: болезнь поразила оба легких, сердце ослабело, и Капоне держался только на кислороде.

Ральф регулярно выходил через большие ворота к журналистам с новостями и пивом. В доме не нашлось подходящей корзины, и он выносил пенный напиток в охапке, просто обнимая бутылки короткими руками, за что немедленно получил прозвище «Бутылочник». Имя Капоне снова вернулось на первые полосы газет. Исключение составляла Miami Daily News, поскольку Джеймс Кокс заявил, что факт неизбежной смерти Капоне сам по себе является некрологом, и он не позволит, чтобы имя этого сукиного сына находилось на первой странице газеты.

Капоне всегда говорил, что боится умереть на улице, прошитый автоматной очередью, и желал бы, чтобы рядом находилась семья. Желание сбылось – он умер в результате остановки сердца в 7.25 вечера, в субботу 25 января 1947 года. Вся семья была рядом.

Монсеньор Уильям Бэрри, настоятель собора Святого Патрика в Чикаго, заявил, что заткнет любого болтуна, бандит он или нет, во время отпевания. По согласованию с семьей, Бэрри решил обмануть прессу. Привлекающий всеобщее внимание пустой катафалк проехал по 79-й улице, двигаясь от похоронного бюро Philbrick до собора, где должна была состояться панихида (между тем заупокойная месса была запрещена). Тем временем настоящий катафалк с бронзовым гробом Капоне приехал в Чикаго на одном поезде с семьей.

На 48-м участке кладбища Маунт-Оливье в южной стороне Чикаго в 2 часа дня 4 февраля 1947 года собралось около пятидесяти скорбящих, дрожащих от холода в 4 градуса по Фаренгейту[232]. Понадобилось почти три часа, чтобы вырыть в заснеженной земле могилу рядом с Габриэле и Фрэнком. Немногочисленная явка не означала отсутствие уважения. Энтони Аккардо[233] распорядился, чтобы помимо семьи на похороны

допускались только люди, которые действительно были друзьями. «В противном случае, – сказал Аккардо, – сюда бы ввалилось все Чикаго».

Двоюродные братья Капоне, Фишетти, топтались под неким подобием тента, возведенного около могилы. Мюррей Хэмфрис, Сэм Хант, Вилли Хиней, другие видные члены банды Тони Капеццо и Ник де Грацио и совсем непонятная мелочь в лице Джоуи Корнгольда и Роберта Аризоно стояли рядом, подняв воротники пальто, защищаясь от ветра и камер вездесущих журналистов, которым все-таки удалось проникнуть на похороны. Последним, прихрамывая, появился Джек Гузик. Ральф отгонял от могилы назойливых репортеров, бормоча под нос: «Почему не оставить нас в покое?» Чарли Фишетти громко рычал, что убьет любого сукиного сына, который осмелится фотографировать.

Монсиньору Уильяму Дж. Горману, капеллану чикагской пожарной службы и, одновременно, пастору Воскресенского собора, потребовалось время, чтобы рассказать присутствующим, почему именно он проводит погребение. «Церковь, – объяснил Горман, – никогда не потворствует злу в жизни человека. Эта короткая церемония должна признать покаяние Капоне и что он умер, причастившись. Да, я не был лично знаком с Капоне, но, будучи пастором церкви Святого Колумбана, свидетельствую, что его мать, Тереза, демонстрировала неизменное благочестие и никогда не пропускала ежедневной мессы или воскресного причастия. Она и попросила меня провести сегодня эту службу».

Все прошло очень быстро. В 3.30 братья Раго перенесли из катафалка бронзовый гроб, усыпанный скромным слоем гардений и пятьюдесятью орхидеями. Монсиньор Горман прочитал несколько строк из служебника, Отче Наш, Аве Марию и Покаяние[234]. На все ушло пять минут. Гроб опустили в могилу.

Рядом крутились полицейские. Они хотели допросить подозреваемых в занятии азартными играми, но никаких арестов не последовало. На выходе Мэтт еще раз повторил угрозу Чарли Фишетти, когда какой-то фотограф попытался сделать снимок Терезы.

Над могилой Капоне воздвигли черный гранитный камень высотой в восемь футов, на котором над итальянскими именами Габриэле (Gabriele) и Фрэнка (Salvatore), с днем, месяцем (также в итальянском написании) и годами рождения и смерти, было добавлено Аль Капоне и годы жизни (без дат). По сравнению с отцом и братом, эта надпись выглядела небрежной и временной.

Глава 32
Ожидание больших перемен

Текущие доходы в криминальном мире, как, впрочем, и в добродетельном законопослушном, продолжали удивлять неравномерностью. Несколько соратников Капоне были убиты в знак назидания и с характерной для большинства гангстеров бессистемностью. Трудового рэкетира Капоне Красного Баркера застрелили в июне 1932 года. В убийстве подозревали банду Роджера Туи[235], но расследование дало обычный результат. Партнера Баркера, Джека Трехпалого Уайта[236], ставшего его преемником, постигла та же участь в 1934 году, Луи Бриллианта Коуэна – в 1933 году. Маленького Алмазного Лу Коуэна застрелили неизвестные в 1933 году. Убийство Коуэна не носило предостерегающего характера, поскольку Лу никогда не представлял большой опасности, хотя начал жить полной и интересной жизнью после знакомства с Капоне, чем раньше, будучи относительно честным продавцом газетного киоска.

Джеймс Джанна, наименее достойный член грозного семейства, умер в собственной постели от сердечного приступа за месяц до того, как Капоне огласили приговор суда. Его братья Сэм и Пит кое-как выживали, но были на пути к разорению. Майлс О'Доннелл, представляющий наименьшую опасность, умер молодым в феврале 1932 года от болезни, его брат Клондайк О'Доннелл процветал.

Во время суда над Капоне Фрэнк МакЭрлайн убил свою жену Эльфриду, выстрелив в нее четыре раза и оставив на заднем сиденье автомобиля вместе с немецкой овчаркой и фокстерьером (собак он тоже пристрелил). Никакой приговор не мог бы быть для него слишком суровым, однако он умер от пневмонии в октябре 1932 года на больничной койке. Когда МакЭрлайн начинал биться в бреду, его удерживали сразу четыре санитара.

Фрэнки Рио, безоговорочно преданный Капоне, умер от болезни в возрасте тридцати лет.

Джека МакГурна убили, пока Капоне сидел в Алькатрасе. Многие его не любили: с одной стороны, МакГурн был слишком вспыльчив, с другой – склонен к элитной лени. После отправки Капоне за решетку он всерьез увлекся гольфом, но наступившая Великая депрессия снова заставила вернуться в криминальный бизнес. Поздно вечером в День святого Валентина в 1936 году он отправился в боулинг. Примерно в час ночи двое неизвестных расстреляли его около дорожки для боулинга, оставив на груди

валентинку, намекающую на бедность:

> «Ты потерял работу, драгоценности и красивые дома. Могло быть и хуже. По крайней мере, ты не потерял штаны».

Зная о семейных традициях жертвы, склонности к безжалостной мести, через шестнадцать дней после убийства МакГурна трое боевиков прикончили прямо за карточным его сводного брата Энтони Демори вместе с телохранителем.

Вскоре вдова МакГурна, Луиза, снова стала участницей автокатастрофы со смертельным исходом. Как и в первый раз, в пятнадцать лет, она осталась целой и невредимой. Образно говоря, остальная часть жизни Луизы напоминала постоянные столкновения, в которых большая часть повреждений доставалась другим. Она дважды выходила замуж, но почти сразу разводилась. В 1940 году полиция арестовала ее за хранение пистолета, который очередной сожитель использовал при ограблении, однако не было никаких доказательств, что она знала о преступлении. Очередной арест последовал в 1943 году за укрывательство армейского дезертира. «Самая загадочное, – размышляла Луиза, – каждый раз меня арестовывали не за то, что я сделала, а из-за парней, которые были рядом». В конце 1980 годов прошла информация, что Луиза живет где-то в Северной Калифорнии.

В 1950-е годы умерли многие старые кадры, причем большинство естественной смертью. Чарли Фишетти умер в 1951 году, его двоюродный брат Рокко скончался в 1964 году от сердечного приступа в шестьдесят один год, Вилли Хейни – от рака горла в 1951 году, в возрасте шестьдесят три года. Луи Кампанья, который угрожал Джо Айелло, умер в июне 1955 года. На его похоронах присутствовали Джон и Альберт Капоне, Тони Аккардо, Сэм Хант, Клод Мэддокс, Тони Капцио и Рокко Де Грацио. Мэддокс и Хант скоро умерли. Примерно в то же время умер Фил Д'Андреа. Фрэнка Маритота застрелили из дробовика.

Главного кадровика Капоне Мюррея Верблюда Л. Хемфриса, о котором бывший соратник вспоминал как о самом красивом парне, нашли лежащим вниз лицом на роскошном ковре в не менее роскошной квартире чикагского жилого комплекса Марина-Сити. Он умер от сердечного приступа через семь часов после обвинения ФБР в лжесвидетельстве. Ему исполнилось шестьдесят пять лет.

Фрэнк Галлуччи, оставивший шрам на лице Капоне, умер от сердечного приступа в 1960 году. Джо Фуско, которого бутлегерство занимало всегда больше, чем рэкет, дожил до

восьмидесяти лет, до конца жизни занимаясь алкогольным бизнесом. Тони Аккардо и Джозеф Айуппа были еще живы в 1992 году – Айуппа сидел в федеральной тюрьме[237], Аккардо не предъявляли никаких обвинений.

Дэнни Стэнтона, одного из главарей чикагской мафии, убили в 1943 году в салуне, в междуусобной распре.

Джордж Моран отправился в федеральную тюрьму штата Огайо в 1946 году за ограбление владельца кафе в Детройте на $10 000. После освобождения федералы снова арестовали Морана за ограбление банка Ансонии, Огайо. Он умер от рака легких в Ливенуорте 25 февраля 1957 года.

После тяжелого бракоразводного процесса, в ходе которого Джо Солтис (живший в то время ночлежках) отрицал факт отцовства в отношении старшего сына, он умер в бедности и одиночестве в окружной больнице в августе 1947 года.

В 1956 году у Спайка О'Доннелла случился тяжелый сердечный приступ. Очередной приступ унес жизнь О'Доннелла в 1962 году, когда ему исполнилось семьдесят два года.

Неразлучные Терри Драггэн и Фрэнк Лейк поссорились на какой-то вечеринке и расстались в начале тридцатых годов. Остаток жизни Драггэн перебирался из больницы в больницу, одновременно страдая язвой желудка, астмой и сердечными заболеваниями. Он умер, так и не помирившись с другом, в бедности в 1954 году. Лейк уехал в Детройт и жил в фешенебельном пригороде, став президентом угольной и ледовой компании. Его жена занималась благотворительностью. Казалось, никого не заботило, каким образом Лейк заработал деньги. Он умер в 1947 году, в пятьдесят лет, в окружении семьи.

В 1943 году умер Фрэнк Нитти, один из самых серьезных людей в организации Капоне. На него покушались и раньше, но тогда Нитти удалось уцелеть.

В 1932 году у Нитти назрел конфликт с мэром Чикаго Антоном Чермаком. Когда начались серьезные преследования Капоне, мэр Чермак решил вернуть контроль над азартными играми и преступностью. Представителем Чермака должен был стать Тед Ньюберри; следовательно, от Нитти нужно было избавиться.

19 декабря 1932 года примерно в 12.30 два детектива-сержанта, Гарри Ланг и Гарри Миллер, ворвались в офис Нитти в доме 221 по улице Ла Салль. Ордера на арест у них не было. По дороге они заручились поддержкой двух патрульных полицейских в форме. Нитти поднял руки вверх. Ланг выпустил в Нитти три пули, попавшие в спину, правую сторону шеи и грудь, и ранил себя в руку, чтобы обосновать действия необходимостью

самообороны. Но Нитти остался жив, а один из патрульных, Кристофер Каллаган, рассказал, как было дело. В ходе разбирательства по делу вооруженного нападения судья вынес вердикт о невиновности Нитти. Теперь Лангу и Миллеру был нужен хороший адвокат. Они наняли Авраама Линкольна Маровица, который начинал карьеру помощником прокурора штата при администрации Кроу, впоследствии стал знаменитым адвокатом по уголовным делам, а затем – уважаемым федеральным судьей.

Аль Капоне. 14 апреля 1931 год.

Он без труда выиграл дело о простом нападении без отягчающих обстоятельств. Ланга приговорили к штрафу $100, который сразу был оплачен. На этом судебное разбирательство завершилось.

7 января 1933 года в канаве рядом с Индиана-стрит нашли тело Теда Ньюберри.

Ревизионисты утверждают, что уроженца Италии Джузеппе Зангару, пытавшегося убить президента Рузвельта в Майами, послал Нитти, а настоящей целью Зангары был мэр Чермак, в то время тоже отдыхающий в Майами. Зангара произвел пять выстрелов, ни один не попал в Рузвельта, но Чермак получил пулю. Рана не была смертельной, но привела к развитию перитонита, и через три недели Чермак умер. Спустя две недели во Флориде казнили Зангару, признавшего себя виновным. Зангара рассказал, что постоянно слышал голоса, призывавшие нанести удар по власти, и целился только в Рузвельта. Поэтому версия о роли Нитти в устранении Чермака представляется несостоятельной. Нитти, несомненно, постарался бы тщательно спланировать акцию лучше и выбрать надежного исполнителя.

Когда по нелепой случайности раскрылась схема вымогательств в Голливуде, перед Нитти маячила перспектива вернуться за решетку. 19 марта 1943 года, через девять месяцев после женитьбы на бывшей секретарше Эда О'Хайры, Нитти прогуливался около своего дома на Риверсайд. По дороге Нитти выстрелил себе в голову.

Джек Гузик умер в 1956 году в семьдесят лет от сердечного приступа в гриль-баре St. Hubert's English Grill, где обычно встречался с представителями городской администрации и раздавал взятки. Его сын, сохраняя семейные традиции, отбывал наказание в Аризоне по обвинению в аморальном поведении.

На похоронах количество итальянцев значительно превышало число евреев.

16 марта 1957 года семидесятипятилетний Джон Торрио отправился из дома в Бруклине в парикмахерскую. После освобождения в конце 1930 годов он активно занимался бизнесом в сфере недвижимости. Торрио стало плохо в парикмахерском кресле. Через несколько часов он скончался в больнице от ишемической болезни сердца.

После победы Чермака над Большим Биллом Томпсоном в 1931 году он пустился во все тяжкие и ближе к назревавшей войне стал открыто поддерживать фашистское движение.

После смерти Томпсона, в марте 1944 года, в его пяти сейфовых ячейках нашли в общей сложности более $1 800 000, что вызвало подозрения в казнокрадстве, хотя, по большому

счету, сумма должна была быть намного больше. Томпсону было семьдесят семь.

Если бы Эд О'Хара остался в живых, он бы гордился сыном. Бутч, окончивший военно-морскую академию в Аннаполисе в 1937 году, стал асом военно-морского флота США и был награжден Медалью Почета[238] в 1942 году, сбив в бою пять вражеских бомбардировщиков. В 1943 году его самолет был сбит при возвращении на базу после выполнения боевого задания. Поиски, предпринятые с рассветом, не дали никаких результатов – поверхность океана оставалась пустынной. В 1949 году главный аэропорт Чикаго был переименован в его честь.

Дуайт Грин оставался два срока на посту губернатора штата Иллинойс с 1940 по 1948 год, но затем проиграл выборы демократу Эдлаю Стивенсону. Грин умер от рака легких в феврале 1958 года в возрасте шестидесяти одного года. Его помощник Джейкоб Гроссман стал партнером юридической фирмы и умер в 1975 году в возрасте восьмидесяти двух лет. Глава секретной службы Фрэнк Уилсон скончался в июне 1970 года. В 1932 году Джордж Джонсон стал судьей, затем вернулся в частную практику и умер в 1949 году в возрасте семидесяти пяти лет.

Судья Уилкерсон не получил места в апелляционном суде, куда так стремился, но провел восемнадцать достойных лет в качестве федерального судьи. Он умер в сентябре 1948 года в семидесят восемь лет.

Последние десять лет жизни Пэт Рош отошел от дел по причине слабого здоровья. Он умер в июле 1955 года, в шестьдесят лет.

Элиот Несс прошел путь от героя Чикаго до служащего в Кливленде, где с 1935 по 1942-й служил директором Департамента общественной безопасности. В Кливленде он проиграл серьезное дело об убийстве. Во время войны Несс работал в федеральном управлении безопасности, затем стал президентом корпорации Guarantee Paper в Каудерспорте, штат Пенсильвания.

Судьба сыграла с ним злую шутку: вездесущая слава, которую Несс так жаждал, пришла посмертно. Несс умер в 1957 году, когда его книга «Неприкасаемые» только версталась. Несс так никогда и не увидел себя в одноименных фильмах в исполнении Роберта Стэка и Кевина Костнера.

У некоторых артефактов из жизни Капоне была своя история.

В феврале 1952 года Мэй продала дом на Палм-Айленде, 93, включая мебель, через кливлендское риелтерское агентство чуть более чем за $64 000. «Можно сказать, – вспоминал агент Томас

У. Миллер, – я просто украл дом». Он планировал выгодно перепродать имущество, когда в обществе утихнет волна «проклятия Капоне». Спустя три года Миллер выставил его на торги за $72 000, но, в конце концов, с радостью поменял на небольшой частный аэродром недалеко от Кантона, штат Огайо. Дом сменил по крайней мере двух владельцев, причем их постоянно раздражали слоняющиеся вокруг любопытные зеваки, особенно те, которые подбирались к участку по воде со стороны доков, на моторках. Наконец, в 1971 году пилот Генри Т. Моррисон приобрел все имущество за $56 000 и жил там довольно счастливо.

После смерти Терезы, 29 ноября 1952 года, Мэй продала дом в Пеории. В конце 1980 годов дом стал предметом раздора между желающими внести его в Национальный реестр исторических мест[239] и теми, кто был против. Окончательное решение было отрицательным.

Оживленный интерес возник вокруг бронированных лимузинов Капоне. Один приобрел некий английский предприниматель, который выставлял автомобиль на аукционах, но лот не вызвал никакого исторического интереса. Машину купил малоизвестный владелец танцзала в 1958 году всего за $510. Другой лимузин был продан в США за $37 000 в 1971 году. Когда через четыре года владельцу предложили $80 000, он счел это оскорблением. Еще один лимузин должен был появиться в фильме про Капоне, но сгорел.

Не считая раннего «Лица со шрамом», про Капоне было снято еще три фильма с Родом Стайгером, Беном Газзара и Джейсоном Робардсом[240] в главных ролях. Затем его сыграл Роберт Де Ниро в фильме 1987 года «Неприкасаемые». Новый фильм со старым названием «Лицо со шрамом» (1983) с Аль Пачино никакого отношения к истории Капоне не имел (его герой кубинского происхождения занимался торговлей кокаином).

Штаб-квартирой Капоне в Сисеро (отель Hawthorne, переименованный в Western и, наконец, в Towne) управлял один из наследников Капоне Джозеф Айуппа. Он продал отель 17 февраля 1970 года. Через несколько часов, по случайности, на кухне начался пожар, и Towne полностью сгорел. Возгорание произошло по роковому совпадению обстоятельств, никто даже не предполагал факта поджога. Это место пустует до сих пор.

Урбанистическая строительная политика сровняла с землей здания Four Deuces и Metropole. Трудно поверить, что эти пустующие участки, засыпанные битым кирпичом, когда-то были самыми привлекательными местами района Леви и окрестностей. Заброшенное здание отеля Lexington, ставшее прибежищем

местных бомжей, все еще стоит на месте. После Капоне гостиница превратилась в дешевый бордель, затем в ночлежку и была закрыта решением мэрии в 1980 году. Шумиха вокруг возможных богатств Капоне, спрятанных в забетонированном участке подвала отеля, привела к специальному телевизионному проекту-расследованию. Во взломанном помещении валялось несколько пустых бутылок из-под виски. В конце 1980-х годов застройщики начали трубить о реконструкции или полном обновлении здания. Никаких признаков ни того, ни другого пока не появилось.

Стена, напротив которой произошла бойня в День святого Валентина, получила большую привлекательность. В середине 1960 годов гараж стал антикварным магазином, которым управляли Чарльз и Тельма Вернер. «Не проходило и дня, – вздыхала миссис Вернер, – чтобы кто-нибудь не приходил с просьбой показать заднее помещение, где все произошло». Устав от потока экскурсантов, Вернеры продали участок городу под строительство дома престарелых. Строительная компания тщательно заботилась о сохранности побеленной стены с окровавленными кирпичами на северной стороне участка. Поступающие предложения о продаже отдельных кирпичей в качестве сувениров компания отклонила, оставив в целости сомнительный мемориал. Стена стала фигурировать как элемент рекламного бизнеса расположенного внизу магазина, пока различные общественные женские движения не заявили решительный протест. Следующим владельцем помещения стал ночной клуб. Окровавленная стена стала достойным украшением туалетной комнаты. Наконец, помещение было выкуплено для частных развлечений бизнесменом из Канады, чья аукционная ставка перебила суммы более чем пятидесяти потенциальных покупателей, и стена исчезла из публичного доступа.

«Быть братом Аль Капоне оказалось очень тяжело, – говорил Ральф в 1941 году. – Люди всегда указывали на меня пальцем не как на бизнесмена Ральфа Капоне, а как на брата того самого Аля».

Тем не менее Ральф оставался внимательным и преданным брату. Однако роль Ральфа в делах синдиката потеряла важность, когда Капоне посадили в тюрьму. Ральфу так и не удалось восстановить свое влияние в организации.

После смерти Капоне Ральф управлял скромным танцполом Dreamland в Стикни. Он получал долю от дохода одной бутилирующей компании и компании по производству алкогольных напитков. Ральф контролировал примерно двести сигаретных автоматов округа Кук.

В начале пятидесятых годов правительство в очередной раз

попыталось предъявить Ральфу обвинение в уклонении от уплаты налогов. Ральфу помог Джимми. Юрист утверждал, что является владельцем дома в городе Ракап, штат Висконсин. По словам Джими, дом был куплен в 1941 году на деньги Терезы. «Ральф содержит дом для меня», – объяснял Джимми. Ральф также содержал бар Billy's в гостинице Mercer's Rex, где работали два сына Джимми. Правительство так и не смогло найти у Ральфа имущество, которое можно было бы обложить налогом.

Жена развелась с Ральфом из-за жестокого обращения, в том числе физического насилия. Сын, Ральф-младший по прозвищу Рискованный, покончил с собой в возрасте тридцати трех лет. Он был женат и сменил много занятий. 9 ноября 1950 года Ральф-младший работал барменом. Его девушка, комическая актриса Джин Крейн, в этот день выступала в Дулуте, Миннесота, и Рискованный впал в депрессию. В ту ночь, залитый спиртом, как выразился коронер, он опорожнил флакон лекарства от простуды, несовместимого с алкоголем. Перед смертью Рискованный оставил записку, написанную едва понятными каракулями:

> «Дорогая Джинни! Моя любимая! Я люблю тебя! Люблю! Очень. Только ты!»

У записки не было подписи. Долгое время Ральф-младший подписывался «Ральф Габриэле», но Ральф-старший не мог объяснить это.

Остаток жизни Ральф Капоне провел в некой дреме, презирая и игнорируя старых друзей и новые связи. Он тихо умер в ноябре 1974 года.

Джимми умер в затрапезном Гомере, совершенно слепым, в ночь на 30 сентября 1952 года, за два месяца до смерти матери.

Аль Капоне старался уберечь от беды своего младшего брата Мэтта. Аль определил Мэтта учиться в колледж Вилланова[241]. Образование не особо пригодилось, но, по крайней мере, он избежал привычной для семьи славы вплоть до апреля 1944 года, когда стал подозреваемым в убийстве человека, собиравшего и распространявшего сведения о скачках, в ресторане Hall of Fame в Сисеро. Мэтт исчез на одиннадцать месяцев. За это время дело не удалось составить, поэтому подозрение было снято. Мэтт умер 31 января 1967 года в пятьдесят девять лет под чужим именем. На похоронах присутствовали двадцать пять человек, включая двух репортеров, представившихся приятелями покойного.

Альберт регулярно использовал псевдонимы Берт Кэмпбелл и Берт Новак. В 1942 году он официально поменял отцовскую фамилию Капоне на девичью фамилию Терезы – Райола. Он избегал любых неприятностей с полицией, за исключением

единственного штрафа в $25, заплаченного за жену. Он умер в возрасте семидесяти шести лет в июне 1980 года.

Джон Мими Капоне остался вне поля зрения общественности, возможно, потому что сменил имя на Джон Мартин. Известно, что в 1980 годах он был жив.

«Сонни был порядочнейшим человеком», – говорил Пэт Пердью, бывший детектив из Майами. Сонни уволился из салона подержанных автомобилей, не смирившись, что владелец использует мошеннические практики продаж, в том числе скручивание одометров. До конца дней у Сонни были проблемы с финансами. Отец не оставил ни завещания, ни денег, которые Сонни мог бы унаследовать.

Позже Сонни признался другу, сотруднику порта Майами, что в конце 1940-х годов гангстеры пытались привлечь его к деятельности. Он обсудил это с Мэй, которая сказала: «Отец разбил мне сердце. Пойдешь по его стопам?» Сонни остался честным, но бедным.

К 1956 году Мэй и Сонни стали владельцами ресторанчика Ted's Grotto, расположенного на Коллинз-стрит, 6970, в квартале от бара, которым владел Джонни, дядя Сонни. Мэй занималась кассой, а Сонни был управляющим, хотя его застенчивость вряд ли соответствовала подобной роли.

Ресторанный бизнес потерпел неудачу, и Сонни устроился на работу в шинную компанию в северной части Майами. Сонни не мог содержать дочерей на зарплату складского рабочего. Забрав детей, Диана уехала в Калифорнию. Сонни продолжал оказывать ей посильную помощь, работая в двух местах по шестнадцать часов в день на самых низкооплачиваемых должностях.

Одноклассник Сонни по школе при соборе Святого Патрика составил проект двухсерийного телевизионного фильма «Неприкасаемые», посвященного перемещению Капоне из Атланты в Алькатрас. Сонни позвонил Дези Арназу[242] и попросил, как старого друга, бросить эту идею. Арназ отказал: они не были особо близки. Мэй и Мафальда подали в суд на компании Desilu, CBS и спонсирующую фирму Westinghouse Electric, требуя компенсации ущерба $1 000 000. Они проиграли.

«Быть братом Аль Капоне – это тяжело, – говорил Ральф – Где бы я ни оказался, везде люди видят во мне не предпринимателя Ральфа Капоне, а брата моего

брата».

Сонни всегда гордился отцом. Он стал одним из лучших снайперов страны, и, когда отчаянно нуждался в деньгах, компания Springfield Firearms предложила $25 000 за рекламное турне по США при условии, что он изменит фамилию (компания считала фамилию Капоне олицетворением негатива). Сонни наотрез отказался.

Однажды Сонни сорвался. В пятницу 6 августа 1965 года он набрал три пакета продуктов в магазине Kwik Check на севере Майами-Бич и попытался вынести в кармане пару флаконов аспирина и упаковку батареек для фонарика на сумму в три с половиной доллара, но был задержан охраной на выходе. «Каждый из нас немного вор», – сказал полицейским Сонни. «Он очень хороший клиент, – говорил директор магазина. – Надеюсь, он будет заходить к нам».

Судья назначил сыну Аль Капоне два года испытательного срока, а газеты всей страны, особенно в Майами и Чикаго, посвятили этой истории многоколоночные статьи под кричащими заголовками. Девять месяцев спустя Сонни попросил суд официально изменить фамилию: «Я должен был это сделать много лет назад». Судья прочитал нотацию о грехах отца и призвал Сонни не порочить новое имя, «дабы вашим детям не досталось то, что достается вам».

В конце концов Сонни перебрался в Калифорнию, чтобы быть ближе к дочерям, когда Диана умерла в конце 1980 годов. Позже вернулся во Флориду и жил на небольшую заработанную пенсию.

Мафальда относилась к своей фамилии неоднозначно. Она держала ресторан деликатесов в Чикаго на Сауз-Вестерн, 10232. В 1957 году Мафальда обвинила полицейского в нападении, когда пыталась вмешаться в избиение пьяного из ближайшего бара. В результате полицейский был уволен. Когда журналисты, освещавшие инцидент, спросили, является ли она сестрой Капоне, Мафальда отрезала: «Да, и очень этим горжусь!» Она умерла в 1988 году. На надгробии написано:

> МАФАЛЬДА МАРИТОТ
> КАПОНЕ
> Мэй скромно жила во Флориде
> и умерла приблизительно в это же время[243].

На президентских выборах в США 1940 года в Нью-Йорке были зафиксированы бюллетени за Аль Капоне.

В 1959 году уважаемый адвокат из Филадельфии позвонил в Пенсильванский университет и сообщил, что анонимная группа

его клиентов рассматривает возможность создания и финансирования «Кафедры изучения налогообложения имени Аль Капоне». Руководство университета подозревало, что это какая-то нелепая шутка, но было открыто предложениям. Кафедру так и не учредили.

В 1973 году одним из самых популярных поп-хитов в Бразилии стала песня Al Capone.

В 1986 году был открыт сейф Капоне в гостинице Lexington. Благодаря этому прославился ведущий телепередачи, освещавшей открытие сейфа. Эта телепередача до сих пор сохраняет главные позиции в списке негосударственных программ.

В 1991 году французское радио наняло бывшего чикагского журналиста, в возрасте девяносто одного года, для написания сценария радиопостановки «Аль Капоне», из двадцати пяти серий.

Капоне был мало известен за пределами Чикаго до 1926 года, а через пять лет вообще сошел со сцены. Так почему его имя настолько пережило свое время? Почему Капоне так сильно захватил воображение всего мира?

В 1931 году, до того как Капоне признал себя виновным, Кэтрин Джероулд[244] задумалась над этим феноменом в статье «Джессика и Аль Капоне», опубликованной в ежемесячном журнале Harpers Monthly. Джероулд считала, что «Капоне – одна из центральных фигур нашего времени, порожденная неправильным государственным управлением, ставшая сильным аргументом против антиобщественной сущности сухого закона и живым упреком Чикаго». Ей никогда не приходило в голову, что другие могли найти в Капоне интересную личность и своеобразного романтика, пока подруга дочери, двенадцатилетняя Джессика, «обладавшая для своего возраста весьма тревожными монархистскими взглядами», не объявила, что видит в Капоне единственного мужчину, за которого бы согласилась выйти замуж.

Вскоре Джероулд заметила, что умные молодые люди согласились с Джессикой: «Они не считают Капоне хорошим гражданином, но находят более интересным, чем большинство добропорядочных граждан. В целом они не уверены, что Капоне хуже многих миллионов других, если заглядывать в человеческую душу».

«Больше всего общественность привлекал стиль Капоне. Молодежь видела его эффективность, – писала Джероулд. – Капоне так распорядился жизнью, что мог перевернуть все Майами и получать регулярную дань, выражаясь фигурально, нажимая на ту или иную кнопку, как делал в Чикаго. Его героизация находилась на уровне Форда и Рокфеллера».

И все же не совсем так. Безусловно, Капоне проявил выдающийся талант организатора, проявив себя «гением массового производства». Как заметила Джероулд, «в течение нескольких поколений мы, как правило, все больше не заботимся о том, как делаются деньги, пока деньги явно есть». Но Капоне был магнатом с очевидным отличием: ни Форд, ни Рокфеллер не носили кобуру под мышкой. Он не использовал простых адвокатов, которые только манипулировали законами, и не занимался кооптацией мелких чиновничьих сошек. Капоне нарушал нормы, которые общество тоже хотело нарушать или игнорировать, но у людей не хватало на это смелости или ресурсов. Капоне мог лично разрушить карьеру мешавшего назойливого законодателя. Он убивал тех, кого общественность с радостью отправила бы туда же и не чувствовала бы никакого беспокойства о подобной утрате. На процессе Капоне не без удовольствия констатировал факт общественного восприятия правителей как законченных коррупционеров. Он тонко заметил, что выполнял запросы общества, не имея от него поддержки, или, другими словами, жил в ореоле порочных людских фантазий.

То же самое делали и другие, но не в таких масштабах, как Капоне. Ни один бутлегер Нью-Йорка не руководил такой большой долей рынка, не использовал гегемонию столь широко и, самое главное, не обладал такой степенью влияния. Возможно, кто-то из его коллег предпочитал действовать более осторожно, всячески уклоняясь от гласности и закрывая лица от фотокамер. В отличие от них, улыбающийся Капоне не стеснялся позировать перед репортерами, развлекая и удивляя широкую публику. С одной стороны, публичность сыграла немалую роль в его падении, но с другой, именно она принесла Капоне всенародное восхищение.

«Лично для меня он никогда не был героем, – говорил фотограф Тони Берарди. – С моей точки зрения, он нанес вред итальянцам». С этим были согласны многие италоамериканцы, присоединившиеся к позиции чикагкского аппарата управления, противостоявшего любому движению, которое культивировало память об этом человеке и эпохе в целом. «Но, – как писала Кэтрин Джероуд, – эта позиция имела совершенно другие корни. Большинство бездельников раздражалось, что Капоне отличался от них и приобрел славу, став типичным американцем».

В то время многие жаловались на угрозы, исходящие от иммигрантов. Американцев беспокоило засилье иностранной преступности (тогда еще Диллинджеры, Баркеры, Нельсоны и прочие Ван Метры не стали героями газетных заголовков)[245]. «Но, – продолжал Джероулд, – пытаясь использовать Аль Капоне

для яркого примера, они сильно ошибались. Как бы комично или трагично это ни выглядело, цель Аль Капоне и его практика были на сто процентов американскими».

Возможно, семья планировала все сделать заранее, возможно, родня устала, что зеваки топчут семейные могилы. В марте 1950 года останки троих покойных были эксгумированы и перенесены на кладбище Маунт-Кармель, на северо-западе Сисеро.

Белый гранитный семейный памятник выполнен в виде высокого монолита с вырезанным удлиненным крестом в обрамлении двух более коротких плит со сложным рельефным орнаментом. В основании центральной части всей конструкции вырезано одно слово – «CAPONE». Живая изгородь, приблизительно высотой по пояс, специально посажена так, чтобы имя не слишком выделялось. Сотрудники кладбища не раскрывают туристам местоположение участка. Отдельные могилы членов семьи расположены перед главным монолитом. Каждая представляет небольшую надгробную гранитную плиту размером один на три фута и весом в пятьдесят фунтов. Надпись на плите, под которой покоятся останки Аль Капоне, дважды осквернялась вандалами, после чего снова восстанавливалась. Сбоку на плите вырезан католический крест с орнаментом, посередине надпись в рамке:

ALPHONSE CAPONE
1899–1947
MY JESUS MERCY

Благодарности

Выражаю глубокую благодарность руководству и сотрудникам чикагской библиотеки Chicago SunTimes – особенно Терри М. Голембиевски, главному библиотекарю, и Джудит Энн Хальпер, референту, за доброту, терпение и выдающийся профессионализм. Библиотека газеты Sun-Times содержит статьи всех чикагских газет, выпускавшихся в описываемый период. Без доступа к ним написание книги было бы намного сложнее.

Спасибо всем, кто потратил драгоценное время, чтобы побеседовать со мной. Хочу выразить особую благодарность людям, потратившим огромное количество времени и сил, давая мне интервью, телефонные консультации, обмениваясь корреспонденцией.

Уильям Бальсамо – исследователь, историк и писатель, проживающий в Бруклине. Он специализируется на уголовной тематике, особенно на криминальной жизни Нью-Йорка. Хотя Бальсамо никак не связан с преступным миром (до ухода на пенсию работал грузчиком в порту Бруклина, как и его отец), его дядя, Баттиста Бальзамо, был мафиозо. Когда рядом нет полиции и журналистов, простые жители Бруклина охотно рассказывают Биллу о подлинных событиях – потому что понимают: он один из них. Билл брал интервью у человека, от которого Аль Капоне получил знаменитый шрам. Консультации Бальсамо очень помогли мне.

Марк Левелл из Чикаго занимается ремонтом компьютеров в телефонной компании. На протяжении всей жизни ведет исследование криминальной истории Чикаго. Марк скрупулезно исследует самые мелкие нюансы и заносит достоверную информацию в компьютер. Он неиссякаемый источник информации. Марк предоставил полицейские отчеты о Бойне в День святого Валентина, которые помогли в написании Глав 19 и 20. Марк Левелл с необыкновенной щедростью и самоотверженностью делился драгоценными знаниями и временем.

Майкл Грэм из Либертивилла, штат Иллинойс, исследовал огромное количество телевизионных и кинопроектов, посвященных Капоне и его эпохе. Майкл – предприниматель, который скоро запустит шоу про Чикаго двадцатых годов. Майкл обладает поистине энциклопедическими знаниями об эпохе Капоне; масштабы его коллекции фотографий и артефактов вызывают неподдельный восторг. Грэм позволил мне воспользоваться плодами его трудов.

Те, кого я не упомянул здесь, указаны в тексте или в примечаниях; выражаю благодарность людям, потратившим время на беседы со мной. Санта Руссо Болдуин, детектив-сержант Уильям Болдуин, коммандер Нельсон Баррето, Энтони Берарди, Деннис Бингем (отделение внешней и внутренней информации Департамента полиции Чикаго), Рой Боссон (писатель-историк, Хот-Спрингс, штат Арканзас), Говард Браун, Гарри Буш, эсквайр (помощник прокурора штата в конце эры Аль Капоне), Джозеф Девис, доктор медицины (главный судмедэксперт, округ Дэйд), преподобный Джон Делендик (пастор, церковь Святого Архангела Михаила, Бруклин), А. А. Дорнфелд, Джулиус Люсиус Экелис, эсквайр, Джерри Гладден (главный следователь, Комиссия по предупреждению преступности Чикаго), коммандер Уильям Хэнхардт (бывший глава детективного отдела Департамента полиции Чикаго), детектив Том Хулахан (Департамент полиции Майами-Бич), Джон Ингрэхэм, Норман Кассофф, детектив-сержант Рон Койву (Департамент полиции Майами), Эдвин МакНиколс, старший судья Авраам Линкольн Маровиц, Джордж Мейер, Генри Моррисон, Майкл Маллинс, преподобный Джеймс Мерфи, Джесси Джордж Мюррей, Джером Ф. Нахтман, Артур Г. Ристиг, Джозеф А. Рекке, Чарльз Триллинг, Говард Л. «Пэт» Пердью, Ги Сакс (житель Майами с 1940 года), суперинтендант Эмиль Шулло (Департамент полиции Сисеро), Дэвид Дж. Шипман, эсквайр (студент-юрист конца эпохи Капоне), Милт Сосин (репортер из Майами), Уолтер С. Спирко и Мак Стейли.

Также выражаю благодарность людям, с которыми беседовал, с условием сохранения анонимности.

Семь человек поделились со мной глубокими профессиональными знаниями. Выражаю благодарность Лидии Бэйн, доктору медицины (Центральная больница Сан-Франциско), Ричарду Фреде, доктору медицины (судмедэксперт, ВС США), Теренсу МакАрти, эсквайру (исполнительный директор, Федеральная программа защиты, Чикаго), Прэнтису Маршаллу (старший судья, Окружной суд США, Чикаго), Томасу Мелрою-младшему, эсквайру (Jenner & Block, Чикаго), Роберту Ролфсу, доктору медицины (Центр по борьбе с заболеваниями, Атланта) и Роджеру Саймону, доктору медицины (Центральная больница Сан-Франциско). Если в тексте некорректно указаны профессиональные сферы, в которых они консультировали, причиной стало исключительно мое недопонимание.

Хочу выразить особую благодарность Майклу Кертизу (редактор отдела информации, WGN-TV, Чикаго), предоставившему множество подсказок, советов, пояснений и

чрезвычайно важных документов. Также благодарю за наводки Джеффри Кейна, эсквайра, и Стива Сандерса (ведущего программы новостей, WGN-TV) из Чикаго, Бертона Велленбаха, доктора медицины из Филадельфии и сержанта Дэвида Риверо (Департамент полиции Майами).

Выражаю глубочайшую признательность следующим организациям и людям за неоценимую помощь в поиске информации и документов.

Центру архивов и документации архиепархии Чикаго, особенно Патрику Канингэму (заместителю менеджера).

Совету по вопросам образования Нью-Йорка, особенно Этте Гродински (директору PR-отдела) и Ширли Пок (секретарю государственной школы № 133).

Историческому обществу Бруклина, особенно Кларе Ламмерс (младшему куратору).

Бруклинской публичной библиотеке, особенно Элизабет Уайт (куратору Бруклинской коллекции) и персоналу зала микрофильмов, в котором хранятся старые выпуски бруклинской газеты Eagle.

Компании Cadillac Motor Car Division, GM, особенно Винсенту Мунига (менеджеру).

Комиссии по предупреждению преступности Чикаго.

Историческому обществу Чикаго, особенно Арчи Мотли (куратору архивов).

Правлению пенсионного фонда полиции Чикаго, особенно Кей Хилтон.

Чикагской публичной библиотеке, особенно персоналу зала газетных микрофильмов.

Отделению по уголовным делам выездного суда округа Кук, особенно Фрэнку Бэйли (директору), Кэролин Барри и Марии Бласкес.

Секретариату окружных судов одиннадцатого судебного округа Дейд штата Флорида, особенно Гордону Уинслоу (архивариусу-историку).

Медиакомпании Cox Newspapers, особенно офису газеты Post, округа Палм-Бич, в котором хранятся указатели и вырезки из ныне не издающейся газеты Daily News, города Майами.

Историческим газетным архивам города Рауэй штата Нью-Джерси, особенно Хаю Гордону (владельцу сервиса, позволяющего пользователям найти обложки газет, выпущенных в день рождения; с позволения мистера Гордона я ознакомился с коллекцией переплетенных томов газеты Chicago Tribune); и его любезным и отзывчивым сотрудникам: Лемюэлю Блэквеллу, Алексу Брауну, Уилли Дэвису, Патрисии Эллиотт, Хосе Эспиналю,

Тайрону Франклину, Алексу Хайму, Хейзел Инс, Таре Ладагон, Ражниканту Патель, Чарльзу Питерсону, Эдварду Фиппсу, Брендану Роудсу, Майклу Робинсону, Соне Санчес и Андре Замбрано.

Исторической ассоциации Южной Флориды, особенно Ребекке Смит.

Историческому обществу Пенсильвании, особенно персоналу отдела рукописей.

Архиву суда округа Кингс, особенно Ральфу Манкарусо и Фрэнку Сиклари.

Публичной библиотеке города Лонг-Бич, особенно персоналу зала микрофильмов.

Газете Herald города Майами, особенно Норе Пол, а также Джойс Тулло и Эдварду Сорину.

Национальным архивам района Великих озер, особенно Сюзан Каррен.

Национальным архивам города Вашингтон.

Департаменту здравоохранения Нью-Йорка, особенно Кэролайн Дюрант (ведущему сотруднику).

Музею департамента полиции Нью-Йорка, особенно Доминику Палермо.

Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Газете Inquirer штата Филадельфия, особенно М. Кроули (главному библиотекарю).

Публичной библиотеке Филадельфии, особенно персоналу зала микрофильмов, в котором хранятся выпуски не издающейся сейчас газеты Public Ledger.

Публичной библиотеке Санта-Моники, особенно персоналу справочной службы и персоналу отдела периодических изданий.

Газете Sentinel-Record города Хот-Спрингс штата Арканзас.

Бибиотеке Университета Темпл, особенно Джорджу Брайтбили (куратору городских архивов, в котором хранятся вырезки из уже не издающихся филадельфийских газет Bulletin и Record).

Библиотеке Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, особенно персоналу Университетской исследовательской библиотеки и зала микрофильмов.

Union Memorial Hospital, города Балтимор, особенно Кэрол Ристау.

Министерству юстиции США.

Федеральному бюро расследований, читальному залу FOI.

Федеральному управлению тюрем, особенно Джону Робертсу (архивариусу) и Энн Дистел.

Автор книги, указанной в [библиографии] как один из основных источников, заслуживает особой благодарности. Я не упоминаю книгу «Капоне» Джона Коблера, опубликованную в 1971 году, только из соображений корректности, в своей работе опираюсь в основном на самые ранние источники из всех, что доступны на данный момент, и, соответственно, привожу здесь. Я стараюсь как можно реже ссылаться на современные источники. Тем не менее хочу отдать должное Коблеру, который был первым, сумевшим систематизировать множество разрозненных источников и выстроить достоверную хронологию карьерного пути Аль Капоне. Многие оригинальные источники попали в открытый доступ исключительно благодаря усилиям Коблера. Даже когда я не соглашаюсь с интерпретацией Коблера, отдаю отчет, что обязан ему возможностью сделать работу.

Большое спасибо моим друзьям: Баду Гоблеру, владельцу компании Book Buddy из города Торранс штата Калифорния, всегда помогавшему в поиске труднодоступных книг; Тому Кребсу, выручавшему с компьютером; и Джеку Ланггуту за ценные комментарии, критические замечания и предложения.

Спасибо всем, чье гостеприимство дало возможность, как в финансовом, так и в эмоциональном смысле, провести так много времени в движении. Спасибо Аните Кейн из Чикаго; Берту и Ширли Велленбах из Филадельфии; Нику и Джанет Уэдж (Оссининг) из Нью-Йорка; Дорис Шварц из Майами, Марти и Джоан Конрой из Кэптивы, Флорида; Лоис Эбелинг Маркум из Ла-Квинты; а также Теду и Мардж Шенберг за шесть месяцев, проведенных в Лос-Анджелесе.

Выражаю чрезвычайную признательность и любовь моей семье за неизменную поддержку (как в буквальном, так и в переносном смысле): Ширли и Берту Велленбах, Арту и Джейн Шенберг, Теду и Мардж Шенберг.

Спасибо Тому Шеридану из Sun-Times, Сандре Спайкс из Tribune и Эйлин Флэниган из Исторического общества Чикаго за помощь с фотографиями.

Благодарю редактора Фрэнка Маунта за зоркий глаз и твердую руку. Выражаю признательность Айвинду Аллану Боу за самую кропотливую редакторскую работу из всех, что когда-либо видел в своей жизни. И как всегда: спасибо Дону Конгдону, без которого ничего бы не вышло.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

State of the Union, 1948 – другое название «Состояние единства» (*Здесь и далее примеч. перев.*).

2

Имельда Маркос (Imelda Remedios Visitación Romuáldez; 1929) – филиппинский политический и общественный деятель, вдова десятого Президента Филиппин Фердинанда Маркоса. В 1990 году предстала перед Федеральным большим жюри Нью-Йорка по обвинениям в уклонении от уплаты налогов и была оправдана по всем пунктам.

3

Джеймс Куэйл (James Danforth «Dan» Quayle, 1947) – американский политик, Член Палаты представителей США, вице-президент США при президенте Джордже Буше-старшем.

4

Роберто Д'Обюссон (Roberto d'Aubuisson Arrieta, 1944–1992) – сальвадорский военный и ультраправый политик.

5

Альфредо Кристиани (Alfredo Félix Cristiani Burkard, 1947) – сальвадорский политический деятель, президент страны в 1989–1994 годах.

6

Сисеро (Cicero) – город в штате Иллинойс, пригород Чикаго.

7

«Бойня в День святого Валентина» (The St. Valentine's Day Massacre) – фильм американского режиссера Роджера Кормана 1967 года, освещающий реальные события в Чикаго 14 февраля 1929 года.

8

«Хоторн» (Howtorn) – название отеля, где располагалась главная штаб-квартира Капоне, там периодически устраивались грандиозные попойки с участием чикагских политиков.

9

Итальянская республика (Repubblica Italiana) – кратковременное (1802–1805 годы) государственное образование в Северной Италии, вассальное государство Франции во времена Наполеона. В 1805 году, после того как Бонапарт стал императором Франции, Итальянская республика была превращена в Королевство Италия с Наполеоном в роли короля и Эженом де Богарне (пасынком Наполеона) в роли вице-короля.

10

Джим Джеффрис (James Jackson Jeffries, 1875–1953 годы) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе. Последний чемпионский бой с Джеком Джонсоном состоялся 4 июля 1910 года.

11

Уильямсберг (Williamsburg) – район на севере Бруклина.

12

Исследователи литературы про Капоне часто задавались вопросом, почему я не цитирую материал из книги «Мои годы с Капоне», содержащей интервью с Джеком Вудфордом, эротическим фотографом 1930–1940 годов. Книга содержит множество предположений о деятельности Капоне в этот период. Это двойная мистификация. Интервью было не с Вудфордом, а с чикагским адвокатом Луисом Кутнером, и данные свидетельствуют, что Кутнер никогда не знал Капоне. Большинство заявлений оказались ложными. Я также проигнорировал несколько опубликованных историй из другой книги (пусть даже прекрасной и честной), не имеющих никакого внутреннего смысла (*Примеч. автора*).

13

Малберри-Бенд (Mulberry Bend) – один из пяти районов Нижнего Манхэттена в китайском квартале. Считался рассадником подросткового уличного бандитизма.

14

Горацио Элджер (Horatio Alger, 1832–1899) – американский писатель, поэт, журналист и священник, считающийся одним из самых плодовитых американских литераторов XIX века.

15

Приблизительно 160 см при 61 кг.

16

Бауэри (Bowery) – улица Южного Манхэттена, ответвление Бродвея.

17

Таммани-холл – политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790 по 1960 год и контролировавшее выдвижение кандидатов и патронаж в Манхэттене с 1854 по 1934 год.

18

Партия «незнаек» («Know Nothing» American Party) – нативистская партия в США, действовавшая на национальном уровне. В годы максимальной активности (1854–1856) стремилась обуздать иммиграцию (особенно из Германии, Ирландии и других католических стран) и усложнить натурализацию, увеличив срок до двадцати одного года.

19

Лоренцо да Понте (Lorenzo Da Ponte, 1749–1838) – величайший итальянский либреттист и переводчик, автор двадцати восьми либретто к произведениям одиннадцати композиторов, включая оперы Моцарта и Сальери.

20

Джон Мартин (John Martin, 1852–1922) – американизированное имя Джованни Мартини, американского военного патриота, итальянца, натурализованного в США. Остался единственным выжившим из полка генерала Кастера в битве при Литтл-Бигхорне.

21

Битва при Литтл-Бигхорне (Battle of the Little Bighorn) – сражение между индейским союзом лакота – северные шайенны и Седьмым кавалерийским полком армии США 25–26 июня 1876 года у реки Литтл-Бигхорн в Монтане (битва закончилась гибелью пяти рот полка и генерала Джорджа Кастера.

22

Канал Гованус (Gowanus Canal) – канал в районе Бруклина на западной части Лонг-Айленда.

23

Чарльз Фельтман (Charles Feltman, 1841–1910) – американский пекарь, которому в 1867 году пришла идея продавать еду на пляжах Кони-Айленда, в 1869 году изобрел Coney Island red hot (впоследствии Hot Dog), вызвавший небывалый покупательский спрос.

24

«Потерянный батальон» – название, которое дали 77-й стрелковой дивизии США после Мез-Аргонского наступления в октябре 1918 года (из 554 военнослужащих 197 было убито, 150 человек пропали без вести или взяты в плен).

25

Мез-Аргоннское наступление (26 сентября – 13 октября 1918 года) – наступление войск Антанты на позиции германских войск во время Первой мировой войны, одно из важнейших сражений кампании 1918 года.

26

Гинзо (Ginzo, амер. презр.) – итальяшка, макаронник.

27

Симплокарпус (*лат*. Symplocarpus foetidus) – широко известен как скунсовая (или вонючая) капуста.

28

Эспаньола (*исп.* La Español) – прежнее название Гаити.

29

Чикаго Луп (Chicago Loop) – название исторического делового центра Чикаго, происходит от канатной дороги, построенной в 1882 году, которая делала поворот в этой части города (другие источники утверждают, что Loop как имя собственное появилось после строительства в 1895–1897 годах железной дороги типа метро, расположенной на эстакаде, которая делала повороты, образуя в плане петлю).

30

Со-олдермен (Co-aldermen) – член городского управления, старший советник муниципалитета.

31

Лужайка Эванстон (Evanston lawn) – в данном случае исторически сложившийся стиль ландшафтного дизайна.

32

Petey Dink – первый комикс известного американского художника Чарльза Энтони Войта (1887–1947 годы).

33

Дэвид Глазго Фаррагут (David Glasgow Farragut, 1801–1870) – американский военно-морской деятель, во время Гражданской войны служил на стороне северян, в 1866 году стал первым в США адмиралом флота.

34

Относительное множество голосов – избирательный принцип, принятый в американской межоритарной системе голосования, при котором число голосов, поданных в пользу одного кандидата, превышает число голосов, поданных за любого другого.

35

Томас Вудро Вильсон (Thomas Woodrow Wilson, 1856–1924 годы) – 28-й президент США, историк, политолог, лауреат Нобелевской премии мира 1919 года за миротворческие усилия.

36

Фред Лундин (Fredric Lundin, 1868–1947) – республиканец, член Палаты представителей Иллинойса (1909–1911 годы), политический босс Чикаго, негласный покровитель мафии до Аль Капоне.

37

Наш Вильгельм должен быть бургомистром! (*нем.*)

38

Роджер Чарльз Салливан (Roger Charles Sullivan, 1861–1920 годы), член Демократической организации округа Кук. Стал исполнительным директором компаний Ogden Gas Company и Cosmopolitan Electric Company, получив привилегии, одобренные муниципальным советом в 1895 году. По предположениям New York Times, заработанная им сумма составила около $8 миллионов. Его главный политический противник в пределах местной Демократической партии, мэр Чикаго Картер Х. Гаррисон, предположил, что каждый из акционеров заработал около $600 тысяч.

39

Пеория – округ и город в штате Иллинойс.

40

Кларенс Дэрроу (Clarence Darrow, 1857–1938) – американский юрист, один из ведущих членов американского Союза гражданских свобод и видный адвокат.

41

Процесс Леопольда-Лэба – суд над двумя богатыми студентами из Чикаго, обвиняемыми в похищении и убийстве четырнадцатилетнего Роберта Фрэнкса (двоюродного брата Лэба).

42

Уильям Говард Тафт (William Howard Taft; 1857–1930 годы) – 27-й президент США от Республиканской партии.

43

Антисалунная (антиалкогольная) лига (Америки) (Anti-Saloon League, с 1948 – The Temperance League of America) – общественная организация, состоявшая в основном из представителей протестантской евангелистской церкви. С 1895 года приобрела общенациональный статус, активно участвовала в движении трезвенников, выступала за принятие 18-й поправки (сухого закона), после ее отмены выступала за контроль над продажей алкогольных напитков.

44

В 1919 году в состав США входило сорок восемь штатов.

45

Софи Такер (Sophie Tucker, настоящее имя Соня Калиш, 1887–1966 годы) – американская певица, актриса, комедиантка и радиоведущая украинско-еврейского происхождения.

46

«Безумства Зигфельда» (Ziegfeld Follies) – серия театральных постановок на Бродвее в Нью-Йорке, 1907–1931 годы.

47

Ирвинг Берлин (Irving Berlin, настоящее имя Израиль Бейлин, 1888–1989 годы) – американский композитор еврейского происхождения, родившийся в Российской империи, автор песни «Боже, благослови Америку», считающейся неофициальным гимном США.

48

Закон Волстеда (Volsted Act, 1919 год), принятый с целью принудительного проведения в жизнь 18-й поправки, запрещал также пиво и вино, что явилось неожиданностью для умеренных сторонников сухого закона, добивавшихся запрещения лишь крепкого алкоголя. Отменен в 1933 году после ратификации 21-й поправки.

49

Акт Манна (White Slave Traffic Act, 1900) – Федеральный закон, названный по имени разработчика, конгрессмена от штата Иллинойс Дж. Манна, направленный на борьбу с проституцией и запрещающий перевозку через границы штатов женщин в аморальных целях.

50

Уоррен Гамалиел Гардинг (Warren Gamaliel Harding, 1865–1923 годы) – 29-й Президент США (1921–1923 годы) от Республиканской партии, бывший сенатор от штата Огайо. Придерживался политики невмешательства государства в экономику страны, запомнился как любитель роскошной жизни, в частности, как любитель дорогих напитков.

51

Лилиан Рассел (Lillian Russell, 1861–1922 годы) – американская актриса и певица, ставшая известной в США в начале XX века.

52

Джеймс Патрик О'Лири (Jim O’Leary, 1869–1925 годы) – игорный босс и владелец салуна в Чикаго.

53

По одной из версий, Великий чикагский пожар 1871 года, считающийся одной из самых масштабных катастроф XIX века, начался из-за коровы, которая опрокинула копытами керосиновую лампу в сарае, принадлежащем родителям О'Лири.

54

Кармель (Mount Carmel Cemetery) – кладбище в нью-йоркском районе Квинс, основанное в 1906 году в так называемом кладбищенском поясе, окружающем квартал Глендейл.

55

Айк Блюм (Ike Bloom, 1865–1930 годы) – бизнесмен, владелец кабаре и наиболее популярных ночных клубов Чикаго Midnight Frolics и Freiberg's на всем протяжении действия запрета, партнер и соратник Колозимо.

56

Сол (Соломон) Ван Праг (Sol Van Praag, 1857–1927 годы) – совладелец публичных домов и притонов Чикаго, официальный партнер Аль Капоне по антикварному бизнесу.

57

«Ближе, Господь, к Тебе (Nearer, My God, to Thee) – английский христианский гимн XIX века, написанный английской поэтессой Сарой Флауэр в 1841 году.

58

Дейл Уинтер скончалась в США в 1985 году, в возрасте девяносто два года, успев сняться в трех фильмах в 1941–1942 годах.

59

Sistemazione – образ жизни, способ обитания; sistemare – фиксация, установка на что-либо.

Ti sistemo io – «я с тобой разберусь» (*итал.*).

61

Карл Сэндберг (Carl Sandburg, 1878–1967 годы) – американский поэт, историк, романист и фольклорист, лауреат Пулитцеровской премии.

62

«Город Широких плеч»» (City of the Broad Shoulder) – цитата из стихотворения Сэндберга «Чикаго».

63

Бейб Рут (George Herman «Babe» Ruth», 1895–1948 годы) – профессиональный американский бейсболист, выступавший двадцать два сезона в Главной лиге бейсбола с 1914 по 1935 год.

64

«Уайт сокс» (Chicago White Sox) – профессиональный бейсбольный клуб, основан в 1893 году.

65

Дион О’Бэнион – американский гангстер, главный соперник Джона Торрио и Аль Капоне во время бутлегерских войн в Чикаго 1920 годов.

66

Уильям Рэндольф Херст (William Randolph Hearst, 1863–1951 годы) – американский медиамагнат, основатель холдинга Hearst Corporation, ведущий газетный издатель, создавший индустрию новостей, основанную на сплетнях и скандалах.

67

Лен Смолл (Lennington «Len» Small, 1862–1936 годы) – 26-й губернатор штата Иллинойс (1921–1929 годы), казначей штата (1901–1903, 1917–1919 годы), известен амнистированием или условно-досрочным освобождением более тысячи осужденных преступников.

68

Уокиган – город в округе Лейк, штат Иллинойс.

69

Энтони Д'Андреа (Anthony D’Andrea, 1872–1921 годы) – мафиозный босс Чикаго конца 1910-х начала 1920 годов, бывший священник, член Демократической партии и государственный деятель.

70

Джон Пауэрс (Джон Пауэрс, 1852–1930 годы) – олдермен чикагского городского совета (1888–1903, 1904–1927 годы) от Демократической партии, считался одним из лидеров закулисной чикагской политики вместе с Банькой Джоном Кофлином и Майклом Кенной.

71

Unione Siciliana – организация, контролировавшая большую часть голосов итальянского электората в начале XX века (переименована в Итало-Американский национальный союз), в значительной степени управлялась мафией чикагского Сауз-Сайда.

72

Амматуна Сальваторе (Sammuzzo «Samoots» Ammatuna (1899–1925 годы) – чикагский гангстер, член группировки мафиозной семьи Братьев Джанна.

73

Фрэнк Гамбино – член семьи Гамбино, принадлежавшей к числу пяти наиболее крупных и влиятельных криминальных кланов, контролировавших преступную деятельность Нью-Йорка и ряда других американских городов.

74

Братья Джанна (Genna crime family) – этническая преступная группировка, действовавшая в Чикаго во времена сухого закона, являлась одним из главных игроков чикагских мафиозных войн в двадцатых годах.

75

Роберт МакКормик (Robert Rutherford «Colonel» McCormick, 1880–1955 годы) – чикагский медиамагнат, владелец газеты Chicago Tribune, активный сторонник политики невмешательства.

76

Генри Эрл Я. Войцеховский (Henry Earl J. Wojciechowski, 1898–1926 годы) – один из боссов американской мафии, лидер эпохи сухого закона чикагского Норд-Сайда; известен как единственный человек, которого боялся Аль Капоне.

77

Винсент Друччи (Vincenzo Drucci, урожденный Di Ambrosio, 1898–1927 годы) – сицилийско-американский гангстер, член банды Норд-Сайда, ставший одним из ее руководителей после убийства Дина О'Бэниона; единственный босс организованной преступности, убитый полицейским.

78

Луи Альтери (Louis Alterie, урожденный Leland Varain, 1886–1935 годы) – известный наемный убийца банды Норд-Сайда в первые годы сухого закона. Был убит как свидетель, давший показания против Ральфа Капоне, обвиненного в уклонении от уплаты налогов.

79

Джордж Глюк Моран (George Bugs Moran, 1893–1957 годы) – гангстер времен сухого закона; до достижения двадцати одного года имел три тюремных срока; умер от рака легких в тюрьме.

80

Две разные банды: вест-сайдские и сауз-сайдские О’Доннеллы – не имели никаких родственных корней и соперничали.

81

Расовые беспорядки в Чикаго (конец июля – начало августа 1919 года) – крупнейший расовый конфликт в Иллинойсе времен правления мэра Уильяма Томпсона, вызванный напряженной социально-политической атмосферой; по различным подсчетам, привел к гибели сорока трех человек и к более одной тысяче раненых.

82

Фрэнк МакЭрлайн (Frank McErlane, 1894–1932 годы) – ирландский гангстер, компаньон Салтиса и союзник Торрио и Аль Капоне в борьбе против братьев О'Доннелл. Ему приписывают введение в гангстерский обиход пистолета-пулемета Томпсона.

83

Уильям Эммет Девер (William Emmet Dever, 1862–1929 годы) – 32-й мэр Чикаго (1923–1927 годы) от Демократической партии; отмечал, что считает сухой закон огромной ошибкой, но не имеет выбора и обязан обеспечивать его соблюдение.

84

Заместитель маршала США – сотрудник службы юстиции, выполняющий часть обязанностей федерального маршала, назначаемого президентом с последующим утверждением Сенатом. По функциям должность заместителя маршала соответствует должности помощника шерифа в окружном суде.

85

Nolle prosequi – латинский юридический фразеологизм и правовой принцип, обозначающий отсутствие намерения обвинителя осуществлять уголовное преследование.

86

Американский легион (American Legion) – организация американских ветеранов боевых действий, созданная после окончания Первой мировой войны военнослужащими американских экспедиционных сил 1917–1918 годов. Была утверждена Конгрессом 16 сентября 1919 года.

87

Чарли Фисчетти (Charley Fischetti, 1891–1951) – чикагский гангстер, телохранитель и двоюродный брат Аль Капоне.

88

Даго (амер., презр.) – производное от Диего, прозвище итальянца, испанца, португальца; итальяшка, макаронник.

89

Клиника Мэйо (Mayo Clinic) – один из крупнейших частных медицинских и исследовательских центров в мире, расположена в Рочестере (штат Миннесота); основана в 1889 году, известна новаторскими подходами к диагностике.

90

Уолтер Анненберг (Walter Annenberg, 1908–2002 годы) – крупнейший издатель, владелец множества печатных изданий, шести телевизионных каналов и девяти радиостанций, выдающийся филантроп, пожертвоваший более $3 миллиардов, близкий друг президентов Никсона и Рейгана.

91

Майк Мерло (Michele «Mike» Merlo, 1880–1924 годы) – чикагский политический деятель от демократической партии, руководитель Unione Siciliana. После принятия сухого закона использовал свою позицию для посредничества в территориальных спорах, сохраняя хрупкий мир между Торрио-Капоне, братьями Джанна, О'Бэнионом и другими преступными организациями. Его смерть от рака 8 ноября 1924 года ознаменовала начало открытой гангстерской войны.

92

Уильям МакАду (William Gibbs McAdoo, Jr., 1863–1941 годы) – американский юрист и государственный деятель, лидер прогрессивного движения, сыгравший важную роль в администрации президента Вудро Вильсона, член Демократической партии, Сенатор от штата Калифорния (1933–1938 годы).

93

В американском процессуальном праве отсрочка слушания или судебного разбирательства по просьбе любой (или обеих) сторон предполагает рассмотрение дела по особым ускоренным правилам, которые резко ограничивают возможности судей в отношении продолжения производства.

94

Кардинал Манделейн (George William Mundelein, 1872–1939 годы) – американский кардинал Римско-католической церкви, архиепископ Чикаго с 1915 года.

95

Обычный псевдоним Джона Торрио.

96

Ювенальная защитная ассоциация (Juvenile Protective Association) – частное некоммерческое агентство, основанное в 1901 году, занимающееся защитой детей от жестокого обращения и безнадзорности путем предоставления услуг по вмешательству и лечению в Чикаго.

Peg-leg (*жарг.*) – деревянная нога.

Dagos, Wops, Guineas, Ginzos (жаргон) – итальяшки, макаронники.

Dingbat (*перен.*) – тупой, глупый человек.

100

ROTC (Reserve Officers' Training Corps) – Учебный корпус офицеров запаса.

101

Капли для отключки (knockout drops) – лекарство или наркотик, которые подмешивают в спиртное, чтобы вызвать потерю сознания.

102

Чарльз «Лаки» Лучано (Charles «Lucky» Luciano, 1897–1962 годы) – один из лидеров организованной преступности в США, в 1946 году был депортирован из страны, как не имеющий гражданства США.

103

Меер (Майер) Лански (Meyer Lansky, первоначальная фамилия Сухомлянский, 1902–1983 годы) – уроженец города Гродно, бухгалтер мафии, один из лидеров американской организованной преступности, сыграл важную роль в создании «Национального преступного синдиката» (National Crime Syndicate) в США, на протяжении десятилетий считался одним из самых влиятельных людей в стране.

104

Желтая собака (yellow dog, *сленг.*) – подлый человек, трус, презренная личность.

105

Гарри Стивен Килер (Harry Stephen Keeler, 1890–1967 годы) – малоизвестный американский писатель, автор ряда мистических и научно-фантастических произведений.

106

Habeas corpus (*юр.*) – доставка задержанного лица в суд с доказательствами законности задержания.

107

Уильям Пенн Эдер Уилл Роджерс (William Will Penn Adair Rogers, 1879–1935 годы) – американский комик, актер и журналист, был очень популярен в американском обществе.

108

Чарльз Эдвард Мерриам, младший (1874–1953 годы) – профессор политологии Чикагского университета, основоположник поведенческого подхода в теоретической политике, советник нескольких президентов США.

109

Джейн Аддамс (Jane Addams, 1869–1935 годы) – американская женщина-социолог и философ, лауреат Нобелевской премии мира (1931 год), президент Международной женской лиги за мир и свободу (1919–1929 годы).

110

Гарольд ЛеКлер Айкс (Harold LeClair Ickes, 1874–1952 годы) – американский политический деятель, министр внутренних дел США при Франклине Рузвельте и Гарри Трумэне (1933–1946 годы).

111

Элмер Дэвис (Pundit Elmer Davis, 1890–1958 годы) – писатель, журналист, директор Военно-информационного агентства США во время Второй мировой войны.

112

После окончания первого срока пребывания на посту мэра Чикаго (1915–1923 годы) Уильям Томпсон был назначен председателем Комиссии водных путей штата Иллинойс.

113

Франческо де Пинедо (Francesco de Pinedo, 1890–1933 годы) – итальянский летчик, первый в мире был награжден золотой авиационной медалью Международной федерации аэронавтики (ФАИ); погиб при попытке осуществления перелета Нью-Йорк – Багдад.

114

Чарльз Огастес Линдберг (Charles Augustus Lindbergh Jr, 1902–1974 годы) – американский летчик, первым перелетел Атлантический океан (20–21 мая 1927 года по маршруту Нью-Йорк – Париж).

115

Сатурналии – веселое празднество, разгул.

116

Фэтс Уоллер (Thomas Wright Waller, 1904–1943 годы) – американский джазмен-пианист, органист, композитор и артист эстрады. Сочинял музыку в жанрах свинг и страйд.

117

Уильям Харрисон Демпси (William Harrison Dempsey, 1895–1983 годы), более известный как Джек Демпси (Jack Dempsey) – американский профессиональный боксер, киноактер, чемпион мира в супертяжелом весе.

118

Джин Танни (James Joseph Tunney, 1897–1978 годы) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

119

Джозеф Эбботт А. Ж. Либлинг (A. J. Liebling, 1904–1963 годы) – американский журналист, тесно связанный с еженедельником The New Yorker с 1935 года.

120

Николас Андреас Грек Дандолос (Hick the Greek, 1883–1966 годы) – профессиональный игрок в покер и ипподромный тотализатор, был известен выигрышами и потерями больших денежных сумм. Активно занимался благотворительной деятельностью, член Зала покерной славы.

121

Кедди – помощник игрока в гольфе, в чьи обязанности входит перенос спортивного инвентаря и помощь советами.

122

Милтон Мессироу (Милтон Mezz Mezzrow, 1899–1972 годы), – американский джазовый кларнетист и саксофонист, известный организацией и финансированием исторических записей с Томми Ладнье и Сиднеем Беше. Некоторое время был менеджером Луи Армстронга.

123

Джузеппе Джо (Джозеф) Айелло (Giuseppe Joe Aiello, 1891–1930 годы) – чикагский бутлегер и лидер организованной преступности в период сухого закона. Известен долгой и кровавой враждой с Аль Капоне; после смерти Chicago Tribune назвала его «самым крутым гангстером Чикаго и одним из самых сложных в масштабах страны».

124

Джек Пулеметчик МакГурн, урожденный Винченцо Антонио Гибальдт (Jack Machine Gun McGurn, 1902–1936 годы), боксер-неудачник, американский гангстер, одна из ключевых фигур банды Аль Капоне.

125

Намек на фразу «…I was lookingat an elegant young roughneck…» (я выглядел, как элегантный молодой грубиян) из третьей главы романа «Великий Гэтсби».

126

Джон Калвин Кулидж-мл. (John Calvin Coolidge Jr., 1872–1933 годы) – 30-й президент США (1923–1929 годы), от Республиканской партии. Будучи избранным в 1924 году, Кулидж отказался баллотироваться в 1928 году, уступив право Гуверу.

127

Biltmore – отель класса люкс в центре Лос-Анджелеса.

128

В данном случае имеется в виду Санта-Фе – город на юге США, административный центр штата Нью-Мексико.

129

Расстояние между Джолиетом и Чикаго шестьдесят четыре километра.

130

Джесси Вудсон Джеймс (Jesse Woodson James, 1847–1882 годы) – известный американский преступник XIX века, нередко изображаемый в литературе как своего рода Робин Гуд Дикого Запада, грабивший богатых южан в пользу бедных. Согласно другой точке зрения, такие оценки не соответствуют действительности, а подвиги Джесси Джеймса обогатили только его и банду.

131

Чикаго-Хайтс – город в округе Кук к югу от Чикаго.

Отсутствие единой вертикали, пронизывающей всю структуру американской юстиции, объясняется историческими предпосылками, повлиявшими на формирование юридической системы каждого штата.

133

«Ротари» (Rotary International) – международная неправительственная ассоциация, объединяющая Ротари-клубы по всему миру, созданная в 1905 году адвокатом Полом Харрисом. Согласно уставу ассоциации, основной целью является объединение профессионалов и бизнесменов для осуществления гуманитарных проектов, развития высоких этических стандартов в профессиональной сфере и помощи в установлении мира и доброй воли на всей планете.

134

Фрэнк Лесли Смит (Frank L. Smith, 1867–1950 годы) – член палаты представителей США от Иллинойса (1919–1921 годы). После второй попытки стать избранным сенатором (1927, 1928 годы) подал в отставку.

135

Чарльз Сэмюэл Денин (Charles S. Deneen, 1863–1940 годы) – член палаты представителей, губернатор (1905–1913 годы), сенатор (1925–1931 годы) – все от штата Иллинойс.

136

Ручная граната «Лимонка» – англ. Pineapple, ананас, «ананаска». «Ананасовые праймериз» – сленговое название первичных выборов в Иллинойсе 10 апреля 1928 года. Начало кампании ознаменовалось многочисленными актами насилия, в основном в Чикаго. За полгода, предшествовавших первичным выборам, в городе произошло шестьдесят два взрыва, два политика были убиты.

137

Стивен Гровер Кливленд (Stephen Grover Cleveland, 1837–1908 годы) – 22-й президент США, единственный президент от Демократической партии в период 1860–1912 годов.

138

Фрэнк Джозеф Леш (Frank J. Loesch, 1852–1944 годы) – видный чикагский адвокат, реформатор и основатель Чикагской комиссии по борьбе с преступностью, активный борец против альянсов между преступностью и политикой.

139

Юнион Стейшн – крупный железнодорожный вокзал, открытый в 1925 году в Чикаго, заменивший прежний вокзал, построенный в 1881 году.

140

БРАТЬЯ, из уважения к Богу, в которого вы верите, ради чести Родины и человечества, МОЛИТЕСЬ, дабы Он прекратил недостойное истребление друг друга, позорящее итальянское имя перед миром (*ит.*).

141

Detroit’s Purple Gang (Красная банда) – сленговое название еврейской гангстерской группировки, стоящей во главе криминального мира Детройта в 1920–1930 годах.

142

Температурные значения даны по шкале Фаренгейта (приблизительно – 8, – 11 и – 3 по Цельсию соответственно).

143

Разница между Чикаго (Центральное время, CTS) и Флоридой (Восточное время, EST) составляет один час.

144

Трихология – наука о волосах и волосистой части кожи головы, разрабатывает теоретические и практические методики лечения волос и подволосной кожи.

145

Кет-Кэй (Cat Key) – дословно «Кошачий ключ».

146

Джеймс Томас Хефлин (J. Thomas Heflin, 1869–1951 годы) – американский политик-демократ, сенатор США от штата Алабама (1920–1931годы).

147

Хауэлл Томас Хефлин (Howell Heflin, 1921–2005 годы) – американский политик-демократ, сенатор США от штата Алабама (1979–1997 годы), племянник Дж. Т. Хефлина.

148

Конкордат – договор между папой римским, как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве. В данном случае имеется в виду Латеранское соглашение, подписанное 11 февраля 1929 года Пьетро Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини, действовавшим от имени короля Виктора Эммануила III.

149

Джек Шарки (Jack Sharkey, (лит.) Joseph Paul Zukauskas, 1902–1994 годы) – американский боксер-профессионал литовского происхождения, чемпион мира в супертяжелом весе.

150

Уильям Лоуренс Стриблинг-младший (1904–1933 годы) – американский профессиональный боксер в супертяжелом дивизионе, погиб в автокатастрофе.

151

Эдлай Эвинг Стивенсон (Adlai Ewing Stevenson, 1900–1965 годы) – видный политический деятель США, представитель либерального крыла Демократической партии, пятый посол США в Организации Объединенных Наций (1961–1965 годы).

152

Эдвард Джексон Брундаж (Edward J. Brundage, 1869–1934 годы) – американский адвокат и политик, генеральный прокурор штата Иллинойс (1917–1925 годы), покончил жизнь самоубийством.

153

Colgate-Palmolive Company – международная компания, производящая мыло, средства для гигиены рта, зубные пасты и щетки, корма для домашних животных и бытовую химию, основана в 1806 году.

154

Уолтер Бернс (Walter Burns, 1866–1932) – американский писатель, журналист, литературный критик и криминал-репортер.

155

Калумет-Сити – город в округе Кук, граничит с севером Чикаго.

156

IRS (Internal Revenue Service) – Налоговая служба (управление) США, государственный орган Федерального правительства, занимается сбором налогов и контролирует соблюдение законодательства о налогообложении.

157

Пятая поправка к Конституции США (ратифицирована в 1791 году) – часть Билля о правах, устанавливающая, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство, не должно привлекаться к ответственности дважды за одно и то же нарушение и нельзя принуждать свидетельствовать против себя.

158

Джозеф Прыгающая жаба Джунта (Joseph Guinta, 1887–1929 годы) – итало-американский гангстер, родившийся в Сисеро, безуспешно пытался противодействовать Аль Капоне, вступив в сговор с Джоном Скализом и Альбертом Ансельми.

159

Камден – город на восточном побережье (Нью-Джерси), в десяти км восточнее Филадельфии (штат Пенсильвания).

160

Город братской любви – прозвище города Филадельфии (штат Пенсильвания).

161

Уиллард Мак (Willard Mack, 1873–1934 годы) – американский актер, режиссер и драматург.

162

Фред Уоринг (Fred Waring, 1900–1984 годы) – американский музыкант, лидер группы, радио- и телеведущий.

163

Альфред Э. Смит (Alfred Emanuel Al Smith, 1873–1944 год) – государственный деятель США, губернатор штата Нью-Йорк (1919–1920 годы и 1923–1928 годы), кандидат в президенты США от Демократической партии в 1928 году, потерпел крупное поражение от республиканца Герберта Гувера, занимавшего пост министра торговли в период 1921–1928 годов.

164

Гувербол (Hooverball) – игра в утяжеленный набивной мяч (весом около 2,7 кг), напоминающая волейбол; была придумана личным врачом президента Гувера Джоэлем Т. Буном для поддержания физической формы.

165

Кабинет набивного мяча (Medicine Ball Cabinet) – шутливое прозвище, данное кабинету министров и советникам президента Гувера, вследствие привычки президента решать некоторые вопросы, играя в «Гувербол» вместе с чиновниками администрации на территории Белого дома.

166

Джеймс Кэш Пенни-младший (J. C. Penney Jr, 1875–1971 годы) – американский бизнесмен, основатель империи розничной торговли J. C. Penney Company, Inc.

167

Мировая серия (World Series) – решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола.

168

В фильме «Неприкасаемые» (The Untouchables) 1987 года Фрэнка Нитти сыграл характерный актер Билли Драго, прославившийся исполнением ролей преступников, маньяков и убийц.

169

Гаррисберг – столица штата Пенсильвания.

170

Халстед Л. Риттер (Halsted L. Ritter, 1868–1951 годы) – американский адвокат и окружной судья Южного округа Флориды, подвергнут импичменту в 1936 году.

171

Black Hills – горный хребет в Южной Дакоте.

172

Американская ассоциация юристов American Bar Association – национальное объединение юристов США. Среди основных целей организация декларирует выработку нормативов юридического образования для профильных вузов и разработку этических стандартов для юристов различных специализаций.

173

Уорнер Оланд (Warner Oland; 1879–1938 годы) – американский актер шведского происхождения, наиболеее известный по роли детектива Чарли Чена; Джин Артур (Gladys Georgianna Greene, 1900–1991 годы) – одна из ведущих комедийных актрис в 1930–1940 годах.

Musicale (*um.*) – музыкальный вечер.

175

Название законодательного органа в ряде штатов США.

176

Знаковые сражения Первой мировой войны на севере Франции в 1918 году, в ходе которых были нанесены значительные поражения германской армии.

177

Авраам Линкольн (честный Эйб, 1809–1865 годы) – американский государственный деятель, 16-й президент США, первый от Республиканской партии, освободитель американских рабов, национальный герой американского народа.

178

Говард Браун (Howard Browne, 1908–1999 годы) – американский писатель, автор фантастических и мистических романов, редактор и сценарист; «Свиной город» (Pork City) – роман Г. Брауна 1988 года.

179

Хомстед – поселение в округе Флоренция, Делафилд – город в округе Уокеш (оба – штат Висконсин).

180

Роланд Виктор Либонати (Roland V. Libonati, 1900–1991 годы) – американский политик, член палаты представителей Иллинойса (1930–1934 годы, 1940–1942 годы), член Сената штата Иллинойс (1942–1947 годы), член палаты представителей штата (1957–1965 годы).

181

Illinois Central Station – главный пассажирский вокзал и грузовая станция Чикаго.

182

«Дочери Нила» (Daughters of the Nile) – международная религиозная социальная и благотворительная организация, существующая с 1913 года.

183

Элджин – город, территориально входящий в округа Кук и Кейн, в 56 км к северо-западу от Чикаго.

184

Жюль Стайн, ур. Юлий Кервин Штейн (Jule Styne, 1905–1994 годы) – автор песен и композитор, известный по серии бродвейских мюзиклов, входит в Зал славы авторов песен и Зал театральный славы.

185

Гарри Ричман (ур. Генри Райхман-младший, Harry Richman, 1895–1972 годы) – американский певец, актер, танцор, комик, руководитель оркестра и ночного клуба, был популярен в 1920–1930 годах.

186

George White’s Scandals – ряд бродвейских комедийных ревю, продюсируемых Джорджем Уайтом на протяжении 1919–1939 годов.

187

Джордж Джессель (George Jessel, 1898–1981 годы) – американский комедийный актер, певец, автор песен и продюсер.

188

Эдди Кантор (ур. Эдвард Израиль Ицкович, Eddie Cantor, 1892–1964 годы) – американский комик, танцор, певец, актер и композитор, лауреат премии Оскар 1956 года за выдающиеся заслуги в киноиндустрии.

189

Этель Бэрримор (Ethel Barrymore, 1879–1959 годы) – американская актриса, член актерской династии Бэрриморов, лауреат премии Оскар 1945 года за лучшую женскую роль второго плана в фильме «Только одинокое сердце».

190

«Царство Божье» (Kingdom of God) – первая театральная постановка нью-йоркского Театра Этель Бэрримор в 1928 году.

191

Джо Э. Льюис (ур. Иосиф Клевен, 1902–1971 годы) – американский комик, актер и певец, друг Фрэнка Синатры.

192

Бен Хехт (Ben Hecht; 1894–1964) – один из самых успешных и востребованных сценаристов Голливуда (автор сценариев к фильмам «Унесенные ветром», «Грозовой перевал», «Казино «Рояль»), первый сценарист, удостоенный премии Оскар.

193

Showmanship – умение произвести эффект при организации публичных зрелищ путем манипуляции зрительским сознанием.

194

Пол Муни (ур. Мешилем Мейер Вайзенфройнд, Paul Muni, 1895–1967 годы) – американский актер театра и кино, лауреат премии Оскар за лучшую мужскую роль в фильме «Повесть о Луи Пастере».

195

Клара Гордон Боу (Clara Bow, 1905–1965 годы) – американская актриса, получившая мировую известность после фильма «Это» (It) 1927 года.

196

Девушка «Это» – прозвище Клары Боу.

197

Черный ирландец (Black Irish) – термин, применяющийся для людей ирландского происхождения, с темно-коричневыми или черными волосами, которые отличаются от рыжеволосого стереотипа. Термин не имеет негативной коннотации и только описывает внешность.

198

Тайная шестерка (Secret Six) – бизнес-сообщество из шести влиятельных чикагских олигархов, действовавших против Аль Капоне (название придумано журналистом Chicago Tribune Дж. Доэрти).

199

Balaban and Katz Theater Corporation – корпорация (1916–1971 годы), которой принадлежала сеть кинематографических театров, основанная чикагским шоуменом А. Балабаном и его сводным братом С. Кацем.

200

40 градусов по Цельсию.

201

The Sidewalks of New York – «Тротуары Нью-Йорка», популярная песня, написанная в 1894 году водевильным актером и певцом Чарльзом Б. Лолором, хит, часто считающийся темой Нью-Йорка.

202

Роберт Джеймс Фитцсиммонс (Robert James Fitzsimmons, 1863–1917) – первый британский боксер – чемпион в супертяжелом весе.

203

Корнелиус Вандербильт-младший (Cornelius Vanderbilt, Jr., 1898–1974 годы) – известный американский газетный издатель, журналист и писатель, сотрудник «Нью-Йорк геральд» и позже «Нью-Йорк таймс», автор и создатель антинацистского документального фильма «Гитлеровский террор» (1934 год).

204

Дуайт Грин (Dwight H. Green, 1897–1958) – американский политик-республиканец, 30-й губернатор штата Иллинойс (1941–1949 годы).

205

Бостонское чаепитие (Boston Tea Party) – акция протеста американских колонистов в 1773 году в ответ на действия британского правительства, когда парламент непосредственно обложил налогом колонии с целью повышения доходов, одна из предпосылок Американской революции.

206

Намек на классический английский анекдот о продавце и «счастливом» блюдце, с помощью которого он продал тридцать четыре кошки.

207

День Колумба (или День открытия) – праздник, отмечаемый в ряде штатов США в ознаменование первой высадки Колумба на Багамы в 1492 году, отмечается 12 октября.

208

Кентукки Дерби – соревнования трехлетних чистопородных скаковых лошадей в первую субботу мая; проводятся в Луисвилле с 1875 года.

209

«Маленький Цезарь» (Little Caesar) – первый звуковой гангстерский фильм в истории, поставленный Мервином Лероем по одноименному роману У. Р. Бернетта.

210

Марк Порций Катон-старший (Marcus Porcius Cato, 234–149 г. до н. э.) – древнеримский политик и писатель, новатор римской литературы, известный высказыванием «Карфаген должен быть разрушен».

211

Глэдис Беатрис Лилли (Beatrice Gladys Lillie, 1894–1989) – британская певица и комедийная актриса театра и кино.

212

Morton Grove – поселок городского типа (в 1930 году – деревня) в округе Кук, Иллинойс.

213

The World Is Waiting for the Sunrise (Мир ждет восхода солнца) – популярная лирическая баллада композитора и пианиста Эрнеста Зейца, впервые прозвучала в 1919 году.

214

В период 1930–1934 годов официальным президентом Unione был марионеточный ставленник Капоне Агостино Ловердо, практически не игравшей никакой роли в Союзе. Фил Д'Андреа занимал эту должность с 1934 по 1941 год.

215

Датч Голландец Шульц (Dutch Schultz, настоящее имя Артур Флегенхеймер, 1902–1935 годы) – американский гангстер немецко-еврейского происхождения. На совещании лидеров мафии Голландец предложил убрать прокурора Нью-Йорка Томаса Дьюи (будущего губернатора штата Нью-Йорк), однако Лучано, опасаясь, что это убийство вызовет разгром всей организации, подготовил убийство самого Шульца.

216

Джон Эдгар Гувер (John Edgar Hoover, 1895–1972 годы) – американский государственный деятель и первый директор Федерального бюро расследований США (1924–1972 годы).

217

Приблизительно 11 ˚C.

Фолсом (Folsom State Prison), Сан Квентин (San Quentin) – государственные тюрьмы в штате Калифорния.

219

Federal Bureau of Prisons – Федеральное бюро тюрем США, правоохранительный орган под управлением Минюста, отвечающий за федеральную систему тюрем.

220

Мандола (мандора, пандурина или бандурина) – итальянский струнный щипковый музыкальный инструмент, разработанный в процессе изготовления лютни, как более компактный и экономный в создании.

221

Ширли Темпл (Shirley Temple, 1928–2014 годы) – американская актриса, известная детскими ролями, затем – политик, посол США в Гане (1974–1976 годы) и Чехословакии (1989–1992 годы). К 1938 году снялась более чем в двадцати фильмах.

222

Итальяшка со шваброй – игра слов от англ. The wop with the mop.

223

San Francisco General – Государственная больница общего профиля в Сан-Франциско в ведении городского Департамента общественного здравоохранения.

Фраза произносится «truly rural».

225

Трипасамид (Трипарсам) – лекарственный препарат, применяющийся для лечения трипаносомоза (сонной болезни), высокоэффективное средство борьбы с микроорганизмами.

226

MedStar Union Memorial Hospital – некоммерческая клиническая больница в северо-центральной части Балтимора, штат Мэриленд.

227

41.7 °C.

228

Херардо Мачадо-и-Моралес (Gerardo Machado y Morales, 1871–1939 годы) – президент Кубы (1925–1933 годы), проводивший проамериканскую политику. После свержения бежал в США, где не получил политической поддержки.

229

Нотр-Дам-дю-лак (University of Notre Dame) – частный некоммерческий католический университет широкого профиля в сообществе Нотр-Дам, штат Индиана.

230

Моисей Луи Анненберг (Moses Annenberg, 1877–1942 годы) – американский газетный издатель, владелец входящей в тройку старейших газетных брендов США Philadelphia Inquirer, приговоренный к трем годам тюрьмы за уклонение от уплаты налогов (1940–1942 годы).

231

Бренды жевательной резинки и освежающих таблеток.

232

Около –15.5 °C.

233

Антонио Джозеф (Леонардо) Аккардо (Anthony Tony Joseph Accardo, 1906–1992 годы) – американский гангстер, ставший преемником Капоне в 1947 году.

234

Христианский молитвенный жанр, выражающий скорбь за содеянные грехи. Используется в литургической службе или в частном порядке, характеризуется специальными формулировками в англиканской, католической лютеранской, методистской и реформаторской конфессиях.

235

Роджер Туи (Roger Touhy, 1898–1959 годы) – глава гангстерской группировки ирландского происхождения, провел в заключении двадцать шесть лет по обвинению в похищении (1933–1959 годы), был убит в Чикаго меньше чем через месяц после освобождения.

236

Уильям Джек Трехпалый Уайт (Three-Finger Jack White, 1900–1934 годы) – американский гангстер, один из первых и самых уважаемых боевиков Джонни Торрио и Аль Капоне, вошедший в список врагов общества.

237

Джозеф Джон Айуппа (Joseph John Aiuppa, 1907–1997 годы) – американский гангстер, возглавивший Чикагский синдикат в 1971 году, был приговорен в 1986 году в возрасте семидесяти восьми лет к двадцати восьми годам за скиминг (незаконную передачу средств из казино посторонним лицам с целью уклонения от уплаты налогов), однако в 1996 году его отпустили на свободу.

238

Медаль Почета (Medal of Honor) – высшая военная награда США за выдающуюся храбрость и отвагу.

239

Национальный реестр исторических мест США (National Register of Historic Places) – официальный перечень памятников истории под эгидой правительства США, куда вносятся отдельные исторические здания, целые исторические районы и другие объекты.

240

Перечисляются фильмы «Аль Капоне» (Al Capone, 1959), «Капоне» (Capone, 1975) и «Резня в день Святого Валентина» (The St. Valentine's Day Massacre, 1967).

241

Villanova College – частный университет в северо-западном пригороде Филадельфии, старейший католический университет штата Пенсильвания.

242

Дезидерио Альберто Арназ (Desiderio Alberto Arnaz y de Acha III, 1917–1986) – кубинско-американский актер, музыкант и телепродюсер, один из исполнительных продюсеров телесериала «Неприкасаемые (1959 год).

243

Мэй Джозефина Кафлин (Капоне) скончалась в 1986 году в восемьдесят девять лет.

244

Кэтрин Элизабет Фуллертон Джероулд (Katharine Elizabeth Fullerton Gerouldrin, 1879–1944 годы) – выдающаяся американская писательница и эссеистка.

245

Джон Герберт Диллинджер (Lester Joseph Gillis, 1903–1934 годы) – американский гангстер, ограбивший двадцать четыре банка и совершивший нападение на четыре полицейских участка (убит при оказании сопротивления полиции); Артур Баркер (Arthur R. Barker, 1899–1939 годы) – американский гангстер, специализирующийся на ограблении банков и похищениях с целью выкупа (убит при попытке побега из заключения); Лестер Малыш Нельсон Джозеф Гиллис (Lester Joseph Gillis; 1908–1934 годы) – грабитель банков, обвиняемый в совершении множества убийств (смертельно ранен во время полицейской погони); Вергилий Гомер Ван Метр (Homer Virgil Van Meter, 1905–1934 годы) – американский гангстер, грабитель банков (убит при оказании сопротивления полиции).